ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

СБОРНИКЪ

Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Томъ 16-й.

ТРУДЫ

ХАЛЬКОВСКОЙ КОММИССІИ

ПО УСТРОЙСТВУ

XII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

въ г. Екатеринославѣ.

Изданы подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина.

ч. I-я.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., № 5-й
1905.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1951

1957

1962 г.

1965 г.

Печатать разрѣшается на основаніи § 37 Устава Историко-Филологическо Общества
Предсѣдатель Проф. *И. Сусовъ.*

1950 г. БИБЛИОТЕКА ГИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы А 3093

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. Отчетъ о дѣятельности Харьковской Коммиссіи по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ I
2. Протоколы засѣданій Харьковской Коммиссіи V
3. *Е. К. Рѣдинъ*, Графиня П. С. Уварова, (Къ двадцатилѣтію ея предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ). 1
4. *Е. А. Альвскій*, Валки, украинный городъ Московскаго государства . 9
5. *Н. Бѣлявскій*, Матеріалы къ исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ Московскаго государства. Государевы арбузные огороды и виноградники въ г. Чугуевѣ. 54
6. *А. С. Лебедевъ*, Къ вопросу о землевладѣніи и торговыхъ промыслахъ духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ. 106
7. *П. П. Юденко*, Справка, извлеченная изъ дѣлъ Харьковскаго историческаго архива по исторіи малороссійскихъ казаковъ. 112
8. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, Изъ украинской старины. 130
9. » » 1. Къ исторіи украинской иконописи 131
10. » » 2. Бытовая старина „въ Энеидѣ“ И. П. Котляревскаго . 142
11. » » 3. Просвѣтительная дѣятельность А. А. Палицына . 164
12. » » 4. Г. Ѳ. Квитка, какъ этнографъ 182
13. » » 5. Главные мотивы поэзіи Т. Г. Шевченка. 210
14. » » 6. „Сонце заходыть“ Т. Г. Шевченка (въ бытовой и литературной обстановкѣ) 225
15. » » 7. Рисунки и картины Т. Г. Шевченка 234
16. » » 8. И. И. Манжура, какъ поэтъ и этнографъ 242
17. » » 9. Суботы св. Дмытра. 262
18. » » 10. Современное изученіе кобзарства 271
19. *П. В. Ивановъ*, Дни недѣли 276
20. *А. В. Ветуховъ*, Изъ этнографическихъ рукописныхъ матеріаловъ предварительнаго Комитета XII арх. съѣзда 292
21. *Е. Машуковъ*, Образъ плачущаго Спасителя въ Екатеринославскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ 299
22. *В. А. Городцовъ*, Краткія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., въ 1903 г. . 302
23. *В. Е. Данилевичъ*, Стоянка и мастерская около сл. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губ. 314
24. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, Духовныя сочиненія Николая Флавицкаго 322
25. » » Бесѣда неизвѣстнаго южно-русскаго священника 1823 года. 327

стр.

26. *В. А. Бабенко*, Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи 337
27. *В. И. Срезневскій*, Малорусская ода 1807 года. 349
28. *В. А. Бабенко*, Волчанское городище (Опытъ изслѣдованія его въ 1903 году) 353
29. *Д. И. Багалѣй*, Къ исторіи Харьковской литературы 358
30. » » Матеріалы для біографіи гр. А. С. Уварова . . . 370
31. *В. Е. Данилевичъ*, Замѣтки по археологіи и нумизматикѣ 375
32. *Д. И. Багалѣй*, Матеріалы для исторіи г. Харькова въ VII вѣкѣ . 396
33. *В. И. Срезневскій*, Климовскій—Климовъ, „казакъ стихотворецъ“ и два его сочиненія 509
34. *В. А. Бабенко*, Раскопки катакомбнаго могильника въ Верхнемъ-Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губ. 547
35. » » Дневники раскопокъ Верхне-Салтовскаго могильника . 553
36. *Ю. И. Морозовъ*, Замѣтки и матеріалы по археологіи 578
37. *В. Е. Данилевичъ*, Матеріалы къ нумизмитической библіографіи . . 590
38. *Е. К. Рѣдинъ*, Памяти отца Василія Спѣсивцева. 605
39. *В. Машуковъ*, Матеріалы къ изученію церковной старины Украйны . 612
40. *Е. К. Рѣдинъ*, Матеріалы къ изученію церковныхъ древностей Украйны. Церкви города Харькова. 673
41. *М. Г. Халанскій*, Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій 737
42. Указатели собственныхъ именъ. 763
43. » предметовъ. 778

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XIII археологическому
съѣзду

ПОСВЯЩАЕТЪ

Харьковское Историко-
филологическое Общество.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Харьковской Коммиссіи по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, состоящей при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ.

(1903—1905 г.).

Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, согласно предложенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, образовало изъ числа своихъ членовъ Коммиссію по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда. Въ составъ Коммиссіи вошли: Н. И. Алякритскій, В. П. Бузескулъ, Д. И. Багалѣй, В. Е. Данилевичъ, Е. М. Ивановъ, А. П. Кадлубовскій, А. Н. Красновъ, А. С. Лебедевъ, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, А. М. Покровскій, М. А. Поповъ, Е. К. Рѣдинъ, В. И. Савва, С. В. Соловьевъ, Е. П. Трифильевъ, М. Г. Халанскій. Кромѣ того Коммиссіи помогали своими трудами иногородніе члены: Е. А. Альбовскій, В. А. Бабенко, Н. Бѣлявскій, В. А. Городцовъ, П. В. Ивановъ, П. П. Короленко, В. Машуковъ, В. И. Срезневскій, г.г. Воронецъ и Ефименко. Предсѣдателемъ Коммиссіи состоялъ предсѣдатель Историко-филологическаго Общества Н. Ѳ. Сумцовъ, секретаремъ Е. К. Рѣдинъ и товарищемъ секретаря В. Е. Данилевичъ.

Дѣятельность Коммиссіи состояла: а) въ выработкѣ плана археологическихъ раскопокъ, б) въ устройствѣ этихъ раскопокъ, в) въ подготовкѣ предметовъ, добытыхъ изъ раскопокъ для выставки при съѣздѣ, г) въ извлеченіи изъ матеріаловъ, собранныхъ Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ по устройству XII археологическаго съѣзда — по различнымъ отдѣламъ—такихъ, которые полезны для изданія ихъ, д) въ подготовкѣ научныхъ изслѣдованій по археологіи и этнографіи мѣстностей, подлежащихъ изученію съѣзда для изданія ихъ въ «Трудахъ Коммиссіи».

Планъ археологическихъ раскопокъ былъ развитъ членомъ Коммиссіи Д. И. Багалѣемъ еще въ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета въ Мо-

сквѣ въ январѣ 1903 г. [1]); онъ-же обсуждался въ засѣданіяхъ Комиссіи—примѣнительно къ ея спеціальнымъ задачамъ. Такимъ образомъ, кромѣ раскопокъ въ области войска Донскаго, въ Екатеринославской губ., спеціально въ Харьковской губ. памѣчались археологическія изслѣдованія, раскопки: 1) въ Верхнемъ Салтовѣ Волчанскаго уѣзда--продолженіе изслѣдованія могильника, давшаго уже столь богатый и важный матеріалъ при работахъ для XII археологическаго съѣзда, 2) обслѣдованіе Салтовскаго городища и Волчанскаго, 3) дослѣдованіе Донецкаго, 4) изслѣдованіе Хорошевскаго, 5) производство раскопокъ: въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, Духовскаго, Любарскаго (около с. Дергачей), въ Лебединскомъ уѣздѣ, въ Купянскомъ.

Кромѣ того предположено было изученіе народныхъ говоровъ Харьковской губ. и архивовъ. Производство нѣкоторыхъ изслѣдованій и раскопокъ—въ виду недостатка въ денежныхъ средствахъ не состоялось: обслѣдованіе городищъ Салтовскаго, Донецкаго, Хорошевскаго, раскопокъ въ Лебединскомъ и Купянскомъ уѣздахъ, а равно не состоялась экскурсія по изученію говоровъ и архивовъ.

Членами Коммиссіи совершены раскопки въ 1903 г.: Д. И. Багалѣемъ, В. Е. Данилевичемъ и г. Воронцомъ въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко 2) Е. П. Трифильевымъ, Е. М. Ивановымъ, Е. К. Рѣдинымъ и г.г. Воронцомъ и Ефименко—въ имѣніи г. Любарскаго около с. Дергачей, 3) В. А. Бабенко—въ Верхнемъ Салтовѣ могильникъ и обслѣдованіе Волчанскаго городища; въ 1904 г.—4) Е. П. Трифильевымъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ., 5) Е. М. Ивановымъ въ имѣніи Духовскаго и 6) В. А. Бабенко въ Верхнемъ Салтовѣ. Кромѣ этого В. Е. Данилевичемъ были совершены раскопки въ имѣніи г. Алчевскаго въ Крыму, давшія цѣнные результаты.

Всѣ древности, добытыя изъ различныхъ вышеуказанныхъ раскопокъ—приводились въ порядокъ и, согласно постановленію Коммиссіи, будутъ на выставкѣ XIII археологическаго съѣзда. Кромѣ того для выставки съѣзда Коммиссія ходатайствуетъ предъ Правленіемъ Императорскаго Харьковскаго Университета о высылкѣ изъ университетскаго архива дѣлъ, касающихся визитаціи профессоровъ училищъ Екатеринославской губ.; а изъ историческаго архива Общества будетъ выслано нѣсколько рукописей.

Члены коммиссіи М. Г. Халанскій и А. В. Ветуховъ занимались извлеченіемъ изъ матеріаловъ, собранныхъ Харьковскомъ Предварительнымъ Комитетомъ по устройству XII археологическаго съѣзда—по отдѣлу народ-

[1]) Правила Тринадцатаго Археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ въ 1905 г. и протоколъ засѣданій 4—6 января 1903 г. Москва. 1903, 23—24.

наго поэтическаго творчества и этнографіи—полезнаго для изданія; цѣнный матеріалъ по народному поэтическому творчеству и рядъ статей по изслѣдованію того-же матеріала—проредактированъ былъ М. Г. Халанскимъ, и напечатаніе его въ «Трудахъ» Коммиссіи не могло состояться лишь въ виду недостатка въ денежныхъ средствахъ; извлеченный А. В. Ветуховымъ матеріалъ—напечатанъ въ «Трудахъ» въ статьѣ «Изъ этнографическихъ рукописныхъ матеріаловъ Предварительнаго Комитета XII археологическаго съѣзда».

Коммиссія для издаваемаго Историко-филологическимъ Обществомъ и посвящаемаго XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ тома «Трудовъ» ея собирала научныя изслѣдованія и матеріалы, касающіяся исторіи, археологіи, литературы и этнографіи края, подлежащаго изученію съѣзда.

Въ издаваемый томъ «Трудовъ» вошли статьи: *А) по исторіи края*: *Е. Альбовскаго*, Валки, украинный городъ московскаго государства (9—53), *Н. Бѣлявскаго*, Матеріалы по исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ московскаго государства. Государевы арбузные огороды и виноградники въ Чугуевѣ (54—105), А, *С. Лебедева*, Землевладѣніе и торговые промыслы духовенства Бѣлогородской епархіи въ XVIII вѣкѣ (106—111), *И. И. Короленко*, Справки, извлеченныя изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива по исторіи малороссійскихъ казаковъ (112—129), *Д. И. Багалѣя*, Матеріалы для исторіи г. Харькова въ XVII вѣкѣ (396—507).

Б) *По археологіи*: *Н. Ѳ. Сумцова*, Къ исторіи украинской иконописи (131—140), *В. Машукова*, Образъ «плачущаго Спасителя» въ Екатеринославскомъ каоедральномъ Преображенскомъ соборѣ (299—301), *В. А. Городцова*, Краткія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ. въ 1903 г. (302—313), *В. Е. Данилевича*, Стоянка и мастерская около сл. Хухры Ахтырскаго уѣзда Харьковской губ. (314—321), *В. А. Бабенко*, Волчанское городище (353—357), *В. Е. Данилевича*, Замѣтки по археологіи и нумизматикѣ (375—395), *В. А. Бабенко*, Раскопки катакомбнаго могильника въ Верхнемъ Салтовѣ Волчанскаго уѣзда Харьковской губ. (547—577), *Ю. И. Морозова*, Замѣтки и матеріалы по археологіи (578—589), *В. Е. Данилевича*, Матеріалы къ нумизматической библіографіи (590—604), *Е. К. Рѣдина*, Памяти отца Василія Спѣсивцева (605—611), *В. Машукова*, Матеріалы къ изученію церковной старины Украйны (612—672), *Е. К. Рѣдина*, Матеріалы къ изученію церковныхъ древностей Украйны. Церкви города Харькова (673—736).

В) *По исторіи литературы и этнографіи: Н. Ѳ. Сумцова*, Изъ украинской старины (129, 142—275, 322—336), *В. И. Срезневскаго* Малорусская ода 1807 г. (349—352), *П. В. Иванова*, Дни недѣли (376—291), *А. В. Ветухова*, Изъ этнографическихъ рукописныхъ матеріаловъ Предварительнаго Комитета XII археологическаго съѣзда (292—298), *В. А. Бабенко*, Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губ. (337—347), *Д. И. Багалѣя*, Къ исторіи Харьковской литературы (358—369), *В. И. Срезневскаго*, Климовскій-Климовъ—«казакъ-стихотворецъ» и два его сочиненія (509—646), *М. Г. Халанскаго*, Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій (737—762).

Коммиссія очень рада внести наряду съ другими своими посильными предпріятіями и указанными статьями свою скромную лепту въ дѣло изученія отечественныхъ древностей, которому послужитъ съ честью и съ пользою предстоящій XIII археологическій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Харьковской Коммиссіи по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, состоящей при Харьковскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ.

1-е засѣданіе.

(25-го апрѣля 1903 г.).

Въ засѣданіи 25 апрѣля 1903 года подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ проф. Е. К. Рѣдинѣ и товарищѣ секретаря пр.-доц. В. Е. Данилевичѣ присутствовали г.г. члены Коммиссіи: проф. Д. И. Багалѣй, проф. М. А. Поповъ, проф. М. Г. Халанскій, пр.-доц. А. П. Кадлубовскій, Д. П. Миллеръ, Е. М. Ивановъ и пр.-доц. Е. П. Трифильевъ.

Засѣданіе началось съ выборовъ должностныхъ лицъ Коммиссіи: предсѣдателемъ избранъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, секретаремъ проф. Е. К. Рѣдинъ и товарищемъ секретаря—пр.-доц. В. Е. Данилевичъ.

Проф. М. Г. *Халанскій* отмѣтилъ, что одной изъ важнѣйшихъ задачъ современной науки о русскомъ языкѣ является изученіе мѣстныхъ говоровъ. Къ прошлому XII археологическому съѣзду онъ совершилъ нѣсколько экскурсій съ цѣлью изученія говоровъ Курской губерніи, и собранные имъ тогда обширные матеріалы печатаются въ настоящее время въ изданіяхъ Академіи Наукъ. Говоры Харьковской губерніи изучены еще въ слабой степени, и онъ желалъ бы совершить нѣсколько поѣздокъ по Харьковской губерніи къ предстоящему XIII археологическому съѣзду, чтобы собрать матеріалы о мѣстныхъ говорахъ.

Коммиссія вполнѣ присоединилась къ мнѣнію проф. М. Г. Халанскаго и постановила ходатайствовать передъ Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ объ отпускѣ средствъ на эту экспедицію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссія постановила передавать проф. Халанскому пѣсенные и

другіе матеріалы по народной словесности Харьковской губерніи, которые будутъ поступать на ея разсмотрѣніе, такъ какъ онъ выразилъ готовность заниматься изученіемъ и обработкой ихъ. Кромѣ того, проф. М. Г. Халанскій изъявилъ желаніе составлять описаніе старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, если таковыя будутъ поступать въ Коммиссію.

Проф. Е. К. *Рѣдинъ* сообщилъ, что въ бумагахъ бывшаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ осталось много весьма интересныхъ матеріаловъ, которые не могли быть использованы тогда надлежащимъ образомъ. Между этими матеріалами имѣется не мало такихъ, которые отличаются поэтическимъ характеромъ и собраны въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Краткій обзоръ матеріаловъ послѣдняго вида и былъ сдѣланъ докладчикомъ.

Проф. Д. И. Багалѣй предложилъ систематизировать матеріалы по народной словесности, имѣющіеся въ распоряженіи Историко-филологическаго Общества, и напечатать тѣ изъ нихъ, которые окажутся интересными.

Проф. Д. И. *Багалѣй* сообщилъ, что изъ рукописныхъ замѣтокъ покойнаго проф. Ю. И. Морозова имъ извлечено много матеріаловъ по археологіи Харьковской губерніи. Замѣтки покойнаго профессора имѣютъ выдающійся научный интересъ, а потому желательно было бы ихъ напечатать. Кромѣ того, опубликованіе этихъ замѣтокъ интересно и по той причинѣ, что многія древности, описанныя въ нихъ, въ настоящее время составляютъ собственность Музея искусствъ и древностей Харьковскаго университета. Затѣмъ проф. Багалѣй отмѣтилъ, что въ портфеляхъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества накопилось много интересныхъ въ научномъ отношеніи матеріаловъ по исторіи, археологіи и этнографіи, которые остаются ненапечатанными по недостатку средствъ. Пользованіе этими матеріалами затруднительно, такъ какъ не имѣется никакого указателя къ нимъ. Поэтому онъ предлагаетъ составить систематическій указатель всѣмъ рукописнымъ матеріаламъ, имѣющимся въ распоряженіи Общества, дабы сдѣлать ознакомленіе съ ними доступнымъ всѣмъ занимающимся разработкой тѣхъ вопросовъ, къ которымъ относятся эти матеріалы.

Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ* доложилъ, что Императорское Московское Археологическое Общество оставило ненапечатанными и возвратило слѣдующіе рефераты, доложенные на XII археологическомъ съѣздѣ въ гор. Харьковѣ: В. А. Бабенка, В. И. Василенка, Г. Г. Лукьянова, В. Н. Мочульскаго, Л. В. Падалки и Е. П. Радаковой. Кромѣ того, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ, что въ портфеляхъ Историко-филологическаго

Общества хранятся весьма интересные въ научномъ отношеніи сборники пѣсенъ П. В. Иванова и г. Манджуры. Относительно сборника г. Манджуры постановлено снестись съ Екатеринославскимъ Предварительнымъ Комитетомъ, такъ какъ этотъ сборникъ составленъ въ Екатеринославской губерніи.

Проф. Е. К. *Рѣдинъ* сообщилъ, что кромѣ тѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, о которыхъ онъ доложилъ раньше, онъ имѣетъ еще много рукописныхъ замѣтокъ и сообщеній по археологіи и этнографіи Екатеринославской, Полтавской, Курской и Воронежской губерній и Области Войска Донского. Было-бы весьма желательно, чтобы эти матеріалы были использованы къ XIII археологическому съѣзду, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ интересныя данныя.

Проф. Д. И. *Багалѣй* сообщилъ Коммиссіи составленную имъ программу раскопокъ и другихъ археологическихъ изслѣдованій къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. Программа эта была доложена имъ въ январѣ текущаго года въ засѣданіяхъ Московскаго Предварительнаго Комитета и имѣетъ цѣлью связать изысканія, произведенныя къ XII археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ, съ тѣми раскопками и изслѣдованіями, которыя будутъ производиться къ предстоящему въ г. Екатеринославѣ съѣзду. Какъ извѣстно, мысль созвать предстоящій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ возникла подъ вліяніемъ того соображенія, что необходимо продолжить изысканія, начатыя передъ бывшимъ въ Харьковѣ съѣздомъ, такъ какъ они намѣтили много интересныхъ вопросовъ, да и вообще юго-восточный уголъ Европейской Россіи слабо изученъ въ археологическомъ отношеніи. Поэтому проф. Д. И. Багалѣй предлагаетъ закончить нѣкоторыя раскопки въ предѣлахъ Харьковской губерніи и продолжать ихъ затѣмъ въ предѣлы Екатеринославской губерніи по рр. Бахмуткѣ и С. Донцу, а также по р. Калміусу до его устья. Если вѣрно предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что р. Калміусъ тождественна съ той р. Калкой, на которой произошла въ 1224 г. несчастная битва русскихъ съ татарами, то раскопки на ней представляютъ особенный интересъ для русско-славянской археологіи до-монгольскаго періода. Но раскопки на берегахъ этой рѣки важны и по той причинѣ, что она, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, служила съ самыхъ отдаленныхъ временъ важнымъ водянымъ путемъ отъ Днѣпра къ Дону, и по ней совершалось обширное торговое движеніе. Значитъ, эти раскопки интересны не только съ точки зрѣнія русскихъ древностей до-монгольскаго періода, но онѣ могутъ еще доставить много цѣнныхъ данныхъ для топографіи Половецкой степи. Далѣе, по мнѣнію докладчика, эти раскопки интересны и для изученія

древностей болѣе поздняго времени, такъ какъ и знаменитый описатель Украйны Гильомъ Боплант указываетъ на р. Калміусъ, какъ на составную часть пути изъ Поднѣпровья въ область р. Дона и Азовскаго моря. Конечно, раскопки по р. Калміусу не должны ограничиваться однимъ правымъ берегомъ его, ихъ слѣдуетъ перенести и на лѣвую сторону рѣки, въ предѣлы области Войска Донского. Въ Харьковской губерніи было бы весьма желательно продолжить раскопки въ сѣверо-западномъ углу губерніи, въ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ уѣздахъ, гдѣ извѣстно много неизслѣдованныхъ кургановъ и городищъ; напримѣръ, обширная группа кургановъ находится около г. Сумъ, въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко. Кромѣ того, необходимо продолжить изслѣдованія могильника и городища около В. Салтова, Волчанскаго уѣзда. Верхне-Салтовское городище интересно, между прочимъ, и потому, что оно представляетъ остатки единственнаго каменнаго города въ предѣлахъ Харьковской губ. Довольно значительные остатки укрѣпленій существовали тамъ еще въ XVII столѣтіи, и камень ихъ служилъ не только для мѣстныхъ построекъ, но возился даже въ Харьковъ, гдѣ изъ него сдѣлали первыя мостовыя. Поэтому необходимо произвести правильное изслѣдованіе Салтовскаго городища и изучить при помощи пробныхъ раскопокъ топографію Салтовскаго могильника, такъ какъ онъ далъ послѣ съѣзда въ Харьковѣ нѣкоторыя совершенно новыя открытія. Затѣмъ надлежитъ окончить изслѣдованіе Донецкаго городища и произвести изысканія на Хорошевскомъ городищѣ и въ его окрестностяхъ, гдѣ извѣстенъ могильникъ. Кромѣ того, необходимо изслѣдовать еще одно городище въ Лебединскомъ уѣздѣ, такъ какъ оно представляетъ ту рѣдкую особенность, что могильникъ расположенъ на самомъ городищѣ. Наконецъ, желательно произвести раскопку кургановъ около с. Дергачей, въ имѣніи г. Любарскаго, и закончить изслѣдованіе могильника въ имѣніи г. Духовского, около с. Мерчика.

Заслушавъ сообщеніе проф. Д. И. Багалѣя, Коммиссія постановила просить Московскій Предварительный Комитетъ объ отпускѣ средствъ, необходимыхъ для производства археологическихъ изслѣдованій къ предстоящему съѣзду, причемъ таковыя должны производиться по программѣ, составленной проф. Д. И. Багалѣемъ. (См. приложеніе I-е). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коммиссія рѣшила обратиться къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ съ просьбой разрѣшить производство раскопокъ и другихъ изысканій на принадлежащихъ имъ земляхъ и оказать работамъ Коммиссіи матеріальную поддержку.

Пр.-доц. *В. Е. Данилевичъ* доложилъ Коммиссіи проектъ письма къ П. И. Харитоненко, въ которомъ онъ излагаетъ научные результаты рас-

копокъ, произведенныхъ въ имѣніяхъ Харитоненко передъ XII археологическимъ съѣздомъ, и намѣчаетъ то, что слѣдовало бы сдѣлать къ предстоящему съѣзду. (См. приложеніе II-е).

Пр.-доц. *Е. П. Трифильевъ* заявилъ, что слѣдовало бы продолжить раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ, гдѣ имѣется еще нѣсколько кургановъ съ каменными бабами.

Проф. *Д. И. Багалѣй* отмѣтилъ, что къ предстоящему съѣзду надлежитъ закончить изученіе архивовъ Харьковской и сосѣднихъ съ нею губерній. Кромѣ того, предложилъ посвятить XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ тѣ изданія Историко-филологическаго Общества, которыя это Общество будетъ печатать къ съѣзду, такъ какъ археологическая коммиссія состоитъ при Обществѣ и тѣсно связана съ нимъ.

Принявъ во вниманіе тѣ задачи, которыя предстоитъ выполнить археологической коммиссіи къ XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ, постановлено просить Московскій Предварительный Комитетъ отпустить 1000 рублей для производства археологическихъ и другихъ научныхъ изысканій въ теченіе лѣта 1903 года.

Приложенія къ протоколу засѣданія Коммиссіи 25 апрѣля 1903 г.

I.

Въ Императорское Московское Археологическое Общество.

Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ имѣетъ честь сообщить, что при немъ изъ его членовъ образована Коммисія по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Коммиссія уже открыла свои дѣйствія. Въ состоявшемся 25 апрѣля с. г. засѣданіи Коммиссіи разсматривались проекты предстоящихъ работъ ея и тѣхъ научныхъ изученій—раскопокъ, экспедицій, которыя предположено осуществить лѣтомъ настоящаго и отчасти будущаго года.

Комиссія находитъ весьма важнымъ и существеннымъ для дѣла изученія древностей Харьковской губ., продолжить тѣ работы и изученія, которыя были предприняты въ виду XII археологическаго съѣзда, и добыть такимъ образомъ матеріалы, которые способствовали бы дальнѣйшему изученію и изслѣдованію въ археологическомъ отношеніи Харьковской губерніи, и ныиѣ входящей въ составъ района, подлежащаго спеціальному изученію XIII ар-

хеологическаго съѣзда. Коммиссія на первомъ мѣстѣ ставитъ необходимость продолженія раскопокъ въ Верхнемъ Салтовѣ— топографическое изученіе и всестороннее обслѣдованіе городища и могильника. Московское Археологическое Общество, какъ извѣстно изъ личныхъ сообщеній гр. П. С. Уваровой, командируетъ для указанной работы члена Коммиссіи А. М. Покровскаго, и ассигнуетъ для этого спеціальныя суммы.

Коммиссія находитъ далѣе весьма необходимымъ:

1. Продолжать раскопки въ сѣверозападномъ углу губерніи, въ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ уѣздахъ, въ имѣніяхъ на земляхъ П. И. Харитоненко.

2) продолжать изслѣдованіе могильника въ имѣніи г. Духовскаго, около с. Мерчика.

Средства на раскопки въ имѣніяхъ г.г. Харитоненко и Духовскаго— могутъ быть изысканы у владѣльцевъ имѣній, но необходимо ассигнованіе дополнительныхъ средствъ на расходы по передвиженію, вознагражденію рабочимъ, и т. п.

3) произвести раскопку группы кургановъ около с. Дергачей въ имѣніи Любарскаго,

4) окончить изслѣдованіе Донецкаго городища и произвести изысканія на Хорошевсковскомъ городищѣ, и въ его окрестностяхъ, гдѣ извѣстенъ могильникъ,

5) изслѣдовать городище въ Лебединскомъ уѣздѣ, съ находящимся на немъ могильникомъ,

6) продолжать раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ,

7) командировать проф. М. Г. Халанскаго для изученія народныхъ говоровъ Харьковской губ. по томуже образцу, какъ оно производилось имъ къ XII археологическому съѣзду въ Курской губ.

8) командировать одно или нѣсколько лицъ для продолженія изученія общественныхъ и частныхъ архивовъ Харьковской губ.

Коммиссія находитъ возможнымъ совершить вышеуказанныя изслѣдованія, изысканія, экскурсію, (исключая раскопокъ въ В. Салтовѣ) —если ей будетъ предоставлена Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ помощь въ размѣрѣ 1000 руб.

Въ виду всего вышесказаннаго Историко-Филологическое Общество имѣетъ честь ходатайствовать передъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ объ ассигновкѣ для его Комиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда для выполненія намѣченныхъ работъ—

1000 р. Распредѣленіе суммъ между командированными лицами будетъ производиться Коммиссіей и отчетъ въ израсходованіи средствъ вмѣстѣ съ отчетомъ совершенныхъ работъ будетъ доложенъ ею Обществу, которое и представитъ ихъ въ свое время Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

II.

Письмо къ П. И. Харитоненко.

Высокоуважаемый Павелъ Ивановичъ!

Въ 1901 году со свойственною Вамъ щедростью и отзывчивостью къ научнымъ интересамъ Вы отпустили средства въ распоряженіе Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ для производства археологическихъ изслѣдованій какъ въ принадлежащихъ Вамъ имѣніяхъ, такъ и на примыкающихъ къ нимъ крестьянскихъ и частныхъ земляхъ. Благодаря такой щедрой Вашей поддержкѣ, Придварительный Комитетъ произвелъ черезъ своихъ членовъ цѣлый рядъ археологическихъ изысканій на земляхъ Янковскаго имѣнія и сосѣдящихъ съ ними крестьянскихъ и частныхъ земляхъ, а именно были раскопаны курганы: 1) около х. Березовки, 2) около с. Будъ, 3) около сл. Кириковки и с. Новой-Рябины, и 4) около с. Нищахи, и, кромѣ того, изслѣдованы стоянки, или мѣста пребыванія человѣка каменной культуры: 1) около с. Янковки, 2) около сл. Кириковки и 3) около с. Катанскихъ Вилъ. Упомянутыя изслѣдованія г.г. членовъ Предварительнаго Комитета дали весьма цѣнные въ научномъ отношеніи результаты и внесли въ науку много новыхъ данныхъ.

Не говоря о стоянкахъ около с. Янковки, с. Катанскихъ Вилъ и сл. Кириковки, которыя доставили цѣлый рядъ предметовъ каменной культуры, большой интересъ для археологовъ представляютъ курганы около с. Будъ и х. Березовки, раскопанные г.г. членами Предварительнаго Комитета, такъ какъ въ обѣихъ этихъ курганныхъ группахъ обнаружено трупосожженіе, причемъ сожженный прахъ погребался въ урнахъ. Такой обрядъ погребенія прослѣженъ весьма детально западно-европейскими и русскими учеными отъ Италіи до Балтійскаго моря и отъ Богеміи до Западной Россіи и большинствомъ ученыхъ приписывается народамъ индо-европейской расы, причемъ наиболѣе древнія формы этого

обряда встрѣчаются въ восточныхъ частяхъ намѣченной выше территоріи. Такимъ образомъ такой обрядъ распространялся съ востока на западъ, а потому прослѣдить его распространеніе въ Россіи возможно дальше на востокъ является особенно цѣннымъ въ научномъ отношеніи, такъ какъ этимъ путемъ можно установить пунктъ, изъ котораго вышелъ народъ, оставившій курганы подобнаго типа.

Но и курганы около сл. Кириковки и с. Новой Рябины, давшія погребенія скиоскаго типа, интересны какъ по нѣкоторымъ особенностямъ сравнительно съ подобными погребеніями въ другихъ частяхъ Россіи, такъ и въ географическомъ отношеніи, потому что распространеніе погребеній этого типа къ востоку отъ Полтавской губерніи до сихъ поръ не было изучено, какъ слѣдуетъ быть, и эти раскопки такимъ образомъ даютъ возможность признать, что, такъ называемая скиоская культура была распространена и среди древнихъ обитателей Харьковской губерніи. Къ сожалѣнію, очень трудно сказать что-нибудь опредѣленное о вещахъ, такъ называемаго готскаго типа, встрѣтившихся въ одномъ изъ кургановъ около х. Березовки, такъ какъ по недостатку времени нельзя было продолжить изслѣдованія, а потому остается неизвѣстнымъ, являются-ли онѣ случайными находками, или культура, называемая готской, имѣла въ IV—V вѣкахъ по Р. Х. болѣе широкое распространеніе въ нынѣшней Харьковской губерніи. Однако самыми интересными приходится признать раскопки около с. Нищахи, такъ какъ здѣсь обнаружены погребенія и городища ясно выраженнаго русско-славянскаго типа. Нечего и говорить, что фактъ присутствія Русскихъ Славянъ на территоріи Харьковской губерніи представляетъ выдающійся научный интересъ не только для русской археологіи, но и для русской исторіи, и обнаруженная здѣсь культура явилась настоящей новинкой для членовъ XII археологическаго съѣзда.

Но научная цѣнность изысканій, произведенныхъ на отпущенныя Вами средства, значительно увеличится, если принять во вниманіе, что не только почти вся Восточная Россія, но и Харьковская губернія до сихъ поръ были очень слабо изучены въ археологическомъ отношеніи, и это являлось чувствительнымъ пробѣломъ какъ въ русской, такъ и въ западноевропейской археологіи. Конечно, эти раскопки, какъ и нѣкоторыя другія, произведенныя къ XII археологическому съѣзду, намѣтили много интересныхъ въ научномъ отношеніи вопросовъ, значительно подвинули впередъ изученіе доисторическихъ древностей Россіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ способствовали разрѣшенію тѣхъ или другихъ вопросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ-же указываютъ на настоятельную необходимость продолжить

археологическое изученіе Харьковской губерніи дальше, потому что оно еще не закончено. Такъ, желательно было-бы изучить курганы съ погребальными урнами детальнѣе, такъ какъ курганы около с. Будъ и х. Березовки оказались значительно поврежденными корчевкой лѣса и распашкой. Затѣмъ слѣдуетъ прослѣдить границы распространенія скиоской культуры, совершивъ раскопки къ югу и сѣверу отъ сл. Кириковки и с. Новой Рябины, чтобы связать ихъ съ подобными-же находками въ Екатеринославской и Курской губерніяхъ. Далѣе, относительно готской культуры можно сказать, что слабые слѣды ея найдены въ Харьковской губерніи, какъ упомянуто выше, около х. Березовки, но какой характеръ она носила здѣсь, насколько была распространена и т. д.,—все это остается неизвѣстнымъ, такъ какъ у лицъ, производившихъ раскопки въ Янковскомъ имѣніи, не хватило времени продолжить ихъ дальше. А между тѣмъ изученіе готской культуры, благодаря трудамъ такихъ знатоковъ русской исторіи и древностей, какъ Забѣлинъ, гр. Толстой и Кондаковъ, обѣщаетъ доставить много цѣннаго матеріала какъ для русской, такъ и для всеобщей исторіи. Но сомнѣнія нѣтъ, что еще интереснѣе прослѣдить славянскія погребенія и городища на территоріи Харьковской губерніи, гдѣ упомянутые курганы около с. Ницахи являются пока единственными находками этого типа для всей губерніи, а между тѣмъ для древней русской исторіи весьма важно изучить, какъ далеко шли славянскія поселенія на востокъ.

Зная Вашу всегдашнюю отзывчивость къ научнымъ интересамъ, памятуя то сочувствіе къ археологическимъ изысканіямъ, которое Вы постоянно проявляли какъ во время приготовительныхъ къ съѣзду работъ, такъ и въ теченіе самаго съѣзда, принявъ въ своихъ имѣніяхъ съ рѣдкимъ радушіемъ и любезностью г.г. членовъ съѣзда, совершавшихъ экскурсію для изслѣдованія кургановъ и городищъ около с. Ницахи, Археологическая Коммиссія при Харьковскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ рѣшилась вновь покорнѣйше просить Васъ, высокоуважаемый Павелъ Ивановичъ, не признаете-ли возможнымъ оказать такое-же благосклонное содѣйствіе ея работамъ по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда, какое Вы соблаговолили оказать передъ XII археологическимъ съѣздомъ. Особенно цѣнно было-бы для Коммиссіи произвести раскопки въ Натальевскомъ и Сумскомъ имѣніяхъ, такъ какъ этимъ путемъ раскопки, произведенныя въ Вашихъ имѣніяхъ къ XII археологическому съѣзду, можно было-бы связать съ тѣми изысканіями, которыя производились русскими учеными въ разное время въ другихъ частяхъ Россіи. Вотъ всѣ эти соображенія и дали смѣлость Коммиссіи обратиться къ Вашему

благосклонному содѣйствію, безъ котораго многое оказалось-бы не изученнымъ къ предшествующему съѣзду, и очень трудно будетъ представить въ блестящемъ видѣ древности Харьковской губерніи на будущемъ съѣздѣ.

2-е засѣданіе.

(18 мая 1903 года).

Въ засѣданіи 18 мая 1903 года подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ проф. Е. К. Рѣдинѣ и товарищѣ секретаря пр.-доц. В. Е. Данилевичѣ присутствовали: пр.-доц. А. П. Кадлубовскій, проф. А. С. Лебедевъ. пр.-доц. М. А. Масловъ, пр.-доц. В. И. Савва и проф. М. Г. Халанскій.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель Комиссіи проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сказалъ, что оно будетъ посвящено этнографическимъ вопросамъ, потому что на предстоящемъ въ Екатеринославѣ съѣздѣ предположено устроить, по примѣру бывшаго въ Харьковѣ съѣзда, этнографическую выставку, а также рядъ засѣданій для заслушанія рефератовъ по этнографіи. А такъ какъ XIII археологическій съѣздъ въ Екатеринославѣ долженъ являться продолженіемъ бывшаго въ Харьковѣ съѣзда, то и по этнографическимъ вопросамъ желательно объединить работы обоихъ съѣздовъ такимъ же образомъ, какъ сдѣлано это въ первомъ засѣданіи Харьковской Комиссіи для археологическихъ раскопокъ и изысканій, предположенныхъ къ предстоящему съѣзду.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ обратилъ вниманіе присутствующихъ членовъ Комиссіи, что Комиссія не имѣетъ своего органа, подобнаго «Трудамъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ» и другимъ аналогичнымъ изданіямъ. Между тѣмъ, теперь вполнѣ выяснилось, что Харьковской Комиссіи предстоитъ играть далеко не послѣднюю роль въ подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. Кромѣ того, едва Комиссія открыла свою дѣятельность, какъ стали поступать статьи и матеріалы отъ различныхъ лицъ, и среди нихъ имѣются очень и очень цѣнныя сообщенія по археологіи и этнографіи южной Россіи. Сомнѣнія нѣтъ, что эти матеріалы все болѣе и болѣе будутъ увеличиваться въ количествѣ и было бы весьма непріятно, если бы и поступающія въ Комиссію сообщенія, и матеріалы, и тѣ очень интересные доклады, которые дѣлаются членами Комиссіи, остались неопубликованными и такимъ образомъ были бы обречены на храненіе въ архивѣ Историко-Филологическаго Общества, гдѣ они будутъ до-

ступны далеко не всѣмъ. Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ высказалъ положеніе, чтобы Харьковская Комиссія издавала протоколы своихъ засѣданій по образцу «Извѣстій археологическихъ съѣздовъ» въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Къ протоколамъ можно было бы присоединять въ видѣ приложеній небольшіе доклады членовъ Комиссіи, а также нѣкоторыя сообщенія и замѣтки, поступающія отъ различныхъ лицъ и учрежденій. Впослѣдствіи можно было бы сброшюровать все напечатанное въ одинъ томъ, и такимъ образомъ Комиссія имѣла бы къ XIII археологическому съѣзду свой сборникъ.

Пр.-доц. А. П. Кадлубовскій предложилъ ходатайствовать у Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета объ отпускѣ средствъ Харьковской Комиссіи для печатанія ея «Трудовъ», такъ какъ раньше Харьковскій Предварительный Комитетъ печаталъ свѣдѣнія и отчеты о дѣятельности мѣстныхъ комитетовъ и комиссій.

Заслушавъ предложеніе пр.-доц. А. П. Кадлубовскаго, Комиссія постановила обратиться въ Екатеринославскій Предварительный Комитетъ съ просьбой объ отпускѣ средствъ на изданіе «Трудовъ».

Проф. Е. К. Рѣдинъ предложилъ просить о печатаніи протоколовъ въ «Запискахъ Харьковскаго Университета», какъ это дѣлалось передъ XII археологическимъ съѣздомъ. При этомъ можно было-бы оттиски этихъ протоколовъ печатать въ количествѣ 400 экземпляровъ: 100 изъ нихъ слѣдовало-бы брошюровать теперь-же для разсылки различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а остальные 300 оттисковъ должны быть сброшюрованы потомъ, по отпечатаніи всѣхъ протоколовъ и приложеній къ нимъ.

Заслушавъ мнѣніе проф. Е. К. Рѣдина, Комиссія постановила войти съ ходатайствомъ въ редакцію «Записокъ Императорскаго Харьковскаго университета» и просить ее о печатаніи протоколовъ Комиссіи въ означенныхъ «Запискахъ» по примѣру того, какъ въ нихъ печатались протоколы Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія постановила печатать протоколы съ приложеніями къ нимъ въ количествѣ 400 экземпляровъ и 100 изъ нихъ брошюровать немедленно-же для разсылки различнымъ лицамъ и учрежденіямъ, а остальные 300 экземпляровъ сброшюровать въ видѣ книжки по отпечатаніи всѣхъ протоколовъ и приложеній къ нимъ [1]).

Затѣмъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ о тѣхъ статьяхъ и матеріалахъ по этнографіи, которые поступили въ распоряженіе Комиссіи.

---

[1]) Историко филологическое Общество вошло съ указанной просьбой, но послѣдняя была отклонена редакціей.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Прежде всего онъ остановился на 3 статьяхъ г. Е. И. Криста. Первая статья «Свѣдѣнія о бандуристахъ и лирникахъ» составлена отчасти на основаніи печатныхъ матеріаловъ, частью же по сообщеніямъ извѣстнаго знатока г. И. М. Ходкевича, и содержитъ списокъ и краткія свѣдѣнія объ образѣ жизни бандуристовъ и лирниковъ Харьковской, Полтавской и Черниговской губерніи. Собираніе свѣдѣній о бандуристахъ и лирникахъ является особенно цѣннымъ и необходимымъ въ настоящее время, потому что XII археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ вошелъ съ ходатайствомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ объ оказаніи покровительства этимъ представителямъ вымирающей отрасли народнаго искусства, и министерство отнеслось съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ этому ходатайству. Другая статья Е. И. Криста «Дальнѣйшія изслѣдованія о кобзаряхъ и лирникахъ Харьковской губерніи» является продолженіемъ статьи этого автора «О кобзаряхъ Харьковской губерніи». Настоящая статья довольно обширна и посвящена главнымъ образомъ изученію домашняго и общественнаго быта слѣдующихъ кобзарей: О. Бутенка, Древкина и Гончаренко. Кромѣ того, авторъ дѣлаетъ сравненіе по содержанію думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ теперешними пѣвцами, съ тѣми, которыя исполнялись прежними, и отмѣчаетъ, что кобзари распѣваютъ теперь въ видѣ уступки времени также фабричныя пѣсни. Въ видѣ образца онъ приводитъ текстъ наиболѣе популярной изъ этихъ пѣсенъ: «Всѣ говорятъ, что я вѣтрена бываю, и т. д.». Въ третьей статьѣ «О вліяніи общенія бандуристовъ между собой на взаимное обученіе» авторъ отмѣчаетъ, что репертуаръ теперешнихъ бандуристовъ далеко отошелъ отъ репертуара прежнихъ. Такъ, теперешніе бандуристы исполняютъ только 4 думы изъ извѣстныхъ прежде, а 14—забыты. Поэтому взаимное общеніе бандуристовъ весьма полезно, такъ какъ, сообщая другъ другу пѣсни и думы своего репертуара, они лучше сохраняютъ репертуаръ. Кромѣ названныхъ статей, въ Комиссію присланы также другія замѣтки и матеріалы, съ которыми проф. Н. Ѳ. Сумцовъ и познакомилъ присутствующихъ. Прежде всего А. Д. Твердохлѣбовъ прислалъ небольшое сообщеніе объ Ахтырскомъ слѣпцѣ Т. Г. Сегеденкѣ, при чемъ онъ даетъ свѣдѣнія о бытѣ и репертуарѣ этого слѣпца и прилагаетъ записанныя съ его словъ пѣсни: «Гарбузъ» и «Дворянка». Въ письмѣ на имя проф. Н. Ѳ. Сумцова А. Д. Твердохлѣбовъ сообщаетъ 2 пѣсни: «про теплаго Олексіа» и «Ісусе мой прелюбезный»,—эти пѣсни записаны имъ въ г. Ахтыркѣ отъ слѣпцовъ Х. Митриченко и Ларіона Грунича. Затѣмъ Н. З. Ковалевскій записалъ въ сл. Ковягахъ отъ слѣпца-лирника А. Ѳ. Гончарова пѣсни «Лазарь» и «Чечетка» и текстъ этихъ записей прислалъ

въ Комиссію. Наконецъ г. Шинкаревъ доставилъ краткую біографію слѣпца Тарасія Ивановича изъ сл. Бѣлокуракиной, а также текстъ пѣсенъ, записанныхъ отъ этого слѣпца.

Заслушавъ докладъ Н. Ѳ. Сумцова, Комиссія постановила напечатать списокъ бандуристовъ и лирниковъ, составленный Е. И. Кристомъ.

Проф. М. Г. Халанскій замѣтилъ, что печатаніе матеріаловъ и статей въ видѣ приложеній къ протоколамъ представляетъ то неудобство, что они легко могутъ затеряться. Поэтому онъ совѣтуетъ собрать всѣ свѣдѣнія о бандуристахъ и лирникахъ въ особый сборникъ, при чемъ тутъ-же помѣстить и наиболѣе интересныя пѣсни.

Комиссія обратилась съ просьбой къ проф. М. Г. Халанскому, пр.-доц. А. И. Кадлубовскому и А. В. Ветухову пересматривать пѣсенный матеріалъ, поступающій въ ея распоряженіе отъ разныхъ лицъ.

Проф. М. Г. Халанскій сообщилъ, что часть переданныхъ ему матеріаловъ имъ пересмотрѣна и впредь онъ согласенъ пересматривать поступающій матеріалъ, особенно по діалектологіи.

При этомъ онъ отмѣтилъ, что записи, сдѣланныя г. Водолажскимъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ и въ х. Непокрытомъ, могутъ доставить много цѣнныхъ данныхъ для діалектологіи Харьковской губерніи. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи свадебныя пѣсни, собранныя г. Водолажскимъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ, такъ какъ собиратель отмѣтилъ вездѣ ударенія. Остается только пожалѣть, что г. Водолажскій не поставилъ удареній въ сказкахъ, записанныхъ имъ въ х. Непокрытомъ. Но во всякомъ случаѣ матеріалы, собранные г. Водолажскимъ, весьма интересны въ научномъ отношеніи, и проф. М. Г. Халанскій воспользуется ими для намѣченнаго имъ труда по діалектологіи Харьковской губерніи. Вообще, матеріалы по народной словесности г. Водолажскаго желательно было бы напечатать.

Заслушавъ сообщеніе проф. М. Г. Халанскаго, Комиссія постановила напечатать пѣсни и сказки, собранныя г. Водолажскимъ.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ, что этнографическая колекція Историко-филологическаго Общества заключаетъ очень мало предметовъ изъ Екатеринославской губерніи. Кромѣ того, въ ней отсутствуютъ нѣкоторые отдѣлы вообще, а другіе сравнительно бѣдны. Поэтому онъ предлагаетъ обратиться въ Екатеринославскій Предварительный Комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ съ просьбой, покупая предметы для этнографической выставки при предстоящемъ съѣздѣ, пріобрѣтать нѣкоторые предметы въ 2 экземплярахъ. Такъ было бы желательно пополнить коллекцію Общества предметами, относящимися

до чабанства, а также до каменноугольной промышленности, которая такъ типична для Екатеринославской губерніи и почти совсѣмъ отсутствуетъ въ Харьковской. Затѣмъ на этнографической выставкѣ при съѣздѣ въ г. Харьковѣ совсѣмъ отсутствовалъ отдѣлъ знаковъ собственности, а между тѣмъ интересно было бы собрать коллекцію подобнаго рода, будутъ ли эти знаки на ульяхъ, на посудѣ, на скотѣ, на арбузахъ или на чемъ другомъ. Кромѣ того, интересно было бы пополнить и слѣдующіе отдѣлы: 1) ритуальные предметы (хлѣбныя печенія и др.), 2) амулеты, 3) головные уборы и 4) народную медицину. По народной медицинѣ Екатеринославской губерніи необходимо составить коллекцію, такъ какъ географическія особенности этой губерніи несомнѣнно должны вызвать и нѣкоторыя черты различія въ народной медицинѣ этой губерніи и Харьковской. Но желательно, чтобы при собираніи травъ и другихъ предметовъ, служащихъ населенію въ качествѣ медикаментовъ, были отмѣчаемы и мѣстныя названія ихъ.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ отмѣтилъ, что на этнографической выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ почти не было снимковъ тѣхъ крестовъ, которые ставятся въ Малороссіи и Бѣлоруссіи при дорогахъ и колодцахъ. Между тѣмъ въ Харьковской губерніи ему удалось зафотографировать одинъ крестъ надъ колодцемъ. Эти кресты въ различныхъ частяхъ намѣченной области имѣютъ свои мѣстныя особенности, а въ Бѣлоруссіи ему пришлось видѣть весьма своеобравное явленіе: крестьяне увѣшиваютъ крестъ различными рубашечками, передничками и другими принадлежностями, преимущественно дѣтскаго туалета, а также полотенцами. Дѣлается это или въ благодарность за исцѣленіе или при прошеніи исцѣленія. Иинтересно было бы установить, не встрѣчается ли нѣчто подобное въ Харьковской или Екатеринославской губерніи?

Проф. Е. К. Рѣдинъ предложилъ опредѣлить ту сумму, которую Комиссія могла-бы ассигновать въ распоряженіе Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета на расходы по покупкѣ этнографическихъ предметовъ.

Комиссія опредѣлила ассигновать на это 25—30 рублей.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ напомнилъ, что передъ XII археологическимъ съѣздомъ Харьковскій Предварительный Комитетъ обращался ко всѣмъ экскурсантамъ съ просьбой дѣлать этнографическіе снимки, хотя бы экскурсія совершалась и не съ этнографической цѣлью. Благодаря этому, удалось собрать весьма обширную колекцію фотографическихъ снимковъ этнографическаго характера. Поэтому онъ предлагаетъ обратиться съ подобной же просьбой къ тѣмъ членамъ Комиссіи, кто предполагаетъ совершить какія-либо экскурсіи.

Проф. Е. К. Рѣдинъ предложилъ обратиться къ Екатеринославскому Предварительному Комитету съ просьбой, чтобы Комитетъ присылалъ для этнографическаго музея Общества оттиски тѣхъ этнографическихъ снимковъ, которые дѣлаются членами Комитета для этнографической выставки при XIII археологическомъ съѣздѣ въ г. Екатеринославѣ.

Присутствующіе члены Комиссіи вполнѣ присоединились къ сказанному пр.-доц. В. Е. Данилевичемъ и проф. Е. К. Рѣдинымъ и обѣщали во время своихъ экскурсій фотографировать типы и предметы, интересные въ этнографическомъ отношеніи.

Пр.-доц. А. П. Кадлубовскій предложилъ обратиться въ Екатеринославскій Предварительный Комитетъ съ просьбой сообщать періодически свѣдѣнія о дѣятельности этого Комитета и присылать издаваемые Комитетомъ труды, дабы можно было объединить дѣятельность Харьковской комиссіи и Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ, вполнѣ присоединяясь къ предложенію пр.-доц. А. П. Кадлубовскаго, напомнилъ, что передъ XII археологическимъ съѣздомъ въ г. Харьковѣ различныя Комитеты и Комиссіи освѣдомляли Харьковскій Предварительный Комитетъ о ходѣ своихъ подготовительныхъ къ съѣзду работъ и присылали свои изданія, и это весьма хорошо отражалось на дѣятельности какъ Харьковскаго Комитета, такъ и другихъ комитетовъ и комиссій. Между тѣмъ въ настоящее время дѣятельность Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета остается совершенно неизвѣстной Харьковской Комиссіи, хотя она работаетъ по подготовкѣ того-же XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Проф. М. Г. Халанскій сообщилъ Комиссіи, что свои работы по изученію говоровъ Харьковской губерніи онъ предполагаетъ начать съ ознакомленія съ діалектологіей великоруссовъ, обитающихъ въ этой губерніи.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, по этому поводу замѣтилъ, что интересно было-бы изучить говоръ жителей с. Людни.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ отмѣтилъ, что по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить присутствіе бѣлорусскаго элемента среди населенія с. Людни. Кромѣ того онъ попросилъ проф. М. Г. Халанскаго осмотрѣть городище около с. Людни, такъ какъ такимъ путемъ можно будетъ установить, существуетъ-ли непосредственная связь между городищами по р. Ворсклѣ, расположенными въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Во время подготовительныхъ работъ къ XII археологическому съѣзду экскурсантамъ, работавшимъ въ этомъ районѣ, не удалось посѣтить Людницское городище, а потому было-бы очень желательно восполнить теперь этотъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ о городищахъ Харьковской губерніи.

Проф. М. Г. Халанскій выразилъ полную готовность осмотрѣть городище около с. Людни.

3-е засѣданіе.

(2 іюня 1903 года).

Въ засѣданіи 2 іюня 1903 года подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, при товарищѣ секретаря пр.-доц. В. Е. Данилевичѣ присутствовали: проф. Д. И. Багалѣй, проф. В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Е. М. Ивановъ, пр.-доц. А. П. Кадлубовскій, пр.-доц., М. А. Масловъ, пр.-доц. А. М. Покровскій, проф. М. Г. Халанскій, В. И. Савва и Е. П. Трифильевъ.

Предсѣдатель Комиссіи, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, открывая засѣданіе, указалъ, что настоящее засѣданіе собрано экстренно, съ цѣлью выяснить вопросъ объ экскурсіяхъ, предположенныхъ на лѣто 1903 года.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ, что имъ получено письмо отъ П. И. Харитоненко, который готовъ предоставить рабочихъ, лошадей, экипажи, помѣщеніе и столъ лицамъ, желающимъ производить археологическія изслѣдованія въ его имѣніяхъ, какъ въ Натальевскомъ, такъ и находящихся въ Сумскомъ уѣздѣ, о чемъ имъ сдѣлано уже распоряженіе.

Комиссія постановила выразить П. И. Харитоненко чувства глубочайшей благодарности за любезную и щедрую поддержку, оказанную имъ работамъ Комиссіи.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ доложилъ, что имъ получено отъ Московскаго Предварительнаго Комитета предложеніе принять участіе въ раскопкахъ, производимыхъ въ Екатеринославской губерніи Д. И. Эварницкимъ. Но отъ этого предложенія докладчикъ долженъ былъ отказаться, такъ какъ находитъ необходимымъ закончить научныя изслѣдованія въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, начатыя имъ еще въ 1901 году. Какъ указывалъ уже въ первомъ засѣданіи комиссіи проф. Д. И. Багалѣй, желательно было бы произвести изслѣдованія въ Натальевскомъ и Сумскомъ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, и теперь является полная возможность осуществить это, благодаря просвѣщенному и щедрому содѣйствію владѣльца. Дѣйствительно, въ Натальевскомъ имѣніи имѣется нѣсколько группъ кургановъ различной величины, состоящихъ изъ 4—7 кургановъ.

На прилегающихъ къ этому имѣнію крестьянскихъ земляхъ извѣстны тоже 4 группы кургановъ, содержащія по 20—40 кургановъ, а сверхъ того, тамъ же имѣются и городища—майданы. Изслѣдованіе этихъ курганныхъ группъ было бы весьма важно въ томъ отношеніи, что дало бы

возможность пополнить свѣдѣнія о погребеніяхъ скиѳскаго типа въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Но не менѣе интересно было бы произвести раскопки въ сумскихъ имѣніяхъ П. И. Харитоненко и на прилегающихъ къ нимъ крестьянскихъ и частныхъ земляхъ, потому что и тамъ извѣстно много одиночныхъ кургановъ и курганныхъ группъ, причемъ иные изъ этихъ кургановъ, повидимому, заключаютъ погребенія скиѳскаго типа, мало изученнаго въ предѣлахъ Харьковской губерніи.

Комиссія постановила просить проф. Д. И. Багалѣя, прив.-доц. В. Е. Данилевича и пр.-доц. А. М. Покровскаго произвести раскопки кургановъ и другія археологическія изысканія въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко и на сосѣдящихъ съ ними крестьянскихъ и частныхъ земляхъ, а на товарища секретаря Комиссіи пр.-доц. В. Е. Данилевича возложить всѣ сношенія по поводу этихъ раскопокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено просить секретаря Комиссіи проф. Е. К. Рѣдина войти въ сношенія съ Императорской Археологической Комиссіей и съ мѣстными властями относительно открытыхъ листовъ и открытыхъ предписаній для тѣхъ лицъ, которымъ поручено въ настоящемъ году производство археологическихъ изысканій.

Е. М. Ивановъ сообщилъ Комиссіи, что онъ, по недостатку времени, не можетъ отправиться этимъ лѣтомъ для производства раскопокъ въ имѣніи г. Духовского, гдѣ онъ производилъ археологическія изысканія къ XII ареологическому съѣзду.

Проф. Д. И. Багалѣй предложилъ опредѣлить впередъ ту сумму, на которую могутъ разсчитывать лица, командированныя Комиссіей для производства раскопокъ.

А. В. Ветуховъ предложилъ ассигновать на предстоящія раскопки необходимую сумму изъ средствъ Историко-Филологическаго Общества.

Комиссія, заслушавъ сдѣланныя предложенія, постановила выдать каждому изъ командированныхъ ею для производства раскопокъ лицъ по 100 рублей на предстоящіе имъ во время раскопокъ расходы изъ тѣхъ средствъ, что будутъ предоставлены Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

4-е засѣданіе.

(21 декабря 1904 года).

Въ воскресенье 21-го декабря 1904 г. въ залѣ совѣтскихъ засѣданій состоялось засѣданіе Комиссіи подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, присутствовали: Д. И. Багалѣй,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

В. Е. Данилевичъ, Е. М. Ивановъ, М. А. Масловъ, А. П. Кадлубовскій, Д. П. Миллеръ, Е. П. Трифильевъ, В. И. Савва, и г.г. Воронецъ и Ефименко.

Проф. *Д. И. Багалѣй* познакомилъ съ результатами раскопокъ въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко лѣтомъ 1903 года. Указавъ на любезное согласіе и помощь П. И. Харитоненко Харьковской Комиссіи въ производствѣ раскопокъ въ его имѣніяхъ, въ Валковскомъ уѣздѣ, Д. И. Багалѣй сообщилъ, что согласно рѣшенію Коммиссіи, эти раскопки произвели—онъ вмѣстѣ съ помощникомъ г. Воронцомъ, и самостоятельно В. Е. Данилевичъ.

Имъ совмѣстно съ Воронцомъ раскопано было всего 19 кургановъ, расположенныхъ въ видѣ трехъ группъ. Курганы, судя по найденнымъ въ погребальныхъ ямахъ предметамъ, всѣ одного типа—скиѳо-сарматскаго.

Какъ особенность погребенія—нахожденіе въ могилахъ—костей животныхъ, игравшихъ, очевидно, извѣстную роль въ погребальномъ ритуалѣ; въ верхней части кургановъ—каменныя плиты. Среди найденныхъ въ могилахъ предметовъ выдѣляются по богатству и по своему значенію, какъ для опредѣленія эпохи кургановъ, такъ и для разрѣшенія различныхъ культурныхъ историческихъ вопросовъ, которыми такъ богата наука русской археологіи: греческая амфора съ клеймомъ, желѣзныя копья, ножики съ костяными ручками, бронзовыя стрѣлы, золотая серьга, золотыя пуговки, бронзовые браслеты, бусы, бронзовыя зеркала, золотыя нашивныя бляшки съ изображеніями въ рельефѣ человѣческихъ фигуръ.

Г. Воронецъ сообщилъ о результатахъ своихъ изслѣдованій дюнныхъ стоянокъ, расположенныхъ по правой сторонѣ рѣки Мерло, около четырехъ деревень (между сл. Красный Кутъ и Лихачевской).

Матеріалъ, собранный на этихъ стоянкахъ, указываетъ на принадлежность ихъ къ скиѳо-сарматскому періоду, что подтверждаютъ—какъ раскопки этого года, произведенныя проф. Д. И. Багалѣемъ, такъ и изысканія И. А. Зарѣцкаго, производившіяся возлѣ Лихачевки лѣтъ семь тому назадъ.

Прив.-доц. *В. Е. Данилевичъ* сообщилъ о результатахъ своихъ раскопокъ въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко на полѣ около хут. Покровскаго, Валковскаго уѣзда. Раскопано 9 кургановъ и произведена повѣрочная раскопка городища-майдана небольшой величины. По характеру погребеній и составу находокъ курганы могутъ быть отнесены къ киммерійской и скиѳской эпохамъ. Въ курганахъ перваго типа костяки были погребены или въ грунтовыхъ ямахъ, или въ деревянныхъ камерахъ; положеніе костяковъ—скорченное; при костякахъ встрѣтились только

глиняные сосуды грубой работы. Въ курганахъ второго типа костяки были погребены большею частью въ материковыхъ ямахъ, въ двухъ случаяхъ встрѣтились погребенія человѣческаго костяка съ конскимъ. Женское погребеніе въ одномъ курганѣ доставило вещи, указывающія на торговыя связи древнихъ обитателей Харьковской губ. съ греческими колоніями на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, а именно здѣсь найдены: большое бронзовое зеркало съ ручкой греческой работы, и терракотовая головка—привѣска къ ожерелію, подобныя которой встрѣчаются довольно часто въ керченскихъ находкахъ (см. прилож. I).

Пр.-доц. *Е. П. Трифильевъ* сообщилъ о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ, проф. Е. К. Рѣдинымъ, Е. М. Ивановымъ, и П. Ефименко возлѣ с. Дергачей Харьковскаго уѣзда, въ имѣніи г. Любарскаго. Въ этомъ имѣніи группа кургановъ въ 60—70 экземпляровъ. Раскопано 10 кургановъ, расположенныхъ въ различныхъ мѣстахъ. На всѣхъ курганахъ со второго слоя попадались кусочки угля, черепки глиняныхъ сосудовъ. Ни въ одномъ курганѣ костякъ не сохранился въ цѣлости, благодаря особой почвѣ, въ которой выкопаны могилы (лѣсной глей). Весьма мало найдено и предметовъ: почти исключительно бронзовыя стрѣлки (и онѣ подверглись порчѣ), остатки желѣзныхъ предметовъ, ножъ съ костяной ручкой, бусинки изъ пасты. Какъ ни незначительны находки—по нимъ все-же можно установить типъ погребенія, пріурочить его къ извѣстной группѣ—именно скиѳской. (См. прилож. II).

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* сообщилъ о результатахъ раскопокъ усыпальницъ Верхне-Салтовскаго могильника, совершенныхъ *В. А. Бабенко* по своей иниціативѣ, съ цѣлью пополненія коллекцій Музея Древностей Харьковскаго Университета. Разрыто восемь катакомбныхъ могилъ, находящихся на еще неизслѣдованномъ мѣстѣ обширнаго Верхне-Салтовскаго могильника, восточнѣе бывшихъ прежде раскопокъ. Каждая могила по обыкновенію дала массу весьма интересныхъ предметовъ, имѣющихъ сходство съ ранѣе открытыми. Въ одной изъ могилъ—единственный случай изъ всѣхъ бывшихъ раскопокъ—открытъ кремневый осколокъ, въ другой могилѣ—также единственный случай—полъ былъ набитъ камнемъ и пескомъ.

В. Е. Данилевичъ представилъ ножъ, присланный В. В. Шпхомъ, найденный въ Рыжовѣ.

Проф. *Е. К Рѣдинъ* представилъ денежный отчетъ по суммамъ за 1902 г. къ XII археологическому съѣзду, предоставленнымъ Предварительному Комитету Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, Харьковскимъ городскимъ управленіемъ и нѣкоторыми земствами (Харьков-

ской губ., Екатеринославской губ. и др.). Представленъ былъ денежный отчетъ по суммамъ 1903 г., предоставленнымъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ—для подготовки XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ на производство раскопокъ и др. расходы. (См. приложен. III).

Доложено о пожертвованіяхъ Музею Древностей Университета: отъ *В. В. Данилова*—глиняный сосудъ и каменный полированный молотокъ, найденные въ Лебединѣ, *Е. А. Шибалиной* и *Б. А. Ковалевымъ*—желѣзные предметы, найденные въ Харьковскомъ уѣздѣ; *И. А. Рождественскимъ*—глиняный сосудъ, найденный въ Кременной Купянскаго уѣзда, у рѣки Красной.

Харьковская Комиссія по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда выражаетъ глубокую благодарность жертвователямъ и всѣмъ лицамъ, приходящимъ ей на помощь въ выполненіи ея задачъ—по изученію древностей мѣстнаго края и подготовкѣ матеріала для археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Приложенія къ протоколу засѣданія 21 декабря 1904 г.

Отчетъ В. Е. Данилевича о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ 1903 года.

Въ засѣданіи 2 іюня настоящаго года Комиссія возложила на меня порученіе произвести раскопки въ Алексѣевскомъ, Натальевскомъ и Сумскихъ имѣніяхъ д. с. с. П. И. Харитоненка. Такъ какъ іюнь и іюль мѣсяцы были заняты у меня раскопками въ Крыму, произведенными мною по порученію Музея Древностей и Искусствъ при Харьковскомъ университетѣ, то для раскопокъ въ Харьковской губерніи я могъ отдѣлить лишь одинъ августъ. За недостаткомъ времени я остановился на ближайшемъ Алексѣевскомъ имѣніи д. с. с. П. И. Харитоненка и здѣсь избралъ предметомъ своихъ изысканій курганное поле около х. Покровскаго, Валковскаго уѣзда, содержащее около 30 кургановъ различной величины. Я раскопалъ 9 кургановъ и произвелъ повѣрочную раскопку 1 городища-майдана небольшой величины. По характеру погребеній и составу находокъ, курганы могутъ быть отнесены къ киммерійской и скиѳской эпохамъ. Въ курганахъ перваго типа костяки были погребены или въ грунтовыхъ ямахъ, или въ деревянныхъ камерахъ. Положеніе костяковъ—скорченное. При костякахъ встрѣтились только глиняные сосуды

грубой работы типа сосудовъ камерныхъ погребеній, по терминологіи В. А. Городцова, а другихъ вещей не было. Курганы этого типа доставили много интересныхъ и новыхъ данныхъ для характеристики каммерійскихъ погребеній въ предѣлахъ Харьковской губерніи, и остается только пожалѣть, что недостатокъ времени не позволилъ мнѣ раскопать большее количество кургановъ. Въ курганахъ второго типа костяки были погребены большею частью въ материковыхъ ямахъ: въ 2 случаяхъ встрѣтилось погребеніе человѣческаго костяка.

Въ курганахъ этого типа костяки лежали на спинѣ съ вытянутыми руками и ногами, но при этомъ сохранность костяковъ была очень плохая. Изъ погребеній въ курганахъ этого типа наиболѣе интересными необходимо признать: погребеніе воина въ курганѣ № 4 и женское погребеніе (№ 1) въ курганѣ № 9, при чемъ послѣднее является прекрасной иллюстраціей къ разсказу Геродота о погребальныхъ обычаяхъ Скиѳовъ. При этомъ женское погребеніе (№ 1) въ курганѣ № 9 доставило вещи, указывающія на торговыя связи древнихъ обитателей Харьковской губерніи съ греческими колоніями на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, а именно здѣсь найдены: большое бронзовое зеркало съ ручкой, греческой работы, и терракотовая головка-привѣска къ ожерелью, подобныя которой встрѣчаются довольно часто въ керченскихъ находкахъ. Вообще, сравнивая скиѳскія погребенія около х. Покровскаго съ другими скиѳскими погребеніями Харьковской губерніи, нельзя не признать, что курганное поле около х. Покровскаго нельзя не признать однимъ изъ самыхъ богатыхъ и интересныхъ по характеру погребеній и находокъ. Но нельзя не пожелать, чтобы раскопки въ этомъ раіонѣ были продолжены и въ слѣдующіе годы и особенно необходимо изучить всесторонне великолѣпныя городища-майданы, расположенныя въ 3—4 верстахъ отъ раскопанныхъ мною кургановъ. Эти городища-майданы отличаются замѣчательной сложностью и рѣдкой сохранностью, и мнѣ не встрѣчались столь роскошныя экземпляры ни въ натурѣ, ни въ существующей археологической литературѣ. Считаю долгомъ отмѣтить, что первое время при раскопкахъ мнѣ помогалъ г. П. П. Ефименко. Денежный расходъ по раскопкамъ 1903 года выразился въ суммѣ 96 руб. 26 к., и осталось изъ выданныхъ мнѣ 150 руб. 53 р. 74 к., которые представляются при семъ вмѣстѣ съ тѣми оправдательными въ расходахъ документами, какіе мнѣ удалось достать.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

II.

Археологическая экскурсія въ с. Дергачи Харьковскаго уѣзда въ августѣ 1903 года.

Въ концѣ августа настоящаго года Е. К. Рѣдинымъ, мною, Е. М. Ивановымъ и П. Ефименко была совершена археологическая экскурсія въ с. Дергачи Харьковскаго уѣзда. О Дергачахъ въ археологическомъ отношеніи извѣстенъ одинъ случай находки при работахъ въ саду скелета и глинянаго блюда овальной формы. Цѣлью экскурсіи было археологическое обслѣдованіе одной группы кургановъ, находившейся близъ с. Дергачей на землѣ частнаго владѣльца г. Любарскаго.

Получивъ любезное согласіе владѣльца на производство раскопокъ въ его имѣніи, мы, 28 августа, отправились въ Дергачи. Этотъ день былъ употребленъ нами на общее знакомство съ топографіей мѣстности, гдѣ намъ предстояли раскопки и на наемъ рабочихъ. Это было горячее время 2-го сѣнокоса и пришлось много времени и усилій употребить, прежде чѣмъ удалось собрать партію рабочихъ въ 15 человѣкъ.

На слѣдующій день рано утромъ мы съ рабочими уже были на мѣстѣ раскопокъ.

Мѣстность, гдѣ расположена эта группа кургановъ, находится въ двухъ верстахъ отъ с. Дергачей. Она представляетъ высокое плато съ крутыми обрывистыми сторонами съ восточной, южной и западной сторонъ, и только съ сѣверной это плато сливается съ общей возвышенностью.

Т. о. плато является какъ бы мысомъ «шпилемъ», который выдвинула возвышенность въ низменность р. Лопани и надъ которой онъ господствуетъ. У подошвы сѣверной стороны течетъ ручей Крыныця, который впадаетъ въ р. Лопань, омывающую плато съ NO и O. Съ плато открывается широкій видъ на далекія окрестности, къ S., сквозь просвѣты между деревьями, растущими по южной сторонѣ плато, можно видѣть Харьковъ на разстояніи 9—10 верстъ. Все плато сильно распахано, т. к. на немъ владѣльцемъ разбита плантація тутовыхъ деревьевъ.

По всей плоскости и по южной покатости, поросшей, какъ я уже сказалъ, молодымъ дубнякомъ, разбросаны курганы въ разныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга; отъ почти сходящихся подошвами до 20—30 шаговъ разстоянія между сосѣдними курганами, группа состоитъ изъ 60—70 кургановъ сильно распаханныхъ, высотой отъ 0,70 м. до едва возвышающихся надъ поверхностью земли. Одинъ только курганъ выдавался высотой, доходя до 1,50. Форма кургановъ—сильно расползшаяся, но

представляютъ не полушарія, какъ наши степныя курганы, а овалы, что впрочемъ могло зависѣть отъ особенности обработки земли.

Раскопки производились 3 дня, въ теченіе которыхъ вскрыто было десять кургановъ, число достаточное, чтобы судить о всей группѣ. Обслѣдованы были курганы, расположенные въ разныхъ мѣстахъ группы. Такъ, 5 кургановъ были раскопаны на самой плоскости, 2—на опушкѣ лѣса, 3—въ лѣсу, на склонѣ возвышенности.

Высота всѣхъ десяти вскрытыхъ кургановъ колебалась въ сравнительно небольшихъ предѣлахъ: отъ едва замѣтныхъ по поверхности земли до 0,70, окружность ихъ колебалась отъ 30—60 шаговъ.

Однообразіе ихъ внѣшняго вида вполнѣ соотвѣтствовало однообразію содержанія.

Во всѣхъ курганахъ со 2-го слоя снимаемой земли попадались кусочки угля, черепки глиняныхъ сосудовъ, ясный признакъ когда то тронутой земли.

На глубинѣ 0,60—0,80 м. на слоѣ темно-желтой глины, ясно обозначалось пятно, которое при дальнѣйшемъ углубленіи оказывалось погребальной ямой, содержавшей кости погребеннаго, ямы выкапывались въ материкѣ, длиной до 1,50, шириной до 1,0 и глубиной до 0,75, въ одномъ курганѣ дно ямы было устлано деревомъ, перегнившіе слѣды котораго ясно сохранились (№ 3).

Ни въ одномъ курганѣ костякъ не сохранился въ цѣлости. Чрезвычайная твердость почвы, т.-наз. лѣсной глей, отдѣлялась послѣ сильныхъ ударовъ лопатой твердыми, какъ камень, комьями и сильная ея влажность разрушительно подѣйствовала на кости. Для примѣра я укажу только на одинъ фактъ. Какъ извѣстно, самая устойчивая часть костяка человѣка—зубная эмаль, но у скелетовъ Дергачевскихъ кургановъ даже зубы крошились въ порошокъ.

Не смотря на такую малую сохранность костей, все таки въ нѣкоторыхъ изъ могилъ кости или слѣды ихъ были на столько ясны, что дали возможность опредѣлить какъ направленіе, въ которомъ погребены были покойники, такъ, до нѣкоторой степени и ихъ положеніе. Именно, умершіе погребались въ вытянутомъ или согнутомъ положеніи, головой на W.

Предметовъ въ могилахъ встрѣтилось, хотя и немного, но очень характерныхъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить трехъ-гранныя бронзовыя стрѣлки типичнаго скиѳскаго типа. Эти стрѣлки были найдены въ двухъ могилахъ (№ 1 и 6).

Въ курганѣ № 1 семь стрѣлокъ лежали кучкой сбоку скелета, здѣсь же лежали кусочки сильно перержавѣвшаго желѣза.

Въ курганѣ № 6 у ногъ костяка были найдены три стрѣлки такого же типа, часть желѣзнаго ножа съ остатками деревянныхъ ноженъ и обломки нижней круглой части желѣзнаго наконечника копья.

Въ курганѣ № 5 близь костей покойника найдены два бронзовыхъ воронкообразныхъ наконечника такихъ же, какъ найдены гр. Бобринскимъ при его раскопкахъ близь м. Смѣлы въ скиѳскихъ могилахъ (т. II) и которыя являются типичными при скиѳскихъ погребеніяхъ.

Вмѣстѣ съ наконечниками были найдены кусочки перержавѣвшаго желѣза.

Наконецъ, въ курганѣ № 7, найденъ близъ скелета сильно перержавѣвшій ножъ съ костяной ручкой, слѣды которой сохранились и 13 бусинокъ изъ масти зеленаго и желтаго цвѣта.

Такимъ образомъ на основаніи приведенныхъ данныхъ можно сдѣлать слѣдующее заключеніе. Въ могильникѣ с. Дергачей мы имѣемъ дѣло съ типомъ погребенія въ ямахъ, въ которыхъ умершіе клались въ вытянутомъ или согнутомъ положеніи, головой на W.

Типичные бронзовые наконечники и стрѣлки являются драгоцѣнными показателями происхожденія нашего могильника, именно скиѳскаго.

III.

Въ Императорское Московское Археологическое Общество.

Коммиссія по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ имѣетъ честь извѣстить Общество, что 21 декабря с. г. состоялось ея засѣданіе. На этомъ засѣданіи доложены были: 1) отчетъ проф. Д. И. Багалѣя о раскопкахъ его въ имѣніи П. И. Харитоненко (совмѣстно съ г. Воронцомъ) 2) отчетъ В. Е. Данилевича о его раскопкахъ въ томъ же имѣніи 3) отчетъ Е. П. Трифильева о его раскопкахъ совмѣстно съ Е. К. Рѣдинымъ, Е. М. Ивановымъ, Е. П. Ефименко.

Указанные отчеты при семъ прилагаются. Кромѣ того въ томъ же засѣданіи были доложены секретаремъ и казначеемъ бывшаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ отчеты: 1) по израсходованію суммъ, ассигнованныхъ Комитету Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1902 г. (приходъ 2516 р. 19 к., расходъ 2435 р. 39 к.; остатокъ 80 р. 80 к.), 2) по израсходованію суммъ для этнографической выставки (приходъ 2481 р. 25 коп., расходъ 2330 р. 41 к.; остатокъ 150 р. 84 к.), 3) по израсходованію суммъ, ассигнованныхъ Харьковскимъ городскимъ

управленіемъ (приходъ 1000 р., расходъ 996 р. 20 к.; остатокъ 3 р. 80 к.), 4) по продажѣ изданій въ бюро XII археологическаго съѣзда; (приходъ 391 р. расходъ 89 р. 80 к.; остатокъ 301 р. 20 коп.).

Кромѣ того проф. Е. К. Рѣдинымъ былъ доложенъ отчетъ въ израсходованіи суммъ, ассигнованныхъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1903 г. на подготовку XIII археологическаго съѣзда (приходъ 500 р., расходъ 455 р. 78 к.; остатокъ 44 руб. 22 к.; кромѣ того въ самомъ засѣданіи возвращено Д. И. Багалѣемъ 43 р., В. Е. Данилевичемъ 53 р. 74 к.; всего въ остаткѣ на 1904 г.— 140 р. 96 к.).

Прив.-доц. А. М. Покровскій не производилъ раскопокъ, выданные ему 100 руб. пока еще не возвращены Коммиссіи.

Всѣ вышеуканные денежные отчеты вмѣстѣ съ оправдательными документами при семъ прилагаются.

Коммиссія, выслушавъ всѣ указанные денежные отчеты секретаря-казначея проф. Е. К. Рѣдина, ихъ провѣрила и утвердила и обращается къ Обществу съ покорнѣйшей просьбой утвердить, если найдетъ возможнымъ и правильнымъ слѣдующія ея постановленія. [1])

1) Остатокъ изъ суммъ Общества на 1902 г. 80 руб. 80 коп., остатокъ изъ городскихъ суммъ 3 руб. 80 коп.—пріобщить къ остатку на 1904 г. на текущія нужды Коммиссіи и—спеціально на расходы по возврату проф. Е. К. Рѣдинымъ оставшихся еще не возвращенными вещей, бывшихъ на выставкѣ съѣзда.

2) Остатокъ отъ суммъ по этнографической выставкѣ—150 р. 84 к., какъ имѣющихъ спеціальное назначеніе, передать Историко-филологическому Обществу при Харьковскомъ университетѣ на нужды его этнографическаго музея, образованнаго изъ предметовъ бывшихъ на этнографической выставкѣ XII археологическаго съѣзда и предоставленныхъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ указанному Обществу.

3) Остатокъ въ 301 р. 20 к. отъ продажи въ бюро съѣзда изданій, приготовленныхъ Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ отчасти на средства Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, отчасти на средства Харьковскаго университета и Московскаго Археологическаго Общества—передать въ распоряженіе Историко-филологическаго Общества для спеціальнаго назначенія—изданія трудовъ, матеріаловъ, протоколовъ

[1]) Отношеніемъ отъ 28 сентября 1904 г. за № 1160 Императорское Московское Археологическое Общество вполнѣ согласилось со всѣми постановленіями Коммиссіи.

ея Коммиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда—ко времени открытія съѣзда въ 1905 г.

Отчетъ въ израсходованіи этой суммы будетъ представленъ Обществу по приготовленіи указаннаго спеціальнаго къ съѣзду изданія.

5-е засѣданіе.

(9 февраля 1905 года).

Въ засѣданіи 9 февраля 1905 г. подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ присутствовали члены: Д. И. Багалѣй, В. Е. Данилевичъ, Е. М. Иваповъ, А. П. Кадлубовскій, М. А. Масловъ, С. В. Соловьевъ, А. С. Лебедевъ.

1. Д. И. Багалѣй доложилъ о трудахъ: 1) *Альбовскаго*: Валки, украинный городъ Московскаго государства (по документамъ Архива Министерства юстиціи), 2) *Бѣлявскаго*, Государевы арбузные огороды и виноградники въ Чугуевѣ (Матеріалы къ исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ Московскаго государства), 3) *П. П. Короленко*, Справка, извлеченная изъ дѣлъ Харьковскаго историческаго Архива по исторіи малороссійскихъ казаковъ, 4) о сатирѣ «Харьковскій бульваръ» (20-хъ г.г. XIX ст.) изъ бумагъ инспектора студентовъ Венедиктова, 5) о письмѣ учителя музыки Витковскаго (1825 г.) къ редактору украинскаго журнала, 6) о матеріалахъ къ біографіи гр. А. С. Уварова, 7) о дневникѣ проф. Морозова, 8) объ неизданной статьѣ о трудѣ преосв. Филарета «Ист.-ст. описи Хар. епарх.». Докладчикъ подробно ознакомилъ съ содержаніемъ вышеуказанныхъ трудовъ и матеріаловъ и указалъ на ихъ значеніе для исторіи мѣстнаго края. Постановлено напечатать ихъ въ «Трудахъ» Коммиссіи.

2. *Н. Ѳ. Сумцовъ* доложилъ о своихъ трудахъ: 1) Бытовая старина въ произведеніяхъ Квитки, Котляревскаго, Шевченка, 2) О нѣкоторыхъ иконахъ изъ церкви с. Боромли Ахтырскаго уѣзда и 3) о мелкихъ замѣткахъ по этнографіи. Постановлено напечатать въ «Трудахъ» Коммиссіи.

3. *А. С Лебедевъ* доложилъ о своемъ трудѣ «Землевладѣніе и торговые промыслы духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ (по архивнымъ документамъ Харьковской духовной консисторіи). Постановлено напечатать въ «Трудахъ» Коммиссіи.

4. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ о своихъ статьяхъ: 1) Древности церквей г. Харькова XVII—XVIII в., 2) Труды гр. П. С. Уваровой и др., и о

статьяхъ предположенныхъ къ помѣщенію въ «Трудахъ» Коммиссіи: Я. И. Смирнова, Д. В. Айналова, А. В. Ветухова, В. Бабенка, М. Е. Халанскаго, Е. М. Иванова, (Дни недѣли), Е. К. Рѣдина и Д. И. Багалѣя (Картографическіе матеріалы), и др. Постановлено: все, что будетъ доставлено напечатать въ «Трудахъ».

5. *В. Е. Данилевичъ* доложилъ о своихъ трудахъ: «Стоянка и мастерская около сл. Хухры Ахтырскаго уѣзда Харьковской губ.» «О нѣкоторыхъ монетныхъ кладахъ». Постановлено напечатать въ «Трудахъ».

6. *Е. М. Ивановъ* доложилъ объ археологическихъ матеріалахъ въ документахъ архива нумизматическаго кабинета, и о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ имѣніи Духовскаго (открыты два кочевническихъ погребенія). Рѣшено воспользоваться документами для извлеченія изъ нихъ соотвѣтствующаго матеріала, и произвести дальнѣйшія раскопки въ имѣніи Духовскаго, и въ имѣніяхъ г. Харитоненко—ближайшимъ лѣтомъ, на что имѣется согласіе владѣльцевъ.

7. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ отчетъ *Е. П. Трифильева* о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ.

Постановлено этотъ отчетъ препроводить вмѣстѣ съ общимъ отчетомъ о дѣятельности Коммиссіи за 1904 г. (См. прилож. I и II).

8. *Е. К. Рѣдинъ* сообщилъ предложеніе Московскаго Археологическаго Общества—сфотографировать каменныя бабы, находящіяся въ Харьковской губ. Рѣшено—подыскать любителя фотографа и условиться съ нимъ въ цѣнѣ, о каковой и сообщить Обществу.

Приложенія къ протоколу засѣданія 9 февраля 1905 г.

I.

Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковковскомъ университетѣ имѣетъ честь сообщить при семъ нижеслѣдующій отчетъ состоящей при немъ Коммиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Коммиссія въ отчетномъ году подготовила матеріалы для предполагаемыхъ къ изданію и посвящаемыхъ XIII археологическому съѣзду ея «Трудовъ». Такимъ образомъ уже приготовлены къ печати и отчасти уже печатаются подъ редакціей секретаря коммиссіи проф. Е. К. Рѣдина изслѣдованія и матеріалы г.г. Альбовскаго, Бѣлявскаго, П. И. Короленко,

Н. Ѳ. Сумцова, А. С. Лебедева, Е. К. Рѣдина, В. Е. Данилевича, Д. И. Багалѣя, А. В. Ветухова, Бабенка, М. Е. Халанскаго, П. В. Иванова и друг.

Членъ коммиссіи Е. П. Трифильевъ совершилъ раскопки на средства Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ Маріупольскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи; отчетъ о его раскопкахъ былъ доложенъ въ засѣданіи коммиссіи 9 февраля и постановлено препроводить его Обществу, согласно чему онъ при семъ и прилагается.

Были также произведены раскопки членомъ Е. М. Ивановымъ въ имѣніяхъ Духовского (давшія нахожденіе двухъ кочевническихъ погребеній). Предположено продолженіе раскопокъ (съ разрѣшенія и на средства владѣльца) и предстоящимъ лѣтомъ; равно какъ и въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко.

Коммиссія подготовляла къ выставкѣ при съѣздѣ памятники, ранѣе добытые изъ раскопокъ въ имѣніяхъ г. Харитоненко.

Члены коммиссіи: В. Е. Данилевичъ и С. В. Соловьевъ посильно помогали своими трудами Екатеринославскому Предварительному Комитету.

Коммиссія разсматривала предложеніе Общества о пріисканіи лицъ для фотографированія каменныхъ бабъ изъ числа находящихся въ Харьковской губерніи по списку, присланному гр. П. С. Уваровой, и рѣшила пріискивать таковое лицо и въ видахъ покрытія расходовъ по фотографированію въ случаѣ нахожденія подходящаго лица—100 руб. изъ числа 500, присланныхъ Обществомъ Комиссіи въ 1904 г., временно не возвращаются.

Полный отчетъ о суммахъ и дѣятельности Комиссіи будетъ представленъ Обществу ко времени XIII археологическаго съѣзда.

II.

Краткій отчетъ Е. П. Трифильева объ археологической экскурсіи по теченію р.р. Кальміуса и Кальчика въ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, лѣтомъ 1904 года.

Къ предстоящему въ 1905 году XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ отъ Московскаго Археологическаго Общества я получилъ предложеніе совершить археологическую экскурсію въ Маріупольскій уѣздъ Екатеринославской губерніи. Предложеніе было заманчиво. Уже на предшествовавшемъ XII съѣздѣ въ Харьковѣ были поставлены и въ значительной степени разрѣшены два особенно интересныхъ вопроса: первый о каменныхъ бабахъ, второй—о кочевникахъ

XXXIII

До Харьковскаго съѣзда вопросъ о происхожденіи каменныхъ бабъ, объ отношеніи ихъ къ содержанію кургановъ, на которыхъ онѣ стояли, и т. п. являлся въ высшей степени загадочнымъ. Раскопки кургановъ съ каменными бабами на вершинахъ не выясняли, а только затемняли вопросъ, т. к. давали поводъ изслѣдователямъ приписывать этимъ памятникамъ скиѳское происхожденіе. Въ археологическую экскурсію въ Купянскій уѣздъ Харьковской губерніи мнѣ удалось вскрыть два кургана съ каменными бабами на нихъ, содержаніе которыхъ впервые съ несомнѣнной очевидностью разрѣшало этотъ вопросъ въ смыслѣ принадлежности этихъ памятниковъ ни кому иному, какъ нашимъ кочевникамъ [1]). Предлагаемая экскурсія могла дать новый и интересный матеріалъ для дальнѣйшаго разрѣшенія этого вопроса. Разрѣшеніе другого вопроса—о нашихъ кочевникахъ, для выясненія котораго археологія такъ еще мало сдѣлала, также находится въ зависимости отъ раскопокъ въ нашихъ южныхъ степяхъ. А если представить себѣ надежду найти загадочную р. Калку и опредѣлить еще болѣе загадочное мѣсто битвы на р. Калкѣ, то станетъ понятнымъ тотъ интересъ, съ которымъ я принялъ предложеніе Московскаго Археологическаго Общества.

И раскопки до извѣстной степени оправдали надежды, которыя я связывалъ съ ними. Правда, я не вскрылъ ни одного кургана съ каменной бабой, такъ какъ таковыхъ не оказалось въ районѣ моей экскурсіи, но мнѣ удалось встрѣтить курганъ, въ которомъ я сдѣлалъ интересную находку: надъ покойникомъ въ самомъ курганѣ, въ видѣ могильной плиты была положена каменная баба въ грубомъ видѣ съ слабо выраженными, но ясно видными чертами, характеризующими эти памятники. Обстановка погребенія типичная, кочевническая: костякъ лежалъ въ вытянутомъ положеніи головой на W., на глубинѣ 1,30 въ материкѣ—глинѣ въ деревянномъ гробу, отъ котораго уцѣлѣли только желѣзныя скобочки, на пальцѣ правой руки было найдено серебряное проволочное кольцо, изъ частей одежды уцѣлѣли только костяная пуговица, два бронзовыхъ бубенчика, найденныхъ у шеи, прикрѣпленныхъ повидимому къ вороту одежды, части двухъ желѣзныхъ ножей, желѣзная пряжка, все сильно перержавѣвшее вслѣдствіе сырости почвы.

Надъ покойникомъ была положена вышеупомянутая каменная баба, имѣвшая размѣры: длин.—1,10, одна сторона—0,30, другая—0,40, а

---

[1]) См. мой рефератъ: „Курганы съ каменными бабами Купянскаго уѣзда", читанный на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ и напечатанный въ Трудахъ этого съѣзда, т. I, стр. 141. Оцѣнку результатовъ этихъ раскопокъ, произведенную проф. Н. И. Веселовскимъ, см. въ Извѣстіяхъ Съѣзда.

надъ каменной бабой кости лошади—переднія ноги до лопатокъ включительно съ желѣзнымъ стременемъ, здѣсь же найденнымъ.

Значеніе этого погребенія заключается въ томъ, что оно еще разъ подтверждаетъ доказанное уже моими предшествующими раскопками положеніе о несомнѣнной принадлежности каменныхъ бабъ кочевникамъ.

Здѣсь же, близъ с. Чермалыка на р. Кальміусѣ мною было вскрыто еще 5 кургановъ, составлявшихъ съ только что описаннымъ одинъ могильникъ. Всѣ курганы принадлежали кочевникамъ. Въ каждомъ изъ нихъ было по одному погребенію, покойники лежали въ одинаковомъ съ описаннымъ положеніи, въ деревянныхъ гробахъ. Надъ ними кости коня, обыкновенно переднія ноги. Предметовъ при костякахъ было найдено немного: этому способствовала сильная сырость почвы, которая уничтожила не только ткани, но и металлическіе предметы, особенно бронзовые: часто приходилось только констатировать бывшее присутствіе ихъ въ могилѣ по зеленому налету на остаткахъ перегнившаго дерева или костяхъ покойника. С. Чермалыкъ было первымъ пунктомъ, начиная отъ устья Кальміуса, въ которомъ я производилъ раскопки. Слѣдующими пунктами вверхъ по Кальміусу были села Карань и Ласпи. И здѣсь среди погребеній въ ямахъ найдены погребенія кочевническія, аналогичныя предшествовавшимъ. Изъ предметовъ неизмѣнными во всѣхъ случаяхъ являются глиняные горшки, обыкновенно баночной формы, очень грубо сдѣланные, безъ всякихъ украшеній, чаще всего находимые въ совершенно разрушенномъ состояніи или вслѣдствіе сырости почвы или вслѣдствіе тяжести камней, наполняющихъ могилу.

Кромѣ теченія р. Кальміуса я еще производилъ раскопки по теченію р. Кальчика, праваго притока Кальміуса, впадающаго въ него близъ устья послѣдняго. Раскопки произведены были мною близъ селъ Чердаклы и Малый Янисоль.

Близъ с. Чердаклы я нашелъ двѣ группы кургановъ, расположенныхъ одна къ О, другая къ S отъ села, обѣ на вершинахъ покатостей, спускающихся къ р. Кальчику.

Мною здѣсь было раскопано—въ первой группѣ 6 кургановъ, во второй—4. За исключеніемъ перваго погребенія въ первой группѣ, въ которомъ скелетъ былъ найденъ въ вытянутомъ положеніи, головой на О, во всѣхъ остальныхъ могилахъ покойники были въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головой на О, съ кистями рукъ у рта. Предметовъ почти никакихъ, если не считать распавшихся на мелкіе куски глиняныхъ сосудовъ. Только въ первомъ погребеніи были найдены 19 трехгранныхъ бронзовыхъ стрѣлокъ да слѣды красной краски.

Въ с. Маломъ Янисолѣ я снова встрѣтился съ кочевническими погребеніями. Одно изъ нихъ было особенно интересно: надъ покойникомъ была найдена голова коня съ желѣзными удилами, часть которыхъ хорошо сохранилась, подъ нею желѣзный ножъ. Въ заключеніи нельзя не посѣтовать на большое сравнительно число ограбленныхъ могилъ, тѣ же, которыя остались не тронутыми, отличались удивительной бѣдностью.

Пр.-доц. Е. П. Трифильевъ.

6-е засѣданіе.

(17 мая 1905 года).

17 мая 1905 г. состоялось соединенное засѣданіе Коммисіи вмѣстѣ съ членами Историко-филологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ.

1. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сказалъ слово, посвященное памяти Е. И. Якушкина. Память покойнаго почтена вставаніемъ.

2. Онъ же доложилъ отвѣтное благодарственное письмо гр. П. С. Уваровой на посланную ей привѣтственную телеграмму отъ имени Общества 30 Апрѣля с. г. по поводу двадцатилѣтія ея предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

3. Проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ докладъ *В. И. Срезневскаго* «Климовскій-Климовъ, казакъ-стихотворецъ и два его сочиненія». О малорусскомъ писателѣ начала XVIII вѣка Семенѣ Климовскомъ до сихъ поръ извѣстно было только по слухамъ. Теперь можно сказать съ полной справедливостью, что харьковскій казакъ Климовскій—не миѳическое лицо: В. И. Срезневскому удалось открыть въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ рукопись, быть можетъ автографъ автора, помѣченную 1724 годомъ и содержащую въ себѣ два сочиненія: 1) «О правосудіи начальствующихъ, правдѣ и бодрости ихъ», 2) «О смиреніи высочайшихъ». Въ противоположность обычному раболѣпному тону южно-русскихъ виршъ XVIII вѣка, сочиненія Климова представляютъ собою нѣчто совершенно инное. Описывая качества, необходимыя для монарха, добродѣтели, ему присущія, и восхваляя эти добродѣтели, авторъ далекъ и отъ похвалъ монарховъ вообще, и отъ прославленія того, кому онъ подноситъ свою книгу. Авторъ—несомнѣнно передовой человѣкъ своего времени.

Проф. Д. И. Багалѣй указалъ на важное значеніе открытыхъ сочиненій для исторіи мѣстной литературы, на связь ихъ съ сочиненіями Сковороды.

Проф. М. Г. Халанскій указалъ на связь сочиненій Климова съ сатирами Антіоха Кантемира.

4. *Проф. Д. И. Багалѣй* прочелъ рефератъ «О матеріалахъ по исторіи г. Харькова въ XVII вѣкѣ». Матеріалы эти, впервые издаваемые, относятся къ 1655—1688 г. и имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи города въ первые тридцать лѣтъ его существованія.

Сочиненія Климова и указанные «матеріалы» постановлено напечатать въ «Трудахъ» Коммиссіи.

5. *Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ* прочелъ докладъ о духовныхъ бесѣдахъ извѣстнаго сельскаго священника, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ въ началѣ XIX в. Бесѣды—выдающійся памятникъ по содержанію, языку, по бытовымъ даннымъ.

На значеніе бесѣдъ въ различныхъ отношеніяхъ указали: проф. М. Г. Халанскій (связь съ малорусскими рукописями XVII—XVIII в.), Д. И. Багалѣй (замѣчательный языкъ, происхожденія изъ Кіевск. губ.), А. С. Лебедевъ (по идеямъ опередилъ свое время). Постановлено напечатать въ «Трудахъ».

Проф В. П. Бузескулъ познакомилъ съ трудомъ Виппера по исторіи Греціи, сдѣлавъ критическій обзоръ его.

6. *Проф. Е. К. Рѣдинъ* познакомилъ съ трудомъ акад. Н. П. Кондакова, съ изданіемъ Комитета попечительства о русской иконописи «Лицевой иконописный подлинникъ т. I. Иконографія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа». Докладчикъ отмѣтилъ, что это изданіе выдающееся и по исполненію—воспроизведенію памятниковъ—образовъ Христа особенно русскихъ иконъ XV—XVII в.в., и по своему научному значенію.

7. Проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ проектъ отчета о работахъ Коммиссіи, состоящей при Харьковскомъ Ист.-Фил. Обществѣ по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

По обсужденіи отчета постановлено напечатать его въ «Трудахъ» Коммиссіи, и кромѣ того рѣшено:

1. Памятники древности, добытые раскопками Д. И. Багалѣя и В. Е. Данилевича и произведенными въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко на средства, предоставленныя имъ Историко-филологическому Обществу, и отчасти на средства Музея Древностей Императорскаго Харьковскаго университета—считать собственностью указаннаго Музея;

2. а) Эти памятники, равно б) добытые въ 1903 г. раскопками В. Е. Данилевича въ Крыму, въ имѣніи г. Алчевскаго, и пожертвованные послѣднимъ Музею Древностей Императорскаго Харьковскаго университета, в) равно добытые раскопками В. А. Бабенко въ Верхне-Салтовскомъ

могильникѣ въ 1903 и 1904 г.г. и принадлежащіе Музею Древностей Харьковскаго университета и г) добытые въ 1904 г. раскопками Е. П. Трифильева въ Маріупольскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. отправить на выставку при XIII археологическомъ съѣздѣ.

3. Ходатайствовать предъ правленіемъ университета о посылкѣ на выставку изъ университетскаго архива дѣлъ, касающихся визитаціи профессорами училищъ Екатеринославской губ.

4. Отправить отъ имени Общества на выставку двѣ рукописи, пожертвованныя Е. М. Ивановымъ.

5. Доложить отъ имени Коммиссіи рефераты на съѣздѣ ея членами. Рефераты обѣщаны: Н. Ѳ. Сумцовымъ, Д. И. Багалѣемъ, М. Г. Халанскимъ, В. П. Бузескуломъ, А. С. Лебедевымъ, А. П. Кадлубовскимъ, В. И. Саввою, Е. П. Трифильевымъ, Е. К. Рѣдинымъ, С. В. Соловьевымъ.

6. Ходатайствовать въ январѣ 1906 г. предъ П. И. Харитоненко о разрѣшеніи произвести раскопки въ его имѣніяхъ лѣтомъ 1906 г. въ виду не состоявшихся раскопокъ лѣтомъ 1904 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Шереръ, Набгольцъ и Ко. Москва.

Графиня Уварова.

Графиня П. С. Уварова

двадцатилѣтію ея председательства
Археологическаго

Генерал Кларке.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Графиня П. С. Уварова.

(Къ двадцатилѣтію ея предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ).

Въ исторіи развитія науки археологіи въ Россіи, изученія отечественныхъ древностей — имя графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, ея научная дѣятельность будетъ отмѣчена съ благодарностью.

Научная дѣятельность графини Уваровой началась болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, еще при жизни незабвеннаго графа А. С. Уварова, для котораго она являлась не только вѣрнымъ другомъ, но и лучшимъ ученикомъ и помощникомъ во всѣхъ его научныхъ занятіяхъ, предпріятіяхъ. Это участіе въ трудахъ выдающагося ученаго археолога было лучшей школой для послѣдующей дѣятельности графини Уваровой, явившейся столь плодотворной и весьма важной по своимъ результатамъ. И Императорское Московское Археологическое Общество въ справедливой оцѣнкѣ выдающейся личности гр. Уваровой избираетъ ее преемникомъ супруга въ руководители свои, своимъ предсѣдателемъ [1]). И гр. Уварова уже двацать лѣтъ стоитъ во главѣ Общества, работая не покладая рукъ, съ замѣчательною энергіею въ выполненіи высокихъ задачъ, принятыхъ Обществомъ.

Не преувеличивая можно сказать, что благодаря именно дѣятельности самой гр. Уваровой, ея неутомимой энергіи, Московское Археологическое Общество такъ расширило свою научную дѣятельность и такъ щедро обогащаетъ русскую археологическую науку своими цѣнными научными изданіями, способствуетъ широкому распространенію знаній о древностяхъ, собиранію древностей въ различныхъ областяхъ нашего обширнаго отечества, изслѣдованію, изученію ихъ.

При содѣйствіи и живомъ участіи графини при Обществѣ возникли три новыя Коммиссіи: Восточной и Славянской археологіи и археографіи, привлекшія новыя силы къ дѣятельности Общества и обогатившія

---

[1]) 30-го Апрѣля 1885 года.

русскую науку цѣнными трудами. При содѣйствіи графини, ея неусыпных заботахъ—получены матеріальныя средства и привлечены научныя силы для совершенія крупнаго научнаго предпріятія—систематическаго изученія въ археологическомъ отношеніи Кавказа и такъ называемыхъ Чудскихъ древностей восточной Россіи. Графиня становится душой этого дѣла, она сама редактируетъ замѣчательное изданіе «Матеріалы по археологіи Кавказа», вышедшее уже въ количествѣ десяти томовъ.

Какъ широко понимаетъ задачи всего дѣла руководитель его, видно изъ предисловія къ 1-му тому указаннаго изданія:

«Съ именемъ Кавказа, говоритъ гр. Уварова, соединено столько древнѣйшихъ преданій азіатскихъ и европейскихъ народовъ; его исторія настолько связана съ исторіей человѣчества, начиная съ эпохи Ассирійцевъ, древнихъ Персовъ, Грековъ, Византіи, Армянскаго и Грузинскаго царствъ—и кончая новѣйшей исторіей Персіи, Турціи и Россіи; въ его предѣлахъ живетъ такъ много различныхъ племенъ, отчасти родственныхъ народностямъ Востока и ближайшихъ частей Европейской Россіи, отчасти совершенно отличныхъ по языку, типу и культурѣ, что научное изученіе Кавказа, его археологіи, исторіи и этнографіи, должно еще долго привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ и можетъ обѣщать богатые результаты для различныхъ областей исторіи и языкознанія.

Императорское Московское Археологическое Общество, слѣдуя пути, намѣченному его покойнымъ основателемъ, считало своимъ долгомъ продолжать начатое систематическое изслѣдованіе Кавказскихъ древностей. Признавая важное значеніе за изслѣдованіемъ доисторическихъ памятниковъ края, Общество вмѣстѣ съ тѣмъ обратило еще бо́льшее вниманіе на тѣ памятники старины, которые относятся къ временамъ историческимъ и особенно на памятники древнехристіанской эпохи... Вмѣстѣ съ тѣмъ, обсуждая вопросъ объ изслѣдованіи доисторической археологіи Кавказа, Московское Археологическое Общество пришло къ заключенію, что было-бы желательно и полезно для дѣла связать это съ изученіемъ такъ называемыхъ Чудскихъ древностей восточной Россіи».

Общество, руководимое гр. Уваровой, какъ сказали уже, выполнило и выполняетъ блестяще свой обширный планъ важнаго научнаго предпріятія. Результаты многочисленныхъ научныхъ экскурсій, экспедицій и на Кавказъ, и въ восточныя губерніи Россіи—на лицо въ десяти томахъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа» и въ трехъ томахъ «Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній Россіи.» Это капитальный и важный вкладъ въ науку, уже оцѣненный не только въ нашей, но и западноевропейской научной литературѣ.

Цѣнный вкладъ въ науку археологіи, незамѣнимую услугу дѣлу изученія отечественныхъ древностей оказываетъ Общество и его предсѣдатель устройствомъ археологическихъ съѣздовъ, которые собираются черезъ три года въ центрахъ какой-либо области, служащей спеціальной цѣлью изученія того или иного съѣзда. Извѣстно, какая обширная, кропотливая и многохлопотливая подготовка требуется для устройства съѣзда; сколько надо потратить энергіи, вниманія, чтобы выработавши извѣстный планъ, привести его въ исполненіе, чтобы найти работниковъ, привлечь различныя Общества, отдѣльныхъ лицъ къ участію въ томъ или иномъ дѣлѣ этого громаднаго научнаго предпріятія. Научныя предпріятія, да еще въ такой малоразработанной области у насъ, и мало къ тому еще популярной, какъ археологія—это цѣлый подвигъ, и такой подвигъ, требующій громадныхъ трудовъ, необыкновенной энергіи, истинной любви къ дѣлу, несетъ и совершаетъ гр. П. С. Уварова. На нее именно выпадаетъ главная работа въ этомъ дѣлѣ и успѣхъ съѣздовъ, польза, приносимая ими нашей отечественной археологіи, во многомъ обязаны именно ей. Послѣ смерти графа А. С. Уварова всѣ происходившіе съѣзды—были устроены и дали существенные научные результаты, благодаря гр. Уваровой—7-й Ярославскій, 8-й Московскій, 9-й Виленскій, 10-й Рижскій, 11-й Кіевскій, 12-й Харьковскій. Изданные труды ихъ, почти всѣ подъ редакціей гр. Уваровой—вкладъ въ науку. Насколько велика, существенна и плодотворна дѣятельность съѣздовъ въ дѣлѣ изученія древностей и особенно тѣхъ областей, которыя служатъ спеціальной задачей ихъ изслѣдованія—можно судить напр. по послѣднему XII археологическому съѣзду, происходившему въ августѣ 1902 г. въ стѣнахъ Харьковскаго Университета. Этотъ съѣздъ впервые вызвалъ массу изслѣдованій Харьковской губерніи въ археологическомъ отношеніи, онъ далъ много матеріаловъ, памятниковъ для этого изученія въ будущемъ. Онъ оставилъ этотъ матеріалъ въ наслѣдіе, образовавъ отдѣлъ мѣстныхъ древностей въ Музеѣ Изящныхъ Искусствъ Университета и Этнографическій Музей Историко-Филологическаго Общества при Университетѣ.

По тому же съѣзду, члены Университета, принимавшіе участіе въ дѣятельности Предварительнаго Комитета, знаютъ, какая громадная работа по подготовкѣ съѣзда совершается гр. Уваровой, сколько вниманія, энергіи затрачивается ею для дѣла, съ какой любовью, съ полнымъ сознаніемъ важности его, она вникаетъ во всѣ мелочи его, слѣдитъ за всѣмъ, подкрѣпляетъ, даетъ всякаго рода помощь участникамъ его.

Благіе результаты дѣятельности, вниманія гр. Уваровой по подготовкѣ XII археологическаго съѣзда на лицо—въ видѣ указаннаго на-

слѣдія Университету, создавшаго, можно сказать, два музея, два спеціальныхъ учебно-воспомогательныхъ учрежденія.

Затрачивая такъ много энергіи для устройства научныхъ предпріятій, изданій—графиня Уварова посвящаетъ много труда и личнымъ научнымъ изслѣдованіямъ; она находитъ досугъ для этихъ изслѣдованій, среди которыхъ нѣкоторыя являются крупными и капитальными вкладами въ науку особенно, тѣ, которыя относятся къ древностямъ излюбленнаго графиней края—Кавказа.

Еще при жизни супруга, совмѣстно съ нимъ, она въ 1879, 1880, 1881 гг. совершаетъ поѣздки по Кавказу, съ цѣлью изученія его древностей, совершенія раскопокъ и т. п. Какъ всесторонне изучала графиня край, какъ внимательно она осматривала всякаго рода памятники, не пропуская ничего, съ какой любовью останавливалась и на современной жизни туземцевъ, и на ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ, костюмахъ и т. п.— служатъ прекраснымъ показателемъ три выпуска Путевыхъ замѣтокъ по Кавказу, изданные ею [1]).

Замѣтки эти не лишены научнаго значенія, написаны живымъ литературнымъ языкомъ, заключаютъ во многихъ мѣстахъ прекрасныя поэтическія описанія природы.

И въ послѣдующее время она совершила еще нѣсколько научныхъ путешествій на Кавказъ, при томъ въ такія мѣста, которыя остались недоступны другимъ изслѣдователямъ, или были опущены ими.

Результатомъ этихъ путешествій и изслѣдованій графини—являются три капитальныхъ труда ея, изъ которыхъ одинъ посвященъ Христіанскимъ памятникамъ [2]), другой могильникамъ сѣвернаго Кавказа [3]), а третій—древностямъ Пшавіи, Хевсуретіи и Сванетіи [4]). Первый трудъ—большой томъ in 4^0 съ 162 рисунками въ цинкографіяхъ и 61 таблицей фототипій. «Одни эти внѣшнія качества книги, говоритъ проф. Д. В. Айналовъ, уже обращаютъ на себя вниманіе какъ любителя старины, такъ и спеціалиста. При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ книгой, съ ея содержаніемъ и задачами, все болѣе возрастаетъ убѣжденіе, что трудъ автора представляетъ совершенно новую и въ высшей степени важную страницу въ исторіи изученія Кавказа и его древностей. Въ самомъ дѣлѣ, весь матеріалъ, наполняющій этотъ увѣсистый томъ, является въ печати

[1]) Кавказъ. Путевыя замѣтки. 1-я ч. М. 1887; II-я ч. Абхазія, Аджарія, Имеретія, Посховскій участокъ, М. 1891; III-я ч. Рача, Горійскій уѣздъ, Горы Осетіи, Пшавія, Хевсуретія и Сванетія, М. 1904 г.

[2]) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IV. Христіанскіе памятники, М. 1891 г.

[3]) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. 8. М. 1900 г.

[4]) Матеріалы по археологіи Кавказа, выпускъ X. М. 1904 г.

впервые и представляетъ совершенно новыя, неизвѣстныя до сихъ поръ данныя, цѣнность которыхъ опредѣлится не сразу, но передъ которыми съ полною благодарностью останавливается изслѣдователь [1])». Гр. Уварова отнеслась къ своей задачѣ серьезно и сдѣлала все, что только возможно было для лучшаго ознакомленія съ разнообразными памятниками христіанскихъ древностей Кавказа, еще, къ сожалѣнію, мало изслѣдованными въ спеціальныхъ монографіяхъ. Трудъ графини даетъ, какъ сказали, весьма важный, цѣнный, систематизированный и подвергнутый изслѣдованію матеріалъ, дальнѣйшее изученіе котораго внесетъ много новаго въ исторію христіанскаго искусства. Серьезное и строгое отношеніе къ своей задачѣ внушило автору совершенно правильную мысль—при описаніи христіанскихъ памятниковъ отмѣчать и тѣ преданія, легенды, что связаны съ ними. «Мы, говоритъ гр. Уварова, должны въ своемъ описаніи дать мѣсто молитвенному настроенію населенія описываемаго края, должны проникнуться идеей, что позднѣйшія христіанскія сооруженія, возводимыя на тѣхъ же горахъ, въ тѣхъ же ущеліяхъ, среди тѣхъ же заповѣдныхъ рощъ, ничто иное какъ вѣнчаніе и освященіе народныхъ вѣрованій и преданій, всего того, что мѣстные жители этихъ горъ и ущелій привыкли вѣками любить и уважать; только при такихъ условіяхъ описаніе наше можетъ оказаться вѣрнымъ и передастъ болѣе или менѣе полную картину изучаемаго края».

Другой трудъ, какъ сказали, посвященъ могильникамъ сѣвернаго Кавказа.

Древности могильниковъ служили предметомъ изученія гр. А. С. Уварова, Вирхова, Шантра, Байерна и друг. ученыхъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ, касавшихся только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Гр. Уварова въ своемъ трудѣ преслѣдуетъ задачу—наиболѣе полнаго обнародованія и объясненія всего извѣстнаго матеріала. Задача въ высшей степени обширная, потребовавшая у автора массы труда, ознакомленія со всей научной литературой и со всѣми памятниками, разсѣянными по различнымъ музеямъ не только въ Россіи, но и заграницей; при чемъ всѣ эти памятники для даннаго изданія заново провѣрены и зарисованы, и такимъ образомъ, можно сказать, весь матеріалъ введенъ въ надлежащую группировку и пріуроченъ къ соотвѣтствующему мѣсту и дальнѣйшія научныя операціи надъ нимъ облегчены, дана полная возможность къ всестороннему его изученію. Изданный графиней громадный томъ заключаетъ, кромѣ весьма цѣннаго текста, изслѣдующаго могильный инвентарь, 134 прекрасныхъ фототипическихъ таблицы и 316 цинко-

[1]) *Археолог. Извѣстія и Замѣтки*, III (1895), 233.

графическихъ рисунковъ, что въ общемъ составитъ болѣе 1500 рисунковъ съ отдѣльныхъ предметовъ; это такое обиліе, богатство матеріала, которое до сихъ поръ не извѣстно было въ наукѣ. Способъ погребенія, весь инвентарь его обрисовываются съ замѣчательной полнотой и потому трудъ графини Уваровой представляетъ собою такое сокровище, «къ которому, какъ источнику всяческихъ свѣдѣній по археологіи Кавказа», всегда будутъ обращаться изслѣдователи.

Гр. Уваровой подготовленъ уже матеріалъ для изданія древностей могильниковъ другихъ областей, которыя она предполагаетъ выпустить въ такомъ порядкѣ: Черноморскій округъ или западное побережье Кавказа, Дагестанъ или побережье Каспійскаго моря, Закавказье и, наконецъ, Кавказское предгорье и степи къ нему прилегающія.

Третій трудъ, какъ сказали, посвященъ древностямъ Пшавіи, Хевсуретіи и Сванетіи. Здѣсь вновь цѣнное описаніе и изданіе богатѣйшаго, впервые становящагося извѣстнымъ матеріала, вносящаго крупный вкладъ въ исторію христіанскаго искусства вообще, византійскаго и мѣстнаго (кавказскаго) въ частности. Здѣсь много весьма важнаго матеріала и для другихъ отдѣловъ древностей, для исторіи культуры туземнаго населенія, его быта, вѣрованій. Это—книга, представляющая глубокій интересъ не только для археолога, но и этнографа, юриста, натуралиста и вообще всякаго просвѣщеннаго человѣка.

Четвертый крупный трудъ графини Уваровой по археологіи Кавказа—это каталогъ археологическаго отдѣленія Кавказскаго музея, изданный въ 1902 г. [1]) Кромѣ научнаго описанія коллекцій музея, здѣсь обширное введеніе, излагающее исторію изученія русскими учеными Востока вообще и Кавказа въ частности и предисловія краткія, но суммирующія добытыя научными изслѣдованіями данныя, предъ описаніемъ къ собранію древностей извѣстной мѣстности. Такимъ образомъ, каталогъ этотъ—прекрасное руководство и для всякаго, желающаго познакомиться съ древностями замѣчательнаго Кавказскаго музея и для спеціалиста, которому предстоитъ изученіе памятниковъ.

Кромѣ Кавказа графиня П. С. Уварова посвящаетъ свои труды и другимъ древностямъ Россіи. Насколько обширны ея археологическіе научные интересы, можно судить по многочисленнымъ рефератамъ, читаннымъ ею въ засѣданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества, кромѣ обязательныхъ рефератовъ, посвященныхъ отчетамъ о дѣятельности предварительныхъ комитетовъ по устройству археологическихъ съѣздовъ, о дѣятельности самихъ съѣздовъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ ре-

[1]) Коллекціи Кавказскаго музея. Томъ V. Археологія. Тифлисъ. 1902.

фератовъ: О состояніи раскопокъ Херсонеса, [1]) Памяти Головацкаго [2]), Поѣздка на Кавказъ [3]), Историческій очеркъ двадцатипятилѣтія дѣятельности Общества, Могильники Осетіи [4]), О желательности изслѣдованія Кавказскихъ дольменовъ, Поѣздка въ Туркестанъ и Среднюю Азію [5]), Отзывъ объ изданіи Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegovinen [6]), Памяти Незабвеннаго Державнаго Покровителя Общества [7]), Городъ Бреславль и его музей [8]), Archeografo Triestino, изданіе Societa di Minerva [9]), Музей въ Тріестѣ [10]), Отзывъ о сочиненіи Emile Levier „Atravers le Caucase. Notes et impressions d' un botaniste“ [11]), Отзывъ о Bulletin de la Société archéologique et historique de la Charente [12]), Неолитическая стоянка около Сараева [13]), Сванетія и ея древности, Памяти гр. Делянова [14], Сицилія и ея древности, Неизданные предметы Тифлисскаго музея и вообще древніе рукомои въ формѣ звѣрей, птицъ и т. п. [15]) Древніе храмы въ Зарзмѣ и Мцхетѣ и реставрація ихъ, [16]) и др.

Изъ трудовъ гр. Уваровой, посвященныхъ спеціально древне—русскому искусству и древностямъ, назовемъ: весьма цѣнный по изданнымъ при немъ памятникамъ—Каталогъ ризницы Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ (Москва 1887) и нѣсколько небольшихъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ, издававшемся въ теченіе семи лѣтъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ «Археологическія Извѣстія и Замѣтки»: Иконостасъ изъ церкви Успенія въ Сафарскомъ Монастырѣ близь Ахалцыха (II, 241), Нѣсколько интересныхъ образцовъ древне—русскаго искусства (VI, 281), Черепъ князя Владиміра Васильевича (VI, 292), Бронзовая ручка изъ Недвиговскаго городища. (VII, 360).

Перечисляя труды гр. Уваровой, нельзя не упомянуть о ея заботахъ по сохраненію древнихъ памятниковъ, особенно церковныхъ, подвергающихся такъ часто или уничтоженію, или невѣжественной реставраціи, о ея заботахъ объ участи Херсонеса, изученія его древностей, составляющихъ нашу національную собственность и гордость, объ изданіи сочиненій гр. А. С. Уварова [17]), объ изданіи каталоговъ богатаго и замѣчательнаго музея въ Порѣчьѣ, принадлежавшаго гр. А. С. Уварову [18]).

---

[1]) Древности, Труды И. М. А. О., XII, 131 [2]) Тр. И. М. А. О. XIII, 32 [3]) Ів., 118 [4]) Въ 1889—1890 г. [5]) Въ 1891—1892 г. [6]) Тр. И. М. А. О., XVII, 115—119 [7]) Ів., 199—200 [8]) Ів., 204—210 [9]) Ів., 219—221 [10]) Ів. 221—227 [11]) Ів., 243—244 [12]) Ів., 244—248 [13]) Тр. И. М. А. О., XVIII, 178—182 [14]) Въ 1897—1898 г. [15]) Въ 1899—1900 г. [16]) 1901—1902 г.

[17]) Ею изданъ «Византійскій альбомъ»—статьи по древне-христіанскому и византійскому искусству. М. 1890.

[18]) Изданы по отдѣламъ древностей, нумизматикѣ, и рукописей (трудъ Арх. Леонида въ 4-хъ частяхъ: Систематическое описаніе рукописей собранія графа А. С. Уварова Ч. I.—IV. М. 1893—1894).

Нельзя, наконецъ, не упомянуть о ея трудахъ, заботахъ о развитіи у насъ областныхъ музеевъ; существующимъ изъ нихъ она по мѣрѣ силъ помогала, а о развитіи другихъ, новыхъ, она ратовала. Національное самосознаніе—не можетъ быть у народа безъ знанія своего прошлаго, своей культуры. Ратуя за эти знанія, гр. Уварова ратовала за устройство областныхъ музеевъ, за широкую помощь имъ обществомъ и правительствомъ. Ею былъ прочитанъ замѣчательный докладъ на Археологическомъ съѣздѣ, въ Ярославлѣ, объ областныхъ музеяхъ, съ сообщеніемъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ къ тому времени музеяхъ, съ призывомъ къ созданію новыхъ, къ оказанію имъ помощи правительствомъ, обществомъ. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ гр. Уварова, что только учрежденію подобныхъ музеевъ западъ обязанъ распространеніемъ просвѣщенія среди массъ, воспитаніемъ вкуса публики, развитіемъ искусства и промышленности, равно какъ и большею любовью къ исторіи и археологіи страны. Настало, думается, время, продолжаетъ она, когда этотъ вопросъ можетъ быть поднятъ и у насъ и рѣшенъ въ тѣсной связи съ педагогическими цѣлями, преслѣдуемыми правительствомъ, ибо необходимо для страны, скажу болѣе—для счастья, здороваго и правильнаго развитія подростающаго поколѣнія, чтобы оно росло въ уваженіи къ дѣламъ своихъ праотцевъ, чтобы оно знакомилось, изучало и дорожило произведеніями русскаго искусства, проявленіемъ духа и мощи родного края и его насельниковъ» [1]).

Вся дѣятельность гр. П. С. Уваровой проникнута глубокой любовью къ наукѣ, искусству, старинѣ; движимая этой любовью, вдохновляемая ею—она трудится безустанно, непрерывно въ теченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не смотря на свои преклонные годы, въ которые обыкновенно думаютъ о покоѣ, отдыхѣ... Нельзя не поражаться духовной мощи гр. Уваровой, ея непреклонной волѣ въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, ея неутомимой энергіи. Нельзя не воздавать должной признательности за эту ея культурную работу. Просвѣщеніе общества, массъ народныхъ—распространеніе среди нихъ знаній о прошломъ культурномъ человѣчества, своей родины,—созданіе музеевъ, изданіе матеріаловъ, научной литературы о памятникахъ искусства, древностей—это идеалы гр. П. С. Уваровой въ научной ея дѣятельности и она работаетъ почти всю жизнь для осуществленія ихъ.

Е. Рѣпина.

---

[1]) Труды VII арх. съѣзда, т. II, (М. 1891), 281.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ВАЛКИ,

украинный городъ Московскаго Государства.[1]

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Профессору Дмитрію Ивановичу Багалѣю.

I

Южныя степи.—Состояніе ихъ до и послѣ монгольскаго нашествія.—Придонецкій край.—Муровскій шляхъ. Татарскіе перелазы.—Наблюденіе за ними.—Станицы.—Урочище Валки.—Старый валъ.—Время его постройки.—Указъ изслѣдовать урочище.

Пограничными городами Московскаго Государства въ XVI вѣкѣ были: Мценскъ, Алатырь, Новгородъ-Сѣверскій, Путивль и др.

На югъ отъ нихъ къ самому Черному морю шли привольныя степи, прорѣзанныя только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпями небольшихъ возвышенностей. Степи эти носили тогда названіе «дикихъ полей». Осѣдлости въ нихъ не было никакой. Повидимому, всюду царила пустынность и безмолвіе, нарушаемое только криками пернатыхъ обитателей. Но сколько кровавыхъ драмъ разыгрывалось въ прекрасныхъ долинахъ, оживленныхъ веселымъ журчаніемъ рѣкъ и многочисленныхъ «колодезей» (рѣчекъ)! О быломъ существованіи послѣднихъ свидѣтельствуютъ старинные документы, сказанія да пересохшія угрюмыя балки, сохранившія ихъ имена. По степи разбросшены были всюду «высоки могылы» съ стоявшими на нихъ каменными бабами, этими загадочными нимфами нашего юга. Сколько славныхъ, но неизвѣстныхъ намъ витязей легло подъ курганы, не оставивъ даже преданій о своихъ подвигахъ!

Они, эти таинственные курганы, да не малыя числомъ, невѣдомыя городища свидѣтельствовали, что степи въ былыя времена не были такими пустынными и «дикими».

---

[1]) По документамъ Архива Министерства Юстиціи.

И дѣйствительно, до появленія здѣсь многочисленныхъ ордъ азіатскихъ выходцевъ этотъ благодатный край былъ заселенъ, въ немъ стояли многіе неизвѣстные намъ города, о чемъ и понынѣ говорятъ упомянутыя городища. Да и какъ было и не жить тамъ людямъ! Въ общемъ южныя степи можно назвать безконечной равниной, но въ частности видъ ихъ далеко не однообразный—въ нихъ и тучные луга, раскинутые по берегамъ прекрасныхъ, полноводныхъ прежде рѣкъ, текущихъ въ глубокихъ долинахъ, и были большіе густые лѣса, поросшіе по красивымъ возвышенностямъ. И ко всему этому при тепломъ климатѣ такая почва, какой по плодородію немного на свѣтѣ!

Но монголы, какъ саранча, наводнили страну и уничтожили все. Цвѣтущіе города обратились въ городища и поросли «травою забвенья». Жители погибли подъ ихъ развалинами, а уцѣлѣвшіе чудомъ искали спасенья въ бѣгствѣ.

Дикіе завоеватели запрещали возобновлять разрушенные города.

Когда, напримѣръ, Даніилъ Галицкій, вернувшись изъ Венгріи, отстроилъ нѣкоторые, татары потребовали ихъ разрушенія. Подобное этому было въ Рязанскомъ и Суздальскомъ княжествахъ. И города были сожжены снова. Не въ интересахъ было татаръ, чтобы по границамъ тогдашней Руси стояли на стражѣ ихъ появленій укрѣпленные города.

И южный край совсѣмъ запустѣлъ и запустѣлъ надолго.

Въ XIV вѣкѣ Смоленскій діаконъ Игнатій, проѣзжавшій чрезъ Донецкую область, т. е. теперешнюю Харьковскую губернію, описываетъ ее, какъ совершенную пустыню. Онъ не встрѣтилъ въ ней ни города, ни села, ни человѣка, а только «звѣрья множество».

И другіе путешественники рисуютъ намъ этотъ край таковымъ.

И такъ, послѣ погрома южныя степи не одинъ вѣкъ пролежали пустынными. И даже послѣ, когда Русь стряхнула съ себя, наконецъ, татарскіе «кайданы», измельчавшіе потомки нѣкогда грозныхъ завоевателей долго еще продолжали быть для нея страшными сосѣдями—врывались въ ея предѣлы и оставляли за собой только вытоптанныя поля и догоравшія деревни. Поэтому и зарубежный край оставался необитаемымъ. По немъ только, начиная съ XVI вѣка, ѣздили станичники, эти своеобразные, такъ сказать, подвижные предвѣстники недалекой уже колонизаціи. Имъ было запрещено сряду въ одномъ мѣстѣ не только ночевать, но даже разводить огонь, «коли каши сварити».

Но вотъ появились основанные въ 1593 году города Бѣлгородъ, Осколъ и Валуйки. Цари Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ старательно заботились о скорѣйшемъ заселеніи порубежнаго края, но смут-

ное время положило на время предѣлъ ихъ стремленіямъ отодвинуть далѣе на югъ границу государства.

Въ 1600 году далеко отъ городовъ въ глухой степи, при сліяніи Бахтина колодезя съ р. Осколомъ, былъ построенъ Царево-Борисовъ. Городокъ этотъ, впрочемъ, вслѣдствіе трудности поддерживать его, благодаря удаленію, продержался не особенно долго. Въ 1644 году въ дошедшихъ до насъ документахъ встрѣчается уже только — «Борисово-городище», т. е. къ этому времени городъ обратился уже въ развалины. Позднѣе на его мѣстѣ возникла слобода, недостигшая уже никогда до значенія города.

Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича на окрайнѣ всего было лишь восемь городовъ: Курскъ, Ливны, Воронежъ, Елецъ, Лебедянъ, Валуйки, Бѣлгородъ, Осколъ. Стремленіе къ заселенію, затихшее было въ лихолѣтье, теперь проявляется снова — построенъ былъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ — «Бѣлгородская черта», получившая окончательное устройство и дополненная новыми городами только въ слѣдующее царствованіе. Тянулась она по нынѣшней Харьковской, Курской, Воронежской и Тамбовской губерніямъ.

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ черта эта охранялась двѣнадцатью крѣпостями: Вольное, Хотмыскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, составлявшій ея центръ, Нижегольскъ, Короча, Яблоновъ, Новый Осколъ, Верхнеосепскъ, Ольшанскъ и Коротоякъ. Пространство между городами защищалось земляным валомъ.

Появился и еще одинъ піонеръ дальнѣйшаго движенія на югъ — городъ, построенный хотя и черкасами, но при помощи Москвы. Въ 1639 году пришелъ «на государево имя» изъ предѣловъ Польши Гетманъ Яцко Остренинъ почти съ цѣлымъ полкомъ (около тысячи человѣкъ) и просилъ «ихъ устроить на вѣчное житье на Сѣверскомъ Донцѣ на Чугуевѣ городищѣ». На первое время черкасамъ было велѣно выдать денежное и хлѣбное жалованіе.

Возникшій городъ являлся важнымъ пунктомъ, такъ какъ далеко былъ выдвинутъ на югъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ одинокъ. Царево-Борисовъ клонился къ упадку, если только не лежалъ уже въ развалинахъ.

Продержались черкасы въ Чугуевѣ также не долго: спустя два года между ними произошли раздоры, окончившіеся убійствомъ Остренина и уходомъ казаковъ обратно въ Польшу. Въ оставленный городъ послѣ этого были присланы въ ограниченномъ числѣ московскіе служилые люди.

Но все это были, что называется, капли въ безбрежныхъ, какъ море, степяхъ; край за «чертой» оставался пустыннымъ и не заселеннымъ. Тогда еще не было ни Харькова, ни Ахтырки, ни Сумъ, ни другихъ городовъ, скоро же впрочемъ начавшейся заселяться Слободской Украины.

Что территорія теперешней Харьковской губерніи не была обитаема въ полномъ смыслѣ этого слова въ первой половинѣ XVII столѣтія, краснорѣчиво доказываютъ ниже приводимыя документальныя свидѣтельства.

Въ 1626 году Запорожскій полковникъ Алексѣй Шафранъ съ тремя козаками ѣхалъ съ Дона въ Кіевъ и заблудился въ придонецкихъ пустыняхъ. «А ѣхати—де было (надо) имъ по Торна, на урочище на Самару (лѣвый притокъ Днѣпра)». Цѣлыхъ двѣнадцать дней, нигдѣ не задерживаясь, блуждали они» «на вдачу», смотря на конь-звѣзду»—эту единственную ночную путеводительницу въ «дикихъ поляхъ». И за все это продолжительное время козаки не встрѣтили ни души и ни малѣйшаго признака пребыванія въ краѣ осѣдлаго человѣка. Разъ только наѣхали они «на шляхъ татарской новой», т. е., увидѣли на травѣ свѣжій слѣдъ—«только (что) передъ ними переѣхали татаровя». Козаки поспѣшили спрятаться въ лѣсъ, боясь попасться на глаза степныхъ волковъ. Шафронъ уже разъ испыталъ тяжесть басурманской неволи, протомившись шесть лѣтъ на галерахъ. Немного пообождавъ, козаки пошли «степью три дня и три ночи ни шляхомъ, ни дорогою, на вдачу чрезъ болото и чрезъ лѣсъ, не разсматривая ничего». Наконецъ, послѣ долгаго блужданія они услышали всторонѣ пушечные выстрѣлы и направились на нихъ, «чтобъ наѣхать на городъ и людей, чтобъ и досталь не заблудить». И наѣхали городъ.....на Валуйки [1]).

Вотъ какъ пустынны и *„безлюдны“* были въ то время эти *„дикія“*, *„вольныя“* степи! Такъ въ своихъ донесеніяхъ называли ихъ порубежные воеводы.

Въ 1646 году бѣлгородецъ Иванъ Масловъ и подъячій Герасимъ Жулиновъ, по приказанію царя, составили описаніе [2]) мѣстности по теченію рр. Коломака и Мжа, т. е. Валковскаго уѣзда. Подробно описывая всѣ урочища, они, какъ на оріентировочные пункты, указываютъ только на городища, рѣчки, незначительные даже ручьи, небольшія среди лѣсовъ поляны, на остатки старинныхъ укрѣпленій и пр., точно измѣряютъ разстоянія отъ одного пункта къ другому, но не упоминаютъ ни

[1]) *Н. А. Кулишъ.* Матеріалы т. I. Документъ № XIX. Москва 1877 г.

[2]) Арх. Минис. Юст. Бѣлгор. столъ, столбецъ 268, листы 65—77.

объ одномъ жилью человѣка, даже о такомъ незначительномъ, какъ хуторъ. Слѣдовательно, на довольно обширномъ осмотрѣнномъ ими пространствѣ никакой осѣдлости тогда не было.

Но если въ первой половинѣ XVII столѣтія страна не была обитаема, зато посѣщаема была довольно часто и русскими станичниками, и разными «воровскими людьми», и, главное, татарами.

Послѣдніе проложили чрезъ степи нѣчто вродѣ дорогъ и ходили по нимъ грабить пограничные города. Такими путями въ юговосточныхъ степяхъ были шляхи Калміусскій, Юзюмскій и главный — Муравскій. Во время своихъ набѣговъ татары старались обходить трудныя переправы чрезъ рѣки, глубокіе овраги, болота и пр., хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не страшились переплывать даже чрезъ такія широкія рѣки, какъ Днѣпръ. Но задержки для нихъ были неудобны главнымъ образомъ на обратномъ пути, когда обремененные добычею и «яссиромъ» (плѣнными), они спѣшили уйти отъ могущей быть погони. Поэтому и Муравскій шляхъ, какъ и другіе, шелъ, изгибаясь, между верховьями рѣкъ по водораздѣлу бассейновъ Сѣверскаго Донца и Днѣпра.

Кто изъ жителей областей, подвергавшихся татарскимъ нападеніямъ, не зналъ тогда объ этомъ шляхѣ и не содрагался отъ ужаса, услышавъ одно его названіе! Сколько тысячъ несчастныхъ жертвъ варварскаго вѣка и религіознаго фанатизма прошло по этому печальной памяти пути, обильно орошая его своею кровію, слезами и оглашая душу раздирающими стонами, нетрогавшими профессіональныхъ ловцовъ «бѣдныхъ невольниковъ». «Тяжелая неволя турецкая» и эти «кайданы» такъ глубоко запечатлѣлись въ народной памяти, что не изгладились до сихъ поръ, когда все это давно отошло уже въ область преданій!

Муравскій шляхъ былъ извѣстенъ всѣмъ, но кто могъ знать его всѣ извороты! Запорожецъ Шафранъ говорилъ, что они шли «ни шляхомъ, ни дорогою», т. е. онъ не отождествлялъ эти два понятія. И Муравскій шляхъ, собственно, не былъ дорогою—это было только направленіе, по которому слѣдовали татары, это была широкая, мѣстами суживавшаяся полоса земли, въ зависимости отъ рѣкъ, болотъ, трудно проходимыхъ лѣсовъ, и ведшая отъ Крымской Перекопи въ самое сердце Россіи, къ Тулѣ. Поэтому, хотя всѣмъ было извѣстно, гдѣ пролегалъ шляхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никто не могъ знать, гдѣ именно по немъ будутъ пробираться татары, на какой пойдутъ «перелазъ». Особенно это относилось къ немногочисленнымъ гамбуламъ. Цѣлая орда, если шелъ самъ ханъ (1680 и 1693 г.г.), валила, растянувшись въ ширину на многія версты, не соблюдая уже особенной осторожности.

Въ описаніи Маслова упоминается о нѣкоторыхъ пунктахъ, лежавшихъ на перпендикулярно пересѣкавшей Муравскій шляхъ линіи и отстоявшихъ одинъ отъ другого на разстояніи пяти и болѣе верстъ. И о нихъ говорится, какъ о находившихся *на шляху*. [1])

Слѣдовательно, подъ шляхомъ нужно понимать не дорогу, а направленіе, придерживаясь котораго обыкновенно шли татарскіе загоны.

Поэтому шляхи, вѣроятно, не могли быть «до черна битые», какъ говоритъ де-Пуле. [2])

Въ книгѣ Большого чертежа приведено подробное описаніе Муравской «сакмы». Изъ него видно, напр., что даже не далеко отъ г. Тулы, т. е. въ мѣстности уже сравнительно заселенной, шляхъ все таки не имѣлъ опредѣленной, постоянной линіи, а пролегалъ между рѣками болѣе или менѣе широкой полосой.

«Муравскій шляхъ лежитъ мимо Тулы чрезъ засѣку въ Щегловы ворота, а лазятъ татарове выше Тулы верстъ 8 р. Шатъ и рѣчку Шиворанъ, лазятъ р. Упу въ Костомаровъ бродъ...., а перелѣзши р. Упу..., ѣхати вверьхъ по рѣкомъ, *съ лѣвыя* стороны Муравскія дороги р. Упа, а *по правую* сторону р. Салова, ѣхати до верхъ р. Мечи, а Меча рѣка *по лѣву*. Муравскія дороги потекла и пала въ Донъ, а *по правой* сторонѣ по Муравской дорогѣ р. Солова до р. Плова... и т. д.

Названіе Муравскій одни производятъ отъ слова мурава (трава), другіе съ этимъ не согласны. Трава всюду росла по степямъ и особенно въ югозападныхъ, гдѣ не было лѣсовъ; шляховъ было нѣсколько, но одинъ только изъ нихъ назывался Муравскимъ. При заселеніи Слободской Украины возникли слободы Марефа или Мерефа, Мурафа или Мурахва, лежавшія недалеко отъ *Муравскаго* шляха. [3]) Чувствуется сродство этихъ названій, по происходящихъ какъ-бы не отъ слова «мурава.» Не вѣрнѣе-ли называть «мурафскій шляхъ»?

Крымцы, особенно ихъ небольшіе загоны, ходили и не шляхомъ. (Шафронъ назвалъ это такъ: «шляхъ татарскій *новой*.») Они часто и всюду шныряли по степи, оставляя по себѣ такой-же почти слѣдъ, какъ на морѣ запорожскій байдакъ: примятая трава поднималась и всѣ признаки, о чемъ старательно заботились грабители, исчезали.

Но все-же татарамъ приходилось, какъ они того и не избѣгали, если хотѣли только «безвѣстно» проскользнуть мимо станичниковъ, про-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Педагогъ—писатель (1822—1865).

[3]) Въ одномъ изъ документовъ онъ названъ и Мурамскимъ (*Д. И. Багалѣй*, Матеріалы т. I № XIX, Харьковъ, 1886 г.).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

бираться лѣсами, болотами, переходить рѣки. Такія мѣста характерно назывались «перелазами.» За ними особенно внимательно наблюдали станицы, высланныя въ степь слѣдить за движеніями татарскихъ чамбуловъ. Около перелазовъ «въ крѣпкихъ мѣстахъ» ставились иногда и сторожи — небольшіе посты силою 4—8 человѣкъ, выдвинутые отъ пограничныхъ городовъ верстъ на 50—60 и державшіе между собою связь. Станицы — разъѣзды — посылались еще далѣе за сторожи вглубь степей для наблюденія за порученнымъ пространствомъ, иногда очень обширнымъ. Въ особенно важныхъ пунктахъ сторóжи располагались въ небольшихъ приспособленныхъ къ оборонѣ «стоялыхъ острожкахъ», въ которыхъ помѣщалось уже болѣе значительное число ратныхъ людей. Такіе острожки, хотя ихъ защитники и перемѣнялись чрезъ извѣстный срокъ, можно, пожалуй, назвать первыми населенными пунктами, начавшими кое-гдѣ появляться «за чертой.» Во всякомъ случаѣ обыкновенно они были предвѣстниками появленія въ данной мѣстности жилого города и служили защитою пасѣкъ, ютившихся въ укромныхъ уголкахъ.

Муравскій шляхъ, какъ чаще другихъ мѣстъ посѣщаемый татарами, былъ предметомъ внимательнаго наблюденія со стороны пограничныхъ воеводъ — они могли постоянно ожидать на немъ появленія чамбуловъ, вносившихъ съ собою въ страну пожары, убійства, грабежи.

Территорія теперешней Харьковской губерніи съ давнихъ временъ наблюдалась станицами; въ концѣ XVI вѣка всѣхъ было ихъ 73 и между ними семъ донецкихъ, изъ которыхъ первая находилась между р. р. Мжомъ и Коломакомъ, т. е. тамъ, гдѣ позднѣе возникъ г. Валки. Станица эта была выдвинута очень далеко въ степь отъ извѣстныхъ тогда городовъ — въ четырехъ дняхъ пути отъ Рыльска и Путивля, названнаго древнимъ еще въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Послѣ 1571 года названная станица была снята, такъ какъ въ урочище часто начали приходить каневскіе черкасы и громить [1]) сторожей.

И татарскій перелазъ на Муравскомъ шляху между Мжомъ и Коломакомъ, важный въ томъ отношеніи, это его негдѣ было поблизости обойти, надолго остался безъ постояннаго наблюденія. Со временемъ его даже совсѣмъ упустили изъ виду.

Благодаря своему положенію, Бѣлгородъ сдѣлался центромъ управленія всей Польской (полевой) Украины и мѣстомъ пребыванія главнаго воеводы, вѣдѣнію котораго была поручена вся эта обширная порубецкая область.

---

[1]) *Д. И. Багалѣй.* Очерки изъ исторіи и колонизаціи... Москва 1887 г., ст. 91,92,241.

Все болѣе и болѣе изучая край и мѣста, по которымъ пробирались татары, бѣлгородскій воевода усиливалъ надзоръ вообще за степью и особенно, конечно, за Муравской сакмой. Станицы и сторожи высылались тогда изъ Бѣлгорода—южнѣе его городовъ не было. Царевоборисовъ запустѣлъ, на Чугуевскомъ городищѣ не появлялся еще Остренинъ. Единственными хотя и подвижными обитателями придонецкихъ степей были именно сторожа и станичники. По нимъ, провѣдывая «крымскія вѣсти», «пробѣгали» станичныя головы, эти контролеры развѣдовательной службы, дѣти боярскіе, «ѣздоки» и «вожи.» Ѣздили они шляхомъ «до Берестовой и до верхъ Орели и Самары»—конечные пункты, порученные ихъ наблюденію. (Самара и Орель—притоки Днѣпра, Берестовая—Орели).

Отъ Бѣлгорода это было довольно далеко. Поэтому было очень выгодно найти такое мѣсто, гдѣ-бы можно было поставить небольшое укрѣпленіе и поселить въ немъ хотя-бы на лѣтнее время ратныхъ людей и уже оттуда слѣдить за степью. Это дало-бы возможность освѣтить «дикія поля» далѣе вглубь, ускорить доставку свѣдѣній въ Бѣлгородъ и, слѣдовательно, въ Москву, гдѣ сосредоточивались всѣ «крымскія и погайскія вѣсти». Такое мѣсто, представлявшее всѣ выгоды, имѣлось, но о немъ забыли—находилось оно въ *урочищѣ* Валки, первое упоминаніе о которомъ относится къ 1571 году:—«да ѣхати къ верхъ Мжа къ Валкамъ, а отъ Валокъ переѣхати Муравскій шляхъ». [1])

Г. Н. Спасскій, издавшій (1846 г.) Книгу Большого чертежа, [2]) считаетъ упоминаемые въ ней «Валки» городомъ (стр. 300), возникшимъ, слѣдовательно, ранѣе Бѣлгорода, Царево-Борисова и др.; но въ этомъ онъ ошибается.

Ближайшимъ доказательствомъ того, что упоминаемые въ книгѣ Валки былъ не городъ, а урочище, служитъ, кромѣ многихъ ниже приводимыхъ свидѣтельствъ, царская грамота воеводѣ Ляпунову отъ 22 іюля 1646 г. [3]) Въ ней точно указывается мѣсто, гдѣ нужно было, кромѣ построеннаго уже острога и города, срубить еще и стоялый острожекъ: «по конецъ (противоположный) вала, *„что словетъ валки“*.

Въ 1636 году бѣлгородскій воевода Афанасій Тургеневъ доносилъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, [4]) что на Муравскомъ шляху есть татарскій

---

[1]) *Бѣляевъ.* О стор. и станичной службѣ... Москва 1848 г., стр. 19.

[2]) Объяснительный текстъ къ несохранившейся генеральной картѣ Московскаго Государства.

[3]) Мос. Арх. Мин. Юст. ст. 211, лл. 37—39.

[4]) Мос. Арх. Мин. Юст. ст. 211, лл 37—39.

перелазъ въ урочищѣ Валки. Узналъ онъ о немъ отъ станичниковъ, ѣздившихъ изъ Бѣлгорода шляхомъ «до Берестовой и до верхъ Орели и Самары чрезъ Валки», откуда они, станичники „поспѣваютъ до назначенныхъ имъ крайнихъ пунктовъ наблюденія „въ два дня".

И характеръ донесенія воеводы объ открытыхъ имъ Валкахъ, и отвѣтъ царя сильно заинтересовавшагося этимъ открытіемъ, доказываютъ, что въ Москвѣ или забыли о существованіи этого важнаго перелаза, или совсѣмъ не знали о немъ. Въ тойже Книгѣ Большого чертежа упоминается еще и о другихъ Валкахъ, гдѣ-то около Курска; что и они не были городомъ, ясно уже видно изъ самой Книги.

— „А тѣ де Валки, писалъ Тургеневъ въ своей челобитной, ученины изстари, въ крѣпкихъ мѣстахъ веденъ насыпной валъ чрезъ Шляхъ отъ лѣсу до лѣсу, а лѣса-де пришли ровни, большіе, и межъ-де тѣхъ лѣсовъ насыпной валъ 3 версты (современная верста заключала въ себѣ тысячу саженей), а ведены-де тѣ Валки (ясное указаніе, что это не городъ) межъ вершинъ польскихъ рѣкъ Мжа и Коломака. А ѣдучи-де отъ Бѣлгорода Муравскимъ шляхомъ по сакмѣ къ тѣмъ Валкамъ, по правую сторону вершина рѣчка Коломакъ тянетъ въ рѣку въ Ворсколъ, а по рѣкѣ Ворсколу и на той рѣкѣ усть рѣчки Коломака поставленъ литовской городъ Плотавой ниже Валокъ верстъ съ 50, а по лѣвую сторону рѣчка Можъ тянетъ въ Сѣверскій Донецъ. Опричъ-де *того урочища* мимо Валокъ татарскаго проходу Муравскимъ шляхомъ иного мѣста нѣтъ, и бѣлгородскіе-де станичники ѣздятъ къ урочищу мимо-де тѣхъ Валокъ, а *иной-де дороги Муравскимъ шляхомъ* мимо тѣхъ Валокъ нѣтъ".

Поэтому воевода находилъ необходимымъ поставить въ такомъ важномъ мѣстѣ острогъ и поселить въ немъ бѣлгородцевъ и ратныхъ людей изъ Путивля и Рыльска, перемѣняя ихъ помѣсячно. Послѣ этого, писалъ Тургеневъ, «воинскимъ малымъ людямъ-татарамъ подъ Бѣлгородъ и украинскіе города проходу не будетъ», «большіе же люди» не проскользнутъ безвѣстно». Помимо постройки острога, необходимо еще было укрѣпить надолобами и честикомъ старый валъ, на всемъ его протяженіи, и углубить бывшій съ его южной стороны, тоже старый, ровъ. Надолобами назывались бревна, вкопанныя стоймя въ одинъ, два и три ряда въ землю за наружнымъ краемъ рва; иногда по рядамъ они соединялись связью (наметомъ) и заваливались землею и хворостомъ. Честикомъ или частикомъ—небольшіе колья, близко одно отъ другого, въ шахматномъ порядкѣ вбитые между надолобами, предъ тыномъ, около рва, на перелазахъ и т. д.

БИБЛИОТЕКА
КИ Института Краеведческой и Музейной работы

Въ 1636 году Тургеневъ, донося о бывшемъ въ урочищѣ валѣ, называлъ его «старымъ». Въ этомъ мѣстѣ къ Муравскому шляху съ обѣихъ сторонъ подходили большіе и трудно доступные лѣса, образуя проходъ въ нѣсколько верстъ шириною. Перегораживая его, и шелъ этотъ валъ отъ верховья одной рѣки къ верховью другой.

Когда могъ быть насыпанъ валъ и вырытъ ровъ? Точно отвѣтить на этотъ вопросъ мы не можемъ. Постройка его, вѣроятно, относится ко временамъ весьма отдаленнымъ и, во всякомъ случаѣ, до Монгольскаго нашествія. Правда, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, въ концѣ XVI вѣка, былъ «разгаръ строительной дѣятельности» Московскаго правительства и большое стремленіе его заселить и обезопасить границы. Но если-бы валъ былъ насыпанъ въ этотъ періодъ, то воевода Тургеневъ на вопросъ царя, «какими обычаи учинены Валки», отвѣтилъ-бы болѣе опредѣленно, а не такъ: «те-де Валки учинены изстари», [1]) что валъ—«старой» и только.

Ко-времени осмотра его бѣлгородцами (1636 г.), валъ уже во многихъ мѣстахъ осыпался; нѣсколько-же исправленный въ 1646—7 году, хорошо сохранился до осмотра его Вадимомъ Пассекомъ (1807—1842). Можетъ быть, постройка укрѣпленной линіи въ урочищѣ Валки относится къ княжескому періоду, а, можетъ быть, и къ еще болѣе раннему, далеко отъ насъ ушедшему вглубь вѣковъ.

Въ окрестностяхъ, кромѣ этого вала, были тогда и другія «крѣпости старыя» и два хорошо сохранившіяся городища Болгирское и Одрынское, глубина рвовъ послѣдняго, напр., равнялась восьми саженямъ. Можно, казалось-бы, сдѣлать предположеніе, что и валъ между Коломакомъ и Мжомъ, и другіе въ урочищѣ не малые числомъ валы, рвы, и упомянутыя два городища относятся къ одной и той-же эпохѣ. Когда возникли города, стоявшіе нѣкогда на Болгирскомъ и Одрынскомъ городищахъ, не извѣстно, но что они окончили свое существованіе не позже разгрома Руси татарами, это утверждать, конечно, можно. И въ тѣ отдаленныя времена прежніе жители края, гдѣ теперь Харьковская губернія, видимо должны были укрѣплять тѣ-же перелазы, защищая свои жилища отъ набѣговъ какихъ то наѣздниковъ, кочевавшихъ въ тѣхъ-же степяхъ, которыми въ XVII столѣтіи стремилось завладѣть Московское государство. Могли быть тѣми наѣздниками половцы, а можетъ быть, что даже вѣрнѣе, и еще болѣе ранніе обитатели «дикихъ полей».

Шесть верстъ непрерывнаго высокаго вала и глубокаго рва—трудъ не легкій. Выполнить его могъ народъ осѣдлый, многочисленный, кото-

[1]) Тамъ-же, ст. 61, лл. 334—342.

рому было что защищать. И ничего, никакихъ даже преданій не дошло до насъ о строителяхъ этого вала, давшаго только названіе мѣстности.

Преосвященный Филаретъ [1]) дѣлаетъ предположеніе, что г. Валки получили свое названіе отъ «валковъ», т. е., отъ волнистаго расположенія возвышенныхъ мѣстъ, окружавшихъ городъ. Но названіе произошло отъ урочища, гдѣ былъ построенъ городъ, а названіе урочищу естественно далъ валъ, это сооруженіе сѣдой старины; вѣрнѣе даже нѣсколько валовъ (отсюда и «Валки»).

Получивъ донесеніе Тургенева, «Государь сей отписки слушавъ, указалъ» послать сына боярскаго, или надежнаго станичнаго голову съ чертежникомъ, подъ прикрытіемъ приличнаго конвоя, подробно изслѣдовать урочище Валки и ближайшія къ нему мѣста. При этомъ ставились многіе вопросы, на которые обстоятельно долженъ былъ отвѣтить воевода. Кромѣ описанія, приказывалось составить чертежъ и на него нанести лѣса, рѣки, отмѣтить мѣсто, гдѣ нужно было поставить острогъ, гдѣ находились татарскіе перелазы и пр. И, самое главное, нужно было выяснить, будетъ-ли польза отъ постройки острога, т. е., «Крымскимъ и Нагайскимъ людямъ помѣшка будетъ-ли».

О томъ, гдѣ именно находилось открытое воеводою урочище Валки, въ Москвѣ, видимо, имѣли смутное представленіе, почему чертежнику и было приказано нанести для оріентировки не многіе извѣстные тогда пункты, а именно «Бѣлгородъ, Борисовъ (Царево-Борисовъ) и Сѣверскій Донецъ»—только эти.

Царь приказывалъ выяснить особенно тщательно, найдется-ли подходящее мѣсто вблизи острога для водворенія «жилецкихъ людей» и матеріалъ для постройки города; есть-ли въ урочищѣ и сколько именно удобныхъ мѣстъ для заведенія удобныхъ пашень, въ достаточномъ-ли количествѣ будетъ сѣнныхъ покосовъ и пр.

Все это свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ сильно заинтересовались сообщеніемъ воеводы «о той Валкѣ». Отодвинуть рубежъ государства далеко на югъ и стать твердою ногою въ такомъ «крѣпкомъ» стратегическомъ пунктѣ на главномъ татарскомъ пути было весьма соблазнительно.

И Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ Тургеневу исполнить все предписанное ему, «не мѣшкавъ ни часу». [2])

---

[1]) Историко-Стат. описаніе Харьк. епархіи, изд. 1857 г., отд. II, стр. 189 (I отд. изд. 1852 г.).

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. ст. 61, лл. 334—342.

II.

Причины, задержавшія постройку Валокъ.—Князь Хилковъ.—Протестъ о нарушеніи границъ.—Указъ по этому поводу.—Постройка Можевскаго острога.—Описаніе Урочища.—Татарскіе перелазы.—Городища.—Рѣки.—Лѣса.—Значеніе ихъ.—Литовскія пасѣки.

По неизвѣстной причинѣ цѣлыхъ десять лѣтъ проектъ постройки острога и жилого города на татарскомъ перелазѣ «на Валкихъ» не приводился въ исполненіе.

Можетъ быть, примѣръ съ Царево-Борисовымъ, показавшій всю трудность постройки и поддержки города, такъ далеко выдвинутаго въ безлюдную степь, заставилъ отказаться отъ постройки Валокъ до заселенія, хотя отчасти, болѣе сѣверныхъ областей. Московское государство было тогда очень бѣдно средствами, а, главное, народонаселеніемъ—избытка въ немъ нигдѣ не было. Поэтому постройка новыхъ городовъ требовала большихъ жертвъ и тяжело отзывалась на другихъ городахъ, которые должны были выдѣлять часть своихъ и такъ не многочисленныхъ жителей.

И дѣйствительно, съ 1636 года, т. е., со времени донесенія Тургенева о необходимости построить Валки, до 1646—ихъ возникновенія—появились города: Тамбовъ, Усердъ, Яблоновъ, Короча, Вольный, Хотмыжскъ и Костенскъ.

Толчкомъ, ускорившимъ постройку болѣе или менѣе сильнаго острога и города на татарской сакмѣ, могъ послужить опустошительный, но мало намъ извѣстный подробностями набѣгъ крымцевъ именно зимою 1646 года (годъ тогда начинался съ 1 сентября), когда они сильно похозяйничали въ Рыльскомъ, Сѣвскомъ и Курскомъ уѣздахъ.

Въ Бѣлгородъ былъ назначенъ новый воевода—стольникъ Ѳеодоръ Андреевичъ князь Хилковъ, человѣкъ, судя по его донесеніямъ, энергичный, дѣятельный и заботившійся о безопасности ввѣреннаго его защиты обширнаго края. Узнавъ отъ станичниковъ о существованіи такого важнаго пункта на самомъ Муравскомъ шляху, какъ Валки, онъ (въ 1646 году) распорядился поставить на немъ сторожевой постъ изъ тридцати бѣлгородцевъ для наблюденія и охраны отъ татарскихъ набѣговъ[1]).

Собственно говоря, земля, гдѣ были «тѣ Валки», фактически не принадлежала тогда Московскому государству, а скорѣе татарамъ, куда ихъ былъ «свободный», какъ говорилось въ одной грамотѣ, «приходъ».

[1]) Тамъ-же ст. 268 лл. 1—6.

Но на дѣйствія бѣлгородскаго воеводы послѣдовалъ совершенно неожиданно протестъ отъ другого сосѣда: на поставленный въ урочищѣ постъ присланъ былъ «листъ изъ литовскаго городка съ Плотавы» отъ ея державца Яна Клосинскаго [1]). Вотъ этотъ интересный листъ въ подлинномъ видѣ:

«Наяснѣйшаго великаго господаря Владислава четвертаго съ Божей ласки короля польскаго (слѣдуетъ подробный титулъ).... его королевскаго величества Янъ Клосинскій державца Пултавскій и богацкій.

Божею милостью великаго господаря царя и великаго князя Олексія Михайловича всея Русіи самодержца... (слѣдуетъ подробный титулъ)....

Тебе старшему надъ тыми людьми которые тутъ вышли въ поля дикія довѣдовшися я отъ сторожей державы моей (городъ, взятый на откупъ) Пултавы которые перестерегаютъ шлаховъ татарскихъ же (что) васъ людей московскихъ на урочищу взърыбнаго рогу кильку сотъ человѣковъ ест зачимъ умыслне посылаю посланцов моих до вас хотячи видет для какои причины кгрунт (землю) короля его милости пана нашего милостиваг наихали и в лиси становши обрубилисе съ якимъ умыслем и для якой причины ознаймите ми. в пол и на пасѣках и по дорогах подъданым его милости пана краковскаго жебы не было отъ васъ кривды— затым вас Пану Богу поручаю. Дата с Пултавы дня 7 марта року 1646».

вам всег добра зычливый
Jan Klosinsky Bogacsky y Pultawsky.

На оборотѣ: «Старъшимъ темъ которые над тыми ми ест людми на урочишъчу у Зърибнаго рогу стоячихъ и въ поляхъ его королевской милости до рукъ его отдат належитъ [2])».

Самый листъ и переводъ съ него воевода переслалъ въ Москву, а въ Полтаву на запросъ, на какомъ основаніи онъ занялъ землю польскаго короля, отвѣтилъ, что бѣлгородцы ни на чью собственность не посягаютъ, поставлены на Муравскомъ шляху «не для какого воровства и задору», а исключительно «для береженія отъ безвѣстнаго приходу воинскихъ людей» [3]), что должно было быть и въ интересахъ самой Полтавы. Изъ письма Клосинскаго видно, что урочище Валки у полтавцевъ было извѣстно подъ именемъ Взрыбьяго Рога.

Разграниченіе земель между владѣніями Москвы и Польши происходило въ 1638 году. И Коломакъ въ нижнемъ своемъ теченіи состав-

---

[1]) Тамъ-же ст. 184 лл. 202+210.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же, ст. 268, лл. 1—6.

лялъ уже границу между государствами, находившимися почти въ безпрерывной враждѣ. Истинными хозяевами края пока были татары, шнырявшіе всюду и «скрадывавшіе русскихъ караульщиковъ». По свидѣтельству Сигизмунда Герберштейна (1486—1566 г.г.), прежде по Сѣверскому Донцу были даже татарскія пашни.

Заявленіе литовцевъ своихъ правъ на землю побудило Московское правительство дѣйствовать. На случай новой претензіи со стороны сосѣда изъ Полтавы воеводѣ велѣно было «литовскимъ людямъ говорить, что та земля Московскаго царства искони, вѣчно и съ литовскою землею несошлась». (Полтавскій край попалъ въ руки литовцевъ въ 1331 году, а снова отошелъ къ Россіи по Андрусовскому миру—въ 1667 году).

Воевода отлично понялъ, чего желалъ царь, и энергично приступилъ къ исполненію приказаній. Позднѣе за свои старанія онъ удостоился даже получить отъ Алексѣя Михайловича «съ похвальбою милостивое слово». Прежде всего князь Хилковъ усилилъ на Валки постъ до ста человѣкъ (изъ Бѣлгорода дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ 50 человѣкъ, изъ Хотмыжска 30, изъ Вольнаго 20 человѣкъ козаковъ). Люди эти, перемѣняясь по мѣсячно, должны были стоять съ весны и «до заморозовъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Хилкову было приказано послать «тотчасъ» въ урочище «сына боярскаго добра» подробно осмотрѣть и описать мѣстность, что было необходимо для разныхъ соображеній. Острожекъ было приказано поставить, «гдѣ пристойно», «тотчасъ до татарскаго приходу». Строить его были должны «служилые, жилецкіе и сошенные люди» изъ Бѣлгорода, Хотмыжска и Вольнаго.

При этомъ, какъ-бы въ поощреніе, приказывалось всѣмъ имъ сказать: «Хотя будетъ имъ въ томъ острожномъ строеніи и наложно, только отъ того острожку бѣлгородскому уѣзду будетъ защита» [1]).

Сознавая важность даннаго ему порученія (тѣмъ болѣе, что въ грамотѣ говорилось «тебѣ-бы о томъ порадѣть, чтобы *въ валкахъ* острожекъ поставить нынѣ по веснѣ»), князь Хилковъ не рѣшился поручить исполненіе его кому либо. Онъ, не мало не медля, «укрѣпя по городу и по острогу осаду и осадныхъ людей поставя по мѣстамъ», отправился изъ Бѣлгорода на Валки самолично, взявъ съ собою триста человѣкъ «для поспѣшенія, чтобы тому острожному дѣлу не замотчать». На мѣсто онъ прибылъ 21 мая, пройдя разстояніе въ 120 верстъ съ конными и пѣшимъ отрядомъ въ два дня. Двѣ царскія грамоты съ приказаніями строить острожекъ пришли въ Бѣлгородъ 13-го и 19-го числа того-же мѣсяца.

[1]) Тамъ-же, ст. 263, лл. 1—6.

Осмотрѣвъ и выбравъ подходящее мѣсто, князь Хилковъ приступилъ къ постройкѣ острога на верховьѣ рѣки Мжа, на горѣ у озера, гдѣ оканчивался древній валъ [1]), въ мѣстности, окруженной большимъ лѣсомъ, въ 1100 саженяхъ отъ «живой воды» и въ 69 отъ «ржавца» [2]).

Работу воевода повелъ настолько спѣшно, что, начавъ ее 21 мая, 25-го того-же мѣсяца «стѣны сомкнулъ и башни рубить почалъ», [3]) не смотря даже на то, что назначенные изъ Хотмыжска на работу люди прибыли съ опозданіемъ на нѣсколько дней. Такая спѣшность, главнымъ образомъ, въ выборѣ мѣста да и въ самой работѣ, какъ увидимъ, дурно отозвалась на дѣлѣ. Князю Хилкову хотѣлось, вѣроятно, скорѣе донести царю объ успѣшномъ выполненіи даннаго приказанія, поразить быстротою и заслужить благодарность, чего и достигъ.

Сдѣлавъ все распоряженіе, 25-го-же мая Хилковъ уѣхалъ обратно въ Бѣлгородъ, оставивъ оканчивать работы Изосима Маслова, котораго назначилъ валковскимъ головою.

Исполняя царское приказаніе, бѣлгородцы Иванъ Масловъ и подьячій Герасимъ Жулинъ удивительно скоро составили описаніе построенному острогу и «тѣмъ валкамъ». Порученіе свое они исполнили вполнѣ добросовѣстно—ихъ описаніе подробнѣе и обстоятельнѣе составлено, чѣмъ десять лѣтъ предъ тѣмъ при воеводѣ Тургеневѣ. Такъ какъ имѣлось въ виду построить гдѣ либо въ томъ-же урочищѣ еще и жилой городъ, то было приказано особенно тщательно выяснить, сколько можно было-бы удобной земли обратить подъ пашни [4]).

По описанію Маслова Можевскій острогъ состоялъ изъ четырехъ стѣнъ, каждая по 18 саженей, и четырехъ башенъ: раскатной, 5 саж. высоты, и наугольныхъ, нѣсколько меньшаго размѣра. Въ стѣнахъ въ два ряда, вверху и внизу, пробиты были бойницы, придѣланы «кровати»—приставки, на которыя становились защитники. Оламовъ (или обламовъ)—брустверъ на стѣнѣ для защиты стрѣлка по грудь—было срублено на два вѣнца. На случай осаднаго сидѣнія на оламы было положено по три катка (бревна для скатыванія на головы осаждающихъ) и для той-же цѣли камни и колья [5])

Внутри острога былъ выкопанъ погребъ для «зелейной» казны острогъ окружалъ ровъ 2 саж. ширины и 1 1/2 глубины, около него былъ устроенъ честикъ «въ три колоды дубовыя».

---

[1]) Тамъ-же, ст. 268, лл. 23—26.

[2]) Тамъ-же, ст. 332, лл. 488—491.

[3]) Тамъ-же, ст. 268, лл. 23—26.

[4]) тамъ-же, ст. 268, л. л. 65—77.

[5]) тамъ-же, ст. 268, л. л. 65—77.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Таковы были укрѣпленія наскоро построеннаго «Можевскаго» или «Валковскаго» острога. Названія эти во всѣхъ челобитныхъ воеводъ и другихъ современныхъ документовъ не противополагаются. Острогъ иногда назывался «Можевскій Валковскій» или «Можевскій городъ Валки».

Около острога «въ вершинѣ Мжа», по описанію Маслова, въ то время было довольно большое озеро [1]) 400 саж. длины и около 40 ширины, окруженное лѣсомъ, «который пришелъ отъ валу». Старый валъ отъ Мжа до Коломака, по точному измѣренію, равнялся 2 верстамъ 830 саж. [5 вер. 330 саж.]; высота его доходила до 1 1/2 саж., а въ обвалившихся мѣстахъ до 1/2 саж.; толщина «поперекъ» была 2 саж., «индѣ и меньше» [2]).

Воевода, ссылаясь на «сказку бѣлгородскихъ служилыхъ и всякихъ людей», находилъ, что «жилому городу въ Можевскомъ острогѣ быть не у чего: жилецкимъ людямъ вблизи города земли подъ пашни будетъ мало»; дальнія-же поля имѣлись не ближе десяти верстъ; воздѣлывать ихъ при тогдашнихъ условіяхъ было не безопасно. Исходя изъ этого, кн. Хилковъ предлагалъ построить городъ при впаденіи въ Можъ Болгиря-колодезя—верстъ на 12 шире острога, гдѣ «быть жилому городу пристойно: городъ станетъ въ серединѣ поля, жилецкимъ людямъ будетъ земли около города близко».

Тщательно изслѣдовавъ мѣстность, Масловъ нашелъ въ ней нѣсколько татарскихъ перелазовъ.

Больше всего ихъ было по р. Коломаку, впадающему въ Ворсклу. Начиная отъ его верьховья, внизъ по теченію тянулся тогда по опредѣленію Маслова на 25 (50) верстъ лѣсъ, настолько большой и густой, что былъ застрахованъ отъ посѣщеній татаръ, перелазовъ тамъ совсѣмъ не было. Но за этимъ лѣсомъ въ «Чютовой Плесѣ» было уже три перелаза, еще ниже—въ «Штурмовой Долинѣ»—одинъ; въ восьми верстахъ отъ него одинъ и нѣсколько далѣе еще одинъ [3]). Но всѣ эти перелазы лежали отъ Валокъ такъ далеко, что они не теряли своего значенія. Проходы татарскіе были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по Мжу, но въ значительно меньшемъ числѣ, не такъ удобны и «межъ лѣсовъ», что давало возможность ихъ легко укрѣпить. Много перелазовъ было въ степныхъ мѣстахъ, къ югу отъ Валокъ—къ рр. Орчику, Орели, Самарѣ—и въ нижнемъ теченіи Коломака. Къ этимъ рѣкамъ съ обѣихъ сторонъ подходили «небольшія ярушки»—овраги,—поросшія густымъ кустарникомъ и де-

[1]) тамъ-же.

[2]) тамъ-же.

[3]) тамъ-же, ст. 268, л. л. 65—77

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ревьями. Это давало возможность пробираться «безвѣстно» и скрытно переходить рѣки. Поэтому такія удобныя для грабителей мѣста должны были особенно внимательно наблюдаться: но ихъ было много, а станичниковъ мало.

Кромѣ главнаго вала, въ урочищѣ было много слѣдовъ и остатковъ какихъ-то другихъ, древнихъ укрѣпленій. Около р. Болгиря, напр., былъ старинный, уже обвалившійся валъ, также переведенный «концами къ обоимъ лѣсамъ», но только значительно короче—на 160 саженяхъ. На истокѣ Болгиря находилось Болгирское городище [1]). Длина его 80 саж., ширина 40, а «по осыпи,» т. е. по валу, окружавшему городище, 250 сажень.

Въ 26 верстахъ отъ можевскаго острога было и еще одно отлично сохранившееся городище. Масловъ описываетъ его такъ:

Городище Одрынское на вершинѣ р. Одрынки по осыпи, по мѣрѣ того городища верста (2) 50 саженей, длина 250 саж., поперекъ 176 саж.. Въ той-же осыпи (находится) малое городище, по мѣрѣ того городища 300 саж., длина 107 саж., поперекъ 75 саж. Около всего городища 3 вала, межъ валовъ три рва копаны, глубина рвовъ 8 саж., а нидѣ и больше; отъ малаго городища горою до рѣчки Адрынки до воды 24 саж.; въ большомъ городищѣ вода—озерко, впущено изъ рѣчки Адрынки. Противъ малаго городища подъ горою за осыпью вода-же впущена изъ Адрынки-жъ и валомъ завалена, а рѣчка Адрынка за городищемъ идетъ болотомъ, а ниже городища пол-версты пошелъ ручьемъ и палъ въ Черемошный колодезь къ рѣкѣ ко Мжу въ лѣсу» [2]).

Отъ Можевскаго острога, по исчисленію Маслова, до Бѣлгорода было 120 верстъ, до Чугуева 80 и до Полтавы 73.

Можъ начинался двумя небольшими ручьями, одинъ изъ которыхъ и образовалъ упомянутое озеро. «Р. Можъ пошелъ по подъ земелью, и изъ-подъ того озера пошелъ р. Можъ по мѣрѣ до ручья, гдѣ объявился Можъ, верста, а течетъ по ольху» [3]). Большею своею частью Можъ течетъ по Валковскому уѣзду, нѣкоторое время составляетъ его границу съ Харьковскимъ и впадаетъ въ Сѣверскій Донецъ въ Чугуевскомъ. Несмотря на то, что длина его всего лишь около 70 верстъ, Можъ принималъ прежде очень много притоковъ. Судя по документамъ

---

[1]) тамъ-же

[2]) тамъ-же.

[3]) тамъ-же.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XVII столѣтія, съ лѣвой стороны въ него вливалось десять рѣчекъ, изъ которыхъ многія въ свою очередь имѣли свои притоки; съ правой—такія-же восемь [1]).

Всѣ эти рѣчки не запруженныя тогда еще мельничными плотинами, были очень бойки, текли «сторьевъ», окаймленныя лѣсомъ или ольховыми деревьями. Вотъ, напр., какъ описываетъ Масловъ р. Черемошную: «Колодезь течетъ ручьемъ по камышу, воды много, мѣста угожія, лѣса большіе; колодезь вышелъ изъ большого лѣса и къ устью его, гдѣ палъ въ р. Можъ, течетъ лѣсомъ-же».

Можъ принадлежитъ къ бассейну р. Дона, прочія рѣки и рѣчки Валковскаго уѣзда—Коломакъ съ притоками, Орчикъ и многія другія—къ бассейну Днѣпра. Чрезъ средину уѣзда и по границѣ Харьковскаго съ Богодуховскимъ проходитъ водораздѣлъ между названными бассейнами, по которому и пролегалъ Муравскій шляхъ.

Самая возвышенная часть уѣзда находится между истоками Мжа, Турушки и Коломака при урочищѣ Ранцовъ Рогъ; ровная и степная часть уѣзда—южная. Множество глубокихъ овраговъ, поросшихъ лѣсомъ, придавало мѣстности очень красивый и разнообразный видъ.

И въ настоящее время Валковскій уѣздъ самый лѣсистый, хотя въ немъ и осталось уже не болѣе двадцати тысячъ десятинъ лѣса (въ 1860 г. было 40,880 дес.), но прежде, предъ водвореніемъ здѣсь осѣдлости, лѣса были очень значительны. Въ нихъ росли дикія яблони, груши, дубъ, кленъ, липа, орѣхъ, ясенъ и др. породы.

По р. Турушкѣ и вверхъ по Мжу былъ, напр., Турушковый лѣсъ, сплошной, трудно проходимый. Не далеко отъ него начинался громадный лѣсъ, шедшій отъ Харькова.

Очень большіе лѣса были по Коломаку—о чемъ упоминалось выше. Въ лѣсахъ водились дикіе кабаны, козы, медвѣди, волки, лисицы, куницы, барсуки, горностаи, орлы и пр.; на рѣкахъ безчисленными стаями плавали утки, гуси, лебеди, гогры и пр. пр. Живыхъ существъ въ этихъ по истинѣ «угожихъ» мѣстахъ было множество, и именно потому, что отсутствовалъ только человѣкъ.

Лѣсъ при заселеніи края сыгралъ вообще первенствующую роль. Онъ доставлялъ матеріалъ для построекъ, но, что самое важное и глав-

---

[1]) Главныя: съ лѣва: Тирушка съ 2 прит., Болгирь, Черемошная съ Одрынкою и Огульцами, Кокитная, Мерефа съ 3-мя, Тросная, Боровенька, Студенскъ и др. неизвѣстныя; Съ права: Пересвѣтная съ 1 пр., Ивана, Водолжка съ Жгуномъ и Борками, Ольшанка съ 2 пр. и др., названія которыхъ неизвѣстны.

ное, являлся уже самъ по-себѣ надежною защитою для первыхъ поселенцевъ. Татары не любили лѣса и избѣгали его. Лѣсъ давалъ возможность легко устраивать засѣки—этотъ древнѣйшій видъ укрѣпленій, упоминаніе о которомъ восходитъ ко времени Владиміра Св. Въ Московскомъ государствѣ засѣки (подрубленныя, сваленныя въ кучу деревья; высота ея колебалась отъ 9 до 30 саж.) были очень распространены. Особенно надежною защитою онѣ являлись противъ степныхъ народовъ, нападавшихъ всегда верхомъ. Жители, во время предупрежденные объ опасности, находили въ лѣсахъ для себя и своихъ стадъ надежное убѣжище. Правительство хорошо понимало важное значеніе лѣса для колонизаціи края: въ 1647 году, [1]) т. е., сейчасъ-же послѣ возникновенія Валокъ послѣдовалъ указъ, запрещавшій рубить лѣса по Донцу, Ворсклѣ и др. рѣкамъ. Въ лѣсахъ были пасѣки и хутора. На нихъ, прятавшихся отъ взоровъ татаръ, кромѣ лѣса, еще въ зарослях, въ ярахъ и таилась кое-гдѣ жизнь послѣ разоренія городовъ и, повидимому, полнаго запустѣнія края. Когда невзгоды прошли, многіе хутора какъ-то вдругъ разрослись въ селенія, около нихъ задерживались и осѣдали многочисленные выходцы изъ-за Днѣпра.

И дѣйствительно, Московскіе служилые и жилецкіе люди, поселенные по указу царя въ построенномъ на Валкахъ острожкѣ и городѣ, не были первыми колонизаторами края. Пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ вышедшимъ изъ-за Литовскаго рубежа черкасамъ, которые нѣсколько позднѣе заселили и всю Слобскую Украину. Несмотря на то, что по близости не было ни городовъ, ни сильныхъ сторожевыхъ пунктовъ, въ лѣсахъ жили «Литовскіе люди» (черкасы) и занимались пчеловодствомъ.

Когда въ урочище Валки пріѣхалъ кн. Хилковъ, къ нему явилось нѣсколько человѣкъ черкасъ, жившихъ на пасѣкахъ по Мжу и другимъ рѣкамъ. Они говорили, что въ ближайшихъ окрестностяхъ начавшагося тогда строиться острожка было до 150 литовскихъ пасѣкъ и что на каждой изъ нихъ жило по 5—6, а на нѣкоторыхъ и по 10 человѣкъ черкасъ [2]). Притомъ они жаловались, что на нихъ нападали «многіе воровскіе черкасы и ихъ-де и самихъ подбивали». И вѣроятно, просили покровительства. Черкасы говорили о пасѣкахъ, разбросанныхъ по ближайшимъ къ Валкамъ лѣсамъ, но ихъ вообще было много тогда и по другимъ мѣстамъ. Видно это изъ того, что годъ спустя (1647) послѣдовало запрещеніе «литовскимъ» людямъ заводить свои пасѣки по рр. Мерлу, Мерчику,

[1]) Ст. 728, лл. 1—2, 3—4, 6—7.
[2]) Тамъ же ст. 268, лл. 23—26.

Братинницы, Радыни, противъ гг. Хотмыжска, Вольнаго, Лосицкаго, а также и вблизи Валковскаго острога. Всѣхъ литовскихъ пасѣчниковъ выселили тогда обратно за рубежи. Московскіе стрѣльцы произвели при этомъ изрядный грабежъ [1]). Между прочимъ они не щадили часто и пасѣкъ черкасъ, бывшихъ уже въ подданствѣ царя. [2]).

Сообщеніе кн. Хилковъ принялъ въ соображеніе—черкасъ было выгодно принять подъ покровительство.

Не смѣя, при тогдашней строжайшей централизаціи, ничего сдѣлать безъ разрѣшенія, кн. Хилковъ обратился въ Москву съ просьбою позволить ему усилить число ратныхъ людей въ Можевскомъ острогѣ до трехсотъ человѣкъ, такъ какъ и малымъ людямъ въ томъ острожкѣ быть страшно.

Триста человѣкъ была уже сила, которая могла оказать отпоръ даже большой партіи татаръ и задержать ее, сидя за острожными стѣнами.

Вполнѣ раздѣляя мнѣнія воеводы, Алексѣй Михайловичъ распорядился послать къ бывшимъ уже ста еще двѣсти человѣкъ Московскихъ стрѣлцовъ изъ Ливенъ, давъ имъ на двоихъ лошадь съ телѣгою.

Вмѣстѣ съ этимъ въ острожекъ тогда же были присланы запасы муки, крупы, 30 ведеръ вина, 30—уксуса и четверть чесноку съ приказаніемъ давать это «служилымъ людямъ отъ болѣзни по невелику». Прислано было даже пять козъ «для молока отъ цынги». Для людей приказано было поставить въ острожкѣ избы—одну на пять человѣкъ.

Изъ Бѣлгорода привезли двѣ желѣзныя пищали «одна—ядро въ три гривенки» (3-хъ фунтовые), а другая—«ядро въ двѣ гривенки»; къ нимъ по сто ядеръ; «да пять пищалей затинныхъ (малоколиберныя пушки), къ нимъ сто-же пулекъ»; шесть пуд. пороху и пять свинцу. Все это между прочимъ называлось тогда «зелейною казною» [3]).

Въ заключеніе указа приказывалось всему гарнизону острожка «жить съ великимъ береженіемъ, не отлучаться ни на охоту въ лѣса, ни въ гульбу» [4]).

---

[1]) Тамъ же, ст. 224, л. 146; ст. 256, лл. 97—124; ст. 268, лл. 205—219.
[2]) Тамъ же, ст. 422, лл. 145—207.
[3]) Тамъ же, ст. 268, лл. 23—26.
[4]) Тамъ же, ст. 268, лл. 23—26.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

III.

Назначеніе воеводы.—Недостатки острога.—Рубленный городъ.—Стоялый острожекъ.—Распространеніе тревоги.—Засѣки.—Дальнее охраненіе.—Посѣвъ хлѣба «для опыту».—Тяжелыя условія.—Разгромъ окрестностей Курска и Рыльска.—Недостатокъ въ водѣ.—Мѣры заселить Валки.—Набѣги.—Челобитная жителей.—Зарожденіе торговли.—Смѣны воеводъ.

Получивъ донесеніе, что Можевскій острогъ уже началъ строиться, Царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ въ него воеводою (изъ г. Ливенъ) стольника Льва Прокофьевича Ляпунова. Ко времени его пріѣзда на Валки (9 іюля 1646 г.), работы далеко еще не были окончены. Осмотрѣвъ ихъ, онъ остался недоволенъ и нашелъ, что острогъ вообще былъ очень малъ, а главное, настолько низокъ, что съ сосѣдней горы, на Муравской самкѣ, легко можно было видѣть, что въ немъ дѣлалось [1]), и это былъ, конечно, большой недостатокъ. Виновникомъ этого являлся кн. Хилковъ, такъ неосмотрительно выбравшій мѣсто для постройки.

Чтобы нѣсколько устранить этотъ недостатокъ и усилить острогъ, Ляпуновъ, посовѣтовавшись съ старыми ратными людьми, рѣшилъ пристроить къ нему еще и «рубленный городъ», т. е., собственно такое-же укрѣпленіе. Желая исправить промахъ Хилкова, Ляпуновъ въ свою очередь дѣлалъ большую ошибку, собираясь строить городъ далеко «отъ живой воды». Это важное обстоятельство уже выяснилъ Масловъ. Но Ляпуновъ не принялъ это во вниманіе и результатомъ былъ, когда изсякла по близости вода, переносъ и острога и города на совершенно новое мѣсто, что, конечно, было сопряжено съ большими трудами и расходами.

Принявъ рѣшеніе строить городъ, не спросивъ даже на то позволенія, Ляпуновъ тотчасъ-же приступилъ къ его исполненію. Рубленный городъ поставленъ былъ непосредственно около острога («къ тому острогу»), такъ, что одна стѣна послѣдняго сдѣлалась общею. Подробное описаніе города и острога приведемъ ниже. Для устраненія указаннаго недостатка, Ляпуновъ поставилъ пять высокихъ башенъ, съ которыхъ можно было довольно далеко видѣть, а самыя стѣны сдѣлалъ $3^1/_2$ саж. высоты. Внутри города построилъ 30 избъ; всѣ постройки покрыты тесомъ. Находя острогъ малымъ, Ляпуновъ построилъ городъ также небольшихъ размѣровъ: длина его стѣнъ, не считая башенъ, равнялась 84 саженямъ [2]). Результатомъ тѣсноты было скорое возникновеніе около города посада, гдѣ поселились первые жители Валокъ.

---

[1]) Тамъ же, ст. 272, лл. 32—34.
[2]) Тамъ же.

Но, кромѣ всего этого, Ляпуновъ поставилъ еще небольшой «стоялый острожекъ» «по конецъ валу (въ 40 отъ него саженяхъ), что словетъ валки», т. е., гдѣ то вблизи верховья р. Коломака [1]).

Валъ, усиленный надолобами и съ острожками на концахъ, являлъ уже изъ себя сильную укрѣпленную линію на протяженіи болѣе пяти верстъ. Обойти ее «безвѣстно» Муравскимъ шляхомъ татарамъ уже не было возможности. Размѣры «стоялаго острожка», впрочемъ, были очень скромны: четырехсаженная жилая изба съ бойницами и съ высокою башнею для сторожей, съ которой очень хорошо былъ видѣнъ весь валъ вплизъ по Коломаку, далеко въ степь и въ противоположную сторону— къ Бѣлгороду. Башня была приспособлена къ оборонѣ—на ней были приготовлены катки, колья и камни, окопана она была глубокимъ рвомъ, на немъ стояли надолобы съ честикомъ. Отъ острожка вода находилась въ 42 саж., но и вблизи былъ выкопанъ колодезь. Позднѣе въ проходѣ въ лѣсу, не далеко отъ острожка поставлены были на 136 саж. надолобы [2]).

На башнѣ стояла «вѣстовая пищаль»—«ядро въ двѣ гривенки». Въ избѣ, составляя гарнизонъ острожка, помѣщалось 24 человѣка валковцевъ, изъ которыхъ четыре были конные; для ихъ лошадей была пристроена конюшня.

Кромѣ того, въ острожкѣ находились, перемѣняясь по недѣльно конные служилые люди: два изъ Бѣлгорода, одинъ изъ Хотмыжска и одинъ изъ Вольнаго.

На башнѣ день и ночь стояли сторожа. Подъ страхомъ смерти— «безъ всякія пощады» они обязаны были зорко слѣдить за окрестностями и, замѣтивъ, что къ Можевскому острожу подходятъ «воинскіе люди татарова», давать изъ пушки сигнальный выстрѣлъ. Услышавъ его, конные тотчасъ должны были «бѣжать» день и ночь, «на спѣхъ», не заѣзжая въ Валки «за отпискою», по своимъ городамъ, т. е., въ Бѣлгородъ, Хотмыжскъ и Вольное, предупреждая по дорогѣ объ опасности жителей деревень. Такимъ образомъ, тревога быстро распространялась по краю; но легко могла распространяться и ложная, когда караульный на башнѣ, не разсмотрѣвъ хорошо въ темнотѣ, боясь при томъ роковыхъ послѣдствій «за небереженіе», давалъ выстрѣлъ, Если-бы даже истина и выяснялась скоро, то вернуть назадъ «конныхъ добрыхъ», скакавшихъ «на спѣхъ» и подгоняемыхъ страхомъ предъ тою-же суровою карою за малѣйшее промедленіе, было очень трудно. Притомъ звукъ одного уже выстрѣла, обозначавшій появленіе татаръ, самъ по себѣ на далекое про-

[1]) Тамъ же, ст. 211, лл. 37—39 и 272, лл. 32—34.

[2]) Тамъ же, ст. 332, лл. 488—491.

странство предупреждалъ жителей слободъ о повисшей надъ ихъ головами грозной опасности; въ случаѣ оплошности сторожа, этотъ же выстрѣлъ распространялъ и ложную тревогу. А услышавъ зловѣщій сигналъ, нужно было каждому, не задумываясь и не теряя ни минуты, бѣжать въ городъ подъ защиту стѣнъ или прятаться гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, почему либо трудно доступномъ для татаръ. Въ указѣ Ляпунову [1]), данномъ по поводу того, какъ должны были ратные люди нести въ острожкѣ службу, не предвидѣно подобнаго обстоятельства и не придумано какого либо другого успокоительнаго сигнала. Да и трудно его было придумать. Татары могли показаться, а послѣ выстрѣла скрыться съ быстротою и непостижимою ловкостью, которыя имъ однимъ и были свойствены. Провѣрить и выяснить степень опасности, особенно ночью, скоро было нельзя, а служилые люди тѣмъ временемъ скакали все дальше и дальше, распространяя тревогу все шире и шире. На такую-то безпокойную жизнь осуждены были жители порубежной полосы.

Станичники Коломакскаго (назовемъ его такъ) острожка должны были держать постоянную связь съ Можевскимъ, откуда «по часту» высылались люди для повѣрки службы сторожей. Мѣсто для стоялаго острожка было выбрано удачно—въ этомъ отношеніи онъ много имѣлъ преимуществъ предъ Валковскимъ, кругозоръ котораго былъ ограниченъ.

Окончивъ постройку города и укрѣпленій и составивъ «городовой образецъ», Ляпуновъ командировалъ въ Москву своего племянника, Василія Ляпунова, съ докладомъ царю, что онъ сдѣлалъ на Валкахъ. Алексѣй Михайловичъ милостиво принялъ образецъ и ласково отнесся къ посланному, приказавъ ему выдать въ награду десять рублей и десять аршинъ Кармазинной камки» [2]).

До насъ дошла «роспись чертежу Можевскаго города Валокъ и всякимъ крѣпостямъ», относящаяся къ 1651—1653 году» [3]). Самый чертежъ, какъ вообще и всѣ подобные чертежи—того времени, затерялся; но описаніе составлено съ большою точностью и почти восполняетъ утрату.

Рубленный городъ, построенный Ляпуновымъ, представлялъ изъ себя четыреугольникъ съ семью башнями по стѣнамъ: главная—въ ней была проѣзжія ворота, около нихъ стояла караульная изба, а на стѣнѣ висѣлъ вѣстовой колоколъ, присланный изъ Москвы. Слѣдующая башня была наугольная—«отъ Можевскаго отъ вершка», далѣе шла средняя

[1]) Тамъ-же, ст. 211, лл. 37—39.
[2]) Тамъ-же, ст. 272, лл. 32—34.
[3]) Тамъ же, ст. 332, лл. 488—491.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

глухая отъ того-же «вершка». Четвертая башня—наугольная городовая «у острожку»; пятая—такая-же—«отъ ендовища»; въ ней были ворота изъ города въ острожекъ. Шестая, средняя—«противъ ендовища» и, наконецъ, противъ него-же седьмая—наугольная» [1]).

Въ городѣ находилась соборная церковь, съѣзжая изба, житница съ рожью и избы для служилыхъ людей.

Въ острогѣ было двѣ наугольныя башни; около одной изъ нихъ, стоявшей противъ моста на Мжѣ, находился тайникъ и калитка къ водѣ.

Внутри стоялъ воеводскій дворъ, казенный погребъ, житница съ овсомъ и тоже нѣсколько избъ [2]). Городъ и острогъ окружалъ ровъ, а около него былъ честикъ. Надолобъ, являвшихся обыкновенною принадлежностью тогдашнихъ укрѣпленій, около города не было, но за то въ окресностяхъ ихъ было много. Противъ городовыхъ воротъ «полого» (пустого, свободнаго), «приступнаго» мѣста было въ длину 51 саж., въ ширину 22.

Какъ говорилось, городъ «отъ живой воды» отстоялъ въ 1100 с.: другая «вершина» Мжа—«ржавецъ»—находилась ближе къ острогу (69 саж.) изъ нея и брали воду. Но, видимо, ручеекъ уже успѣлъ изсякнуть, такъ какъ съ этихъ поръ начинаются постоянныя жалобы жителей на недостатокъ въ водѣ. По другую сторону города находилось ендовище, гдѣ копались колодцы.

Валки, кромѣ своихъ городскихъ укрѣпленій, охранялись еще сдѣланными въ лѣсахъ засѣками, шириною отъ 10 до 12 саж. Всѣхъ засѣкъ въ общей сложности было теперешнихъ 16 вер. 110 саж. Перерывъ между лѣсами,—«проходы»—укрѣплены были надолобами, ихъ было 1 вер. 241 саж., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены были подъемныя ворота [3]).

Не малый трудъ подняли ратные люди, несшіе службу на Валкахъ и поселенные въ нихъ на житье, построивъ городъ, острогъ и соорудивъ такія укрѣпленія. Надо принять во вниманіе сравнительно короткое время, небольшое число жителей и необходимость вмѣстѣ съ тѣмъ нести службу на сторожахъ и станицахъ.

А для дальняго охраненія города выставлены были семь сторóжей [4]):

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Тамъ-же. Ст. 332, лл. 488—491.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1-я находилась на Муравской сакмѣ въ «стояломъ острожкѣ», гдѣ отъ лѣса чрезъ сакму построенъ былъ «новый валъ» на 915 саж., вышиною $1^1/_4$ с., около рва въ 1 саж. глубиною;

2-я была на томъ-же шляху вблизи Коломака «подъ яругою на дубу» въ 3811 саж. отъ города;

3-я—возлѣ засѣки на Муравской сакмѣ, «подъ яругою межъ двухъ проходовъ» въ 1806 саж. отъ города;

4-я—около истока Орчика «подъ яругою на дубу», на сакмѣ, въ шести верстахъ (12);

5-я на р. Болгарѣ въ шести вер.;

6-я—на р. Турушкѣ «подъ яругою» въ 1900 саж.—«Московская дорога» (послѣднее число сажней является сомнительнымъ; въ дѣйствительности много выше) и, наконецъ,

7-я—на Московской дорогѣ, за лѣсомъ, на сакмѣ въ 1850 саж. отъ г. Валокъ.

Между городомъ и надолобами находилась «государева десятинная пашня» и выгонная земля, гдѣ пасли скотъ.

Кромѣ того, подъ пашни было отведено еще 150 дес., лежащихъ за надолобами внизъ по Мжу къ Туручикѣ, Болгирю и противъ Пересвѣтной. Сѣнные покосы (20 десятинъ) были за Мжомъ подъ лѣсомъ.

Въ первое-же лѣто послѣ возникновенія Можевскаго острога царь приказалъ Бѣлгородцамъ «для опыту» и посѣять рожь. Все нужное—сѣмена и «сошникъ съ палицами»—было прислано [1]).

Такимъ образомъ, въ этомъ урочищѣ послѣ многовѣкового антракта, а можетъ быть, и впервые началъ человѣкъ воздѣлывать землю. Алексѣй Михайловичъ очень интересовался этимъ вопросомъ и приказалъ, по выясненіи результата, подробно ему донести, какъ уродился хлѣбъ и проч.

Обрабатываніе земли ложилось тяжелымъ гнетомъ на малочисленное населеніе украинскихъ городовъ, подверженнымъ частымъ нападеніямъ татаръ. Постоянный страхъ предъ ними тяготѣлъ надъ жителями и не давалъ имъ возможности обратиться къ мирнымъ занятіямъ, а заставлялъ всѣ силы тратить на возведеніе укрѣпленій и несеніе трудной сторожевой службы. На полевыя работы можно было выходить, когда все кругомъ было тихо и о татарахъ не было никакихъ вѣстей отъ высланныхъ въ степь станичниковъ. Даже въ такое, повидимому, спокойное время воевода позволялъ выходить въ поле «не малыми людьми съ пищалями и всякимъ ору-

[1]) Тамъ-же. Ст. 268, лл 23—26.

жіемъ». Выгонять скотъ на пастбище можно было только «провѣдавъ про воинскихъ людей допряма» и подъ сильной охраной. Половина высланныхъ въ поле людей, выставивъ гдѣ либо на возвышенныхъ мѣстахъ, на курганахъ, часовыхъ, охраняло работавшихъ. Пахарь шелъ за сохою съ саблею на поясѣ и ружьемъ за спиною.

Но, не смотря на всѣ предосторожности, татары умѣли такъ скрытно подкрадываться, такъ внезапно появляться, что работавшіе могли ежеминутно ожидать ихъ нападенія. Оружіе, что называется, не выпускалось изъ рукъ. Особенно въ такихъ нападеніяхъ большими мастерами были ногайцы, нападавшіе всегда небольшими партіями—не болѣе двадцати человѣкъ—и вооруженные одними только луками. Они осторожно взъѣзжали на высокіе курганы и выглядывали, гдѣ паслись стада, гдѣ работали люди. Налетали, угоняли скотъ, уводили въ неволю жителей. Въ случаѣ не удачи, они исчезали также быстро, какъ и появлялись, чтобы попробовать счастья въ другомъ мѣстѣ.

При вѣсти о появленіи татаръ жители окрестныхъ слободъ переселялись въ городъ, отсиживались въ немъ, а хлѣбъ между тѣмъ зрѣлъ и высыпался. Балаклейскій, напр., протоіерей писалъ: «на той Украинѣ жить нельзя—прокормиться не чѣмъ: ради прихода татаръ пахать нельзя».

Тяжелое положеніе жителей особенно усиливалось, когда получалось извѣстіе о намѣреніи татаръ сдѣлать нападеніе большими силами. Распространялась тревога; отъ одного города къ другому скакали вѣстовщики. Изъ Москвы слались воеводамъ указы. И это было такъ часто, что архивы буквально переполнены такими указами «о крѣпкой предосторожности». Въ 1653 году, напр., въ Валки къ воеводѣ Ансимову прислана была грамота [1]). Въ ней сообщалось «доподлинное» извѣстіе, что ханъ съ крымскими и ногайскими татарами собирается осенью сдѣлать нападеніе на украинскіе города. Получивъ предписаніе жить «съ великимъ береженіемъ», воевода объявилъ объ этомъ валковцамъ. Онъ распорядился по городу и острогу усилить наряды, пушкарямъ быть на своихъ мѣстахъ, а прочимъ служилымъ людямъ «быть къ государевой службѣ совсѣмъ на готовѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ жителямъ посада, образовавшагося уже къ тому времени около города, а также и всѣмъ жившимъ въ окрестностяхъ—на пасѣкахъ и пр. «съ женами и дѣтьми съ животы, всякіе запасы» «тотчасъ-бы бѣжать» въ городъ—«чтобы татаровя ихъ не побили, въ полонъ не поймали». Все, что нельзя было взять съ собою—вещи, хлѣбъ нужно было зарывать въ ямы.

[1]) Тамъ-же. Ст. 358, лл. 155—159.

Никакихъ болѣе точныхъ извѣстій о приближеніи татаръ еще не было получено отъ станичниковъ, но тѣмъ не менѣе не спѣшить было опасно. Осадою городовъ степные наѣздники не любили заниматься. Вооружены они были только луками и саблями, на поясѣ у нихъ висѣлъ ножъ, огниво, да «лыки»—ременныя веревки для связыванія плѣнныхъ. Со всѣмъ этимъ, дѣйствительно, трудно было итти на приступъ городовъ, на отпоръ которыхъ, кромѣ пушекъ, для сваливанія на головы наступающимъ лежали на готовѣ камни, бревна и пр. Поэтоту весь залогъ успѣховъ татары полагали на внезапность, на быстроту своихъ коротконогихъ бахматовъ, знаменитыхъ притомъ и своею выносливостью.

Въ 1646 году жившіе въ окрестностяхъ Курска и Рыльска, получивъ подобное предупрежденіе о возможности появленія татаръ, но не видя никакихъ признаковъ ихъ скораго нападенія, «ученились не послушны»—не «побѣжали тотчасъ», согласно указа, въ городъ и почти всѣ были перебиты, или взяты въ плѣнъ [1]).

На приказаніе царя держать «въ украинныхъ городахъ» вѣстовщиковъ, чтобы татарамъ «на Валки безвѣстно не быть», воевода отвѣтилъ, что ему, «кромѣ степи», не куда ихъ посылать потому, «что всѣ... городы стали назади Валокъ», т. е., въ 1653 году въ крымскую сторону, куда безстрашно глядѣли Валки, не было тогда еще ни одного городка, а таковымъ называлось каждое поселеніе, какъ-бы мало оно не было, потому что укрѣплялось—*огораживалось*.

Въ Москвѣ, видимо, не имѣли яснаго представленія, гдѣ именно находились Валки, если посылали такіе указы.

Можевскій городъ былъ такихъ небольшихъ размѣровъ, что негдѣ было поставить не только лишней избы для помѣщенія людей во время осаднаго сидѣнія, но даже, какъ писалъ воевода, «и малыя клѣтки» [2]). Негдѣ было сложить на тотъ-же случай запасовъ. Ко всему этому въ городѣ и острогѣ не было въ достаточномъ количествѣ воды. А при такихъ обстоятельствахъ трудно было отсиживаться отъ непріятеля. Воды-же требовалось много для людей, лошадей и скота, собираемыхъ въ городъ каждый разъ, когда надъ краемъ нависала опасность нападенія. Недалеко отъ острожка, около можевскаго болота былъ вырытъ колодезь, изъ него проведена въ тайникъ вода. Но въ теченіе какихъ либо семи лѣтъ, вслѣдствіе, вѣроятно, расчистки лѣса, вся вода вблизи успѣла высохнуть, Объ этомъ тревожномъ обстоятельствѣ писалось и даже «многажды», какъ въ Москву, такъ и въ Бѣлгородъ—къ воеводѣ, отъ кото-

[1]) Тамъ-же, ст. 358 лл, 155—159.

[2]) Тамъ-же.

раго были поставлены въ зависимость возникавшіе вновь городки «Польской» Украины. И сами жители обращались къ царю съ просьбами перенести городъ поближе къ водѣ. Но распоряженій никакихъ объ этомъ не послѣдовало. Валки продолжали стоять на неудобномъ мѣстѣ. Воевода не разъ также доносилъ и о большомъ недостаткѣ въ служилыхъ людяхъ: «въ приходъ воинскихъ людей въ городѣ и острогѣ содады держать несъ кѣмъ», писалъ онъ царю.

Построивъ городъ на такомъ важномъ стратегическомъ пунктѣ, московское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ старательно заботилось о скорѣйшемъ его заселеніи: переводило «на вѣчное житье» въ Валки жителей изъ болѣе центральныхъ областей, но могло это сдѣлать въ самомъ ограниченномъ числѣ—излишка въ населеніи нигдѣ не было. Изъ ближайшихъ городовъ въ Валки временно командировались служилые и вызывались также на переселеніе въ нихъ «охочіе люди»[1]). Имъ было приказано выдавать хлѣбъ, присланный изъ русскихъ городовъ или купленный въ порубежныхъ литовскихъ [2]). Но «охочихъ» людей не находилось. Сюда-же ради тѣхъ-же колонизаторскихъ цѣлей ссылались на вѣчное житье разные преступники—за убійства, за «многое воровство, за бунты и пр., за что подчасъ, при иныхъ объстоятельствахъ, могла-бы послѣдовать и смертная казнь. Ссылались даже за «государево слово и дѣло»[3]). Всѣмъ или давались деньги на «дворовую селитьбу» и хлѣбное жалованіе—безъ него сведенцы не могли обойтись, особенно первое время. Изъ Москвы присылалось и оружіе; такъ въ 1650 году было доставлено 150 пищалей, 150 рогатинъ и 300 пищальныхъ кремней [4]).

Но, несмотря на всѣ старанія и приносимыя правительствомъ немалыя жертвы, заселеніе шло до крайности медленно. Число жителей въ Валкахъ постоянно колебалось—то увеличивалось, благодаря новымъ сведенцамъ и присылкѣ служилыхъ людей, то уменьшалось, вслѣдствіе разныхъ причинъ.

Въ 1659 году напр., на пасѣки Харьковскаго уѣзда напали служилые люди изъ Бѣлгорода, разграбили ихъ, а хозяевъ убили. Бѣлгородцы вообще частенько пошаливали [5]), даже «товарищи» воеводы (другой воевода, дьякъ, подьячій), раздѣлявшіе съ нимъ бремя правленія, не были чужды тому [6]). Это обстоятельство сдѣлалось извѣстно царю.

---

[1]) Тамъ-же. Ст. 224, л. 165.
[2]) Ст. 167, лл. 73—74; ст. 224, лл. 133—134.
[3]) Ст. 268, лл. 457—461.
[4]) Ст. 288, лл. 105—110.
[5]) См. нашу ст. въ газетѣ «Южный Край» 1903 г. № 7798.
[6]) Тамъ-же.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Возгорѣлось большое дѣло. И 16 человѣкъ бѣлгородцевъ, уличенныхъ въ грабежѣ, послѣ наказанія дважды кнутомъ—въ Бѣлгородѣ и Харьковѣ, сосланы были въ Валки. Проживъ нѣкоторое время въ нихъ и испытавъ всю тяжесть службы небольшого порубежнаго городка, сосланные грабители такъ слезно взмолились, такую подали скорбную челобитную, что тронутый ею Алексѣй Михайловичъ позволилъ имъ покинуть убогіе Валки.

Побѣги были очень часты. Вотъ одинъ довольно характерный примѣръ.

Въ 1652 году сотникъ Валковскихъ козаковъ [1]) Марковъ [2]) бѣжалъ изъ города. Благодаря доносу сына боярскаго Протасова, которому онъ по пріятельски сообщилъ о своемъ намѣреніи, Марковъ былъ пойманъ «у верхнихъ надолобовъ» поджидавшими его людьми и закованъ въ «желѣза». Судя по тому, что сотникъ направлялся внизъ по Мжу, гдѣ много было черкасскихъ пасѣкъ, можно предположить, что убѣжать онъ хотѣлъ не въ Москву, какъ показывалъ, а на Донъ, обычное тогда, какъ и «запороги», убѣжище, всѣхъ угнетенныхъ. Показаніе Маркова хорошо рисуетъ тягость жизни валковцевъ вообще. Если очень плохо жилось сотнику, человѣку грамотному, а такихъ цѣнили тогда, обставленному много лучше рядовыхъ, получавшему бо̀льшее жалованіе и имѣвшему въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ человѣкъ, то каково-же въ дѣйствительности жилось прочимъ!

«Побрелъ было я, бѣдной, говорилъ на допросѣ Марковъ, къ Москвѣ съ бѣдности—пить, ѣсть нечего, помираю съ женишкой и съ дѣтишками, и съ людишки съ голоду бить челомъ государю, чтобы меня, бѣдного, государь пожаловалъ—велѣлъ отпускать въ деревнишко для оброченка, чѣмъ-бы мнѣ съ женишкою и дѣтишкамъ прокормиться, а на Москвѣ бити челомъ государю обо мнѣ, бѣдному, некому, родителей нѣтъ...[3]).

Хотя, можетъ быть, сотникъ и сгущалъ нѣсколько краски, чтобы разжалобить, но фактъ говоритъ самъ за себя—«отъ хорошей жизни» не побѣжишь. А что Марковъ былъ, дѣйствительно, «бѣдной», свидѣтельствуетъ самъ-же воевода, котораго предъ тѣмъ сотникъ скверно «облаялъ».

За плечами у бѣглеца «въ колчичѣ» (вѣроятно, котомка) нашелся только «небольшой хлѣбецъ да соль и два ножа»—и ничего больше; денегъ—ни алтына.

---

[1]) Сведенныхъ изъ другихъ городовъ, но не пришедшихъ добровольно, подобно многочисленнымъ партіямъ черкасъ, заселившимъ Слободскую Украйну.

[2]) Арх. Мин. Юст. Ст. 338, лл. 911—913; 920—924.

[3]) Тамъ-же.

Одѣтъ былъ Марковъ бѣдно—«въ чекменишкѣ сѣромъ да черкахъ», вооруженъ однимъ бердышемъ. Сотникъ подготовлялъ свой побѣгъ долго, доносчикъ караулилъ его «въ день и ночь» безпрестанно въ теченіи семи дней. Если-бы начальникъ валковскихъ козаковъ не былъ дѣйствительно такъ бѣденъ, то въ далекую дорогу, въ Москву или на Донъ—все равно—взялъ бы съ собою хотя немного денегъ да и одѣлся-бы зимою (февраль) не въ вѣтромъ подбитый чекменишко [1]).

О томъ, что въ Валкахъ жилось всѣмъ вообще очень плохо, свидѣтельствуетъ и челобитная, поданная «всемъ городомъ». Жителей въ Валкахъ въ 1651 году—дѣтей боярскихъ, козаковъ, пушкарей—было всего лишь 49 человѣкъ, [2]) сосланныхъ съ женами и дѣтьми, не входившими въ счетъ, изъ разныхъ мѣстъ съ самого возникновенія города.

«Живемъ мы, холопи твои, бѣдные, писали они, въ Валкахъ четвертый годъ, животъ свой мучаемъ»,—«а которые, Государь, твои новые украинскіе городы заведены послѣ Можевскаго города, и тѣ, Государь, городы людьми изнаполнены, а къ намъ, бѣднымъ сведенцамъ, и никакихъ людей не прибываетъ ни откуда, а охотою ни съ какого города безъ твоего Государева Указу никто не прійдетъ, потому что городъ и мѣсто нужное и скудно, и дальнее украинное, и порубежное отъ Литвы и отъ Крыму, и безъ воды. Милосердный Государь, возри своею милостью въ свою дальную украинную порубежную вотчину, вели, Государь, къ намъ людей прислать и свой Можевскій городъ Валки перенесть къ водѣ, чтобъ намъ бѣднымъ и безпомощнымъ... лѣтомъ и зимою безъ воды и хлѣба не померети голодною смертью, и отъ твоихъ Государевыхъ недруговъ отъ крымскихъ и отъ нагайскихъ людей вконецъ не погибнуть...» [3]).

Главное затрудненіе для Московскаго правительства заключалось въ недостаткѣ населенія. Въ Бѣлгородѣ, несшемъ на себѣ всю тяжесть охраны края, въ 1649 году служилыхъ людей было всего 1297 человѣкъ, изъ нихъ конныхъ 1051, пѣшихъ 246 [4]). Изъ этого числа постоянно

---

[1]) Тамъ-же. [2]) Тамъ-же. Ст. 332, л. 220. [3]) Тамъ-же.

[4]) Тамъ-же. Ст. 288, л.л. 105—110. Росписной списокъ воеводы кн. Пронскаго:

1) дѣтей боярскихъ полковыхъ на конѣхъ и на меринахъ и на меринкахъ въ сахдацѣхъ, а иные съ пищальми . . . . . 418 ч.

2) станичниковъ на конѣхъ и на меринахъ и на меринкахъ съ пищальми и съ рогатины съ простыми лошадьми . . . . . 399 »

3) Черкасъ на конѣхъ и на меринахъ и на меринкахъ съ пищальми и съ рогатины, съ простыми лошадьми . . . . . 51 »

4) съ головою полковыхъ козаковъ конныхъ съ пищалями . . . . . 183 »

5) стрѣльцовъ пѣшихъ съ пищалями . . . . . 195 »

6) Пушкарей, затинщиковъ, и воротниковъ, и кузнецовъ . . . . . 51 »

[5]) Тамъ-же. Ст. 283, л.л. 105—110.

въ долнемъ порядкѣ было 203 человѣка, а «когда къ нимъ на перемѣну поѣдутъ»—406.

Въ то же время по книгамъ бѣлгородскаго воеводы Квашнина въ Валкахъ значилось:

Съ сотникомъ московскихъ стрѣльцовъ	148	чел.
Изъ Бѣлгорода живутъ московс. же стрѣльцовъ, перемѣняясь по	100	»
Курскихъ стрѣльцовъ	10	»
Бѣлгородскихъ станичниковъ	20	»
Дѣтей боярскихъ полковыхъ	10	»
Хотмыжскихъ станичниковъ	4	»
Валковскихъ и хотмыжскихъ станичниковъ	9	»
Яблонцовъ дѣтей боярскихъ	10	»
Стрѣльцовъ	15	»
Козаковъ	10	»

Ссылочныхъ людей 37 семей устроены въ Валкахъ въ козачью службу, пушкарей 5 чел., служащихъ съ жалованіемъ.

Ссылочныхъ людей дѣтей, братьи и племенниковъ 27 чел. [1])

Всего въ Валкахъ всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей 405 конныхъ и пѣшихъ».

Въ слѣдующемъ, 1650 году, въ нихъ уже на вѣчномъ житьѣ числилось 82 человѣка и почти столько-же перемѣннаго состава [2]). Но, кромѣ того, изъ Москвы было прислано еще сто человѣкъ стрѣльцовъ. Послѣ этого число защитниковъ въ Валкахъ возросло до 265, но все-же ихъ было, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, меньше на 140 человѣкъ. Въ 1653 году было 220, изъ нихъ постоянныхъ жителей снова только 51 человѣкъ [3]).

Мольбами избавить отъ Валокъ надоѣдали царю не только поселенные на вѣчное житье, но посылаемые и на извѣстный срокъ. Съ такою просьбою обратились, напр., бѣлгородцы. Служили они безпрестанно зимою и лѣтомъ; ѣздили по вѣстямъ и по сторожамъ, вслѣдствіе чего обѣднѣли, лишились лошадей, «отбыли отъ пашенной поры», а всѣ ихъ «бобылишки» разбѣжались по другимъ городамъ. Изложивъ все это въ челобитной, бѣлгородцы молили избавить ихъ, но не отъ Нижегольска, напр., куда часто бывали посылаемы, но именно только отъ Валокъ, подобно тому какъ уже избавилъ царь, снисходя къ просьбамъ, отъ тягостной службы въ Можевскомъ городѣ дѣтей боярскихъ Вольнаго, Хотмыжска и Чугуева. Просьба бѣлгородцевъ была уважена. Алексѣй Ми-

---

[1]) Тамъ-же. [2]) Тамъ-же, ст. 317, л.л. 211—212. [3]) Тамъ-же, ст. 358, л.л. 155—159.

хайловичъ приказъ кн. Пронскому замѣнить ихъ бѣлгородскими-же черкасами и перемѣною по десять человѣкъ покамѣстъ они въ той службѣ всѣ обойдутся» [1])

Ближайшими къ Валкамъ городами до заселенія слободской Украины были «литовскіе зарубѣжные». Валковцамъ, водвореннымъ помимо ихъ желанія на жительство на Муравской Сакмѣ, было запрещено ѣздить не только въ эти послѣдніе, но даже въ свои русскіе—Бѣлгородъ, Вольное, Курскъ, Хотмыжскъ, Чугуевъ, Обоянъ, Путивль и др. Въ нихъ въ это время велась уже довольно бойкая торговля и для этой цѣли были построены особые «гостинные дворы» [2]). Въ эти города являлись изъ-за рубежа «литовскіе люди черкасы» съ разными товарами; торговали также мѣстные и пріѣзжіе русскіе купцы.

Въ Валки-же, какъ городъ дальній, заселенный одними ссыльными, никто изъ русскихъ купцовъ не заглядывалъ. Литовскіе-же не могли завязать торговыхъ сношеній—ихъ воеводы не пускали. Если у кого изъ жителей Валокъ и были деньги, то ничего купить на нихъ въ своемъ городѣ они не могли. Хлѣбное жалованіе было очень незначительное, хлѣбопашество-же за поглощавшею почти все время службою не могло доставить необходимаго для пропитанія количества хлѣба, даже и при обильномъ урожаѣ, на который природа здѣсь не скупилась

Но случались и непредвидѣнныя невзгоды, ставившія жителей, стѣсненныхъ запрещеніями, въ критическое положеніе.

Въ 1648 году, напр., когда валковцы, преодолѣвая всѣ трудности, все таки посѣяли хлѣбъ, прилетѣла саранча. 2,7 и 9—10 іюля большія тучи этихъ крылатыхъ татаръ наводнили окрестности. Воевода посылалъ было сбивать насѣкомыхъ съ хлѣба, но они ничего не могли подѣлать—налетали все новыя и новыя тучи. Саранча ночевала около города ночи по двѣ и по три и съѣла почти все до послѣдней травинки. Ни сѣна заготовить для казенныхъ [49] лошадей, ни собрать къ будущему году яровыхъ сѣмянъ для посѣва было нельзя [3]). Едва удалось съ недоѣденныхъ 50 десятинъ ржи собрать 184 тощихъ копенъ. На пробу вымолотили восемь, давшихъ только «четыре чети съ полуосьмой». Засѣяно-же было кромѣ упомянутыхъ 50, еще нѣсколько десятковъ десятинъ ржи и 5 десятинъ «государевой пашни [4]).

Будучи отрѣзанными отъ всего свѣта запрещеніемъ отлучаться и вообще имѣть какія-либо сношенія съ другими городами, жители подали

[1]) Тамъ-же, ст. 288, л.л. 105—110.
[2]) Тамъ-же, ст. 332, л.л. 215—217+220.
[3]) Тамъ-же, ст. 259, л. 268.
[4]) Тамъ-же, ст. 332, л.л. 215—217+221.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

челобитную [1]), въ которой мрачными красками изображали свое отчаянное положеніе.—«Мы бѣдные безъ всякаго харчу помираемъ голодною смертью», писали они, и это было почти буквально вѣрно. Валковцы просили разрѣшить литовскимъ людямъ пріѣзжать къ нимъ для торговли съѣстными припасами. Съ такою-же точно просьбою обратились къ царю и находившіеся временно на службѣ въ Валкахъ московскіе стрѣльцы. Они, между прочимъ, писали, что доставить хлѣбъ изъ Бѣлгорода имъ «не вмочь», а «на Валкахъ запасу купить хлѣбнаго и харчевнаго негдѣ—мѣсто не жилое», почему и они «голодною смертью помирали». Царь снизошелъ къ этимъ просьбамъ—«пожаловалъ»: на имя воеводы Ансимова послѣдовалъ указъ, разрѣшавшій литовскимъ черкасамъ пріѣзжать въ Валки для торговыхъ цѣлей, но въ самый городъ почему-то купцовъ все-таки не велѣно было пускать. Торговать позволялось за городомъ, въ полѣ, всякими товарами, кромѣ запретныхъ—виномъ и табакомъ. Воеводѣ приказывалось сказать купцамъ, «что по мирному договору и по вѣчному докончанью имъ литовскимъ купцамъ въ украинскіе города съ виномъ и табакомъ пріѣзжать и торговать не велѣно». Съ такимъ товаромъ приказывалось купцовъ «ворочать назадъ въ литовскую сторону», но безчестья и грабежа имъ не дѣлать.

Вслѣдствіе близости рубежа, сношенія съ городами полтавскаго края, если и не торговыя, все-таки были и до этого. Воеводамъ по разнымъ причинамъ приходилось переписываться съ державцами. По просьбѣ въ 1647 году въ Валки даже былъ присланъ спеціально для этого дьячекъ, умѣвшій «прочесть литовское письмо» (образецъ такового нами былъ выше приведенъ), такъ какъ въ городѣ, населеніе котораго состояло пока изъ однихъ только великоросовъ, никто не обладалъ этимъ умѣніемъ [2]). Помимо жалобъ, напр., о грабежѣ литовскихъ пасѣкъ московскими людьми [3]), полтавскіе державцы не рѣдко, по сосѣдски, сообщали «о татарскихъ вѣстяхъ», т. е., предупреждали о появленіи гдѣлибо по близости крымцевъ. При неумѣніи прочесть такое важное письмо могла приключиться большая бѣда. Итакъ, сношенія съ Полтавою, начавшіяся съ протеста, окончившагося между прочимъ ничѣмъ (наученный царемъ воевода списался), скоро приняли вполнѣ мирный и даже дружелюбный характеръ.

Первый воевода Л. П. Ляпуновъ, окончившій постройку острога и поставившій рубленный городъ, пробылъ на Валкахъ около года. Ему

---

[1]) Тамъ-же, ст. 332, л.л. 215—217+221.

[2]) Тамъ-же, ст. 268, л. 540.

[3]) Тамъ-же, ст. 224, л. 148.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

переведенному изъ Ливенъ, города спокойнаго и болѣе удобнаго, въ Можевскомъ острогѣ пришлось, видимо, тяжело. Покончивъ съ постройками, воевода взмолился, просилъ перевести его куда нибудь, но только изъ Валокъ. Онъ подалъ челобитную и въ ней подробно перечисляя всѣ «свои службы» въ Валкахъ (и до назначенія въ нихъ), гдѣ «онъ голодъ и всяку нужду терпѣлъ», гдѣ «клячи попадали (съ голоду) а людишки отъ такія великія нужи разбѣжались». Далѣе онъ писалъ, что его «братія» (воеводы) за подобное городовое дѣло были награждены жалованіемъ и помѣстнымъ окладомъ. Поэтому онъ просилъ наградить и его «противъ братіи», какъ напр., въ 1640 году Гаврило Бокинъ за постройку города «на Вольномъ курганѣ» (г. Вольное на Ворсклѣ, теперь слобода Богодуховскаго уѣз. Харьк. г.) получилъ къ прежнему своему помѣстному окладу 100 чети земли, 20 руб., ковшъ въ 1½ гривенки, 40 соболей, 10 арш. комки и единовременно еще 30 руб. [1]) Просьба Ляпунова была уважена: ему положили 800 чети земли и 50 руб., раньше онъ получалъ 700 чети и 33 руб. [2]). Но, что для него, видимо, было главнѣе всего, Ляпунову удалось добиться разрѣшенія покинуть Валки. Позднѣе онъ сдѣлался товарищемъ бѣлгородскаго воеводы. Ляпунова смѣнилъ въ декабрѣ 1647 года Ст. Бор. Бутиковъ. Съ собою въ Валки онъ привелъ 303 человѣка московскихъ стрѣльцовъ, 50 бѣлгородцевъ, 40—хотмыжанъ 10 вольновцевъ и др., всего 412 чел. [3]).

IV.

Постройка соборной церкви.—От. Константинъ.—Поѣздка въ Москву.—Наказаніе воеводы.—Быть или не быть Валкамъ.—Мнѣніе кн. Ромодановскаго.—Число жителей.—Валки заселяются черкесами.—Неудачное нападеніе полковника Жученки.—Набѣгъ на Харьковскій уѣздъ.

Въ наказѣ [4]) воеводѣ Бутикову (отъ 14 дек. 1647 г.) приказывалось, пріѣхавъ въ Валки и выбравъ въ острогѣ подходящее мѣсто, построить церковь во имя Успенія Пр. Богородицы своими такъ сказать средствами, такъ какъ на этотъ предметъ не было отпущено ни алтына. Привезъ только съ собою изъ Москвы воевода «церковное строеніе», заключавшееся въ образахъ, книгахъ, облаченіи, утвари [5]). Священника, дьячка и просфорницу приказывалось позвать «съ воли, кто похочетъ,

[1]) Тамъ-же. Ст. 272, л.л. 32—34.
[2]) Тамъ-же, ст. 272, л.л. 32—34.
[3]) Тамъ-же, ст. 223, л. 372.
[4]) Тамъ-же, ст. 268, л.л. 567—595.
[5]) Тамъ-же, ст. 268, л.л. 567—595.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

безмѣстныхъ». Ѣхать изъ Бѣлгорода вызвался нѣкій «попъ» Константинъ, польстившійся, вѣроятно, на опредѣленное царемъ содержаніе: «годовой руги 5 руб., ржи и овса по 6 чети, единовременнаго пособія на подъемъ и дворовое строеніе 10 руб.; кромѣ того земли «20 чети въ полѣ, а вдву потомужъ» [1]), а также сѣнные покосы и всякія угодья и мѣсто въ острогѣ для двороваго строенія, (дьячку и просфорницѣ: руги по 3 руб., овса и ржи по 3 чети и мѣста для двороваго строенія).

Пріѣхавъ въ Валки, Бутиковъ приступилъ къ постройкѣ церкви «по патріаршей благословенной грамотѣ». Рубили лѣсъ, возили и строили московскіе стрѣльцы и такъ работали усердно, что въ томъ-же 1647 году 17 мая церковь была уже освящена, о чемъ воевода поспѣшилъ донести въ Москву. Бутиковъ изъ усердія, сверхъ указа, пристроилъ къ ней еще притворъ («Государева Ангела Человѣка Божія Алексѣя»), который ко дню освященія церкви готовъ не былъ.

О. Константинъ «приволокся» въ Валки 25 марта и дѣятельно сталъ помогать воеводѣ строить церковь. Послѣ ея освященія онъ просилъ позволенія «отпустить его къ Москвѣ бити челомъ государю о своихъ нуждахъ». Въ своей челобитной онъ жаловался, что ему не выдали денегъ на дворовое строеніе, почему и построиться «ему не чѣмъ» — «волочится безъ дворишка». Хотя ему и дали 30 десятинъ «дикаго поля», но «поднять» ихъ для него, человѣка одинокаго, не было возможности; городъ же «украинный, дальній, людей, (кого-бы можно было нанять) нѣтъ, самому работать—времени нѣтъ—на приходѣ одинъ, не было еще ни дьячка, ни просфорницы. Челобитную священника воевода переслалъ въ Москву; скоро послѣдовала резолюція: невыданныя деньги выдать немедленно, самое жалованье увеличить съ 5 на 6 руб., а рожь и овесъ выдавать «ежелѣтъ по 14 чети», хорошаго качества. И что особенно интересно и характерно—все это приказано было исполнить «безъ московскія волокиты» [2]). Такая щедрость въ грамотѣ объяснялась тѣмъ, что городъ Валки «стоитъ въ пустомъ мѣстѣ». Рядомъ съ этимъ о. Константину разрѣшалось пріѣхать въ Москву, чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться—тотчасъ-же «поволокся» туда.

Въ Москвѣ онъ подалъ нѣсколько челобитныхъ, но ничего для себя не просилъ, а только умолялъ прибавить и еще многое къ присла-

---

[1]) Земли украинскихъ служилыхъ людей обыкновенно назывались «четвертными», такъ какъ давалось извѣстное количество четвертей—четей. Для опредѣленія количества десятинъ нужно число четей увеличить втрое, т. к. земля полагалась въ трехъ смѣнахъ, и раздѣлить на два въ виду того, что четь равнялась 1/2 дес. Слѣд. «20 четей въ полѣ, а вдву по томужъ» равнялось 30 дес.

[2]) Тамъ-же.

ному уже «церковному строенію», главнымъ образомъ, для притвора «царскаго Ангела», что особенно оттѣнялъ въ своихъ челобитныхъ. Видимо, о. Константинъ сумѣлъ разжалобить царя своими разсказами о бѣдственномъ вообще положеніи церквей на Украинѣ и о пр.: все, что онъ просилъ, безъ великихъ затрудненій приказывалось выдавать [1]) и даже «безъ волокиты». Онъ получилъ много образовъ, оловянные церковные сосуды, книги въ переплетахъ, царскія двери, облаченіе на престолъ и для причта и два колокола и пр. [2])

Выпрошенныхъ вещей набралось столько, что онѣ не умѣстились на двухъ ямскихъ подводахъ, назначенныхъ для доставки ихъ на мѣсто. Священникъ не задумался—подалъ и еще челобитную [3]) царю, прося назначить третію подводу потому—де; «что путь лѣтній, дальній, отъ выбоевъ телѣжныхъ *Божье Милосердіе побьется* и порча будетъ большая». Чтобы отдѣлатся окончательно отъ надоѣвшаго, вѣроятно, своими челобитными священника, Алексѣй Михайловичъ приказалъ удовлетворить и эту его просьбу. И «попъ Константинище», бережно сложивъ на трехъ подводахъ «Божье Милосердіе», медленно потащился съ нимъ «за черту», за рубежъ государства, въ «дикія поля», въ «пустой» городокъ, отстоящій отъ Москвы въ 780 верстахъ.

Итакъ церковь была построена. Скоро (1648 г.) бѣлгородскій «жилецъ» Поповъ подалъ челобитную «опять таки царю» съ просьбой назначить его въ Валки дьячкомъ, а вдову попадью «Дуньку Тимофеевскую» просфорницею. Изъ Москвы послѣдовала благосклонная резолюція. О. Константинъ, первый священникъ на Валкахъ, прожилъ не долго; много порадѣвъ для созданія храма, онъ скоро умеръ: въ 1652 году въ соборной церкви священникомъ былъ уже какой-то Василій, [4]) а въ 1658 Дмитрій Ѳедоровъ [5]).

Пробывъ на воеводствѣ также не болѣе года, Бутиковъ взмолился въ свою очередь, прося его «безпомощнаго поскорѣе смѣнить; замѣненъ онъ былъ въ 1648 г. Бор. Теряевымъ. Въ 1652 году воеводою былъ Адр. Анисимовъ; о немъ извѣстно лишь то, что «онъ учинилъ простотою— съ Коломака изъ крѣпостей сторожей свелъ и поставилъ ихъ на

---

[1]) Тамъ-же

[2]) Ст. 268, лл. 567—595. Приводимъ здѣсь цѣны нѣкоторыхъ предметовъ, купленныхъ Приказомъ въ «иконномъ ряду»: «Царскія двери съ Евангелисты и съ сѣнью и съ столбцы —3 руб.; мѣстные образа 1½ руб.; образъ напрестольный 26 алтынъ 4 деньги; крестъ осѣнянный 5 алт.; сосуды церк. деревянные 8 алт. 2 деньги; въ «котельномъ ряду»—кадило мѣдное 16 алт. 4 ден., укропникъ 8 алт. 2 ден.; кандея, въ чемъ воду святить, 26 алт. 4 д.; за пудъ колокола 4 руб. 10 алт.

[3]) Тамъ-же, [4]) Тамъ-же, ст. 338, лл. 920—924. [5]) Тамъ-же, ст. 603, л. 373.

чисти и сторожей на сторожахъ не дозиралъ». За это все по приказанію царя онъ въ Валкахъ-же былъ посаженъ въ тюрьму на одинъ день[1]). Дешево отдѣлался потому, что не послѣдовало за это время нападенія татаръ и что поступокъ его объяснили «простотою».

Трудность положенія на Валкахъ поселенцевъ, ихъ постоянныя мольбы о нуждахъ, о позволеніи покинуть ненавистный имъ городишко, заброшенный гдѣ-то тамъ далеко, поколебали было царя. Поднятъ былъ даже вопросъ, быть или не быть Валкамъ. Къ этому уже времени много возникло слободскихъ городовъ, были даже южнѣе Валокъ, напр. Золочевъ, и населеніе Слободской Украины сгущалось все новыми и новыми выходцами изъ-за Днѣпра. Потому царю могло показаться излишнимъ поддерживать такъ дорого стоившій городъ. Въ это уже время—1661 годъ [2])—возникъ въ тѣсномъ смыслѣ Харьковскій Слободскій Казачій полкъ, въ составъ котораго, между прочимъ, скоро вошли и Валки, какъ сотенный городъ.

Рѣшить этотъ вопросъ Алексѣй Михайловичъ поручилъ извѣстному своею широкою дѣятельностью бѣлгородскому воеводѣ Гр. Гр. кн. Ромодановскому [3]). Надо было выяснить, слѣдуетъ-ли свести съ Валокъ жителей и куда именно и не будетъ-ли отъ того другимъ городамъ «поруха». Если же оставить городъ существовать было необходимо въ виду его важнаго стратегическаго положенія, то откуда взять людей, чтобы усилить число его защитниковъ, и, наконецъ, нужно-ли въ дѣйствительности перенести Валки поближе къ водѣ, какъ о томъ часто просили Царя.

Пока что, въ виду тревожнаго времени, (въ Малороссіи тогда шло сильное броженіе, громкіе отголоски котораго раздавались и въ Слободской Украинѣ), было приказано послать въ Валки изъ ближайшихъ городовъ людей, какъ можно скорѣе, перемолотить весь хлѣбъ, свезти его въ житницы и вообще быть готовыми на случай осады города. Исполняя приказаніе, Ромодановскій послалъ въ Валки 150 драгуновъ «Леонтьева полку», но драгуны, страшась, вѣроятно, надолго застрять въ Валкахъ, по дорогѣ въ нихъ разбѣжались всѣ до послѣдняго человѣка [4]).

Кн. Ромодановскій, взвѣсивъ всѣ обстоятельства и принявъ во вниманіе совѣты старыхъ ратныхъ людей, пришелъ къ заключенію, что прекратить существованіе Валокъ не представлялось никакой возможности. Несмотря на возникновеніе многихъ городовъ и вообще нѣкоторое заселеніе края, татары попрежнему продолжали быть грозными сосѣдя-

[1]) Тамъ-же. Ст. 338, лл. 484—486 [2]) Тамъ-же. Ст. 441, лл. 37—38 [3]) Тамъ-же. Ст. 440, лл. 144—148. [4]) Тамъ-же.

ми, а Муравскій шляхъ—ихъ торною дорогою. Бѣлгородскій воевода характерно говорилъ, что если уничтожить Валки, то оттого «непріятелю будетъ радость»—«воинскіе люди подъ украинные городы, которые по чертѣ, приходить начнуть безвѣстно». Ромодановскій находилъ только необходимымъ усилить число ратныхъ людей безъ чего «Валкамъ стоять немочно» и самый городъ перенести внизъ по Мжу къ устью р. Турушки, гдѣ «отъ непріятеля будетъ обороннѣе». Съ доводами кн. Ромодановскаго въ Москвѣ согласились: былъ посланъ указъ и о переносѣ города на Турушку, и о усиленіи числа ратныхъ людей. [1])

Дѣйствительно къ этому времени населеніе города сильно поуменьшилось и состояло только изъ 50 человѣкъ русскихъ и около ста черкасъ. Подобное явленіе—«малолюдство»,—благодаря все тѣмъ-же замѣшательствамъ, было тогда и во всѣхъ городахъ Слободской Украйны. Приведенное свѣдѣніе о числѣ жителей свидѣтельствуетъ, что городъ началъ уже заселяться пришлыми черкасами. Постепенно изъ чисто московскаго онъ обращается въ казачій. По указу 1660—1661 года всѣ русскіе люди изъ Валокъ, были даже переведены въ Бѣлгородъ и записаны въ рейтарскую службу. [2]) Въ городѣ остались одни черкасы и только «для провѣдыванія вѣстей» присылалось по десяти станичниковъ, перемѣнявшихся чрезъ мѣсяцъ.

Въ глухую февральскую ночь 1661 года къ Валкамъ подошелъ съ отрядомъ силою около двухъ тысячъ человѣкъ Полтавскій полковникъ Ѳед. Жученко, державшій сторону Юр. Хмельницкаго и съ нимъ-же передавшійся полякамъ, и тотчасъ-же пошли на приступъ [3]). Воеводою въ то время былъ Андрей Авдѣевъ. О приближеніи непріятеля, видимо, было извѣстно,—города онъ не засталъ врасплохъ. «Измѣнники черкасы» храбро полѣзли на валковскія стѣны. Кипѣлъ «большой бой». На головы осаждающихъ летѣли приготовленныя камни, бревна. И приступъ былъ отбитъ—«измѣнниковъ черкасъ побили многихъ людей». Валковцы убитыми потеряли всего лишь девять человѣкъ.

Обозленные неудачей казаки Жученка не хуже татаръ похозяйничали въ окрестностяхъ—сожгли ближайшія слободы и сложенный въ скирдахъ хлѣбъ. Пригородніе жители во время успѣли укрыться подъ защиту городскихъ стѣнъ, но 15 человѣкъ были все таки уведены полтавцами въ плѣнъ. Позднѣе царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ выдать женамъ убитыхъ по 5 рублей [4]).

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Тамъ-же, ст. 701, лл. 134—139.

[3]) Тамъ-же, ст. 440, лл. 24, 144—148.

[4]) Тамъ-же.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

О происшедшемъ Ромадановскій узналъ только черезъ четыре дня, въ бытность свою въ г. Карповѣ, и распорядился немедленно послать на помощь въ Валки солдатъ и драгунъ 250 человѣкъ. На этотъ разъ солдаты, кажется, не разбѣжались.

Въ началѣ апрѣля «полтавскіе измѣнники» снова и тоже ночью сдѣлали набѣгъ на Харьковскій уѣздъ, ограбили Ольшану и хутора, убили нѣсколько человѣкъ. Харьковскій воевода В. Сухотинъ [1]) догналъ грабителей за Валками—въ Коломакскихъ вершинахъ, гдѣ и произошло столкновеніе. Полтавцы «отходили боемъ» на протяженіи 5 верстъ, пока не наступила ночь.

V.

Переносъ Валокъ на новое мѣсто—г. Ишукай.—Нападеніе татаръ.—Льготы черкасамъ.—Измѣна Бруховецкаго.—Кошевой атаманъ Сирко.—Слобода Мерефа.—Возстаніе Слобожанъ.—Сожженіе Валокъ.—Число жителей до бунта.—Постройка разрушеныхъ городовъ.—Татарскій набѣгъ 1680 года. Валовое строеніе.—Нападеніе 1687 года.

Перенесены были Валки на новое мѣсто не скоро послѣ указа о томъ: исполненіе его что-то задержало. Въ 1665 году жители снова повторили свою просьбу. И только послѣ этого, по новому указу, приступили къ переносу [2]). Въ челобитной говорится, что «валковскіе черкасы собрались съ разныхъ малороссійскихъ городовъ» и «сами безъ помощи (перенесли) городъ и всякія крѣпости».

Тамъ, гдѣ городъ стоитъ и понынѣ, на лѣвомъ берегу р. Турушки при впаденіи ея въ Можъ,—уже не было недостатка въ водѣ: она была въ изобиліи и непосредственно около самыхъ стѣнъ. Посады скоро перешли даже на «крымскую сторону». Гдѣ прежде стояли Валки, или гдѣ-то очень близко, скоро появился городокъ Новая Перекопь или Ишукай. Но когда именно—неизвѣстно. Первое свѣдѣніе о немъ относится къ 1680 году [3]), когда его сильно пограбили татары. Въ немъ жили только одни черкасы, которымъ онъ и былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. г. Новая Перекопь иногда назывался «Старыми» и «Малыми» Валками [4]).

Послѣднее время многострадательные Валки особенно часто начали подвергаться татарскимъ нападеніямъ. Крымцы, пользуясь неурядицами въ Украйнахъ, «почасту приходили», уводили въ плѣнъ жителей и угоняли

---

[1]) Тамъ-же. Ст. 440, лл. 23, 233—234.

[2]) Тамъ-же Ст. 599, лл. 893—896.

[3]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы т. I, докум. № 27.

[4]) Тамъ-же и № 31, 34.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

скотъ, а самый городъ «держали въ осадѣ», т. е., вѣрнѣе сказать, въ большомъ числѣ рыскали около него, принуждая тѣмъ жителей отсиживаться [1]). Въ 1666 году, въ день Св. Троицы, татары, видимо, врасплохъ напали на городъ, плѣнили болѣе ста человѣкъ, отогнали послѣдній скотъ, почему жители и называли себя въ челобитной «до конца разоренными». Они обратились къ царю съ просьбою «за многія службы, и за кровь, и за полонное терпѣніе женъ и дѣтей» избавить ихъ отъ кабака, отданнаго воеводою на откупъ и отъ пошлинъ (30 руб. въ годъ). Отъ тягостей многіе изъ жителей уже разбѣжались, а оставшіеся грозили, что «побредутъ въ иные городы», такъ какъ «на большой татарской сакмѣ живучи и всякую нужду терпячи, никакихъ льготъ и вольностей нѣтъ» [2]). Послѣдовалъ указъ (1667 г. [3]), дать льготы на три года и таможню и кабакъ для того свести, чтобы имъ въ тѣ годы построиться совсѣмъ». Но несчастный городъ, и такъ уже вконецъ разоренный татарами, скоро постигли болѣе серьезныя невзгоды.

Гетманъ лѣвобережной Украины, Бруховецкій бывшій до того въ отличныхъ отношеніяхъ съ Москвою, круто ей измѣнилъ. На созванной радѣ (1668 г.) было рѣшено перебить всѣхъ русскихъ воеводъ и чиновниковъ и отложиться отъ царя. Стараясь привлечь на свою сторону слобожанъ, составлявшихъ тогда уже четыре сильныхъ казачьихъ полка, Бруховецкій разослалъ «воровскіе прелестные листы»; въ нихъ онъ возводилъ разныя небылицы на царя: напр., будто польскіе и русскіе поломочные послы «постановили и присягали на томъ, чтобы жителей украинскихъ мужска полу и женска и малыхъ дѣтей сослать въ Сибирь [4]). Многіе изъ слобожанъ не устояли отъ соблазна отдѣлаться отъ воеводъ. Но, главнымъ образомъ, многихъ увлекъ за собою запорожскій герой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко, знаменитый своими блестящими побѣдами надъ татарами и поляками. Слава о его подвигахъ гремѣла повсюду. Онъ неоднократно забирался въ самую пасть лютаго звѣря—въ Крымъ, освобождалъ невольниковъ и громилъ города. Сирко отличался необыкновенною личною храбростью, но въ тоже время великодушіемъ, добротою и безкорыстіемъ.

Его именемъ татарки унимали плакавшихъ дѣтей, о немъ сложилось множество легендъ; онъ пользовался уваженіемъ и безграничнымъ довѣріемъ козаковъ и расположеніемъ Москвы. Во всѣхъ уголкахъ Украйны, Малороссіи и Польши прославляли его «вызволенные» имъ

[1]) Арх. Мин. Юст. Ст. 599, лл. 893—896.
[2]) Тамъ-же. Ст. 599, лл. 863—896.
[3]) Тамъ-же. Ст. 599, лл. 893—896.
[4]) *Альбовскій.* Исторія Харьк. Слоб. Каз. п. Харьковъ 1895 г., стр. 216—217.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

«зъ тяжкой неволи турецкоі, зъ каторги басурманскои многія тысячи» «бідныхъ невольниківъ», которыхъ онъ обыкновенно отбивалъ при возвращеніи татаръ съ набѣга. Во время поднятой Бруховецкимъ смуты Сирко проживалъ въ своей слободѣ Мерефѣ [1]). И вотъ такой-то человѣкъ вдругъ измѣнилъ царю, объявивъ что выступаетъ «на защиту козацкихъ правъ». Своимъ примѣромъ онъ увлекъ многихъ слобожанъ. Возставшіе козаки начали съ того, что расправились съ воеводами и служилыми людьми, своими поступками возбудившими противъ себя ихъ ненависть. «Для козака воевода—великая невзгода», говорилъ Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановскій. Возставшіе слобожане жгли села, деревни, отказывавшихся пристать къ нимъ убивали или, подобно татарамъ, брали въ неволю. Мятежъ въ предѣлахъ Харьковскаго полка вспыхнулъ 4 марта 1668 года. 11 марта Сирко подходилъ къ Харькову, но городъ отстрѣлялся; его жители за малымъ исключеніемъ остались вѣрными царю.

По мѣрѣ того, какъ Сирко шелъ дальше, силы его расли. Жители городковъ, увлеченные кошевымъ атаманомъ, покидали свои дома, жгли ихъ и шли за нимъ. Не устояли и Валки—весь городъ передался на сторону возставшихъ. «Валковскіе черкасы по прелестнымъ листамъ из-

---

[1]) *Д. И. Эварницкій* въ своемъ изслѣдованіи *) говоритъ, что Сирко „былъ *родомъ* изъ козацкой слободы Мерефы слободской Украйны, теперешней Харьковской губ.“ и что онъ «выступилъ на историческую сцену... съ 1654 г.». Хотя точно и неизвѣстенъ годъ ея основанія, но, во всякомъ случаѣ, Мерефа возникла послѣ Харькова, а этотъ послѣдній около 1653 г. **). О появленіи Мерефы послѣ Харькова свидѣтельствуетъ хотя бы, напр., «Описаніе г. Харькова въ 1670 г.» ***). Въ немъ говорится, что въ 10 вер. отъ города на проходахъ *отъ* Муравскаго Шляха былъ построенъ осторожекъ съ сторожевою башнею но что бывшая въ немъ раньше сторожа, высылаемая изъ Харькова, послѣ была снята по минованіи въ ней надобности, «*потому что отъ Мурамскаго шляху поселилась слобода Мерефа*». Если Сирко выступилъ на историческую сцену въ 1654, что «извѣстно изъ документальныхъ данныхъ», «въ званіи *полковника* украинскихъ козаковъ», ****) то ему, какъ полковнику, могло тогда быть самое меньшее 20—25 лѣтъ, хотя, конечно, больше. слѣд., родиться онъ могъ около 1630 г., когда теперешняя Харьковская г. представляла изъ себя полнѣйшую пустыню, когда не существовало еще ни единой «козацкой слободы», документальныя доказательства чего приведены выше. Но что Сирко временами жилъ въ Мерефѣ и что она ему принадлежала, на это есть много свидѣтельствъ. Очень быть можетъ, что Сирко и построилъ ее при общемъ движеніи въ Придонецкій Край, подобно тому какъ послѣ Мерефы построилъ слободку Артемовку (въ 2-хъ верстахъ) *****). Мерефа была «зимовникомъ» Сирка, гдѣ жила «Сирчиха Ивaниха» съ дѣтьми, самъ-же онъ туда наѣзжалъ, чтобы повидаться и отдохнуть.

*) Ив. Дм. Сирко... Спб. 1894 г., ст. 5—9.

**) Нашъ фельетонъ въ газетѣ «Южный Край» 11 марта 1903 г. «Когда основанъ г. Харьковъ».

***) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы... т. I. Харьк. 1886 г., документъ № XIX.

****) *Д. И. Эварницкій.* Сирко... стр. 9.

*****) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, т. I, док. LXXIX.

мѣнника Ивашки Бруховецкаго великому государю измѣнили, городъ сожгли и пошли къ нему, «Ивашкѣ, съ измѣнникомъ съ Ивашкой Сиркомъ, и нынѣ тотъ городъ пустъ». Тотъ-же грѣхъ случился съ черкасами г.г. Царево-Борисова, Маяцка, Зміева, Колонтаева, Мурафы, Котельвы и Мерефы.

Бруховецкій былъ скоро убитъ. Но смуты съ его смертью не прекратились. Гетманъ Правобережной Украйны И. Дорошенко стремился подчинить себѣ всю Малороссію (Лѣвобережную), чему сочувствовалъ народъ, недовольный ея раздѣленіемъ. Дорошенко, чтобы добиться этого, вступилъ въ союзъ съ татарами и, послѣ смуты Бруховецкаго, разослалъ воззванія къ бунту. Къ нему за Днѣпръ удалился и перешедшій на сторону гетмана Сирко съ передавшимися слободскими черкасами.

Предъ бунтомъ въ Валкахъ было жителей [1]): 1 атаманъ, 746 рядовыхъ черкасъ и ни одного служилаго московскаго человѣка. Слѣдовательно Валки, бывшіе до того представителями великорусской колонизаціи въ краѣ, обратились въ черкаское поселеніе, вошедшее при томъ въ составъ Харьковскаго полка.

Когда поднятое Сиркомъ волненіе въ Слободской Украинѣ улеглось, Московское правительство приняло разныя мѣры къ заселенію «измѣньичьихъ» разоренныхъ городовъ Колонтаева, Мурафы, Зміева, Котельвы, и Валокъ. Строить ихъ было приказано черкасамъ. Исключеніе дѣлалось только для Валокъ [2]), которые строить и гдѣ жить должны были одни только русскіе люди, какъ было до поселенія козаковъ. Ненадежнымъ черкасамъ, видимо, опасались ввѣрить городъ, стоящій на такомъ важномъ мѣстѣ. Но исполненіе указа встрѣтило затрудненіе —послать на Валки русскихъ было не откуда по малолюдству городовъ «бѣлгородскаго присуду», что и донесено было въ Москву. Между тѣмъ ушедшіе съ Сиркомъ черкасы скоро начали приходить назадъ и просить «милости» и разрѣшенія жить въ своихъ прежнихъ городахъ. Кн. Ромодановскій, вовратившись изъ похода, своею властью разрѣшилъ имъ это и приказалъ строить: Колонтаевъ—Ив. Иваницкому, Мурафу Конст. Добрянскому, Зміевъ—Харьковскому полковнику Гр. Донцу и Валки—боходуховцамъ Гр. Рогозенку и Кир. Остапенку. Царь, получивъ отъ воеводы донесеніе объ этомъ, вообще, одобрилъ его распоряженіе, но относительно Валокъ подтвердилъ свое прежнее приказаніе—заселить ихъ русскими людьми [3]). Неизвѣстно, чѣмъ окончилась переписка, но, вѣроятно, Ромодановскому

[1]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, докум. № XXII т. I и Арх. Мин. Юст. Ст. 794 л.л. 41—61.

[2]) Арх. Мин. Юст., ст. 701, л.л. 134—139; 509—514.

[3]) Тамъ-же. Ст. 701, л.л. 134—130; 509—514.

удалось убѣдить царя измѣнить указъ, такъ какъ по извѣстію 1683 года въ Валкахъ жило черкасъ 265 чел. при двухъ сотникахъ; а по извѣстію 1686 года—600 челов.; русскихъ-же было только 6 пушкарей [1]).

Валки были такъ основательно разрушены, что послѣ возобновленія ихъ въ 1671—1672 г.г. стали называться, какъ и другіе четыре, «новопостроенными» [2]). Въ Валки, между прочимъ, въ 1673 году было прислано 20 желѣзныхъ пищалей съ Тульскихъ заводовъ Петра Марселиса.

На Турушкѣ острогъ былъ построенъ съ двумя проѣзжими и одной глухой башнями: въ окружности онъ равнялся 406 саж. и былъ окопанъ глубокимъ рвомъ. Подлѣ острога на берегу Мжа поставленъ былъ небольшой городокъ изъ дубоваго лѣса съ двумя башнями, изъ которыхъ одна была проѣзжая; длина его стѣнъ, считая здѣсь и башни, равнялась всего лишь 139 саж.; и городокъ былъ окруженъ глубокимъ рвомъ «ослопеннымъ лѣсомъ» [3]). Городъ и острогъ были очень скромныхъ размѣровъ—назначались они собственно для «осаднаго сидѣнія». «Жилецкіе» и даже служилые люди, ихъ семейства жили въ пригородныхъ посадахъ и слободахъ. Къ слову сказать, постройки возведены были настолько непрочно, что въ 1685 году, т. е., менѣе чѣмъ чрезъ десять лѣтъ, воевода доносилъ уже въ Москву, что «въ большомъ городѣ» стѣна вывалилась, а «въ маломъ» проѣзжая башня «обвалилась» [4]).

Къ 1680 году относится одинъ изъ опустошительнѣйшихъ татарскихъ набѣговъ. На этотъ разъ, что случалось рѣдко, во главѣ Крымской Орды сталъ самъ ханъ, высланный Турціею для отвлеченія русскихъ отъ Кіева, на который они собирались напасть. Съ Крымцами пришли азовскіе татары, калмыки, черкесы. Ханъ 22 января ночью перешелъ валъ между Коломакомъ и Нов. Перекопью и, пройдя Мерчикъ, остановился по обыкновенію съ половиною войска кошемъ (станомъ), гдѣ и простоялъ до самаго ухода. Около-же Перекопи осталась многочисленная застава для обезпеченія отступленія. Другая-же половина разбрелась въ разныя стороны для своей губительной работы. Много городковъ и слободъ Харьковскаго полка подверглись разграбленію [5]).

Къ Валкамъ татары приходили 19-го и 21 января. Въ нихъ и въ Огульцахъ было взято въ плѣнъ 117 человѣкъ, угнано 79 воловъ, 105 ко-

---

[1]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, т. I, док. №№ 31 и 34.
[2]) Арх. Мин. Юст., ст. 794, л. 41—61.
[3]) *Д. И. Багалѣй.* Матер., I, док. № 31.
[4]) Арх. Мин. Юст., ст. 1231, л. 126.
[5]) *Альбовскій.* Ист. Харьк. Слоб. каз. полка, стр. 77.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ровъ, 24 лошади, 643 овцы и унесено 661 улей съ пчелами; 60 ведеръ меду (татары любили лакомиться) и ко всему этому много хлѣба [1]). Городъ сильно пострадалъ и отъ пожара [2]). Всего въ этотъ набѣгъ въ городахъ и слободахъ Харьковскаго полка было взято въ плѣнъ 337 чел. и угнано 13 тысячъ головъ скота, не считая другихъ убытковъ.

По полученіи извѣстія о движеніи татаръ Харьковскій полковникъ Григ. Ероф. Донецъ-Захаржевскій, собравъ своей полкъ, пошелъ къ Золочеву. Около него произошло двѣ битвы. По словамъ очевидца, сотника Щербины, «Захаржевскій громилъ враговъ въ разныхъ мѣстахъ и острая сабля его плавала въ крови поганыхъ».

Вѣроятно, именно этотъ опустошительный набѣгъ вызвалъ (съ 1680 г.) усиленное развитіе «валового дѣла» и постройку крѣпостей между г.г. Усердомъ, Валуйками Царево-Борисовымъ, Валками и Коломакомъ. Цѣлая система укрѣпленій пересѣкала шляхи Калміускій, Изюмскій и Муравскій. Старый Валковскій валъ вошелъ въ эту систему [3]). Вся тяжесть работы легла на жителей слободскихъ городовъ, и такъ уже отягощенныхъ сторожевою службою. И все это мало достигало цѣли..... Не послѣднюю роль въ постройкѣ укрѣпленныхъ линій сыгралъ Гр. Донецъ-Захаржевскій. Онъ и провелъ валъ между Ц.-Борисовомъ и Валками по р.р. Сѣверскому Донцу и Мжу и далѣе, какъ проходящихъ чрезъ обширную область полка; работали исключительно козаки, русскихъ служилыхъ людей не было. За все это Донецъ получилъ отъ царя милостивую грамоту и награду.

Нападенія болѣе значительными силами, какъ это было въ 1680 году, случались не особенно часто. Въ 1687—азовская орда въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ сдѣлала набѣгъ на земли Харьковскаго полка, и ее разбилъ Донецъ. На слѣдующій годъ тоже въ числѣ пяти тысячъ татары напали на наказного полковника, валковскаго сотника Фед. Мураховца, стоявшаго кошемъ недалеко отъ Валокъ. 6 іюля съ утра и до полудня непріятель лѣзъ на таборъ. Битва была жаркая; съ обѣихъ сторонъ были большія потери. Татары ни съ чѣмъ ушли къ Полтавѣ, но въ результатѣ окрестности Валокъ были разграблены, дозрѣвавшій хлѣбъ вытоптанъ. Лѣтомъ 1709 проѣздомъ изъ Харькова въ армію Валки посѣтилъ и осматривалъ Петръ Великій.

Такова-то первоначальная исторія этого нѣкогда зарубежнаго острожка Московскаго Государства. Заселившись черкасами и войдя, какъ со-

---

[1]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы т. I, док. № 27.

[2]) Арх. Мин. Юст., ст. 950, лл. 601—608.

[3]) Тамъ-же. Ст. 950 (весь).

тенный, въ составъ Харьковскаго полка, Валки пережили одинаковую судьбу съ другими его городами. Когда-же слободское козачество, сыгравъ назначенную ему историческую роль, прекратило свое существованіе, валковцы, которымъ не грозила уже опасность татарскихъ нападеній, обратились въ мирныхъ гречкосіевъ и садоводовъ. Особенно любили они разводить сливы, красующіяся и понынѣ въ гербѣ города. И когда Харьковъ, возникшій позже, развился до громаднѣйшихъ размѣровъ, Валки, о которыхъ прежде такъ заботилась Москва, обойденные желѣзными дорогами, остались безъ особенной надежды на будущее, маленькимъ уѣзднымъ городишкомъ.

Евгеній Альбовскій.

Посадъ Новоборисовъ,
Минской губ.

III.

Матеріалы къ исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ Московскаго Государства.

Государевы арбузные огороды и виноградники въ г. Чугуевѣ.

Какъ бы ни были малозначительны сами по себѣ тѣ факты, которые я намѣреваюсь изложить въ настоящемъ очеркѣ, мнѣ все же думается, что знакомство съ ними не будетъ лишено нѣкотораго интереса для всѣхъ, кто занимается исторіей Московскаго государства XVII в. Касаясь чисто хозяйственной дѣятельности Московскаго государства, эти факты должны прибавить нѣсколько лишнихъ данныхъ, хоть бы отрывочныхъ и случайныхъ, къ суммѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются по этому вопросу въ исторической литературѣ. Матеріалы представляемые мною, извлечены изъ двухъ столбцовъ [1]) Бѣлгородскаго стола, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и содержащихъ дѣлопроизводство разряда по устройству въ г. Чугуевѣ государевыхъ арбузныхъ огородовъ и виноградниковъ. [2]) По документамъ этого дѣлопроизводства можно прослѣдить годъ за годомъ судьбу интереснаго опыта казеннаго хозяйства, какъ оно велось болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ и ознакомиться съ дѣятельностью Разряднаго приказа въ несвойственной для него роли заботливаго садовода.

На основаніи этихъ документовъ я постараюсь выяснить, какъ осуществлялъ Разрядъ свою хозяйственную дѣятельность въ мѣстности, отстоящей отъ Москвы почти на 800 в., какими мѣстными агентами онъ пользовался для этой цѣли, каково было положеніе чугуевскихъ садовниковъ, какія повинности налагало казенное хозяйство на мѣстныхъ жителей и наконецъ тѣ результаты, къ которымъ оно привело [3]).

---

[1]) №№ 438 и 990. За указаніе 990 столбца приношу глубокую благодарность многоуважаемому Н. П. Чулкову.

[2]) Г. Чугуевъ находился, какъ извѣстно, въ вѣдѣніи Разряда; см. *Градовскій*, Полн. собр. соч., т. II, стр. 480.

[3]) О чугуевскихъ арбузныхъ огородахъ и виноградникахъ упоминается въ слѣдующихъ трудахъ: *Д. И. Багалѣй*, Очерки изъ исторіи колоонизаціи степной окраины Московскаго Государства, стр. 353—354; *Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйств. быта Московскаго государства, стр. 236 *Оглоблинъ* въ 4 т. Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Арх. Министерства Юст., стр. 368—373.

I

О рѣшеніи правительства устроить въ г. Чугуевѣ арбузные огороды мы узнаемъ изъ памяти отъ 11 ноября 1660 г., присланной въ Разрядъ изъ приказа Большого Дворца[1]) и положившей основаніе чугуевскому казенному хозяйству; въ этой памяти говорится, что «великій государь... Алексѣй Михайловичъ... указалъ построить въ Чугуевѣ пять огородовъ или сколько доведется и на тѣхъ огородахъ садить арбузы, а что подастъ Богъ арбузовъ и тѣ арбузы присылать къ Москвѣ на свой великаго государя обиходъ на ямскихъ подводахъ, а къ тому огородному строенью взять изъ служилыхъ или изъ жилецкихъ всякихъ чиновъ людей охочихъ пять человѣкъ, которымъ арбузное строеніе было за обычай и учинить имъ своего государева годоваго жалованья по пяти рублевъ человѣку на годъ, а давати имъ то годовое денежное жалованье изъ чугуевскихъ доходовъ, да ихъ же, которые будутъ къ тому строенью охотники взяты изъ служилыхъ людей, отъ службы отставить»[2]).

Въ этомъ важномъ для исторіи чугуевскаго казеннаго хозяйства документѣ намѣчаются слѣдующія основанія для начала дѣла 1) рѣшено устроить въ Чугуевѣ 5 арбузныхъ огородовъ «или сколько доведется», 2) выбрать изъ служилыхъ и жилецкихъ людей 5 человѣкъ для ухода за огородами; 3) положить имъ денежное жалованье по 5 р. въ годъ человѣку изъ чугуевскихъ доходовъ; 4) освободить отъ службы тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ выбраны изъ служилыхъ людей и, наконецъ, 5) присылать ежегодно арбузы въ Москву на ямскихъ подводахъ.

Разсмотримъ, какъ выполнены были на практикѣ эти основныя положенія и какъ измѣнялись они съ теченіемъ времени. На первыхъ порахъ правительство стремится къ увеличенію площади огородовъ и прилагаетъ всѣ старанія къ развитію этого дѣла: такъ спустя 2 года по полученіи вышеуказанной памяти изъ приказа Большого Дворца, въ октябрѣ 1662 г., Разрядъ предписываетъ чугуевскому воеводѣ Алексѣю Ошбемову «впредь для арбузнаго строенья огородовъ прибавить столько же, что нынѣ устроено». Въ іюнѣ 1664 г. по полученіи грамоты изъ Разряда о расширеніи огородовъ воевода Ив. Беклемишевъ донесетъ, что онъ къ наличнымъ 10 огородамъ прибавилъ еще 10, взявъ ихъ «у соборныхъ поповъ у Артемья Григорьева, у Алфима Леонтьева, да у дьякона Ларіона Исакова, да у плотника Овдюшки Остафьева на рѣкѣ

---

[1]) За приписью дьяка Андрея Селина.

[2]) На этой памяти разрядная помѣтка: «169 (1660) г. ноября 13 дня учинить по сему государеву указу.»

Чугуевкѣ». Воевода не объясняетъ, на какомъ основаніи взялъ онъ у названныхъ лицъ огороды «про великаго государя обиходъ». Но это обстоятельство даетъ намъ поводъ предположить, что въ Чугуевѣ было развито огородничество и въ частности разведеніе арбузовъ: какъ увидимъ, въ документахъ упоминаются «арбузы чугуевскихъ сѣменъ» и надо думать, что развитіе этого дѣла у частныхъ лицъ послужило основаніемъ къ выбору Чугуева для устройства царскихъ огородовъ.

«А по мѣрѣ—доноситъ далѣе въ своей отпискѣ Ив. Беклемишевъ,—старыхъ огородовъ вдоль 40 саж., поперекъ 80 саж., во вновь что построены огороды мѣрою таковы жъ»

Такимъ образомъ площадь огородовъ значительно увеличилась къ 1664 г., занявъ пространство болѣе 5 десят. (12800 кв. саж.).

Но въ дѣйствительности дѣло оказалось нѣсколько въ худшемъ положеніи, сравнительно съ тѣмъ, какъ оно представлено въ воеводской отпискѣ: въ сентябрѣ того же года пріѣхавшіе въ Москву съ арбузами чугуевскіе садовники Ст. Смѣновъ «съ товарищи» показывали въ Разрядѣ «у выписки»: «на новыхъ они огородахъ земли не пахали и арбузовъ не садили, потому что тѣ огороды не устроены и къ арбузному строенью негодны: земля выпахана и мѣсто мокрое... а многіе де арбузы они садили на своихъ огородахъ и къ нынѣшнему году на прежнихъ огородахъ арбузовъ садить будетъ не мочно, потому что земля выпахалась и огороды бы построить вновь, гдѣ будетъ пристойно, а прежніе огороды въ то время перележатъ»

И такъ на самомъ дѣлѣ площадь огородовъ вдвое меньше, чѣмъ она показана въ воеводской отпискѣ (т. е. 6400 кв. с.) да и та съ выпаханной землей.

Весной 1666 г. послѣ неоднократныхъ запросовъ главный воевода Бѣлгородскаго полка кн. Б. А. Репнинъ увѣдомилъ наконецъ Разрядъ, что посланный имъ въ Чугуевъ бѣлгородецъ Сид. Толмачовъ вмѣстѣ съ садовниками выбралъ подъ огороды лучшую землю на рч. Чугуевкѣ выше старыхъ огородовъ «а тому огороду длина 95 саж. поперекъ 30 саж. (т. е. 2850 кв. с.), а на томъ огородѣ посажено арбузовъ 46 грядъ да посѣянныхъ арбузовъ длина 15 саж. поперекъ 10 саж.» [1]).

Въ 1669 осенью садовники по поводу неурожая арбузовъ опять жалуются на то, что земля старая испашь и просятъ отвести имъ огородъ, который занялъ «для своихъ прихотей» виноградный садовникъ старецъ Куликовскій; по ихъ словамъ этотъ огородъ «на государевы арбузные сады будетъ угожъ и кстати».

[1]) Эти свѣдѣнія находятся въ росписи, поданной Сид. Толмачевымъ кн. Репнину; она включена въ разрядную докладную выпись.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Изъ документовъ не видно, чтобы огородъ былъ отобранъ у Куликовскаго, но Разрядъ послалъ распоряженіе къ чугуевскому воеводѣ объ отводѣ подъ арбузы лучшей земли, «которая пристойна».

Въ 1678 г. по требованію Разряда чугуевскимъ воеводой Ив. Рыхторовымъ былъ составленъ подробный отчетъ казенному хозяйству и въ маѣ мѣсяцѣ присланъ въ Москву [1]).

Изъ этого отчета видно, что къ 1678 г. въ Чугуевѣ было 2 арбузныхъ огорода—одинъ мѣрою въ 4067, а другой въ 2790 кв. саж.

О томъ, какимъ образомъ велось хозяйство на этихъ огородахъ документы содержатъ очень скудныя данныя.

Болѣе всего Разрядъ былъ озабоченъ выборомъ земли, такъ какъ по мѣрѣ выпахиванія почвы, огороды переводили на вновь нарѣзанные участки: въ грамотахъ къ воеводамъ постоянно повторяется предписаніе выбирать землю «лутчюю и въ которыхъ мѣстехъ пристойно и къ арбузамъ была бы угодна». Мы уже видѣли, что это предписаніе не всегда исполнялось въ точности.

Чтобы избѣжать быстраго истощенія почвы однообразной культурой, былъ установленъ извѣстный сѣвооборотъ, какъ это видно изъ сказки, данной садовниками кн. Репнину въ 1666 г.: «на прежнихъ де огородахъ надобно сѣять и рядить коноплями для того, какъ прежъ сего они по конопляному мѣсту арбузы саживали и тѣ арбузы бывали лутчи». Объ этомъ же упоминается и въ указанномъ выше отчетѣ Ив. Рыхторова [2]).

Возстановить производительность выпаханной почвы старались также тѣмъ, что давали ей отдыхъ, оставляя безъ всякой культуры: мы видѣли уже, что садовники прося въ Разрядѣ объ отводѣ имъ новаго участка земли, указываютъ, что «прежніе огороды въ то время перележатъ».

Что землю также удобряли навозомъ, это видно изъ челобитныхъ, поданныхъ въ Разрядъ садовниками въ 1666 и 1669 г.г., гдѣ, прося о выдачѣ имъ жалованья, они между прочимъ жалуются, что «клячами опали», что лошадей у нихъ отогнали татары и имъ стало не на чѣмъ возить на огороды навозъ и пахать.

Стремясь дать наставленія по всѣмъ вопросамъ казеннаго хозяйства, Разрядъ предписываетъ «арбузныя сѣмена заводить новыя добрыя, которыя были бы годны гораздо», при чемъ рекомендуетъ «имать ихъ у тѣхъ людей,

---

[1]) Отчетъ этотъ находится въ разрядной книгѣ Бѣлг. стола № 94 (Арх. М-ва Ю.) лл. 122—132. Напечатаны извлеченія изъ этого отчета у *Миклашевскаго*, Къ исторіи хоз быта Моск. гос., стр. 236 и у *Оглоблина* въ 4 т. Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Арх. М. Ю., стр. 368—373.

[2]) И. Н. Миклашевскій, Н. Н. Оглоблинъ.

у которыхъ арбузы бывали напередъ сего». Дѣлались также попытки къ разведенію астраханскихъ арбузовъ, однако осенью 1665 г. садовники, пріѣхавшіе въ Москву, показывали въ Разрядѣ, что они садили «арбузы чугуевскихъ сѣменъ, да и астраханскихъ арбузовъ сѣмена садили же и астраханскія сѣмена къ чугуевской землѣ негодны».

Разрядъ озабочивается снабженіемъ садовниковъ всѣмъ нужнымъ для веденія хозяйства, такъ въ 1665 г. онъ предписываетъ кн. Репнину дать имъ лошадей и все, что потребуется для устройства новыхъ огородовъ. Въ 1672 г. имъ отпускается желѣзо на 5 матыкъ и 5 заступовъ.

Вновь построенный огородъ бѣлгородецъ Сид. Толмачевъ такъ описываетъ въ своей росписи, поданный въ 1666 г., бояр. кн. Б. А. Репнину: «а на то огородное строеніе пошло тыну 1907 тынинъ, а ворота, стойки, вереи дубовыя, притворчатыя, а рѣку Чугуевку пустилъ въ огородъ по конецъ грядъ арбузныхъ». Къ сожалѣнію въ документахъ не сохранилось чертежа «виноградnаго и арбузнаго всякаго строенья и заводу», который «учинилъ бѣлгородецъ Артемій Пищулинъ, посланный для того кн. Репнинымъ вслѣдъ за Толмачевымъ».

Садили арбузы обыкновеннно въ первыхъ числахъ мая: сообщая о порчѣ арбузовъ морозами въ маѣ 1666 г. садовники говорятъ, что принуждены были посадить ихъ вновь 26 мая, а это «позднее сажанья». Въ 1679 г. арбузы посажены были 3 мая и начавшіеся съ этого числа [1]) морозы погубили посадки. Въ общемъ надо признать, что арбузные огороды не часто страдали отъ неблагопріятныхъ метеорологическихъ вліяній: за все свое 22-хъ лѣтнее существованіе они пострадали отъ морозовъ 2 раза,—въ только что указанные годы. За этотъ періодъ времени документы отмѣчаютъ три градобитія: 7 іюня 1671 г. «извиленіемъ Божіимъ былъ въ Чугуевѣ градъ большой—извѣщали садовники—и на арбузномъ огородѣ арбузы побилъ градъ всѣ», 28 іюня 1673 г. «былъ въ Чугуевѣ градъ большой и на поляхъ хлѣбъ и животину и на огородахъ овощи побилъ»; 18 іюня 1680 г. «на арбузномъ огородѣ на большихъ завязяхъ арбузы градомъ побиты».

Что касается урожайности арбузовъ то она, судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ документахъ, выражается слѣдующей таблицей:

Въ	1662	г.	привезено	въ Москву	1100 арб.
»	1663	»	»	»	1750 »
»	1664	»	»	»	2000 »

[1]) «И съ того числа—говорятъ садовники—до праздника Вознесенія была стужа и морозы великіе и тѣ арбузы отъ стужи и отъ морозовъ на третьемъ листу позябли всѣ безъ остатку».

Въ	1665	г.	привезено	въ	Москву	2000 арб.
»	1666	»	»	»	»	2353 »
»	1667	»	»	»	»	1507 »
»	1668	»	»	»	»	905 »
»	1669	»	»	»	»	3705 »
»	1670	»	»	»	»	2247 »
»	1671	»	»	»	»	3073 »
»	1672	»	»	»	»	1545 »
»	1673	»	арбузы	побиты	градомъ.	
»	1674	»	»	»	»	507 »
»	1675	»	»	»	»	703 »
»	1676	»	»	»	»	422 »
»	1677	»	»	»	»	1003 »
»	1678	»	»	»	»	303 »
»	1679	»	»	»	»	503 »
»	1680	»	»	»	»	203 »
»	1681	»	»	»	»	503 »
»	1682	»	»	»	»	705 »

Изъ этой таблицы можно замѣтить, что чугуевскіе арбузные огороды не отличались особенной продуктивностью и съ теченіемъ времени, дѣло не только не развивалось, но несомнѣнно падало. Качество плодовъ также видимо ухудшается: въ отпискѣ чугуевскаго воеводы Гр. Шакловитаго отъ 11 сент. 1683 г. говорится: «въ Чугуевѣ на арбузныхъ огородахъ арбузы родились дробные и худы и про государской обиходъ не годятся... ростомъ въ винное большое яблоко, а внутри въ нихъ вода».

Вслѣдствіе этого 19 янв. 1684 г. состоялся указъ «въ Чугуевѣ арбузные сады отставить, потому что тѣ арбузы въ которой годъ и родятца и на ихъ великихъ государей обиходъ не годятця николи».

Разсмотримъ теперь, каково было служебное положеніе и матеріяльное обезпеченіе приставленныхъ къ огородамъ «арбузнаго строю садовниковъ».

Изъ памяти отъ 11 ноября 1660 г. мы знаемъ, что рѣшено было выбрать 5 человѣкъ, «изъ чугуевскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей положить имъ по 5 р. жалованья въ годъ изъ чугуевскихъ доходовъ и освободить отъ службы тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ выбраны изъ служилыхъ людей. Объ исполненіи этого рѣшенія тотчасъ же была послана изъ Разряда грамота къ чугуевскому воеводѣ Абакуму Іевлеву.

Относительно общественнаго положенія выбранныхъ воеводой «охочихъ людей» мы узнаемъ изъ челобитной, поданной ими въ Разрядъ въ

1664 г. о выдачѣ имъ жалованья: здѣсь, называя себя по именамъ, они упоминаютъ о своей прежней службѣ: это были двое дѣтей боярскихъ [1]), 1 казакъ, 1 пушкарь и 1 стрѣлецъ—все люди принадлежащіе, слѣдовательно, къ низшимъ разрядамъ служилаго сословія.

Несмотря на рѣшеніе освободить отъ службы садовниковъ, выбранныхъ изъ служилыхъ людей, «воеводы въ посылки и на всякія службы ихъ посылаютъ и всякія подати велятъ платить и дѣтей ихъ и братьевъ, и племянниковъ пишутъ въ солдаты»,—такъ жалуются садовники въ приказъ Большого дворца въ первый же годъ существованія казеннаго хозяйства. «И великій государь...—Алексѣй Михайловичъ... Стеньку Смѣнова съ товарищи 5 человѣкъ пожаловалъ, велѣлъ имъ быть въ Чугуевѣ у своихъ государевыхъ садовъ у одного арбузнаго строенья и въ службы ни въ какіе выбирать ихъ не велѣлъ»—таково было рѣшеніе приказа Большого дворца, который и увѣдомилъ о немъ Разрядъ памятью отъ 16 окт. 1661 г. съ тѣмъ, чтобы изъ Разряда была послана соотвѣтствующая грамота къ чугуевскому воеводѣ. Такимъ образомъ это важное рѣшеніе выдѣляетъ чугуевскихъ садовниковъ съ ихъ родствомъ («ихъ дѣтемъ братьѣ и племянникомъ быть съ ними въ одной службѣ», говорится въ посланной изъ Разряда грамотѣ) изъ общей массы служилыхъ людей и какъ бы заставляетъ ихъ спеціализироваться въ ихъ новой профессіи.

Почти черезъ 14 лѣтъ пришлось вновь подтвердить это рѣшеніе, такъ какъ по разбору думнаго дьяка Сем. Титова дѣти и братья чугуевскихъ садовниковъ были написаны въ 1675 г. въ солдатскую службу [2]).

Однако и послѣ того въ 1678 и 79 г.г. Петръ Зубковъ, пріѣхавъ въ Москву съ арбузами, докладываетъ Разряду «у выписки»: «въ Чугуевѣ де воеводы и приказные люди ихъ арбузныхъ садовниковъ посылаютъ во всякія посылки и подати съ нихъ и сошныя подводы берутъ противъ дѣтей боярскихъ и тѣмъ де у нихъ арбузнымъ садомъ чинитца поруха и мотчанье». И Разряду вновь приходится сдерживать не въ мѣру ретивыхъ воеводъ.

Таково было положеніе садовниковъ: выдѣленные изъ общей массы служилыхъ людей для опредѣленной дѣятельности они получили нѣкото-

---

[1]) Относительно Ст. Смѣнова есть сомнѣніе: въ челобитной онъ называетъ себя сыномъ боярскимъ, но изъ дѣла о его сынѣ, видно, что по чугуевскимъ писцовымъ книгамъ 155 г. Ст. Смѣновъ числился въ стрѣльцахъ.

[2]) Приказъ Большого дворца увѣдомилъ Разрядъ памятью отъ 31 мая 1675 г.: «великій государь пожаловалъ садовниковъ дѣтей и братьевъ ихъ въ солдатскую службу имать не велѣлъ, а всѣмъ имъ быть у строенія своихъ государевыхъ виноградныхъ (о виноградникахъ см. ниже) и арбузныхъ садовъ по прежнему».

рыя льготы, вызванныя потребностями ихъ новой службы; но льготы эти часто нарушаются воеводами и садовникамъ приходится отстаивать ихъ и бить челомъ центральному правительству объ ихъ подтвержденіи.

Что касается матерьяльнаго обезпеченія садовниковъ, то, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, отношеніе центральнаго правительства къ этому вопросу мѣнялось съ теченіемъ времени, мѣнялись и размѣры вознагражденія. Такъ какъ садовники принадлежали къ низшему разряду служилыхъ людей, то въ соотвѣтствіи съ этимъ ихъ матеріальное обезпеченіе выражалось въ двоякой формѣ: въ формѣ земельнаго оклада и денежнаго жалованья. Однако казенное хозяйство требовало ихъ труда какъ разъ въ рабочую пору и для занятія земледѣліемъ на помѣстной землѣ, повидимому, оставалось мало свободнаго времени.

Какъ бы то ни было, земля оставалась однимъ изъ видовъ матеріальнаго обезпеченія чугуевскихъ садовниковъ.

Изъ словъ Петра Зубкова по допросу его въ Разрядѣ осенью 1677 г. мы узнаемъ, что за арбузными садовниками числится «пашенныхъ земель за 3 человѣками по 25 четей, за 2-мя человѣками по 8 четей въ полѣ, а дву потому жъ». Однако черезъ 2 г., въ 1697 г., по показанію того же П. Зубкова, земли 8 четей состоитъ за однимъ человѣкомъ, а за другимъ «земли нѣтъ ни единые чети», что̀ остается и на будущее время. Документы не объясняютъ, почему въ матеріальномъ положеніи одного изъ садовниковъ произошла такая перемѣна.

Относительно денежнаго жалованья мы уже знаемъ, что, согласно памяти изъ приказа Большого дворца отъ 11 ноября 1660 года, рѣшено было назначить садовникамъ годовой окладъ по 5 руб. изъ чугуевскихъ доходовъ. Это рѣшеніе о денежномъ жалованьи оказалось наиболѣе не устойчивымъ.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ садовники объясняютъ въ челобитной, поданной въ приказъ Большого Дворца, что «строили они въ Чугуевѣ огороды, городили и сѣяли и стерегли все собою, а не городомъ, а какъ де они тѣ огороды строили, хлѣба де они на себя не пахали и сѣна не косили и нынѣ де имъ съ женами и съ дѣтьми прокормиться нечѣмъ и чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ учинить свое великого государя годовое денежное и хлѣбное жалованье».

Въ отвѣтъ на это ходатайство въ памяти изъ приказа Большого Дворца въ Разрядъ отъ 16 октября 1661 г. говорится, что «великій государь... чугуевскихъ садовниковъ Степку Смѣнова съ товарищи 5 человѣкъ пожаловалъ, велѣлъ имъ учинить свое великого государя жалованье оклады противъ московскихъ оптекарского саду садовниковъ въ полы де-

негъ по 3 р. съ полтиною, хлѣба по 6-ти чети ржи овса потому жъ человѣку и то свое великого государя денежное жалованіе велѣлъ имъ давать изъ приказу Большого Дворца, а хлѣбъ въ Чугуевѣ». Объ этомъ рѣшеніи послана 18 окт. 1661 г. изъ Разряда грамота къ чугуевскому воеводѣ Абакуму Іевлеву.

Каждый осенній пріѣздъ чугуевскихъ садовниковъ въ Москву съ транспортомъ арбузовъ сопровождается подачей въ Разрядъ челобитныхъ о различныхъ нуждахъ, отводѣ покосовъ, дачѣ дворовъ и т. п., но главнымъ образомъ о выдачѣ имъ денежнаго жалованья.

Такъ осенью 1662 г. садовники, жалуются, что получаютъ только по 3½ р. и просятъ имъ прибавить жалованья «за ихъ арбузную службишку, какъ объ нихъ государю Богъ извѣститъ». Въ отвѣтъ на это 10 октября въ Чугуевъ къ Алекс. Огибалову послана грамота съ предписаніемъ «чугуевцамъ арбузнаго строю садовникамъ Ст. Смѣнову съ товарищи 5 человѣкомъ государево денежное жалованье давать по 7 рублевъ человѣку изъ чугуевскихъ изъ таможенныхъ доходовъ ежелѣть» Вѣроятно на такое милостивое рѣшеніе повліяло происшедшее около этого времени обезцѣненіе мѣдныхъ денегъ. По крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ 1663 г. «государь пожаловалъ велѣлъ дать садовникамъ жалованье серебряными деньгами изъ таможенныхъ доходовъ по 3 р. каждому человѣку». И составленная по этому поводу разрядная выпись, упоминая о выдачѣ садовникамъ въ прошломъ 1662 г. по 7 р. жалованья, прибавляетъ: «а въ то время были мѣдныя деньги».

Кромѣ годового денежнаго жалованья, назначеннаго садовникамъ, имъ выдавалось такъ сказать наградное жалованье «за привозъ» въ Москву арбузовъ, состоящее изъ денегъ и суконъ. Это видно изъ грамоты, посланной изъ Разряда къ чугуевскому воеводѣ Алексѣю Огибалову отъ 9 октября 1662 г. увѣдомляющей его о томъ, что арбузы приняты и садовники государевымъ жалованьемъ—деньгами и сукнами жалованы. Въ то же время въ разрядной записи отъ 10 октября говорится о посылкѣ къ чугуевскому воеводѣ грамоты съ повелѣніемъ давать садовникамъ государево денежное жалованье по 7 руб. человѣку «ежелѣть».

Размѣры этого жалованья «за привозъ», какъ и размѣра годового оклада, очень измѣнчивы: иногда то и другое жалованье ставится въ зависимость отъ «радѣнія» садовниковъ, иногда производится одна выдача; иногда, какъ увидимъ ниже, жалованье отмѣняется вовсе и т. д.

Въ 1662 г. пяти садовникамъ выдано по «десяти рублевъ мѣдными, да по сукну по доброму». Въ 1663 г. по челобитью садовникамъ дано имъ изъ Разряда «въ приказъ», т. е. не по окладу по 2 р. денегъ,

да съ казеннаго двора по сукну по доброму и, какъ мы уже видѣли, велѣно выдать годового жалованья по 3 руб. человѣку серебряными деньгами изъ чугуевскихъ таможенныхъ доходовъ. Въ 1665 г. на челобитье садовниковъ о жалованьѣ послѣдовало рѣшеніе: «послать государеву грамоту въ Бѣлгородъ къ боярину и воеводамъ, велѣть садовникамъ дать государево денежное жалованье на 1664 г. по разсмотрѣнію, смотря по ихъ работѣ»; и въ тоже время главному воеводѣ Бѣлгородскаго полка бояр. кн. Бор. Алекс. Репнину предлагается послать въ Чугуевъ для надзора за садовниками дворянина. Изъ Бѣлгорода былъ посланъ нѣкто Сид. Толмачевъ съ порученіемъ, «сыскать чугуевца всякихъ чиновъ людьми накрѣпко большимъ повальнымъ обыскомъ, что у нихъ (садовниковъ) съ огородовъ арбузовъ въ 1664 г. снято и не продавали ль они арбузовъ съ огородовъ стороннимъ людемъ и съ радѣньемъ ли они за арбузнымъ строеньемъ ходили или нѣтъ». Дѣло въ томъ, что 2 года подрядъ въ 1764 и 65 г.г. садовники доставляли одинаковое количество арбузовъ, «будто у нихъ лишнихъ арбузовъ или передъ прежнимъ убыли не было», а которые арбузы ихъ Москвѣ привезли и то самые малые и за то ихъ нерадѣнье и за неправду противъ прошлыхъ лѣтъ государево денежнаго жалованья и суконъ не дано».

Такъ какъ произведеннымъ сыскомъ были добыты нѣкоторыя данныя о продажѣ садовниками казенныхъ арбузовъ въ свою пользу, то за это «воровство» имъ отказано было въ денежномъ жалованьѣ за 1665 г. И только 3 года спустя, по ихъ слезному челобитью, перечисляющему всѣ ихъ службы и работы, въ апрѣлѣ 1668 г. послѣдовало рѣшеніе: «Великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ своего государева жалованья дать въ приказъ по 5 рублевъ человѣку въ Чугуевѣ изъ сборныхъ денегъ, а на прошлые годы не давать для того что воровали, продавали арбузы».

Въ 1669 г. разрядная помѣта, не упоминая ни о деньгахъ, ни о сукнахъ «за привозъ», предписываетъ выдать въ Чугуевѣ садовникамъ по 3 р. человѣку, да по 3 чети ржи овса по тому жъ и такимъ образомъ вдвое убавляетъ первоначальную назначенную хлѣбную дачу.

Наконецъ въ 1670 г. 11 ноября на челобитье садовниковъ о жалованьѣ послѣдовалъ отвѣтъ: «быть имъ у тово дѣла безъ государева жалованья для того что за ними есть земли, а никакіе службы не служатъ, а дать имъ государева жалованья въ приказъ по сукну доброму».

Осенью же 1671 г. предписывается: «арбузникомъ въ сукнахъ и въ деньгахъ отказать для того что они, везучи арбузы къ Москвѣ, переморозили».

Въ слѣдующемъ 1672 г. «государь пожаловалъ, велѣлъ ихъ (садовниковъ) за ихъ работу на Москвѣ накормить и напоить довольно и отпустить съ Москвы тотчасъ а въ деньгахъ и сукнахъ отказать, для того что арбузы худы и про государевъ обиходъ не годились».

Осенью 1675 г. состоялось рѣшеніе, болѣе благопріятное для садовниковъ; по которому двое пріѣхавшихъ въ Москву съ арбузами получили въ приказъ денежнаго жалованья по 1 р. изъ Разряда и по сукну доброму съ казеннаго двора, кромѣ того всѣмъ имъ 5 человѣкамъ велѣно выдать по 3 р. изъ чугуевскихъ доходовъ, да хлѣба по 3 чети ржи овса тожъ въ отдаточную мѣру.

Черезъ годъ, въ октябрѣ 1676 г. получаетъ въ приказъ 1 р. только пріѣхавшій въ Москву садовникъ Петръ Зубковъ, которому вмѣстѣ съ товарищами велѣно выдать въ Чугуевѣ еще по 3 чети ржи и овса.

Повидимому эта выдача сдѣлана была вмѣсто денегъ, потому что тотъ же П. Зубковъ осенью 1677 г. по допросу въ Разрядѣ сказалъ: «государева годового жалованья даютъ имъ пяти человѣкомъ въ Чугуевѣ изъ государевыхъ житницъ хлѣбныхъ запасовъ ржи по 6 чети овса потому жъ человѣку на годъ въ отдаточную мѣру, а денежнаго де жалованья годового имъ не учинено, а давано де имъ государева жалованья деньги и хлѣбъ и сукно за приказъ арбузовъ въ приказъ, а не по окладу».

Въ 1677 г. двоимъ пріѣхавшимъ въ Москву садовникамъ велѣно выдать въ приказъ по 1 руб. изъ Разряда да по сукну доброму съ Казеннаго двора и всѣмъ пяти человѣкамъ въ Чугуевѣ по рублю изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ.

Въ 1678 г. Разрядъ распорядился выдать въ Чугуевѣ изъ мѣстныхъ доходовъ въ приказъ всѣмъ садовникамъ по рублю, а тому, который присланъ въ Москву, денегъ полтину да сукно, какое въ Разрядѣ есть.

Одновременно съ челобитьемъ о денежномъ жалованьѣ и сукнахъ садовники бьютъ челомъ и о выдачѣ имъ годового хлѣбнаго жалованья на 1678 г. Надо думать, что это отдѣльное челобитье вызвано было запрещеніемъ безъ указа и безъ грамотъ изъ разряда выдавать людямъ всякихъ чиновъ въ городахъ Бѣлгородскаго полка деньги изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ и хлѣбъ изъ житницъ[1]).

По этому челобитью «великій государь пожаловалъ велѣлъ имъ (садовникамъ) дать своего государева жалованья на нынѣшній на 187 (1678) г. въ приказъ, за которыми земли нѣтъ, ржи и овса по 3 чети

[1]) Объ этомъ запрещеніи, какъ можно видѣть изъ разрядныхъ справокъ, посланы грамоты въ всѣ города Бѣлгородскаго полка въ сент. и окт. 1677 г.

въ московскую въ таможенную мѣру, а за которымъ есть земля тому ржи и овса по 2 чети въ тужъ мѣру».

Въ слѣдующемъ 1679 г. Петръ Зубковъ получаетъ въ приказъ 1 р. и сукно доброе, остальные по полтинѣ да хлѣба велѣно имъ всѣмъ дать въ Чугуевѣ ржи по 3 чети человѣку овса тожъ; какъ видно въ данномъ случаѣ, размѣръ хлѣбной дачи не ставится въ зависимость отъ владѣнія землей.

Однако въ слѣдующемъ 1680 г. эта зависимость снова принимается во вниманіе въ разрядномъ рѣшеніи, по которому чугуевскимъ «арбузникамъ» велѣно дать государева жалованья на нынѣшній 186 (1680) г. Петру Зубкову рубль да сукно доброе изъ Разряда, да въ Чугуевѣ хлѣба П. Зубкову и товарищамъ его тремъ человѣкамъ, за которыми есть пашенныя земли ржи по 2 чети, а пятому, за которымъ пашенной земли нѣтъ, ржи жъ 4 четверти овса потому жъ человѣку въ отдаточную мѣру».

Въ послѣдніе 2 года существованія казенныхъ арбузныхъ огородовъ въ Чугуевѣ огородникамъ выдаются по ихъ челобитью «деньги и хлѣбъ противъ дачи 189» (1680 г.). Любопытна между прочимъ слѣдующая подробность: въ разрядномъ производствѣ о выдачѣ жалованья въ 1681 г. приведена сказка Вас. Блудова о личномъ составѣ огородниковъ: изъ пяти человѣкъ трое показаны въ ней умершими въ 1680 г., а на ихъ мѣстѣ приставлены къ огородамъ ихъ сыновья, такимъ образомъ должность казенныхъ садовниковъ становится наслѣдственной.

Изъ этого очерка видно, что размѣры денежнаго жалованья, выдававшагося чугуевскимъ садовникамъ крайне неустойчивы: годовой окладъ, установленный вначалѣ, постепенно убавляется и наконецъ совсѣмъ отмѣняется: «быть имъ безъ жалованья», «годового жалованья имъ не положено» и т. д. Жалованье выдается «въ приказъ», т. е. не по окладу, въ видѣ небольшихъ денежныхъ суммъ и суконъ, причемъ выдача его ставится въ зависимость отъ службы и радѣнья садовниковъ.

Болѣе постояненъ размѣръ хлѣбнаго жалованья («отсыпной хлѣбъ»), хотя и онъ также убавляется въ послѣдніе годы существованія арбузныхъ огородовъ.

Дальнѣйшая судьба «арбузныхъ садовниковъ» тѣсно связана съ судьбой «виноградниковъ», такъ какъ указъ 19 января 1684 г., согласно которому рѣшено въ Чугуевѣ «арбузные сады отставить», предписываетъ «у виноградного строенья велѣть быть въ прибавку къ прежнимъ виноградным садовникомъ арбузнымъ садовникомъ всѣмъ».

Въ заключеніе этого очерка замѣчу, что и въ другихъ городахъ также устраивались казенные арбузные огороды, при чемъ правительство пользовалось чугуевскими садовниками, какъ спеціалистами этого дѣла.

Такъ изъ нашихъ документовъ видно, что «въ 1664 г. по указу блаженныя памяти великого государя велѣно завесть въ Тамбовѣ арбузы и къ тому арбузному строенью взять садовника изъ Чугуева, а въ Чугуевѣ на то мѣсто велѣно выбрать изъ чугуевцовъ, кого доведется, человѣка добра».

Въ 1665 г. въ Тамбовъ былъ посланъ одинъ изъ садовниковъ, Степ. Смѣновъ; черезъ годъ, въ 1666 г., онъ бьетъ челомъ въ Разрядѣ на своихъ товарищей, которые по его словамъ, «удобрилися воеводѣ» и «написали» въ Тамбовѣ его, человѣка одинокаго и безсемейнаго, [1]) а причитающійся на его долю отсыпной хлѣбъ беретъ себѣ садовникъ Петръ Проскурнинъ, лишая пропитанія его «дѣтишекъ», вслѣдствіе чего они скитаются межъ дворъ».

По этому челобитью въ октябрѣ 1666 г. состоялось рѣшеніе, которымъ чугуевскому воеводѣ предписывается садовниковъ «въ Тамбовъ посылать съ перемѣною погодно».

И дѣйствительно уже въ слѣдующемъ 1667 г. въ памяти изъ приказа Большого Дворца говорится о пріемѣ на Сытномъ Дворцѣ на государевъ обиходъ «у тамбовскаго садовника у Кирюшки Блудова 260 арбузовъ». [2]) А въ челобитной, 1669 г., поданной въ Разрядъ уже отъ шестерыхъ чугуевскихъ садовниковъ, говорится между прочимъ: «да насъ же посылаютъ въ Тамбовъ поперемѣнно».

Насколько прочно установилось въ Тамбовѣ казенное хозяйство на арбузныхъ огородахъ и въ какой мѣрѣ продуктивно оно велось, мы не имѣемъ свѣдѣній.

Въ разбираемыхъ документахъ находимъ указаніе на то, что казенные арбузные огороды устраивались правительствомъ при содѣйствіи чугуевскихъ огородниковъ и въ Москвѣ. А именно, въ памяти изъ приказа Большого Дворца въ Разрядъ отъ 26 сентября 1686 г., касающейся отсылки обратно въ Чугуевъ садовника Никиты Смѣнова (Степанова сына) содержатся слѣдующія свѣдѣнія: «Въ прошломъ въ 189 (1680—81) по указу великаго государя взятъ изъ Тамбова къ Москвѣ въ сады что на Дѣвичѣ полѣ для анисового сѣву и арбузного заводу въ садовники Никитка Смѣновъ».

---

[1]) Надо думать неимѣющаго взрослыхъ дѣтей и родственниковъ.

[2]) Въ 1669 г. «съ Тамбова привезли 270 арбузовъ».

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Закончивъ очеркъ казеннаго хозяйства на чугуевскихъ казенныхъ огородахъ, я постараюсь, придерживаясь принятаго мною плана, передать содержаніе документовъ, сохранившихъ обильный матерьялъ по исторіи устройства въ Чугуевѣ и эксплуатаціи казенныхъ виноградниковъ.

II.

Въ дошедшемъ до насъ разрядномъ производствѣ первый документъ, который знакомитъ насъ съ возникновеніемъ у правительства мысли объ устройствѣ виноградниковъ, относится ко 2-му октября 1663 г., это—списокъ съ помѣты дьяка Ав. Зыкова; приведу его дословно: «172 (1663) г. октября во 2-й день великій государь указалъ послати свою государеву грамоту въ Тамбовъ къ стольнику и воеводѣ къ Ив. Окинфову, велѣть ему, какъ ажъ дастъ Богъ, на весну завесть въ Танбовѣ виноградъ да арбузы, а винограду на сѣмена и виноградного садовника велѣно къ нему въ Танбовъ прислать съ Царицына, одполично ему о томъ порадѣть, чтобъ въ Танбовѣ виноградъ и арбузы завести, а въ Казанской Дворецъ послать о томъ память, велѣть на Царицынъ послать государеву грамоту, чтобъ на сѣмена виноградъ и виноградного садовника прислать въ Тонбовъ.

А въ Кіевъ послать государеву грамоту, велѣть виноградного сѣмени или вѣтвей, отъ чего заводитца виноградъ и виноградного мастера, который виноградъ строитъ, прислать въ Чугуевъ и въ Чугуевъ о томъ государеву грамоту послать же, чтобъ на весну въ Чугуевѣ завесть виноградъ».

Изъ этой помѣты видно: 1) что виноградники уже существовали въ то время въ Царицынѣ и въ Кіевѣ и 2) что для разведенія новыхъ виноградниковъ было намѣчено 2 мѣста: Тамбовъ и Чугуевъ.

Какая судьба постигла проектъ устройства виноградниковъ въ Тамбовѣ, мы не знаемъ. Что касается чугуевскихъ виноградниковъ, то дальнѣйшее изложеніе покажетъ, въ какомъ размѣрѣ развилось это дѣло.

Прошло довольно много времени, пока осуществилась мысль правительства объ устройствѣ виноградниковъ въ Чугуевѣ.

Административная машина того времени не отличалась быстротой: 4 октября 1663 г. Разрядъ посылаетъ грамоту къ чугуевскому воеводѣ Алексѣю Ошбалову съ изложеніемъ вышеприведенной помѣты; 7-го же октября сносится съ приказомъ Малыя Россіи о призывѣ «мастера, кому виноградъ заводить и строить» и о высылкѣ его и виноградныхъ сѣмянъ въ Чугуевъ изъ Кіева.

Должно быть Малороссійскій приказъ не торопился посылкой грамоты, такъ какъ она была отправлена только 7 апрѣля.

На запросы Разряда чугуевскій воевода Ив. Беклемишевъ даетъ отвѣтъ, что «въ Чугуевъ изъ Кіева мастера къ тому виноградному заводу и сѣмянъ не прислано мая по 22 число».

Только 19 декабря 1664 г. послѣ продолжительной переписки съ воеводами и Малороссійскимъ приказомъ, получилась въ Разрядѣ отписка бѣлгородскаго воеводы бояр. кн. Бор. Алекс. Репнина, въ которой онъ извѣщаетъ о пріѣздѣ въ Бѣлгородъ двоихъ монастырскихъ старцевъ, высланныхъ изъ Кіева въ Чугуевъ «для виноградnаго заводу»,—Николы Пустынскаго монастыря «соборнаго старца» Ананія Куликовскаго и старца Іосифа Мишковскаго.

Пріѣхавъ въ Бѣлгородъ, старцы подали Репнину 2 декабря 1664 г. челобитную «о мѣсячномъ корму, о деньгахъ и о запасѣ, чтобъ великій государь ихъ пожаловалъ своимъ государевымъ жалованьемъ, чѣмъ имъ, будучи у государева виноградного заводу, сытымъ быть».

Донося объ этомъ Разряду, Репнинъ проситъ, чтобы государь учинилъ ему свой великаго государя указъ, «по чему тѣмъ старцомъ великаго государя жалованья, поденного корму, денегъ и запасовъ дать».

Вопросъ о размѣрѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья виноградным мастерамъ Разрядъ передаетъ на усмотрѣніе приказа Большого Дворца 24 марта 1665 г.; въ разрядномъ производствѣ не сохранилось свѣдѣній о рѣшеніи, состоявшемся въ Большомъ Дворцѣ.

О томъ, какъ оплачивались труды первыхъ чугуевскихъ виноградарей, мы узнаемъ изъ выписи, составленной въ Разрядѣ въ февралѣ 1667 г. по поводу челобитья старцевъ Ананьи и Іосифа.

«Мы богомольцы твои—говорятъ старцы, обращаясь къ царю —.... тотъ твой виноградной садъ насадили и все, что годно, строимъ, а къ тому строенью годно деревяннаго масла и того масла намъ въ Чугуевѣ воевода не даетъ, а намъ, богомольцомъ твоимъ, на одежду и на всякую потребу ничего не указано, а одеждею и обувью и всемъ оскудали: свое, что было, приносили, издержали. Милосердый царь, государь... пожалуй богомольцевъ своихъ, вели, государь, къ тому садовому строенью дать пудъ деревянаго масла, а намъ, богомольцомъ своимъ на одежду и на обувь и на всякую нужную потребу денежное жалованье».

Старецъ Ананья, пріѣхавшій въ Москву съ этой челобитной, на допросѣ въ Разрядѣ показалъ между прочимъ, что въ Чугуевѣ выдается жалованье ему «Ананьѣ по 2 алтына, по 2 деньги, товарищу его по 10 денегъ на день («и всего—приписано на поляхъ—имъ на годъ Ананьѣ 25 руб. 18 алт. 2 деньги, Іосифу 18 руб. 8 алт. 2 деньги»), да имъ же вопчѣ обѣимъ по чети ржи, овса тожъ, да по полуосминѣ

пшеницы, да крупъ гречныхъ тожъ на мѣсяцъ, да по 2 пуда соли на годъ, а даютъ имъ то государево жалованье по отпискѣ изъ Бѣлагорода боярина и воеводъ и съ того числа, съ котораго они пріѣхали изъ Кіева въ Чугуевъ».

Какъ видно, вознагражденіе старцевъ было гораздо больше вознагражденія арбузныхъ садовниковъ. Правительство съ большой заботливостью относится къ нимъ: для жилья имъ была построена келья на «виноградномъ огородѣ». Ихъ просьбы удовлетворяются: «великій государь пожаловалъ—читаемъ мы помѣту отъ 22 февраля 1667 г.—велѣлъ имъ масло дать изъ Разряду, да имъ же дать на платье по 10 рублевъ».

Объ этомъ послана для вѣдома грамота въ Бѣлгородъ къ окольн. кн. Юр. Никит. Борятинскому.

Такая щедрость, повидимому, нѣсколько озадачила Бѣлгородскаго воеводу: когда старцы послали ему въ 1668 г. челобитную о выдачѣ имъ мѣсячнаго хлѣбнаго и денежнаго жалованья «противъ прежняго», то кн. Юр. Борятинскій обратился въ Разрядъ съ запросомъ относительно выданныхъ старцамъ въ Москвѣ 20-ти руб. «на платье ли или имъ дано на годъ и впредь кормовыя деньги и хлѣбъ давать ли и почему». На что и получилось разъясненіе: «велѣть давать поденного корму и хлѣбъ по прежнему, а они бъ виноградъ заводили со всякимъ радѣньемъ, а на Москвѣ дано имъ на платье».

Устроивъ въ Чугуевѣ виноградники и обучивъ уходу за ними своихъ учениковъ, старцы оставили Чугуевъ. Одинъ изъ нихъ—Ананья Куликовскій—осенью 1670 года подалъ челобитную; описавъ въ ней всѣ свои труды по устройству виноградниковъ, онъ проситъ государя пожаловать его за его работу «за виноградный садъ» «чѣмъ великого государя Богъ извѣститъ и отпустить его изъ Чугуева въ Кіевъ», «а которыхъ, государь я учениковъ—прибавляетъ старецъ—научилъ и тѣ ученики тому виноградному саду мастеры».

Спрошенный въ Разрядѣ «у выписки» старецъ Ананья сказалъ, «что онъ у виноградного строю одинъ, а товарищъ его старецъ Іосифъ (Митковскій) взятъ въ Бѣлгородъ къ митрополиту Бѣлгородскому и Обоянскому тому нынѣ 3-й годъ, да у него жъ де Ананьи товарищи-ученики, чугуевцы разныхъ чиновъ: Ѳедька Ситниковъ съ товарыщи, 5 человѣкъ и тѣмъ де его ученикамъ виноградное строенье по его ученью за обычай, а ему за старостью у того дѣла быть немочно сказалъ себѣ 90 лѣтъ». Государь пожаловалъ, велѣлъ отпустить въ Кіевъ старца Ананью «для его старости, «будетъ онъ виноградному строенью учениковъ выучилъ и тѣ люди тому дѣлу обычны и безъ того старца у нихъ

то виноградное строенье не станетъ». Старцу велѣно дать листъ къ митрополиту, а за работу «рублевъ 10 или больши изъ таможенныхъ доходовъ».

Положеніе старцевъ—первыхъ виноградарей, было совершенно особое: принадлежность къ духовному званію давала имъ право на нѣкоторый почетъ; кромѣ того они явились въ Чугуевъ изъ Кіева, какъ спеціалисты новой отрасли казеннаго хозяйства и въ качествѣ учителей должны были передать свои знанія ученикамъ—будущимъ продолжателямъ ихъ дѣла.

Отсюда повышенные оклады и заботливость центральнаго правительства объ удовлетвореніи ихъ нуждъ.

III.

Съ прекращеніемъ дѣятельности старцевъ выступаютъ на сцену ихъ ученики—5 человѣкъ чугуевцевъ всякихъ чиновъ, людей не выдающихся изъ общей массы мелкихъ служилыхъ людей Бѣлгородскаго полка (по прибору) и, если ихъ трудъ, какъ увидимъ ниже, вознаграждался нѣсколько лучше, чѣмъ трудъ арбузныхъ садовниковъ, то это произошло отъ того, что они стояли у новаго въ данной мѣстности дѣла, которое знали только они одни, благодаря наукѣ старцевъ.

Разсмотримъ подробнѣе матерьяльное положеніе виноградныхъ садовниковъ, какъ оно рисуется въ разрядныхъ документахъ и попутно коснемся фактовъ, выясняющихъ ихъ служебное положеніе, которое въ общемъ не отличалось отъ знакомаго уже намъ положенія «арбузниковъ».

Являясь каждый годъ осенью въ Москву съ плодами, виноградари также, какъ и арбузные садовники, подаютъ въ Разрядъ челобитныя о выдачѣ имъ жалованья, а также о различныхъ своихъ нуждахъ.

Въ первый же пріѣздъ послѣ отпуска въ Кіевъ старца Ананьи, ученики его Ѳедоръ Ситниковъ съ товарищи, 5 человѣкъ, подали осенью 1671 г. челобитную о выдачѣ жалованья, такъ разъясняютъ «у выписки» свое положеніе: «Пашенные де земли за ними есть отъ виноградного огорода въ дальнихъ мѣстехъ, верстъ по 10 и больши, за тремя человѣками по 20 чети за человѣкомъ, а за двемя человѣками по 6 чети за человѣкомъ, а хотя-бы де тѣ ихъ пашенныя земли были и въ близости и имъ де за виноградным строеньемъ пахать некогда, потому въ которое де время земли пашутъ и хлѣбъ сѣютъ, а они де виноградники въ то жъ время и во все лѣто строятъ виноградъ безотходно и, будучи де они у того строенья, оскудали и одолжали и платьемъ обносились и помираютъ голодомъ, а безъ государева безъ хлѣбнаго и безъ денежнаго

жалованья нынѣ имъ и впредь безъ того быть немочно». Такіе же мелкіе помѣщики, какъ и арбузные садовники, чугуевскіе виноградари бьютъ челомъ о деньгахъ и хлѣбѣ, ссылаясь на то, что имъ нѣтъ времени обрабатывать свои земли вслѣдствіе работъ на государевыхъ виноградникахъ.

«Государь пожаловалъ, говорится въ помѣтѣ по ихъ челобитью — велѣлъ чугуевцамъ виноградnаго заводу мастерамъ Ѳедькѣ Ситникову, Сенькѣ Борисову за ихъ работу дать на Москвѣ изъ Разряду по 3 руб. человѣку, да съ Казеннаго двора по сукну, а къ боярину послать государеву грамоту велѣть товарищамъ ихъ въ Чугуевѣ дать въ приказъ по 2 рубли человѣку, да имъ же всѣмъ учинить денежные и хлѣбные оклады по его разсмотрѣнью, а помѣстную отъ ихъ землю взять на государя и отдать челобитчикамъ безпомѣстнымъ». Такимъ образомъ оклады ставятся въ зависимость отъ усмотрѣнія главнаго воеводы Бѣлгородскаго полка, а помѣстная земля отбирается, какъ ненужная.

Въ 1674 г. число виноградныхъ садовниковъ въ Чугуевѣ увеличивается до 8 человѣкъ: вслѣдствіе расширенія виноградниковъ и высылки двоихъ садовниковъ въ Богородицкой «съ виноградными лозами для заводу» чугуевскій воевода думный дворянинъ Ѳедоръ Соковнинъ по челобитью садовниковъ велѣлъ [1]), «для работы съ ними быть чугуевцомъ же 5-ти человѣкомъ». «И по той отпискѣ — говорится въ разрядной выписи — на виноградномъ огородѣ садовниковъ опричь тѣхъ, которымъ велѣно быть изъ Чугуева въ Богородицкомъ, нынѣ 8 человѣкъ».

Въ этомъ же 1674 г. 19 ноября состоялся указъ о расширеніи виноградниковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ: «а для работы къ прежнимъ работникомъ въ прибавку прибавить работниковъ, кому бъ та работа была за обычей, *городовые службы*, изъ какихъ людей и сколько человѣкъ пригоже, а Бѣлгородцкого полку изъ полковые службы никакихъ людей къ тому дѣлу не имать и которые люди городовой службы къ тому дѣлу будутъ выбраны и тѣмъ людемъ, опричь той работы, городовой службы никакой не служить и въ посылки ихъ никуды не посылать, а лишнихъ людей къ тому дѣлу отнюдь не имать, чтобъ никто у того дѣла безъ дѣла даромъ не былъ».

Льготы по службѣ, предоставленныя садовникамъ этимъ указомъ, были распространены 31 мая 1675 г. на ихъ ближайшихъ родственниковъ — «ихъ дѣтей и братей» [2]).

---

[1]) Нѣсколько необычная самостоятельность для воеводы: «онъ велѣлъ быть», а не обратился въ Разрядъ, какъ обыкновенно, съ запросомъ: «и о томъ что ты великій государь укажешь».

[2]) Память изъ приказа Большого Дворца.

Передавъ на усмотрѣніе боярина и воеводы Бѣлгородскаго полка размѣры денежнаго оклада, Разрядъ выдаетъ деньги и сукна «въ приказъ» садовникамъ, пріѣзжающимъ въ Москву; такъ, въ ноябрѣ 1674 г. по челобитью Ѳедьки Ситникова и Васьки Кренева «государь пожаловалъ, велѣлъ имъ дать своего государева жалованья въ приказъ, Ѳедькѣ Ситникову 10 рублевъ денегъ, сукно кармазинъ, а товарищу его Васькѣ 5 рублевъ, да сукно доброе».

Такъ какъ жалованье «въ приказъ» получаютъ только садовники пріѣхавшіе въ Москву, то вѣроятно много охотниковъ было провожать изъ Чугуева транспорты съ виноградомъ, по крайней мѣрѣ въ слѣдующіе годы мы видимъ въ Разрядѣ садовниковъ все въ большемъ числѣ, что наконецъ обратитъ на себя вниманіе правительства.

Осенью 1675 г. бьютъ челомъ о жалованьѣ 4 человѣка, при чемъ по допросу въ Разрядѣ они даютъ интересное показаніе: «Государева годового жалованья въ Чугуевѣ даютъ ихъ братьѣ садовникомъ только 2 человѣкомъ: Ѳедькѣ Ситникову да Емелькѣ Веретехину денегъ по 5 рублевъ, да хлѣба ржи и овса—всего по 22 чети на годъ, а имъ де остальнымъ 15 человѣкомъ государева денежного и хлѣбного жалованья ничего нѣтъ». Изъ этой сказки видно, что годовымъ окладомъ пользовались только 2 садовника (вѣроятно по усмотрѣнію главнаго воеводы Бѣлгородскаго полка), и что въ 1675 г. на виноградникахъ числилось уже 17 человѣкъ.

Въ слѣдующемъ году число виноградныхъ садовниковъ увеличивается еще однимъ: согласно памяти изъ приказа Большого Дворца отъ 20 января 1676 г., посланъ изъ Москвы въ Чугуевъ «для строенья великаго государя садовъ на житье съ женою и дѣтьми» астраханецъ Гришка Давыдовъ, при чемъ по государеву указу велѣно «ему у виноградного заводу быть съ прежними садовники вмѣстѣ, а государева жалованья давать ему съ того, какъ въ Чугуевъ пріѣдетъ, кормовыхъ денегъ по 10 денегъ на день помѣсячно изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ, да ему жъ давать хлѣбныхъ запасовъ на годъ: ржи по шти чети, овса по тому жъ въ московскую въ таможенную мѣру, да ему жъ дать выморочный или иной какой пустой дворъ, гдѣ пригоже, или подъ дворъ земли, гдѣ пристойно, чтобъ отъ виноградныхъ садовъ неподалеку и дать ему отъ Москвы до Чугуева ямскія подводы, а прогонныя деньги дать изъ Разряду, да ему жъ дать въ зачетъ кормовыхъ денегъ на подъемъ 2 рубли изъ Разряду жъ съ росписью»[1]).

[1]) Въ памяти изъ приказа Большого Дворца въ Разрядъ говорится: «великого Государя годового денежного и хлѣбного жалованья учинить, ему по разсмотрѣнію и давать въ Чугуевѣ изъ тамошнихъ доходовъ». Очень интересно слѣдующее показаніе, данное Гр.

Такимъ образомъ по окладу денежнаго жалованья Гр. Давыдовъ былъ поставленъ выше Ѳед. Ситникова и Емел. Веретехина, которые, какъ мы знаемъ, получали только по 5 руб. на годъ. Окладъ астраханца былъ сравненъ съ окладомъ, который былъ назначенъ старцу Іосифу Мишковскому. Почему Гр. Давыдовъ посланъ былъ изъ Москвы въ Чугуевъ, въ документахъ нѣтъ свѣдѣній.

Осенью 1666 г. Ѳ. Ситникову дано въ Москвѣ въ приказѣ денегъ 3 р., да сукно доброе, другому садовнику—денегъ 2 р., да сукно (деньги изъ Разряда, а сукно изъ Казеннаго приказа).

Такое жаловье по 2 р. денегъ и по сукну выдано 2-мъ садовникамъ въ слѣдующемъ году.

Въ 1678 г. Чугуевскіе виноградники были подѣлены между садовниками Сем. Борисовымъ, Влас. Топинымъ и Григ. Астраханцемъ съ одной стороны и Ѳед. Ситниковымъ съ другой. Поводомъ для такого раздѣла послужило то обстоятельство, что Борисовъ и Топинъ съ дѣтьми «обыскали вновь мѣсто», развели на немъ виноградникъ и не хотѣли пускать въ свое хозяйство стараго садовника Ѳед. Ситникова, съ которымъ у нихъ «безпрестанная ссора, а въ той ссорѣ садовому строенью чинитца поруха».

Въ памяти отъ 11 марта въ Разрядъ изъ приказа Большого Дворца, куда подано было челобитье садовниковъ говорится: «Великій Государь... указалъ въ Чугуевѣ садовниковъ Сеньку Борисова съ товарищи, виноградные сады и новоприборныхъ садовниковъ раздѣлить пополамъ». Къ этому времени, какъ видно изъ памяти, на виноградномъ саду и на 2-хъ огородахъ числится старыхъ и новыхъ садовниковъ 25 человѣкъ.

По отчету Чугуевскаго воеводы Ив. Рыхторова, присланному въ Разрядъ въ томъ же 1678 г. числится на виноградныхъ садахъ 26 садовниковъ[1]).

Давыдовымъ въ Разрядѣ: «Въ прошлыхъ годахъ со 175 году, какъ по указу великого Государя взятъ онъ изъ Астрахани изъ стрѣльцовъ къ Москвѣ для виноградного заводу и на Москвѣ де изъ приказу великого Государя Тайныхъ Дѣлъ дано ему изъ Государева жалованья 5 рублевъ, да сукно вишнево цѣною въ 4 рубли, да киндякъ, да сафьянъ. А какъ учалъ онъ быть въ селѣ Ивановскомъ и заводить деревья тутъ, отъ чего бываетъ шелкъ и въ то время учиненъ ему кормъ и давано по вся дни: изъ приказу Тайныхъ дѣлъ по 10 денегъ на день, да съ дворцовъ: съ Хлѣбного по хлѣбу да по калачу, да съ Кормового по звену рыбы, съ Сытного вина по 4 чарки, пива по 2 кружки, меду по кружкѣ въ день. Да на Свѣтлое Христово Воскресенье и на всю святую недѣлю по полу ведру вина. А товарищу де его астраханцу жъ Ѳедькѣ Черемисину который изъ Астрахани взятъ былъ къ Москвѣ съ нимъ вмѣстѣ для заводу винограду было въ селѣ Измайловѣ Государево жалованье изъ приказу жъ его Государевыхъ Тайныхъ Дѣлъ въ приказѣ 5 рублевъ и сукно, и киндякъ, и сафьянъ дано же и поденной денежной кормъ изъ дворцовъ все давано противъ того жъ, какъ и ему Гришкѣ давано выше сего».

[1]) См. *И. Н. Миклашевскій.* Къ истор. хоз. быта Моск. гос., стр. 236. и 4 т. Описаній документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Арх. М. Ю., статья *Н. Н. Оглоблина*, стр. 371—373.

Въ сентябрѣ 1678 г. четверымъ садовникамъ, пріѣхавшимъ въ Москву съ виноградомъ дано «въ приказъ за виноградный привозъ и за строенье садовъ вновь Ѳедькѣ Горбунову, Гришкѣ Астраханцу денегъ по 3 руб., да по портищу сукна полукармазинового, Ерошкѣ Мальцову, Пиминку Нестерову денегъ по 2 рубля, по сукну по доброму изъ Разряду... да ихъ на отпускъ съ дворцовъ накормить и напоить до сытости».

Нѣсколько позднѣе, въ октябрѣ, дано изъ Разряда жалованье Ѳед. Ситникову съ товарищи 4-мъ человѣкамъ, пріѣхавшимъ въ Москву съ позднимъ виноградомъ, «въ приказѣ всѣмъ по 3 руб. человѣку... то имъ и за сукна, да Ѳедькѣ Ситникову дать портище сукна изъ тѣхъ суконъ, которыя есть въ Разрядѣ». Такимъ образомъ Ситниковъ, какъ завѣдующій одной половиной виноградниковъ, раздѣленныхъ въ этомъ году, получилъ въ придачу сукно.

Такое рѣшеніе заставило другого «винограднаго мастера» Сем. Борисова, пріѣхавшаго въ Москву вмѣстѣ съ Ситниковымъ бить челомъ о выдачѣ сукна и ему. Государь пожаловалъ и его портищемъ сукна «противъ товарищевъ изъ тѣхъ суконъ, которыя въ Разрядѣ».

Изъ этого факта видно, что «виноградные мастеры» зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не быть униженнымъ одному передъ другимъ. Отношенія между ними были далеко не миролюбивыя: «безпрестанная ссора», отмѣченная вышеприведенной памятью, находитъ отголосокъ въ челобитной, поданной въ Разрядъ Сем. Борисовымъ въ 1678 г. и дающей нѣсколько лишнихъ штриховъ, рисующихъ бытъ Чугуевскихъ садовниковъ: у нихъ были свои огороды за р. Чугуевской и на этой почвѣ разгорается вражда между двумя мастерами. Сем. Борисовъ жалуется, будто Ѳед. Ситниковъ, «завидя», что на его огородѣ родятся хорошія овощи, подалъ воеводѣ сказку о томъ, что огородъ Борисова годится подъ виноградникъ. Вслѣдствіе этого Борисову запрещено пользоваться его огородомъ, у него тамъ «яблоней со ста да и мѣсто не виноградное». Впрочемъ Ѳед. Ситниковъ не разведетъ винограда на его огородѣ—прибавляетъ Борисовъ—потому что «и третій виноградный огородъ стоитъ пустъ». По Государеву указу велѣно произвести въ Чугуевѣ сыскъ и досмотрѣть огородъ со многими градскими «лутчими» людьми и «съ садовники опричъ не друзей» Борисова.

Такъ какъ въ 1677 г. состоялось, какъ мы видѣли, запрещеніе выдавать въ городахъ Бѣлгородскаго полка деньги изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ и хлѣбъ изъ житницъ безъ указа и безъ грамотъ, то изъ Разряда по челобитью Ѳед. Ситникова и Емильяна Михалева (онъ же Веретехинъ) послана осенью 1678 г. грамота къ Чугуевскому

воеводѣ о выдачѣ имъ за прошлый годъ назначенныхъ имъ хлѣбнаго и денежнаго окладовъ. Такая же грамота о выдачѣ денегъ и хлѣба, ржи и овса по 8 чети, дана и Астраханцу Гр. Давыдову, при чемъ въ разрядной выписи прибавлено: «а достальные виноградные садовники работаютъ безъ жалованья съ помѣстныхъ своихъ земель, а за иными земель, и денежныхъ и хлѣбныхъ окладовъ нѣтъ».

За періодъ времени съ 1679 по 1700 г. садовники, привозившіе въ Москву виноградъ, получаютъ по своимъ челобитнымъ «за строенье и за привозъ винограда» въ приказъ отъ 1 1/2 до 5 р., при чемъ 3, 4, 4 1/2 и 5 р. получаютъ «мастера», ихъ же товарищамъ выдается отъ 1 до 3 р.. Вообще съ теченіемъ времени правительство съ большей скупостью выдаетъ денежное жалованье и въ послѣдніе года XVII в. выдачи спускаются до 1 1/2 р. При этомъ садовникамъ выдаются однѣ деньги, а неоднократныя челобитья о сукнахъ остаются безъ удовлетворенія, тогда какъ первое время денежная выдача сопровождалась обыкновенно пожалованіемъ суконъ:—простымъ садовникамъ «добрыхъ» а мастерамъ—«полуаглинскихъ» Надо думать, что современемъ стали выдавать деньгами стоимость сукна; по крайней мѣрѣ съ 1684 г. садовникамъ выдаютъ: «за сукна по 1 1/2, (по полдва руб.,) по 2 руб. «человѣку». Иногда же въ разрядной помѣтѣ, какъ въ 1685 г., говорится: «государева жалованья въ приказѣ Ѳедькѣ Ситникову 5 р., товарищемъ его по 3 р. съ полтиною человѣку, то имъ и за сукна».

Прибывшіе въ Москву садовники иногда бьютъ челомъ въ Разрядъ о выдачѣ имъ корма, такъ какъ они «живучи на Москвѣ проѣдаются и помираютъ голодною смертью».

Обыкновенно въ отвѣтъ на эту просьбу Разрядъ посылаетъ память въ приказъ Большого Дворца о томъ, чтобы садовниковъ «для ихъ скудости напоить и накормить съ дворцовъ довольно». Иногда Разрядъ заботится объ этомъ самъ по собственной иниціативѣ безъ особаго челобитья со стороны заинтересованныхъ лицъ.

Вообще большая или меньшая щедрость въ дачѣ жалованья «за строенье и за привозъ», также какъ и въ отношеніи къ арбузнымъ садовникамъ, опредѣляется обыкновенно количествомъ и качествомъ привозимыхъ въ Москву плодовъ, такъ какъ въ этомъ сказывается по мнѣнію Разряда «радѣніе» садовниковъ къ дѣлу.

Въ 1683 г. и 1684 г. г. привезено въ Москву большое количество винограда и жалованье въ приказъ за эти года выдается въ большемъ размѣрѣ: отъ 3 до 5 р. и сукна «для того, что они, будучи у виноградnаго строенья, прибыль учинили и винограду къ Москвѣ при-

везли многое число» Въ то же время къ чугуевскому воеводѣ, Гр. Шакловитому, посылаютъ грамоту «съ милостивымъ словомъ, съ похвалою за многую присылку винограда». Напротивъ въ 1688 г. на просьбу о сукнахъ Разрядъ отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ винограду въ этомъ году было привезено сравнительно меньше.

Въ 1690 г жалованье въ приказъ выдано только по 1½ р. причемъ въ помѣтѣ сказано: «для того что они виноградъ привезли свѣжей въ коробахъ весь згнилъ, а въ кадяхъ плохъ и зеленъ».

Такъ какъ большинство чугуевскихъ садовниковъ служило безъ опредѣленнаго оклада—«то имъ и жалованье, что даютъ въ приказъ»,—то, какъ уже было замѣчено, садовники въ возможно большемъ числѣ пріѣзжаютъ въ Москву. Это обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе Разряда и въ помѣткѣ 1692 г. о дачѣ жалованья 14-ти пріѣхавшимъ въ Москву садовникамъ говорится: «и сказать имъ виноградчикомъ, чтобъ они впредь пріѣзжали съ тѣмъ виноградомъ по человѣку или по два, а не многіе люди».

Въ слѣдующемъ году Разрядъ высказывается еще болѣе рѣшительно на этотъ счетъ: «а впредь изъ Чугуева виноградниковъ съ виноградомъ присылать по два человѣка, а больше 3-хъ человѣкъ и за большою присылкою виноградною не присылать, а буде прислано будетъ за виноградомъ виноградниковъ сверхъ 3-хъ человѣкъ и тѣмъ лишнимъ людемъ жалованья дачи ничего не будетъ и о томъ въ Чугуевѣ къ воеводѣ послать великихъ государей грамоту».

Сдѣлавъ общій обзоръ фактовъ, въ которыхъ отразился взглядъ Разряда на вознагражденіе садовниковъ за ихъ труды, я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на отдѣльныхъ документахъ, выясняющихъ ближе перемѣны, происшедшія съ теченіемъ времени въ матеріальномъ положеніи садовниковъ, въ ихъ личномъ составѣ и служебномъ положеніи.

Въ разрядной выписи 1680 г. говорится, что на трехъ виноградныхъ огородахъ состоитъ мастеровъ и ихъ товарищей 24 человѣка «работаютъ (они) съ пашенныхъ земель... только земли нѣтъ.... виноградная саду за тремя человѣки, а годового жалованья имъ не положено, то имъ и дача, что давано въ приказъ».

Трудно съ точностью сказать, относится ли это замѣчаніе о жалованьѣ къ Ѳед. Ситникову и Емил. Веретехину. Мы знаемъ, что эти два садовника пользовались хлѣбнымъ и денежнымъ окладами; знаемъ, что въ 1678 г. по ихъ челобитной имъ велѣно выдать жалованье за 1677 г. и однако въ 1681 г. Ѳедоръ Ситниковъ бьетъ челомъ за себя и за сво-

его товарища о выдачѣ хлѣбнаго и денежнаго оклада, за прошлые 1678, 1679, 1680 и на 1681 г.г.

Въ 1683 г. Ситниковъ подаетъ въ Разрядъ челобитную, въ которой проситъ взамѣнъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, котораго ему уже 6-ой годъ не выдаютъ, дозволить ему «владѣть вопче» сѣнными покосами за «Сиверскимъ Донцомъ» по рѣчкѣ Таганкѣ, отданнымъ чугуевцамъ, дѣтямъ боярскимъ и рейтарамъ, и отвести ему пашенной земли, гдѣ онъ ее вновь пріищетъ [1]).

Такъ какъ «государи пожаловали, велѣли ему изъ тѣхъ сѣнныхъ покосовъ дать дачу противъ дѣтей боярскихъ, а помѣстною землею испомѣстить изъ порожнихъ земель, гдѣ онъ пріищетъ, а въ помѣстье дать ему 30 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ», то надо думать, что дача покосовъ и отводъ земли должны был замѣнить Ѳед. Ситникову хлѣбный и денежный окладъ.

Къ 1680 г. число садовниковъ уменьшилось съ 26 до 24; Сем. Борисовъ въ своей челобитной о прибавкѣ 2-хъ человѣкъ объясняетъ: «Гр. Астраханецъ сошелъ въ Курскъ («для виноградного жъ заводу», какъ сказано въ разрядной выписи); а Филиппъ Черниковъ сбѣжалъ безвѣстно».

Въ 1682 г., какъ видно изъ сказки садовниковъ, данной въ Разрядѣ «ихъ въ Чугуевѣ на трехъ огородахъ налицо: на 2-хъ огородахъ мастеръ Сенька Борисовъ» и съ нимъ 12 товарищей, на 3-мъ мастеръ Ѳед. Ситниковъ и 11 товарищей—всего 2 мастера и 23 ихъ товарища. Изъ нихъ четверо не имѣли помѣстныхъ земель и не пользовались ни хлѣбнымъ, ни денежнымъ окладами. Хотя эти четверо и подавали челобитныя о назначеніи имъ окладовъ по примѣру Емил. Веретехина и Ѳед. Ситникова, оклады которыхъ (по крайней мѣрѣ послѣдняго) до 1683 г. не были отмѣнены оффиціально, однако изъ документовъ не видно, была ли удовлетворена ихъ просьба.

Въ 1683 г. «государи пожаловали, велѣли Сем. Борисова—по его челобитью [2]) для старости отъ того дѣла отставить».

19 января 1684 г., какъ мы знаемъ уже, состоялся указъ о томъ, чтобы «арбузные сады отставить», при этомъ «у виноградnаго строенья

---

[1]) Ситниковъ говоритъ, что въ прошлыхъ годахъ ему вмѣсто 25 четей помѣстной земли положенъ годовой хлѣбный и денежный окладъ.

[2]) Въ своей челобитной С. Борисовъ пишетъ: «Въ прошлыхъ, государи, годѣхъ служилъ я, холопъ вашъ, по Чугуеву городовую службу многіе годы и въ прошломъ, государи, въ 173 г. взятъ я, холопъ вашъ, въ виноградные садовники и съ того году и по се время работаю я, холопъ вашъ, вамъ, великимъ государямъ въ Чугуевѣ на вашихъ великихъ государей виноградныхъ садѣхъ безотходно и, работая устарѣлъ и сталъ дряхлъ, обезножилъ и глухъ и вашей государскіе, виноградные работы за старостью и за увѣчьемъ работать и изъ Чугуева къ Москвѣ для челобитья объ отставкѣ поволотца стало не въ мочь».

велѣно быть въ прибавку къ прежнимъ виноградным садовникамъ, арбузнымъ садовникомъ всѣмъ».

Такимъ образомъ къ наличнымъ 24 виноградным садовникамъ (послѣ отставки Борисова ихъ осталось 24 человѣка) было присоединено еще 6 человѣкъ арбузныхъ садовниковъ.

Этихъ 30 человѣкъ — 2 мастера и 28 товарищей ихъ работаютъ, какъ показали пріѣхавшіе въ Москву садовники, на 3-хъ виноградныхъ огородахъ, при чемъ, два огорода, бывшіе прежде въ завѣдываніи Сем. Борисова, отданы мастеру Вас. Черникову.

Въ 1685 г. отставленъ «для его старости» еще одинъ садовникъ— Ѳед. Горбуновъ.

Въ этомъ же году по памяти изъ приказа Большого дворца посланъ изъ Москвы въ Чугуевъ сынъ бывшаго арбузнаго садовника Ст. Смѣнова, Никита, который, какъ мы видѣли, былъ взятъ въ Москву въ сады на Дѣвичьемъ полѣ, но, послѣ отдачи садовъ въ Новодѣвичій монастырь, оставшись не у дѣлъ, билъ челомъ объ отсылкѣ его на родину въ Чугуевъ.

Что касается служебнаго положенія садовниковъ, то льготы, дарованныя имъ указомъ 19 ноября 1674 г. и распространенныя на ихъ родственниковъ, какъ это мы уже видѣли ранѣе, продолжаютъ нарушаться воеводами: въ 1698 г. садовники жалуются на думнаго дворянина и воеводу Вас. Петр. Вердеревскаго, который по разбору 1695 г. написалъ ихъ дѣтей, братьевъ и другихъ родственниковъ въ солдаты и въ городовую службу, и на чугуевскаго воеводу, который требуетъ съ нихъ подводъ, припуждаетъ ихъ копать для себя огороды, всякій овощъ сѣять и капусту садить и заставляетъ исполнять различныя домашнія работы на воеводскомъ дворѣ.

22 октября 1698 г. по этому челобитью состоялось рѣшеніе Разряда, подтвердившее и полнѣе, точнѣе опредѣлившее льготы, данныя садовникамъ указомъ 19 ноября 1674 г. и распространенныя на ихъ родственниковъ согласно памяти изъ приказа Большого Дворца отъ 31 мая 1675 г.[1]).

---

[1]) «207 г. октября 22 по указу великого государя.... бояринъ Тих. Никитичъ Стрѣшневъ съ товарищи, слушавъ сей выписки, приказалъ: вышеписаннымъ виноградникомъ, Ѳ. Ситникову съ товарищи и дѣтемъ ихъ и свойственникомъ, которыхъ дѣтей и свойственниковъ по переписнымъ книгамъ 205 г. въ службѣ и съ недорослями не написано и тѣмъ ихъ дѣтемъ и свойственникомъ, которые живутъ съ ними въ однихъ домѣхъ, быть съ ними, виноградчики, для строенья того винограду и на огородѣхъ для всякой работы и городьбы, а отъ того дѣла и отъ работы по прежнему государеву указу ихъ никуда на службы и въ посылки и къ инымъ ни къ какимъ дѣламъ ни посылать и городовой службы съ

Къ этому времени, какъ показали въ Разрядѣ челобитчики, на чугуевскихъ виноградникахъ числилось 30 человѣкъ садовниковъ и ихъ дѣтей, братьевъ и свойственниковъ 34—стало быть въ самомъ концѣ XVII в. государевымъ хозяйствомъ занято было въ Чугуевѣ 64 человѣка, что вмѣстѣ съ женщинами и малолѣтними дѣтьми должно составить довольно значительную цифру [1]).

Относительно того, въ какихъ размѣрахъ велось хозяйство на государевыхъ виноградныхъ садахъ въ Чугуевѣ и въ особенности относительно способа веденія хозяйства, въ документахъ сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія такъ, что приведеніе ихъ въ систему и составленіе на основаніи ихъ полнаго очерка казеннаго хозяйства довольно затруднительно.

Изъ отписки кн. Репнина мы узнаемъ, что кіевскіе старцы—виноградари привезли съ собой въ Чугуевъ въ 1664 г. «на заводъ, чѣмъ заводить виноградъ» 2200 лозъ. Къ 16 января 1666 г. по ихъ показанію было посажено всего 2300 лозъ.

Осенью 1670 г. старецъ Ананья Куликовскій, прося объ отставкѣ и отпускѣ его обратно въ Кіевъ, подводитъ въ своей челобитной итогъ своимъ работамъ. Обращаясь къ царю, онъ говоритъ: «Взятъ я, богомолецъ твой, изъ Кіева въ Чугуевъ для ради виноградного заводу и изъ Кіева привезъ я, богомолецъ твой, въ Чугуевъ 2200 лозъ, да въ прошломъ, государь, во 176 г. (1667—68) ѣздилъ я, богомолецъ твой, въ Лубны и изъ Лубны привезъ 800 лозъ и того, государь, саду моего заводу многія лозы того винограду позябли, а нынѣ, государь, въ саду того винограду въ остаткѣ 1400 лозъ».

Изъ челобитной учениковъ и преемниковъ кіевскихъ старцевъ, поданной въ Разрядъ осенью 1671 г. о выдачѣ имъ жалованья, мы узнаемъ, что къ этому времени на «виноградномъ заводѣ» было 700 лозъ «родимыхъ», да молодого 1500 лозъ.

чугуевцы, городовыми дѣтьми боярскими, имъ не служить и податей и всякихъ платежей для того виноградного строенья имъ съ чугуевцы не платить, для того что по указу великого государя всякіе подати и платежи велѣно Бѣлгородского полку платить по переписнымъ книгамъ 205 г., а ихъ, виноградчиковъ и дѣтей ихъ и свойственниковъ по тѣмъ переписнымъ книгамъ 205 г. не написано, а которые свойственники ихъ по тѣмъ переписнымъ книгамъ 205 г. написаны и тѣмъ въ тѣхъ чинѣхъ и въ платежахъ быть въ равенствѣ со своею братью, да имъ же, виноградчикомъ, и вышеписаннымъ дѣтемъ ихъ и свойственникомъ на воеводской дворъ сѣна и дровъ не возить и никакой работы и издѣлья на нихъ, воеводъ, имъ не работать и не дѣлать и о томъ имъ въ Чугуевъ къ воеводѣ дать государеву грамоту съ прочетомъ».

[1]) О судьбѣ чугуевскихъ виноградниковъ и приставленныхъ къ нимъ садовниковъ въ XVIII в. см. *Кеппенъ*, О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи, стр. 66—68 и 224, прил. № 32. *Семевскій*, Очерки изъ исторіи приписныхъ крестьянъ въ XVIII в., (Русская Мысль № 6-й 1901 г., стр. 18).

Въ сентябрѣ 1672 г. виноградные садовники Ѳед. Ситниковъ съ товарищи подали воеводѣ Ѳед. Соковнину сказку, «а въ сказкѣ ихъ написано—доносилъ воевода—приняли они, садовники, у виноградного мастера у Ананьи Куликовскаго дерева орѣхи грецкіе, и сливы, и вишни и тѣ де дерева нынѣ всѣ засохли, да у него жъ, виноградного мастера, старца Ананьи, приняли они, садовники, старой и молодой виноградной лозы 1400 и отъ тѣхъ де виноградныхъ лозъ построили они, садовники, послѣ него, старца Ананьи, вновь на твой государевъ виноградной огородъ 1910 лозъ и всего на виноградномъ огородѣ виноградной лозы старой и молодой 3310 лозъ».

Съ теченіемъ времени виноградники расширяются, хотя документы не даютъ возможности съ точностью учесть это расширеніе; такъ, воевода Ѳед. Соковнинъ въ 1674 г. доноситъ Разряду, что у садовниковъ годъ отъ году работы прибавляются, потому что «они виноградъ вновь въ прибавку садятъ».

Указъ 19 ноября 1674 г., о которомъ уже упоминалось, предписываетъ «въ Чугуевѣ для заводу винограду устроить огородовъ вновь передъ прежнимъ съ прибавкою вдвое, или сколько мочно».

Какъ былъ выполненъ этотъ указъ, въ документахъ нѣтъ свѣдѣній, но въ памяти изъ приказа Большого Дворца въ Разрядъ отъ 11 марта 1678 г., сообщающей, что по челобитью виноградныхъ садовниковъ Сеньки Борисова, Власки Топина и астраханца Гришки—садовника рѣшено, «виноградные сады и новоприборныхъ садовниковъ раздѣлить пополамъ», между прочимъ говорится: «въ прошлыхъ годахъ въ Чугуевѣ виноградный садъ заведенъ, да нынѣ 2 огорода... и Сенька да Власко (садовники) съ дѣтьми своими обыскали вновь мѣсто и насадили для опыта винограду 90 кустовъ и на томъ де мѣстѣ виноградъ принимается лучше прежняго».

Въ упоминавшемся уже отчетѣ воеводы Ив. Рыхторова, присланномъ въ Москву въ 1678 г., говорится, что въ Чугуевѣ было три виноградныхъ сада. Одинъ—самый большой—занималъ площадь равную 6750 кв. с. съ 3570 кустами. Подъ другой—было отведено земли 400 кв. с., на немъ было 1765 кустовъ. Третій садъ ко времени составленія отчета былъ пустъ, такъ какъ виноградная лоза на немъ не принялась [1]).

Замѣчу между прочимъ, что со времени раздѣла между мастерами, виноградники называютъ по именамъ завѣдующихъ ими; увѣдомляя напр.,

[1]) См. *И. Н. Миклашевскій.* Къ исторіи хозяйств. быта Моск. гос., 235—236. *Н. Н. Оболенинъ.* Описанія, т. 4, стр. 371—373.

объ урожаѣ, воеводы пишутъ: «родилось (винограду) на твоемъ государевѣ виноградномъ огородѣ, что̀ достался по раздѣлу садовнику Ѳедькѣ Ситникову съ товарищи», «что̀ достался по раздѣлу садовникамъ Сенькѣ Борисову съ товарищи». Садовники, пріѣзжающіе въ Москву съ виноградомъ, постоянно указываютъ, что съ ними прислано на государевъ обиходъ винограда столько-то «мастера Сенькина огороду Борисова», столько-то «мастера жъ Ѳедькина огороду Ситникова».

Завѣдующіе сначала назывались виноградными мастерами, а затѣмъ старостами.

Съ теченіемъ времени иные виноградные мастера смѣняютъ прежнихъ и сообщаютъ свои имена виноградникамъ, напр. Вас. Черниковъ и др.

Извѣщая Разрядъ объ урожаѣ 1678 г., чугуевскій воевода Ив. Рыхторовъ пишетъ: «да въ прошломъ во 185 (1677) г. обыскалъ мѣсто, велѣлъ я для опыту посадить вновь 265 кустовъ». Этотъ виноградникъ въ послѣдующихъ отпискахъ такъ и называется: «новый огородъ, что̀ посаженъ въ прошломъ во 185 г.».

Въ разрядной выписи 1680 г. находятся свѣдѣнія о количествѣ кустовъ на чугуевскихъ виноградникахъ: «на одномъ огородѣ, Сеньки Борисова съ товарищи, 2000 кустовъ, на другомъ огородѣ того жъ Сеньки 1700 кустовъ». Числа кустовъ на 3-мъ огородѣ, находившемся въ завѣдываніи Ѳ. Ситникова, почему-то не указано.

Болѣе точныя данныя, опредѣляющія размѣры виноградниковъ, сообщаетъ разрядная выпись 1683 г.; въ ней приведена сказка Ѳед. Ситникова, который указываетъ размѣры всѣхъ трехъ виноградниковъ, а именно, первый виноградникъ его, Ситникова, въ 200 саж. отъ города, въ длину 80, поперекъ 50 саж. (4000 кв. с.); 2-й Сем. Борисова, въ длину 70, въ ширину 60 с. (4200 кв. с.); 3-й—Сем. Борисова, въ длину и поперекъ по 50 саж. (2500 кв. с.).

Съ упраздненіемъ въ 1684 г. арбузныхъ огородовъ велѣно на ихъ мѣстѣ «построить виноградные сады, а буде на тѣхъ огородахъ виноградныхъ кустовъ построить за чѣмъ нельзя и вмѣсто тѣхъ къ прежнимъ виноградным̀ъ огородамъ въ прибавку завесть въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ пристойно, нынѣшніе весны».

Докладывая Разряду объ исполненіи этого рѣшенія, чугуевскій воевода Григ. Шакловитый, сообщаетъ въ своей отпискѣ: «и къ тѣмъ, государи, къ прежнимъ виноградным̀ъ огородомъ въ прибавокъ вновь загорожено: къ большому огороду въ длину и поперекъ по 30 саж., къ меньшему огороду въ длину 50, поперекъ 30 саж. и садовники вино-

градные кусты на тѣхъ новыхъ прибавочныхъ мѣстыхъ садили, а на арбузномъ, государи, на одномъ огородѣ посажено виноградной лозы 2 гряды, потому что арбузной огородъ на низкомъ мѣстѣ и буде на томъ арбузномъ огородѣ, государи, виноградная лоза примется и виноградъ родится и я, холопъ вашъ, на тотъ огородъ виноградным садовникомъ виноградъ заводить велю».

Однако земля изъ-подъ арбузныхъ огородовъ оказалась непригодной для виноградниковъ: по крайней мѣрѣ осенью 1685 г. четверо садовниковъ подали въ Разрядъ челобитную, въ которой, жалуясь, что имъ не дано мѣстъ подъ дворъ и подъ усадьбы и подъ гумна и подъ огороды, просятъ отдать имъ «арбузной ближней огородъ противъ вашего великихъ государей виноградного огороду», такъ какъ виноградъ, посаженный для опыта на томъ огородѣ, «не взялся и то мѣсто негоже и низмяно и нынѣ лежитъ въ пустѣ».

Разрѣшая отдать прежній арбузный огородъ челобитчикамъ, подъ дворъ, Разрядъ дѣлаетъ распоряженіе чугуевскому воеводѣ «вмѣсто арбузныхъ огородовъ къ прежнимъ виноградным огородамъ велѣть завесть виноградные огороды въ иномъ мѣстѣ, гдѣ пристойно».

Такимъ образомъ документы, за исключеніемъ отчета, присланнаго Ив. Рыхторовымъ въ 1678 г. и сказки Ѳед. Ситникова 1683 г. сообщаютъ мало точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы прослѣдить постепенное расширеніе казеннаго хозяйства на чугуевскихъ виноградникахъ. Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что правительство постоянно хлопочетъ о расширеніи виноградаго заводу, посылаетъ объ этомъ грамоты въ Чугуевъ, но о выполненіи на мѣстѣ этихъ распоряженій сохранилось мало свѣдѣній.

Очень мало находимъ въ документахъ фактовъ, касающихся веденія хозяйства на государевыхъ виноградникахъ: объ этомъ упоминается только случайно, мимоходомъ, вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, часто неимѣющихъ ничего общаго со способомъ веденія хозяйства. Отсутствіе этихъ фактовъ въ разрядномъ производствѣ вполнѣ понятно, такъ какъ Разрядъ не могъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ деталей казеннаго хозяйства, интересуясь больше всего результатами и финансовой стороной.

Какъ уже упоминалось въ очеркѣ объ арбузныхъ огородахъ, центральное правительство заботится о выборѣ подходящей земли и удобныхъ мѣстъ и постоянно рекомендуетъ чугуевскимъ воеводамъ отводить землю «добрую гдѣ бъ виноградъ родился», заводить виноградники въ такихъ мѣстахъ, «гдѣ пристойно».

О происхожденіи виноградныхъ лозъ мы уже знаемъ, что кіевскіе старцы привезли ихъ съ собой изъ Кіева. Кромѣ того часть лозъ привезена была, по словамъ старца Ананьи, изъ Лубенъ.

Размноженіе виноградныхъ кустовъ происходило на счетъ наличныхъ лозъ, отъ которыхъ садовники «строили» новыя лозы.

Что касается сортовъ, то изъ документовъ видно, что виноградъ былъ красный и «бѣлый»; объ этомъ постоянно упоминается въ препроводительныхъ отпискахъ чугуевскихъ воеводъ и въ памятяхъ изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ винограда на сытномъ дворцѣ.

По времени созрѣванія виноградъ раздѣлялся на ранній, отправлявшійся изъ Чугуева обыкновенно около конца августа или начала сентября и на поздній, который посылали въ Москву въ половинѣ и иногда даже въ концѣ сентября.

На зиму виноградъ обыкновенно закапывали, чтобы предохранить отъ морозовъ; объ этомъ упоминаютъ сами садовники, такъ осенью 1683 г. они просятъ дать имъ подводы отъ Москвы до Чугуева «чтобъ къ работѣ поспѣть и чтобъ виноградъ закопать успѣть для зимняго времени». Въ подобной же челобитной 1684 г. они говорятъ, что въ Чугуевѣ малолюдно «и строить и работать и загребать винограду на зиму некому».

О времени закапыванія трудно сказать что-либо опредѣленное; съ одной стороны садовники торопятся выѣхать въ первыхъ числахъ октября изъ Москвы въ Чугуевъ, чтобы до зимы закопать виноградъ, стало быть закапываньe производилось поздней осенью; съ другой—мы имѣемъ любопытный извѣтъ старца Іосифа, который, поссорясь, укоряетъ Ананью Куликовскаго за то, что онъ его, Іосифа «не любитъ и отъ того винограду отбиваетъ прочь», а между тѣмъ—доноситъ старецъ Іосифъ — въ прошломъ 1665 старецъ Ананья «не знаючи по здѣшнему времени закопалъ виноградъ на «Усѣкновеніе честные главы Іоанна Предтечи» и, бывшій въ ту ночь морозъ побилъ 2000 виноградныхъ лозъ, чего не случилось бы, еслибы Ананья послушался его, Іосифа, и закопалъ бы виноградъ поранѣе «о Успеньевѣ дни».

Нужно думать, что закапываньe предохраняло виноградъ отъ зимней стужи, но ранней весной и осенью морозы причиняли страшный вредъ чугуевскимъ виноградникамъ: за время съ 1665 по 1702 г., которое охватывается нашими документами, можно отмѣтить по воеводскимъ отпискамъ приблизительно 24 случая, когда морозы причиняли вредъ виноградникамъ. Заморозки конца апрѣля и начала мая губили иногда не только завязи, но и самыя лозы; воеводы напр., доносятъ: «виноградную молодую лозу и роды и листъ побило морозомъ» (май 1695 г.).

«И тѣмъ морозомъ виноградный ранней роди и лозу побило всю» (май 1697 г.).

Страдали виноградники также отъ осеннихъ морозовъ, которые обыкновенно въ первый половинѣ сентября губили еще недозрѣлый виноградъ.

Случалось, что морозы въ одинъ и тотъ же годъ и весной и осенью вредили виноградникамъ.

Насколько великъ бывалъ вредъ, причиняемый морозомъ, видно напр., изъ донесенія окольн. кн. Ѳед. Льв. Волконскаго: сентябрьскими морозами 1686 г. побило на виноградникахъ 14750 гроздей. А въ 1695 и 1697 «годѣхъ винограду въ присылкѣ не было, для того что тотъ виноградъ морозомъ всѣ грозди ознобило».

Сравнительно гораздо рѣже виноградники страдали отъ градобитія, а именно: 8 іюня 1671 г., 28 іюня 1673 г., 18 іюня 1680 г., 8 мая 1688 г., 30 іюля 1689, 17 іюля 1689 г. и 17 іюня 1701 г.—большая часть случаевъ падаетъ на іюнь мѣсяцъ.

Въ донесеніяхъ чугуевскихъ воеводъ иногда отмѣчается вредъ, причиняемый виноградникамъ дождемъ, такъ въ 1677 г. Ив. Рыхторовъ доноситъ, что въ августѣ на виноградникахъ «гроздія отъ великихъ дожжовъ не спѣютъ».

Разсмотримъ теперь результаты казеннаго хозяйства на чугуевскихъ виноградникахъ, по скольку они выражаются въ количествѣ плодовъ, посылавшихся въ Москву «на государевъ обиходъ».

Этотъ разсчетъ приходится дѣлать на основаніи препроводительныхъ воеводныхъ отписокъ, памятей, присылавшихся въ Разрядъ изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ винограда на сытномъ дворцѣ и разрядныхъ докладныхъ выписей.

Нужно сказать, что точнаго представленія о продуктивности чугуевскихъ виноградниковъ эти документы дать не могутъ, такъ какъ за единицу разсчета принимается въ нихъ величина непостоянная, а именно,—гроздъ, кисть—величина, допускающая значительныя уклоненія отъ среднихъ размѣровъ [1]).

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я постараюсь дать таблицу урожайности чугуевскихъ виноградниковъ по годамъ, при чемъ буду показывать общимъ итогомъ число гроздій, принятыхъ въ приказѣ Большого Дворца, не раздѣляя ихъ на большіе, средніе и малые:

---

[1]) Для достиженія возможной точности, въ приказѣ Большого Дворца со временемъ стали сортировать гроздья, раздѣляя ихъ на большіе, средніе и малые. Съ 1698 г. въ памятяхъ изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ постоянно употребляется такое раздѣленіе, напр.: «Принято 550 большихъ, 810 гроздіевъ среднихъ, 710 гроздіевъ малыхъ».

Въ	1669	г.	прислано	въ	Москву	16 гроздій
»	1670	»	»	»	»	403 »
»	1671	»	»	»	»	1503 »
»	1672	»	»	»	»	475 »
»	1673	»	»	»	»	583 »
»	1674	»	»	»	»	810 »
»	1675	»	»	»	»	560 »
»	1676	»	»	»	»	298 »
»	1677	»	»	»	»	255 »
»	1678	»	»	»	»	3551 »
»	1679	»	»	»	»	225 »
»	1680	»	»	»	»	1020 »
»	1681	»	»	»	»	4465 »
»	1682	»	»	»	»	9060 »
»	1683	»	»	»	»	23460 »
»	1684	»	»	»	»	29840 »
»	1685	»	морозомъ и градомъ урожай уничтоженъ.			
»	1686	»	прислано	въ	Москву	7240 гроздій.
»	1687	»	»	»	»	95 »
»	1688	»	»	»	»	3900 »
»	1689	»	»	»	»	22010 »
»	1690	»	»	»	»	6300 »
»	1691	»	»	»	»	220 »
»	1692	»	»	»	»	11750 »
»	1693	»	»	»	»	14340 »
»	1694	»	»	»	»	7580 »
»	1695	»	морозами	уничтоженъ	весь	урожай.
Въ	1696	г.	прислано	въ	Москву	620 гроздій.
»	1697	»	морозомъ	уничтоженъ	весь	урожай.
»	1698	»	прислано	въ	Москву	10920 гроздій.
»	1699	»	морозомъ	уничтоженъ	весь	урожай.
»	1700	»	прислано	въ	Москву	2740 гроздій.
»	1701	»	»	»	»	6950 »

Если не принимать въ разсчетъ урожаевъ 1665 и 1687 г. и предположить, что въ среднемъ вѣсъ одного грозда равенъ $^1/_4$ ф., то получимъ, что продуктивность виноградниковъ колебалась отъ $1^1/_2$ до 200 пуд.

Главной причиной такихъ большихъ колебаній были, какъ мы видѣли, весенніе и осенніе морозы, причинявшіе громадный вредъ виноградникамъ.

Что касается качества доставлявшихся въ Москву плодовъ, то въ большинствѣ случаевъ виноградъ оказывался болѣе или менѣе попорченнымъ. Пересылка на большое разстояніе такого нѣжнаго плода сопряжена была въ то время съ большими затрудненіями. Продолжительность переѣзда по плохимъ дорогамъ, часто при морозѣ, сильно отражалась на качествѣ плодовъ. Виноградъ успѣвалъ загнить въ дорогѣ, испортиться отъ морозовъ и осыпаться съ кистей. Въ памятяхъ изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ винограда нерѣдко можно читать такія оговорки: «принято въ коробахъ свѣжева 2140 гроздіевъ, въ томъ числѣ половина гнилова», или принято «всего 3600 гроздіевъ и тѣ гроздіе во многихъ мѣстѣхъ погнили, а достальные 440 гроздіевъ гнилы и осыпались и на обиходъ великихъ государей не годятца»: Какой процентъ гнилого винограда бывалъ иной разъ, можно видѣть изъ памяти отъ 28 октября 1693 г., гдѣ говорится, что виноградъ принятъ сполна «и въ томъ числѣ 2000 свѣжева, 4500 гроздіевъ гнилого», или въ 1701 г. 19 ноября: «Принято того винограду въ коробахъ на Сытной дворецъ 500 гроздей лутчихъ и середнихъ и 2000 гроздей гнилые и битые и въ хоромы подавать не годятца». Ниже мной будетъ указано, какъ затруднительна бывала доставка въ Москву продуктовъ чугуевскаго казеннаго хозяйства, теперь же я укажу, какія принимались мѣры, чтобы въ дорогѣ предохранить виноградъ отъ порчи и отъ морозовъ.

Обыковенно виноградъ укладывали въ коробы и закрывали рогожами и войлоками. Такъ, въ 1671 г. транспортъ съ виноградомъ отправился изъ Бѣлгорода 2 октября; въ Москву слѣдовательно онъ долженъ былъ притти не ранѣе 2-й половины октября; такъ какъ начались морозы, которые усиливались по мѣрѣ передвиженія съ юга на сѣверъ, то садовникъ Ѳед. Ситниковъ, сопровождавшій виноградъ, боясь за его сохранность, оставилъ транспортъ на дорогѣ и поспѣшилъ въ Москву за войлоками. Въ документахъ сохранились слѣды той торопливости, которую вызвало появленіе Ситникова въ Разрядѣ. На черновомъ отрывкѣ памяти въ приказъ Большого Дворца о высылкѣ войлоковъ и рогожъ приписано: «а первой столбецъ писанъ противъ отписки, а черного для поспѣшности не списано». Тутъ же помѣчено: «Для того винограду въ село Лопасню посланъ разрядной подячей Ив. Костоусовъ да садовникъ Ѳедька Ситниковъ, а съ нимъ чѣмъ укутать виноградъ отъ морозовъ 15 войлоковъ, да 10 рогожъ». И все же ни войлоки, ни рогожи не спасли винограда: въ памяти изъ приказа Большого Дворца говорится, что изъ 1503 гроздей только 600 цѣлы, а «достальное гроздіе все гнило».

Чтобы не давать залеживаться въ Чугуевѣ поспѣвшему винограду въ ожиданіи сбора поздняго, послѣдовало распоряженіе о доставкѣ въ Москву винограда нѣсколькими отдѣльными транспортами. Распоряженіе это вошло въ извѣстный уже намъ указъ отъ 19 ноября 1674 г. о расширеніи виноградниковъ. «А въ которомъ году—предписываетъ между прочимъ указъ—и въ которое время виноградъ поспѣетъ и тотъ виноградъ изъ Чугуева прислать къ Москвѣ въ то время, которой въ которое время поспѣетъ, не испустя времени и не дожидаясь послѣдняго винограду, какъ поспѣетъ, хотя въ двѣ или въ три посылки, чтобъ за послѣднимъ виноградомъ первый виноградъ, которой поспѣетъ не истекся и на дорогѣ отъ стыди не позябъ».

Наконецъ, повидимому, найдено было средство сохранять виноградъ, особенно поздній, отправлявшійся въ Москву около половины сентября, отъ порчи въ дорогѣ и отъ морозовъ: его стали «устраивать» въ кади и заливать патокой [1]).

Сначала этотъ способъ сохраненія винограда былъ какъ бы случайностью, опытомъ и практиковался не каждый годъ, но въ 1684 г. 10 сентября приказъ Большого Дворца увѣдомилъ Разрядъ о рѣшеніи, коимъ указывается «присылать къ Москвѣ на Сытный дворецъ изъ Чугуева виноградъ нынѣ и впредь сколько родитца, устроя 2 доли въ патокѣ и треть свѣжего и о томъ изъ Разряда послать грамоту въ Чугуевъ къ воеводѣ».

Очевидно эта мѣра дала хорошіе результаты, на что прямо указываютъ документы, такъ въ своей отпискѣ 1691 г. бояр. Бор. Шереметьевъ говоритъ, что нынѣ ему велѣно присылать свѣжій «непаточной» виноградъ «безъ матчанія», а паточный присылать послѣ «для того что въ патокѣ винограду никакіе порухи не чинится и всегда въ присылкѣ бываетъ въ цѣлости, а свѣжего никогда въ цѣлости не привозятъ».

Медъ для патоки доставлялся въ Чугуевъ изъ Бѣлгорода, гдѣ онъ собирался съ «отписныхъ» пасѣкъ и съ оброчниковъ (съ оброчныхъ угодій [2]).

---

[1]) „Для того, чтобъ ему, винограду, отъ заморозовъ порухи не учинилось“, объясняетъ бояр. кн. Мих. Андр. Голицынъ.

[2]) Самое большое количество меду, отмѣченное мною въ документахъ, было употреблено въ 1686 г., именно бояр. кн. Мих. Андр. Голицынъ пишетъ, что изъ присланнаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Курскъ изъ Чугуева свѣжаго винограда, онъ велѣлъ устроить 2 доли въ патоку, для чего распорядился купить медъ въ Курскѣ, такъ какъ въ Бѣлгородѣ онъ сбирается въ октябрѣ и ноябрѣ „а меду куплено въ Курскѣ въ ряду и положено въ виноградъ, въ двѣ доли, въ 6126 гродей 75 пудовъ, а дано по 25 алтына за пудъ, да взято съ Курской таможни и съ кабака 15 пудовъ съ деревомъ и съ того меду вышло перепускной чистой патоки 9 пудовъ 25 гривенокъ и всего чистой перепускной патоки положено въ тотъ виноградъ 84 пуда 25 гривенокъ“; медъ же, собранный съ отписныхъ пасѣкъ и съ оброчныхъ угодій, бояринъ велѣлъ взять въ Курскъ и продать взамѣнъ Государевой денежной казны, употребленной на покупку. Въ другіе года меду употреблено было меньше, именно отъ 16 до 60 пудовъ.

Такъ какъ Чугуевскій виноградъ по дорогѣ въ Москву долженъ былъ слѣдовать черезъ Бѣлгородъ и Курскъ, то впослѣдствіи поздній виноградъ стали укладывать въ кади съ патокой въ Бѣлгородѣ, а иногда въ Курскѣ, чтобы избѣжать пересылки меда въ Чугуевъ.

Однако и «паточной» виноградъ не всегда годился на Государевъ обиходъ; вѣроятно, боясь осеннихъ морозовъ, садовники собирали плоды недозрѣлыми и тѣмъ ухудшали ихъ качество. 10 ноября 1690 г. приказъ Большого Дворца увѣдомляетъ Разрядъ: «Тотъ виноградъ на ихъ Государской обиходъ на сытномъ дворцѣ принятъ и въ томъ числѣ свѣжей виноградъ, что въ коробахъ, принятъ безъ щету, потому что весь згнилъ, щитать нельзя и не въ какой расходъ не годитца, а въ кадяхъ плохъ, потому что зеленъ».

Вѣроятно затруднительность доставки винограда въ свѣжемъ видѣ заставила сдѣлать пробу утилизаціи его на мѣстѣ для приготовленія вина.

Наши документы даютъ мало свѣдѣнія по вопросу о винодѣліи въ XVII в., но изъ нихъ все же можно сдѣлать заключеніе, что результаты опыта были не совсѣмъ удачны.

Первыя извѣстія о винодѣліи относятся къ 1672 г., а именно чугуевскій воевода Ѳедоръ Соковнинъ, донося, что «въ прошломъ во 180 г. (1672) родилосъ на виноградномъ огородѣ 475 гроздіевъ, да мелкого недозрѣлого винограду 10 гривенокъ—пишетъ—да изъ того недозрѣлого мелкого винограду твои Государевы виноградные садовники Ѳед. Ситниковъ съ товарищи выбили вина и то вино кисло и бѣло, потому, Государь, что виноградъ мелкой, недозрѣлъ, а садовники мнѣ, холопу твоему сказали, что изъ зрѣлого винограду вино румяное и лутчи будетъ и я, холопъ твой, великого Гусударя виноградъ устроя, на чугуевскихъ на пяти подводахъ и мелкой, недозрѣлой виноградъ и вино запечатавъ, послалъ къ тебѣ, великому Государю».

Опытъ приготовленія вина не возобновлялся до 1676 г. Въ этомъ году чугуевскій воевода Осипъ Тухачевскій, прислав осенью небольшое количество винограда, увѣдомилъ Разрядъ, что сентябрьскіе морозы мѣшаютъ вызрѣванію плодовъ и что ихъ никакъ нельзя уберечь отъ порчи. 9 Октября послана къ воеводѣ Государева грамота съ повелѣніемъ изъ оставшагося въ Чугуевѣ зеленаго, недозрѣлаго винограда «сдѣлать вина, сколько можно и то вино все для опыту и впредь для вѣдома, каково изъ того виноградного гроздія будетъ, а весть съ великимъ береженьемъ, чтобъ не переморозить».

Черезъ 2 мѣсяца, а именно 5 декабря 1676 г., Осипъ Тухачевскій прислалъ изъ Чугуева три ведра вина, приготовленнаго для опыта изъ

недозрѣлаго винограда. Насколько былъ удаченъ этотъ второй опытъ, изъ документовъ не видно.

Въ 1678 г. Иванъ Рыхторовъ прислалъ въ Москву 6¾ ведеръ вина, на приготовленіе котораго былъ употребленъ, какъ и въ первыхъ случаяхъ, недозрѣлый виноградъ.

Осенью 1682 г. садовники вмѣстѣ съ виноградомъ привезли въ трехъ бочкахъ 11 ведеръ краснаго церковнаго вина (изъ документовъ не видно, всѣ ли три бочки были съ церковнымъ виномъ), однако оно дошло до Москвы въ плохомъ состояніи: въ памяти изъ приказа Большого Дворца говорится: «по указу великихъ государей.... и по письму степеннаго ключника Серг. Бохина тотъ виноградъ и вино церковное у чугуевцевъ—виноградныхъ садовниковъ... на сытной дворецъ приняты сполна, а свѣжей виноградъ гнилъ, на сытной дворецъ не годитца, а вино въ одной почкѣ густо, что дрожди».

Вотъ все, что можно сообщить объ опытѣ приготовленія вина изъ чугуевскаго винограда; возобновляли ли этотъ опытъ впослѣдствіи, объ этомъ нѣтъ извѣстій.

Въ документахъ, знакомящихъ насъ съ ходомъ казеннаго хозяйства на чугуевскихъ виноградникахъ мы находимъ нѣкоторые намеки на то, что центральное правительство стремилось къ разведенію винограда и въ другихъ мѣстахъ, для чего пользовалось услугами чугуевскихъ садовниковъ.

Мною уже было указано, что въ 1674 г. пришлось увеличить число садовниковъ, такъ какъ двое изъ нихъ были посланы въ Богородицкой [1]) «для строенія виноградныхъ садовъ».

Осенью 1675 г. прислана была въ Разрядъ изъ приказа Большого Дворца память, въ которой говорится, что государь «указалъ въ Чугуевѣ въ своемъ государевомъ дворцовомъ виноградномъ саду нарѣзать 2000 виноградныхъ лозъ и тѣ лозы, построя прислать къ Москвѣ нынѣшнею осенью до заморозовъ, не замотчавъ, съ великимъ береженьемъ, а для строенья виноградныхъ лозъ посланъ въ Чугуевъ изъ приказа Большого Дворца Чугуева жъ города, его, государева, дворцового саду садовникъ старецъ Іосифъ, а что къ тому строенью понадобитца имать ему, Іосифу, въ Чугуевѣ у воеводы и о томъ въ Чугуевъ послать свою великаго государя грамоту изъ Разряду съ нимъ же Іосифомъ».

Повидомому попытки разведенія винограда въ Москвѣ и въ близъ лежащемъ селѣ Измайловѣ дѣлались и ранѣе, что видно изъ приведенной мною выше разрядной выписи о посылкѣ въ Чугуевъ Гр. Давыдова,

[1]) Нынѣ Богородицкъ, уѣздн. г. Тульской губ.

который съ товарищемъ Ѳед. Черемисинымъ былъ взятъ въ Москву «для виноградnаго заводу» въ 1667 г.

Отмѣчено было также, что этотъ самый Гр. Давыдовъ около 1680 г. былъ взятъ изъ Чугуева въ Курскъ для устройства виноградниковъ.

IV.

Разсмотримъ, какъ отражалось чугуевское дворцовое хозяйство-разведеніе арбузовъ и винограда—на мѣстныхъ жителяхъ, какія новыя тягости и повинности налагало оно на нихъ помимо ихъ обычной службы.

Въ теченіе перваго года существованія арбузныхъ огородовъ всѣ работы, повидимому, исполнялись приставленными къ нимъ садовниками, по крайней мѣрѣ осенью 1661 г., прося о назначеніи имъ годового хлѣбнаго и денежнаго жалованья, они ссылаются на то, что не имѣли времени обрабатывать землю и заготовлять сѣно, такъ какъ «подъ арбузы огороды городили и сѣяли и стрегли все собою, а не городомъ».

Затѣмъ, по мѣрѣ расширенія дѣла, къ работамъ на государевыхъ огородахъ начинаютъ привлекать и мѣстныхъ жителей. Уже черезъ годъ—осенью 1662 г.—предписывается чугуевскому воеводѣ Алекс. Огибалову «для арбузного строенья огородовъ прибавить столько же, что нынѣ устроено и огородить прежніе и новые огороды чугуевцы городовыми и уѣздными и всякими людьми нынѣшніе осени вскорѣ». Объ исполненіи этого повелѣнія доноситъ разряду въ 1664 г. воевода Ив. Беклемишевъ: «и я... тѣ огороды чугуевцы всякихъ чиновъ людьми построилъ вновь, огородилъ дубовымъ тыномъ».

Каждый шагъ въ развитіи казеннаго хозяйства влечетъ за собой призывъ мѣстныхъ жителелей къ работамъ: такъ, осенью 1665 г. арбузные садовники просятъ отвести землю подъ огороды «и тѣ огороды построить тѣми же чугуевцы».

Въ отпискахъ воеводъ о расширеніи дѣла постоянно повторяется фраза о томъ, что они велѣли «новые огороды чугуевцы всякихъ чиновъ людьми построить».

Давая въ 1666 г. отчетъ Разряду о томъ, что сдѣлано для устройства въ Чугуевѣ виноградниковъ, бояр. кн. Бор. Алекс. Репнинъ, находившійся въ то время въ Бѣлгородѣ, пишетъ между прочимъ, что въ прошломъ 1665 г. велѣно было подъ виноградники въ Чугуевѣ «огороды городить дубовымъ тыномъ и виноградnымъ мастеромъ поставить келью

чугуевцы градскими всякихъ чиновъ людьми, а на огородѣ для работъ работнымъ людемъ быть безпрестанно изъ градскихъ людей по 5 человѣкъ, да по два человѣка караульщиковъ». Повидимому эти пять человѣкъ, спеціализировавшись въ садовомъ дѣлѣ, сдѣлались преемниками первыхъ виноградарей—кіевскихъ старцевъ. Наемъ же караульщиковъ остался на обязанности чугуевцовъ всякихъ чиновъ людей, явившись для нихъ новой натуральной повинностью.

Въ 1666 г. кн. Репнинъ, узнавъ, что часть виноградниковъ не огорожена, шлетъ распоряженіе чугуевскому воеводѣ Матв. Офросимову: «тотъ виноградной огородъ огородить тотчасъ съ большимъ поспѣшеніемъ градскими людьми».

Въ отпискѣ кн. Репнина, присланной въ Разрядъ въ 1666 г. упоминается еще объ одной натуральной повинности, вызывавшейся потребностями казеннаго хозяйства, а именно арбузный садовникъ П. Зубковъ—пишетъ Репнинъ—сказалъ ему, что «на покрышку на гряды надобно со всего города съ дву человѣкъ по лубку».

Заготовка кольевъ для виноградниковъ и доставка подводъ для перевозки плодовъ лежали также на обязанности мѣстныхъ жителей.

Какъ они относились къ этимъ новымъ повинностямъ, объ этомъ мы узнаемъ изъ любопытной заручной челобитной [1]), поданной царю осенью 1675 г. чугуевцами всякихъ чиновъ людьми.

Указавъ сколько взято въ полковую службу ихъ «дѣтишекъ, братьевъ и племянниковъ», челобитчики говорятъ: «да въ Чугуевѣ жъ, государь, построили мы холопи твои 2 огорода виноградныхъ, да 2 арбузныхъ, огородили дубовымъ тыномъ и тѣ огороды по вся годы починеваемъ и твой государевъ виноградной садъ стережемъ и виноградъ и арбузы возимъ къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ, да на тѣ твои государевы виноградные огороды мы, холопи твои, всѣмъ городомъ возили по вся годы тысячъ по 20 и больше колья, а на арбузные огороды на кровлю арбузовъ на гряды возили по вся годы лубья, да мы же, холопи твои, по твоему государеву указу строили твои государевы городы отъ Чугуева въ ближнихъ мѣстѣхъ, въ 20 верстахъ, Харьковъ, Змеевъ, Салтовъ по 50-ти человѣкъ, перемѣняючись помѣсечено». Перечисливъ далѣе всѣ лежащія на нихъ повинности и службы, они продолжаютъ: «а въ иныхъ твоихъ государевыхъ украинныхъ городѣхъ твоихъ государевыхъ виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ нѣтъ». Ссылаясь на то, что городъ и острогъ въ Чугуевѣ ветхи и что башни погнили, они

[1]) На оборотѣ рукоприкладства соборнаго протопопа и двухъ поповъ (Никольскаго и Рожденственскаго) за ихъ прихожанъ.

говорятъ «и за малолюдствомъ строить вновь города намъ, холопямъ твоимъ, и виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ невмочь». Въ заключеніе они просятъ государя: «Пожалуй, насъ, холопей своихъ, вели, государь, тѣхъ городовъ (Харькова, Салтова, Зміева) жилецкими людьми свой государевъ городъ Чугуевъ и виноградные и арбузные огороды съ нами, холопами твоими, строить вмѣстѣ, чтобъ намъ, холопамъ твоимъ, передъ иными твоими государевыми городы отъ виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ лишней работы не было и за малолюдствомъ въ лѣтнее время пашни не отбыть и въ конецъ не разоритца».

Отвѣтъ на это челобитье послѣдовалъ нескоро: «о томъ великого государя указу въ то число не учинено». Только въ 1677 и 1678 г.г. состоялись довольно уклончивые указы царя Ѳедора Алексѣевича: «городовое строеніе велѣно строить бѣлогородского полку во всѣхъ городѣхъ тѣхъ городовъ всѣмъ людемъ, гдѣ кто живутъ, а въ помочь изъ города въ городъ работниковъ посылать велѣно по разсмотрѣнію, по докладнымъ выписямъ».

Само собой разумѣется, что всѣ работы, вызывавшіяся разведеніемъ арбузовъ и винограда, лежали на обязанности садовниковъ.

Что касается караульной повинности, то первое время она лежала на всѣхъ чугуевцахъ, хотя быть можетъ временно приходилось исполнять ее и садовникамъ, а впослѣдствіи она была возложена исключительно на нихъ.

Такъ какъ мѣстные жители, какъ мы видѣли изъ ихъ челобитной, тяготились выпавшими на ихъ долю новыми повинностями, то естественно, что они старались какъ-нибудь «отбыть» ихъ, отклонить отъ себя ихъ исполненіе.

Въ 1680 г. садовникъ Сем. Борисовъ жалуется: «Виноградного саду нового горожа худа гораздо: свиньи въ садъ продираются и виноградъ портятъ, а напередъ сего по твоему государеву указу тѣ огороды гораживали градскіе люди, да по твоему жъ великого государя указу у того огорода бывало въ лѣто градскихъ по 2 сторожа, послѣ того по одному, а въ нынѣшнемъ году сторожа не было».

Неизвѣстно, какая помѣта состоялась по этой челобитной, но въ 1683 г. виноградные садовники вновь жалуются на мѣстныхъ жителей, которые отказываются исполнять возложенныя на нихъ повинности. Рѣшеніе по этому дѣлу стремится точнѣе распредѣлить между садовниками и служилыми людьми обязанности, вызывавшіяся казеннымъ хозяйствомъ: городьбу починивать и колья возить на виноградники предписывается чугуевцамъ городовой службы всякихъ чиновъ людямъ, «а на огородахъ

виноградныя деревья строить и на сторожѣ быть имъ, садовникомъ, самимъ, потому что у нихъ, садовниковъ и у товарищей ихъ то и служба». Въ этомъ рѣшеніи проглядываетъ желаніе правительства по возможности облегчить повинности, падавшія на мѣстныхъ жителей и возложить ихъ на садовниковъ, число которыхъ съ теченіемъ времени значительно увеличилось.

Одна изъ повинностей, вызывавшихся чугуевскимъ казеннымъ хозяйствомъ, а именно, подводная—захватывала гораздо большій кругъ людей, чѣмъ возка кольевъ на виноградники, устройство ограды или наемъ сторожей; тогда какъ эти послѣднія повинности падали на мѣстныхъ, чугуевскихъ жителей, обязанность доставлять подводы для перевозки въ Москву арбузовъ и винограда распространялась и на жителей попутныхъ городовъ и селеній, такъ какъ по дорогѣ изъ Чугуева до Москвы далеко не вездѣ были ямскія слободы.

Съ приближеніемъ времени сбора плодовъ Разрядъ—по крайней мѣрѣ въ первые года,—стремясь упорядочить отправленіе подводной повинности, предписываетъ чугуевскому воеводѣ «подводы подъ арбузы имать съ городовъ, которые къ Чугуеву близки: съ Харькова, съ Зміева и Чугуевскаго уѣзду, съ салтовскихъ и съ печенѣжскихъ черкасъ». Съ этихъ послѣднихъ собирать подводы, разложивъ на всѣхъ, сколько доведется, а къ приказнымъ въ Харьковъ и въ Зміевъ писать, чтобы они подводы готовили заранѣе съ большимъ радѣніемъ и поспѣшеніемъ, безкорыстно и безъ понаровки и чтобы присылали тѣ подводы съ подводчиками въ Чугуевъ, когда учнутъ собирать арбузы.

На собранныхъ такимъ образомъ подводахъ кладь доставлялась въ Бѣлгородъ, гдѣ на смѣну давали, если было можно, ямскія подводы до Курска.

Воевода, отправляя транспортъ изъ Бѣлгорода, вмѣстѣ съ тѣмъ выдавалъ провожатымъ подорожную [1]), съ указаніемъ числа подводъ, которое должны были доставить воеводы и приказные люди попутныхъ городовъ.

Выдавались ли прогоны за доставку клади отъ Чугуева до Москвы? На это можно найти довольно много указаній въ документахъ, а именно, въ отпискѣ чугуевскаго воеводы Ѳед. Соковнина отъ 1674 г. говорится, что онъ отправилъ 8 подводъ съ арбузами «изъ Чугуева до

---

[1]) Иногда подорожныя или проѣзжія памяти выдавались чугуевскимъ воеводой. Вотъ города, на которые приходилось ѣхать изъ Чугуева въ Москву, какъ они указаны въ одной изъ подорожныхъ: Чугуевъ—Салтовъ—Бѣлгородъ—Болховой—Карповъ-Обоянь—Курскъ—Орелъ—Мценскъ—Тула—Москва.

Бѣлгорода безъ прогоновъ, а отъ Бѣлгорода до Москвы по твоему великого государя указу и по грамотѣ съ прогоны».

Прогоны онъ далъ въ Чугуевѣ садовнику П. Зубкову съ товарищемъ, взявъ изъ таможенного и изъ кабацкого доходу нынѣшняго 1674 г. 7 руб. 14 алт. 3 деньги.

Очевидно обязанность давать подводы даромъ падала только на мѣстныхъ жителей, такъ какъ, гдѣ только возможно, гдѣ были ямы, тамъ подъ арбузы и виноградъ предписывалось брять ямскія подводы съ платежомъ прогоновъ. Это можно видѣть изъ многихъ документовъ, такъ въ 1675 г. въ августѣ чугуевскій воевода Оспиъ Тухачевскій выдаетъ проѣзжую память садовникамъ, гдѣ говоритъ, что посылаетъ въ Москву на государевъ обиходъ арбузы на 10-ти подводахъ отъ Чугуева до Бѣлгорода безъ прогоновъ, «а отъ Бѣлагорода до Москвы съ прогоны», при чемъ въ памяти предписывается «по государеву указу... отъ Бѣлагорода до Курска и до Мценска и до Тулы и до Москвы по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ безомѣны (?) чей хто ни будь» давать подводы, а за тѣ подводы «имать» съ садовниковъ прогоны.

Въ челобитной, поданной въ Разрядъ осенью 1682 г., арбузные садовники Ѳед. Квасниковъ, да Степ. Зубковъ просятъ возвратить имъ прогоны за переѣздъ отъ Тулы до Мосвкы, заплаченные ими изъ собственныхъ денегъ за 2 ямскихъ подводы 16 алтынъ: при этомъ, какъ оправдательный документъ, представляютъ сказку тольскихъ ямщиковъ въ полученіи денегъ.

Изъ-за прогоновъ между воеводами, ямщиками и садовниками иногда происходили недоразумѣнія и пререканія, влекшія за собой невыгодныя послѣдствія для заинтересованныхъ лицъ.

Напр., въ октябрѣ 1682 г. пришли пѣшкомъ въ Каширу (какъ доносилъ въ Разрядъ воевода Мих. Головинъ) два садовника Алексѣй Коноревъ и Вас. Креневъ съ жалобой на тульскаго воеводу Ив. Мясново, который будто бы не далъ подводъ подъ виноградъ, отказалъ имъ въ отводѣ постоялаго двора и въ дачѣ сторожей.

По показанію садовниковъ, посылаютъ изъ Разряда запросъ къ Ив. Мясново, который объясняетъ, что по грамотѣ изъ Разряда не велѣно гонять ямщиковъ безъ прогоновъ, между тѣмъ по подорожной, данной садовникамъ чугуевскимъ воеводой Неплюевымъ велѣно давать имъ по 36 подводъ до Москвы безъ прогоновъ. Староста тульскаго ямa и ямщики, ссылаясь на государеву грамоту, отказались дать имъ подводы безъ прогоновъ. Не далъ денегъ на прогоны безъ государева указа таможенный и кружечнаго двора голова на томъ основаніи, что изъ таможен-

ныхъ и кабацкихъ сборовъ по грамотамъ изъ приказа Большой Казны велѣно давать только гетманскимъ и крымскимъ посланцамъ и гонцамъ и донскимъ казакамъ. Въ съѣзжей же избѣ никакихъ денежныхъ доходовъ нѣтъ и дать прогоны ямщикамъ было не откуда,

По этому дѣлу рѣшено учинить наказанье ямскому старостѣ и его двоимъ товарищамъ «вмѣсто кнута бить батоги нещадно, а у наказанья имъ сказать, что они подъ тотъ виноградъ подводъ не дали воровствомъ своимъ, а тотъ виноградъ на дворовые расходы надобенъ, а ямщикомъ прогонныя бъ деньги даны были на Москвѣ, а если они впредь такъ учинятъ и имъ за то быть въ жестокомъ наказаньѣ и въ ссылкѣ на Терекъ въ стрѣльцы».

Чтобы дать представленіе о томъ, сколько подводъ требовалось для передвиженія въ Москву продуктовъ чугуевскаго казеннаго хозяйства я приведу слѣдующую таблицу [1]):

	Для доставки арбузовъ:	Для доставки винограда:
1665 г.	44	—
1666 »	52	—
1667 »	31	—
1668 »	21	—
1669 »	64	—
1672 »	32	5
1673 »	—	4
1674 »	8	6
1675 »	10	1
1676 »	8	1
1677 »	19	2
1678 »	5	6
1679 »	10	—
1680 »	4	2
1681 »	8	18
1682 »	12	49
1683 »	—	122
1684 »	—	77
1686 »	—	9

[1]) О годахъ, пропущенныхъ въ таблицѣ нѣтъ свѣдѣній въ документахъ. Число подводъ, посылавшихся въ дѣйствительности, можетъ быть болѣе показаннаго въ таблицѣ, потому что воеводы иногда вовсе не упоминаютъ въ препроводительныхъ отпискахъ, сколько подводъ они отправляютъ въ Москву.

Для доставки арбузовъ:	Для доставки винограда:
1688 » . . . . . —	15
1689 » . . . . . —	76
1690 » . . . . . —	30
	1691 г. . —
	1692 » . 63
	1693 » . 54
	1694 » . 42
	1698 » . 58
	1700 » . 15
	1701 » . 42

Какъ видно изъ этой таблицы, доставка въ Москву чугуевскихъ арбузовъ и винограда иногда брала у населенія не мало рабочихъ рукъ и лошадей.

Мимоходомъ укажу, сколько времени требовалось для передвиженія изъ Чугуева до Москвы. Конечно болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ пути находилось въ большой зависимости отъ состоянія погоды и дорогъ, отъ «радѣнія» воеводъ попутныхъ городовъ по заготовкѣ подводъ и т. п. Средняя продолжительность переѣзда, выведенная изъ значительнаго числа данныхъ, должна болѣе или менѣе приближаться къ дѣйствительности.

На проѣзъ изъ Чугуева до Москвы требовалось отъ 14 до 25 дней, въ томъ числѣ отъ Чугуева до Бѣлгорода отъ 2 до 5 дней, отъ Чугуева до Курска отъ 5 до 6 дней, отъ Бѣлгорода до Москвы отъ 12 до 22 дней; отъ Курска до Москвы отъ 10 до 12 дней.

Доставка арбузовъ и винограда въ Москву была нелегка; затрудненія встрѣчались и со стороны ямщиковъ, и состороны воеводъ и приказныхъ людей, которые, несмотря на угрозы царской опалой, нерѣдко отказывали въ своемъ содѣйствіи садовникамъ.

Вотъ напримѣръ, какую жалобу приносятъ садовники осенью 1664 г. на ямщиковъ городовъ Оскола, Ливенъ, Новосиля и Тулы, которые, везя арбузы «дорогою возы нарокомъ валяютъ и арбузы бьютъ и многіе арбузы отъ того ихъ валенья портятца». Когда же имъ за то выговариваютъ— плачутся царю садовники—«насъ, холопей твоихъ, тѣ ямщики бранятъ и бьютъ и грозятъ намъ, холопамъ твоимъ, тѣ ямщики смертнымъ убойствомъ». Поэтому челобитчики просятъ: «Вели, государь, тѣ арбузы принимать въ Чугуевѣ или вели, государь, по тѣ свои государевы арбузы въ Чугуевъ присылать дворянина, потому что намъ, холопамъ твоимъ,

отъ тѣхъ ямщиковъ житья стало отъ нихъ мало и мочи намъ съ ними нестало, а мы, холопи твои, тебѣ, великому государю, работать рады и съ женишками и съ дѣтишками своими. Царь государь смилуйся».

Хотя по этому челобитью и рѣшено «учинить заказъ крѣпкой подъ смертною казнью, чтобъ (ямщики) возили (арбузы) бережно, съ споспѣшеньемъ, однако въ 1671 года садовникамъ приходится снова жаловаться, такъ какъ имъ «стало не вмочь отъ московской повозки, отъ ямщиковъ».

Вѣроятно въ этихъ челобитныхъ краски нѣсколько сгущены, какъ это свойственно XVII в., но нужно думать, что на долю садовниковъ выпадало немало хлопотъ по перевозкѣ въ Москву ихъ клади.

Что со стороны воеводъ садовники также не всегда могли разсчитывать на помощь и содѣйствіе, это видно напримѣръ, изъ того, что въ сентябрѣ 1604 г. понадобилось послать изъ Москвы нарочнаго въ попутные города на встрѣчу транспорту съ арбузами для объявленія воеводамъ и приказнымъ людямъ царскаго указа о дачѣ подводъ садовникамъ, такъ какъ «великому государю учинилось вѣдомо, что (имъ) воеводы и приказные люди подводъ не даютъ и затѣмъ у садовниковъ мотчанье чинится большое».

Иногда нераспорядительность воеводъ осложнялась желаніемъ мѣстныхъ жителей уклониться отъ подводной повинности.

Напримѣръ въ 1701 г. «садовникъ Василій Черниковъ... ноября въ 8 день, пришедъ въ разрядъ, передъ бояриномъ передъ Тих. Никит. Стрѣшневымъ съ товарищи сказалъ: вышеписанной де посланной съ ними виноградъ на 35 подводахъ остановился нынѣ паточной въ кадяхъ на Тулѣ, свѣжей въ коробахъ въ Серпуховѣ, для того что де въ городѣхъ воеводы подводъ имъ не давали многое время и за тѣми де подводами стояли они въ Курску недѣлю, во Мценску полторы, на Тулѣ недѣлю, а въ Серпуховѣ и по се число стоятъ и за тою остановкою свѣжей виноградъ весь попортился, а онъ де Вас. отъ Серпухова къ Москвѣ пришелъ пѣшъ».

На запросъ Разряда мценскій воевода оправдывался тѣмъ, что онъ приготовилъ подводъ сколько нужно, но «виноградчики» нашли, что подводы плохи и ему пришлось посылать за другими въ уѣздъ, «верстъ за сто и больше», что и причинило задержку. Курскій воевода объяснилъ, что не былъ увѣдомленъ во время и подводы не были готовы «за невѣдомостью»; жители же ближайшихъ деревень не дали подводъ и дубьемъ прогнали посланныхъ за ними. Тульскій воевода винилъ ямщиковъ, которые и на этотъ разъ отказались везти кладь безъ прогоновъ и по-

тому онъ принужденъ былъ сбирать подводы съ Тульскихъ уѣздныхъ людей.

Въ виду этого правительство старалось принимать мѣры для облегченія доставки въ Москву арбузовъ и винограда: садовникамъ давались изъ Разряда грамоты «за отворчатой печатью», которыми предписывалось не задерживать ихъ въ попутныхъ городахъ.

О томъ же извѣщали главнаго воеводу Бѣлгородскаго полка, съ тѣмъ, чтобы онъ отъ себя сдѣлалъ распоряженіе о дачѣ садовникамъ подводъ съ провожатыми въ подвѣдомственныхъ ему городахъ.

Преодолѣвъ всѣ трудности пути, садовники должны были послѣ явки въ Разрядѣ сдать на Сытномъ дворѣ привезенные ими плоды. Что пріемъ отъ нихъ этой клади, выдача оправдательныхъ документовъ и пожалованіе «за привозъ» нечужды были «московской волокиты», видно напримѣръ изъ челобитной арбузнаго садовника П. Зубкова, поданной въ Разрядъ въ сентябрѣ 1676 г. Зубковъ объясняетъ, что память о пріемѣ арбузовъ на Сытный дворъ онъ подалъ въ Разрядъ дьяку Петру Ивановичу (Ковелину?). Дьякъ отдалъ ту память подьячимъ «и тѣ подьячіе тое память не сказываютъ—жалуется Зубковъ—а я волочусь многое время», ожидая указа. Зубковъ проситъ велѣть «тѣмъ подьячимъ тое память сыскать, чтобы, волочась, ему не погинуть».

Какія неожиданныя осложненія бывали при пріемѣ плодовъ на Сытномъ дворѣ, видно изъ слѣдующаго случая, относящагося къ 1700 г.

Въ памяти изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ винограда въ этомъ году указывается, что садовники «не доплатили» 210 гроздей.

Вслѣдствіе этого «въ Разрядѣ передъ бояринамъ Тих. Никит. Стрѣшневымъ съ товарищи виноградные садовники Сем. Толоконцевъ, Вас. Креневъ допрашиваны, а въ допросѣ сказали: по указу великого государя и по отпискѣ изъ Чугуева стольн. и воеводы Ао. Остафьева прислано съ ними къ Москвѣ въ Разрядъ винограду 2740 гроздей и тотъ де виноградъ отосланъ съ ними во дворецъ и во дворцѣ де въ отдачѣ у нихъ не явилося 210 гроздей для того что во время той отдачи у пріему того винограда пришли дворовые люди, человѣкъ съ 20 и больше и стали тотъ виноградъ ѣсть и считали сами врозь и просили де они у нихъ за работу и они де имъ говорили, чтобъ они того винограду не ѣли и примали у нихъ съ рукъ на руки и въ томъ де винограде ихъ обочли, для того принимали и считали у нихъ не съ рукъ на руки, а за работу имъ пріемщикамъ ничего не дали, и въ лицо де изъ нихъ они тѣхъ пріемщиковъ узнаютъ».

Хотя по сыску въ приказѣ Большого Дворца Сем. Толоканцевъ и Вас. Креневъ измѣнили это показаніе въ томъ смыслѣ, что въ Чугуевѣ виноградъ укладывали въ коробы не они сами, а ихъ братья—садовники и что они приняли его безъ повѣрки, тѣмъ не менѣе первое показаніе кажется болѣе правдивымъ: зачѣмъ было садовникамъ выдумывать такую исторію, если бы ничего подобнаго не случилось въ дѣйствительности.

Кромѣ того въ результатѣ сыска никто не былъ наказанъ, такъ какъ рѣшеніе доправить въ будущемъ году на всѣхъ садовникахъ 210 «недоплатныхъ» гроздей нельзя считать наказаніемъ. Не то было бы, конечно, если бы садовники оказались дѣйствительно виновными. Приказъ Большого Дворца, очевидно, замялъ не совсѣмъ пріятное для него дѣло.

Сдавъ привезенные плоды на Сытный дворъ, садовники обращались въ Разрядъ съ челобитными о выдачѣ жалованья. Обыкновенно имъ приходилось ждать рѣшенія 1—3 недѣли, рѣдко долѣе.

Хлопотать въ Разрядѣ о годовомъ жалованьѣ, выдававшемся въ Чугуевѣ, садовники иногда поручали другимъ лицамъ, напр. въ 1667 г. грамота къ чугуевскому воеводѣ была выдана старцу Вас. Богомолу, «для того что за тѣхъ арбузныхъ садовниковъ билъ челомъ онъ, Василій» [1]).

Для возвратнаго пути въ Чугуевъ садовникамъ отпускали подводы и прогоны. Прогоны выдавались изъ Разряда по подорожнымъ изъ Ямского приказа.

Вотъ нѣкоторыя данныя о прогонныхъ деньгахъ отъ Москвы до Чугуева:

Въ	1686	г. дано	4-мъ	чел.	на	2	подв.	1 р.	27 алт.	4 деньги
»	1688	»	»	7	»	»	2	»	по 30	»
»	1689	»	»	12	»	»	3	»	» 30	» 3 »
									(всего 2 р. 24 алт. 5 ден.)	
»	1692	»	»	4	»	»	2	»	1 р. 29	алт. 4 »
»	1694	»	»	2	»	»	1	»	по 30	»
»	1698	»	»	2	»	»	1	»	» 30	»
»	1701	»	»	—	»	»	1	»	» 30	»

---

[1]) Объ этомъ сохранилось извѣстіе въ документахъ, потому что старецъ «тое государеву грамоту понесъ печатать въ Печатной приказъ и на дорогѣ потерялъ»; садовникамъ пришлось просить о выдачѣ другой грамоты.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

V.

Чтобы закончить очеркъ казеннаго хозяйства въ г. Чугуевѣ, остается выяснить отношенія Разряда, какъ центральнаго учрежденія, вѣдавшаго этимъ хозяйствомъ, къ другимъ приказамъ и мѣстнымъ органамъ—исполнителямъ его предначертаній. Прежде всего необходимо отмѣтить, что иниціатива устройства въ Чугуевѣ государевыхъ огородовъ принадлежитъ приказу Большого Дворца (припомнимъ память отъ 11 ноября 1660 г.), Онъ же является учрежденіемъ, гдѣ рѣшаются нѣкоторые, правда немногіе, вопросы, связанные съ чугуевскимъ хозяйствомъ.

Ближайшее разсмотрѣніе этихъ вопросовъ выясняетъ причины, по которымъ они нашли разрѣшеніе въ приказѣ Большого Дворца.

Назначеніе годового оклада садовникамъ при самомъ началѣ дѣла и размѣры этого оклада (памяти: отъ 11 ноября 1660 г., отъ 6 октября 1661 г. отъ 24 марта 1665 г, отъ 21 сент. 1675 г.) [1]) опредѣляется Дворцомъ, какъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ царскимъ хозяйствомъ и въ частности садами [2]) и потому, конечно, болѣе компетентнымъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ Разрядъ.

Въ опредѣленіи служебныхъ льготъ садовниковъ (памяти отъ 16 окт. 1661 г. и отъ 31 мая 1675 г.) Дворецъ по той же причинѣ долженъ былъ имѣть рѣшающій голосъ.

Вопросы, касающіеся чисто хозяйственнаго распорядка (память о раздѣлѣ виноградниковъ между мастерами отъ 11 марта 1678 г.) или выработки правилъ для лучшей перевозки плодовъ (память отъ 10 сентября 1684 объ «устройствѣ» винограда въ кадяхъ съ патокой), также должны были рѣшаться скорѣе Дворцомъ, чѣмъ Разрядомъ по преимуществу военнымъ учрежденіемъ.

---

[1]) Двѣ послѣднихъ памяти показываютъ, что Разрядъ обращался къ Дворцу, какъ къ компетентному учрежденію, для рѣшенія вопроса о жалованьѣ садовникамъ. Объяснивъ въ памяти отъ 24 марта 1665 г., что прибывшіе изъ Кіева въ Бѣлгородъ старцы—виноградные мастера Ананья и Іосифъ бьютъ челомъ о жалованьѣ, Разрядъ передаетъ рѣшеніе этого вопроса Дворцу: «и великій государь указалъ винограднаго строенья мастеромъ о своемъ государевѣ жалованьѣ, денежномъ и хлѣбномъ, свой государевъ указъ учинить имъ, окольничему и оружейничему Богод. Матв. Хитрово, да думск. двор. Гр. Мих. Алчикову» и т. д. Въ памяти отъ 21 сент. 1675 г. Разрядъ обращается съ запросомъ по поводу дачи жалованья за приказъ: «арбузнымъ садовникомъ, которые вѣдомы въ приказѣ Большого Дворца за привозъ къ Москвѣ арбузовъ великаго государя годовое жалованье или въ приказъ даютъ ли или не даютъ, а буде даютъ, по чему человѣку, какова государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья дано и чугуевскимъ арбузнымъ садовникомъ за привозъ къ Москвѣ арбузовъ въ приказъ государева жалованья изъ приказа Большого Дворца что давано ль и почему чего дано».

[2]) См. *Котошихинъ*, изд. 3 (1884 г.) стр. 85 и 99.

Вотъ тѣ немногіе вопросы, которые по вполнѣ понятнымъ причинамъ находятъ рѣшеніе въ приказѣ Большого Дворца.

Во всемъ остальномъ Разрядъ является полнымъ и самостоятельнымъ хозяиномъ. Онъ отдаетъ распоряженія о расширеніи хозяйства, объ отводѣ земли подъ огороды, о прекращеніи культуры арбузовъ; садовники обращаются въ Разрядъ съ челобитьями по различнымъ своимъ нуждамъ и Разрядъ распоряжается объ отводѣ имъ покосовъ, земли подъ дворы и усадьбы, отбираетъ у нихъ помѣстную землю и вновь отводитъ ее, отмѣняетъ годовые денежные оклады, награждаетъ деньгами и сукнами «за привозъ», дѣлаетъ распоряженія о надзорѣ за садовниками, предписываетъ производить сыскъ въ случаѣ упущеній съ ихъ стороны; караетъ за ихъ вину и нерадѣніе лишеніемъ жалованья и наконецъ является для нихъ высшей инстанціей для рѣшенія всякихъ пререканій между ними [1]).

Въ своей чисто хозяйственной дѣятельности, особенно когда рѣчь идетъ о выдачѣ денегъ, Разрядъ дѣйствуетъ, какъ домовитой хозяинъ, который не желаетъ потратить даромъ ни одной копѣйки [2]).

---

[1]) Напр., какъ мы видѣли, въ 1666 г. Ст. Смѣновъ жаловался на своихъ товарищей, которые «удобрилися воеводѣ», по его словамъ, и послали его одного въ Тамбовъ. Въ этомъ же году, изъ Р. послана грамота по поводу ссоры между кіевскими старцами. Въ этой грамотѣ внушается старцамъ, чтобы они «межъ себя по всемъ спрашивались, а нелюбія бъ межъ ими не было» и дѣлается распоряженіе объ освобожденіи ихъ отъ поручительства. И во многихъ другихъ случаяхъ Разрядъ разрѣшаетъ споры между садовниками.

[2]) Какъ примѣръ, приведу выдержку изъ дѣла объ отпускѣ виноградным садовникамъ желѣза на хозяйственныя орудія. По ихъ челобитью состоялась слѣдующая помѣта: «183 (1674) г. Ноября въ 16 день по указу великаго государя послать его государева грамота на Тулу къ стольнику и воеводѣ ко князю: велѣть, то число желѣза и укладъ купя послать съ тѣми садовники въ Чугуевъ, а за то желѣзо и за укладъ по цѣнѣ деньги послать съ Москвы изъ Разряду, справясь съ Посольскимъ приказомъ, что указная цѣна желѣзу и укладу, а будетъ купитца желѣзо и укладъ дешевле той цѣны и остальныя деньги прислать къ Москвѣ въ Разрядъ». Далѣе слѣдуютъ справки: «отписать въ Разрядъ: на тульскихъ желѣзныхъ заводахъ, по которой цѣнѣ прутовое желѣзо и укладъ пудъ въ отдѣлѣ».—«Великаго государя по жалованной грамотѣ, какова дана изъ Посольскаго приказу иноземцу Петру Марселису, которое прутовое желѣзо принято будетъ у него, Петра, великаго государя въ казну и за то желѣзо велѣно ему давать по штинацати (16) алтынъ по 4 деньги за пудъ». Затѣмъ сказки торговыхъ людей: «183 (1674) г. ноября въ 14 день въ Разрядѣ московскаго верхняго желѣзного ряду торговые люди—староста Кадашевской слободы Филипповъ да Огѣйка Гавриловъ по допросу сказали: на Москвѣ де въ рядъ покупаютъ они. торговые люди, укладъ тихвинской тысячами, а не въ вѣсъ, а покупаютъ они тысячу по 5 и по 4 р., а въ тысячѣ де будетъ 4 пуда, а изъ ряду де они тысячу укладу продаютъ въ 6 въ 7 рублевъ, а меньше шти рублевъ не продаютъ, а про тульской и про серпуховской укладъ по чему пудъ покупаютъ или связками жъ продаютъ, того они не вѣдаютъ. Того жъ числа нижняго желѣзного ряду староста Васька Ивановъ по допросу сказалъ: серпуховской де укладъ самой дорогой покупаютъ они въ рядъ связками, а не въ пудъ, а въ связкѣ по 20 прутовъ, на Москвѣ по шти алтынъ связку, а въ иное время и по 5 алтынъ по 2 деньги, а изъ ряду продаютъ сами по 2 гривны связку, а въ Серпуховѣ де и на Тулѣ по которой цѣнѣ укладъ и въ пуды ли или связками продаютъ, того онъ не

Итакъ съ одной стороны Разрядъ является въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ какъ бы передаточной инстанціей между приказомъ Большого Дворца, и чугуевскими воеводами, излагая въ своихъ грамотахъ содержаніе дворцовыхъ памятей; съ другой—учрежденіемъ, завѣдующимъ вполнѣ самостоятельно казеннымъ хозяйствомъ въ отдаленномъ, украинномъ городѣ.

Такая двойственность находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что г. Чугуевъ находился въ вѣдѣніи Разряда и поэтому чугуевскіе воеводы ничего не могли дѣлать «безъ указу и безъ грамоты» изъ этого учрежденія.

Отношенія Разряда къ другимъ приказамъ ограничиваются только памятями въ казенный приказъ о выдачѣ садовникамъ суконъ «за привозъ» (впрочемъ сукна иногда выдавались изъ Разряда); въ Ямской—объ отпускѣ имъ подводъ, нѣкоторыми справками въ Посольскомъ приказѣ и перепиской съ Малороссійскимъ приказомъ о посылкѣ грамотъ въ Кіевъ къ думн. двор. Ив. Ив. Чаадаеву о вызовѣ виноградныхъ мастеровъ для устройства Чугуевскихъ виноградниковъ.

Гораздо разнообразнѣе и сложнѣе отношенія Разряда къ мѣстнымъ органамъ—воеводамъ, черезъ которыхъ онъ осуществлялъ свою хозяй-

---

вѣдаетъ, только де тульской укладъ мелокъ и въ вѣсу не узнаетъ». Послѣ этихъ справокъ рѣшено отдать распоряженіе тульскому воеводѣ о посылкѣ изъ Тулы въ Чугуевъ съ садовниками съ Θед. Ситниковымъ съ товарищи 2 пуд. желѣза да 15 гривенокъ укладу, а взять велѣно то желѣзо и укладъ на тульскихъ желѣзныхъ заводахъ по указной цѣнѣ; деньги на то желѣзо и укладъ послать изъ Разряда съ садовниками, справясь съ Посольскимъ приказомъ, что̀ указная цѣна, а по справкѣ велѣно давать Петру Марселису по 16 алтынъ по 4 деньги за пудъ, а про укладъ въ письмѣ изъ Посольскаго приказа не написано «а доведется на Тулу послать изъ Разряду на желѣзо на 2 пуда, да на укладъ на 5 связокъ рубль 28 алтынъ 2 деньги; деньги дать (записано въ Разрядѣ) виноградным садовникамъ съ росписью, а о посылкѣ изъ разряда денегъ на Тулу на желѣзо и о посылкѣ жъ съ Тулы того желѣза въ Чугуевъ помѣта на выпискѣ дьяка Вас. Семенова». На основаніи этого рѣшенія послана грамота въ Тулу стольнику и воеводѣ кн. Перф. Ив. Шаховскому, которая заканчивается слѣдующимъ наставленіемъ: «и какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, а виноградной садовникъ Θед. Ситниковъ съ деньгами къ тебѣ на Тулу пріѣдетъ и ты бъ то желѣзо и укладъ съ тульскихъ желѣзныхъ заводовъ велѣлъ ему, Θед., дать съ росписью, а за то желѣзо и за укладъ иноземцу Петру Марселису по нашей указной цѣнѣ велѣлъ деньги дать въ росписью, а будетъ на Тулѣ въ тое посылку желѣзо и укладъ можно купить дешевле тоѣ указной цѣны и ты бъ велѣлъ то число желѣза и укладъ купить самаво доброво, чтобъ годилось на нашемъ государевѣ виноградномъ огородѣ на всякія снасти, а худова желѣза покупать не велѣли и съ тѣмъ желѣзомъ чугуевского садовника Θед. Ситникова, давъ ему по подорожной подводы отпустилъ въ Чугуевъ тотчасъ и о томъ желѣзѣ въ Чугуевъ къ думному нашему дворянину и выводѣ къ Θед. Прокоф. Саковнину для вѣдома писалъ, а что отъ покупки желѣза и укладу денегъ у него, Θед., останетца и ты тѣ деньги велѣлъ, у него взять, да о томъ о всемъ къ намъ, великому государю, писалъ а отписку и тѣ деньги прислалъ въ Разрядъ съ кѣмъ пригоже, а отписку велѣлъ подать въ Разрядѣ и деньги объявить дьякомъ нашимъ думному Герасиму Дохтурову да Василью Семенову да Петру Кавелину». Такъ рисуется въ документахъ хозяйственная дѣятельность Разряда.

ственную дѣятельность. Ближайшимъ и постояннымъ наблюдателемъ за садовниками Разрядъ стремится сдѣлать мѣстнаго воеводу, предписывая «ему смотрѣть (за ними) почасту, чтобъ они у того дѣла были безотстучно и промышляли о томъ неоплошно».

Въ грамотахъ къ воеводамъ проглядываетъ желаніе центральнаго правительства по возможности дать точныя, невозбужающія сомнѣнія предписанія обо всемъ, что считается лежащимъ на ихъ обязанности. Для самостоятельныхъ дѣйствій воеводъ оставляется очень мало мѣста, хотя въ отдѣльныхъ выраженіяхъ царскихъ грамотъ, напр.: «чтобъ ты впредь въ государевыхъ дѣлахъ радѣлъ и во всемъ искалъ прибыли, какъ государеву дѣлу лучше и прибыльнѣе», какъ будто признается за воеводой нѣкоторая доля самостоятельности.

Чтобъ мѣстный воевода тщательно исполнялъ возложенныя на него обязанности, Разрядъ предупреждаетъ, что въ случаѣ нерадѣнія «отъ великаго государя быть (ему) въ жестокомъ наказаньѣ и въ разоренъѣ безъ всякіе пощады». Напротивъ за распорядительность и рвеніе къ дѣлу воевода получаетъ грамоты съ милостивымъ царскимъ словомъ, съ похвалою.

Чтобы представить себѣ полную картину дѣйствія мѣстныхъ властей, надо помнить, что Чугуевъ былъ однимъ изъ городовъ Бѣлгородскаго полка и, какъ таковой, былъ «вѣдомъ къ Бѣлгороду». Отсюда между Разрядомъ и чугуевскимъ хозяйствомъ стояли 2 воеводы: чугуевскій и бѣлгородскій, а иногда даже три, если главная квартира Бѣлгородскаго полка переносилась въ другой городъ, а въ Бѣлгородѣ оставался товарищъ главнаго воеводы.

Разобраться въ отношеніяхъ Разряда ко всѣмъ троимъ воеводамъ нелегко, такъ какъ повидимому строго выдержанной системы въ этихъ отношеніяхъ не было.

До 1664 г. Разрядъ переписывается непосредственно обо всѣхъ дѣлахъ по хозяйству съ мѣстными чугуевскими воеводами: посылаетъ на ихъ имя грамоты, и получаетъ онъ нихъ отписки.

Съ осени 1664 г. вступаетъ въ переписку съ разрядомъ главный воевода Бѣлгородскаго полка.

Ссылаясь на то, что «Чугуевъ городъ по великаго государя указу вѣдомъ къ Бѣлгороду», онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ устройствѣ государевыхъ садовъ и наблюденіи за ними. Съ этихъ поръ распоряженія Разряда объ увеличеніи арбузныхъ огородовъ и виноградниковъ, объ отводѣ подъ нихъ земли, о выдачѣ жалованья садовникамъ, увѣдомленія о высылкѣ и полученіи арбузовъ и винограда, о посылкѣ дворянъ для надзора за садовниками направляются на имя Бѣлгородскаго

воеводы, которому предписывается по полученіи государевой грамоты, передавать эти распоряженія чугуевскому воеводѣ.

Впрочемъ Разрядъ часто отступаетъ отъ этого порядка и отправляетъ грамоты уже непосредственно чугуевскому воеводѣ; иногда же грамоты одинаковаго содержанія одновременно посылаются на имя чугуевскаго воеводы, на имя главнаго воеводы Бѣлгородскаго полка (въ Курскъ напр. въ 1674 г.) и на имя его товарища (въ Бѣлгородъ).

То же нужно сказать и о донесеніяхъ воеводъ Разряду: то чугуевскій воевода отправляетъ отписки непосредственно въ Разрядъ, то посылается туда 2 отписки: одна отъ главнаго воеводы, другая отъ чугуевскаго; иногда же Бѣлгородскій воевода въ своей отпискѣ сообщаетъ о томъ, про что увѣдомляетъ его чугуевскій воевода.

Можетъ быть частые походы, вслѣдствіе которыхъ воеводы на южной окраинѣ Московскаго государства принуждены были во второй половинѣ XVII в. постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто, вносили эту путаницу въ сношенія съ ними Разряда по поводу чугуевскаго хозяйства: когда главнаго воеводы не было ни въ Курскѣ, ни въ Бѣлгородѣ, грамоты изъ Разряда направлялись или въ Бѣлгородъ, къ его товарищу, или, въ случаѣ отсутствія этого послѣдняго, непосредственно къ чугуевскому воеводѣ, который въ свою очередь адресовалъ свои отписки прямо въ Разрядъ.

Говоря о сношеніяхъ Разряда съ чугуевскимъ воеводой черезъ посредство главнаго воеводы Бѣлгородскаго полка, надо имѣть въ виду, что этотъ послѣдній былъ не только передаточной инстанціей для распоряженій центральнаго правительства: въ противоположность мѣстному, чугуевскому воеводѣ, онъ пользуется извѣстной долей самостоятельности; это видно изъ царскихъ грамотъ, которыя представляютъ главному воеводѣ рѣшать по его собственному усмотрѣнію нѣкоторые вопросы (напр. объ отводѣ земли подъ огороды, выдачѣ желѣза на хозяйственныя орудія, дачѣ жалованья садовникамъ «смотря по ихъ работѣ» и т. д.)

Требуя постояннаго надзора за садовниками, Разрядъ предписываетъ воеводамъ увѣдомлять его о положеніи дѣла; почти каждая грамота содержитъ распоряженіе о томъ, чтобы воевода подробно писалъ обо всемъ, что онъ предприметъ. Уже въ первой грамотѣ объ устройствѣ арбузныхъ огородовъ говорится: «А изъ какихъ людей и кого имяны къ тому дѣлу выберешь и въ которыхъ мѣстахъ и какого дня на арбузное строенье огороды учинишь и ты бы писалъ о томъ къ намъ, великому государю». «А котораго числа, читаемъ въ другой грамотѣ, и съ кѣмъ имяны, съ огородники и съ провожатыми, и на сколькихъ подводахъ и сколько

арбузовъ будетъ послано и каковы прежніе и новые огороды мѣрою и всякимъ огороднымъ строеньемъ и ты бъ о всемъ о томъ писалъ къ намъ великому государю».

Требованіе отчетности предъявляется не только къ мѣстному воеводѣ, но и къ главному, который также былъ обязанъ увѣдомлять Разрядъ о томъ, что имъ сдѣлано для чугуевскаго хозяйства.

Помимо донесеній воеводъ о предпринятыхъ ими дѣйствіяхъ и объ исполненіи полученныхъ предписаній, Разрядъ требуетъ отъ нихъ иногда присылки подробнаго отчета обо всемъ хозяйствѣ, какъ это мы видѣли въ 1678 г., когда полный отчетъ былъ присланъ чугуевскимъ воеводой Ив. Рыхторовымъ.

Кромѣ донесеній и отчетовъ, разрядъ для освѣдомленія о положеніи хозяйства пользуется сказками садовниковъ и досмотромъ дворянъ, посылавшихся для того въ Чугуевъ изъ Бѣлгорода.

Какъ мы уже знаемъ, садовники ежегодно пріѣзжали въ Москву съ арбузами и виноградомъ и при этомъ каждый разъ подавали въ Разрядъ челобитныя о выдачѣ имъ жалованья и о различныхъ своихъ нуждахъ. По ихъ челобитьямъ въ Разрядѣ составлялись докладныя выписи, при чемъ садовниковъ нерѣдко допрашивали «у выписки» о положеніи дѣла и эти сказки служили для Разряда, какъ бы повѣркой воеводскихъ донесеній.

Въ документахъ не разъ приходится встрѣчать нѣкоторое противорѣчіе въ обрисовкѣ казеннаго хозяйства по сказкамъ садовниковъ и по отпискамъ воеводъ и это противорѣчіе постоянно вызываетъ посылку къ воеводамъ запросовъ, иногда довольно строгихъ.

Другимъ способомъ контроля былъ досмотръ дворянъ; такъ въ 1666 г. предписывается главному воеводѣ кн. Б. А. Репнину послать въ Чугуевъ дворянина «для строенья арбузныхъ огородовъ и для надсматриванья надъ арбузники».

Въ томъ же году посланъ былъ въ Чугуевъ бѣлгородецъ Арт. Пищулинъ «арбузного виноградного заводу огороды со всемъ строеньемъ досмотрѣть и написать на роспись именно и тому всему учинить чертежъ».

Въ исключительныхъ случаяхъ производился сыскъ мѣстными жителями; такой сыскъ, какъ мы уже видѣли, произведенъ былъ напр., бѣлгородцемъ Сид. Толмачевымъ въ 1666 г. по поводу павшаго на садовниковъ подозрѣнія въ продажѣ ими тайкомъ арбузовъ.

Вотъ тѣ средства, которыми пользовался Разрядъ—главнымъ образомъ военное учрежденіе—для развитія и руководства такимъ мирнымъ дѣломъ, какъ устройство государевыхъ садовъ и огородовъ на далекой окраинѣ Московскаго государства.

Н. Бѣлявскій.

IV

Землевладѣніе и торговые промыслы духовенства бѣлогородской епархіи въ XVIII вѣкѣ.

(По архивнымъ документамъ Харьковской Духовной Консисторіи).

Въ древней Руси духовенство имѣло право землевладѣнія, неся въ тоже время на ряду со всѣми земскими людьми и разныя повинности, связанныя съ такимъ правомъ. Въ новой Руси отъ повиностей тяглыхъ людей духовенство освобождается (хотя не вдругъ), но за то и землевладѣльческія права его урѣзываются.—Относительно Малороссіи запрещеніе духовенству пріобрѣтать землю прямо высказано при Петрѣ II въ наказныхъ пунктахъ тогдашнему гетману Апостолу: «Въ Малой Россіи, читаемъ въ 12 пунктѣ, попамъ и всякаго духовнаго чина людямъ казачьихъ земель, грунтовъ и никакихъ угодій не покупать, и казакамъ и всякаго мірскаго чина людямъ имъ не продавать и не закладывать, и въ поминовеніе вкладами и никакими сдѣлками не давать; въ противномъ случаѣ земли эти отбирать безденежно казакамъ, наслѣдникамъ тѣхъ мѣстъ, или кому подлежитъ, а кто изъ малороссіянъ похощетъ въ монастыри и церкви вкладъ давать, тѣ бы давали деньгами, а не землями». При Аннѣ Ивановнѣ въ 1734 г., на основаніи этого пункта, узаконено было, въ случаѣ посвященія въ священно-служители казака, владѣвшаго грунтомъ, грунтъ этотъ немедленно отъ него отбирать и отдавать его родственникамъ. Но кромѣ казачьихъ грунтовъ, владѣніе которыхъ соединено было съ казацкой службой и которые уже поэтому не могли переходить поступившему въ поповство, правительство подтверждало запрещеніе духовенству покупать и всякія вообще земли. Въ 1735 г. Малороссійское духовенство подало было Государынѣ просьбу объ отмѣнѣ этого запрещенія и о дозволеніи какъ покупать у мірскихъ людей земли, такъ и брать ихъ на поминъ души. Въ прошеніи писалось, что хотя это и запрещено, но такое запрещеніе незаконно, нарушаетъ древнія постановленія и правила. Императрица разгнѣвалась и

послала тогдашнему управителю Малороссіи князю Шаховскому указъ, чтобы онъ призвалъ къ себѣ архіереевъ, и сдѣлалъ имъ выговоръ, чтобы впредь въ прошеніяхъ своихъ такихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ отнюдь не включали [1]). Въ 1764 г. Бѣлогородскій архіепископъ Порфирій Крайскій въ докладныхъ пунктахъ, представленныхъ въ Синодъ для внесенія въ наказъ депутату отъ Синода, какой будетъ назначенъ участвовать въ коммиссіи о составленіи Уложенія, заявлялъ, какъ pium desiderium, чтобы священникамъ, находящимся въ городахъ, наипаче потрудившимся въ проповѣди, кромѣ того, что они имѣютъ отъ вотчинъ господскихъ и изъ подружной земли, дозволено было покупать землю по крайней мѣрѣ за 100 рублей—для обученія въ школѣ дѣтей въ пользу отечества (въ 4-мъ пунктѣ); но въ комиссіи объ этомъ не было даже и разсужденій. Покупка земель для духовенства въ первый разъ разрѣшена лишь въ 1804 г. именнымъ указомъ Императора Александра I-го.

Но жизнь не всегда идетъ по указанію закона. Духовенство бѣлогородской епархіи входитъ въ 18-е столѣтіе съ значительными земельными владѣніями (конечно, это говорится не о всемъ духовенствѣ) и пользуется таковыми, не смотря на запрещеніе закона, какъ видно изъ документовъ, въ теченіе всего этого столѣтія. Такъ, въ «Описи документовъ на владѣнія Харьковскаго Коллегіума, учиненной 1787 года», имѣющейся въ архивѣ Харьковской духовной консисторіи, между прочимъ, значится множество купчихъ и поступныхъ отъ разныхъ духовныхъ лицъ, продававшихъ или жертвовавшихъ Коллегіуму, при самомъ основаніи его, поля, лѣса, луга, мельницы, хутора.

Въ документахъ на владѣнія Сумского Успенскаго монастыря [2]) также встрѣчаются купчія, поминовенныя и закладныя отъ духовенства: такъ, города Краснополья Архангельской церкви попъ Павелъ Абрамовъ продаетъ въ 1725 году Игумену Ефрему съ братіею мельницу и землю,

---

[1]) *Знаменскій*, Приходское духовенство въ Россіи, стр. 409 и слѣд.

[2]) Владѣльческіе документы Сумского Успенскаго монастыря заключаются въ книгѣ, находящейся въ архивѣ Харьковской Духовной Консисторіи,—оглавляемой: «1762 года, мѣсяца іюля 30 дня Сумскаго Успенскаго монастыря, которыя имѣются на грунта подлинныя грамоты—крѣпости и закладныя, съ тѣхъ грамотъ, крѣпостей и закладныхъ вѣрно переписаны копіи, которыя ниже сего слѣдуютъ».—Всѣхъ документовъ 56: 3—царскихъ грамоты, 27—купчихъ, 12—поминовенныхъ, 8—мѣновыхъ или замѣнныхъ, 6—заемно-закладныхъ. Часть этихъ документовъ, именно: Царскія грамоты, 1 купчая и 6 поминовенныхъ (послѣднія—не въ полномъ впрочемъ видѣ, а въ краткомъ изложеніи) изданы преосвященнымъ Филаретомъ въ его «Историко-Стат. Опис. Харьк. еп.» Отдѣл. I, стр. 230—250. Изъ остальныхъ часть напечатана мною въ «Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.», 1884 г. кн. 2.

которую покойный отецъ его купилъ у полковника Герасима Кондратьева за 210 рублей; другой, Краснопольской же Николаевской церкви священникъ Иванъ Боровикевичъ закладываетъ въ 1760 году монастырю значительное недвижимое имѣніе, (лѣсъ, сѣнокосное и пахатное поля, хуторъ съ шестью избами) за 800 рублей; священникъ Успенской церкви—въ Краснополѣ же Карпъ Мартиновъ по доброй своей волѣ отдалъ въ 1730 г., въ Сумской Успенскій монастырь свое отчинное пахатное поле, и другой—воскресенской церкви священникъ Іоаннъ Семеновичъ Треповскій отдалъ въ тотъ же монастырь (въ томъ же 1730 г.) свое властное пахатное поле—за поминовеніе своихъ родителей.

Такія же указанія на недвижимыя имущества духовенства встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ сохранившихся поповскихъ завѣщаніяхъ. Такъ, «въ духовной» (1728 г. дек. 9 дня) города Ольшанаго протопопа Стефана Зашаловскаго завѣщаются одному изъ его сыновей «недвижимаго имѣнія при городѣ Ольшаномъ имѣющіяся двѣ мельницы, первая на рѣкѣ Ольшаной, другая на колодези Песочнемъ, со всею мельничною снастью, и при тѣхъ мельницахъ мирочницкихъ два двора, да при ономъ же городѣ Ольшаномъ по рѣчкѣ Ольшаной распашная и нераспашная земля и сѣнные покосы со всякими угодьями, и на оной землѣ поселенный хуторъ четырьмя дворами со всякимъ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ, въ которомъ имѣется всякій скотъ да винница—въ ней винокурня на три казана, пчельныхъ заводовъ—50 ульевъ со пчелами». О другомъ своемъ сынѣ завѣщатель говоритъ: «въ городѣ Золочевѣ исканіемъ и ходатайствомъ моимъ дана ему *парафія* (приходъ) и устроилъ его особымъ дворомъ, а хоромное строеніе—свѣтлицы и прочее перевезены на моихъ подводахъ изъ Ольшанаго, куплена распашная и нераспашная земля и сѣнные покосы и всякія угодья изъ моего кошта». Въ завѣщаніи (1738 г. окт. 1 дня) священника мѣстечка Тарановки, Зміевского уѣзда, объ остающемся послѣ него имуществѣ также значатся: надворное строеніе, мельницы, хутора, сады, пасики, винницы, земля пахатная и сѣнокосная [1]).

Духовное начальство, повидимому, было очень озабочено, чтобы недвижимыя имущества, которыми уже владѣло духовенство, не переходили въ чужія руки.—Въ 1759 г. Преосвященный Іоасафъ Миткевичъ объявляя, что «изъ консисторскихъ дѣлъ вѣдомо Его Преосвященству учинилось, что многіе священно- и церковно-служители сами собою продаютъ разнаго чина людямъ не токмо свои купленныя, но и отъ церковь на пропитаніе попа и причта жалованныя и писцовыя земли, въ

[1]) Завѣщанія эти напечатаны мною *тамъ-же* (Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.).

противность церковнымъ правиламъ и указамъ, отчего опредѣляемые къ тѣмъ церквамъ вновь священники и церковники за продажею церковныхъ земель претерпѣваютъ немалую нужду, а вновь покупать духовнымъ лицамъ таковыхъ земель указами запрещено»—предписывалъ: «священникамъ и церковникамъ впредь безъ вѣдома Его Преосвященства никому, а паче свѣтскимъ лицамъ, не только церковныхъ, но и своихъ собственныхъ земель и грунтовъ не продавать и не закладывать; а если будетъ кому въ томъ надобность, доложить Его Преосвященству, въ чемъ и обязать всѣхъ подпискою».

Недвижимыя имущества, въ связи съ торговыми промыслами духовенства, возбуждали даже въ иныхъ мѣстахъ зависть и вызывали жалобы со стороны приходскихъ людей.

1763 г. ноября 20 дня Валковской сотни атаманъ Федоръ Золотовъ при рапортѣ сообщилъ въ Полковую Канцелярію жалобу Валковскихъ казаковъ, что «священники мѣстечка Валокъ, имѣя винокуренные заводы, въ торговые дни у пріѣзжающихъ торговцевъ, а также и у Валковскихъ обывателей, покупаютъ весьма дорогою цѣною для куренія вина ржаное борошно и дрова, набивая цѣну; а они вслѣдствіе этого часто и одного мѣшка борошна и одного воза дровъ купить не могутъ и чрезъ то въ винокуренномъ дѣлѣ предъ священниками терпятъ немалую обиду; кромѣ того священники за вѣнчаніе берутъ по три и четыре рубля, также и за прочія требы сверхъ узаконеннаго, къ томуже имѣютъ грунта, съ которыхъ и безъ винокуренныхъ заводовъ и взятокъ могли бы прожить безбѣдно,—и если имъ небудетъ учинено запрещенія вино курить, то казачью службу продолжать будетъ крайне не изъ чего, и они казаки могутъ придти въ крайнее изнеможеніе».

Полковая Канцелярія, сославшись на указъ Анны Іоанновны отъ 29 мая, 1734 г.: «въ слободскихъ полкахъ, кто, не желая быть въ службѣ, въ священническій и монашенскій чинъ пойдетъ, у таковыхъ отобравъ грунта, отдавать служащимъ»,—и жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ отъ предковъ Ея И. В., въ томъ числѣ и Елизаветы Петровны, по которымъ полковой старшинѣ и казакамъ за ихъ службы, вмѣсто годоваго денежнаго жалованья, всякимъ промысломъ дозволяется промышлять и всякимъ товаромъ торговать безпошлинно, и мельницами, рыбными ловлями и всякими угодьями владѣть и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ и вино курить безоброчно, а чтобы духовнымъ чинамъ вмѣстѣ съ ними тѣми привилегіями пользоваться, того въ тѣхъ жалованныхъ грамотахъ не показано,—требовала отъ консисторіи, «дабы благоволено было всѣмъ духовнымъ чинамъ, какъ живущимъ въ Валкахъ такъ и во

всемъ полку Харьковскомъ, въ силѣ предъявленныхъ жалованныхъ грамотъ, ни подъ какимъ претекстомъ вино курить и шинковать и всякими промыслы промышлять и всякимъ товаромъ торговать, мельницами, рыбными ловлями и угодьями владѣть, дабы казаки обиды не потерпѣли и служба умаляться не могла,—на крѣпко запретить».

Невидно, какое послѣдовало по сему предмету распоряженіе со стороны Консисторіи.—Видно только, что казаки и жители слободскихъ полковъ обратились вслѣдъ за тѣмъ съ подобными же жалобами на священнослужителей уже въ Комиссію о составленіи уложенія, изъясняя обиды себѣ отъ нихъ—въ томъ, что много берутъ за требы (протопопы, напримѣръ, за вѣнечныя памяти отъ 1 р. до 10 и выше), курятъ вино, обзаводятся недвижимымъ имуществомъ—мельницами, хуторами, въ ущербъ казацкимъ привилегіямъ.

Пріобрѣтеніе духовенствомъ недвижимыхъ имуществъ или пользованіе ими на правахъ личной собственности мы видимъ и послѣ—до самаго конца 18 столѣтія.

1787 года августа 20 дня Водолажская жительница Носкова промѣняла свой участокъ опустошеннаго лѣса съ кисличнымъ садомъ и небольшею частію пахатнаго поля на поповскій, доставшійся священнику покупкою отъ Водолажскаго поселянина Якова Радченко, съ тѣмъ, чтобы ему, священнику, владѣть вымѣненнымъ участкомъ земли на вѣки вѣчные, какъ отъ нея Носковой, такъ и дѣтей ея безпрепятственно, въ удостовѣреніе чего дала она Носкова и свидѣтельство при Водолажскихъ жителяхъ, между прочимъ— при сотеномъ и старшинѣ, явленное въ Правленіи Водолажской сельской полиціи.

Въ 1790 году священникъ Маркъ Антоновичъ изъ села Писаревки, по прошенію его, переведенъ отъ притѣсненія помѣщика въ слободу Стецковку, гдѣ также не хотѣлъ оставаться, не поладивъ съ священникомъ. Положено перевести его на открывшееся въ селѣ Рагозномъ священническое мѣсто потому, что онъ близь этого села имѣетъ собственный хуторъ, гдѣ и можетъ быть безъ нужднаго пропитанія.

Владѣя недвижимыми имуществами, не смотря на запрещенія закона,—духовенство не стѣснялось, когда могло, заниматься и торговыми промыслами, какъ это видно, изъ приведенной уже жалобы Валковскихъ казаковъ, а также и изъ другихъ документовъ. Въ 1767 году, напримѣръ, вѣдомства дворцовой конюшенной канцеляріи, Валуйскаго уѣзда, слободъ Бѣловодной, Евсюга и Марковки приходскіе люди жаловались духовному начальству, что «по немалому въ оной слободѣ Марковкѣ Николаевской церкви приходу и за состояніемъ при той церкви только

двухъ поповъ—Константина Грекова и Стефана Переѣзжаго, когда ихъ зовутъ для исповѣди больныхъ и похороненія умершихъ, то они къ тому весьма неподвижны и отговариваются всякими недосугами, а особливо попъ Константинъ часто по мѣсяцу и болѣе въ домѣ не бываетъ и отлучается для торговаго своего промысла въ разныя отдаленныя мѣста на ярморки, и за таковымъ оныхъ поповъ по должности своей нерадѣніемъ у нихъ черкасъ по хуторамъ уже въ привычку вошло—ежели кто умретъ, то сами они похоронятъ, а надгробное пѣніе оные попы отправляютъ послѣ того въ два или три мѣсяца для одной своей корысти». Въ поясненіе, какъ широко ведетъ торговое дѣло попъ Константинъ, доносили, что онъ подрядился поставить воронежскимъ купцамъ ржаной муки—Ивану Попову 1200 четвертей, Михаилу Титову—500 четвертей, и въ той слободѣ Марковкѣ онъ попъ Константинъ не только для перепродажи, но и на пищу, кому изъ обывателей надобность требуетъ, ни единаго мѣшка купить недопускаетъ и тѣмъ имъ обывателямъ чинить немалый подрывъ».

Амфіанъ Лебедевъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

V.

СПРАВКА,

извлеченная изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива

ПО ИСТОРІИ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

I.

1731 годъ.

№ 21558. Командиръ двадцати-тысячной команды малороссійскихъ казаковъ, находившихся на линейной работѣ, кіевскій полковникъ Танскій, въ августѣ 1731 года доносилъ по начальству, что команда эта была выслана на работы только на три мѣсяца, съ продовольственными запасами, а какъ срокъ уже прошелъ, а смѣны не было, то за недостаткомъ провіанта и денегъ люди терпятъ во всемъ нужду и голодъ, и многіе казаки начали уже самовольно уходить изъ той команды.

Въ виду чего Алексѣй Тараканов (генералъ-маіоръ сенаторъ) письмомъ 14 августа того года, писаннымъ изъ крѣпости у рѣки Береки, просилъ гетмана о присылкѣ для означенной команды провіанта и перемѣны казаковъ другими, что-бы въ работѣ не было отъ бѣгства нуждающихся остановки.

По этому письму гетманъ Малороссіи 28 того-же августа извѣщалъ Танскаго, что помимо 20000 казаковъ послано для работъ на линію еще 10000 посполитыхъ, для перемѣны казаковъ; но какъ на прибытіе посполитыхъ въ скоромъ времени Танскій не могъ надѣяться, то гетманъ предлагалъ ему потребовать нужное продольствіе для казаковъ изъ ближайшихъ полковъ, до прибытія къ той линіи посполитыхъ, дабы не было недостатка въ пропитаніи людей «и затѣмъ бы въ людяхъ не учи-

нилось траты и въ работѣ остановки»; о немедленной же высылкѣ на линію посполитыхъ подтверждено полковникамъ надлежащихъ полковъ. О чемъ бы Танскій донесъ отъ себя Тараканову. Независимо этого гетманъ сообщалъ, что онъ уже послалъ предписанія въ полки о нарядѣ и высылкѣ на линію 8000 казаковъ съ инструментами и харчевымъ довольствіемъ; а также, чтобы на довольствіе находящихся у линіи казаковъ ихъ же домашніе заготовили харчевые припасы и выслали къ нимъ на линію. Высылка же на линію для работъ посполитыхъ, какъ имѣлось свѣдѣніе, замедлилась потому, что по случаю неурожая прошлаго года у нихъ не было хлѣбныхъ запасовъ; новыхъ же приготовить еще не успѣли.

Начальствующимъ надъ устройствомъ Укранской линіи генераломъ Таракановымъ былъ полученъ Сенатскій указъ 10 августа 1731 года, для строенія линіи брать на работы людей изъ Малороссіи, — кромѣ мѣстностей гетманскихъ, генеральной и полковой старшины, архіерейскихъ и казачьихъ семей, члены которыхъ находились уже на линіи, — со всѣхъ остальныхъ владѣльческихъ, помѣщичьихъ селеній, великороссійскихъ иноземцевъ и казачьихъ семействъ, такъ какъ та линія и крѣпости строились для общей всѣхъ пользы.

II.

1836 годъ.

№ 24783. Выслушавъ предложеніе графа фонъ-Миниха, сенаторъ Московской губерніи генералъ губернаторъ князь Барятинскій, съ присутствующими генеральной войсковой канцеляріи, 24 августа 1736 года опредѣлили: послать въ малороссійскіе полки приказы, чтобы въ разсужденіи сохраненія границъ отъ непріятельскихъ нападеній и осторожности за учрежденные форпосты никого не пропускать: и ежели за форпостами, или за линіею окажутся малороссійскихъ людей хутора и прочее какое поселеніе, то какъ людей, такъ лошадей и прочій скотъ оттуда удалить и перевесть на свою сторону, чтобы въ руки непріятеля попасть не могли, для чего при тѣхъ границахъ, — особенно со стороны Полтавскаго полка, учредить посты. Исполненіе этого возложить на полковыхъ старшинъ подъ строгой ихъ отвѣтственностью.

III.

1738 годъ.

№ 66. «Экстрактъ изъ письма Калмыцкаго хана Дондукъ Омбо, писаннаго войска Донского къ Войсковому атаману Данилу Ефремому.

Что онъ ханъ Дондукъ Омбо апрѣля 20, съ Калмыцкимъ войскомъ перешелъ Кубань рѣку, на вершинѣ рѣки Орпе, близь осады каракипчаковъ, Науврусъ улу два аула тамъ разорилъ, потому и бывшаго на Кубани Багатырея султана саатъ аулы разорилъ же, 1500 кибитокъ, да каракипчаковъ 500 кибитокъ, въ полонъ взято мужеска и женска пола болѣе 7000, а кои оставшіе въ крѣпкихъ мѣстахъ засѣли оныхъ намѣренъ искоренить, да скота отогнано 10 т. и еще къ себѣ ожидаетъ кабардинскихъ войскъ.

Что же касается до находящихся въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества султановъ Ульскихъ татаръ и изъ оныхъ Муса мурза бековъ Саатъ, съ двумя тысячами кибитокъ, въ вершинахъ Кубани, въ тѣсной осадѣ себя расположивъ, при учиненіи ими присяги обѣщался съ прочими Солтанъ Ульскими татаръ кочева также и съ той осады не выводить, того ради онъ Дондукъ Омбо принялъ намѣреніе совокупясь съ кабардинскими войсками для искорененія онаго мурзы пристойнымъ способомъ употребля, ежели за помощью божескою и высокимъ счастьемъ Ея Императорскаго Величества подъ Высочайшею Ея Величества державою находящихся въ противности Малаго Нагая Кубанскихъ татаръ подклонитъ, то имѣетъ намѣреніе внизъ въ Кубани слѣдовать и по возможности Ея Императорскаго Величества непріятелей, остальныхъ Кубанскихъ татаръ, искореня и даже до осенняго времени походъ свой продолжать».

Сообщеніе это было прислано Донскимъ войсковымъ атаманомъ Ефремовымъ графу Румянцеву, отъ котораго по командѣ дошло до Генеральной Войсковой Канцеляріи, а изъ оной 29 мая 1738 года распубликовано по малороссійскимъ полкамъ.

IV.

№ 30494. Въ началѣ октября 1738 года было получено донесеніе отъ находившагося въ польскомъ мѣстечкѣ Уманина поручика Ивана Левицкаго, что непріятель въ великихъ силахъ переправился чрезъ Бугъ, въ урочищѣ Казацкомъ бродѣ, да по извѣстію полковника Астафьева 16 августа Кубанскіе татары всѣми силами переправились чрезъ Донъ, между Золотольской и Бабицкой станицами для разореній. Донской же атаманъ Ефремовъ доносилъ, что въ томъ же августѣ сильное Крымское войско отъ Крымской стороны подъ Черкаскимъ сдѣлало нападеніе.

Въ виду чего Войсковая Генеральная Канцелярія оповѣстила всѣхъ командировъ полковъ малороссійскаго войска быть въ готовности къ от-

раженію непріятелей, если они придутъ разорять украинскіе земли русскаго государства.

V.

1741 годъ.

№ 2935. Преморія.

«Изъ государственной военной коллегіи въ войсковую генеральную канцелярію. Сего августа 11 дня по Ея Императорскаго Величества указу, въ государственной Военной Коллегіи по преморіи оной канцеляріи и по доношенію Военнаго Походнаго Коммисаріата опредѣлено: 1) для препровожденія и отводу около Днѣпровскихъ пороговъ, за мелкостію воды отправленнаго изъ стоящихъ по Днѣпру магазиновъ на довольство будущей при разграниченіи земель коммиссіи провіанта и прочего по силѣ даннаго отъ кабинета Ея Императорскаго Величества генералъ-маіору и лейбъ гвардіи маіору Шипову апрѣля отъ 30 дня указу нарядить Генеральной Войсковой Канцеляріи малороссійскихъ обывательскихъ до 200 подводъ, въ немедленномъ времени, чтобы въ перевозкѣ той не упустить удобнаго времени, и на тѣ подводы, такожъ и на дачу лоцманамъ за переправленіе чрезъ пороги достальнаго провіанта деньги, сколько по необходимости надобно, дать походному коммиссаріату не отложно. 2) Оставшіе за отправленіемъ показаннаго провіанта имѣющіеся по р.р. Днѣпру и Деснѣ въ вѣдѣніи походнаго Коммисаріата байдаки и другія суда по силѣ онаго жъ Ея Императорскаго Величества указу для надзору по учрежденіи и разграниченіи съ турками земель коммисіи провіанта и припасовъ наряженными отъ малороссійскихъ полковъ работниками, а кои при Кіевѣ то гарнизонными солдаты починить и содержать во всякой готовности, дабы когда оные потребуются тотчасъ и безъ всякія остановки употреблены быть могли, и на починку тѣхъ судовъ и на дачу работнымъ людямъ по требованію войсковой канцеляріи потребное число денежной казны отправить въ тѣ мѣста гдѣ оныхъ судовъ починка быть имѣетъ съ нарочными. 3) Сверхъ того о всемъ, что до отправленія помянутой коммисіи принадлежитъ неотмѣнное исполненіе чинить походному Коммисаріату, по сношенію съ тамошними командами, какъ прежде посланныя изъ военной коллегіи указы повелѣваютъ и что когда учинено будетъ въ коллегію рапортовать, и войсковая генеральная канцелярія да благоволитъ учинить о томъ по Ея Императорскаго Величества указу, а въ походный Коммисаріатъ и въ губернскую канцелярію указы посланы. Августа 12 дня 1740 года».

Получивъ такое повелѣніе, генеральная войсковая канцелярія командировала Бунчуковаго товарища Ивана Іомельяновича для закупки въ Нѣженскомъ полку разныхъ живностей: скота—воловъ, яловецъ, овецъ, птицъ и проч., снабдивъ его для этого деньгами 267 р. 79 коп., каковые запасы велѣно сдать въ Глуховъ, тамошнего гарнизона капитану Пасынкову. Іомельяновичъ, искупивъ все нужное съ 8 по 21 августа, сколько было можно на 227 р. 17 коп., сдалъ 1 сентября при нарочныхъ изъ полковой канцеляріи двухъ приставахъ по назначенію и представилъ о тѣхъ припасахъ вѣдомость, изъ которой видно, что искуплено было:

Муки пшеничной несѣянной четвертей 10, на	19 р. 60 к.
(изъ нея отправлено чистой муки 7 четв., и 3 четв. осталось отрубей).	
Яловецъ и воловъ 45 шт.	167 » 25 »
Барановъ 59 шт.	31 » 18 »
Гусей 89 шт.	6 » 70 »
Утокъ 60 шт.	2 » 17 »
Для покрышки куплено рогожъ 9	— » 27 »
Итого	227 р. 17 к.

Припасы эти отправлены начальнику означенной выше коммиссіи Кіевскому генералъ-губернатору тайному совѣтнику Неплюеву.

Продовольственные припасы для названной коммисіи заготовлялись еще и другими старшинами, такъ напримѣръ: Значковому товарищу Каранде было отпущено изъ войсковой канцеляріи 500 руб., на каковыя деньги велѣно покупать припасы въ Полтавскомъ, Миргородскомъ и Гадячскомъ полкахъ. Каранда, исполнивъ порученіе, доносилъ, что имъ искуплено:

Рогатаго скота	72 штуки
«между этимъ скотомъ одна была яловица рябая, на одно око хромая, только жъ здоровая».	
Барановъ	270 »
Куръ индѣйскихъ	34 »
Гусей	100 »
Курей русскихъ	140 »
Масла коровьяго	34 пуда
Масла конопляпаго	7 ведеръ
Уксусу	62 ведра
Чесноку	1 пудъ

Припасы эти были сданы тому же капитану Пасынкову, который рябую яловицу забраковалъ и не принялъ.

Изъ донесеній и представленныхъ вѣдомостей видно, что въ августѣ отправлено Неплюеву въ два раза 19 и 21 числа.

Рогатаго скота	105	шт.
Овецъ	945	»
Гусей	349	»
Утокъ	304	»
Курей индійскихъ	101	»
Курей русскихъ	442	»
Уксусу	184	ведра
Масла коровьяго	110	пуд.
Масла конопляного	21	ведро
Чесноку	3	пуда

По другой вѣдомости, присланной въ войсковую канцелярію капитаномъ Пистуновымъ видно, что имъ и другими принято отъ закупщиковъ для отправленія тому же Неплюеву въ сентябрѣ

Воловъ и яловецъ	418	шт.
Барановъ	2644	»
Гусей	1146	»
Утокъ	946	»
Куръ индійскихъ	266	»
Курей русскихъ	1148	»
Уксусу	490	ведеръ
Масла коровьяго	288	пудовъ
Масла коноплянаго	56	ведеръ
Чесноку	8	пуд.
Муки	26	четвертей

Тайному совѣтнику Неплюеву по объясненному выше распоряженію выслано подводъ съ подводчиками изъ малороссійскихъ полковъ:

Полтавскаго	396
Лубенскаго	363
Миргородскаго	272
Прилуцкаго	210
Итого	1403 подв.

Для проведенія коммисіей границъ между Россіей и Турціей было выслано пять малороссійскихъ полковъ: Кіевскій, Лубенскій, Прилуцкій, Черниговскій и Переяславскій. Всѣ они находились подъ начальствомъ

генеральнаго обознаго Лизогуба, до прибытія котораго полки эти находились подъ командой полковника Галагана. Лизогубъ, прибывъ на мѣсто въ коммисію, вытребовалъ себѣ чрезъ генералъ-аншефа Кейта походную церковь съ капеланомъ и церковными принадлежностями. Все это выслано ему изъ Миргородскаго полка, на подводахъ Лубенскаго полка.

Кромѣ этихъ полковъ, для той же надобности были высланы два компанейскихъ полка, подъ командой Павлова и Часникова.

По мимо означенныхъ полковъ было отправлено съ Полтавскаго полка къ Переволочнѣ еще 100 человѣкъ, въ Сентябрѣ 1740 года, съ Значковымъ Товарищемъ Буцкимъ. (Нужно полагать для починки судовъ).

VI.

1741 годъ.

№ 28301. Указами Верховнаго Совѣта 22 Августа 1728 г. Гетману Апостолу и именнымъ Императрицы Анны Іоановны, въ 1734 году, запрещалась свободная продажа въ Малой Россіи казачьихъ грунтовъ и всякихъ угодій, въ отвращеніе пріобрѣтенія вмѣстѣ съ покупными землями подданныхъ. Затѣмъ послѣдовалъ Высочайшій указъ 24 Марта 1741 года, чтобы Старшины въ малороссіи не покупали у посполитыхъ ихъ грунтовъ, а о пріобрѣтенныхъ прежде требовалось свѣдѣніе, какими путями той старшиной пріобрѣтены владѣемыя ими имѣнія и о законности такого пріобрѣтенія требовались документы.

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этого указа и доставленіе требуемыхъ свѣдѣній и документовъ Генеральная Войсковая канцелярія возложила на Полковыя Правленія.

VII.

1743 годъ.

№ 28348. Въ Малороссіи существовалъ порядокъ, что правительство, жалуя кому нибудь земли, давало тому лицу въ подданые и людей на той землѣ жившихъ, но только однихъ посполитыхъ.

Малороссійская старшина, желая пріобрѣсти себѣ подданныхъ, записывала въ казаки помѣщичьихъ посполитыхъ и потомъ, покупая у этихъ казаковъ землю, обращала ихъ себѣ въ подданные.

На такое злоупотребленіе нѣкоторые знатные грузины, получившіе въ Малороссіи помѣстья, жаловались правительству и доносили, что послѣ записей старшинами лучшихъ и состоятельныхъ посполитыхъ въ казаки у нихъ остаются одни только бѣдняки.

Генеральная Войсковая Канцелярія предписала подвѣдомственнымъ мѣстамъ, чтобы безъ строгаго слѣдствія посполитыхъ и подданныхъ въ казаки не записывать, (исключая тѣхъ случаевъ, когда будетъ доказано прежнее ихъ казачье званіе).

VIII.

1746 годъ.

№ 21225. По указу изъ Государственной Военной Коллегіи отъ 17 Марта 1746 года Генеральная Войсковая Канцелярія наряжала по расписанію на Украинскую линію и на Днѣпровскіе посты къ содержанію карауловъ и разъѣздовъ, изъ разныхъ Малороссійскихъ полковъ 1500 казаковъ при старшинахъ.

IX.

1752 годъ.

№ 22927. «Переводъ списка Крымскаго Арсланъ-Гирей Хана, писаннаго къ генералу и Кіевской губерніи генералъ-губернатору Леонтьеву, полученнаго въ Кіевѣ Іюля 4 дня 1752 года.

Въ Мѣссійскомъ законѣ между министрами славный и въ Іисусѣ вѣрующемъ народѣ между знатными избранный нынѣ при Кіевѣ находящійся, высокопочтенный нашъ пріятель Михайло Ивановичъ Леонтьевъ. Жизнь вашу да окончаетъ Богъ благостію чрезъ сіе Вашему Превосхотельству дружески увѣдомляется нынѣ отправленное ваше писаніе съ запорожскимъ казакомъ получить имѣли, содержаніе котораго въ томъ состоитъ, что со стороны Вашего Превосходительства пріятеля нашего для слѣдствія отъ обоихъ сторонъ обидамъ и похищеннымъ вещамъ три человѣка искусные коммисары въ Запорожье отправлены и ради бъ лучшаго утвержденія и удостовѣренія прислать и отъ нашей стороны таковыхъ же коммисаровъ пріятельски Вы насъ увѣдомляли. А какъ на предъ сего въ отправленныхъ Вашему Превосходительству нашихъ реестрахъ въ прошедшихъ годѣхъ о похищенныхъ вещахъ разоренныхъ и о приключенныхъ обидахъ къ сторонѣ нашей Запорожскими казаками, съ показаніемъ мѣстъ и урочищъ изъяснено было будучи Ваше Превосходительство обо всемъ извѣстны, потому какъ къ Кошевому, такъ и ко всѣмъ войска Запорожскаго атаманомъ запретительные свои ордеры отправили и по онымъ, хотя требованіе наше было точію въ отвѣтъ не иное что сказано, какъ сіе: посмотримъ-де поглядимъ и слѣдствіе учинимъ, а въ самомъ дѣлѣ не малѣйшей вещи къ собранію прилежаніе не показали, и хотя

отъ нашей стороны коммисары обще съ хозяевами присланы къ нимъ были и нѣсколько дней тамъ промедлили, только кромѣ означеннаго отвѣта никакихъ вещей собрать не могли, какъ о томъ самымъ Вамъ извѣстно. О чемъ съ офицеромъ нашимъ Халилъ Булекъ Башіемъ писать до Васъ имѣли и обо всемъ знать стали; и въ то-же время хотя мы для отправленія коммисаровъ опредѣлили токмо вѣдая что какъ Кошевой атаманъ такъ и вся старшина войска Запорожскаго по прежнему отрицательные свои отвѣты представятъ и тѣми опредѣленныхъ отъ Вашей стороны коммисаровъ увѣрять не послали: и ежели у нихъ въ самомъ дѣлѣ по силѣ прежде отправленныхъ нашихъ реестрахъ какія нибудь вещи въ собраніи имѣются о томъ извольте насъ дружески увѣдомить, потому какъ о убіеніи до смерти людей реестры прислать и коммисаровъ какъ весьма нужно и потребно отправить не оставимъ и для увѣдомленія Вашего Превосходительства написавъ сіе дружеское письмо отправили, по полученіи котораго ежели по прежнимъ отправленнымъ нашимъ реестрамъ какъ выше изображено нынѣ въ Собраніи имѣется и о томъ знать намъ дадите, по вашему увѣдомленію вновь о приключенныхъ убыткахъ и о біеніи запорожскими казаками до смерти людей реестры со всякимъ обстоятельствомъ присланы и во исполненіи мирнаго трактата какъ весьма нужно коммисары отправлены быть имѣютъ, извольте быть извѣстны безъ всякаго сумпительства, уповаемъ какъ по силѣ отправленныхъ предъ симъ съ офицеромъ нашимъ писемъ такъ и по нынѣшнему благопріятно искреннему нашему письму къ возобновленію утвержденію и наблюденію блаженнаго мирнаго трактата кондицій попечительное и значительное свое стараніе приложить не оставите. Писано отъ Мухамеда 1165 г. мѣсяца Мухарена 22 дня».

X.

1756 годъ.

№ 21763. Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія послѣдовавшаго изъ Правительствующаго Сената Гетманъ Малороссіи, въ Декабрѣ 1756 года, предписалъ Генеральной Войсковой Канцеляріи о нарядѣ, по военному времени, на службу 8000 человѣкъ.

По пропорціи Прилуцкому полку слѣдовало выставить, по числу всѣхъ посполитыхъ, подданическихъ и мѣщанскихъ дворовъ и хатъ бездворныхъ и ихъ также казачьихъ и владѣльческихъ подсусѣдковъ, 665 человѣкъ.

Для исполненія этого Генеральная Войсковая Канцелярія предложила полковому командиру того полка «тотъ часъ собравъ у сотенныя канце-

ляріи жительствующихъ владѣльцевъ, или ихъ повѣренныхъ, а въ отсутствіе владѣльцевъ ихъ старостъ, войтовъ и прикащиковъ учинить въ присутствіе ихъ на всѣ мѣстечка, села, деревни и слободки расположеніе и по оному сколько отъ кого доведется въ сей нарядъ послать людей оныхъ немедленно въ сотенныя мѣстечки, собравъ содержать въ своемъ вѣдѣніи, снабдивъ ихъ мѣсячнымъ провіантомъ и довольствіемъ, и безнужнымъ одѣяніемъ и обувомъ и отъ тѣхъ же домовъ до отдачи присланнымъ изъ военной Коллегіи командирамъ» поступать по имѣющимся уже у нихъ распоряженіямъ. При этомъ предписывалось гдѣ Сотниковъ нѣтъ, то поручить управленіе сотенными дѣлами значковымъ товарищамъ, на коихъ и возложить содержаніе въ исправности наряженныхъ людей.

О распоряженіяхъ этихъ Генеральная Войсковая Канцелярія донесла Гетману 8 декабря того же 1756 года.

XI.

№ 25368. Мглинскій мѣщанскій магистратъ жаловался Генеральной Войсковой Канцеляріи, что Стародубовскаго полка Сотникъ Лисаневичъ принимаетъ подъ сотенную команду мѣщанъ, которые, записываясь въ казаки, неплатятъ опредѣленныхъ мѣщанскихъ сборовъ. Почему оная Канцелярія 21 января 1757 года предписала Стародубовской Полковой канцеляріи внушить названному Сотнику, что бы онъ Мглинскихъ мѣщанъ подъ свою команду не принималъ, а если кто изъ тѣхъ мѣщанъ «желаетъ быть казаками, то должны искать должнымъ порядкомъ». (Слѣдовало доказать казачье ихъ происхожденіе).

XII.

1759 годъ.

№ 21007. Лекарь кр. Св. Елисаветы Власовъ, ѣздившій по паспорту крѣпостной канцеляріи для свиданія съ родственниками, а болѣе для вызова великороссійскихъ людей для поселенія въ польскія мѣстечка, бывши въ Браиловѣ, слышалъ отъ прибывшаго туда изъ за-Дуная раскольничьяго чернца Германа, что, по словамъ тамошнихъ мурзъ, ханъ Крымскій и при немъ тысячъ десять татарскаго войска, — между которымъ много панцырниковъ и латниковъ, а также и черкесъ, имѣетъ состоять за Днѣстромъ въ мѣстечкѣ Каушанахъ и намѣреніе имѣетъ какъ на польскія къ татарской, волошской и россійской сторонѣ села, такъ и на крѣпость Св. Елисаветы и на новопоселенныя слободы нападеніе учинить.

Возвратившись на мѣсто службы, названный лекарь заявилъ обо всемъ слышанномъ имъ ханскомъ намѣреніи коменданту сей крѣпости, присовокупивъ, что въ Польшѣ приняты уже предосторожности противу вторженія татаръ въ польскіе предѣлы. Въ виду чего объ этомъ заявленіи доведено до свѣдѣнія и Генеральной Войсковой канцеляріи, для надлежащаго распоряженія.

XIII.

1760 годъ.

№ 18573. «Ясновельможному, высокоповелительному, Господину, Господину малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ Гетману, Ея Императорскаго Величества дѣйствительному камергеру, Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ Президенту Л. Гвардіи Измаиловскаго полку подполковнику и обоихъ россійскихъ Императорскихъ орденовъ Св. Апостола Андрея и Александра Невскаго, тако же польскаго Бѣлаго орла и Голстинскаго Св. Анны кавалеру, Россійской имперіи графу, Кирилу Григорьевичу, Его сіятельству Разумовскому.

ПОКОРНѢЙШІЙ РАПОРТЪ.

Сего теченія 14 числа получены въ Генеральной Войсковой Канцеляріи два письма отъ г. генералъ-маіора Кіевскаго оберъ коменданта Лопухина: 1. Обрѣтающійся де внизъ р. Днѣпра на Кременчуцкомъ форпостѣ Ямбургскаго Драгунскаго полку подполковникъ Мейеръ доношеніемъ въ Кіевскую Губернскую Канцелярію представлялъ: по преморіямъ де отъ вновь формированнаго Гусарскаго Македонскаго полку объявлено яко съ того Гусарскаго полку гусары бѣгутъ и требовано де что бы оныхъ бѣглецовъ на форпостахъ предостерегать и ловить и посланныхъ де къ сыску и поимкѣ чинить вспоможеніе, ибо де хотя нарочные для поимки и посланы и нагнавъ у р. Днѣпра отстрѣливаясь пулями въ польскую сторону перешли (?). А нынѣ де на форпостахъ и на редутахъ отъ означеннаго Ямбургскаго Драгунскаго полку за разными расходами состоитъ людей весьма умалительно, на каждомъ форпостѣ и редутѣ по четыре человѣка, а хотя де и резервныхъ на тѣ форпосты вывесть то болѣе де не будетъ какъ по пяти человѣкъ, а казаковъ де для разъѣздовъ на нѣкоторыхъ форпостахъ по четыре, а на другихъ по три человѣка поставлено и потому де малолюдству чрезъ частые разъѣзды и лошади въ изнуреніе прійдти могутъ и тѣмъ де доношеніемъ требовалъ онъ подполковникъ Мейеръ дабы для найлучшаго чрезъ Днѣпръ бѣглецовъ и тай-

но переходцовъ удержанія и проѣздовъ и чтобы въ случаѣ и отпоръ дать можно пріумножить на тѣ форпосты военно-служащихъ тамъ и казаковъ, и тому де доношенію въ Кіевской Губернской Канцеляріи опредѣлено: о пріумноженіи для показанныхъ резоновъ на означенные внизу р. Днѣпра форпосты и редуты военнослужащихъ людей требовать отъ военной походной господина генералъ-аншефа и кавалера Петра Ивановича Стрѣшнева Канцеляріи резолюціи. Очемъ де съ Кіевской Губернской Канцеляріи въ оную Походную Канцелярію преморія и послана. 2. Обрѣтающійся де вверху р. Днѣпра на Добрянскомъ форпостѣ Вятскаго Драгунскаго полку полковникъ Юнгеръ въ Кіевскую Губернскую Канцелярію рапортовалъ, что изшедшаго 759 году декабря 11, на самомъ разсвѣтѣ между Голишева и Марочкина форпостовъ незнаемо какіе люди взломавъ рогатины проѣхали на десяти возахъ, а съ тѣмъ и какіе люди неизвѣстно и хотя де стоящими при томъ Голишевскомъ форпостѣ гренадерами въ самыхъ рогаткахъ и догнаты но токмо де по многолюдству ихъ не взяты, и сверхъ де того отъ нихъ имъ гренадерамъ объявлено ежели де они гренадеры къ нимъ приступятъ то всѣхъ до смерти побьютъ, и хотя де на всѣ команды его полковника форпосты и съ офицеромъ, дабы таковыхъ тайно проѣздовъ употребъ всевозможные способы ловили ордерами отъ него полковника и подтверждено, но при полку де Вятскомъ нынѣ при командированіемъ людей состоитъ весьма малое число, которыми де и форпосты содержатся съ великою нуждою. А хотя де для разъѣздовъ и казаки отъ малороссійскихъ полковъ имѣются но только оные казаки присылаются нѣкоторые малолѣтніе, а другіе не исправные; а затѣмъ де ежели и когда по какому малолѣтству въ случаѣ таковыхъ тайныхъ проѣздовъ удержать будетъ невозможно то дабы де на немъ полковникѣ какого взысканія не послѣдовало, и потому де его полковника рапорту въ Кіевской Губернской Канцеляріи также опредѣлено: о пріумноженіи на означенные вверху р. Днѣпра форпосты военнослужащихъ людей требовать отъ Военной Походной Господина генералъ-Аншефа и кавалера Стрѣшнева Канцеляріи резолюціи и въ оную Походную Канцелярію преморія послана. А о козакахъ тѣми письмами онъ господинъ генералъ-маіоръ требовалъ резолюціи отъ Генеральной Войсковой Канцеляріи и потому въ Генеральной Войсковой Канцеляріи опредѣлено: 1. Для прописанныхъ въ оныхъ письмахъ резону и къ преумноженію состоящихъ на Днѣпровскихъ форпостахъ казаковъ учинить нарядъ (якій и учиненъ). А именно на форпосты, что внизъ Днѣпра изъ полковъ Лубенского, Миргородского и Полтавского по сту, итого триста человѣкъ казаковъ, а вверхъ рѣки Днѣпра изъ Стародубовскаго и Черниговскаго по сту жъ, итого двѣсти

человѣкъ и о присылкѣ тѣхъ казаковъ во всякой воинской исправности и съ провіантомъ при старшинахъ въ вѣдѣніе и команду тѣхъ же командировъ которые тамъ же на форпостахъ съ прежде опредѣленными казаками состоятъ послать ордера изъ Генеральной Войсковой Канцеляріи тѣхъ полковъ къ полковникамъ въ полковыя канцеляріи, почему таковы ордеры и посланы. 2) къ нему же господину генералъ маіору и Кіевскому оберъ коменданту Лопухину о томъ за извѣстіе отписать и при томъ объявя что хотя отъ Войсковой Генеральной Канцеляріи въ разсужденіи, прописанныхъ въ тѣхъ его письмахъ обстоятельствъ, какъ внизъ р. Днѣпра изъ прописанныхъ полковъ триста и вверхъ р. Днѣпра двѣсти человѣкъ казаковъ къ находящимся тамо выслать повелѣно, но пониже вверхъ р. Днѣпра въ Стародубовскомъ и Черниговскомъ полкахъ находятся въ защищеніи отъ нападенія изъ польской стороны на чинимое по границамъ укрѣпленіе противъ каждаго польскаго староства по двѣсти человѣкъ выборныхъ казаковъ, яко то изъ Стародубовскаго четыреста, съ Черниговскаго двѣсти и то сверхъ той тысячи человѣкъ казаковъ, которые высылаются туда на форпосты изъ разныхъ опредѣленныхъ малороссійскихъ полковъ, къ защищенію же отъ нападенія изъ польской стороны на чинимое по границѣ..... укрѣпленіе по силѣ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества грамотъ, для того въ разсужденіи многихъ и всегдашнихъ молороссійскимъ полкамъ нарядовъ и ихъ казачей повсегдайшности въ службѣ употребленію нужды и недостатку требовано что бы приказано отъ него господина генералъ маіора кому надлежитъ для требуемыхъ нынѣ разъѣздовъ изъ тѣхъ высылаемыхъ и состоящихъ вверхъ р. Днѣпра полку Стародубовскаго и Черниговскаго для отпору полякамъ казаковъ употребить надобнымъ числомъ, а новый для сего изъ Стародубовскаго и Черниговскаго полковъ нарядъ оставить, и что потому отъ него будетъ учинено увѣдомилъ бы Войсковую Генеральную Канцелярію. О чемъ Вашей Ясновельможности Генеральная Войсковая Канцелярія нижайше рапортуя представляетъ тоже что хотя по тому помянутаго господина генералъ маіора и Кіевскаго оберъ коменданта требованію, въ разсужденіи объявленныхъ въ письмахъ его обстоятельствъ вышепрописаннымъ числомъ и выступить учинить съ оныхъ полковъ повелѣно, но понеже малороссійскіе казаки отъ многихъ и всегдашнихъ командерацій и такъ не малое притерпѣваютъ отягощеніе и приходятъ отъ времени до времени къ продолженію впредь ихъ казачей службы въ несостояніе, какъ о томъ и предъ симъ Вашей Ясновельможности отъ Генеральной Войсковой Канцеляріи представлено, ибо кромѣ высылаемыхъ съ малороссійскихъ полковъ на линію тысячи пятисотъ въ дѣланіи за-

сѣкъ и у содержанія форпостовъ въ Новой Сербіи и въ другихъ мѣстахъ дѣйствительно находится теперь 11911 человѣкъ, и въ перемѣну ихъ, какъ съ нѣкоторыхъ полковъ представляется, послать нѣкого, зачѣмъ принуждены казаки стоять безсмѣнно по году и по больше, до того Генеральная Канцелярія проситъ Вашей Ясновельможности высокаго благоразсмотрѣнія, не благоизволено будетъ о облегченіи оныхъ казаковъ въ нарядъ куда надлежитъ по исходатайствованіи резолюціи учинить представленіе». Вашей Ясновельможности нижайшіе слуги Семенъ *Кочубей* Андрей *Безбородко*.

XIV.

1761 годъ.

№ 9200. Житель города Лютенка полку Гадяцкаго Илья Карпенко жаловался на запорожца Марка Быка, что онъ Быкъ продалъ было его Карпенко туркамъ въ неволю, гдѣ онъ былъ лѣтъ 15 и когда оттуда ушолъ, то жаловался на Быка Крыловскому старостѣ Качаловскому, да губернатору Староства Чигиринскаго Ороховскому, съ просьбою удовлетворенія за свою неволю. По жалобѣ этой было опредѣлено, чтобы Быкъ удовольствовалъ Карпенко за неволю семи стами золотыхъ, но онъ, Быкъ, далъ только три золотыхъ.

При слѣдствіи оказалось, что названный запорожецъ Быкъ не только одного Карпенко, а еще 17 человѣкъ продалъ туркамъ въ неволю. На этомъ слѣдствіе и окончилось и Карпенко болѣе удовлетворенія отъ Быка не получилъ.

XV.

1762 годъ.

Копія съ грамоты.

№ 5157. Графъ Кириллъ Разумовскій, Гетманъ и кавалеръ....

Нашей Генеральной Войсковой Канцеляріи.

«По отъѣздѣ нашемъ изъ Малой Россіи въ С.-Петербургъ содержавшіеся въ домѣ нашемъ въ Глуховѣ Высочайшія грамоты на урядъ гетманскій, данныя такожъ на графское наше достоинство дипломъ и всѣ гетманскіе клейноты, порученныя въ вѣдомство Подскарбію Генеральному..... Тайному Совѣтнику и кавалеру господину Гудовичу, а понеже то потребно нынѣ имѣть намъ здѣсь того ради данныя отъ насъ ему господину Тайному Совѣтнику Генеральному Малороссійскому Подскарбію и кавалеру Гудовичу ордеромъ велѣть предложить отъ себя

дабы вышеизображенныя Высочайшія грамоты на урядъ гетманскій данныя намъ, такожъ на графское достоинство наше дипломъ, гетманскіе клейноты пожалованныя намъ (кромѣ знаменъ и прочихъ всѣхъ старыхъ клейнотъ, которыя оставлены должны быть въ Глуховѣ подъ добрымъ смотрѣніемъ), отданы были въ Генеральную Войсковую Канцелярію за распискою, оной же нашей Канцеляріи приказываемъ принявъ тѣ Высочайшія грамоты, дипломъ и клейноты гетманскіе намъ жалованныя, поручить съ описью и распискою Старшему Войсковому Канцеляристу Антону Жайворонкову и прислать оныя съ нимъ же при рапортѣ сюда къ намъ въ Москву немедленно, въ тѣхъ же ящикахъ въ которыхъ оныя и содержатся, совсѣмъ береженіемъ и сохранностію, а для безопасности въ пути опредѣлить къ нему Старшему Войсковому Канцеляристу Жайворонкову надлежащій конвой. На взыманіе же отъ Глухова до Москвы подъ него Жайворонкова и подъ опредѣленный конвой подводъ потребное число дать изъ Генеральной Войсковой Канцеляріи подорожнюю и на заплату за тѣ подводы указныхъ прогоновъ выдать потребное число изъ скарбу малороссійскаго денегъ. Особливо-жъ оному старшему Войсковому Канцеляристу Жайворонкову велѣть потребовать съ Економичней нашей канцеляріи имѣющихся въ оной дѣлъ тѣхъ по которымъ надлежитъ намъ получать заплату за содержаніе чрезъ многіе прошедшіе годы въ мѣстностяхъ нашихъ въ Малой Россіи конскихъ казенныхъ заводовъ и другихъ дѣлъ по коимъ прежде было ему Жайворонкову поручено здѣсь имѣть хожденіе и что до того касающееся есть и въ Генеральной Войсковой Канцеляріи то и о томъ ему Жайворонкову тѣ дѣла дать и въ опись и распискою; а что-бъ таковыя дѣла отъ Економичной нашей канцеляріи ему Жайворонкову съ подлежащей описью немедленно поручены были о томъ въ оную Економичную канцелярію ордеръ нашъ посланъ. При отправленіи же онаго старшего войсковаго канцеляриста Жайворонкова сюда выдать ему Жайворонкову на исправленіе его этой поѣздки и на содержаніе себя въ пути противъ прежнихъ примѣровъ изъ скарбу малороссійскаго двести рублей денегъ и съ запискою и распискою».

Гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій.

1762 ноября 20 Москва. «Опись Высочайшимъ грамотамъ и гетманскимъ клейнотамъ принятымъ въ Генеральную Войсковую Канцелярію отъ канцеляріи малороссійскаго скарбу кои до сего содержались подъ смотрѣніемъ канцеляріи малороссійскаго скарбу, декабря 13, 1762 года.

1. Высочайшая Ея Императорскаго Величества блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержцы Всероссійской грамота на достоинство гетманское, при

ней печать на шнурѣ съ двомя кистями золотыми у футлярѣ серебряномъ, вызолоченномъ. На оную грамоту футляръ кожаный внутри оклеенъ бархатомъ зеленымъ. Въ ономъ же футлярѣ Высочайшая другая грамота на избраніе въ Малой Россіи гетмана вольными голосами на одномъ большомъ листу писанная, въ обгорткѣ парчею золотою и до оного футляра ключъ.

2. Высочайшая же Ея Императорскаго Величества грамота на достоинство графское, при ней печать на шнурѣ съ двома кистями золотыми у футлярѣ серебряномъ вызолоченномъ. На оную грамоту футляръ кожаной, красной, внутри воклеенъ бархатомъ красномъ и до онаго футляра ключъ.

3. Ящикъ оклеенъ бархатомъ зеленымъ и позументомъ золотымъ, мѣстами серебряныя бляхи, внутри оклеенъ бархатомъ же зеленымъ, узкимъ золотымъ плетешкомъ.

Въ немъ булава золотая съ брилліантами которые всѣ въ цѣлости.

Бунчукъ съ принадлежащими къ нему подробностями и копіе на древко, на которомъ бунчукъ долженъ висѣть.

Печать войсковая въ оправѣ золотой.

На оной ящикъ футляръ кожаной, красной, съ пряжками желѣзными, внутри оклеенъ фланелью бѣлою и до онаго ящика ключъ».

XVI.

1763 годъ.

№ 3253. Указъ Императрицы Екатерины II, 15 декабря 1763 года. Спб. Послѣ Императорскаго титула слова «объявляемъ во всенародное извѣстіе».

«Какія мы по вступленіи нашемъ на Всероссійскій Императорскій престолъ о пользѣ нашихъ подданныхъ и общенародномъ порядкѣ неусыпные труды и старанія прилагаемъ. О томъ всѣмъ извѣстно. А нынѣ увѣдомились мы о малороссійскомъ посполитомъ народѣ что многіе оставя свои жилища и экономію и не радя о своемъ и общемъ добрѣ, переходя столь часто съ мѣста на мѣсто что не всостояніи потому ни малѣйшей твердости въ своемъ домостроительствѣ основанія положить и тѣмъ самымъ находяся праздными подвергаютъ себя крайнему разоренію и нищенству, не сохраняя при томъ и онаго права ихъ вольностей кое имъ отъ предковъ нашихъ утверждено; ибо въ 1742 году публикованнымъ указомъ тѣмъ свободный имъ переходъ подтвержденъ. Слѣдственно въ силу того самаго указа должны малороссійскій народъ таковымъ свобод-

нымъ переходомъ пользоваться по прежнему, на основаніи ихъ малороссійскихъ правъ, которыя по принятіи Малой Россіи подъ Всероссійское самодержавство, какъ тогда Гетману Богдану Хмельницкому такъ и по немъ бывшимъ гетманамъ, а особливо и нынѣшнему нашему малороссійскому гетману графу Разумовскому отъ высокихъ предковъ нашихъ конфирмованы и утверждены, но къ крайнему нашему сожалѣнію видимъ что малороссійскій нашъ народъ тѣми въ свободномъ переходѣ правами не пользуясь и яко отъ не свѣдѣнія оныхъ обращается въ вышеписанномъ безпорядкѣ и нищенствѣ. Того ради милосердствуя объ нихъ къ собственному ихъ отъ того предохраненію и защищенію и для возстановленія ихъ добра и покоя Всемилостивѣйше повелѣваемъ всему малороссійскому посполитому народу, всѣмъ гдѣ кто съ публикованія сего нашего указа на поселеніи въ земледѣльствѣ, работѣ, или услуженіи находится прибывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно, безъ всякой высылки и безмалѣйшаго утѣсненія; равномѣрно же и свободной имъ по ихъ желаніямъ съ мѣста на мѣсто переходъ имѣть во всемъ на статочномъ непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въ оному статутѣ изображенныхъ. А на противу того никого изъ малороссійскаго посполитаго народа людей безъ письменнаго отпуска одинъ отъ другаго владѣльца отнюдь не принимать; равно же по ихъ желаніямъ въ дачи повелѣнныхъ тѣми правами письменныхъ отпусковъ не удерживать подъ штрафомъ въ тѣхъ правахъ положеннымъ. . . . . ».

XVII.

№ 23695. По донесенію Начальника Инжинерныхъ командъ, что работные люди высылаемые для постройки крѣпости Св. Димитрія шатаясь просятъ милостиню, за неимѣніемъ продоволъствія; а также не имѣютъ достаточной обуви и одѣянія, ... Военная Коллегія предоставила Сенату чтобы для скорѣйшаго окончанія работъ названной крѣпости вмѣсто отпускаемыхъ для зимняго времени отъ работъ малороссіянъ предложить Гетману наряжать со всѣхъ малороссійскихъ десяти полковъ съ каждаго по 70 человѣкъ съ продовольствіемъ.

Причина печальнаго положенія малороссіянъ, высылающихся на крѣпостныя работы, была слѣдующая: заработныя деньги выдавались только тѣмъ людямъ, которые дѣйствительно занимались работой крѣпости, а остальнымъ, какъ-то: поварамъ, караульнымъ, табунщикамъ и прочимъ, не ходившимъ на крѣпостныя работы, а бывшимъ при хозяйственной части человѣкъ около 300, заработныхъ денегъ не выдавалось, а потому они и бѣдствовали безъ продовольствія, а обносившись не имѣли

средствъ исправлять себѣ одежду и обувь. Отъ этого они или ходили просить себѣ кусокъ хлѣба у другихъ, или болѣли, или наконецъ убѣгали отъ крѣпости. При такой убыли на работы выходило не болѣе 300 человѣкъ, да и тѣ не во время прибывали къ мѣсту своихъ занятій. Въ виду такой неисправности Канцелярія Главной Артиллеріи и Фортефикаціи просила Военную Коллегію объ устраненіи означенныхъ выше неудобствъ и для скорѣйшаго окончанія крѣпостныхъ работъ, въ слѣдующемъ 1764 г. высылать во всей исправности людей съ прибавкой противу прежняго числа. О чемъ также было доведено до свѣдѣнія Сената.

По этимъ представленіямъ Правительствующій Сенатъ предложилъ Гетману Разумовскому 4 марта 1764 года устранить всѣ означенныя выше неисправности; сверхъ того для варенія пищи и на прочія нестроевыя службы выслать особо людей, кромѣ 700 человѣкъ для крѣпостныхъ работъ опредѣленныхъ.

О чемъ отъ Разумовскаго дано Генеральной Войсковой Канцеляріи соотвѣтствующее предписаніе 12 марта того же года.

XVIII.

1783 годъ.

№ 2497. Черновыя письма Императрицѣ Екатеринѣ II, графа Румянцева-Задунайскаго.

1. 24 Февраля 1783 года, Румянцевъ доносилъ, что по Высочайшему повелѣнію имъ для войскъ своихъ и князя Репнина, отъ жителей малороссійскихъ губерній собирался провіантъ съ каждой хаты «въ окладъ положенной муки по 2 четверти и крупъ по 1 1/2 гарнца и за оный по послѣднимъ въ каждомъ уѣздѣ цѣнамъ деньги заплочены».

2. 28 Мая 1783 года, Кіевъ. Высказывая заботы о состояніи русской арміи, Румянцевъ доносилъ Государынѣ, что по дошедшимъ къ нему свѣдѣніямъ «не только движеніе, но и раздѣленіе войскъ Вашего Императорскаго Величества, какъ нѣкоторые выходцы изъ границъ турецкихъ сказываютъ сдѣлалось уже тамъ извѣстно и что турки артиллерію и аммуницію выгружая въ Измаилѣ, войска свои ведутъ азіатскою и Европейскою стороною въ провинціи надъ Чернымъ моремъ и Дунаемъ лежащія». Не имѣя отъ нашего посла Булгакова о всемъ этомъ свѣдѣнія, Румянцевъ опасался, что бы турки внезапно не открыли военныхъ дѣйствій. О чемъ докладывалъ на усмотрѣніе Ея Величества.

Подъ этимъ письмомъ написано: «Всеподданнѣйшій рабъ».

П. П. Короленко.

VI.

ИЗЪ УКРАИНСКОЙ СТАРИНЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ:

Сборникъ «Изъ украинской старины» стоитъ въ связи съ моими «Очерками народнаго быта» въ 13 т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, съ той разницей, что въ «Очеркахъ» шла рѣчь лишь о современной харьковщинѣ, на основаніи личныхъ моихъ наблюденій во время этнографической экскурсіи въ ахтырскомъ и лебединскомъ уѣздахъ въ 1901 г., а въ настоящемъ сборникѣ рѣчь идетъ о болѣе широкомъ украинскомъ районѣ, съ цѣлями преимущественно историко-бытовыми. Статьи сгруппированы по сходству содержанія и единству цѣли— опредѣленія бытовой старины, по указаніямъ выдающихся малорусскихъ писателей— Котляревскаго (полтавщина), Палицына и Квитки (харьковщина), Шевченка (кіевщина) и «Манжуры» (екатеринославщина). Статьи объ иконописи и кобзаряхъ въ бытовомъ отношеніи касаются всей старой Малороссіи. Статьи о Котляревскомъ и объ иконописи появляются здѣсь впервые; остальныя перепечатываются—однѣ съ поправками и дополненіями, другія—въ переработкѣ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1.

Къ исторіи украинской иконописи.

Въ то время, когда сѣверноруссkіе иконописные пріемы обстоятельно изучаются и выдающіеся памятники иконописи московской, владимірской, новгородской въ значительной степени уже собраны и изслѣдованы, иконопись южно-русская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, мало обслѣдована, и образцы ея разбросаны въ малопзвѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или въ сельскихъ церквахъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ остатки южнорусской иконописи заслуживаютъ полнаго вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія,—этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась своеобразная струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда [1]), южнорусскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ «маткѣ своей Малой Россіи» [2]) онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII ст. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно италіанскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное, въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ южнорусскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти не только удовлетворяли религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы на духовную потребу гордой шляхты. Недавно, при передѣлкѣ ягеллонской каплицы въ Краковѣ на стѣнкѣ открыты были фрески, рисованныя русскимъ художникомъ, съ мотивами, совершенно чуждыми латинской церкви. Оказывается, что Ягелло, врагъ Руси и православія,

[1]) *Аристовъ*, Промышл. др. Руси, 185.

[2]) *Сам. Величко*, Лѣтоп. 1, 98, 36.

украсилъ свою часовню восточнымъ орнаментомъ, произведеніемъ кисти русскаго художника. На фрескахъ изображены: Рождество, Христосъ въ саду, разговоръ Христа съ фарисеемъ, дорога на Голгофу, Христосъ передъ Пилатомъ, смерть Христа, Воскресеніе, Благовѣщеніе, Успеніе Дѣвы Маріи. Изображеніе Рождества Христова построено на апокрифическихъ мотивахъ: Христосъ лежитъ въ ясляхъ; на него дышутъ волъ и оселъ. Пр. Дѣва Марія лежитъ на постели; возлѣ Нея женщина. На другой фрескѣ Младенца Христа купаютъ. Успеніе Богородицы, принятое въ западной иконописи до XV ст., а въ восточной иконописи сохранившееся донынѣ, изображено такимъ образомъ: Пр. Дѣва Марія лежитъ, окруженная апостолами. Христосъ въ сонмѣ ангеловъ сходитъ съ неба и принимаетъ душу пречистой своей Матери, изображенную въ видѣ ребенка. Какой то невѣра хочетъ дотронуться до тѣла Богоматери; но архангелъ Михаилъ отрубываетъ ему руку. На заднемъ планѣ ангелы уносятъ апостоловъ, и между ними стоитъ Богородица. На землѣ множество народа, епископовъ, королей; внизу видъ города. По словамъ краковскихъ ученыхъ, «рисунокъ сильный и правильный; композиціи смѣлая; лица изображены правильно и живо, что въ совокупности ставитъ эти фрески въ рядъ самыхъ знаменитыхъ памятниковъ искусства времени, предшествовавшаго художественной дѣятельности Массачіо во Флоренціи и братьевъ Ванъ-Эйковъ въ Бриггенѣ» [1]).

Въ числѣ иконъ мѣстной южнорусской работы встрѣчались настолько художественныя, что вызывали похвалы со стороны образованныхъ грековъ, посѣщавшихъ Русь. Такъ, Павелъ Алеппскій, бывшій въ Малороссіи въ половинѣ семнадцатаго вѣка, проѣздомъ въ Москву, съ большой похвалой отзывается о живописи одной видѣнной имъ въ Малороссіи иконы [2]).

На многихъ иконахъ отразились черты южнорусскаго быта. Такъ, на рогатинскомъ иконостасѣ 1649 г., находившемся на археологической выставкѣ въ Львовѣ въ 1885 г., лица ветхозавѣтной исторіи изображены въ малорусскихъ костюмахъ XVII в. На иконѣ, изображающей пребываніе трехъ ангеловъ у Авраама, скатерти и посуда взяты изъ жизни русскаго народа XVII вѣка. [3]). Въ особенности много національныхъ бытовыхъ чертъ на запорожскихъ иконахъ. Такъ, въ Никополѣ находится старинная запорожская икона Покрова Богоматери слѣдующаго содержанія: на липовой доскѣ въ три четверти длины и въ двѣ ширины изображены Бого-

---

[1]) *Зоря*, 1885, № 21.

[2]) *Сборн.* матер. по ист. топогр. Кіева, 60.

[3]) *Зоря*, 1885, № 21.

матерь, Николай чудотворецъ и архистратигъ Михаилъ, а ниже ихъ представлены запорожцы въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ, широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами, съ открытыми, гладко выбритыми головами. Они стоятъ внизу иконы, на краяхъ, а въ серединѣ знамена и вся казацкая арматура. Отъ казака, стоящаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, протянута вверхъ, въ видѣ узкой ленточки, почти къ самому уху Богоматери, надпись: «Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла». Нѣсколько выше этой надписи сдѣлана другая: «Избавлю и покрыю люди моя». По преданію, эта икона изображаетъ кошеваго П. И. Калнишевскаго съ товариществомъ [1]). Въ церкви села Покровскаго хранится икона Богоматери слѣдующаго содержанія: Богоматерь распростерла руки, а у ногъ ея стоятъ на колѣняхъ на первомъ планѣ архіерей, а на второмъ— запорожцы, безъ шапокъ, съ бритыми головами, на которыхъ виднѣются чубы [2]).

Въ самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ также находится икона съ запорожскими фигурами. На полотнѣ, вставленномъ въ деревянную раму, высоты 20, ширины 15 вершковъ, изображенъ Господь Вседержитель съ высокой тіарой на головѣ, въ пурпурной мантіи на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и державнымъ яблокомъ въ лѣвой. На немъ изображенъ лѣсъ и посреди лѣса озеро, изъ озера течетъ рѣчка; черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и на всемъ этомъ ландшафтѣ три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удитъ рыбу, другой стоитъ въ камышѣ и цѣлится въ плавающихъ по рѣкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варитъ кашу. Около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, а около рѣчки видна одномачтовая казацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, отчего и держитъ въ своемъ державномъ яблокѣ [3]). Въ одномъ письмѣ ко мнѣ покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ писалъ о привезенной въ Кіевъ малорусской иконѣ начала XVIII вѣка, на которой, между прочимъ, изображены въ числѣ молящихся нѣсколько казаковъ изъ старшины и жены ихъ, въ національныхъ костюмахъ того времени.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, между прочимъ, находится небольшая икона Богоматери, на которой пресв. Дѣва Марія изображена въ видѣ красивой малорусской дѣвушки, въ

---

[1]) *Эварницкій*, Запорожье, II, 51, съ рисункомъ иконы.
[2]) Ib. II, 193, съ рисункомъ,
[3]) Ibid. I, 87.

малорусской одеждѣ и съ монистами на шеѣ. Своеобразныя произведенія южнорусской иконописи находятся еще въ христіанскомъ музеѣ академіи художествъ и въ коллекціяхъ Тарновскаго и Кибальчича [1]).

Особенно оригинальными подробностями отличаются южнорусскія изображенія страшнаго суда. Церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи имѣетъ три любопытныхъ памятника этого рода церковной живописи. Первая картина на холстѣ, вышиною $3^3/_4$ аршина, шириною 4 арш., доставлена изъ черкасскаго уѣзда кіевской губерніи. Въ нижней части картины, въ аду, находятся, между прочими, ткачъ съ клубками нитокъ, лихварь съ веревкою черезъ плечо, на которой висятъ кошели съ деньгами, пьяница и вѣдьма. Другая икона на деревѣ XVII вѣка изъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря имѣетъ въ аду въ числѣ грѣшниковъ магометанъ въ навояхъ, ляховъ въ манжетахъ, евреевъ, вельможъ, монаховъ, архіереевъ. Но высшую степень оригинальности представляетъ третья картина суда на полотнѣ XVIII в. Въ ряду многочисленныхъ изображеній выдаются: женщина на постели подъ краснымъ одѣяломъ, а у ногъ ея стоитъ бѣсъ: это, какъ объясняетъ надпись, лѣнивцы до церкви; судья ѣдетъ въ адъ въ коляскѣ, въ которую впряжены два дьявола, третій дьяволъ, исполняетъ роль кучера и четвертый—лакея позади коляски; вѣдьма съ деревянной шайкой, въ которой она приготовляла зелье; наложница съ змѣями на лицѣ и на груди; чаровникъ съ змѣемъ и стклянкою; колдунья заламывающая жито; воръ, крывшій снопы; портной съ аршиномъ въ рукѣ, ножницами и кусками красной матеріи; сапожникъ съ сапогомъ въ рукахъ; мельникъ съ жерновомъ. Нѣсколько ниже изображена веселая забава: молодой мужчина танцуетъ съ женщиной; подлѣ нихъ музыкантъ, играющій на скрипкѣ, два бѣса поощряютъ эту забаву. Далѣе слѣдуетъ грѣшница дѣтоубійца, «та що дѣти тратила»: демонъ показываетъ ей умерщвленнаго ребенка. Грѣшникъ пчелокрадъ—«пчолы краде»: изображено дерево, съ ульемъ наверху; вокругъ него летаютъ испуганныя пчелы; воръ въ кафтанѣ и лаптяхъ вынимаетъ изъ улья медъ, а стоящій сзади дьяволъ ободряетъ его. Кумъ и кума пируютъ на телѣжкѣ, которую везетъ дьяволъ; у кума въ рукахъ фляжка, у кумы рюмка. «Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ г. Покровскій, эти вѣдьма и закрутка, лихварь въ образѣ еврея, портной, сапожникъ и мельникъ, представители промышленности, съ которыми чаще всего приходится имѣть дѣло простолюдину, явились здѣсь не случайно, но отразили въ себѣ недуги данной мѣстности. Въ этихъ подробностяхъ нельзя не видѣть свободнаго отношенія художника къ своей

[1]) *Новое Время*, 1882, № 2445.

задачѣ, стремленія замѣнить условную схему живыми образцами, взятыми съ натуры, и съ этой стороны указанныя картины суда, помимо своего художественнаго значенія, представляютъ нѣкоторый интересъ этнографическихъ характеристикъ» [1]).

По свидѣтельству Ѳ. Г. Лебединцева, въ правобережной Украинѣ еще недавно на картинахъ страшнаго суда можно было видѣть, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраной чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома, или поссесора, съ бичемъ у черта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью choc do piekla, ale z fajka, или же на днѣ ада, въ образѣ сребролюбца Іуды, какого нибудь корчмаря, поссесора и даже столоначальника духовнаго правленія [2]).

Картина страшнаго суда встрѣчается въ настоящее время въ монастыряхъ, напримѣръ, въ Куряжскомъ монастырѣ, при входѣ въ монастырь подъ колокольней, на одной стѣнкѣ изображены праведники—все монахи, на другой грѣшники, въ огнѣ, охваченные большой змѣей, имѣющей на своихъ кольцахъ надписи грѣховъ, что обычно на картинахъ страшнаго суда, начиная съ XVI вѣка.

Картина страшнаго суда съ бытовыми подробностями стала весьма распространенной среди лубочныхъ изданій. Въ разсказѣ Павла Шулики «Де найшовъ — де загубывъ» отмѣчена, между прочимъ, слѣдующая лубочная картина въ крестьянской избѣ: «На здоровому лысту намалеваный змій... Повывся той змій высоко, высоко, а по ему йдуть душы праведни до Господа мылосердного на вичну радисть, который у раи трапезуе зъ ангеламы. Унызу жъ превелыкого змія рознята пасть съ зубамы, а въ пасти пылае велыке поломья, а въ тимъ поломьи сыдыть самъ батько всихъ грихивъ сатана, а у ёго на колинахъ Юда зъ гаманцемъ, що продавъ Хрыста и привытае тихъ, що йдутъ у те полумья превелыкымъ ланцугомъ зацеплени душы гришни по чынахъ, якъ и на симъ свити: попереду рушаютъ архіереи, а тамъ попы, ченци, генералы, судди, купци, шинкары, дали вже и наши братчыкы, и симъ то ланцюгомъ тягне цилый табунъ чортивъ, а позаду превелыкою ломакою намыряется буцимъ быты по потылыци, щобъ не зупынялысь» [3]).

---

[1]) *Покровскій*, Труды одес. археол. съѣзда, III, 327.
[2]) *Лебед.*, въ Кіев. Стар. 1883, I, 4.
[3]) *Основа* 1862, IV, 80.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ иконахъ разбросаны въ историко-статистическихъ описаніяхъ епархій харьковской и черниговской преосв. Филарета и въ Ист.-стат. опис. екатеринославской епархіи преосв. Θеодосія, но свѣдѣнія скудныя, малочисленныя. Можетъ быть, почтенные архипастыри, собиравшіе свѣдѣнія отъ сельскихъ священниковъ, находили неудобнымъ упоминать о существованіи нѣкоторыхъ иконъ съ чертами свѣтскаго характера, съ мелкими бытовыми подробностями. Изъ свѣдѣній о памятникахъ русскаго искусства и древностей, доставленныхъ въ 1887 г. въ харьк. губ. статист. комитетъ священниками харьковской епархіи, видно, что въ с. Водяномъ Зміев. у. имѣется деревянная церковь съ замѣчательнымъ иконостасомъ XVII ст. Въ с. Ольшанѣ Харьк. у. сохранились древнія иконы Спасителя, Богородицы, св. Николая и св. Варвары, принесенныя первыми поселенцами изъ за Днѣпра въ 1650 г. Въ соборной церкви г. Лебедина хранится образъ св. Николая весьма художественной отдѣлки и ликъ Спасителя, едва замѣтный, древней живописи, весьма искусно выполненный въ византійскомъ вкусѣ [1]).

У частныхъ лицъ, полагаю, еще хранится немало старинныхъ малорусскихъ иконъ. Такъ, въ слободѣ Боромлѣ въ моемъ домѣ находится большая икона Mater dolorosa XVII столѣтія, работы какого то мѣстнаго художника. Богородица стоитъ со сложенными на груди руками, и къ сердцу ея направляются стрѣлы: съ правой стороны—стоитъ ангелъ и съ лѣвой—ангелъ; они держатъ въ рукахъ свитки, на которыхъ начертаны изреченія изъ св. Писанія.

Иконописаніе сохранилось въ с. Борисовкѣ Грайворонскаго уѣзда, въ смыслѣ кустарнаго промысла. Изготовляемыя здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и проникаютъ въ Сербію и Болгарію. Извѣстный въ исторіи живописи Боровиковскій учился живописи въ с. Борисовкѣ. Квитка-Основяненко въ одной своей повѣсти замѣчаетъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ «найлучши богомазы, иконописци и усяки маляры». Въ исторіи борисовской иконописи указываютъ еще на слѣдующее сѣверорусское вліяніе: знаменитый сподвижникъ Петра Великаго Б. П. Шереметьевъ основалъ въ 1714 г. Борисовскій женскій монастырь и для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ вызвалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатьева, который и содѣйствовалъ обученію борисовскихъ жителей иконописному мастерству [2]). Повидимому, трудъ Игнатьева упалъ на подготовленную уже почву, и успѣш-

[1]) *Багалѣй*, Археол. замѣтки о Харьк. губ. 13.

[2]) *Добротв.*, Куст. пром. Курск. губ.

ное развитіе борисовскаго иконописанія обусловлено было художественными наклонностями мѣстнаго украинскаго населенія и существованіемъ среди него издавна искусныхъ маляровъ. И въ Харьковѣ еще недавно среди мѣстныхъ мѣщанъ малороссовъ встрѣчались искусные иконописцы, работавшіе дешево и хорошо, напримѣръ Басько.

Священникъ Никоновъ въ статьѣ о бытѣ и хозяйствѣ малороссовъ въ Воронежской губерніи, напечатанной въ Трудахъ Вольно-Экономич. общества, говоритъ, что многіе малороссіяне въ Воронежск. губ., начавъ малярствомъ, достигли потомъ значительныхъ успѣховъ въ живописи. Заѣзжіе и туземные иконописные мастера нерѣдко принимаютъ ихъ въ свои артели и даютъ хорошія цѣны; много есть также туземныхъ хорошихъ алфрейщиковъ, слобода Алексѣевка особенно богата такими художниками, какъ Бутурлиновка мастерами золотыхъ дѣлъ.

Живое религіозное чувство малоросса ищетъ выхода въ иконописи. По словамъ авторитетнаго въ данномъ случаѣ свидѣтеля свящ. Никонова: «малороссъ.... приверженъ ко всему священному и церковному; въ частности въ церквахъ онъ любитъ видѣть какъ можно болѣе иконъ, особенно ярко написанныхъ, любитъ образное представленіе всей священной исторіи и евангельской нравственности; потому, чѣмъ болѣе стѣны церковныя (кромѣ иконописи) разукрашены всевозможными картинами, тѣмъ охотнѣе онъ входитъ въ такую церковь, тѣмъ теплѣе молится».

Большимъ шагомъ впередъ къ дѣлѣ собиранія и изученія старинаго церковнаго южнорусскаго искусства былъ XII археологическій съѣздъ въ Харьковѣ въ 1902 г. Отдѣлъ церковныхъ древностей на археологической выставкѣ былъ великъ и разнообразенъ. Онъ составился почти исключительно изъ памятниковъ, поступившихъ изъ церквей Харьковской епархіи. Проф. Е. К. Рѣдинъ, совершившій въ 1900 и 1901 г., по порученію московскаго археологическаго общества, нѣсколько ученыхъ экскурсій по харьковской губерніи, съ цѣлью изученія церковныхъ древностей, собралъ большой матеріалъ, сгруппировалъ его на выставкѣ и далъ ему подробное описаніе въ видѣ каталога въ 174 стр.; здѣсь описано 686 предметовъ—иконы, царскія врата, кресты и статуи, дарохранительницы, вѣнцы, чаши, плащаницы, воздухи, облаченія. Лучшій памятникъ живописи—иконостасъ изъ ц. свв. Бориса и Глѣба с. Водянаго зміевского у.; иконостасъ этотъ перенесенъ сюда въ 1818—1822 годахъ изъ бывшей церкви упраздненнаго около 1784 г. древняго казачьяго Николаевскаго монастыря близъ с. Гомольши зміевского у. Каталогъ снабженъ подробными указателями иконографическимъ и мѣстнымъ. Кромѣ

686 предметовъ на выставкѣ было еще 660 фотографій съ церковныхъ древностей харьковской губ.

Подъ вліяніемъ XII археологическаго съѣзда, его церковно-археологической выставки и связанныхъ съ ней трудовъ проф. Е. К. Рѣдина, усилился интересъ къ южнорусской церковной старинѣ. Какъ видно изъ Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца и Трудовъ подольскаго церков. истор.-археол. общества за послѣдніе годы, въ направленіи работъ проф. Рѣдина, въ полтавской губ. трудился г. Левицкій, въ Кіевской губ. проф. Павлуцкій, г. Доманицкій, въ Подольской губ. свящ. Сѣцинскій. Собирались свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ церквахъ (см. 10 вып. Труд. Под. И. А. Общ. 1904 г.), иконахъ, антиминсахъ и др. церковныхъ древностяхъ.

На основаніи богатаго матеріала, собраннаго пр. Е. К. Рѣдинымъ, и главнымъ образомъ его каталога построено изслѣдованіе г. Нарбекова «Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII в.» (Казань 1903 г.). Рецензія г. Шестакова на это сочиненіе напечатана въ Ж. М. Н. П. 1904 г. № 9.

Проф. Е. К. Рѣдинъ говоритъ въ предисловіи къ каталогу, что поступившіе на выставку церковные предметы далеко еще не представляютъ всего того наиболѣе характернаго и драгоцѣннаго для исторіи религіознаго искусства, что хранится въ многочисленныхъ церквахъ епархіи, и, дѣйствительно, даже въ тѣхъ селахъ, гдѣ былъ пр. Рѣдинъ, не все было представлено ему на осмотръ. Примѣромъ можетъ служить большая слобода Боромля Ахтырскаго уѣзда. Изъ 4 храмовъ этого села въ одномъ Воздвиженскомъ священникъ (нынѣ покойный) отказался наотрѣзъ открыть церковь для осмотра. Въ другомъ—главномъ храмѣ—имени Рождества Богородицы—наиболѣе старинныя иконы, находившіяся въ кладовой подъ замкомъ, не могли быть осмотрѣны, по случаю временнаго отсутствія церковнаго старосты.

Слобода Боромля возникла въ началѣ XVII ст., и около 1650 г. въ ней уже была церковь во имя Рождества Богородицы. Считалась она главной, соборной, и понынѣ удерживаетъ за собой такое значеніе. Въ 1725 г. въ прошеніи о дозволеніи перестроить храмъ писали: «этому лѣтъ съ 80 и болѣе въ этомъ городѣ Боромлѣ построена оная соборная церковь». Въ 1803 г. начали строить каменный Рождественскій храмъ. Въ 1811 г., когда постройка этого храма еще не была совсѣмъ окончена, деревянный храмъ сгорѣлъ съ его утварью и церковными бумагами. При постройкѣ храма пособіе оказывалъ мѣстный помѣщикъ поручикъ Николай Ивановичъ Карновъ, одинъ изъ потомковъ полтавскаго старосты Степ. Карнова [1]).

[1]) *Архіепископъ Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епарх. III, 123.

„Снятіе со Креста“ и „Мадонна“

въ церкви Рождества пр. Богородицы въ с. Боромлѣ, Ахтырскаго уѣз., Харьковск. губ.

Къ 11 стр.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Лѣтомъ 1904 г., по случаю церковнаго ремонта, всѣ старинныя иконы, числомъ около 20, были перенесены изъ кладовой и размѣщены въ притворѣ. Интересны два большихъ холста съ изображеніями религіознаго содержанія: «Мадонна» и «Снятіе со креста». Первая картина, выш. 2 арш. и шир. въ 1 арш. 6 вершк., представляетъ копію «Мадонны» Мурильо. Изображеніе извѣстное, и недостаетъ только Бога Отца оригинала. Копіистъ ограничился изображеніемъ сверху парящаго голубя. Другая картина ($2^1/_4$ и $1^1/_2$ арш.) изображаетъ въ краскахъ снятіе со креста, въ духѣ Рембрандта, но съ другимъ расположеніемъ фигуръ и безъ внесенія національныхъ костюмовъ. Картины пожертвованы, какъ видно изъ надписи на «Мадоннѣ» Платономъ Николаевичемъ Карповымъ въ 1777 г., съ помѣткой, что жертвователь родился въ Боромлѣ. Характерно, что произведенія Мурильо въ слободской Украинѣ въ XVIII ст. пользовались большимъ почетомъ и распространеніемъ.

Изъ другихъ иконъ выдѣляется икона Дубовицкой Божіей Матери, небольшая, на деревѣ, и въ особенности иконописное изображеніе пр. Дѣвы и ея символовъ, упоминаемыхъ въ акаѳистѣ, повидимому конца XVIII или начала XIX ст.

Въ иллюстрированномъ акаѳистѣ Богородицы въ русскомъ подлинникѣ XVII в. и въ приблизительно того же времени аѳонскихъ фрескахъ Ватопеда [1]) иллюстраціи по выбору текста и расположенію рисунка существенно отличаются отъ боромлянской иконы. Въ этихъ болѣе старыхъ образцахъ вокругъ иконописнаго изображенія Богоматери Одигитріи (съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ и безъ наклона головы), по всѣмъ четыремъ краямъ рамки, идутъ маленькія четыреугольныя иконки—иллюстраціи къ акаѳисту Богородицы. Тутъ идутъ рисунки на темы «Слышати пастыріе ангѣловъ», «Боготечную звѣзду узрѣйте волсви», «О, всепѣтая Мати» и др. Таковы напр. Б. М. съ Акаѳистомъ въ церкви Евстафія Плакиды на Аѳонѣ. Тутъ находятся по сторонамъ рисунки Благовѣщенія, Встрѣчи Маріи и Елизаветы и др. Въ миніатюрахъ варіанты; напр., на икосъ «Разумъ не разумены» Марія протягиваетъ къ ангелу руки съ выраженіемъ недоумѣнія, «новую показа тварь»—Христосъ на тронѣ передъ іерархами. Аѳонскія сочиненія этого рода, по оцѣнкѣ проф. Кондакова, «отличаются слащавымъ выраженіемъ, дѣтскимъ реализмомъ, убогою картинностью и сложностью».

Боромлянская икона представляетъ композицію совершенно свободную, исключительно предметную, безъ лицъ, лишь съ символами, безъ

---

[1]) *Кондаковъ*, Памятн. христ. иск. на Аѳонѣ 97—99.

рамочныхъ дѣленій. Икона писана на деревѣ сочными маслянами красками. Величина доски въ ширину 1 арш. 1 верш. и выс. 9 вершковъ. Характеръ рисунка поздній. Въ средней части Богоматерь съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ, съ золотой коронкою на головѣ западнаго образца въ синемъ хитонѣ. Бѣлое покрывало спадаетъ съ головы на плечи. Въ правой рукѣ скипетръ. Это образъ Царицы Небесной. Стоитъ она на полумѣсяцѣ. У младенца правая рука протянута и приподнята для благословенія; въ лѣвой держава (шаръ).

Живописныя изображенія безъ внѣшнихъ разграниченій идутъ въ два ряда, сверху и снизу иконы, огибая кругомъ Пр. Дѣву. Всѣ верхнія изображенія идутъ легкимъ овалomъ въ бѣловатыхъ облакахъ.

Налѣво отъ Богородицы скрижаль и на ней процвѣтшій жезлъ Аарона, правѣе одно за другимъ идутъ кадило, круглое зеркало на подножкѣ, сѣдалище въ видѣ глубокаго золотого кресла, обитаго краснымъ сукномъ на двухъ ступеняхъ и на самомъ краю маленькая золотая звѣзда.

Справа отъ Богородицы идутъ подсвѣчникъ (горящая свѣча въ паникадилѣ), золотой сосудъ, зеленый цвѣтокъ съ бѣлыми цвѣтами и красными пестиками, лѣвѣе и выше золотыя царскія врата съ амвономъ и на самомъ краю горящая купина съ равностороннимъ треугольникомъ въ серединѣ—символомъ св. Троицы.

Внизу подъ Богоматерью огороженное рѣшеткой четыреугольное мѣсто съ вратами впереди, съ двумя деревьями внутри двери и двумя деревьями по бокамъ. Отъ этой постройки идутъ бѣлый камень, зеленое дерево и еще лѣвѣе въ углу большой круглый колодезь съ воротомъ. Надъ колодцемъ (подъ звѣздой) большое солнце, восходящее изъ-за горы.

Вправо отъ постройки идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ дерево въ родѣ пальмы, стоящая лѣстница и падающій изъ темной скалы ручей.

Всѣхъ изображеній—19, считая въ томъ числѣ и Богоматерь.

Въ иконѣ ярко проведено начало параллелизма. Предметамъ съ правой стороны соотвѣтствуютъ предметы на лѣвой сторонѣ: сѣдалищу правой стороны царскія врата лѣвой, кадилу—сосудъ, жезлу Аарона свѣча; то же и въ нижнемъ ряду: ручью—колодезь, дерево—дереву и т. д.

Рисунки объясняются икосами акаоиста и канона пр. Богородицѣ, какъ то, словами:

въ 1 икосѣ Акаоиста:

Радуйся, яко еси царева сѣдалище,
Радуйся, яко носеши носящи вся.
Радуйся, (звѣзда) являющая солнце.

Въ связи съ этимъ подъ звѣздой помѣщено восходящее солнце.

Акаѳистная икона пр. Богородицы

въ церкви Рождества пр. Богородицы въ с. Боромлѣ, Ахтырскаго уѣз., Харьковск. губ.

Къ 12 стр.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ГИ ИМК и краеведческой
и музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Въ икосѣ 2:

Радуйся, лѣствице небесная, ею же сниде Богъ.

Въ икосѣ 3:

Радуйся, пріятное молитвы кадило.

Радуйся, отрасли неувядаемое розго.

Въ икосѣ 4:

Радуйся, двере словесныхъ овецъ.

Радуйся, райскихъ дверей отверзеніе.

Въ икосѣ 6:

Радуйся, каменю, напоившая жаждущія жизни.

Въ икосѣ 7·

Радуйся, древо свѣтлоплодовитое,

Радуйся, древо благосѣнолиственное.

Въ икосѣ 11:

Радуйся, свѣтило незаходимаго свѣта,

Радуйся, яко многотекущую истощаеши рѣку.

Въ Акаѳистѣ Всѣхъ Скорбящихъ Радости:

VII. Радуйся, чаше, ею же радость и спасеніе воспріемлемъ,

Радуйся, животворной воды неистощимый источнице.

Радуйся, чистоты и цѣломудрія сосуде избранный.

VIII. Радуйся, купино неопалимая.

Радуйся, живоносный источнице,

Радуйся, цвѣте неувядаемый...

XII. Радуйся, двери райскія...

Въ канонѣ, въ 1 пѣснѣ:

Радуйся, благоуханный крыне.

Радуйся, свѣшнице и стамно манно носящая и услаждающая всѣхъ благочестивыхъ чувства.

Данный въ боромлянской иконѣ образецъ иллюстраціи акаѳиста Богородицы представляетъ одну изъ любопытныхъ формъ художественнаго осмысленія пестраго и мѣстами недостаточно вразумительнаго содержанія акаѳистнаго текста. При взглядѣ на икону молящійся могъ припомнить и осмыслить обращенія къ Богородицѣ. Художественная форма закрѣпляла и коментировала литературныя черты памятника.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

2.

Бытовая старина въ „Энеидѣ“ И. П. Котляревскаго.

Существуетъ мнѣніе, наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго былъ П. А. Кулишъ, что Котляревскій въ перелицеванной «Энеидѣ» смѣялся надъ украинцами. Кулишъ находилъ, что «уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку». Вопреки этому крайне одностороннему мнѣнію Н. И. Костомаровъ съ похвалой отзывается объ «Энеидѣ» и усматриваетъ въ ней «вѣрную картину малорусской жизни». Историкъ украинской литературы проф. Н. И. Петровъ, во многомъ оправдывая Котляревскаго литературными традиціями и условіями семинарскаго образованія, всетаки находитъ, что Котляревскій «пародировалъ малорусскую народную жизнь». Вообще, и въ похвалахъ, и въ порицаніяхъ сквозитъ бытовая точка зрѣнія. Котляревскій отлично зналъ бытъ, нравы и языкъ малороссовъ, и потому у него часто прорываются мѣткія наблюденія. Нужно быть благодарнымъ памяти поэта за эти оброненныя имъ мимоходомъ этнографическія богатства, и нельзя осуждать его за отсутствіе стройныхъ и цѣльныхъ описаній малорусской природы и малорусскаго народнаго быта. Будь въ то время такъ поднятъ интересъ къ народности и къ этнографическимъ изученіямъ, какъ это было уже много лѣтъ позднѣе, въ 40 и 50-е годы, то, можно думать, и Котляревскій нашелъ бы другіе литературные способы для примѣненія своего богатаго природнаго дарованія и своихъ обширныхъ этнографическихъ познаній. Время выхода «Энеиды», т. е. конецъ XVIII ст. было временемъ лишь элементарнаго, зачаточнаго изученія народной жизни.

Среди значительнаго числа отзывовъ объ «Энеидѣ» Котляревскаго особеннаго вниманія заслуживаютъ, содержательные и хорошо обставленные въ научномъ отношеніи отзывы проф. Н. П. Дашкевича въ «Кіевской Старинѣ» 1898 г. и П. И. Житецкаго въ «Кіевск. Старинѣ» 1899 и 1900 г. Въ статьѣ «Малорусская и другія бурлескныя (шутливыя) Энеиды» проф. Дашкевичъ разсматриваетъ произведеніе Котляревскаго на широкомъ

полѣ сравнительно изученія. «Энеида» Виргилія—произведеніе, пользовавшееся въ теченіе многихъ вѣковъ большимъ литературнымъ авторитетомъ, издавна стала предметомъ пародіи и шутки. Еще въ XVII ст. французскій писатель Скарронъ выпустилъ «La Virgile travesti»--шутливую передѣлку «Энеиды», гдѣ классическіе боги и богини раздѣланы подъ орѣхъ, со многими веселыми картинами, мѣстами съ такой фривольностью, передъ которой Котляревскій оказывается очень скромнымъ. Въ Германіи въ XVIII ст. «Энеиду» пародировали Михаэлисъ и Блумауеръ, въ Россіи незадолго до Котляревскаго--Осиповъ. Котляревскій, какъ человѣкъ образованный, былъ знакомъ съ нѣкоторыми предыдущими передѣлками и, въ частности, кое въ чемъ подражалъ Скаррону. Чѣмъ объясняется выдающееся положеніе «Энеиды» Котляревскаго? Вотъ тутъ то и оказываются цѣнными безпристрастные научные выводы профессора Дашкевича. «Украинская «Энеида», говоритъ проф. Дашкевичъ, представляетъ сочетаніе пародіи и бурлеска съ глубокими мыслями, между прочимъ, съ просвѣщеннымъ вниканіемъ въ общественныя отношенія Малороссіи въ предѣлахъ русскаго государства и съ народничествомъ. Народная стихія преобладаетъ въ этомъ сочетаніи, которое оказывается смѣхотворнымъ лишь при поверхностномъ взглядѣ, а на дѣлѣ озарено свѣтомъ гуманной мысли, какой въ то время было не такъ много въ обществѣ». Въ талантливости шутливаго изображенія, въ безыскуственности комизма Котляревскій не уступаетъ Скаррону и превосходитъ его по тонкости отдѣлки и обилію бытовыхъ подробностей. Проф. Дашкевичъ называетъ поэму Котляревскаго «обширной картиной малорусской общественности въ рамкахъ травестіи и бурлеска». Забавный тонъ въ Энеидѣ преобладаетъ, но не властвуетъ исключительно. Надъ всѣмъ господствуетъ своеобразное общее созерцаніе жизни, своего рода философское міросозерцаніе. Наряду съ веселыми шутками проскальзываютъ печальные мотивы, напримѣръ:

Бида не по деревьямъ ходыть,
И хто-жъ ии не скуштовавъ?
Бида биду, говорятъ, родыть,
Бида для насъ—судьбы уставъ!

Заслуживаютъ вниманія тѣ мѣста, гдѣ авторъ высказываетъ свои личныя нравственныя воззрѣнія.

Та вже що буде те и буде,
А буде те, що Богъ намъ дасть.
Не ангелы, такіе жъ люде,
Колысь намъ треба всимъ пропасть.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Та же философія житейской мудрости слышится въ словахъ:

Колы чого въ рукахъ не маешь,
То не хвалыся, що твое.
Що буде, ты того не знаешь,
Утратышъ, може, и свое.
Не розглядивши, кажутъ, броду.
Не суйсь прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не насмышивъ людей.

Въ томъ же родѣ:

Не идь въ дорогу безъ запасу,
Бо хвистъ отъ голоду надмешъ.

На тему, что пугливая ворона и куста боится:

Зъ людьми на свити такъ бувае,
Колы кого михъ полякае,
То посли торба спать не дасть.

Къ тому же разряду моральныхъ сентенцій можно отнести послѣдніе стихи поэмы:

Живе хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно.
А бильшъ колы и совисть жметъ.

Здѣсь затронуто начало совѣсти, тѣ ея мученія, о которыхъ Пушкинъ сказалъ:

Когтистый звѣрь, скребящій сердце...

Котляревскій, однако, болѣе склоняетъ читателя къ радостному настроенію:

Чимъ бильшъ журытыся—все гирше,
Заплутаешься въ лиси бильше,
Покинь лишь горе и заплюй...

Проф. Дашкевичъ находитъ, что «сатиризмъ Котляревскаго исполненъ грандіозной мысли; онъ приближается по своему смыслу къ основной идеѣ «Похвалы глупости» Эразма Роттердамскаго, къ ироническому изображенію міра у Аріосто и, вообще, къ концепціи великихъ сатириковъ».

При такой высокой оцѣнкѣ Котляревскаго, съ точки зрѣнія общаго міросозерцанія и настроенія, заслуживаетъ еще вниманія масса разбросанныхъ въ «Энеидѣ» любопытныхъ замѣчаній по археологіи малорусскаго быта и замѣчаній на живыя темы современныхъ автору общественныхъ отношеній. Такъ, заслуживаетъ вниманія сочувственное отношеніе къ крестьянамъ, безъ вражды къ дворянамъ, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ авторъ.

«Бувають всякіи паны»,

говоритъ Котляревскій, и потому у него есть паны и въ аду, и въ раю. Въ раю

Бувають війскови, значковы,
И сотники, и бунчукови,
Яки правдыву жизнь вели;

но любопытно, что въ адъ паны попали за дурное обращеніе съ крестьянами.

Панивъ за те тамъ мордовалы,
И жарили зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы,
И ставили ихъ за скотивъ.
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очеретъ косылы.

Интересно еще замѣчаніе Котляревскаго, что

Мужича правда есть колюча.
А панська на вси боки гнуча.

Кое-гдѣ проскальзываютъ замѣчанія о чиновникахъ, между прочимъ, о главной язвѣ тогдашняго чиновничьяго быта—взяточничествѣ.

У насъ хоть трохы кто тямущый...
То той хоть зъ батька та здере.

Достается не мало

«ченцямъ, попамъ и крутопопамъ»

за то, что

Мырянъ щобъ зналы научать,
Щобъ не гонялысь за грывнямы,
Щобъ не возылись зъ попадями,
Та зналы церковь щобъ одну,

особенно ксендзамъ, «до бабъ щобъ не йиржалы».

Не лишено интереса описаніе рекрутчины, близкое къ народному пониманію.

Пишлы, розвывшы короговку,
И слезы молодежь лила,
Кто жинку мавъ, сестру, ятровку,
У инчыхъ мылая була.

Въ другомъ мѣстѣ приводится мысль, что для войны нужны деньги и запасы хлѣба:

Війско треба харчуваты
И воинъ безъ вина хомякъ,

Безъ битои голои копійки,
Безъ сій прелестницы злодійки,
Неможна воювать ніякъ.

Чуткая отзывчивость на современные общественные интересы создала Котляревскому прочное положеніе въ потомствѣ. Насколько это положеніе прочно, можно судить по сравненію Котляревскаго съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ. Котляревскій и Гнѣдичъ вмѣстѣ учились въ полтавской семинаріи, были пріятелями и похоронены рядомъ на городскомъ полтавскомъ кладбищѣ. Гнѣдичъ получилъ широкую извѣстность среди современниковъ переводомъ «Иліады», Котляревскій—пародіей на «Энеиду». Любопытная игра судьбы—осмѣяніе классической старины со стороны Котляревскаго сыграло гораздо большую роль и оставило по себѣ неизмѣримо большія литературныя послѣдствія, чѣмъ прославленіе классической древности со стороны Гнѣдича. Котляревскому воздвигаются памятники; Гнѣдичъ почти забытъ, а, между тѣмъ, и Гнѣдичъ обладалъ талантомъ, быть можетъ, не меньшимъ, чѣмъ талантъ Котляревскаго. Извѣстно, какъ въ 1830 г. Пушкинъ сочувственно встрѣтилъ переводъ «Иліады»:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Обладая тонкимъ поэтическимъ слухомъ, Пушкинъ въ тяжелыхъ гекзаметрахъ Гнѣдича разслышалъ умолкнувшіе звуки божественной эллинской рѣчи; но для широкихъ слоевъ образованнаго общества здѣсь было только тяжелое бряцаніе громкихъ словесъ. Гнѣдичъ и въ оригинальныхъ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ пробовалъ выдержать высокопарный стиль, причемъ такъ далеко ушелъ отъ родины, отъ жизни, отъ бытовой дѣйствительности, что читающая публика увидѣла въ немъ незнакомца и совершенно забыла и его, и всѣ его произведенія, переводныя и оригинальныя.

Котляревскій пошелъ навстрѣчу живымъ запросамъ общества; онъ сталъ разрабатывать на малорусскомъ языкѣ такіе мотивы, которые еле были затронуты въ семинарскихъ литературныхъ продуктахъ стараго времени и привлекали къ себѣ вниманіе, вызывали веселый смѣхъ, порождали анекдоты и шутки. Онъ пошелъ навстрѣчу мѣстнымъ сценическимъ потребностямъ и такимъ путемъ не только отвѣтилъ на запросы средняго общества, но и людямъ высокаго общественнаго положенія онъ доставилъ большое удовольствіе; таковъ, былъ, напр., малороссійскій генералъ-губернаторъ князъ Я. Н. Лобановъ—Ростовскій, любившій изящныя искусства и содѣйствовавшій устройству въ Полтавѣ театра лю-

бителей; таковъ былъ, напр., малороссійскій военный губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ, который содѣйствовалъ постановкѣ «Наталки Полтавки» на полтавской сценѣ въ 1819 г.; таковъ былъ, наконецъ, Императоръ Николай Павловичъ, читавшій въ молодости «Энеиду» Котляревскаго. Кулишъ глубоко ошибался, когда въ 60-хъ годахъ писалъ, что «Энеида» Котляревскаго нравилась армейскимъ офицерамъ-товарищамъ поэта да ихъ лакеямъ; будто простолюдины не смѣялись: имъ было не до «Энеиды». Въ дѣйствительности, смѣялись всѣ, до кого только доходила «Энеида»: и князья, и простолюдины,—и въ этомъ смѣхѣ были плодотворные культурные зародыши, зарождались новыя литературныя стремленія, крѣпла наклонность къ литературному воспроизведенію бытовой дѣйствительности, къ проповѣди братскихъ и гуманныхъ сословныхъ отношеній. Для конца восемнадцатаго столѣтія это были зародыши большой важности и большого значенія, особенно въ этнографическихъ предѣлахъ Малороссіи.

Историческое значеніе И. П. Котляревскаго отчетливо выражено въ адресѣ Харьковскаго университета полтавскому городскому управленію 30 августа 1903 г. по случаю открытія памятника славному украинскому поэту. Адресъ слѣдующаго содержанія:

«Императорскій харьковскій университетъ приноситъ полтавскому городскому общественому управленію свои сердечныя поздравленія по случаю симпатичнаго торжества открытія памятника Ивану Петровичу Котляревскому. Не бѣдна та народная почва, на которой могутъ выростать такіе наблюдательные и отзывчивые писатели, какъ И. П. Котляревскій, равно какъ не бѣдна и та общественная среда, которая умѣетъ цѣнить свое историческое прошлое и закрѣпляетъ вещественными памятниками свои лучшія культурныя традиціи. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась перелицованная «Энеида», почти столѣтіе протекло, какъ вышли въ свѣтъ «Наталка Полтавка» и «Москаль Чаривникъ», и, однако, произведенія эти живутъ до сихъ поръ, охотно читаются, идутъ на сценѣ и часто переиздаются. Такая прочная устойчивость сочиненій Котляревскаго свидѣтельствуетъ объ ихъ жизненности: она ясно говоритъ о томъ, что писатель вполнѣ удачно отвѣтилъ на литературныя и просвѣтительныя стремленія общества. Главными проводниками въ Харьковѣ вліянія Котляревскаго были Костомаровъ, Срезневскій, Метлинскій, Квитка—почтенные дѣятели, оставившіе по себѣ въ лѣтописяхъ университета и города хорошую память. Независимо отъ тѣсныхъ литературныхъ связей, сближавшихъ нѣкогда Харьковъ съ Полтавой, произведенія Котляревскаго имѣютъ въ настоящее время немаловажное

значеніе для археологіи стариннаго малорусскаго быта по обилію въ свое время живыхъ, а нынѣ уже вымершихъ, характерныхъ бытовыхъ подробностей, напримѣръ, относительно украшенія жилища, пищи, одежды, нравовъ, пѣсенъ. Но не въ однѣхъ заслугахъ для археологіи состоитъ значеніе И. П. Котляревскаго. Императорскій харьковскій университетъ также высоко цѣнитъ въ немъ живого общественнаго дѣятеля, стремившагося къ широкому удовлетворенію мѣстныхъ культурныхъ интересовъ. Благодарное потомство поставило И. П. Котляревскому памятникъ, который служитъ, съ одной стороны, наглядным свидѣтельствомъ заслугъ этого писателя, съ другой—доказательствомъ живыхъ общественныхъ стремленій полтавскаго городского общественнаго управленія и всего мѣстнаго полтавскаго образованнаго общества. Да послужитъ же память о заслугахъ И. П. Котляревскаго, какъ для современнаго общества, такъ и для будущихъ поколѣній, новымъ побужденіемъ къ дальнѣйшему развитію гуманизма и просвѣщенія!».

Историческое значеніе перелицованной „Энеиды“ Котляревскаго обусловлено большимъ ея вліяніемъ на послѣдующее развитіе украинской литературы, ея связью съ предшествовавшими литературными пародіями на Энеиду Виргилія и значительнымъ количествомъ присутствующихъ въ ней историко-бытовыхъ потребностей. У Котляревскаго не мало такого, что уже въ его время было старо и шло къ вымиранію, что вышло затѣмъ изъ житейскаго обихода или сохранялось въ сельской глуши въ значеніи культурнаго пережитка.

При опредѣленіи тѣхъ сторонъ въ Энеидѣ Котляревскаго, которыя нынѣ представляютъ интересъ лишь для археологіи, прежде всего возникаетъ вопросъ, въ какой степени Котляревскій былъ самостоятеленъ въ ихъ изображеніи, нѣтъ ли у него тутъ прямыхъ заимствованій — изъ тѣхъ литературныхъ источниковъ, которымъ онъ въ большей или меньшей мѣрѣ подражалъ. Отвѣтъ на это сомнѣніе былъ уже данъ въ наукѣ, напр., въ статьѣ г. П. Житецкаго во 2 кн. «Кіевск. Стар.» 1900 г. и въ статьѣ г. Н. Минскаго о двухъ перелицованныхъ Энеидахъ; отвѣтъ вышелъ благопріятный для украинскаго писателя. Избравъ пародію Осипова 1791 г. образцомъ для своей работы, Котляревскій, не довольствуясь изложеніемъ внѣ пространства и времени, перенесъ все дѣйствіе поэмы въ современную ему Украину, къ изученію которой приступилъ съ большимъ рвеніемъ. Живя нѣсколько лѣтъ въ качествѣ учителя въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, почти въ центрѣ Малороссіи, Котляревскій присматривался къ языку народа, изучалъ его нравы, обычаи, обряды, повѣрья, преданія, участвовалъ въ играхъ, записывалъ характерныя народныя слова и пѣсни. Приступивъ сначала повидимому съ

цѣлью лишь посмѣшить читателя, Котляревскій увлекся работой, и, по мѣрѣ того какъ онъ изучалъ народную жизнь, отношеніе его къ народу становилось болѣе серьезнымъ и сознательнымъ, что обнаружилось въ послѣднихъ пѣсняхъ Энеиды и въ драматическихъ произведеніяхъ.

Почти всѣ главные малорусскіе писатели—Котляревскій, Квитка, Шевченко, Манжура, Франко, Гринченко въ то же время этнографы, съ той разницей, что у писателей новаго времени этнографическія собранія и изслѣдованія идутъ большею частью отдѣльно, въ видѣ сборниковъ и журнальныхъ статей, а у писателей раннихъ, въ особенности у Котляревскаго и Шевченка этнографическія изученія введены въ литературныя произведенія и разлиты по нимъ повсемѣстно и въ такомъ обиліи, что поэтъ сливается съ этнографомъ.

По словамъ г. Минскаго, Энеидѣ Котляревскаго особенную прелесть придаютъ живыя наблюденія изъ быта малорусскаго простолюдина, правда и талантливость изображеній. Описывается ли попойка, сраженіе, буря—все блещетъ своеобразными украинскими красками, на всемъ печать живой правды. Для подвержденія своихъ словъ. г. Минскій сравниваетъ описаніе обѣда, устроеннаго Дидоной Троянцамъ, въ поэмахъ Блумауера, Осипова и Котляревскаго. Вотъ какъ этотъ обѣдъ описываетъ Блумауеръ: «То былъ обѣдъ! Съ тѣхъ поръ, какъ ѣдятъ, подобнаго не давалъ ни одинъ государственный прелатъ, носящій архіерейскую шапку. Нарочными эстафетами были доставлены изъ Парижа зелень, рагу и соусы, равно какъ и карлики, заключенные въ паштетахъ, изъ Венгріи мясо, изъ Америки птицы, изъ Лапландіи мороженое. Тутъ были морскіе раки, карпы и длинная форель. Вмѣсто жаркого былъ поданъ цѣлый быкъ; спаржа была толщиною въ руку, устрицы громадныя, какъ тарелка». Далѣе описывается пирогъ, представлявшій пожаръ Трои, съ Энеемъ, сдѣланнымъ изъ тѣста на верху, и вина токайское, капское, мальвазія, шампанское и др. Намѣреніе Блумауера ясно—осмѣять прожорство католическаго духовенства. Осиповъ, оставивъ въ сторонѣ духовенство и позаимствовавъ только паштеты и вина, приправилъ свое описаніе кабацкими словечками:

Различны яства тамъ заморски,
По почтѣ все привезено,
Дурного не было ни горсти,
Все на подрядъ припасено.
Пудъ въ десять окорокъ вестфальскій,
Съ большую башню сыръ голандскій,
Жаркого часть былъ цѣлый быкъ,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

На пирогѣ же или паштетѣ
Катайся цугомъ хоть въ каретѣ,
И съ свинью былъ у нихъ куличъ...
Виномъ шампанскимъ хоть облейся...

Котляревскій придалъ колоритъ чисто малорусскій.

Выйшлы въ свитлыцю, та й на пилъ;
Пылы па радощахъ сивуху,
И илы симьяну макуху,
Покы клыкнулы ихъ за стилъ.
Тутъ илы разныя потравы
И все зъ полывьяныхъ мысокъ,
И сами гарніи приправы
Зъ новыхъ кленовыхъ тарилокъ.
Свынячу голову до хрину
И локшину на перемину,
Потимъ зъ пидлевою индыкъ,
На закуску кулишъ и кашу,
Лемишку, зубци, путрю, квашу
И зъ макомъ медовый шулыкъ,
И кубкамы пылы вышнивку,
Медъ, пыво, брагу, сыривець,
Горылку просту и тернывку.

Вообще, у Котляревскаго часто говорится о кушаньяхъ и напиткахъ. Такъ, въ гостяхъ у Ацеста.

И заразъ попросывъ у хату,
Горилкою почастувавъ,
На закуску наклалы сала,
Лежала ковбаса чимала
И хлиба повне решето,
Троянцамъ всимъ дали тетерю....
И въ кахляхъ понеслы пашкеты
И кисилю имъ до сыты,
Гарячую, мяку бухынку,
Зразову до рижкивъ печинку
Гречаныхъ съ часныкомъ пампухъ

Въ другомъ мѣстѣ:

Поклалы шелевки сосновы,
Кругомъ наставылы мысокъ....
Лемишку и кулишъ глыталы

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

И брагу кухлыкомъ тяглы
Та и горылочку хлесталы.
Зевесъ кружавъ тоди сывуху
И оселедцемъ заидавъ [1]).

Прямо съ натуры списана картина, какъ во время пира:

Въ прысинкахъ вси паны сидилы,
На двори жъ кругомъ стоявъ народъ
У викна де-яки глядилы,
А иншій бувъ наверхъ воротъ (26)..
Роты свои пороззявлялы
И очи на лобы пьялы (61).

Въ раю:

Тамъ лакоцины разни илы,
Буханчики пшенични били,
Кислыцы, ягоды, коржи,
И всяки разни вытребеньки...
Люлькы курылы полягавши,
Або горилочку пылы—
Не тютюнкову и не нинну,
А третёпробну перегинну,
Настоянную на бодянъ.
Пидъ челюстями запикину
И зъ ганусомъ и до колгану,
Въ ній бувъ и перецъ, и шапранъ
И ласощи все тилько илы,
Сластёны, коржики, стовпци,
Варенькы, пшенычни, били
Пухки съ кавьяромъ буханци,
Чеснькъ, рогизъ, паслинъ, кыслицы,
Козельци, тернъ, глидъ, полуныни,
Крутыи яйця зъ сырывцемъ,
И дуже вкусную яешню,
Якусь нимецьку, не тутешню,
А запывали все пивцемъ (62)

Въ гостяхъ у латинскаго царя:

Вродылось реньске съ курдымономъ
И пиво чорнее зъ лымономъ. (74)...

---

[1]) Всѣ выписи сдѣланы по изд. редакціи Кіевской Старины.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Ныригъ завдовжки изъ аршинъ (75)...
И илы бублики, кавьяръ,
Бувъ борщъ до шпундрывъ зъ буряками,
А въ юшци потрухъ зъ галушками,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибкы баба шарпанына,
Печена съ часныкомъ свынына,
Крохмалъ—якій йидять паны...
Пылы сикизку, деренивку
И крымску вкусную дуливку—
Що то айвовкою зовуть (77)...

Неоднократно упоминаются колбасы, особенно нѣжинскія (80, 116), мандрыки (80), ахтырскій медъ (99), съ стрючкомъ горилка (117).

Въ другомъ мѣстѣ угощеніе состоитъ въ:

Просилне зъ ушкамы, зъ гринкамы,
И юшка зъ хлякамы, зъ кишками,
Телячій лызень тутъ лыжавъ,
Ягны и до соформку куры (94)...

Сохраняя смѣхотворный тонъ при описаніи угощеній, Котляревскій, однако, стоитъ на реальной почвѣ и даетъ рядъ бытовыхъ подробностей.

Многія кушанья, упоминаемыя въ Энеидѣ, и въ настоящее время въ ходу въ Малоросіи, кулишъ, локшина, лемишка, зубци, гречневыя пампушки съ чеснокомъ, вареники, другія стоятъ на пути къ исчезновенію или совсѣмъ вышли изъ употребленія, напр., ганусовыя горѣлки, разные сластены. Очень немногое попало со стороны, было заимствовано, напр., «пашкеты»; но самыя заимствованія не противорѣчатъ бытовой дѣйствительности.

Еще болѣе архаичности въ описаніи одежды. Довольно часто упоминаются разныя части женскаго костюма. Такъ, Юнона

Сховала пидъ кибалку мычку (8).

Венера, отправляясь къ Зевсу,

Взяла очипокъ грезетовый
И кунтушъ съ усамы люстровый
Пишла къ Зевесу на ралецъ (10).

Дивчата пляшутъ

въ дробушкахъ, въ чобиткахъ, въ свыткахъ (14).

(Сестра Дидоны) Ганна

Въ червоній—юпочци баевій,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ запасци гарній фаналевій,
Въ стёнжкахъ, намисти и ковткахъ (15).

Царица Дидона, отправляясь на пиръ,
Взяла кораблыкъ бархатовый,
Спидныцю и корсетъ шовковый
И поцепыла ланцюнжокъ,
Червони чоботы обула,
Та и запаски не забула,
А въ рукы зъ вибійкы платокъ.

Эней въ аду, идя за Сивиллой, въ страхѣ
Хватавсь за дергу и тулывся,
Мовъ отъ кота въ комори мышъ (48).

Если исключить дергу и свитку, бытующія еще въ селахъ, то все остальное уже вышло изъ употребленія; цвѣтная обувь, кораблики, кунтуши, платки изъ выбойки—все это уже старина. «Очипки грезетовые», «кунтуши съ усами» сохраняются лишь немногими старухами, какъ память о прошломъ.

Сивилла, получивши отъ Энея деньги, спрятала «грошыкы въ калытку, пиднявши пелену и свытку» (68). Такъ и теперь мѣстами женщины хранятъ деньги.

Мужской костюмъ описывается рѣже, чѣмъ женскій.

Дидона подарила Энею:
Штаны и пару чобитокъ,
Сорочку и каптанъ зъ китайкы,
И шапку, поясъ съ каламайкы,
И чорный шовковый платокъ (15).

Укладываясь, послѣ выпивки спать, «Эней въ керею замотався (99).

Убитаго въ сраженіи Палланта «комлыцькой буркою прикрылы (125).

Подданые латинскаго царя «носылы подрани галанци» (70).

Мужской костюмъ, по своей простотѣ, оказался болѣе устойчивымъ; но штаны «галанци» забыты,—галанци отъ названія привознаго голандскаго сукна fein holländisch.

Мелкая, но характерная черта—упоминаніе платка, при описаніи мужскаго и женскаго костюма. Платокъ, хустка игралъ въ старое время у народа такую видную роль, что вошелъ въ повѣрья и обряды.

Палка, занимающая видное мѣсто въ украинскомъ фольклорѣ, для счета, какъ знакъ власти и пр., нашла себѣ мѣсто въ Энеидѣ:

Одынъ зъ троянскои громады,
Насупывшись все мовчавъ,

И дослухавшись до порады,
Ципкомъ все землю колупавъ (33).

Описаніе панскаго кучера машталира:

На ему била була свыта
Изъ шаповальского сукна,
Тясемкою кругомъ обшита....
На бакиръ шапочка стремила,
Далеко дуже червонила,
Въ рукахъ же довгый бувъ батигъ (35)...

Весьма интересно съ археологической точки зрѣнія перечисленіе лубочныхъ картинъ стараго времени во дворцѣ латинскаго царя:

Отъ прывезлы и мальованне,
Работы первійшихъ мастривъ,
Царя Гороха пановапье,
Патреты всихъ богатырив:
Якъ Александръ цареви Пору
Дававъ изъ війскомъ добру хльору,
Чернець Мамая якъ побывъ,
Якъ Муромець Илья гуляе,
Якъ бье Варягъ и проганяе,
Якъ Переяславъ боронывъ
Бова съ Полканомъ якъ водывся,
Одынъ другого якъ выхривъ;
Якъ Соловій харцызъ женывся,
Якъ въ Польщи Желизнякъ ходывъ,
Патретъ бувъ француза Картуша,
Протывъ його стоявъ Гаркуша,
А Ванька Каинъ впереди.
Всякихъ всячинъ накупылы,
Вси стины нымы облипылы (74).

Это весьма цѣнныя странички изъ исторіи украинскаго лубочнаго искусства XVIII ст. Здѣсь, очевидно, цѣлый каталогъ картинъ, украшавшихъ стѣны въ старинныхъ украинскихъ помѣщичьихъ домахъ. Къ сожалѣнію, украинское искусство стараго времени мало изучено, и даже капитальный трудъ Ровинскаго о лубочныхъ картинахъ не даетъ возможности описать всю данную Котляревскимъ коллекцію. Такъ, первая картина «царя Гороха пануванье» у Ровинскаго не отмѣчена. «Портреты всихъ богатырив» были такъ распространены въ старину, что въ Оста-

шковѣ лубочныя картины получили общее названіе «богатыри»[1]). Какъ значительно было въ Полтавщинѣ распространеніе картинъ на былинные сюжеты, видно узъ упоминаемыхъ Котляревскимъ Ильи Муромца и Соловья. Въ Малороссіи обращались картины, какъ «Муромецъ гуляе», каковыя отмѣчены Ровинскимъ въ значительномъ числѣ, и картины, «якъ Соловій харцызъ женывся»—картина неизвѣстнаго содержанія. Въ былинахъ упоминаются жена и дѣти Соловья, безъ указанія на его женитьбу.

Картина «якъ Александръ цареви Пору дававъ изъ війскомъ добру хлеру» была распространена. Быть можетъ тутъ имѣется въ виду тотъ рисунокъ, гдѣ Александръ обманомъ заставляетъ Пора оглянуться назадъ и въ это время поражаетъ его копьемъ, мотивъ, часто приписываемый въ былинахъ Алешѣ Поповичу.

Бой Ильи съ Варягомъ и защита Переяслава, картинка о Желѣзнякѣ и Гаркушѣ исторически безслѣдно исчезли. У Ровинскаго описаны картины о Бовѣ, Картушѣ и Ванькѣ Каинѣ. Картины боя Бовы съ Полканомъ отличались большимъ распространеніемъ, по распространенности самой сказки, о которой упоминаютъ Кантемиръ, Сумароковъ, которую любилъ Пушкинъ. Картушъ и Ванька Каинъ—знаменитые разбойники, воры и грабители первой половинѣ XVIII ст.—слыли молодцами; разсказы о нихъ отразились въ лубочной литературѣ и въ народныхъ картинахъ.

Въ одномъ мѣстѣ Энеиды находится краткое упоминаніе о понидилкованіи, т. е. соблюденіи поста по понедѣльникамъ, что и нынѣ мѣстами практикуется старыми женщинами, съ личнымъ пріуроченіемъ стараго обычая къ Святому Понидилку. Кое гдѣ разбросаны живыя черты нынѣ почти совсѣмъ прекратившагося чумачества. Такъ, Дидона, спрашиваетъ троянцевъ: «чы рыбу зъ Дону везете?» (13). Въ другомъ мѣстѣ старикъ знахарь

Не разъ ходывъ за силью въ Крымъ,
Тарани торгувавъ возами...
Винъ такъ здавався и никчемный,
Та бувъ разумный якъ пысьменный... (33).

Весьма мѣтко еще замѣчаніе, что море такъ троянцамъ надоѣло,

Якъ чумакамъ дощъ въ осени. (35).

Въ одномъ мѣстѣ находится описаніе стараго обычая водить медвѣдя.

Эней ведмедивъ прывесты звеливъ,
Литва на трубы засурмила,
Ведмедивъ заразъ зупынула,

[1]) *Ровинскій*, Рус. народ. карт. V, 349.

Заставылы ихъ танцювать,
Сердешный звирь перекидався,
Плыгавъ, вертився и качався,
Забувъ и бджолы пиддырать (20).

Глубоко архаическимъ характеромъ отличается замѣчаніе, что послѣ смерти Палланта:

Жинки покійныка обмылы,
Нове убрання наложилы,
Запхнулы за щоку пьятакъ (129).

Есть двѣ черты стариннаго панскаго быта, нынѣ исчезнувшія, первая о томъ, что въ компатахъ

Курывсь для духу яловецъ (13),

и вторая болѣе характерная, о томъ что прислуга Плутона

Была пидъ двиромъ въ клепало—
Якъ въ панськыхъ водится дворахъ (61).

Клепало—(позднѣйшій помѣщичій бытъ не даетъ объясненія), должно быть, предупредительный звонокъ.

Хліорки, т. е. проститутки стоять въ аду нагими

Зъ остриженными головами,
Зъ пидризанными пеленами (47),

очевидно, согласно съ народнымъ обычаемъ наказанія за развратъ.

Сельская тревога, бывающая преимущественно во время пожара, вѣрно выражена въ стихѣ: «на гвалтъ у звоны зазвонылы, по улицамъ въ трещетки били» (31).

Въ «Энеидѣ» разбросано много указаній на малорусскія пѣсни, сказки, народные обычаи и повѣрья, игры, танцы, гаданія.

Что касается пѣсенъ, то:

Про Сагайдачного спывалы,
Лыбонь спывалы и про Сичъ,
Якъ въ пыкынеры набиралы,
Якъ мандрувавъ козакъ всю ничъ,
Палтавську славылы шведчыну,
И неня якъ свою дытыну
Зъ двора проводыла въ походъ
Якъ пидъ Бендерью воювалы.
Безъ галушокъ якъ помыралы
Колысь якъ бувъ голодный годъ (36).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Тутъ, очевидно, имѣется цѣлый рядъ историческихъ пѣсенъ, впослѣдствіи забытыхъ. Въ концѣ XVIII ст. народное пѣснотворчество было еще богато и свѣжо, и самъ Котляревскій почерпалъ въ немъ силу.

Неменѣе интересны намеки на популярныя въ началѣ XIX ст. народныя сказки о кобылячьей головѣ (34), о золотыхъ деревьяхъ (42), коврѣ-самолетѣ, скатерти-самобранкѣ и сапогахъ скороходахъ (75—76). Въ одномъ мѣстѣ (98) упоминается цѣлый рядъ популярныхъ сказочныхъ героевъ:

Катыгорохъ, Иванъ Царевичъ,
Кухарчичъ, Сучичъ и Налетычъ (?),
Услужлывый Кузьма—Демьянъ,
Кощій съ прескверною Ягою,
И дурень съ ступою новою,
И славный рыцарь Марцыпанъ (?).

Что это за рыцарь Марцыпанъ? не подобіе ли пѣсеннаго олицетворенія хлѣба Журила.

Народные обычаи—приготовленіе рушниковъ къ свадьбѣ (26), пѣніе виршей школярами подъ окнами (26), и пѣкот. др. отмѣчены мимоходомъ.

Также случайны упоминанія о народныхъ повѣрьяхъ, напр., о вырьѣ (Юнона махнула въ вырій навпростець, 128).

Гораздо чаще упоминаются игры, танцы и гаданія. Изъ нихъ упоминаются «въ свинкы» (11), «у панаса», «въ журавля» (15), «въ хрещики», «въ горюдуба», «въ джгута», «въ хлюста,» «въ пары», «въ визка», «въ дамки» (16), «въ носка», «у лавы», «въ памфыля», «въ кепа» «въ симъ листивъ» (38), «у ворона», «въ тисной бабы», «въ джерегели» (65), въ паци (97), «въ китыки крашанками» (70), холяндры (цыганскій танецъ, 26).

Иногда одно мимолетное сравненіе пріоткрываетъ существованіе сказки. Такъ, когда Энтеллъ говоритъ Даресу: Зитру, зомну—морозъ якъ бабу (27), то тутъ мы, очевидно, имѣемъ указаніе на весьма интересную сказку о бабѣ докіи (т. е. Евдокіи) или на сказаніе о займѣ дней[1]).

Довольно подробно и часто упоминаются вѣдьмы, знахари и упыри. Отъ недуга «отшептываютъ бабы» (35). Знахарь

Всимъ видьмамъ бувъ родычъ кревный,
Умивъ и трясцю отшептаты,
И кровь хрестьянску замовляты,
И добре знавъ гребли гатыть (33).

[1]) См. мою ст. въ III кн. Русск. Филол. Вѣстн. 1891 г.

Знахарька Сивилла говоритъ:

Я имъ на звиздахъ ворожу,
Кажу чи трясцю одигнаты,
Отъ заушныць чи пошептаты,
Або и волосъ изигнать,
Шепчу, уроки прогоняю,
Переполохи выливаю,
Гадюкъ умію замовлять (40).

Вѣдьмъ и шептухъ мучаютъ въ аду,

На прыпичкахъ, щобъ не оралы,
У комины щобъ не литалы,
Не издылы на упыряхъ
И щобъ дощу не продавалы,
Въ ночи людей щобъ не лякалы
Не ворожилы бъ на бобахъ (56).

Мѣстами отмѣчены плясовыя пѣсни и танцы, отмѣчены горлицы, зубъ, санжаривка, трепакъ, гацакъ, гайдукъ (Эней «садывъ крутенько гайдука»). Изъ этого перечня съ теченіемъ времени кое-что уже забыто и вышло изъ употребленія.

Въ другомъ мѣстѣ (65) стр.) дано краткое перечисленіе гаданій, въ-родѣ болѣе поздняго предисловія Жуковскаго къ «Свѣтланѣ»: Дѣвушки—

Въ коминъ суженыхъ пыталы,
У хатнихъ викон пидслухалы,
Ходили въ пивничъ по пусткамъ,
До свички ложечки палылы,
Щетыну изъ свиньи смалылы,
Або жмурылись по куткамъ (65).

Картина гаданій яркая; но о нѣкоторыхъ упоминаемыхъ Котляревскимъ фактахъ гаданія нынѣ уже трудно составить представленіе, по отсутствію аналогичныхъ явленій въ современной жизни. Одни и нынѣ еще хранятся—вызываніе въ трубу, выливаніе воска, подслушиваніе у оконъ; другія, повидимому, вышли изъ обихода. Такъ, неясно, въ чемъ состояли гаданія съ паленіемъ щетины и со жмурками.

Яркая картина чародѣйства на водѣ и травахъ обнаруживается въ описаніи того, какъ знахарка

И заразъ въ горщичекъ наклала,
Видёмскихъ разныхъ, всякихъ травъ,
Яки на Констянтина рвала,
И то гниздо, що ремезъ клавъ,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Васильки, папоротъ, шевлію,
Петривъ батигъ и конвалію,
Любыстокъ, просырень, чебрець,
И все то налыла водою
Погожою, непочатою,
Сказавши скилькось и словецъ (66).

Въ «Энеидѣ», какъ въ пародіи, встрѣчаются бранныя слова, чаще всего излюбленныя малороссами проклятія:

Щобъ доброи не знали доли (20).
Щобъ вашъ пропавъ собачій ридъ (110).
Щобъ вашижъ диты васъ побылы (110).

Какъ бранное выраженіе встрѣчается—«Келебердянська верства». Упоминается въ одномъ мѣстѣ выраженіе. «По сербски величалы виру» (113). Здѣсь имѣется въ виду крайне грубое сербское ругательство, далеко превосходящее всѣ русскія трехъ-этажныя ругательства. Вообще, герои Котляревскаго часто

И ридъ весь свой зъ потрухомъ кленуть (119)...

Въ этомъ пристрастіи малороссы къ проклятіямъ ярко отмѣчена одна изъ его своеобразныхъ національныхъ особенностей.

Описаніе медицины ироническое съ проблесками бытовой дѣйствительности. Хотя врачи и мучаются въ аду наряду съ другими грѣшниками, но на горестной землѣ все таки къ нимъ обращаются, Такъ, когда съ нянькой латинскаго царя сдѣлалось дурно (порвалы маточни припадки, истерика и лихорадка), то

Пидъ нисъ іи клалы ассафету
И теплую на пупъ сервету
И ще клистыръ зъ ромну далы (81).

Раненнаго Энея лѣчили не только заговорами, но «Гарлемськими» каплями (139), очевидно, бывшими въ ходу во время составленія пародіи.

Въ аду

Ликарь скризь ходывъ зъ ланцетомъ,
Зъ слабытельнымъ и спермацетомъ
И чванывсь, якъ людей морывъ (58).

Вообще, медицина въ Энеидѣ плохо аттестованна. Во время Котляревскаго народъ еще недовѣрчиво относился къ недоступной для него медицинской наукѣ, и лишь впослѣдствіи земская медицина привлекла къ себѣ его расположеніе.

Странное впечатлѣніе производятъ неоднократныя вылазки Котляревскаго противъ науки. Въ аду на самомъ днѣ кипятъ «мудри звиздъ щобъ не знималы»(53). Далѣе въ аду

Мудрецъ же фызыку проводывъ,
И товковавъ якыхсъ монадивъ,
И думавъ, выдкиль взявся свитъ (57).

Видно, что Котляревскій относился враждебно къ духу научной пытливости и не любилъ, какъ онъ выражался, «мудрованья».

Позднѣе въ такомъ же отрицательномъ духѣ высказался и Шевченко. Малорусскіе писатели, дорожившіе свободой слова, упустили изъ виду необходимость свободы въ изложеніи научной истины.

Въ Энеидѣ, не смотря на ея псевдоклассическую основу, ярко обнаружились мѣстныя полтавскія симпатіи автора. Котляревскій съ умиленіемъ вспоминаетъ о томъ, какъ въ старое время.

... Славныи полки казацки,
Лубенскій, Гадяцкій, Полтавскій,
Въ шапкахъ було, якъ макъ, цвѣтутъ,
Якъ грянуть, сотнями ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ метлою все метутъ (85).

Муза Котляревскаго училась въ полтавской школѣ:

Ты, Музо, кажутъ всѣ, письменна,
Въ полтавскій школи наученна (120).

Нѣсколько разъ упоминается «шведчина», преданія о которой были, повидимому, еще свѣжи въ концѣ XVIII ст., упоминается шведская могила (80, 89, 119).

Кое-гдѣ мелькаютъ ближайшія къ Полтавѣ села, Ивашки, Мыльци, Пушкаривка, Будыще, Горбатовка, гдѣ дивчатъ «хотъ гатъ гаты» (137).

Женщина обрисована въ Энеидѣ большей частью симпатично. Яркія краски разсыпаны при описаніи дѣвичьей красоты (71); много теплаго чувства вложено въ изображеніе матери. Силачъ Эвріалъ, прощаясь съ матерью, прослезился. Онъ проситъ Энея, въ случаѣ смерти, позаботиться о его матери—«не дайте пань-матци вмерты видъ нужды... и заступайте видъ вражды» (105).

Имѣя въ виду, что женщина въ Малороссіи всегда пользовалась большимъ вліяніемъ, нѣкоторое значеніе получаетъ то мѣсто въ Энеидѣ, гдѣ говорится, какъ женщина

Колы чого просыты мае
То добрый отгадае часъ,
И къ чоловику пригныздыться
Прытулыться, прыголубыться,
Цилуе, гладыть, лескотыть,
И вси суставы растурбуе
И мизкомъ такъ заведуе,
Що сей для жинкы все творыть (96).

Встрѣчаются, однако, мѣстами фривольныя выраженія, большей частью какъ дань бытовымъ вкусамъ времени (напр. на стр. 47, 95 и въ особенности на стр. 82).

Бытовая старина обнаруживается въ самомъ языкѣ Котляревскаго. Какъ человѣкъ сильнаго дарованія, Котляревскій мимоходомъ давалъ яркія характеристики, смѣлые художественные образы, изъ которыхъ многіе сохраняютъ еще жизненность.

Такъ, встрѣчаются яркіе образы изъ внѣшней природы:

Не хмара сонце заслонила,
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галичъ чорне поле вкрыла,
Не витеръ буйный се шумыть—
Се війско йде всима шляхамы... (89), или
Якъ хвыля хвылю проганяла,
Такъ думка думку пошыбала (91), или
Уже Волосажаръ пиднявся,
Визъ на неби внызъ повертавсь,
И де хто спаты укладався (121)...
Уже свитовая зирныця
Була на неби, якъ пьятакъ,
Або пшенышня варяныця,
И небо рдилося, мовъ макъ (128)...

Частью подъ вліяніемъ семинарскихъ литературныхъ традицій, частью въ сознаніи своей силы въ знаніи малорусскаго языка, Котляревскій допускалъ разные смѣлые лингвистическіе фокусы, какъ мастеръ своего рода жонглировалъ словами, что оправдывается самимъ характеромъ перелицованной Энеиды, какъ литературной пародіи. Такъ, въ началѣ четвертой главы онъ, подражая Осипову, существительныя обращаетъ въ глаголы и, обратно, изъ глагольныхъ формъ и нарѣчій выкраиваетъ существительныя:

Та абыщо ты верзляломъ,
Не казку кормомъ соловьять,

Ось-ну закалыткуй брязкаломъ
По радощи заденежать и пр. 67.

Въ другомъ мѣстѣ Котляревскій пускается въ макаронизмы:

Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ
И славный троянорумъ князь,
Шмыглявъ по морю, якъ цыганусъ,
Адъ те, о рексъ, прыславъ нункъ насъ,
Рогамусъ, домыне Латыне,
Нехай нашъ капутъ не загыне и т. д. (75).

Но играя языкомъ, Котляревскій самъ указываетъ на шутку,

Мене за сю не лайте мову,
Не я ін скомпанувавъ,
Сывылку лайте безтолкову... (68).

«Энеида» насыщена пословицами, поговорками, мѣткими выраженіями, частью взятыми прямо изъ устъ народа, частью въ авторской передѣлкѣ, частью созданныхъ авторомъ въ духѣ народной рѣчи:

....Набрались вси сто—лихъ (9).
Хиба якъ здохне чортъ въ рови (10).
....Въ три—вырви выгналы (12).
Охлялы, нибы въ дощъ щеня (13).
....Голы, якъ пень (16).
Эней пиджавъ хвистъ, мовъ собака (18).
Зъ двора въ собачу рысть побигъ (20).
....Якъ муха въ зиму слизъ (24).
....Облызня піймавши (28).
Тоби тамъ буде не до чмыгы,
Якъ пиднесутъ изъ оцтомъ фыгы,
То заразъ вхопыть тебе лунь (42, 82).
Якъ прыйде узломъ до чогось (68).
Пропалы, якъ Сирко въ базари (69).
На ловця и звиръ наскакавъ (74).
Де йистся смачно, тамъ и пьется (94)
На ласее кутокъ найдется (ів.).
Фортуна не въ его кишени (ів.).
...Охъ, моя ты плитко, (65).
Не втне, бачъ, Панько Орышкы (99).
На злее всякій ма охоту (100).
Росту, якъ при шляху горохъ (104).
....Сентябремъ дывывсь (119).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Вамъ бильше рясту не топтать (125).
И теревени — вени правышъ (127).
Якъ на завійныцю крычалы (129).
...Дадутъ намъ кисиля (102).
Твоимы медъ устамы пыты (134).
Ты въ руку не піймавъ сыныцю (144).
Пидпустыть москаля (37).
Ледащо сынъ—то батькивъ грихъ (96).
Якъ кажутъ, хоть выносъ святыхъ (111).

Встрѣчаются изрѣдка устарѣвшія слова, которыя самъ авторъ считалъ нужнымъ объяснить, напр., карвасаръ (словесный судъ на ярмаркахъ 116) и слова сочиненныя или съ измѣненнымъ значеніемъ, напр., лыгомынци (52) въ значеніи волокиты (вм. значенія сласти отъ legumes — овощи). Выраженіе «вичну память заквилилы» (131) также, повидимому, представляетъ расширеніе понятія «квилить», встрѣчающагося въ народныхъ пѣсняхъ въ значеніи печальнаго птичьяго, преимущественно соколинаго крика.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

3.

Просвѣтительная дѣятельность А. А. Палицына.

Основатель Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣтилъ: «Ему (т. е. А. А. Палицыну) обязаны мы большей частью началами европейскаго быта въ Украинѣ». Кто же былъ этотъ просвѣтитель? Это былъ мелкопомѣстный дворянинъ сумского уѣзда Харьковской губ. майоръ Александръ Александровичъ Палицынъ, для своего времени человѣкъ высокаго образованія и большого просвѣтительнаго усердія и доброжелательства.

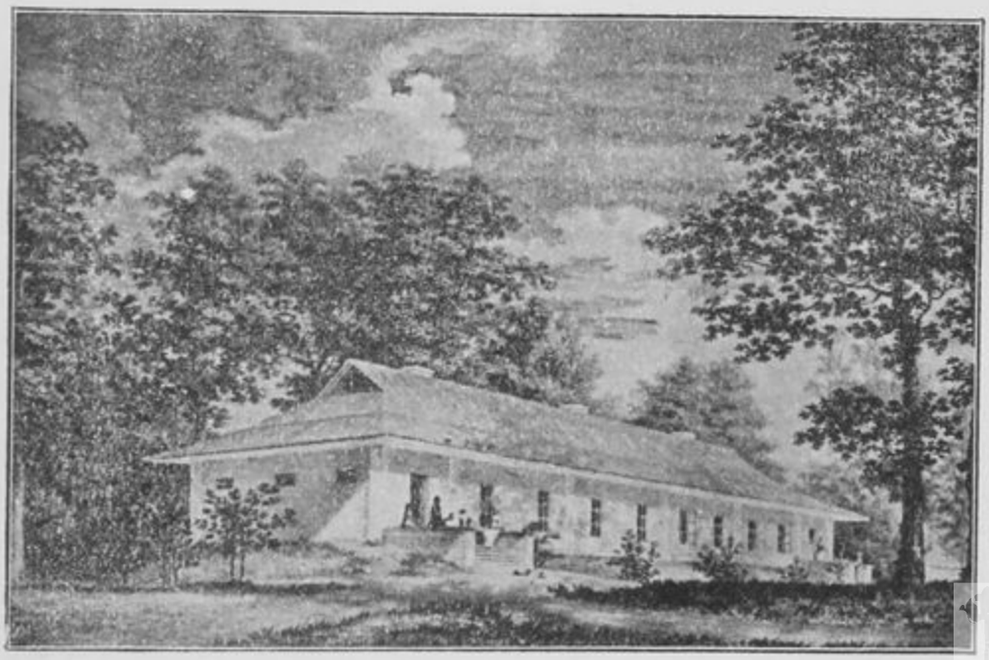
Послѣ службы въ Петербургѣ, Палицынъ поселился въ сумскомъ уѣздѣ, въ с. Поповкѣ, и вокругъ него сгруппировался кружокъ образованныхъ людей, принявшій шутливое названіе «Поповской Академіи». По предположенію проф. Д. И. Багалѣя, Палицынъ былъ недавнимъ поселенцомъ Слободской Украины, такъ какъ въ спискѣ слободско-украинскихъ дворянъ 1767 г. Палицыны не упоминаются. Поповка была населена сумскимъ протопопомъ Ан. Словенскимъ, и въ 1767 г. ею владѣлъ ахтырскій полковый обозный Савиновъ [1]).

Членъ Стат. Комитета протоіерей Ѳ. Лащенковъ представилъ любопытные для исторіи Харьковщины матеріалы, и часть ихъ, именно автобіографія В. И. Ярославскаго, была напечатана въ 1887 году въ «Кіев. Старинѣ» и 1 вып. «Харьковскаго Сборника». Остаются неизданными сочиненія Ярославскаго по исторіи и архитектурѣ и адресованныя къ нему письма А. А. Палицына. Письма эти, положенныя въ основаніе настоящей статьи, представляютъ значительный интересъ для исторіка русской литературы и нравственнаго состоянія русскаго образованнаго общества начала XIX столѣтія. Изъ писемъ Палицына видно, что въ первые годы XIX вѣка въ сумскомъ уѣздѣ харьковской губерніи въ селѣ Поповкѣ группировалось около просвѣщенной личности Палицына нѣ-

[1]) *Пр. Багалѣй.* Опытъ Ист. Харьк. Унив. I. 38.

А. А. Палицынъ.

„Видъ моей пустыни"
домъ А. А. Палицына въ с. Поповкѣ.
Рис. Алферова.

Къ 36 стр.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ по краеведческой
и музейной работе

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

сколько талантливыхъ писателей и художниковъ и этотъ литературно-художественный кружокъ, съ Палицынымъ во главѣ, именуется въ его письмахъ Поповской Академіей. Правда, самъ Палицынъ называетъ ее неоднократно кукольной, очевидно, ради шутки и краснаго словца. Тѣмъ не менѣе, онъ такъ дорожилъ этой академіей, такъ высоко цѣнилъ ея образовательное, культурное вліяніе въ околоткѣ, что желалъ появленія другихъ подобныхъ центровъ мѣстнаго просвѣщенія.

Ярославскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» даетъ довольно подробную характеристику свѣтлой личности Палицына. *Александръ Александровичъ Палицынъ* служилъ въ Петербургѣ адъютантомъ при фельдмаршалѣ Румянцевѣ, и здѣсь, въ Петербургѣ, онъ, должно быть, вошелъ въ дружескія связи со многими писателями. Въ немъ самомъ была наклонность къ литературной дѣятельности, не покидавшая его до послѣднихъ годовъ жизни, даже въ удручающей старости, въ тиши украинскихъ полей. Поселившись въ селѣ Поповкѣ, Палицынъ проводилъ время въ занятіяхъ литературныхъ, въ составленіи плановъ церквей и домовъ для богатыхъ помѣщиковъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ прогулкахъ по лѣсу и по полямъ, при чемъ на семидесятомъ году жизни увлекался красотами мѣстной природы со свѣжестью чувствъ юноши. Описывая свое пребываніе у Палицына въ 1804 году, Ярославскій говоритъ: «Мы по обыкновенію гуляли по лѣсу; подчищали молодыя деревья, увеселялись прыжками бѣлокъ и разными птичками, пріученными имъ для корму къ окнамъ; бесѣдовали объ архитектурѣ, живописи и литературѣ; онъ разсказывалъ мнѣ разные анекдоты о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. Память у него была преобширная; грудь крѣпкая, голосъ громкій; краснорѣчіе необыкновенное, большое искусство разнообразить предметы разговора, чтобы не утомлять слушателя». Этими свойствами нужно объяснить то обстоятельство, что Палицынъ, будучи мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ, привлекалъ къ себѣ не только писателей и художниковъ, но и крупныхъ земельныхъ владѣльцевъ, различной степени образованія и начитанности. «Бывало, говоритъ Ярославскій, если пріѣдетъ къ нему сосѣдъ помѣщикъ, занимающійся винокуреніемъ или земледѣліемъ, то онъ не станетъ вести съ нимъ ученыхъ бесѣдъ, а только объ его занятіяхъ». Характеристика Палицына, данная Ярославскимъ, находитъ полное подтвержденіе въ письмахъ самого Палицына. Мы имѣемъ передъ собой 17 писемъ Палицына къ Ярославскому; самое раннее изъ нихъ помѣчено числомъ 12 января 1802 года; послѣднее—24 марта 1811 года. Всѣ письма написаны во время пребыванія Палицына въ Поповкѣ. Село Поповка находится верстахъ въ 20 отъ г. Сумъ, вблизи села Верхней-Сыроватки.

Отъ Палицына село это перешло въ собственность его друга и ученика Николая Алферова.

Уже первое письмо Палицына вводитъ насъ въ кругъ главныхъ его умственныхъ интересовъ и нравственныхъ стремленій. «Что касается до меня, писалъ Палицынъ Ярославскому 12 января 1802 года, то я почти уже не приношу никакой жертвы архитектурѣ. Литература занимаетъ меня всего, и все мое время. Я поправлялъ вдругъ пять частей «Элоизы» для пяти моихъ секретарей, кои ихъ переписываютъ, и первую часть перевожу, чтобы самому переписывать. Никогда еще у меня столько не было письма, и никогда я такъ долго не оставлялъ цыркуля и кисти, какъ нынѣ». Секретарями Палицына были его дочь и тѣ молодые люди, которые, по свидѣтельству Ярославскаго, «обязаны ему были своимъ образованіемъ» [1]). Ярославскій говоритъ, что такихъ лично обязанныхъ Палицыну помощниковъ проживало у него въ первые годы XIX столѣтія по два и по три, а изъ письма Палицына отъ 12 января 1802 г. видно, что временемъ ихъ было и болѣе. Въ пространномъ письмѣ отъ 9 іюля 1804 г. Палицынъ снова и подробно говоритъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ: «Объ Элоизѣ» моей я не знаю ничего. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» читалъ только, что напечатано ея два тома, и объявлена цѣна для подписки на нее; изъ чего видно, что хваленый этотъ издатель Сопиковъ [2]) только лишь купчишка, шарлатанъ, которому нечѣмъ издавать, который ищетъ денегъ на что бы печатать подареныя ему авторомъ книги... «Делилевы Сады» я кончилъ. Третья, а особливо четвертая пѣснь сей поэмы у него прекрасны. Но теперь трудно издавать хорошія книги. Читатели наши до нихъ не охотники. Они любятъ какіе нибудь Жанлисовы или Радклифовы сказки, или пустые журналы, а издатели купчишки всегда жадничаютъ денегъ; слѣдственно и печатаютъ только подобные вздоры. Я думалъ найти болѣе толку и вкусу въ Бекетовѣ [3]), почему и послалъ къ нему напечатать для опыта Делилевъ «Діопрамбъ» на безсмертіе души. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ, онъ расхвалилъ его, взялся тотчасъ напечатать, обѣщалъ прислать на подарки тридцать экземпляровъ, просилъ убѣдительно прислать въ типографію мои переводы, съ увѣреніемъ, что я тѣмъ и его и публику одолжу чувствительно и съ обнадеживаніемъ, что все отъ меня присылаемое будетъ

---

[1]) *Харьковск. сборн.*, I. 43.

[2]) Сопиковъ—извѣстный библіографъ.

[3]) Плат. Петр. Бекетовъ (род. 1761, † 1836) былъ ревностный собиратель русскихъ рукописей и издатель книгъ. Онъ основалъ въ Москвѣ въ 1801 г. типографію, въ которой между прочими книгами напечаталъ сочиненія Радищева и Богдановича. «Діопрамбъ» не былъ оконченъ печатаніемъ по случаю закрытія типографіи Бекетова въ 1804 г.

напечатано у него со всѣмъ тщаніемъ. Что же потомъ? Въ три мѣсяца онъ не напечаталъ еще этой первой тетради, въ которой нѣтъ и двадцати страницъ въ осьмушку. Чему же тутъ вѣрить?» Въ письмѣ отъ 30 января 1805 г. Палицынъ еще подробнѣе говоритъ о неудачномъ изданіи сдѣланнаго имъ перевода «Новой Элоизы» и даетъ оцѣнку самому этому произведенію: «Всѣ, кромѣ невѣжъ или ледяныхъ сердецъ, согласны, что «Новая Элоиза» столько выше всѣхъ въ своемъ родѣ романовъ, какъ небо отъ земли; почти всѣ ею восхищаются и ее желаютъ». Это восхищеніе Палицына романомъ Руссо «Julie ou la nouvelle Heloise» раздѣлялъ съ нимъ весь тогдашній образованный западно-европейскій міръ, что было вызвано замѣчательными красотами въ описаніи швейцарской природы, Женевскаго озера, простой жизни поселянъ и страстной любви Сенъ-Пре и Юліи.

Неудачное изданіе «Новой Элоизы» Руссо и «Діопрамба» Делиля побудило Палицына обратиться къ старымъ его друзьямъ, циркулю и кисти. Изъ воспоминаній Ярославскаго, напечатанныхъ въ I вып. «Харьк. Сборника», видно, что въ первые годы XIX столѣтія, по планамъ Палицына, построенъ каменный домъ въ с. Басахъ подъ Сумами, пяти купольная круглая церковь въ с. Штеповкѣ, церковь въ с. Каменкѣ и нѣсколько другихъ сооруженій. Болѣе подробныя извѣстія объ архитектурныхъ работахъ Палицына находятся въ его письмахъ къ Ярославскому. Такъ, въ мартѣ 1806 г. Палицынъ писалъ Ярославскому, что весной ему надлежитъ сдѣлать архитектурные планы на девятнадцать строеній, по большей части каменныхъ, и кромѣ того, наблюдать за живописцами, пишущими иконостасъ въ одной ближней церкви. Въ августѣ того же 1806 г. Палицынъ жаловался Ярославскому: «Штеповская церковь лучшее здѣсь можетъ быть мое строенье, на которое ты съ такимъ раченьемъ дѣлалъ рисунки, достроена уже и испорчена: внутреннія арки заглушены; въ алтарѣ вмѣсто нашихъ круглыхъ оконъ вверху высѣчены нижнія, ненужныя, обширныя и безобразныя; такъ и крыльца сдѣланы вмѣсто чугунныхъ или плитныхъ деревянныя изъ сыраго лѣса; хорошо еще, что сводъ сомкнуть умѣли: ты помнишь, что онъ 20 аршинъ въ поперечникѣ. Немудренная также для тебя новость, что на-дняхъ станутъ святить церковь славгородскую, въ которой изъ 32 кривыхъ столбовъ всякій на свой ладъ искривленъ, гдѣ колокольня вмѣсто круглаго купола покрыта на четыре угла шапкой и гдѣ въ три года четыре щекатурки облупились почти со всѣхъ стѣнъ». Архіеп. Филаретъ о штеповской церкви св. Іоанна Предтечи говоритъ слѣдующее: «Построеніе этой церкви продолжалось 9 лѣтъ, подъ распоряженіемъ архи-

тектора Палицына... Зданіе это стоило 35,000 руб. сер.; по огромности своей это одна изъ первыхъ церквей въ западной части Харьковской епархіи: фасадъ ея представляетъ огромную цилиндрическую фигуру съ величественными съ трехъ сторонъ портиками, украшенными колонадою, надъ коими возвышается обширный куполъ съ четырьмя по угламъ башнями. Будучи устроена на возвышенномъ мѣстѣ, она видна со всѣхъ сторонъ на далекомъ разстояніи. Храмъ этотъ освященъ въ 1811 г.» [1]) Въ томъ же письмѣ Палицынъ замѣчаетъ, что «новая сироватская церковь съ своей колокольней становится видна» (изъ усадьбы Палицына) и строющійся по его плану домъ И. А. Кондратьева также виденъ изъ усадьбы и служитъ ея внѣшнимъ украшеніемъ.

Литературныя и архитектурныя занятія Палицына шли почти рядомъ, одновременно, и его любовь къ нимъ, съ годами, все болѣе и болѣе возрастала. «Всякая страсть ровно и у стариковъ ожесточается съ препятствіями, писалъ Палицынъ въ октябрѣ 1808 г. на седьмомъ десяткѣ жизни; такъ и прежняя страсть моя къ музамъ, безъ силъ, иногда становится мнѣ лишь мукой, и тѣмъ еще болѣе, что другія страсти уже не занимаютъ». Составляя архитектурные проекты для построенія домовъ и церквей Палицынъ въ же время переводилъ сочиненія Делиля, Ламберта и писалъ стихотворенія.

Какъ въ литературномъ, такъ и въ архитектурномъ отношеніяхъ Палицынъ былъ сторонникомъ новаго направленія, сентиментальнаго, съ примѣсью романтизма, направленія, основаннаго на восхищеніи природой и подражаніи ей. Онъ давалъ однимъ зданіямъ симметрическую форму, другимъ несимметрическую, и лично предпочиталъ послѣднюю, какъ болѣе близкую къ внѣшней природѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ устройство своего дома въ Поповкѣ въ письмѣ къ Ярославскому 1808 г.: «Отъ печи домъ долженъ былъ накрыться соломой. Подъ сельскую соломенную кровлю подставлены сохи, и сдѣланы придверія поповскаго зодчества, а стѣны обложены наростами съ деревъ и покрыты разноцвѣтнымъ мохомъ; около оконъ поставлены также самородные притолки въ видѣ арокъ, что все, разрушивъ симметрію, даетъ строенію видъ странный, дикій и живописный».

В. Н. Каразинъ въ статьѣ своей «Взглядъ на Украинскую старину» говоритъ, что «Палицынъ имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ (?) и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему распо-

[1]) *Арх. Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епарх. III 601.

ложенію домовъ, украшенію ихъ приличной мебелью, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украинѣ» [1]). Письма Палицына показываютъ, что на ряду съ Шидловскимъ и Надаржинскимъ съ Палицынымъ находились въ дружескихъ сношеніяхъ многіе другіе крупные землевладѣльцы того времени, въ особенности Кондратьевы и Комбурлей.

Возникшій въ 1805 г. Харьковскій университетъ въ 1810 году заявилъ о своемъ существованіи весьма характернымъ и свѣтлымъ фактомъ, избравъ Палицына почетнымъ членомъ. Просвѣтительная и культурная дѣятельность скромнаго «поповскаго пустынника», какъ называлъ себя Палицынъ, была такимъ образомъ признана и почтена мѣстнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ,—фактъ почтенный и для университета, съумѣвшаго оцѣнить заслуги Палицына, и для Палицына, удостоеннаго высокой чести почетнаго члена высшаго мѣстнаго ученаго и учебнаго учрежденія, созданнаго соединенными усиліями лучшихъ людей края. 1 марта 1810 года Палицынъ писалъ Ярославскому: «Надняхъ университетъ нашъ извѣщаетъ меня чрезъ ректора, что выбралъ мощи мои въ почетные свои члены, что получилъ на то одобреніе высшаго начальства и скоро доставитъ мнѣ дипломъ на сіе званіе; но, увы! онъ не доставитъ уже мнѣ силъ, чѣмъ бы я могъ оправдать его выборъ. Это самое достопамятное и внезапное происшествіе въ Поповской пустынѣ и въ запискахъ запустѣвшей нынѣ Академіи».

Оказанная университетомъ почесть очень порадовала Палицына, и фактъ этотъ тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, что въ 1810 году Палицынъ уже чувствовалъ старческую слабость и упадокъ силъ. Еще въ 1808 г. онъ жаловался на свою хворость; «горько примѣчать, писалъ онъ, свое уничтоженіе или, такъ сказать, въ бытіи еще чувствовать уже небытіе». «Я сталъ очень хворъ, замѣчаетъ онъ въ 1810 г. Часто въ тѣ дни, когда хочу писать, отказываютъ мнѣ силы. Я отлагаю до лучшихъ дней, и эти лучшіе дни иногда очень долго не приходятъ». Палицынъ оканчивалъ свою трудовую и добрую жизнь съ вѣрой въ свѣтлое будущее. Недовольный современными ему людьми, въ которыхъ онъ усматривалъ слишкомъ много грубаго самолюбія, онъ писалъ Ярославскому въ 1810 году: «Настанетъ когда-нибудь опять умный вѣкъ; онъ перемѣнитъ нелѣпости глупаго: возвратитъ здравый смыслъ, возстановитъ нравы, усилитъ союзы; правда одолѣетъ лжеумствованія и предразсудки, и увѣритъ опять, что лучшее наше самолюбіе (состоитъ) въ любви къ нашимъ ближнимъ»..

---

[1]) Данилевскій, „Укр. Стар.“ 129.

Съ этой вѣрой въ будущее и скончался Палицынъ. Въ 1819 г. Ярославскій писалъ: «Наставникъ мой А. А. Палицынъ давно уже умеръ» [1]).

Палицыну принадлежитъ «Посланіе Привѣтѣ», переводъ «Слова о Полку Игоревѣ», стихотворные переводы «Садовъ» Делиля и «Временъ года» Сенъ-Ламберта» (1814 г.), «Посланіе» Вернету (въ Харьков. Демократѣ 1816 г.), «Независимость писателя» перев. изъ Мильвуа.

Въ фундаментальной библіотекѣ Харьковскаго университета находится два сочиненія А. А. Палицына: «Посланіе къ Привѣтѣ» и «Игорь, героическая пѣснь» (стихотворный переводъ Слова о Полку Игоревѣ). Оба эти произведенія напечатаны въ Харьковѣ въ 1807 г. въ университетской типографіи.

«*Посланіе къ Привѣтѣ, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени*» представляетъ небольшую книжку, въ 70 стр. въ 16 д. л. Все это произведеніе изложено стихами, довольно, плавными и бойкими, по сравненію съ другими стихотворными произведеніями того времени, и въ особенности при преклонныхъ лѣтахъ автора. Палицынъ задался въ «Посланіи къ Привѣтѣ» похвальной цѣлью прославить русскій языкъ и писателей 18 вѣка. Онъ заранѣе, на 15 страницѣ, увѣдомляетъ читателя, что «порядка нѣтъ въ его стихахъ, ни въ именахъ (писателей)» и что онъ руководствуется не правилами, а своимъ чувствомъ. «Какъ сердце мнѣ о комъ напомнитъ, такъ пишу». Опредѣляя цѣль своего труда, Палицынъ съ одушевленіемъ говоритъ:

Я больше бы не пожелалъ,
Когда бы мое воспоминанье,
Гдѣ нѣтъ ни критикъ, ни похвалъ,
А только чувствій изліянье
Внушило ихъ (?) младымъ сердцамъ,
Узнать свой болѣе языкъ
Изъ чтеній славянскихъ книгъ,
Отвергло странное мечтанье,
Что нѣтъ у русскихъ образцовъ,
Что нѣтъ въ нихъ авторскихъ даровъ,
Что грубъ ихъ умъ и вкусъ въ писаньѣ..... (стр. 57—38) и доказало бы русскому обществу.

Сколь къ просвѣщенію способенъ нашъ народъ,
Сколь въ немъ къ словесности велико дарованье. (стр. 54).

---

[1]) Портретъ А. А. Палицына въ возрастѣ 64 лѣтъ былъ на выставкѣ XII Археол. Съѣзда и изданъ въ «Альбомѣ выставки», 1903 г., л. 39.

Живое чувство патріотизма, выражающееся въ преданности русскому языку и русской литературѣ, пробивается на каждой страницѣ »Посланія». Такъ, на стр. 11:

Несторъ, съ Никономъ, и Игорева пѣснь
Для насъ забавнѣе Гаиры и Альзиры.

На стр. 29 Палицынъ говоритъ, что «друзья отечества»,—Румянцевъ, Панины, Орловы, Чернышевы, Потемкинъ, Репнины, Суворовъ, Воронцовы уважали родной языкъ и «съ отечествомъ пеклись его возвысить».

Въ «Посланіи» разбросаны краткіе и почти всегда похвальные отзывы о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Херасковѣ, Державинѣ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Третьяковскомъ, Поповскомъ (профессорѣ и переводчикѣ Попа), Санковскомъ (переводилъ Виргилія), Костровѣ (переводилъ Гомера и Оссіана), Барковѣ (переводилъ Горація и Федра), фонъ Визинѣ, Богдановичѣ, Княжнинѣ, Крашенинниковѣ, Волчковѣ («много книгъ полезныхъ перевелъ»), Кузминѣ, Лукинѣ, Эминѣ («безъ вкуса, но богатъ былъ мыслями»), Кутузовѣ («оживилъ слогъ»), Олсуфьевѣ («вкусомъ былъ наполненъ тонкимъ, нѣжнымъ для прозы и стиховъ»), Тепловѣ («ученость, умъ и вкусъ сливалъ въ письмѣ»), Поповыхъ (переводили Тасса), Свистуновѣ (разборчивъ въ стихахъ и прозѣ), Аблесимовѣ, Козицкомъ (знаніемъ въ словесности блестѣлъ), Храповицкомъ, Ададуровѣ (слогъ ясенъ, чистъ и плавенъ), Нартовѣ (переводилъ Плинія), Глѣбовѣ (переводилъ Плутарха), Румовскомъ, Озерецковскомъ, Чертковѣ, Пастуховѣ, Чулковѣ, Леонтьевѣ, Хемницерѣ, Дмитревскомъ, Елагинѣ, Захаровѣ, Болтинѣ, Хвостовѣ, Рубанѣ, Домашневѣ, Дашковой, Ельчаниновѣ, Майковѣ, Капнистѣ, Львовѣ, Веревкинѣ, Воронцовѣ, Ржевскомъ, Потемкинѣ, Пушкинѣ (Вас. Льв.), Козловскомъ, Каринѣ, Барсовѣ, Екатеринѣ II, Шишковѣ, Станевичѣ, Горчаковѣ, Салтыковѣ, Новиковѣ, Нелединскомъ, Глинкѣ (С. Н.), Карабановѣ, Востоковѣ, Ининѣ, Бобровѣ, Мерзляковѣ и Дмитріевѣ (Ив. Ив.). Въ концѣ »Посланія» упоминаются имена нѣсколькихъ женщинъ писательницъ и, наконецъ, нѣсколько именъ ученыхъ духовнаго званія. Изъ членовъ Поповской академіи въ этомъ бѣгломъ стихотворномъ обзорѣ русскихъ писателей упоминается только Станевичъ, и то безъ фимиліи, а съ однимъ именемъ Евстафія (стр. 35).

Съ наибольшей любовью Палицынъ отзывается о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Капнистѣ, Дмитріевѣ, Шишковѣ, Мерзляковѣ, Потемкинѣ, Львовѣ, Тепловѣ и Ададуровѣ. Нѣкоторыя его замѣчанія отличаются вѣрностью и мѣткостью. Такъ, онъ отмѣтилъ въ Третьяковскомъ ученость и трудолюбіе, назвавъ его «примѣръ учености и терпѣнья образецъ», въ Новиковѣ—наклонность къ собиранію древностей и изданію книгъ

въ Мерзляковѣ—способность къ переводу съ иностранныхъ языковъ на русскій. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ звучатъ критика и порицаніе, но весьма слабо выраженныя, въ родѣ случайныхъ обмолвокъ; таковы отзывы о Хвостовѣ, Глѣбовѣ, Петровѣ, Рубанѣ, Козловскомъ и Востоковѣ.

Упоминая о современныхъ живыхъ писателяхъ, Горчаковѣ, Станевичѣ, Хвостовѣ, Глинкѣ и др., Палицынъ дѣлаетъ оговорку, что его «сѣдые стихи» не могутъ имъ понравиться, и онъ только воздаетъ имъ благодарность за тѣ сладкіе часы, какіе онъ чувствовалъ, читая ихъ творенія.

Для насъ наибольшій интересъ представляютъ автобіографическія черты, разбросанныя въ «Посланіи». Такъ прежде всего, кто такая Привѣта? Съ увѣренностью можно утверждать, что подъ этимъ поэтическимъ именемъ скрывается «чадцо», дочь или воспитанница Палицына, именно въ это время углубившаяся въ чтеніе русскихъ поэтовъ и выступившая съ собственными стихотвореніями [1]). Посланіе начинается словами:

Ты любишь свой языкъ, Привѣта, очень нѣжно,
Читаешь все на немъ прилежно.
Я вижу, какъ съ тобой читаемъ вмѣстѣ мы,
Что русскіе тебѣ пріятнѣе умы...

Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что Привѣта почти дословно изучила сочиненіе Шишкова о слогѣ и съ восторгомъ хвалитъ его за «смѣлость благородную» (стр. 33).

Изъ «Посланія» мы узнаемъ, что А. А. Палицынъ своей родиной считалъ Москву:

Прелестна мнѣ Москва съ окрестностями ея,
Тѣмъ болѣ, что люблю языкъ свой страстно я,
Въ ней нѣкогда мои любезны предки жили
И съ пользой своему отечеству служили. (стр. 25).

Къ женщинамъ авторъ относится съ уваженіемъ:

Прелестный полъ! моей владѣешь ты душою!
Хотя ужъ пламень чувствъ отъ старости угасъ,
Чувствительность души не умираетъ въ насъ... (стр. 51).

Онъ высказываетъ желаніе, чтобы на стражѣ родного языка стали женщины:

Коснитесь нѣжными руками русскихъ книгъ;
Прелестныя уста пусть русскимъ разговоромъ

---

[1]) Трудно сказать, была ли «чадцо» родная или пріемная дочь. Въ подстрочномъ примѣчаніи въ 41 т. «Вѣсти. Европы» 1808 чадцо, какъ авторъ стих. «Озеро», названа сестрой Алферова.

Восхитятъ общество; и нашъ языкъ тотчасъ
Получатъ блескъ отъ вашихъ устъ и глазъ (стр. 40).

Посланіе къ Привѣтѣ» окапчивается прочувствованными строками о мирной пустынѣ, подъ которой несомнѣнно подразумѣвается Поповка:

Пустыня мирная моихъ къ спокойству дней
Убѣжище при старости моей!
Не промѣняю васъ я, храмины убоги,
На пышные сады, огромные чертоги....
Они съ природою меня бы разлучили.
Тамъ птицы бы ко мнѣ на окна не летали,
Иль бѣлки дикія на нихъ бы не играли....
Младыя рощицы съ цвѣтущею травою,
Подчищенныя всѣ моей рукою;
Древа отборныя, гдѣ то-жъ рукой моей
Я имена моихъ вырѣзывалъ друзей,
Иныя посвящалъ великихъ въ честь людей,
Не могши лучшаго имъ сдѣлать приношенья,
И гдѣ я читывалъ ихъ письма и творенья....

Въ одномъ мѣстѣ «Посланія» Палицынъ говоритъ подробно о той порчѣ его перевода Элоизы, которую позволилъ себѣ издатель Сопиковъ, на что, какъ намъ извѣстно, уже жаловался Палицынъ въ письмѣ къ Ярославскому. Оказывается, что издатель.

Бумаги пожалѣвъ нѣсколько листовъ,
Отбросилъ Разговоръ Жанъ-Жаковъ о романахъ,
Онъ посвященіе мое въ ней утаилъ;
Друзей моихъ стихи на переводъ мой скрылъ...
Не бывши грамотенъ гораздо и по-русски
Не только по-французски,
Къ тому жъ и совсѣмъ не съ острой головой,
Онъ вздумалъ переводъ однакожъ править мой,
Языка чистаго гнушаясь простой,
Размазалъ онъ мой слогъ несносной пестротой (стр. 26).

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1807 г. (ч. 35, № 19, стр. 211) помѣщено нѣсколько замѣчаній издателя «Вѣстника» на «Посланіе къ Привѣтѣ» Палицына.

«Игорь, героическая пѣснь, съ древней славенской пѣсни писанной въ XII в. преложилъ стихами Александръ Палицынъ».

Въ началѣ книги находится посвященіе перевода слободско-украинскому губернатору Ив. Ив. Бахтину: «Старъ, боленъ, небогатъ, и не

имѣвъ ничего изъ даровъ счастья, кромѣ остатковъ малаго таланта иль паче страсти моей къ словесности, осмѣливаюсь я препроводить присемъ къ Вашему Превосходительству нѣкоторое слабое въ ней мое произведеніе, посвящая отъ напечатанія онаго прибытокъ въ пользу Земскаго войска». Письмо къ Бахтину помѣчено числомъ 22 февраля 1807 г. За этимъ письмомъ слѣдуетъ стихотворное письмо Хвостова къ переводчику «Слова», въ которомъ Хвостовъ

Поклонъ усердно отправляетъ,
Знакомства близкаго желаетъ
И съ лавромъ поздравляетъ....

Далѣе слѣдуетъ также стихотворный отвѣтъ переводчика Хвостову, начинающійся такимъ образомъ:

Парнасскій именитый житель,
Достойный тамошнихъ вѣнцовъ,
Творецъ безъ зависти, разборчивый цѣнитель
Другъ нѣжный музъ, Хвостовъ!
Твой голосъ сладостный проникъ въ мою обитель
Подъ сельскій ветхій мой и скорбный нынѣ кровъ...

Въ выноскѣ подъ строкой приведено объясненіе послѣдняго стиха, важное въ біографическомъ отношеніи: «Восемь мѣсяцевъ какъ сочинитель лишился жены и въ ней тридцатипятилѣтняго друга». Отвѣтъ помѣченъ числомъ 11 іюля 1807 г. Слѣдовательно Авдотья Александровна вышла замужъ за Палицына въ 1771 г., а скончалась въ ноябрѣ 1806 г.

Переводъ «Слова» снабженъ обзоромъ его содержанія и примѣчаніями, взятыми изъ перваго изданія этого памятника въ 1800 г. Палицынскому стихотворному переводу Слова о Полку Игоревѣ предшествовалъ также стихотворный переводъ Сѣрякова въ 1803 г., неизвѣстный Палицыну, и прозаическое переложеніе «Слова», сдѣланное Шишковымъ въ 1805 г. Послѣднее переложеніе подало Палицыну мысль переложить «Слово» стихами. Начало палицынскаго перевода одобрено Шишковымъ. То обстоятельство, что Палицынъ обратилъ вниманіе на Слово о Полку Игоревѣ, вскорѣ послѣ того, какъ оно было издано, указываетъ уже на его чуткость къ истиннымъ красотамъ поэзіи. Художественные образы памятника переведены довольно близко къ подлиннику. Вообще Палицынъ добросовѣстно отнесся къ принятой задачѣ и, очевидно, все свое вниманіе и силы направлялъ къ удачному ея исполненію. Сдѣланный имъ переводъ «Слова», при тогдашнемъ состояніи русской науки и литературы, при внутреннемъ строѣ тогдашняго литературнаго языка, еще не

освободившагося отъ державинской высокопарности, былъ выдающимся литературнымъ явленіемъ по простотѣ и ясности.

Переводъ очень понравился Хвостову, который выразилъ Палицыну свое удовольствіе въ цѣломъ стихотворномъ посланіи, на которое Палицынъ написалъ въ стихахъ большой отвѣтъ.

Въ изданіи произведеній Палицына дѣятельное участіе принималъ Харьковскій университетъ, въ знакъ уваженія къ нему, какъ почетному члену и въ знакъ благодарности за его усердіе при сборѣ пожертвованій на открытіе университета въ Харьковѣ [1]).

Число членовъ Поповской академіи измѣнялось, въ зависимости отъ пріѣзда въ Поповку просвѣщенныхъ друзей Палицына. Въ хорошіе годы Поповская академія была довольно многочисленна, имѣла болѣе пяти человѣкъ, а въ плохіе годы, послѣдніе годы жизни «поповскаго пустынника», состояла только изъ Палицына, его жены и дочери. Съ послѣднихъ, какъ ближайшихъ и постоянныхъ его сотрудниковъ, мы и начнемъ нашъ обзоръ личнаго состава Поповской академіи.

Авдотья Александровна, жена Палицына, по словамъ Ярославскаго, была «предобрая старушка... и большая мастерица вышивать шелками не только цвѣты, но цѣлые ландшафты и картины. Одну изъ нихъ выпросилъ у нея извѣстный Василій Назаровичъ Каразинъ для поднесенія императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, какъ любительницѣ такихъ картинъ» [2]) Въ письмѣ отъ 22 августа 1806 года Палицынъ увѣдомлялъ Ярославскаго, между прочимъ, о томъ, что «Авдотья Александровна шьетъ съ Юнесова эстампа въ очкахъ картину». Въ литературныхъ и архитектурныхъ работахъ Палицына Авд. Алекс. не участвовала, если не считать возможное содѣйствіе въ смыслѣ переписки, на положеніи, такъ сказать, домашняго секретаря.

Дочь Палицына раздѣляла всѣ его литературные и архитектурные интересы. Она помогала ему въ работахъ и перепискахъ и представляла самостоятельныя произведенія. Палицынъ именуетъ ее только ласкательнымъ словомъ «чадцо», нигдѣ не указывая ея настоящаго имени. Изъ писемъ Палицына къ Ярославскому легко убѣдиться, что дочь его обладала выдающимся образованіемъ и художественными талантами. «Чтобы сказать тебѣ обо всемъ состояніи осиротѣвшей теперь Поповской академіи, писалъ Палицынъ въ 1804 г., то главнымъ въ архитектурѣ теперь остается чадцо, которое и подлинно хорошо чертитъ и рисуетъ. Оно сдѣлало недавно три церкви, съ иконостасами въ прорѣзахъ, которыя и бу-

[1]) Пр. *Багалѣй*, Опытъ ист. Харьк. унив. I 770, 60, 38—40, 246, 250.

[2]) Харьк. Сборн.» I, 37.

дутъ строиться, что только и сдѣлано попримѣтнѣе почти во все время, какъ академія тебя лишилась». Въ мартѣ 1806 г. Палицынъ писалъ: «чадцо мое—послѣдній и единственный членъ и секретарь наукъ и художествъ, сверхъ того что мѣшкотно пишетъ, занято эту весну множествомъ архитектурныхъ рисунковъ». Изъ дальнѣйшихъ писемъ Палицына оказывается, что дочь его срисовывала виды поповской мѣстности. Такъ, лѣтомъ 1808 г. было отдѣлано и вставлено въ рамки два вида, видъ дома и видъ балагана, изъ десяти снятыхъ, при чемъ въ особенности удачны вышли деревья. Въ то же время Палицына попробовала свои силы въ литературѣ и написала нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно, небольшое, «Озеро», было послано въ «Вѣстникъ Европы»[1]). Въ 1810 г. она продолжала свои работы по сниманію сельскихъ видовъ и составленію стиховъ, о которыхъ старикъ Палицынъ отзывается съ похвалой. Въ послѣднемъ сохранившемся письмѣ Палицына къ Ярославскому отъ 24 марта 1811 г. говорится: «Послѣдній членъ академіи секретарь чадцо выходитъ замужъ за Мих. Серг. Байкова. Онъ хотя также занимаетъ и впредь хочетъ занимать здѣсь мѣсто члена; однакожъ я думаю, что эти оба члена употребятъ себя больше на опытную физику и повивальное искусство; другое же все бросятъ и забудутъ».

Главнымъ членомъ Поповской академіи былъ *Николай Ѳедоровичъ Алферовъ*. Въ письмѣ 24 марта 1811 г. Палицынъ называетъ его лучшимъ ея украшеніемъ. Ярославскій называетъ Н. Ѳ. Алферова—«лучшій изъ учениковъ А. А. Палицына»[2]). Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи письма Палицына говорятъ объ отсутствующемъ уже «странствующемъ рыцарѣ» Алферовѣ. Самое же ученіе его подъ руководствомъ Палицына и дѣятельность въ Поповской академіи относятся къ 1800 г. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ находятся четыре акварельныхъ архитектурныхъ пейзажа, нарисованныхъ, Алферовымъ въ Поповкѣ; на двухъ обозначено время работы—1800 годъ. Одинъ изъ этихъ рисунковъ, изображающій памятникъ на берегу озера въ лѣсистой мѣстности при лунномъ освѣщеніи, взятъ изъ проекта Палицына и посвященъ ему. Подъ другимъ рисункомъ, представляющимъ домъ между деревьями, Алферовъ подписалъ: «Видъ моей пустыни». Въ этомъ случаѣ ученикъ очевидно слѣдовалъ примѣру своего наставника, также называвшаго свой хуторъ пустыней, а себя Поповскимъ пустынникомъ[3]).

---

[1]) «Озеро» было напечатано въ 41 т. «Вѣстн. Евр.» 1808 г., 201—209.

[2]) «Харьк. Сборн.» I, 45.

[3]) Оба рисунка изданы въ „Альбомѣ выставки XII Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ“, табл. XXXII, рис. 87—88.

Любовь къ искусству влекла Алферова на югъ, въ благодатныя страны высокаго вдохновенія, въ Грецію и Италію,

Гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой;
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ.

Отецъ Алферова не могъ снабдить его средствами, достаточными для путешествія. «При малыхъ деньгахъ, говоритъ Ярославскій, какія Н. Ѳ. Алферовъ могъ собрать, онъ достигъ Константинополя. Когда приготовлялась война съ Россіей, то, спасая свою жизнь, онъ ушелъ въ Грецію; оттуда поѣхалъ въ Италію, долго жилъ въ Римѣ и возвратился черезъ Францію, Германію и Пруссію въ Россію уже въ 1811 г.». Въ числѣ друзей, снабдившихъ Алферова деньгами на дорогу, вѣроятно, былъ и Палицынъ. По крайней мѣрѣ, онъ состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и принималъ близко къ сердцу его художественные интересы. Сначала Алферовъ жилъ въ Поповкѣ въ 1800 г., годъ или нѣсколько лѣтъ—неизвѣстно; затѣмъ, былъ въ отъѣздѣ—до 1805 г., гдѣ? также невидно изъ писемъ; весной 1804 г. Палицынъ писалъ Ярославскому: «Поповская академія теперь торжествуетъ прибытіе своего почтеннаго сочлена Н. Ѳ. Алферова, который уже былъ многократно въ засѣданіяхъ, показавъ нерушимыя свои къ ней чувства и предпринялъ многіе труды въ ея пользу». Затѣмъ, Алферовъ уѣзжаетъ за границу, вѣроятно, въ концѣ десятыхъ годовъ. Въ письмѣ къ Ярославскому 1-го марта 1810 г. Палицынъ говоритъ: «Теперь скажу вамъ о самой отдаленной, но самой близкой къ сердцу моему новости, которую и вы безъ сомнѣнія, раздѣлите. Это увѣдомленіе любезнаго нашего странника. Онъ освободился уже изъ Корфу, своего, такъ сказать, заточенія. Я получихъ отъ него нѣсколько писемъ: изъ Корфу, передъ его отъѣздомъ, потомъ изъ Неаполя и Рима. Послѣднее любопытнѣе прочихъ и показываетъ, что онъ не оставилъ нашихъ съ нимъ о художествахъ, особливо о зодчествѣ, мнѣній. Я намѣренъ послать это прекрасное письмо напечатать въ «Русскій Вѣстникъ», чего издатель очень проситъ. Не знаю только посмѣетъ ли выдать. Тамъ много такихъ смѣлыхъ замѣчаній, хотя и художническихъ, какихъ теперь ни въ чемъ не любятъ. Изъ Рима, гдѣ онъ располагалъ прожить шесть мѣсяцевъ, которые уже прошли намѣренъ онъ возвратиться черезъ Парижъ и Вѣну. И если что-нибудь непредвидимое не остановитъ его, то будущей осенью онъ могъ бы цѣловать отечество». Свою любовь къ Алферову Палицынъ доказалъ наконецъ тѣмъ, что оставилъ ему въ наслѣдство свою деревню Поповку [1]). Любовь къ искусству, воспитанная

[1]) «Харьк. Сбор.» I, 45.

въ Алферовѣ Палицынымъ, перешла потомъ и къ сыну Н. Ѳ. Алферова Аркадію Николаевичу, который составилъ драгоцѣнное собраніе картинъ, акварелей и гравюръ и по завѣщанію при кончинѣ своей въ 1872 г. передалъ всю свою коллекцію въ музей изящныхъ искусствъ харьковскаго университета. Этотъ вещественный памятникъ духовной дѣятельности А. А. Палицына и Н. Ѳ. и А. Н. Алферовыхъ можетъ составить украшеніе всякаго музея и всякаго университета, такъ какъ выражается въ 50 картинахъ масляными красками, 421 нумерѣ акварелей и рисунковъ XIX и прошлыхъ столѣтій, 64 названіяхъ различныхъ художественныхъ изданій, 100 названіяхъ книгъ, относящихся къ исторіи живописи и гравюры, и, наконецъ, въ собраніи гравюръ и офортовъ, преимущественно рѣдкихъ, старинныхъ, небольшаго числа литографій и проч. числомъ до 3000 нумеровъ. Эта коллекція оцѣнена была въ Боннѣ по наименьшей стоимости въ 14,000 талеровъ [1]).

Василій Ивановичъ Ярославскій былъ послѣ дочери Палицына и Н. Ѳ. Алферова наиболѣе дѣятельнымъ членомъ Поповской академіи. В. И. Ярославскій родился въ Тростянцѣ, ахтырскаго уѣзда, отъ дьячка мѣстной церкви въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Въ 1797 г. онъ окончилъ курсъ ученія въ харьковскомъ казенномъ училищѣ (родъ кадетскаго корпуса) и поступилъ на службу въ харьк. губернское правленіе канцеляристомъ; затѣмъ, считаясь по службѣ при сумской полиціи, жилъ у разныхъ помѣщиковъ харьк. губерніи въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора и въ это время близко сошелся съ Палицынымъ, о которомъ часто упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ 1806 г. онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, а въ 1808 г. въ Херсонъ губернскимъ архитекторомъ. Впослѣдствіи онъ служилъ въ званіи совѣтника казенной палаты въ Херсонѣ и Тулѣ, въ 1833 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Сумахъ, вблизи Поповки, о прежнемъ владѣльцѣ которой сохранилъ до смерти лучшія воспоминанія. Первое знакомство Ярославскаго съ Палицынымъ произошло такимъ образомъ: въ 1799 г. Палицынъ узналъ, что Ярославскій пріѣхалъ въ Басы, что онъ племянникъ губернскаго архитектора и охотно занимается архитектурой, и потому просилъ владѣтельницу Басовъ, вдову генерала Штеричева, отпускать къ нему въ Поповку Ярославскаго каждый мѣсяцъ. Въ первый своей пріѣздъ въ Поповку Ярославскій нашелъ хозяина сильно страдающимъ болью головы отъ геморроя. Слыша тяжкіе его стоны, Ярославскій, человѣкъ очень мягкаго сердца, прослезился, и это слезное участіе его въ болѣзни при-

[1]) Чириковъ, «Указатель» II, 244. Біографію А. Н. Алферова и свѣдѣнія о его коллекціяхъ см. у *Е. К. Рѣдина*, Музей Изящныхъ Искусствъ и Древностей Императорскаго Харьковскаго Университета (1805—1905). Харьковъ, 1904, стр. 38—46.

влекло къ нему сразу расположеніе Палицына и его семьи. До 1802 г. Ярославскій посѣщалъ Поповку временно, съ 1802 г. по 1804 г. онъ почти постоянно жилъ въ ней, затѣмъ до 1806 года опять лишь навѣщалъ временно, а съ 1806 по 1811 г. включительно велъ только переписку съ Палицынымъ. Въ качествѣ члена Поповской академіи, Ярославскій въ 1800—1806 годахъ завѣдывалъ строеніемъ нѣсколькихъ зданій, по планамъ Палицына. Кромѣ того, Яровславскій въ это время предался литературной дѣятельности, при чемъ переводилъ съ французскаго повѣсти подъ руководствомъ болѣе его сильнаго въ этомъ языкѣ Станевича. «Васъ нельзя не любить тому у кого есть сердце. Это ваше право. Это должная вамъ дань»—писалъ Ярославскому Палицынъ въ 1804 году и, дѣйствительно, какъ изъ автобіографіи его, такъ и изъ писемъ къ нему Палицына легко убѣдиться, что это былъ въ высшей степени добросердечный, мягкій, образованный и трудолюбивый человѣкъ. Палицынъ уважалъ въ Ярославскомъ въ особенности его «прекрасное сердце», «разумъ страстный къ просвѣщенію», «трудолюбіе» и «привычку въ работѣ находить забаву». Изъ писемъ Палицына видно, что Ярославскій давалъ ему на просмотръ свои переводы съ французскаго, чертилъ для него планы, а во время своего пребыванія въ Петербургѣ высылалъ иногда ему новыя книги и заботился о надлежащемъ изданіи его литературныхъ трудовъ.

Религіозно-мистическій писатель и стихотворецъ *Евстафій Ивановичъ Станевичъ* также входилъ въ составъ Поповской академіи. Родомъ изъ Нѣжина, Станевичъ получилъ хорошее образованіе и уже въ молодыхъ лѣтахъ выступилъ на литературное поприще. Въ 1802 г. Станевичъ пріѣхалъ въ Украину изъ Петербурга и жилъ въ Низахъ. По рекомендаціи Палицына, предводитель дворянства Г. Р. Шидловскій пригласилъ его въ учителя къ своему сыну, проживавшему въ это время въ Поповкѣ, согласно съ желаніемъ отца, для нравственнаго усовершенствованія. Станевичъ познакомился въ Поповкѣ съ Ярославскимъ и выписалъ для него сочиненія Томаса. Ярославскій перевелъ нѣсколько французскихъ статей, при чемъ Станевичъ поправлялъ его переводы. Проживая въ Поповкѣ, Станевичъ перевелъ стихами двѣ поэмы «Сельскій житель» Делиля и «Ландшафты или опыть о сельской природѣ» Незай-Марнозія. Послѣдній переводъ онъ посвятилъ Г. Р. Шидловскому, который выдалъ ему въ награду за то 1000 руб., сумму, весьма крупную по тому времени. Станевичъ тяготился должностью учителя. Онъ неоднократно признавался Ярославскому, что хочетъ оставить скучную учительскую должность и что пріятели зовутъ его въ Петербургъ. Вскорѣ, око-

ло 1804 г., онъ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ покровителя въ лицѣ извѣстнаго писателя Шишкова. Проживая въ Петербургѣ, Станевичъ поддерживалъ переписку съ Палицынымъ. Въ 1808 г. онъ снова навѣстилъ Палицына въ Поповкѣ, но такъ какъ онъ болѣе времени пробылъ у богатыхъ помѣщиковъ Кондратьевыхъ въ Желѣзнякѣ, вблизи Поповки, чѣмъ въ самой Поповкѣ, то Палицынъ сильно обидѣлся на него, что и высказалъ въ письмѣ къ Ярославскому. Дальнѣйшія обстоятельства жизни Станевича, любопытныя во многихъ отношеніяхъ, не связаны съ Поповской академіей [1]).

Въ число членовъ Поповской Академіи входили *Павелъ* и *Михаилъ Сергѣевичи Байковы*. Въ исторіи литературы имя Павла Байкова извѣстно, какъ переводчика съ французскаго «Повѣсти о двухъ пустынникахъ», изданной въ Петербургѣ въ 1785 г.

Кромѣ того, въ письмахъ Палицына упоминаются еще слѣдующіе члены Поповской академіи, уже какъ отсутствующіе: *Моисей Григорьевичъ Ушинскій*, *Антонъ Ивановичъ Кардашевскій* и какой-то *Димитрій Петровичъ* (фамилія неизвѣстна). Кардашевскаго Палицынъ называетъ «своимъ любезнымъ ученикомъ» [2]), Димитрія Петровича—старинным сочленомъ Академіи, присутствовавшимъ въ Поповкѣ, между прочимъ, въ іюлѣ 1804 г. Объ Ушинскомъ Палицынъ вспоминалъ въ 1806 г. также какъ о старинномъ, отсутствующемъ уже членѣ Академіи, «гдѣ память его навсегда любезна». Этими лицами не ограничивался кругъ знакомыхъ Палицыну мѣстныхъ образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы XVIII и въ первые годы XIX столѣтія. Въ письмѣ отъ 30 марта 1806 г. къ Ярославскому находится слѣдующее любопытное сѣтованіе Палицына: «Все перемѣняется у людей.... Не отвѣчай даже и за то, чтобы нѣкоторыя перемѣны не случались и надъ тобою. Силенъ вихрь обстоятельствъ, случаевъ, происшествій, обычаевъ, мнѣній, предразсудковъ времени и проч. и проч..... Могъ ли я за нѣсколько лѣтъ думать, чтобы когда нибудь *К. П. Ланова*, *Пав. Серг. или братъ его Левъ Серг. Байковы*, чтобы *Ант. Ив. Кардашевскій*, *Моисей Григ. Ушинскій*, или *Вас. Наз. Каразинъ*, *Евг. Ал. Васильевъ* и проч., и проч., безъ всякихъ причинъ, безъ разрыва, можетъ быть еще и любя меня, до днесь захотѣли остаться со мной въ мертвомъ безмолвіи?..... Однако то, къ сердечному моему прискорбію, случилось».

---

[1]) Подробная статья о. Николая Лащенкова о Станевичѣ напеч. въ 9 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. 1897 г.

[2]) Ярославскій также называетъ Кардашевскаго ученикомъ Палицына и замѣчаетъ при этомъ, что Кардашевскій служилъ въ Черниговѣ губернскимъ архитекторомъ.

Далѣе Палицынъ имѣлъ литературныя связи съ Сергѣемъ Никол. Глинкой и Вас. Вас. Капнистомъ. С. Н. Глинка имѣлъ случай лично побывать въ Поповкѣ. Въ 1802 г. онъ былъ приглашенъ въ Рясное помѣщикомъ Хрущевымъ для обученія его дѣтей, и, поссорившись съ нимъ, вскорѣ уѣхалъ къ Палицыну. Подробный разсказъ Ярославскаго объ этомъ любопытномъ эпизодѣ напечатанъ въ 1 вып. «Харьк. Сборника», стр. 38. Въ 1807 г. Палицынъ писалъ Ярославскому: «С. Н. Глинку я всегда сердечно любилъ», а немного ранѣе, въ 1804 г., писалъ о Капнистѣ, что какъ его личностью, такъ и его дарованіями «плѣненъ навсегда». Изъ «Воспоминаній», Ярославскаго видно, что Палицынъ посылалъ его къ Капнисту съ рекомендательнымъ письмомъ, что указываетъ на близкое его знакомство съ этимъ крупнымъ писателемъ конца XVIII вѣка.

Бросая общій взглядъ на просвѣтительную дѣятельность А. А. Палицына, мы должны въ заключеніе статьи сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ объ ея основномъ характерѣ и значеніи въ исторіи развитія въ краѣ культуры. Очевидно, Поповская академія въ свое время была для Харьковскаго края просвѣтительнымъ учрежденіемъ, и до открытія въ Харьковѣ Университета отчасти исполняла роль высшаго учебнаго заведенія. Душой ея былъ Палицынъ, соединявшій въ себѣ разностороннее и широкое образованіе съ мягкосердечіемъ, добродушіемъ и съ большой способностью сплачивать людей въ интересахъ общественнаго преуспѣянія, умственнаго и нравственнаго. Въ лицѣ Палицына въ харьковскомъ краѣ, въ лучшей, наиболѣе населенной и богатой его части, сумскомъ и ахтырскомъ уѣздахъ, явился разсадникъ западно-европейскаго просвѣщенія, преимущественно просвѣтительной и филантропической французской литературы XVIII вѣка. Дѣятельность Палицына совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью В. Н. Каразина, и эти два человѣка положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Харьковской губерніи. Ближайшій ихъ преемникъ по общественной и литературной дѣятельности Г. Ѳ. Квитка пошелъ далѣе Палицына и далѣе Каразина, внесши въ сознаніе мѣстной интеллигенціи идею о необходимости просвѣщенія не только дворянскаго сословія, довольно уже сильнаго въ культурномъ отношеніи и выставившаго уже такихъ свѣтлыхъ дѣятелей, какъ Палицынъ, Алферовъ, Каразинъ, Квитка, но всей массы народной, и одновременно внесъ идею о необходимости присмотрѣться къ ней, изучить ея языкъ, бытъ, нравы, обычаи. Палицынъ, Каразинъ и Квитка своей просвѣтительной дѣятельностью опредѣлили основные пути для успѣшной и цѣлесообразной дѣятельности на пользу харьковскаго края.

4.

Г. Ѳ. Квитка, какъ этнографъ.

Имя Г. Ѳ. Квитки—Основяненка извѣстно, какъ имя писателя, преимущественно малорусскаго. Но историческое значеніе Г. Ѳ. Квитки не исчерпывается его литературными заслугами. Это былъ въ то же время усердный и добросовѣстный этнографъ, мѣстный историкъ и общественный дѣятель. Всякое общественное начинаніе находило въ немъ дѣятельную поддержку. И самъ Квитка часто выступалъ въ положеніи иниціатора. То является онъ директоромъ только что устроившагося перваго постояннаго харьковскаго театра, то редакторомъ и издателемъ перваго харьковскаго журнала («Украинскаго Вѣстника»), то издателемъ книгъ для народнаго чтенія («Листы до любезныхъ земляковъ»). Онъ составилъ на малорусскомъ языкѣ священную исторію, приступилъ къ составленію для народа изложенія уголовныхъ законовъ, хотѣлъ устроить въ Харьковѣ нѣчто въ родѣ народныхъ чтеній, учредилъ публичную библіотеку [1]). Его стараніями былъ открытъ въ Харьковѣ институтъ для дѣвицъ—первое и нѣкоторое время единственное въ краѣ образовательное женское заведеніе. Нужно приэтомъ замѣтить, что Квитка, человѣкъ бездѣтный, затратилъ на это учрежденіе значительную часть своего состоянія. Въ наши цѣли не входитъ подробный обзоръ дѣятельности Квитки. Мы остановимся подробно лишь на той ея сторонѣ, которая до сихъ поръ не обращала на себя вниманія, о которой или совсѣмъ умалчивали или упоминали мимоходомъ и даже съ оттѣнкомъ пренебреженія—на этнографическихъ элементахъ въ сочиненіяхъ Квитки, изъ которыхъ многіе нынѣ имѣютъ лишь археологическое значаніе.

Въ сочиненіяхъ Квитки мѣтко очерчены нравы, обычаи, повѣрья, многія сказанія и культурныя привычки дворянъ и крестьянъ харьковской губерніи первой четверти XIX столѣтія.

---

[1]) *Харьков. Сборн.* 1884 г., стр. 421, 423.

Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко.
(р. въ 1778 въ Основѣ, † 1843).

Будынокъ де живъ Квитка на Основи.

Къ 54 стр.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ им. Грабаря
и Музейных работы

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Группируя многочисленныя замѣтки о дворянахъ, помѣщикахъ, разбросанныя въ русскихъ и малорусскихъ повѣстяхъ Квитки, нельзя не придти къ тому заключенію, что старинный помѣщикъ-крѣпостникъ заключалъ въ себѣ много антипатичнаго и отталкивающаго. Квитка не былъ врагомъ крѣпостного права; по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ пессимистъ; какъ писатель сентиментальной и романтической школъ, онъ склоненъ былъ придавать нѣсколько розовый оттѣнокъ общественнымъ отношеніямъ, и при всемъ томъ старинное слободско-украинское дворянство въ сочиненіяхъ Квитки носитъ мрачный колоритъ. Это группа людей большею частью лѣнивыхъ и малообразованныхъ, иногда капризныхъ и жестокихъ. Нужно замѣтить, что у Квитки встрѣчаются помѣщики благотворители, напримѣръ, Твердовъ, Скромновъ, Добрый панъ. За исключеніемъ Добраго пана, главнаго дѣйствующаго лица въ повѣсти «*Добрый панъ*», представляющаго кое-какія живыя черты, всѣ остальные благодушные квиткинскіе помѣщики-дворяне совершенно безцвѣтны. Это нравственныя сентенціи въ лицахъ, обычные въ старинной сентиментальной литературѣ резонеры, выражавшіе личное мнѣніе доброжелательнаго и благонамѣреннаго писателя о томъ или другомъ предметѣ. Гораздо лучше, полнѣе и живѣе, очерчены авторомъ помѣщики-хищники. У Квитки встрѣчаются Выжималовъ, Драчугинъ, Кожедраловъ, Плутовкинъ, Жиломотовъ. Уже одни фамильныя прозванія достаточно говорятъ, что это за люди. Въ «Преданіяхъ о Гаркушѣ» выведенъ помѣщикъ скряга, блѣдный литературный предшественникъ гоголевскаго Плюшкина и салтыковскаго Іудушки. Гораздо болѣе отвратительной представлена въ «Похожденіяхъ Столбикова» помѣщица-хищница. Она устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для дѣтей, чтобы обратить на себя вниманіе мѣстнаго начальства, что ей и удается. Она прослыла любительницей и покровительницей просвѣщенія. Губернаторъ пишетъ ей благодарственныя письма. Въ дѣйствительности, просвѣтительница обираетъ своихъ крестьянъ, учителямъ вмѣсто заслуженнаго ими денежнаго вознагражденія выдаетъ заемныя письма. По ея мнѣнію «мужикъ-хамово колѣно, созданъ для работы; сколько у него ни возьми, онъ пріобрѣтетъ снова». Помѣщикъ-хищникъ раскрывался во всемъ блескѣ, когда попадалъ въ исправники или опекуны. Квитка не находитъ для нихъ другого названія, какъ Ненасытинъ, Жиломотовъ. Исправникъ Ненасытинъ въ «Дворянскихъ выборахъ» расправляетъ свои мускулы на крестьянскихъ физіономіяхъ, не смотря на то, что волостные головы приносятъ его вліятельной женѣ Матренѣ въ даръ вино, куръ, поросятъ, хлѣбъ, тальки, прядево на гноты, зеленый горошекъ, цып-

лятъ, яйца, орѣхи-мышеловки, сушеные грибы, полотенца, перья для подушекъ, деньги. Въ «Похожденіяхъ Столбикова» опекунъ Жиломотовъ является къ малолѣтнему Столбикову съ ватагой пріятелей. Занявъ хорошо убранную гостинную, они обратили ее въ кабакъ, залили полы виномъ, на дорогіе ковры набросали костей. Столбикову не было другого имени, какъ щенокъ. Дворовые люди кормили его изъ милости. Квиткинскіе чиновники изъ дворянъ или бьютъ за то, что не даютъ взятокъ, какъ бьетъ Ненасытинъ, или, какъ Скромновъ, бьютъ за то, что подносятъ взятку, но непремѣнно бьютъ.

Жены дворянъ помѣщиковъ невѣжественны и мелочны. Одна поклоняется Петербургу; другая всѣ совершенства находитъ въ своемъ хуторѣ. Одна превозноситъ образованіе, подразумѣвая подъ словомъ образованіе умѣнье болтать по французски, играть на рояли, выводить замысловатые *па* въ котильонѣ. Другая грамоту считаетъ нелѣпостью, выдуманной злонамѣренными людьми для того, что-бы разстраивать здоровье. Въ домашнемъ быту, въ обыденной жизни помѣщицы придерживаются простоты, въ особенности въ костюмѣ; башмаки на босую ногу, юбка, платочекъ на голову—вотъ и домашній костюмъ старинной помѣщицы средней руки. Голова замужнихъ женщинъ всегда была покрыта. По глубокому убѣжденію Фенны Степановны Шпакъ, замужняя женщина, не покрывая голову, призываетъ гнѣвъ Божій, который выражается въ неурожаѣ хлѣба и болѣзняхъ. Когда наѣзжали гости, вся дворня, весь домъ, отъ барина до послѣдней собаки, приходилъ въ движеніе. Барыня спѣшила нарядиться въ чистое платье и новый чепчикъ; барышни умывались, надѣвали чистые чулки и чесали голову. Выходя замужъ, слободско-украинская дворянка большею частью отказывалась въ пользу мужа отъ своей имущественной собственности. Фенна Степановна объ имѣніи, полученномъ въ приданое отъ родителей, въ разговорѣ съ мужемъ иначе не говорила, какъ «ваше имѣніе», доказывая тѣмъ, что когда я ваша, то не имѣю собственнаго ничего. За исключеніемъ Анисьи Ивановны Халявской, всѣ квиткинскія помѣщицы очень чадолюбивы и превосходныя хозяйки.

Дѣти помѣщиковъ до поступленія въ школу проходили своеобразное домашнее воспитаніе, часто коверкавшее на всю жизнь ихъ умственный и нравственный складъ. Школа не только не исправляла недостатки, вынесенные учениками изъ семьи, но знакомила ихъ въ добавокъ съ такими пороками, которыхъ они не успѣли усвоить въ родительскомъ домѣ. Квитка чуть-ли не первый изъ русскихъ писателей заговорилъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Въ «Панѣ Халявскомъ» онъ постоянно сопоставляетъ прежъ-

нихъ и теперешнихъ юношей, причемъ слово «теперешній» слѣдуетъ отнести приблизительно къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Главной заботой пани Халявской было наполнить желудокъ своихъ дѣтей до невмѣстимости. Она накладывала съѣдобное горой на тарелки и строго взыскивала съ нянекъ, если дѣти не опоражнивали ихъ до-чиста. Паничи Халявскіе утромъ ѣли молочную кашу (чай въ началѣ XIX вѣка среди мелко-помѣстныхъ дворянъ былъ мало распространенъ): въ полдень они кушали блины, пироги или пампушки; немного спустя, обѣдали,— обыкновенно борщъ съ откормленною птицею, чудеснѣйшій борщъ, свинымъ саломъ заправленный, забѣленный сметаною, затѣмъ слѣдовала пшонная каша, облитая коровьимъ масломъ, гусь или индюкъ, и въ заключеніе сласти: пастила, павидло, яблоки, орѣхи и т. п. Къ вечеру паничи «подвечерковали», т. е. кушали холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, и въ концѣ концовъ ужинали. Не вѣдая о стѣснительной гигіенѣ, старосвѣтскіе украинскіе паничи на сонъ грядущій уничтожали квасокъ, колбасу, здобныя на молокѣ галушки или плавающіе въ маслѣ и облитые сметаною вареники.—Насколько желудокъ обременялся пищею, настолько мозгъ суевѣріями и предразсудками. Въ «Героѣ очаковскихъ временъ» Ромаша въ дѣтствѣ уже воспринимаетъ отъ матери повѣрья, что въ ущербъ луны нельзя начинать важное дѣло, что понедѣльникъ несчастный день, что въ пятницу не слѣдуетъ работать. Онъ боялся колдуновъ и вѣдьмъ, дурного глаза, несчастныхъ встрѣчъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ окруженъ бабусями, особаго рода старушками, знающими нашептыванія и заговоры. Онѣ оберегали панича отъ недобраго глаза и снимали «уроки».

Первымъ наставникомъ помѣщичьихъ дѣтей почти всегда былъ дьякъ или священникъ мѣстной церкви. Паничи Халявскіе обучались у пана дьяка Кнышевскаго, Столбиковъ—у священника отца Филиппа. Кнышевскій по субботамъ производилъ генеральное сѣченіе, такъ называемыя субботки, что не помѣшало однако укрѣпленію среди учениковъ убѣжденія въ глупости учителя. Собственнымъ дворянскимъ умомъ, безъ содѣйствія пана дьяка, паничи дошли до искусства соблазнять несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и предметомъ первыхъ опытовъ экспериментальной физики избрали пятнадцатилѣтнюю дочь Кнышевскаго Ѳеодосію. Когда Петрусѣ Халявскому исполнилось шестнадцать лѣтъ, въ домъ приглашенъ былъ священникъ и прочитана молитва. Петрусь сдѣлалъ три поклона отцу и матери и принялъ отъ нихъ благословеніе на бритье бороды, причемъ отъ отца получилъ бритву, а отъ матери кусокъ греческаго мыла и полотенцо, вышитое разноцвѣтными шелками. Въ заключеніе

обряда брадобритія Петрусь получилъ изъ рукъ отца рюмку водки. Отъ Кнышевскаго паничи перешли къ Игнатію Галушкинскому, который поступилъ въ домъ Халявскихъ на слѣдующихъ условіяхъ: столъ съ господами, кромѣ банкетовъ, жить въ паничевской комнатѣ, для постели войлокъ и подушка, въ зимніе вечера одна свѣча на три дня, въ мѣсяцъ разъ позволеніе прокататься на таратайкѣ съ знакомымъ священникомъ не далѣе семи верстъ, черкеска съ барскихъ плечъ и по пяти рублей въ годъ отъ ученика. Онъ долженъ былъ обучать хлопцевъ россійскому чтенію, церковной и гражданской печати, письму и латинскому языку. Вышло такъ, что вмѣсто латыни Галушкинскій пріучилъ паничей къ пьянству и хожденію по вечерницамъ. Отъ Галушкинскаго паничи перешли въ городскую школу. Заботливые родители снабдили ихъ съѣстными припасами для продовольствія и подарковъ школьному начальству, дали хлопца Юрка для прислуживанія, бабусю для приготовленія кушаньевъ и дѣвку, на обязанности которой лежало еженедѣльно мыть паничамъ голову и ежедневно заплетать имъ косы. Галушкинскій преподалъ имъ правила, какъ они должны держать себя въ школѣ относительно начальства и товарищей: передъ начальствомъ они должны стоять съ благоговѣніемъ, изобразивъ собою—?—знакъ вопросительный, переносить наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ назначитъ мудрое правосудіе начальника и ни въ чемъ ему не противорѣчить, хотя бы онъ полдень называлъ полночью, а глаголъ именемъ существительнымъ, преклоняться и передъ помощникомъ, потому что часто помощникъ бываетъ глаголъ дѣйствительный, а начальникъ—точка, знакъ сильный, но безгласный, учителей уважать только въ глаза, передъ товарищами держать себя по шляхетски, какъ знакъ—!—«удивительный», не красть на рынкѣ, не пьянствовать. Начальникъ школы, прочитавъ письмо отца Халявскихъ, поданное Галушкинскимъ, спросилъ: «ну что-жъ»? «Сейчасъ» отвѣтилъ Галушкинскій и началъ дѣйствовать. Первоначально онъ внесъ три головы сахару и три куска выбѣленнаго, тончайшаго домашняго холста. Начальникъ сказалъ меланхолически: «вписать ихъ въ синтаксисъ». Домине Галушкинскій поклонился, вышелъ и вскорѣ возвратился, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ. Реверендиссиме, подавъ голову, сказалъ: «они могутъ быть въ піитикѣ». Галушкинскій втащилъ три боченка, съ вишневкою, терновкою и сливянкою. Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: «впрочемъ, вписать ихъ въ риторику».

Столбиковъ, выучившись грамотѣ у добраго священника о. Филиппа, поступилъ во французскій пансіонъ Филу. Французы, воспитатели рус-

скаго юношества, гувернеры и гувернантки, въ сочиненіяхъ Квитки являются невѣжами и пошляками. Таковы мусье Филу въ «Похожденіяхъ Столбикова», m-me Torchon въ «Украинскихъ дипломатахъ» и m-lle Ламбо въ «Харьковской Ганнусѣ». Филу обманываетъ родителей внѣшнимъ блескомъ заведенія. Программа занятій обширная; экзамены торжественны. Въ дѣйствительности ученики занимаются крайне мало. Невѣжа и безбожникъ Филу прекращаетъ однако уроки въ небольшіе церковные праздники. Ученики усвоиваютъ хорошо разговорный французскій языкъ, танцы и отчасти музыку. Въ ариѳметикѣ они не идутъ далѣе умноженія, закона Божія не проходятъ (Филу находитъ этотъ предметъ неудобопостигаемымъ), исторіи, географіи и рисованію не учатся (Филу считаетъ ихъ безполезными). Ученики рано начали заигрывать съ дочерью Филу, для которой игра эта не прошла благополучно: пришлось ей подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться къ тетушкѣ. Какъ видно, пансіонъ Филу былъ изъ рукъ вонъ плохъ; но въ немъ, какъ, вѣроятно, во многихъ французскихъ пансіонахъ въ Россіи, носилась уже мысль, сдѣлавшаяся съ конца XVIII столѣтія неотъемлемымъ достояніемъ французской націи,—мысль о правѣ человѣка свободно устраивать свою судьбу. Пересаженная на русскую почву, мысль эта много теряла; но и въ блѣдномъ своемъ видѣ она вызывала негодованіе. Когда Столбиковъ замѣтилъ впослѣдствіи одному полковнику: «въ пансіонѣ мнѣ объяснили, что человѣкъ рожденъ свободнымъ, долженъ избрать занятіе по своей волѣ, а не по прихоти...», полковникъ не далъ ему докончить фразу и закричалъ: «молчать! если ты еще занесешь эту чепуху, а мнѣ донесутъ о томъ, то я тебя своими руками удушу»...

Квитка различаетъ двѣ эпохи въ исторіи женскаго обрззованія; въ прежнюю эпоху, приблизительно въ концѣ XVIII столѣтія, воспитана—значило вскормлена, вспоена, не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крупная, что называется кровь съ молокомъ; образована—значило, что она имѣетъ во что нарядиться и дать себѣ образъ или видъ замѣчательный; въ эпоху болѣе позднюю, приблизительно въ первую четверть XIX столѣтія, воспитаніе и образованіе состояло въ знаніи иностранныхъ языковъ, танцевъ и музыки и въ умѣніи хорошо держать себя въ обществѣ, понимаемомъ въ узкомъ, старинномъ смыслѣ случайнаго собранія гостей. Въ «доброе старое время» дѣвушки до 12—15 лѣтъ считались дѣтьми и ходили иногда въ одной сорочкѣ, перехваченной поясомъ. Такъ Софійка Халявская впервые надѣла корсетъ и юбку по истеченіи 14 лѣтъ, Назинька Шпакъ до 12 лѣтъ ходила въ дѣтской рубашечкѣ съ поясомъ изъ широкой атласной розовой ленты. Фенна Сте-

пановна, мать ея, ходила въ такомъ легкомъ костюмѣ до 15 лѣтъ. Онѣ окружены нянъками, бабусями, сказочницами, шутихами. Объ образованіи дѣвушекъ вообще мало заботились. «Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ; это аксіома», заявляетъ Трушко Халявскій; «если-бы и случилось женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать». Понятно, что подобное мнѣніе о значеніи женскаго ума въ семейной жизни не могло вызывать въ дворянской средѣ стремленія къ образованію дѣвицъ. Женщину любили, какъ нѣжную подругу, уважали, какъ заботливую мать и хорошую хозяйку домоправительницу. Ей отводили область чувства; въ характерѣ и умѣ ей отказывали. Ей никто не мѣшалъ любить, если проявляемая любовь не выходила за предѣлы захолустнаго общественнаго мнѣнія, не нарушала ограниченный кодексъ нравственныхъ правилъ околотка. Небрежное отношеніе къ умственному развитію дѣвицъ имѣло слѣдствіемъ, что, по словамъ Квитки, «весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любятъ, кои разсуждаютъ». Пазинька Шпакъ служитъ представительницей старинныхъ барышенъ, получившихъ домашнее образованіе, безъ гувернантокъ; она можетъ прочитать романъ; она умѣетъ надряпать любовную записочку; главное, она великая мастерица на разныя печенія, соленія и варенія. Можно быть увѣреннымъ, что Пазинька, по выходѣ замужъ, будетъ хорошая «мужняя» жена и чадолюбивая мать. Евжени Опецковская представляетъ образецъ барышни, воспитанной на новомодный нѣкогда французскій ладъ. M-me Torchon выучила ее говорить по французски, читать безнравственные романы и восторгаться офицерами. Французское воспитаніе не дало ей ничего хорошаго, общечеловѣческаго; оно только лишило ее того хорошаго національнаго, что есть въ Пазинькѣ, малоразвитой, слабохарактерной, но честной и доброй. Можно безошибочно сказать, что Евжени въ замужествѣ уподобится Анисьѣ Ивановнѣ Халявской, которая во время пріѣзда офицеровъ прогоняетъ мужа въ деревню хозяйничать, а дѣтей въ школу учиться.

Отношеніе господъ къ прислугѣ въ повѣстяхъ «Панна Сотниковна», «Божія дѣти» и «Украинскіе дипломаты» просто и мягко. Побои рѣдки и незначительны. Горничныя живутъ съ барышнями почти одною жизнью. Прислуга, по сочиненіямъ Квитки, принимала живое участіе въ интересахъ помѣщичьей семьи и была ей весьма предана.

Квитка впервые сдѣлалъ попытку представить въ литературѣ «развивателя», въ повѣсти «Ложныя понятія». Сынъ казака Омельянъ Григорьевичъ, обучившись въ Хоролѣ, потомъ въ Харьковѣ, пробирается въ

дворянство. Онъ имя Омельянъ измѣнилъ въ Эмиля, облекся въ сюртукъ, надѣлъ очки, сталъ курить сигары. Водевильные куплеты и винцо составляютъ главное его развлеченіе. Въ 18 лѣтъ онъ изучилъ людей, позналъ ихъ неблагодарность и невѣжество. Онъ находитъ, что чистыя понятія и здравыя идеи живутъ лишь въ новомъ поколѣніи, въ молодежи, что стариковъ не слѣдуетъ уважать, такъ какъ единственное ихъ преимущество состоитъ въ томъ, что они на своемъ долгомъ вѣку много съѣли и много выпили, что предки—поголовное дурачье. Похищеніе чужой собственности вовсе не дурно, если оно совершено для блага человѣчества; соблазнъ замужней женщины—дѣло хорошее, честное, если она имѣетъ дурного мужа. Эмиль передъ двоюродной сестрой, красивой дѣвушкой, развиваетъ ту мысль, что бракъ—глупая, варварская церемонія; женщина должна слѣдовать велѣнію благодѣтельной натуры; самое священное родство—любовь....

Малорусское дворянство уже и во время Квитки далеко стояло отъ простого народа, по языку, нравамъ, привычкамъ, и если кто либо изъ дворянской среды дѣлалъ шагъ къ сближенію съ крестьяниномъ, то это являлось столь страннымъ, что крестьянинъ первый сторонился и уходилъ отъ пана подалѣе. Въ «Харьковской Ганнусѣ» добродушный панъ предлагаетъ въ большую грязь дѣвочкѣ, продающей пироги, сѣсть рядомъ съ нимъ на дрожкахъ. «Отце ще, почти закричала дѣвочка; развѣ можно мнѣ ѣздить съ панами на дрожкахъ?». Въ трогательной драмѣ «Щира любовь» офицеръ Зоринъ желаетъ жениться на крестьянской дѣвушкѣ Галочкѣ. Она горячо его любитъ, но ни за что не соглашается выйти за него, потому что она «неривня». «Не однакови зирочки на небесахъ», поэтически объясняетъ она причину отказа, «не однакови и деревья по садкамъ. Не буде вишенька цвисти яблуновымъ цвитомъ; не прийме березонька липового листочка, не позбере соловейко иншои пташечки, якъ тильки зъ свого роду. Усему свій законъ, а чоловикови ще найбильшъ того».

Въ то время какъ данная Квиткой обрисовка дворянъ имѣетъ почти исключительно историческое значеніе, иначе обстоитъ дѣло съ крестьянами. По устойчивости крестьянскаго быта и міросозерцанія квитковскіе типы крестьянъ, очерки ихъ быта и повѣрій сохраняютъ въ большей мѣрѣ живое бытовое значеніе. Къ составленію малорусскихъ повѣстей съ сюжетами изъ народной жизни Квитка приступилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе того въ старости, съ громаднымъ запасомъ личныхъ наблюденій и житейской опытности. Первая малорусская повѣсть Квитки, и то

въ переводѣ, появилась въ 1832 г., когда Квиткѣ было 54 года, а въ слѣдъ за нею съ 1834 г. появляются его настоящія малорусскія повѣсти—Маруся, Солдатскій патретъ, Мертвецкій великдень, Отъ тоби и скарбъ и др.

Квиткѣ ставили въ укоръ сентиментализмъ, какъ результатъ подчиненія писателямъ сентиментальнаго направленія, какъ подражаніе Карамзину и Жуковскому. Но этотъ укоръ можно примѣнить лишь къ немногимъ квиткинскимъ персонажамъ. Такъ, Галочка въ повѣсти «Щира любовь», несомнѣнно, изъ сентиментальныхъ литературныхъ типовъ, что въ свое время было уже замѣчено Плетневымъ. Квиткинскій сентиментализмъ, за весьма немногими литературными примѣсями, есть сентиментализмъ народный малорусскій, какой обнаруживается и въ украинской народной поэзіи, и, въ дѣйствительности, есть реализмъ, по вѣрной передачѣ основной черты народнаго характера. Въ настоящее время въ Харьковѣ, въ подгородномъ селѣ Основѣ трудно найти Марусь и Оксанъ, такъ какъ эти мягкіе и нѣжные женскіе характеры почти исчезли подъ вліяніями фабричными и желѣзнодорожными. Въ повѣсти „*Пархимово Сниданье*“ есть замѣчательный женскій типъ, который имѣетъ пророческое значеніе—типъ Насти. Эта Настя все множилась, поглощала Марусь и Оксанъ, и теперь черезъ 60 съ лишнимъ лѣтъ по смерти Квитки оказывается довольно обычнымъ и характернымъ типомъ для харьковскихъ окраинъ, для Основы и всѣхъ подгородныхъ селъ, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія селъ отъ Харькова и отъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ станцій и фабрикъ. Въ повѣсти Квитки Настя обрисована дѣвкой здоровой, сильной, съ практическимъ умомъ. Она служила въ городѣ въ наймахъ у купцовъ и, по возвращеніи въ село, женила на себѣ глуповатаго парня Пархима Шеревертня. Она принимала у себя гостей изъ города, выпроводивъ предварительно изъ хаты своего дурня. «А зубата була! Вже не заидайся зъ нею нихто. Тилько зачепы ій, какъ разомъ якъ залящить, затрещить, загомонить, перекорепить батька и матиръ и увесъ ридъ, и такихъ прикладокъ поприкладае, що и не додумаешься, видкиля вона усего набрала. И вже ій ни за що не переговорышъ».

Проф. Дашкевичъ совершенно основательно оцѣниваетъ повѣсти Квитки, какъ «первыя произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и бытъ сочувственно и въ тоже время талантливо, разносторонне и вѣрно... Да и въ своихъ произведеніяхъ на русскомъ языкѣ Квитка является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы. Вліяніе обще-русской литературы на Квитку можно допустить

лишь въ частностяхъ, и совершенно несправедливо называть Квитку сентименталистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова» [1]).

Новая малорусская литература, начиная со Сковороды и Котляревскаго, развивалась въ самой тѣсной связи и въ прямой зависимости отъ этнографіи, преимущественно отъ близкаго и непосредственнаго ознакомленія писателей съ народной словесностью. Были писатели изъ крестьянъ, изъ дворянъ, изъ духовнаго сословія—и всѣ они въ большей или меньшей степени питались народной поэзіей, черпали изъ нея сюжеты, образы, краски, выраженія и обороты. Квитка не былъ исключеніемъ. Онъ наблюдалъ, изучалъ, прислушивался къ живой рѣчи, велъ этнографическія записи. Наблюденія и изученія производились на Основѣ и въ Харьковѣ, а во времена Квитки Харьковъ представлялъ еще малорусскій городъ. Населеніе окраинъ состояло изъ земледѣльцевъ и садоводовъ. Въ городѣ еще держались старинные мѣстные кустарные промыслы: коцарскій, шановальскій, скринницкій. За исключеніемъ небольшой городской интеллигенціи, все населеніе говорило чистымъ малорусскимъ языкомъ. Подгородніе крестьяне совсѣмъ еще не были тронуты городской цивилизаціей и не были нравственно испорчены частыми сношеніями съ городомъ. На базарахъ можно было ежедневно слышать чистую народную рѣчь, видѣть народные костюмы. По словамъ харьковскихъ старожиловъ, Квитку часто можно было встрѣтить на базарѣ въ воскресные и праздничные дни, гдѣ онъ прогуливался и подмѣчалъ тонкіе оттѣнки народныхъ нравовъ и выраженій. Кстати, можно сдѣлать указаніе на одно, не лишенное интереса и, сколько помнится, незамѣченное біографомъ Квитки Данилевскимъ, печатное свидѣтельство, что Квитка изучалъ этнографію Малороссіи. Въ XI т. *„Маяка“* 1843 г., въ отдѣлѣ матеріаловъ, помѣщена довольно большая статья Конст. Сементовскаго о малороссійскихъ народныхъ праздникахъ съ цѣнными дополненіями и замѣчаніями Срезневскаго, Костомарова и Метлинскаго. Перечисляя печатные, весьма немногочисленные, источники, Сементовскій замѣчаетъ, что недостатокъ матеріаловъ онъ пополнилъ замѣчаніями и наблюденіями собственными и сообщенными ему нѣкоторыми любителями малоросійской старины; «многоуважаемый писатель нашъ, Г. Ф. Основьяненко, замѣчаетъ Сементовскій, подарилъ насъ замѣтками о повѣрьяхъ и обычаяхъ поселянъ харьковской губерніи». Изъ этого сборничка, переданнаго Сементовскому въ началѣ сороковыхъ годовъ и лишь отчасти имъ напечатаннаго, вѣроятно, кое-что попало и въ малороссійскія повѣсти Квитки.

---

[1]) *Отчетъ* о 29 присужд. наградъ гр. Уварова 97.

Глубокая народность Квитки обнаруживается въ его языкѣ, мелкихъ замѣчаніяхъ и характеристикахъ, въ литературныхъ персонажахъ, въ фабулѣ разсказовъ.

Въ статьѣ „*Украинцы*“ Квитка говоритъ, что языкъ украинскій (харьковской и отчасти воронежской губ,) гораздо очищеннѣе малороссійскаго (полт., кіев., волын. и др. зап. губ). „Сколько словъ коренныхъ малороссійскихъ здѣшними жителями вовсе не употребляются, и они даже не понимаютъ значенія ихъ“. Это замѣчаніе Квитки требуетъ подтвержденій, которыхъ наука еще не дала. Несомнѣнно, что языкъ самого Квитки отличается простотой и чистотой; въ немъ нѣтъ ничего вычурнаго, искусственнаго и самодѣлковаго.

Начнемъ съ мелкихъ замѣчаній Квитки, цѣнныхъ въ историко-культурномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ цитованной статейкѣ „Украинцы“ Квитка говоритъ, что „поселянинъ прежде всякаго рукомесла старается обучить сыновей грамотѣ“, а въ небольшомъ примѣчаніи Квитка поясняетъ: „это разумѣть должно о жителяхъ городовъ и тѣхъ селеній, гдѣ есть способы къ ученію“. Въ повѣсти „Панна Сотниковна“ (на рус. яз.) Квитка рисуетъ такую картину: Тринадцатилѣтній Вася ходитъ въ школу; возвратясь домой, онъ бросаетъ на скамейку шапку, часословъ, тетрадь и линейку, крестится передъ образами и кланяется родителямъ. И эта картинка вполнѣ отвѣчаетъ лучшимъ идеальнымъ представленіямъ народа объ ученіи дѣтей, объ отношеніи ихъ къ родителямъ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи совпаденіе представляетъ слѣдующая малорусская колядка, извѣстная по сборникамъ Метлинскаго и Чубинскаго:

У нашого пана хороша пани,
Богъ ему давъ славну жену въ его дому!
По двору ходыть, якъ мисяцъ сходыть;
По синцяхъ ходыть, зоря сходыть;
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зрослы—у школу пишлы.
А дочки зрослы—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—книжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:
Книжычки на стилъ, батеньку до нигъ
А дочечки хусточки на пилъ, матюнци до нигъ.

(Чуб., т. Ш, стр. 404).

У Квитки и въ колядкѣ выражены одни и тѣ же идеальныя стремленія крестьянина къ возможно лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и нравственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья—грамотны; дочки—мастерицы шить: дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой семьи похваляется уже и

самъ хозяинъ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колядкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Уваженіе народа къ грамотѣ отмѣчено въ разныхъ повѣстяхъ Квитки. Такъ, въ оперетѣ «*Сватанье на Гончаривци*» дивчина Уляна говоритъ: «Хиба паны брешутъ? Воны сего не вміютъ и надъ дивкамы не будутъ гнущатись. Воны письменни». Въ повѣсти «*Маруся*» старикъ Наумъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Василь выучился грамотѣ, а Василь объяснилъ, что онъ день и ночь учился, и Богъ помогъ ему одолѣть грамоту и дойти до чтенія Апостола. Въ повѣсти «*Божи диты*» Костя ученіемъ дошелъ до мысли о необходимости честной общественной службы.

Народъ малорусскій обладаетъ безобиднымъ юморомъ. Въ повѣсти «*Ярмарка*» по улицамъ тянутся фуры съ шерстію. Одна изъ пріѣзжихъ помѣщицъ въ легкой утренней одеждѣ высовывается въ окно и спрашиваетъ: «А чья эта шерсть»? Погонщикъ, хоть и съ поникшею головою и пасмурнымъ лицомъ, не пропускаетъ случая сострить и, обдирая кожу съ соленой тарани, отвѣчаетъ, будто нехотя: «Овеча». «Дуракъ»! кричитъ барыня. «Я спрашиваю какого пана». Михаила Петровича. «Да какого»? Нашего. «Гей, цобе, сирый, цобе»! и, хлеснувъ воликовъ батогомъ, идетъ далѣе своею дорогою.

Въ повѣсти «*Добре робы*» отмѣчена мимоходомъ такая черта народнаго характера: «Вы паны», говоритъ Тихонъ Брусъ правительственному комиссару, «и все хочете попаньски робыты. Вы, якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ уси зналы, що вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та молымо, и за тимъ рублемъ, або за копою, та мы день лышній жывемо, и лышню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлестытысь, та хоть щонебудь выторговаты, бо намъ своеи трудовои копійки жалко».

Вообще, въ сочиненіяхъ Квитки разбросано много такихъ мелочей, которыя въ совокупности прекрасно обрисовываютъ характеръ малоросса.

Въ изображеніи народной жизни Квитка стоитъ на твердой реальной почвѣ; у него нѣтъ искусственной идеализаціи и тенденціозной подкраски; онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ—взяточничества сельскихъ судей и писарей, наклонности къ обиранію ближнихъ въ годину бѣдствія; у Квитки въ народномъ быту среди честныхъ людей оказы-

ваются и обманщики, воры и даже убійцы (Перекотиполе, Козырь-Дивка, Конотопська видьма). Въ повѣсти «Божи диты» старики крестьяне обнаруживаютъ жесткое сердце. Это тѣни на общей свѣтлой картинѣ народной жизни.

Чтобы судить о бытовой вѣрности квиткинскихъ литературныхъ героевъ, мы выдѣлимъ нѣсколько лицъ, наиболѣе своеобразныхъ, внушающихъ нѣкоторое подозрѣніе въ подкраскѣ и преувеличеніи, и провѣримъ ихъ историко-бытовыми свидѣтельствами современниковъ Квитки.

Въ „*Ложныхъ понятіяхъ*“ (на рус. яз.) находится подробное изображеніе быта мѣщанина. Казенный крестьянинъ Пантелеймонъ Стовбырь, имѣя значительное состояніе, презираетъ мужика и тянетъ къ мѣщанамъ. Онъ имѣлъ большое число десятинъ пахатной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ, вѣтряную мельницу, нѣсколько паръ воловъ, пасѣку, обширный дворъ, весь застроенный, избу съ двумя трубами, съ большой комнатой, съ кимнатой и черезъ сѣни противной комнатой; при домѣ колодезь, огородъ и небольшой садикъ съ грушевыми, вишневыми и яблоновыми деревьями. Все это онъ продалъ, переселился въ городъ и открылъ здѣсь мелочную торговлю. Вмѣсто свиты сѣраго уразовскаго сукна началъ носить синій жупанъ, а потомъ черкеску; жену нарядилъ въ богатые кунтуши, лыстриновыя юпки, шелковыя запаски, парчевые очипки, глазетовые кораблики (головн. уборъ), кораллы и дукаты; съ переселеніемъ въ городъ и послѣ знакомства съ мелкими торговцами онъ надѣлалъ ей круглыхъ платьевъ и накупилъ платковъ. Въ городѣ купилъ домъ въ лучшей части города о 5 комнатахъ. Не безъинтересно описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося и въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и слободахъ въ Малороссіи. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя столбиками съ вырѣзными кружками, городками и т. п. и выкрашеннымъ зеленой краской. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ «залку». Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы художниковъ борисовской и суздальской школъ. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами; лампады затепливаются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ на верху. Отъ орла до самаго конца зеркала на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками произвольнымъ узоромъ. Объ это полотенце вытираютъ руки; его мѣняютъ по субботамъ. Залку украшаютъ картинки

любовнаго и батальнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой и столъ для складки шубъ довершаютъ убранство залки. Изъ залки дверь направо вела въ «гостиненку», дверь налѣво—въ опочивальню. Послѣднюю наполняла двойная кровать, нагруженная перинами и подушками. Изъ спальни выходъ въ «кухоньку», а изъ послѣдней въ сѣни. Въ сѣняхъ дверь направо вела въ отдѣльную комнату, «упокой», предназначенную для гостя или постоя. При домѣ ни огорода, ни сада не было. Стовбырь, теперь уже Стовбыревскій, не хотѣлъ уже заниматься «мужицкимъ промысломъ», т. е. огородничествомъ и садоводствомъ. Квитка подмѣтилъ тонкую черту людей, отрѣшающихся отъ народа: отвращеніе къ природѣ. Замѣчательна одна черта въ «Ложныхъ понятіяхъ». Когда Стовбырь на угощеніе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ истратилъ все свое состояніе и долженъ былъ, облекшись снова въ сѣрую свиту, возвратиться въ родное село, друзья чиновники и мѣщане перестали его узнавать и при встрѣчѣ отворачивались отъ него, а крестьяне будто не видѣли его униженія и не обидѣли его словомъ. Они жалѣли, что «ему такъ не посчастливилось».

А. В. Никитенко, говоря въ своихъ «Запискахъ» о большомъ малорусскомъ селѣ Алексѣевкѣ острогожскаго уѣзда ворон. губ. въ первые годы XIX вѣка (годы наблюденій Квитки), замѣчаетъ: Вся правительственная власть (въ селѣ А. графа Шереметьева) сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею, и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертни, успѣвшіе усвоить себѣ отъ русскихъ одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покрой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна куптушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ кораловъ, въ перемышку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами. Настоящій малороссійскій типъ лица, правовъ, обычаевъ и образа жизни сохранялися почти

исключительно въ хуторахъ. Тамъ можно было найти истинно гомерическую простоту нравовъ: добродушіе, честность и то безкорыстное гостепріимство, которымъ по справедливости всегда славились малороссіяне. Эти добрые хуторяне, въ своей патріархальной простотѣ незнакомые съ цивилизованными пороками, умѣренные въ своихъ требованіяхъ, жили бы совершенно счастливо, владѣя прекраснѣйшею въ мірѣ землею и платя небольшой оброкъ помѣщику, если бы ихъ не притѣсняли богатые мѣщане. Къ несчастію, богатство и здѣсь, какъ часто бываетъ, составляло могущество, служившее однимъ для угнетенія другихъ. Мѣщане разными способами обижали хуторянъ: они то старались подчинить ихъ своей власти, то захватывали у нихъ клочекъ выгодной земли или лѣса, то обращали на нихъ бремя общественныхъ тягостей, которыхъ сами не хотѣли нести. Все это дѣлалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о томъ, какъ бы и имъ обогатиться, а выборные отъ народа, или громада, состояли изъ тѣхъ же мѣщанъ: эти послѣдніе располагали и выборами и голосами въ громадѣ (I, 46),

Нѣтъ надобности доказывать, что среда алексѣевскихъ мѣщанъ Никитенка предполагаетъ и оправдываетъ литературное существованіе Стовбыря Квитки.

Въ повѣсти «*Малороссійская быль*» Квитка обрисовалъ другого перевертня—сына крестьянина Харька. Изъ школьнаго ученія онъ вынесъ лишь глупое высокомѣріе, презрѣніе къ отцу и всему родному. «Житы по-людьски» стало у него означать по-пански. Видно, что въ 30 и 40-хъ годахъ перевертни начинали рѣзать глаза благомыслящихъ людей.

Еще болѣе своеобразными въ повѣстяхъ Квитки оказываются сельскіе писари, балагуры схоластики, часто плуты, хитрецы, иногда съ поэтическими наклонностями. Можно думать, что и въ этой области Квитка только воспроизводилъ своевременныя ему бытовыя явленія. *Т. П. Пассекъ* въ своихъ запискахъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» (II 262—264) говоритъ, что въ с. Спасскомъ Харьковской губерніи, гдѣ проживала Пассекъ въ 1836 г., въ экономіи писаремъ былъ Григорій Тузъ—романтикъ, лѣтъ 26, средняго роста, съ рѣдкими длинными свѣтлорусыми волосами, весь въ веснушкахъ и до того худой, что нанковый сюртукъ, когда-то гороховаго цвѣта, болтался на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Романтичность Туза выражалась туманнымъ, задумчивымъ взоромъ и страстью къ пѣнію и музыкѣ. Онъ каждый вечеръ садился на крылечкѣ конторы съ гитарой въ рукахъ, бралъ томные аккорды и, когда впадалъ въ грустное настроеніе, то пѣлъ «Вiють витры, вiють буйны» или «Стоитъ яворъ

надъ водою». Если слышалось «Сонце низенько», значитъ Тузъ настроенъ чувствительно. Въ индифферентномъ состояніи духа онъ небрежно садился на крыльцѣ, тихо брянчалъ на гитарѣ и развязно пѣлъ «Удовыцю я любывъ».

Вообще дѣйствующая лица квиткинскихъ повѣстей въ значительной степени срисованы съ дѣйствительной жизни и въ 30-хъ годахъ имѣли этнографическое значеніе, каковое отчасти сохранили до сихъ поръ; говорю отчасти въ виду того, что кое-что получило уже историко-бытовое значеніе. По полнотѣ обрисовки на первомъ мѣстѣ можно поставить Тихона Бруса въ повѣсти «Добре робы». Тихонъ Брусъ—«старъ чоловикъ», уважаемый въ селѣ за умъ и осторожность. Онъ «розумъ мавъ про себе и не дуже зъ нымъ выхвачувався». Отличительная его черта—широкая вѣротерпимость. Человѣкъ честный и богобоязненный, онъ гуманно относится къ людямъ безъ различія національности. «Об анахтемьскому барышеви» онъ не помышляетъ. Брусъ—крупный общественный дѣятель. На сходкѣ его мнѣніе самое дѣльное и честное. Когда наступилъ голодный годъ, онъ отобралъ у жены и у дѣтей все излишнее, съѣздилъ въ курскую губернію, накупилъ хлѣба и раздалъ его безплатно нуждающимся односельчанамъ. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на проклятія и рыданія жены и дочерей, не обратилъ вниманія на козни и наговоры своихъ враговъ. Онъ свое дѣло дѣлалъ молча. Брусъ былъ такой человѣкъ, «що коли що надумавъ то, хоть спорь, хоть лайся, а вже винъ одъ свого не отступытця. И вже не буде багато говорыты та намагатысь, а мовчки зробыть якъ хотивъ». Тихонъ Брусъ крѣпокъ вѣрой въ Бога и въ силу и благородство народа. Онъ не ошибся. За свое доброе дѣло онъ получилъ народную благодарность. Когда на слѣдующій годъ Богъ уродилъ хлѣба и послѣдній совершенно поспѣлъ, «заразъ одъ усякого двора выйшло по женцю и у одинъ день увесь лапъ Тихонивъ зжалы, повязалы и въ копы поклалы. А якъ пеклы новый хлибъ, такъ жоденъ хозяинъ принисъ або прислявъ ему по новому хлибови.—Се було на самого Прокипья. Якъ тилько наставъ день Божій, такъ и повалывъ народъ до Тихона.... Чоловикъ увійде, помолытця, хлибъ святый положе, та Тыхонови и прыпаде до нигъ и скризь слезы говорить: «Прыйми, лядьку, хлибецъ святый, що черезъ тебе Богъ послявъ мени съ семьею моею, що ты ихъ пропитавъ у таку несчастлыву годыну. Тамъ дытына вбижыть, та тежъ хлибецъ несе.... Тамъ увійде дивча, та все зъ хлибомъ, та зъ дякою»... Другой прекрасный «старъ человикъ»—Захарій Скиба (въ повѣсти «Божи диты»). Во время повальной болѣзни онъ посѣщаетъ больныхъ. Самъ бѣднякъ, онъ взялъ двухъ малолѣтнихъ

сиротъ и заботился о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Мальчика онъ отдалъ дьячку въ ученіе, а дѣвочкѣ—найдется у него лишній грошикъ—купитъ въ городѣ пряникъ или бубликъ. Когда дѣвочку добрый помѣщикъ взялъ къ себѣ въ домъ и началъ ее воспитывать наравнѣ съ своей дочерью, Скиба отъ полноты душевной благодарности расплакался, какъ маленькій.

Есть у Квитки еще три замѣчательныхъ старика, Наумъ Дротъ (въ повѣсти «Маруся»), тараповскій сотникъ Миронъ Петровичъ (въ повѣсти «Панна Сотниковна») и крестьянинъ Таранецъ (въ драмѣ «Щира любовь»). Всѣ они отличаются теплымъ религіознымъ чувствомъ и непоколебимой вѣрой въ Провидѣніе, въ тяжелыя минуты жизни спасающей ихъ отъ отчаянія. Всѣ они заботливые отцы и вѣрные мужья. Панъ Сотникъ щедро помогаетъ бѣднымъ. Онъ хорошо воспитываетъ своего сына и охотно отвѣчаетъ на его любознательные вопросы. Въ святъ-вечеръ сынъ спрашиваетъ у него, почему наканунѣ Рождества обѣдаютъ на сѣнѣ? отчего только въ этотъ день приготовляютъ узваръ и кутью? Сотникъ любовно объясняетъ, что обѣдаютъ на сѣнѣ въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ, на сѣнѣ; употребленіе узвара онъ объясняетъ малорусскимъ обыкновеніемъ при рожденіи ребенка извѣщать друзей и родныхъ о радости и посылать при этомъ имъ что нибудь выпить за здоровье новорожденнаго. Таранецъ—человѣкъ мягкій и добросердечный. Онъ горячо любитъ свою единственную дочь и ни въ чемъ не хочетъ насиловать ея воли. Онъ грамотенъ и любитъ читать духовныя книги.

Изъ пожилыхъ женщинъ повѣстей Квитки заслуживаетъ вниманія честная и разумная Векла Ведьмедиха (въ повѣсти „Сердешна Оксана“) Голова не рѣдко къ ней обращался за совѣтомъ. Доброе сердце ея оказалось въ томъ, что, оставшись бездѣтною вдовою, она взяла къ себѣ сироту Оксану. Задумается Оксана, замечтается о своемъ возлюбленномъ капитанѣ, „стара вже ни объ чимъ и не думае, а боитця, щобъ дытына не занедужала, и стала ии па пичъ покладаты и кожухомъ укрываты и водою наповаты». Петро, умный, сдержанный парубокъ, влюбился въ Оксану, первую деревенскую красавицу. Можетъ быть она и вышла бы за Петра, но, къ ея несчастью, подвернулся хитрый обольститель капитанъ и завоевалъ ея сердце. Путемъ низкаго обмана Оксана была увезена и изнасилована. Она сдѣлалась капитанской наложницей; черезъ годъ у ней родился сынъ. Тяжело было ей выносить капитанскія ласки. Полубольная, исхудалая, голодная, она бѣжала съ своимъ Митрикомъ въ родное село, къ Веклѣ

Ведмедихѣ, которая изныла сердцемъ по своей Оксанѣ. Вблизи родного села, на дорогѣ, она совсѣмъ обезсилѣла. Здѣсь ее случайно нашелъ Петро. Онъ зналъ ее дѣвкой здоровой, полной, румяной, шутливой, веселой; теперь онъ увидѣлъ передъ собой что-то худое, прехудое, сухое, блѣдное. Петро подошелъ къ ней, разговорился, и, подумавши, сказалъ: „Какъ тебѣ, Оксана, явиться въ наше село? Тебя засмѣютъ, закидаютъ грязью, проходу тебѣ не будетъ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я тебя привезу къ моему двору такъ, что никто не увидитъ. Тамъ найду материнскую плахту, свиту и очипокъ, да и пройдемъ по за улицами къ священнику, пусть насъ обвѣнчаетъ. Ведмедиха, увидѣвъ, что ты уже замужемъ, не такъ будетъ горевать, въ селѣ никто не посмѣетъ надъ тобою смѣяться, потому что уже будешь мужняя жена“.... „Я тебя любилъ сильно и теперь еще люблю. Я знаю твою душу; ты немного споткнулась. Что ни разсказывай о капитанѣ, а и ты виновна..... „Ну та дарма, усе забуваю и ни объ чимъ згадуваты не буду, мовъ дивкою тебе беру“.

Въ повѣсти „Перекотиполе“ находится другой замѣчательный образъ крестьянина тихаго, добраго, работящаго, честнаго, преслѣдуемаго бѣдностью и горемъ. „Чи тоби, Трохыме, талану нема, чи хто тебе знае!“—такъ говорила вдова Венгериха своему сыну—„уси таки заробляють та знай багатіють, а ты ось ніякъ не раздобудеся ни на що, щобъ начаты господареваты якъ и люде. Що було де чого небагато писля батька, те потратыла женючи тебе, думала, описля заробымо, невистка поможе. Невистка жъ ничъ день робыть, а я звалылась соби на лыхо. . . . . тутъ пійшлы диты; хлопчыкови вже шостый годокъ; попавъ у ревизію; треба за его зносыты, и дивчатокъ двое, робыты ще не имъ, а исты просятъ, треба годуваты, та все жъ то дай, усе дай! А въ тебе, сыночку, одни руки, не надасы“. Горемычный Трофимъ пошелъ въ городъ на заработки, гдѣ и раздобылъ немного денегъ. На обратномъ пути въ виду роднаго села его зарѣзалъ Денисъ Лоскотунъ, односелецъ, замѣшанный въ воровствѣ со взломомъ и убійствѣ.

Н. И. Костомаровъ въ «Обзорѣ сочиненій на малорусскомъ языкѣ», помѣщенномъ въ «Молодикѣ» 1844 г., высоко ставитъ Галочку, главное дѣйствующее лицо въ повѣсти «Вотъ Любовь» и въ драмѣ «Щира любовь». Содержаніе обоихъ произведеній незначительно. Въ Галочку, крестьянскую дѣвушку, влюбляется офицеръ Заринъ. Она страстно его полюбила, но не рѣшается выйти за него изъ опасенія, что надъ нимъ будутъ смѣяться за женидьбу на мужичкѣ. Чтобы окончательно отклонить просьбы Зарина, она въ его отсутствіе выходитъ замужъ за от-

цовскаго работника Миколу; но сердца своего переломить она не можетъ и потому чахнетъ и умираетъ. Костомаровъ придавалъ Галочкѣ слишкомъ большое значеніе, ставя ее выше Ивги и Маруси. Онъ говоритъ, что «Галочка всегда идеалъ, показывающій высокое нравственное совершенство, до какого можетъ дозести глубокое чувство, при здравомъ состояніи другихъ способностей». Съ послѣднимъ нельзя согласиться. Въ Галочкѣ не всѣ способности развиты; чувство у ней развилось въ ущербъ ума и характера. Она неестественна. Анна Григорьевна, жена Квитки, уже нашла необходимымъ защищать ее въ письмѣ къ Плетневу, находившему Галочку существомъ неземнымъ. Галочка разсуждаетъ такъ, будто читала стихи Жуковскаго. Она утверждаетъ, что ея счастье въ сердцѣ, никто его не отниметъ. Какъ извѣстно, это была излюбленная мысль Жуковскаго, проведенная имъ во множествѣ стихотвореній. Галочка представляетъ невольную дань Квитки литературнымъ вкусамъ своего времени. Карамзинъ утвердилъ въ Россіи господство сентиментализма. Мѣсто сентиментализма вскорѣ занялъ романтизмъ; но въ провинціи любовь къ сентиментализму не угасла и въ 30-хъ годахъ.

Если считать идеальнымъ человѣка, въ которомъ всѣ душевныя силы находятся въ гармоническомъ развитіи, то въ сочиненіяхъ Квитки нѣтъ выше Ивги, героини повѣсти «Козиръ—дивка». Парубокъ, котораго она любитъ, Левко, по ложному подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, посаженъ въ тюрьму. Ивга просила за него у сельскаго начальства, у исправника, у городскихъ судей. Послѣднимъ она дала взятку бублики, которые господами «судящими» были охотно приняты. Ничего не помогало. Неутомимая Ивга дошла къ губернатору, и только у него добилась суда и справедливости: Левко былъ освобожденъ. Ивга живая, проворная, смѣлая, въ словахъ бойкая, безъ болтовни, учтивая, скромная; ее никто не одуритъ, никто не испугаетъ, не остановитъ, ни съ намѣренія не собьетъ; какъ уже что придумала—доведетъ до конца; много у ней чувства и воли.

Маруся—прелестное созданіе: красива, тиха, скромна, добра. Она красива по малороссійски: высокая, стройная, смугленькая, румяная, съ черными, какъ смола, косами, съ глазками, какъ терновыя ягоды, брови снуркомъ. Она избѣгаетъ шумнаго уличнаго веселья и не ходитъ на вечерницы. Лишь только заслышитъ колокольный звонъ, идетъ въ церковь и ставитъ свѣчу. На свадьбѣ своей подруги она увидѣла красиваго и бойкаго парубка Василія и полюбила его. Василь не былъ холоденъ къ такой красавицѣ; онъ просилъ отца Маруси выдать за него дочку. Старый заупрямился. Пошелъ Василь на заработки. Маруся, въ его от-

сутствіи, простудилась и умерла. Содержаніе повѣсти просто, несложно. Однако, повѣсть «Маруся» при своемъ появленіи произвела сильное впечатлѣніе: ею зачитывались, надъ нею плакали. Квитка раскрылъ передъ читателемъ душу чистой дѣвушки, ввелъ его въ таинственный міръ женскаго сердца, бьющаго неистощимымъ родникомъ обильнаго чувства. «Се не Маруся въ насъ передъ очима, говоритъ Кулишъ, се наша юность, се тіи дни святи, приснопамятни, якъ и въ насъ було красно, чисто и свято въ сердци.... Красенъ Божій міръ, а ще краща душа чоловича, и тягне вона насъ до себе непобедимою сылою. Велики скарбы своеи благости розсыпавъ Богъ у своему красному мырови, а ще бильшими скарбами збогатывъ чоловичу душу. И не того намъ хочетця жыты, щобъ тилько на Божій миръ дывытись: бильше намъ хочетця душею въ чужи души входыты и благодатни скарбы на скарбы миняты».

Оксана, Прасковья Мироновна, панна Сотниковна и Ганнуся имѣютъ сходныя черты. Первая, обезславленная капитаномъ, не упала духомъ, не унизилась до положенія безотвѣтной наложницы. Нѣсколько лѣтъ униженія не сдѣлали изъ нея безотвѣтную рабу; она собралась съ силами и бѣжала отъ негодяя. Панна Сотниковна, глубокорелигіозная, скромная, застѣнчивая, горячо привязанная къ отцу и матери, въ ту минуту, когда пьяный юнкеръ обезчестилъ ее, она забыла все, забыла Бога, родныхъ, несчастныхъ, которымъ помогала, и покончила жизнь самоубійствомъ. Ганнуся такъ же религіозна, какъ Парася и Маруся. Она также добросердечна и застѣнчива. Она трудолюбивѣе ихъ обѣихъ. «Се сокровище, а не дивка, говоритъ о ней старая Запорожчиха. Послушна, работяща, ни съ кимъ ни залается, ни засварится. А щобы, когда пишла на улицу, какъ прочія? ну таковская, ей и не говори! Тилько и прогулкы, что по воскресеньямъ и праздникамъ къ ранней въ соборъ или въ монастырь, на Спаса въ Куряжъ, на Вознесеніе въ Хорошевъ, на Ивана въ Основу».

Въ основаніи многихъ разсказовъ Квитки лежатъ народныя сказки. Содержаніе разсказа „*Перекотыполе*“ просто. Мужикъ Трохимъ шелъ домой изъ города, гдѣ былъ на заработкахъ. На дорогѣ его догналъ односелецъ Денисъ Лоскотунъ и убилъ, съ цѣлью грабежа. Умиравшій Трохимъ призвалъ въ свидѣтели принесенную къ нему степнымъ вѣтромъ траву перекотиполе. Когда былъ осмотръ трупа, Денисъ смутился, увидя въ рукѣ Трохима перекотиполе. Смущеніе его выдало. Квитка обработалъ народную сказку, при чемъ внесъ отъ себя подробности о жизни Трохыма и Дениса въ селѣ и въ городѣ до совершенія преступленія.

Въ уманскомъ уѣздѣ кіевской губ. записана весьма сходная сказка о перекатиполѣ. Два парубка ходили въ Бессарабію на заработки и заработали по 20 руб. На пути домой одинъ изъ нихъ завелъ другаго въ глубокій яръ и убилъ. Умиравшій парубокъ вслухъ сказалъ: «прощай перекотыполе; та гляды, будешь мени свидокъ». Убійца воротился домой, женился. Когда онъ шелъ съ женой полемъ къ тестю, то увидѣлъ перекатиполе и усмѣхнулся. Жена начала допытываться, и убійца сознался въ своемъ преступленіи. У тестя мужъ подвыпилъ, сталъ бить жену, и она его выдала [1]).

Въ самарской губерніи записана великорусская сказка «Ковыль-трава» слѣдующаго содержанія: Одинъ мужикъ убилъ торговца въ степи подъ ракитой. Никого свидѣтелей не было. Тотъ передъ смертью и говоритъ: Ковыль-трава, засвидѣтельствуй хоть ты меня»! Вотъ прошло много лѣтъ: идетъ разъ мужикъ съ женой своей по степи, поравнялся съ ракитой да и засмѣялся. Жена стала допытываться, чего онъ засмѣялся. Мужъ признался, и потомъ жена за побои выдала его властямъ [2]).

Въ средневѣковой испанско-еврейской легендѣ роль перекатиполя играетъ финиковое дерево. Богатый мавръ Гашамъ, злобствуя на молодого поэта Габріеля за его успѣхи въ поэзіи и любви, заманилъ его въ свой садъ, убилъ и закопалъ подъ финиковымъ деревомъ. Умирая Габріель сказалъ: »плодъ этого одинокого дерева заговоритъ и обвинитъ убійцу». На другой годъ финиковая пальма дала такъ рано и такіе прекрасные плоды, что молва о томъ пошла далеко, и къ Гашаму пріѣхалъ самъ король. Гашамъ смутился, что выдало его, затѣмъ сознался и былъ повѣшенъ на этомъ деревѣ [3]).

Въ греческой легендѣ, поэтически обработанной Шиллеромъ, убійцъ поэта Ивика уличили журавли, вполнѣ соотвѣтствующіе перекатиполю и финиковой пальмѣ.

Во всѣхъ этихъ легендахъ выразилась глубокая вѣра въ Немезиду, та вѣра, которая хорошо выражена у Шекспира словами Макбета:

Есть судъ и здѣсь: рукою безпристрастной
Подноситъ намъ онъ чашу съ нашимъ ядомъ.

Маленькій разсказъ „*Индбрехачъ*“, напечатанный впервые въ «Молодыкѣ» 1843 г., представляетъ передѣлку народной сказки. Не считая вступительнаго моральнаго разсужденія на тему, что «недобре дило брехаты», фабула разсказа состоитъ въ слѣдующемъ: «Просывъ Пархимъ

---

[1]) *Рудченко*, Народн. южно-рус. сказки, 1 № 79).

[2]) *Садовниковъ*, Сказки и преданія Самарскаго края, 380.

[3]) *Владиміровъ*, Защитительныя рѣчи, 450.

Остапа, щобъ пійшовъ за нёго старостою до Хиври. Хивря була дивка годяща; була хозяйка, работяща; мала й худобинку; а Пархимъ тежъ парубокъ голинный хочъ куды. Остапъ-ничого робыты, каже: «Добре пійду, абы-бъ товариша зискаты.

Зострився зъ Самійломъ.

«Здилай мылость, Петровичу Самійло», каже Остапъ: «йды зо мною пидбрехачемъ за Пархима до Хиври.

—Та чы зъумію лышень? каже Самійло. Зъ роду не бувъ у симъ дили!

«Та воно нетрудно», каже Остапъ: я буду починаты брехаты, а ты пидбрихуй; звистно, якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватаютъ; а безъ брехни вже не можно! Я збрешу на палець, а ты пидбрехуй на цилый локоть; то й закинчаемъ дило, запьемо могорычи; а молоди описля нехай жывуть, якъ знають»!

— Добре, Остапе, зъумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою». Сказавъ Самійло и потягъ до дому.

Зибралыся старосты, якъ довгъ велыть, узялы хлибъ святый пидъ плече, палычки у руки, пишлы до Хиври.

Увишедши у хату помолылыся, хозяину поклонылыся и почалы казаты законныи речи про порошу, про князя, про куныцю, и звели на красну дивыцю.

Добре усе. Стари Хиврины усе слухаютъ; дали почалы розпытувати, що е у молодого?

«Та у нёго чымало е чого», каже першый староста.

— Де-то чымало? каже пидбрехачъ. У нёго усёго е багацько.

«Е й волыки».

— Та яки волыки? такы настоящи волы.

«Е й овечата», почына першый староста.

— Та яки овечата? такы настоящи вивци! пидбрехуе Самійло.

«Е й хатына».

— Та яка хатына? настояща хата, новисинька; просторна.

«И у господарстви недуже дае кому воли».

— Та такы и никому. Самъ усимъ орудуе, и що хоче, те й робыть.

Хиврыны стари ажъ плямкаютъ, що таке добро достанетця ихъ дочци; та й почалы пытаты, хто ыменно парубокъ.

«Отъ колы знаете, Пархимъ», сказавъ Остапъ.

— Терешковичъ, Понура, договорывъ Самійло.

«Э! се-бъ-то той крывый на ногу?» спытала маты Хиврина.

«Та винъ такъ трошкы хрома, на одну ногу»—сказавъ першый староста.

— Де то хрома? и не на одну, а винъ и обома нездужа ходыть! видправывъ видбрехачъ.

— Та винъ щось горилку часто вжыва? пытаетця батько.

«Такъ, выпье по-трошку, колы-та-колы», каже Остапъ.

— Де-то-вже колы-та-колы? такы по-всякъ день; и такы не по-трошку, а пъе, поки звалытця.

«Та троха чы не косый?» пыта батько Хиврынъ.

— Та такъ, косенькій на одно око, каже староста.

«Де-то-вже на одно? и не косенькый овси; винъ и обома ничого не бачытъ!»

«Та, кажуть, щось-тамъ пашкодывъ, чы не буде ёму биды?» допытуетця батько.

— Яка тамъ бида? Може провчать трошкы, сказавъ староста.

«Якъ-то можно трошкы? Ёго таки гарно катъ кнутомъ попобъе, та й на Сыбирь зошлютъ», закинчавъ видбрехачъ...

Писля такои розмовкы, що батькови и матери Хиврынымъ робыты? Выпроводылы нечестью старостивъ и троха чы й не позывалы й ще за бешкетъ, що за такого женыха прыходылы свататы ихъ дочку. А на парня пустылы славу, що й повикъ незбувъ!

Въ галицко-русской сказкѣ идуть вмѣстѣ брехачъ и подбрехачъ (по галицки побрыхачъ). У перваго спрашиваютъ, родился ли хлѣбъ у его пана. Брехачъ отвѣчаетъ. что у его пана такая капуста, что однимъ листомъ накрыли крышу въ домѣ, и получаетъ отъ пана пару центовъ. Панъ спрашиваетъ у подбрехача о капустѣ, для провѣрки словъ перваго лжеца. Подбрехачъ сказалъ, что видѣлъ, какъ повезли качанъ капусты въ млинъ на колоду. Далѣе брехачъ сказалъ о такой густой гречкѣ, что панъ въ ней заблудился, и получилъ снова пару центовъ, а подбрехачъ добавилъ, что цыгане корчуютъ пни той гречки [1]).

Въ бѣлорусской сказкѣ «Лгала и Палагала» выступаютъ также 2 лжеца, брехачъ и подбрехачъ. Здѣсь они лгутъ огородникамъ и плотникамъ. Лжецъ, увидя пень, называетъ его волкомъ, земляную кочку—ковригой хлѣба, подбрехачъ—двумя волками, двумя ковригами. Брехачъ говоритъ, что на его родинѣ такая капуста, что рота солдатъ помѣщается подъ однимъ листомъ, а подбрехачъ добавилъ, что карета зацѣпилась колесомъ за кочанъ капусты, и желѣзная ось сломилась. Лгуны и здѣсь получаютъ 200 рублей. Въ другой разъ брехачъ говоритъ огород-

[1]) *Kolberg*, Pokucie, IV № 52.

никамъ, что огурцы въ его сторонѣ такіе, что въ полдень за огурцомъ солнца невидно, а подбрехачъ добавилъ, что такой огурецъ легъ черезъ дорогу и въ него провалилась коляска съ лошадьми. Награда въ триста рублей. Плотникамъ, строившимъ церковь, лжецъ сказалъ, что можетъ выстроить церковь до облаковъ, а его товарищъ добавилъ, что у нихъ дома пѣтухъ пономаря, сидя на церкви, склевалъ половину мѣсяца а мѣсяцъ въ это время былъ въ послѣдней четверти, и глупые плотники повѣрили [1]). Послѣдній мотивъ взять уже изъ другихъ сказокъ—о глупыхъ народахъ (пошехонцахъ, литвинахъ и др.) [2]).

Содержаніе разсказа «*Мертвецькій Великдень*» состоитъ въ томъ, что пьянчужка крестьянинъ Нечипоръ, наѣвшись дома варениковъ, ночью подъ первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось полъвареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Такъ-сякъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторые подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ «*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*» былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ: «На масляницѣ, по мѣстному выраженію въ «запусты», послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или въ рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени св. Воскресенія. Втеченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный для нея сыръ. Въ ночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется; высокія ворота стоятъ на дорогѣ: какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и киваютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатеринин-

[1]) *Добровольскій*, Смолен. сб. 665—669.

[2]) См. мое изслѣдованіе «Анекдоты о глупцахъ».

скій солдатъ, который, не смотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была на головѣ дойница».

Разсказъ «*Конотопська видьма*» построенъ всецѣло на преданіяхъ историко-бытоваго характера. «Якъ же намъ, пане Рыгоровичу, за ныхъ (т. е. вѣдьмъ) узятысь, щобъ воны вернулы дощи и щобъ намъ не наробылы эписля якои капости»?—спросилъ панъ сотникъ конотопскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водой. «Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ея прычеплють». Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самого производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, съ слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: «Посередъ ставу убыто чотыри пали товстенькихъ, а у гори позвъязано верёвками, та впьять, якось то хытро та мудро переплутано; та у кажній пали у гори дирка продовбана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ, а воны не рыбалки, бо въ ныхъ на човнахъ, не сети и не въятери, а те жъ верёвкы.... Калавурны стереглы нызку видёмъ и прыдывлялысь пыльно, щобъ котра зъ ныхъ, перекынувшысь або сорокою, або свынею, та не дала бъ дёру».... Испытаніе происходитъ въ присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ, передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ палямъ, подвязываютъ ее къ верёвкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду [1]).

Въ луцкомъ уѣздѣ разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго небыло дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой [2]). Припомнимъ здѣсь, что и въ «Конотопской вѣдьмѣ» Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, «хлопци отчесалы терновыми». Въ Угорской Руси во время засухи заставляютъ женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно бросаютъ ихъ воду, чтобы обнаружить колдунью, по милости которой продолжается бѣдствіе [3]).

---

[1]) *Квитка*, Малор. пов. I, 197—214.

[2]) *Чуб.* I, 26.

[3]) *Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣсн. 25.

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII в. находятся прямыя указанія на топленіе вѣдьмъ. Съ разсказомъ Квитки большое сходство имѣетъ слѣдующее дѣйствительное событіе 1709 г. Дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли донага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги, и тоже сдѣлали накрестъ), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверхъ. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была невинной [1]). Гуцулы топили вѣдьмъ еще въ 1827 г. [2]) Въ *„Культурныхъ переживаніяхъ“* подъ № 4 мы подробно останавливались на топленіи вѣдьмъ у разныхъ народовъ. Къ приведеннымъ здѣсь довольно многочисленнымъ фактамъ теперь можемъ добавить еще весьма любопытный сербскій «Божій судъ водой»—испытаніе вѣдьмъ посредствомъ топленія, описанное въ XVI кн. *Этнограф. Обозр.* 1893 г. I 139—140.

Маленькіе разсказы *„На пущаньня якъ завъязано“* и *„Пархимове сниданьня“* написаны очевидно съ народныхъ словъ въ объясненіе существующихъ въ народѣ поговорокъ, сообразно съ народными толкованіями.

Разсказъ *„Знахарь“* (на рус. яз.) также имѣетъ этнографическое значеніе. Здѣсь идетъ рѣчь о вліяніи знахарей въ селѣ, о лѣченіи больныхъ и т. п. Собраны общія черты знахарскаго вліянія и знахарской дѣятельности.

Въ повѣсти «Маруся» отмѣчено два главныхъ способа народнаго лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя—«побигла до знахарки, щобъ вмыла, або злызала; бо се ій мабуть зъ очей; або нехай переполохъ вылыва, або трясцю видшептуе; нехай що зна те и робыть». Отецъ же Маруси Наумъ «заразъ доставъ іорданськои воды та и звеливъ Насти, щобъ нею натерла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыеи якъ воды трошки напытысь, а самъ пидкурювавъ ій херувимськимъ великоднымъ ладаномъ»...

Квитку привлекалъ малорусскій свадебный ритуалъ, и въ сочиненіяхъ Квитки такъ много разсѣяно описаній свадьбы, что если собрать ихъ и разсортировать по ходу свадебнаго ритуала (сватовство, сговоръ, гильце и др.), то получится подробная и полная картина слободско-украинской свадьбы начала XIX вѣка. Замѣчаній о свадьбѣ, высказанныхъ въ концѣ историко-бытоваго и этнографическаго очерка

[1]) *Антоновичъ*, въ «Трудахъ» Чубинскаго I 347.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. III 511.

„*Украинцы*“, можно не брать въ счетъ по ихъ краткости и безцвѣтности. Много интересныхъ подробностей (обряды и пѣсни) о сватаньѣ находится въ повѣстяхъ „*Пидбрехачъ*“ (по изд. 1887 г. II 193) и „*Маруся*“ (по изд. 1887 г. I стр. 83 и сл.), о печеніи каравая и свадебномъ переряживаніи въ „*Козырь—дивка*“ (II, 87—91) и въ „*Сватанье на Гончаривци*“.

Описаніе вечерницъ находится въ повѣсти „*Маруся*“ (I 34) и въ „*Панъ Халявскомъ*“.

Похороны дѣвушки изображены въ „*Марусѣ*“ (I 106—110).

Рождественскія повѣрья, обряды и игры вошли въ разсказъ „*Панна Сотниковна*“.

Пасхальные обычаи и повѣрья находимъ въ повѣстяхъ „*Маруся*“ (I 77, 80) и „*Отъ тоби и скарбъ*“ (II 6, 15).

О народныхъ музыкальныхъ инструментахъ и музыкѣ въ повѣстяхъ „*Божія дѣти*“ и „*Панна Сотниковна*“.

О ярмаркѣ въ „*Солдатскомъ патретѣ*“, „*Пархимовомъ сниданьѣ*“ и отчасти въ „*Ярмаркѣ*“ (на рус. яз.).

Кромѣ того въ повѣстяхъ Квитки, русскихъ и малорусскихъ, разбросано много интересныхъ мелочей, напр., общіе отзывы о характерѣ малороссовъ (въ «Украинцы» и др.), о народной одеждѣ (I 13, 20, 33—34, 35, II 17 и др.), о вѣдовствѣ и колдовствѣ (I 203, 217, 222 и др.), о кладахъ въ видѣ дѣда, кобылы (II 7, 8), о разныхъ играхъ и забавахъ (I 18, 34, 38, II 100). Много любопытныхъ обычаевъ и повѣрій отмѣчено мимоходомъ, въ двухъ— трехъ словахъ, напр., дѣвицы, желая выйти замужъ за красавца парубка, «не одна обѣщалася дванадцять пьятинокъ говиты, не исты и не пыты ничого; не— одна тыхенько видъ матери по пьятинкамъ пряла на свичечку»... («Божи диты» II 215).

Въ заключеніе можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30 и 40 городовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видѣ сырого этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было сознано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, придавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы. Мѣсто записей можно опредѣлить точно—Харьковъ и харьковскій уѣздъ; время записей относится приблизительно къ 20 и 30-мъ го-

дамъ. Этнографическія записи скомбинированы въ повѣстяхъ въ подчиненіи выдвинутымъ на первый планъ литературнымъ интересамъ, т. е. случайно и произвольно.

Кое-что изъ того, что въ 30 и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служитъ матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется характернымъ для малорусскаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія. Строгой разграничительной черты между забытымъ, устарѣвшимъ, устарѣвающимъ, живымъ и живучимъ провести невозможно, какъ нельзя этого сдѣлать въ приложеніи къ основнымъ и капитальнымъ пособіямъ— сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Можно только замѣтить, что въ нравственной сферѣ многое измѣнилось, что Стовбыри, Харьки, Насти стали господствующими въ замѣнъ вымершихъ Тихоновъ Брусовъ, Ведмедихъ, Марусь и Ганнусь, но въ области обрядовъ, повѣрій и всякаго рода суевѣрій еще многое держится незыблемо; напримѣръ, выкупаніе изъ колодки (I, 119) повторяется и теперь, хотя женщины одѣваются помѣщански и говорятъ городской полулитературной рѣчью.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

5.

Главные мотивы поэзіи Т. Г. Шевченка.

Предисловіе—значеніе и условіе изученія поэтическихъ мотивовъ Шевченка. Постороннія вліянія. Опредѣленіе значенія и задачъ творчества. Слово. Дума. Муза. Пѣсня. Нива. Кобзарь. Пророкъ. Апостолъ правды. Народность. Заимствованія и подражанія. Народныя пѣсни, повѣрья, обычаи, обряды, сравненія. Народность въ міросозерцаніи и описаніяхъ быта. Внѣшняя природа: солнце, мѣсяцъ, вечерняя звѣзда, вѣтеръ, тучи, море, Дунай, Днѣпръ. Украина, флора и фауна. Историческіе мотивы: гетманщина, казачество, панщина, чумачество, солдатчина, чужина. Религіозно-нравственные мотивы. Религіозное чувство. Молитва. Кіевскія святыни. Понятія о добрѣ и злѣ, богатствѣ и бѣдности. Трудъ. Наука. Мотивы этнографическіе, автобіографическіе и литературно-бытовые. Славянофильство. Мотивы семейно-родственные. Село. Хата. Молодежь. Дѣвичья красота. Бракъ. Дѣти. Байструки. Мать, сынъ и дочь. Покрытка. Наймичка. Смерть. Кладбище.

Изученіе жизни Т. Г. Шевченка значительно подвинулось впередъ въ трудахъ Чалаго и Конисскаго. Сравнительно меньше сдѣлано для изученія его поэзіи; но и въ этой области въ послѣднее время появилось нѣсколько цѣнныхъ статей, преимущественно галицкихъ ученыхъ—Партицкаго, Франка, Студинскаго. Въ особенности выдается крупный и цѣнный въ научномъ отношеніи трудъ г. Колессы въ III ч. «Записокъ Товариства Шевченка» (стр. 36—152) о вліяніи Мицкевича на Шевченка. Вышедшая въ Полтавѣ брошюра г. Лисовскаго о мотивахъ поэзіи Шевченка представляетъ фантасмагорію изъ теплыхъ словъ, или своеобразное стихотвореніе въ прозѣ—звучное, красивое, но и только.

Научное изученіе поэзіи Шевченка со стороны мотивовъ представляется затруднительнымъ по многимъ причинамъ. Хотя по внѣшнему объему Кобзарь не великъ; но по внутреннему содержанію—памятникъ сложный и богатый. Это малорусскій языкъ въ его историческомъ развитіи, крѣпостничество и солдатчина во всей ихъ тяжести стараго времени, въ отношеніи преимущественно къ семейному положенію женщины, и наряду неугасшія воспоминанія о козацкой вольности. Здѣсь сказываются удивительныя сочетанія, съ одной стороны, вліянія странствующаго украинскаго философа Сковороды и народныхъ кобзарей, съ другой—

вліяніе Мицкевича, Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Въ Кобзарѣ отразились кіевскія святыни, запорожская степная жизнь, идиллія малорусскаго крестьянскаго быта—вообще исторически выработавшійся народный душевный складъ съ своеобразными оттѣнками красоты, задумчивости и грусти. При посредствѣ своего ближайшаго источника и главнаго пособія—народной поэзіи, Шевченко тѣсно примыкаетъ къ козацкому эпосу, къ старой украинской и отчасти польской культурѣ и даже стоитъ въ связи, по нѣкоторымъ образамъ, съ духовно-нравственнымъ міромъ Слова о полку Игоревѣ. Шевченко не случайно перевелъ плачъ Ярославны. Въ его душѣ звучали поэтическія струны, близкія къ тѣмъ, которыя подъ вѣщими перстами Бояна рокотали славу древне-русскимъ князьямъ.

Главная трудность изученія поэзіи Шевченка заключается въ томъ, что она насквозь пропитана народностью, и крайне трудно, почти невозможно опредѣлить, гдѣ кончается молорусская народная поэзія и гдѣ начинается личное творчество Шевченка. Народное начало поглотило и скрыло литературныя вліянія; получается такое общее впечатлѣніе, будто поэзія Шевченка сложилась сразу, безъ историческихъ и литературныхъ традицій, безъ постороннихъ вліяній, безъ внутренняго органическаго роста—впечатлѣніе ошибочное. Несомнѣнно, и у Шевченка были источники и пособія въ богатыхъ уже въ его время запасахъ литературъ русской, польской и малорусской. Ближайшее научное изученіе открываетъ литературные источники, которыми пользовался Шевченко то удачно, то неудачно. Такимъ источникомъ была поэзія Мицкевича (см. ст. г. Колессы въ Запискахъ Товарищества Шевченка) отчасти Н. Маркевичъ (см. ст. г. Студинскаго въ 24 № Зори 1896 г.). Извѣстно, что Шевченко любилъ Пушкина, зналъ многія его стихотворенія наизусть, и при всемъ томъ вліяніе Пушкина на поэзію Шевченка трудно опредѣлить за украинскими наслоеніями. Замѣтно вліяніе «Братьевъ разбойниковъ» на Варнака (282, 283), вліяніе «Египетскихъ ночей» (362) и «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» (246). Кое-гдѣ замѣтно вліяніе Лермонтова. Есть еще одно препятствіе для научнаго анализа Шевченка—художественная цѣльность, простота и задушевность его стихотвореній.—Его мягкія поэмы живутъ своей внутренней, присущей имъ жизнью и не поддаются холодному и сухому научному разбору. Впрочемъ, выдѣленіе мотивовъ представляется дѣломъ сухимъ и малопривлекательнымъ лишь въ процессѣ работы, а не въ результатахъ ея. Сближеніе отдѣльныхъ мотивовъ открываетъ цѣлый рядъ глубоко жизненныхъ явленій, наводитъ на такія стороны въ мысляхъ и чувствахъ поэта, которыя ранѣе не были

замѣчены или не были достаточно поняты. Съ выдѣленіемъ мотивовъ ярко обрисовываются кое-какія характерныя черты малорусскаго народнаго міросозерцанія и быта. Затѣмъ, лишь при выдѣленіи мотивовъ и по сравненію ихъ съ породившими ихъ явленіями литературы и быта, можно будетъ проникнуть въ тайну художественнаго творчества Шевченка и опредѣлить, какъ отражались и кристаллизировались въ чуткой душѣ поэта испытанныя имъ житейскія эмоціи.

Цѣль настоящей статьи состоитъ въ томъ, чтобы дать нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу изученія Кобзаря по мотивамъ, нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ мотивахъ. Для полнаго и обстоятельнаго изученія Шевченка нужно еще предварительно во 1) составить словарь Шевченка, что поможетъ опредѣленію самыхъ мелкихъ мотивовъ, 2) нужно изучить формальную сторону его поэзіи (непочатое поле), т. е. строеніе стихотвореній, эпитеты, повторенія и пр. т. п. 3) нужно привлечь прозаическія статьи и письма Шевченка, 4) подыскать соотвѣтствующія литературныя параллели въ поэзіи малорусссской, великорусской и польской, съ одной стороны въ цѣляхъ опредѣленія возможныхъ литературныхъ подражаній, съ другой—для уясненія общихъ пріемовъ художественной концепціи, и въ 5) путемъ сопоставленія мотивовъ нужно опредѣлить главные запасы житейскихъ наблюденій, накопленныхъ Шевченкомъ, и его личныя точки зрѣнія. Послѣдняя задача намѣчена ниже лишь вкратцѣ и мимоходомъ.

Не придавая настоящей статьѣ значенія полнаго и разносторонняго изслѣдованія, мы, однако, сочли бы ошибочнымъ и несправедливымъ, если бы она сочтена была за простой предметный указатель. Это было бы несправедливо потому, что мотивы большей частью сгруппированы по внутреннему сродству и отчасти комментированы; стоитъ только, при достаткѣ времени, развернуть данныя въ скобкахъ цифровыя ссылки, какъ настоящая сравнительно небольшая статья легко можетъ быть обращена въ большое изслѣдованіе.

Прежде всего нужно отмѣтить признанія поэта *о значеніи и цѣляхъ художественнаго творчества* вообще, его личнаго творчества въ частности. Правда, въ литературѣ существуютъ уже замѣтки на этотъ счетъ въ значительномъ числѣ; но онѣ далеко не исчерпываютъ всѣхъ относящихся сюда мотивовъ. Обыкновенно пользуются лишь тѣмъ, что поэтъ говоритъ о своемъ словѣ или о своей музѣ—всѣмъ извѣстныя «Орьися, моя ниво», или «Не нарикаю я на Бога», «За думою дума» и др. (см. по петербургскому изданію 1883 г., стр. 162, 217, 462*а* 479, 406, 407, 442, 426, 6, 165). Но этихъ мотивовъ (*слово муза*,

пѣсня, *нива*) еще недостаточно для обрисовки воззрѣній Шевченка на природу и значеніе поэзіи. Нужно привлечь еще тѣ мѣста, гдѣ говорится о счастьѣ, какъ понимаетъ его поэтъ (напр. на стр. 298), о славѣ (стр. 458). Въ особенности важны въ смыслѣ поэтическихъ признаній всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится *о кобзарѣ*, *о пророкѣ* и о *думкахъ*, какъ любимыхъ дѣтяхъ (1, 4, 162, 173, 202, 217, 218, 241, 278, 353 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ поэтъ подразумѣваетъ подъ кобзаремъ самого себя; потому онъ внесъ во всѣ обрисовки кобзаря много лирическаго чувства. Исторически сложившійся образъ народнаго пѣвца былъ по душѣ поэту, въ жизни и нравственномъ обликѣ котораго, дѣйствительно, было много кобзарскаго. О кобзарѣ Шевченко говоритъ очень часто (по изд. 1883 г. см. стр. 3, 4, 5, 7, 9, 12—13, 53, 55, 58, 91, 92, 96 и мн. др.). Рѣже сравнительно встрѣчается пророкъ (см. стр. 381, 406, 461). Къ стихотвореніямъ о пророкѣ тѣсно примыкаетъ небольшое, но сильное ст. объ апостолѣ правды (482). Въ обрисовкѣ пророка, въ особенности въ ст. «Неначе праведныхъ дитей», замѣтно общее, довольно сильное вліяніе Лермонтова. Итакъ, въ самостоятельную субъективную группу можно выдѣлить всѣ мотивы: слово, пѣсня, муза, (отчасти слава), кобзарь и пророкъ, что, разумѣется, не исключаетъ возможности разсматривать эти мотивы и въ другомъ порядкѣ.

Народность Шевченка, какъ народность Пушкина и др. выдающихся поэтовъ, слагается изъ двухъ родственныхъ элементовъ—а) народности внѣшней, заимствованій, подражаній и б) народности внутренней, психически наслѣдственной. Опредѣленіе внѣшнихъ, заимствованныхъ элементовъ не трудно; для этого достаточно ознакомиться съ этнографіей и подыскать прямые источники въ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Опредѣленіе внутреннихъ психологическихъ народныхъ элементовъ весьма затруднительно и въ полномъ объемѣ невозможно. У Шевченка есть тѣ и другіе элементы; но при этомъ основные психологическіе такъ широки, что придаютъ общую окраску всей его поэзіи и сообщаютъ ей большую колоритность. Душа Шевченка до такой степени насыщена народностью, что всякій, даже посторонній заимствованный мотивъ получаетъ въ его поэзіи украинскую національную окраску.

Къ внѣшнимъ, заимствованнымъ и въ большей или меньшей степени переработаннымъ народно-поэтическимъ мотивамъ принадлежатъ:

1) Малорусскія *народныя пѣсни*, приводимыя мѣстами цѣликомъ, мѣстами въ сокращеніи или передѣлкѣ, мѣстами лишь упоминаемыя. Такъ, въ «Перебендѣ» Шевченко упоминаетъ объ извѣстныхъ думахъ и

пѣсняхъ—про Чалаго, Горлыцю, Грыця, Сербына, Шинкарьку, про тополю у края дороги, про руйнованье Сичи, «веснянки», «у гаю»— любопытный репертуаръ пѣсенъ, должно быть, особенно любимыхъ поэтомъ и хорошо ему извѣстныхъ. Пѣсня «Пугачъ» упоминается, какъ чумацкая, въ «Катеринѣ»; «Петрусь» и «Грыцъ» въ «Черныцѣ Марьянѣ»; «Ой не шумы, луже» упоминается дважды,—въ «Перебендѣ» и «До Основьяненка». Въ «Гайдамакахъ» и въ «Невольникѣ» находится дума о бурѣ на Черномъ морѣ въ небольшой передѣлкѣ. Встрѣчается нѣсколько народныхъ пьяницкихъ пѣсенъ (13, 379). Свадебныя пѣсни, изъ тѣхъ скабрезныхъ, что поютъ на перезву, вошли въ «Гайдамаки» (стр. 120, 125). По всему «Кобзарю» разсѣяны отзвуки, подражанія и передѣлки народныхъ лирическихъ пѣсенъ (напр. на 344, 367, 371, 372, 374—380, 464 и др.).

2) *Легенды, преданія, сказки и пословицы* сравнительно съ пѣснями, встрѣчаются рѣже. Изъ легендъ о хожденіи Христа взято начало ст. «У Бога за дверьми лежала сокыра». Изъ преданій взятъ разсказъ о томъ, что «ксендзы нѣкогда не ходили, а ѣздили на людяхъ» (302). Пословица «скачы враже, якъ панъ каже» (7) въ «Перебендѣ». Нѣсколько поговорокъ рядомъ въ «Катеринѣ» (на 45 стр.). Много народныхъ пословицъ и поговорокъ разбросано въ «Гайдамакахъ».

3) Въ большомъ количествѣ встрѣчаются народныя *повѣрья и обычаи*. Таковы, повѣрья о сонъ-травѣ (229), о томъ, что на мѣсяцѣ «братъ брата на вильцяхъ держе» (513), что «веселка воду позычае» (248). Таковы многіе свадебные обычаи—обмѣнъ хлѣбомъ, дареніе рушниковъ, печеніе коровая и др. (150—152, 233, 335), обычныя формы ласки (мытье головы стр. 188), обычай посадки деревьевъ надъ могилами (31) или по отсутствующему (132), повѣрья о вѣдьмахъ (206, 443—457), о русалкахъ (26, 27, 29, 225), о ворожкахъ (16, 17), о прыстритѣ (179, 59).

4) Многіе художественные *образы* взяты изъ народной поэзіи, напр., образъ смерти съ косой въ рукахъ (240), олицетвореніе чумы (360, 374). Въ особенности часто встрѣчаются народные образы доли и недоли. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что народный складъ представленій Шевченка о долѣ выступаетъ очень рельефно, если взять, напримѣръ, тѣ мѣста «Кобзаря», гдѣ говорится о долѣ—и такихъ мѣстъ очень много—по изд. 1883 г., стр. 18, 312, 440, 174, 175, 276, 367, 369, 212, 213, 214, 216, 218, 119,—и сравнить ихъ съ народными пѣснями о долѣ въ V т. Трудовъ Чубинскаго 1042, 1019, 1025, 360, 361, 785, 627, 4, 28, 29, 30, 345, 41. Доля въ «Невольникѣ» (174—175) внушена поэту народными сказками.

5) Наконецъ, въ Кобзарѣ много заимствованныхъ народно-поэтическихъ *сравненій* и *символовъ*, напр. склоненіе явора—горе парубка (181), весилье—война (224, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ думахъ), жатва—битва (161, какъ въ Словѣ о П. Иг. и въ думахъ), заростаніе шляховъ—символъ отсутствія милаго (232), калина—дѣвица (205, 214, 230).

Народная пѣсня потому часто встрѣчается въ Кобзарѣ, что она имѣла огромное значеніе для поддержанія духа поэта въ самые горестные часы его жизни, что прекрасно выражено на стр. 309:

Люде зрадять,
А вона мене порадыть
И порадыть, и розваже,
И правдоньку мени скаже.

Народность Шевченка опредѣляется далѣе его міросозерцаніемъ, излюбленными его точками зрѣніями на внѣшнюю природу и на общество, причемъ въ отношеніи къ обществу выдѣляется элементъ историческій—его прошлое, и элементъ бытовой—современность. Одна изъ этихъ основныхъ точекъ зрѣнія бываетъ иногда атрофирована, другими словами, нѣтъ природы, или отсутствуетъ исторія, или недостаетъ современности. У Майкова, напр., не было современности, и природа у него освѣщена очень блѣдно. У большинства современныхъ лириковъ нѣтъ ни малѣйшаго историческаго интереса. Всего этого много у Пушкина, Лермонтова, Шевченка; всѣ основные моменты—внѣшняя природа, исторія и современный бытъ освѣщены у нихъ съ глубоко національной точки зрѣнія. *Внѣшняя природа* обрисована оригинально, съ своеобразнымъ украинскимъ колоритомъ. *Солнце* ночуетъ за моремъ, выглядываетъ изъ-за хмары, какъ женихъ весной посматриваетъ на землю (6, 60, 184, 412 и др.). *Мѣсяцъ* круглый, блѣднолицый, гуляя по небу, смотритъ на «море безкрае» (65) или «выступае съ сестрою зорею». Всѣ эти образы дышатъ художественно-миоическимъ міросозерцаніемъ, напоминаютъ древнія поэтическія представленія о супружескихъ отношеніяхъ небесныхъ свѣтилъ. *Тучи*, хмары упоминаются большей частью мимоходомъ (25, 27, 306 и др.). Превосходно изображеніе вечерняго облака на 306 стр.

Вѣтеръ у Шевченка является въ образѣ могучаго существа, принимающаго участіе въ жизни Украины (см. 161 стр. и др.); то онъ ночью тихонько ведетъ бесѣду съ осокой (203), то гуляетъ по широкой степи и разговариваетъ съ курганами (8, 209), то заводитъ буйную рѣчь съ самимъ моремъ (214, 216). Зимняя завирюха обрисована въ «Катеринѣ» (стр. 49).

Море—но объ немъ мы здѣсь не будемъ распространяться—въ виду существованія статьи А. Конисскаго «Море въ поэзіи Т. Г. Шевченка» въ 30 № «По морю и сушѣ» 1895 г., гдѣ собраны всѣ главныя обрисовки моря. Въ какой національно бытовой обстановкѣ является у Шевченка море, можно судить изъ слѣдующаго интереснаго по простотѣ и задушевности стихотворенія:

Каламутными болотамы,
Мижъ бурьянамы, за годамы
Тры годы сумно протеклы;
Багато де-чого взялы
Зъ моеи темноп коморы
И въ море нышкомъ однеслы,
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато—серебро—
Мои лита, мое добро,
Мою нудьгу, мои печали...

Эта картина въ основѣ имѣетъ представленіе о наиболѣе практикуемомъ въ Малороссіи способѣ воровства изъ коморы, гдѣ крестьяне хранятъ все лучшее, обыкновенно одежду, а кто побогаче—то и злато—серебро. Море является тайнымъ сообщникомъ вороватыхъ годовъ.

Дунай вошелъ въ стихотворенія Шевченка подъ прямымъ вліяніемъ народной поэзіи и обрисованъ (см. 38, 138, 190) въ духѣ народной поэзіи.

Другое дѣло *Днѣпръ*. Это, можно сказать, одинъ изъ самыхъ главныхъ и основныхъ мотивовъ всей поэзіи Шевченка. Съ Днѣпромъ въ сознаніи поэта связывались историческія воспоминанія и любовь къ родинѣ. Въ «Кобзарѣ» Днѣпръ—символъ и признакъ всего характерно малорусскаго, какъ Vater Rhein въ нѣмецкой поэзіи или Волга въ великорусскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. «Немае другого Днипра», говоритъ Ш. въ посланіи до мертвыхъ, живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ. Съ Днѣпромъ поэтъ связывалъ идеалъ счастливой народной жизни, тихой и въ довольствѣ:

Мижъ горамы старый Днипро,
Неначе въ молоци дытына,
Красуетця, любуетця
На всю Украину,
А по надъ нымъ зеленіють,
Широкія села,
А у селахъ у веселыхъ
И люды весели...

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Днѣпръ широкій (381), дужій, сильный (102), какъ море (2); всѣ рѣки въ него впадаютъ, и онъ всѣ ихъ воды несетъ въ море (297); у моря онъ узнаетъ о козацкомъ горѣ (20); онъ реветъ, стонетъ, тихо говоритъ, даетъ отвѣты; изъ-за Днѣпра прилетаютъ думы, слава, доля. Здѣсь пороги, курганы, церковка сельская на крутомъ берегу; здѣсь сосредоточенъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, потому что Днѣпръ «старый» (354), потому что Днѣпръ «сывый козакъ» (270). На берегу Днѣпра поэтъ, по собственному его желанію, и похороненъ (201). Вообще, Днѣпръ входитъ во многія лучшія стихотворенія Шевченка (см. 354, 381, 397, 297, 2, 8, 20, 25, 27, 29, 68, 102, 138, 164, 167, 186, 291, 225, 237, 241, 278, 242, 266, 267, 270, 277, 278, 353, 354, 465).

Другой весьма обычный мотивъ поэзіи Шевченка—*Украина*, то упоминается мимоходомъ, но всегда ласкательно, то съ обрисовкой или естественно-физической, или исторической, такъ что при систематизаціи мотивовъ пріуроченіе Украины представляетъ нѣкоторое затрудненіе. Съ наибольшей основательностью мотивъ этотъ можетъ быть отнесенъ въ разрядъ мотивовъ внѣшнихъ, тѣмъ болѣе, что природа Украины описана лучше и вѣрнѣе, чѣмъ исторія Украины, гдѣ поэтъ иногда впадаетъ въ одностороннюю идеализацію (стр. 4, 7, 8, 161, 265, 267, 273, и др.). Въ описаніи природы Украины выступаютъ чередующіеся поля и лѣса, гаи, садочки, широкія степи (209, 246, 249 и др.[1]).

Для кого я пышу, для чого,
За що я Вкраину люблю,
Чи вартъ вона огня святого?
А все таки іи люблю
Мою Украину широку... (292—293).

Изъ этой коренной психологической любви къ родинѣ вышли всѣ сочувственныя описанія малорусской *флоры* и *фауны*—тополи (13 и др.), перекатиполя (219), лилеи (227), королева цвита (227), ряста (251), барвинка (334) и особенно калины (210, 214, 229, и 230), соловья (14, 15, 210, 273 и др.), чайки (164), сыча (359). Сближеніе соловья съ калиной въ ст. «На вичну память Котляревському» построено на сближеніи ихъ въ народныхъ пѣсняхъ (напр. въ V т. Трудовъ Чубинскаго стр. 23, 463). Интересно сравнить «Лилею» Шевченка (227—229) съ «Лилеей» Манжуры. Можно подумать, что первыя строки стихотворенія Шевченка повліяли на Манжуру; но, несомнѣнно, что сти-

[1]) См. еще *Партицкаго* «Провидни идеи въ письмахъ Т. Шевченка».

хотвореніе Манжуры обработано вполнѣ оригинально; по силѣ и по стройности оно выше соотвѣтствующаго стихотворенія Шевченка.

Историческіе мотивы весьма разнообразны—плачъ Ярославны (474), гетьманщина (171, 270, 389), запорожцы (8, 24, 68, 178, 190, 191, 220, 261—2, 285, 355), въ частности запорожское оружіе (182, 234, 235), плѣнники (19, 20, 22), картины печальнаго запустѣнія (239, 354), историческіе шляхи (231, 352, 232, 235, 387), могилы казацкія (405, 236 и мн. др.), угнетеніе уніатами (10, 301 и др.), историческія мѣстности—Чигиринъ, Трахтемировъ (160, 270), историческія лица—Богданъ Хмельницкій, Дорошенко, Семенъ Палій, Пидкова, Гамалія, Гонта, Зализнякъ, Головатый, Дмитрій Ростовскій (467, 385, 284, 8, 191, 19 и др.). Иногда подъ однимъ мотивомъ, однимъ именемъ могутъ скрываться разныя пониманія, напр., въ однихъ мѣстахъ гетьманы «варшавське смиття» (175), прокляти (270), въ другихъ гетьманщина называется «святой» (389).

На рубежѣ между исторіей и современностью стоитъ мотивъ *о чумакахъ*. Во время Шевченка это было еще чисто бытовое явленіе. Позднѣе чумачество было убито желѣзными дорогами. Въ «Кобзарѣ» чумаки являются довольно часто (45, 150, 375, 378, 13, 33, 156, 306, 374), причемъ чаще всего говорится о болѣзни и смерти чумака (33, 374, 375). При благопріятныхъ обстоятельствахъ чумаки везутъ богатые подарки (156); но иногда они возвращаются съ одними «батожками» (378). Вообще, чумачество описано въ духѣ народныхъ пѣсенъ, и мѣстами подъ прямымъ ихъ вліяніемъ, что можетъ быть наглядно выяснено соотвѣтствующими народными параллелями изъ сборниковъ Рудченка, Чубинскаго и др.

Солдатчина у Шевченка тѣсно переплетается съ панщиной и нынѣ въ данной имъ обрисовкѣ въ значительной степени представляется архаическимъ явленіемъ: въ солдаты еще сдаютъ паны, служба продолжительная; сравнительно наиболѣе полный и сочувственный образъ солдата въ «Пусткѣ» (233) и въ «Ну що, здавалося, слова». (407)... Кромѣ того см. еще 232, 293, 295, 372, 389, 416.

Чужина обрисована большей частью въ духѣ народныхъ пѣсенъ, меланхолически и неопредѣленно (213, 217, 350 и др.).

На чужыни не ти люде—
Тяжко зъ нымы житы...

Поэзія Шевченка очень богата религіозно-нравственными мотивами. Теплое *религіозное чувство* и страхъ Божій проникаютъ весь «Кобзарь»

(см. 168, 169, 183, 187, 219, 268 и мн. др.). Извѣстно молитвенное обращеніе Ш. къ Богу:

Дай житы—серцемъ житы
И Тебе хвалыты,
И Твій свитъ нерукотворный,
И людей любыты.

Въ посланіи до живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ своихъ благочестивый поэтъ вооружается противъ атеизма и объясняетъ невѣріе одностороннимъ вліяніемъ нѣмецкой науки. Какъ человѣкъ весьма религіозный, Шевченко въ теплыхъ выраженіяхъ говоритъ *о силѣ молитвы* (425, 402), *о кіевскихъ святыняхъ, о чудотворномъ образѣ пр. Богородицы* (263), *о богомолкѣ* (283, 152, 184), постоянно выдвигаетъ христіанскіе принципы *добра* (289, 321, 322 и др.), въ особенности *прощеніе* врагамъ (247, 456, 457 и др.). Сердце поэта отъ смиренія и прощенія исполнено *надежды* (279, 288). Все это спасло поэта отъ *пессимизма* и *отчаянія*, лишь по временамъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій его личной жизни и жизни его родины, пробивающихся въ поэзію Шевченка, напр. въ видѣ горостнаго восклицанія, что «нема раю на цимъ свити, хиба що на неби» (222).

Въ тѣсной связи съ основнымъ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ поэта стоятъ всѣ мотивы *о богатствѣ и бѣдности, о значеніи труда* (42: 43, 147, 221 и др.) Поэта смущаетъ имущественное неравенство людей и нужда ихъ, смущаетъ его еще болѣе, что богатство не обезпечиваетъ счастья:

Есть люди на свити—
Сребломъ—злотомъ сяютъ,
А доли не знаютъ,
Ни доли, ни воли!
Здается, панують,

Отсюда совѣты—«не женыся на багатій, бо выжене съ хаты»; въ другомъ стихотвореніи: «Не завыдуй багатому; багатый не мае ни пріязни, ни любови—винъ все те наймае...» Трудъ одобряется, какъ условіе самостоятельности.

Бо хто не вміе заробыть,
То той не вмитыме й пожить (569).

Наука Шевченка благочестива и человѣколюбива. Въ пользу поэта въ особенности подкупаетъ извѣстный выставленный имъ принципъ—«и чужому научайтесь и свого не цурайтесь». Поэту, однако, совсѣмъ была

чужда идея исканія истины и служенія ей независимо отъ какихъ-либо, хотя бы самыхъ дорогихъ традицій, въ смыслѣ словъ Виктора Гюго:

Je veux savoir,
Quand la science serait sombre
Comme le soir!

У Шевченка обнаруживается мѣстами національно-прикладное пониманіе науки въ связи съ моралью и неудачное иронизированіе надъ людьми «письменными и друкованными», которые будто бы солнце «гудять» (66), или, какъ это выражено въ другомъ мѣстѣ:

Якъ бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
То й мудрость бы була своя;
А то зализете на небо:
«И мы не мы, и я не я,
И все те бачывъ, все те знаю,
Нема ни пекла, а ни раю,
Нема ни Бога, тилько я,
Та куцый нимець узловатый,
Та бильшъ никого...

Поэтъ хотѣлъ «своей мудрости»; но такая мудрость бываетъ иногда въ прямой ущербъ для науки и подчасъ даже и препятствуетъ развитію народнаго самообразованія и прогресса.

Оставляя въ сторонѣ *политическіе мотивы*, хорошо извѣстные по заграничнымъ изданіямъ «Кобзаря», мы отмѣтимъ здѣсь лишь его *славянофильство*, которому посвящено въ Кобзарѣ немало страницъ (109, 110, 141, 169, 194, 195, 196). Сюда примыкаетъ стихотвореніе «славянамъ», изданное въ октябр. кн. Кіевск. Стар. 1897 г. Славянофильство было характерной чертой украинскаго народничества. Оно, какъ извѣстно, входило въ программу Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Наклонность къ славянофильству обусловлена была отчасти исторіей Украины, ея старыми культурными связями съ южными и западными славянами (подроб. см. въ моей ст. въ «Южн. Кр.» 1882 г. № 485).

Кое гдѣ разбросаны *этнографическіе мотивы*—о ляхахъ (457, 301 и др.), жидахъ (74, 76, 162, 223, 224 и др.), цыганахъ (444, 455), киргизахъ (241, 300, 301). Что касается основного по опредѣленію отношеній къ полякамъ ст. Ш. «Ляхамъ», то тутъ, очевидно, вліяніе Богдана Залѣсскаго и романтизма (см. *Франко*, въ Литер.-Наук. Вистн. 1904 VI).

Въ особую группу нужно выдѣлить мотивы *автобіографическіе*, напр., цѣнное въ этомъ отношеніи посланіе къ Козачковскому (263),

«Мени тринадцятый мынавъ» и др. (268, 441, 442 и др.) и въ особую группу мотивы *объ отдѣльныхъ писателяхъ*, напр., о Сковородѣ (263), Котляревскомъ (212). Шафарикѣ (194), Марко-Вовчкѣ (461).

Всѣ перечисленные выше мотивы поэзіи Шевченка, за исключеніемъ двухъ-трехъ (Днѣпръ, Украина, козаки), уступаютъ передъ основными мотивами *семейно-родственными*. Семья есть настоящая суть всего «Кобзаря», а такъ какъ основу семьи составляетъ женщина и дѣти, то они и наполняютъ собой всѣ лучшія произведенія Шевченка [1]). П. И. Житецкій въ «Мысляхъ о малор. думахъ» (стр. 72) говоритъ, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, народная этика сводится главнымъ образомъ къ семейной морали, основанной на чувствѣ родства. Въ другомъ мѣстѣ г. Житецкій говоритъ, что въ народной поэзіи правда называется матерью ридною, а мать правдою вирною, и въ образѣ матери создана большая нравственная сила, какъ сила любви. Всѣ эти сужденія вполнѣ примѣнимы къ поэзіи Шевченка, которая по развитію семейно-родственныхъ идеаловъ примыкаетъ непосредственно къ народной поэзіи.

Арена развитія семейно-родственныхъ началъ—*село* обрисовано весьма сочувственно (175, 249, 269, 294, 310, 354, 361, 389, 464, 465). Какъ въ народной поэзіи, у Шевченка село обыкновенно риомуется съ словомъ весело. Идеаломъ поэта было, чтобы «пустыню опановалы веселіи села» (464). Есть и «убоги села», и «село неначе погорило»—все отъ панщины.

Еще чаще упоминается и мѣстами полнѣе описана *хата*—излюбленный мотивъ Шевченка (396, 191, 202, 269, 271, 465, 236, 239, 244, 346, 388, 396, 486, 273, 279, 293, 298, 321, 354, 362, 373, 374, 378, 465, 478, 480, 482, 488). Большей частью хата лишь упоминается, обыкновенно съ добавкой эпитета «бѣлая: «Хатки биленьки—мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ» (269, 293, 321, 354), «хатына, неначе дивчына, стоить на прыгори» (465); въ хатѣ «живе надія» (279, 298). Въ несчастныхъ семьяхъ хата «пусткою гніе» (244), покои немазани, сволокъ немытый—(346), пекло, неволя (388). Лучшія описанія хаты въ ст. «Хатына» (396). и «Вечиръ» (236) Своеобразны сравненія и образы: погорѣлая хата—истомленное сердце (202), хата—славянство (291), хата—могила (486).

Молодость, молодыя лѣта (277, 288, 309 и др.) обрисованы въ духѣ народной словесности, мѣстами какъ подражаніе и перепѣвъ.

---

[1]) О Шевченкѣ, какъ другѣ семьи, краткая статья А. Конисскаго въ 8 № «По морю и сушѣ» 1895 г.

Парубоцтво обрисовано блѣдно, случайно и мимоходомъ (напр. на 389); *дивчина* входитъ во многія стихотворенія, чаще всего описаніе дѣвичьей красоты (205, 215, 238, 296, 368, 412), любви (56, 59, 61, 123), дивованья (367, 368, 369, 373, 14). Отношеніе поэта къ дѣвушкѣ глубоко гуманное. Одно изъ лучшихъ стихотвореній Шевченка въ этомъ отношеніи «И станомъ гнучкымъ» написано подъ вліяніемъ извѣстной «Молитвы» Лермонтова. Съ чувствомъ искренней горести поэтъ рисуетъ паденіе дѣвушки (204, 239, 244, 393, 477). Весьма замѣчательны по различію тона два однородныхъ стихотворенія—дѣвица безъ дружины (238—тонъ протяжный и грустный) и дѣвица помолвленная (237—тонъ бойкій, веселый).

Въ «Черниця Марьяна» и «Назаръ Стодоля» описаны *вечерницы*, на стр. 413 *сговоръ*, 151—*коровай*, 39 и др. *весилье*, 338—*бракъ неравный по лѣтамъ*, 390, 398, 402—*бракъ неравный по общественному положенію*. Потребность семейной жизни отмѣчена во многихъ мѣстахъ «Кобзаря» (напр. 221), а *идеалы* тихой и радостной *семейной жизни* выражены на стр. 397, 464, 465, 468, 472, 473.

Въ особенности видное значеніе въ поэзіи Шевченка имѣютъ *дѣти*.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного писателя, у котораго такъ много мѣста было бы отведено дѣтямъ. Причиной тому были сильныя личныя впечатлѣнія поэта изъ тяжелаго его дѣтства и его любовь къ дѣтямъ, подтверждаемая, помимо Кобзаря, и многими біографическими данными, въ особенности характерными воспоминаніями г-жи Кропивиной. О дѣтствѣ самого Шевченка см. подробную статью г. Конискаго въ «Русской Мысли» 1893 г. Стихи о дѣтяхъ въ петерб. изд. Кобзаря 1883 г. разбросаны на стр. 42, 46, 48, 146, 247, 253—4, 293, 353, 365, 388, 144, 252, 345 и др. Лучшее стихотвореніе этого рода—«И золотои, и дорогои» (292—293)—имѣетъ крупное автобіографическоезначеніе.

Незаконнорожденныя дѣти, или *байструки* встрѣчаются на многихъ страницахъ Кобзаря, какъ темное пятно крѣпостного быта—стр. 52, 53, 146, 228, 319, 320, 326, 390, 374, 398 и др. Поэтъ такъ объясняетъ свою симпатію къ байстрятамъ (стр. 326):

Неначе воронъ той, летячы,
Про непогоду людямъ кряче:
Такъ я про слезы, та печаль,
Та про байстрятъ отыхъ ледачыхъ,
Хоть и никому ихъ не жаль,
Росказую та плачу.
Мени ихъ жаль!....

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Семейныя отношенія выражены 1) въ обрисовкѣ *матери* вообще (396, 412, 457), 2) отношеній *между матерью и сыномъ* (стр. 365, 374, 41, 42, 45, 46, 51, 142, 146, 148, 149, 160 и др.) и 3) отношеній *между матерью и дочерью* (стр. 371, 205, 229, 253, 317, 16, 18—19, 34, 36—30, 39, 59 61 и др.) Повсемѣстно разсѣяно много народно-поэтическихъ элементовъ, частью какъ результатъ прямого заимствованія изъ народной поэзіи, частью какъ наблюденіе надъ живой дѣйствительностью.

Отношеніе *отца къ сыну* въ «Сотникѣ» (341) построено на нѣсколько исключительномъ мотивѣ любви къ одной женщинѣ.

Одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ Шевчека—*покрытка*. У Шевченка былъ предшественникъ, касавшійся этого мотива—Г. Ѳ. Квитка. Въ народной поэзіи покрытка встрѣчается рѣдко, кое-гдѣ въ пѣсняхъ, да и то большей частью мимоходомъ и описательно. Шевченку принадлежитъ заслуга обстоятельнаго изученія соціальныхъ условій, порождавшихъ при крѣпостничествѣ покрытокъ, и заслуга изображенія ихъ не только художественнаго, но и гуманнаго, въ интересахъ пробужденія общественной совѣсти и состраданія. О покрыткахъ говорится на стр. 35, 51, 160, 295, 314, 317, 325, 326, 446, 456, 457, и др. Цѣлыя поэмы «Катерына» и «Видьма» трактуютъ о покрыткѣ. Наибольшая идеализація покрытки выразилась въ концѣ «Видьма». Въ другомъ видѣ идеализація покрытки, еще болѣе искусственная («ій шкода мужыка да жаль святого сиряка»), проведена въ «Марынѣ». Поэтъ не жалѣлъ темныхъ красокъ при описаніи горемычной доли покрытки, мѣстами не безъ крупныхъ преувеличеній. Въ дѣйствительности «покрываніе» сходило для дѣвицъ легче, при значительной снисходительности общественнаго мнѣнія. О покрыткахъ, какъ бытовомъ явленіи, см. замѣтку Фонъ-Носа въ Кіев. Стар. 1882 Ш. 427—429.

Большимъ сочувствіемъ Шевченка пользовались также *наймички*. Объясненіе дано на 388 стр.:

Мои голубки молодыи!
Для кого въ свити жывете?
Вы въ наймахъ выросли чужіи,
У наймахъ косы побиліютъ,
У наймахъ, сестры, й умрете!

Цѣлая поэма, лучшее произведеніе Шевченка, посвящено наймычкѣ и получило такое заглавіе. Здѣсь разлито много теплаго, гуманнаго чувства. Если бы Шевченко не написалъ ни одной строчки, кромѣ «Наймычки», то этой поэмы было бы достаточно, чтобы стать ему во главѣ

малорусской литературы и въ ряду съ наиболѣе крупными славянскими гуманитарными поэтами.

Въ то время какъ народная поэзія оставляетъ безъ вниманія *старость*, Шевченко съ любовью относится къ старикамъ и старухамъ—бѣднымъ вдовамъ (365, 153, 192, 273 и др.). Таково симпатичное изображеніе дѣда, вспоминающаго о молодости (273), дѣда въ семейной обстановкѣ, съ внуками (192 и др.), стараго кобзаря Перебенди (4—7).

Образъ *смерти* въ стих. «По надъ полемъ иде» и въ «Невольникѣ» въ видѣ косаря, образъ традиціонный, стоящій въ близкой связи со многими старинными произведеніями поэзіи и искусства, какъ южнорусскими, такъ и западно-европейскими. Стихотвореніе это при всемъ томъ отличается въ высшей степени своеобразнымъ, чисто украинскимъ характеромъ, какъ образцовая національная обработка широкаго международнаго культурнаго мотива.

Даже *кладбище* описано у Шевченка такъ, что выдѣляется нѣчто характерно украинское (стр. 295, 425).

По гори
Садочокъ темный, а въ садочку
Лежатъ соби у холодочку,
Мовъ у раю, мои стари.
Хресты дубови посхылялысь,
Слова дощемъ позалывалысь....
И не дощемъ, и не слова
Гладесенько Сатурнъ стырае!...
Нехай святыми спочивають
Мои стари..

Въ этихъ словахъ сказалось такое глубоко-христіанское настроеніе поэта, какое роднитъ его по духу съ первыми христіанами, писавшими въ катакомбахъ на саркофагахъ своихъ родныхъ скромное «cum sanctis» или даже одно «sanctis», въ которомъ именно выражалось желаніе, чтобы покойники почивали со святыми.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

6.

„Сонце заходыть“ Т. Г. Шевченка

(въ бытовой и литературной обстановкѣ)

1847 годъ—роковой въ жизни Шевченка. Въ этомъ году онъ былъ сосланъ въ пустынный и глухой Оренбургскій край рядовымъ, съ запрещеніемъ писать и рисовать. Любимая кисть стала сразу недоступной; но слово, летучее, свободное слово не могло быть совсѣмъ связано, и вотъ однимъ изъ первыхъ стихотвореній Шевченка въ ссылкѣ, въ томъ же 1847 г., въ новой суровой обстановкѣ было «Сонце заходыть»:

Сонце заходыть; горы чорніють;
Пташечка тыхне; поле німіе;
Радіютъ люде, що одпочинуть!
А я дывлюся и сердцемъ лыну
Въ темный садочекъ на Украину;
Лыну, я лыну, думу гадаю,
И нибы серце одпочивае.
Чорніе поле, и гай, и горы,
На сыне небо выходыть зоря.
Ой зоре, зоре!—и слезы кануть—
Чи ты зійшла вже и на Украйни?
Чи очи кари тебе шукаютъ
На неби сынимъ, чи забувають
Коли забулы—болай заснулы,
Про мою доленьку щобъ и не чулы.

Орская крѣпость, куда впервые попалъ Шевченко, представляла грустное и пустынное захолустье. «Рѣдко, говоритъ Шевченко, можно встрѣтить подобную безхарактерную мѣстность. Плоско и плоско... Мѣстоположеніе грустное, однообразное, тощія рѣчки Уралъ и Орь, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь». «Всѣ прежъ-

нія страданія мои, писалъ Шевченко кн. Репниной въ октябрѣ 1847 г., въ сравненіи съ настоящими были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько! [1])» Біографъ поэта Конисскій, по даннымъ въ посланіи Шевченка къ Козачковскому, говоритъ: «Поэтъ иногда какъ будто оживаетъ, всходитъ на гору, начинаетъ сравнивать природу родного края съ тою, которая окружаетъ его: и тамъ, и здѣсь степи; но какая разница! Такъ (на Украйнѣ) степи зеленыя, голубыя, мережаныя, усѣянныя высокими курганами; здѣсь степь краснорыжая, здѣсь пески, сорныя травы, хоть бы одинъ курганъ, который говорилъ бы о прошломъ» [2])...

Обстановка стихотворенія глубоко реальная. Постороннихъ литературныхъ вліяній тутъ нельзя допустить, хотя, какъ далѣе будетъ указано, въ литературѣ существуетъ много произведеній, весьма сходныхъ по мысли и по строенію. Эти сходныя произведенія интересны для опредѣленія цѣнности отдѣльныхъ художественныхъ образовъ и способа сочетанія ихъ подъ различными индивидуальными и національными вліяніями.

Изображеніе сумерокъ въ поэзіи разнообразно. Въ частности въ народной поэзіи существуютъ различныя обрисовки вечернихъ сумерокъ. Чаще всего такія обрисовки встрѣчаются въ обжинковыхъ пѣсняхъ, изрѣдка въ свадебныхъ и еще рѣже въ любовныхъ. Народно-поэтическіе образы, при всей ихъ краткости, отличаются высокой художественностью и тонкимъ чувствомъ природы, напр.:

Уже сонце котыться—
Намъ до дому хочется...
Разгорыся вечерняя зоря передъ раннею стоя.
Ужъ сонце надъ дубами...
Ой вже сонечко надъ рикою [3]).
Сонейко низко, вечерейко близко [4]).

Простота и естественная послѣдовательность въ изображеніи вечера у Шевченка выдѣляются отчетливо, если сравнить стихи Шевченка съ стихотвореніемъ Тютчева «Сумерки», въ своемъ родѣ также прекраснымъ. Здѣсь, наоборотъ, выдвинута вечерняя неопредѣленность въ звукахъ и свѣтовыхъ тонахъ:

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ;
Жизнь, движенье разрѣшились

---

[1]) *Кіевск. Стар.* 1893, II, 262.
[2]) *Конисскій*, Жизнь Шевченка, 181.
[3]) *Чубинскій*, Труды эти. стат. экспед. III, 230, 236, 245.
[4]) *Головацкій*, Пѣсни галиц. и угор. Руси IV, 205.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ...
Мотылька полетъ незримый
Слышенъ въ воздухѣ ночномъ...

Гораздо ближе къ Шевченку стоятъ первыя строки стихотворенія Тютчева:

День вечерѣетъ, ночь близка,
Длинѣй съ горы ложится тѣнь...

У Шевченка картина расширяется постепенно и послѣдовательно въ нѣжныхъ ласкающихъ тонахъ. Въ началѣ главное впечатлѣніе: «Сонце заходыть»... Лучезарное свѣтило спускается къ горизонту; на землѣ ложатся ночныя тѣни, и подъ ихъ покровомъ—«горы чорніютъ»—реальная внѣшняя обстановка наступленія сумерокъ у подножія обнаженныхъ холмовъ Орской крѣпости.

«Пташечка тыхне»—обычное явленіе въ мірѣ птицъ при наступленіи сумерокъ. Малочисленныя степныя птички рано затихали, и нѣсни ихъ, должно быть, не были звонкими для украинскаго поэта, тѣмъ болѣе, что Шевченко сначала было заподозрилъ полное отсутствіе голосистаго птичьяго міра въ печальныхъ мѣстахъ Орска. «Страшная пустыня, окружающая крѣпость, показалась ему раскрытою могилой, готовой похоронить его заживо... Подъѣзжая къ крѣпости, онъ думалъ: поютъ-ли здѣсь птицы? И готовъ былъ Богъ знаетъ что прозакладывать, что не поютъ» [1]). Но Орская природа оказалась добрѣе...

«Поле ниміе...
Радіютъ люде, що одпочинутъ»...

Реальная обстановка для послѣдняго стиха могла быть такая, какая дана Шевченкомъ въ письмѣ къ кн. Репниной отъ 24 октября 1847 г. Поэтъ вышелъ за крѣпостной валъ и увидѣлъ, что по степи шелъ бухарскій караванъ на верблюдахъ. «Поле ниміе»—характерная обрисовка вечерней тишины. Въ малорусскихъ жатвенныхъ пѣсняхъ встрѣчается сходный поэтическій образъ:

Ой чіе жъ то поле задримало, стоя? въ значеніи спѣлой колосистой ржи, склонившей къ землѣ колосья въ ожиданіи серпа.

У Шевченка встрѣчаются болѣе подробныя и болѣе эффектныя описанія вечера. Тамъ же, за Каспіемъ, немного позднѣе—въ 1849 г.—Шевченко далъ слѣдующее яркое и оригинальное описаніе лѣтняго вечера:

За сонцемъ хмаронька плыве,
Червони полы ростылае,
И сонце спатоньки зове

[1]) *Конисскій*, 272.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

У сине море; покрывае
Рожевою пеленою,
Мовъ маты дытыну...
Очамъ любо... годыночку,
Малую годыну
Нибы серце одпочыне.
Зъ Богомъ заговорыть...

Этотъ стихъ восполняетъ тѣ картины природы, при видѣ которыхъ отдыхало истомленное сердце поэта.

Въ такіе моменты мысль поэта уносилась въ Малороссію, на берега Днѣпра, или въ темные украинскіе садочки

...серцемъ лыну
Въ темный садочекъ на Украину.

Малорусскіе сады часто упоминаются у Шевченка, при чемъ «темные садочки» наряду съ Днѣпромъ составляютъ наиболѣе характерные признаки Украины. Пушкинъ также считалъ сады характерной особенностью Малороссіи. Въ письмѣ въ Малороссію къ младшей сестрѣ А. П. Кернъ онъ приписалъ:

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.

И въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ часто упоминаются сады, большей частью, какъ мѣсто свиданія или мѣсто пріятныхъ и дорогихъ воспоминаній.

Въ народной символикѣ, развивающійся садъ означаетъ любовь, цвѣтущій — бракъ.

Не вси то ти сады цвитутъ,
Що на весни розвываются,
Не вси то ти винчаются,
Що вирне кохаются [1]).

Мягкій вечеръ внесъ въ утомленную душу поэта успокоеніе, что выражено въ стихѣ:

Лыну я, лыну, думу гадаю,
И нибы серце одпочивае...

Природа успокоила сердце поэта; мысль понесла его на далекую прекрасную родину; его согрѣли «думы» или, что то же, поэзія. Поэзія даетъ великія утѣшенія своимъ питомцамъ. Объ этомъ говорятъ и мел-

[1]) Чубинскій, V, 96.

кіе, и крупные поэты. Кюхельбекеръ, поэтъ декабристъ, послѣ многихъ лѣтъ тюремнаго заключенія и ссылки въ Сибирь, въ «Дневникѣ» своемъ отмѣтилъ: «имя мое забудется; всѣ мои произведенія незрѣлы, несовершенны. Несмотря на то, я никогда не буду жалѣть о томъ, что былъ поэтомъ. Утѣшенія поэзіи были очень велики». Баратынскій въ стих. «Рифма» говоритъ:

Среди безжизненнаго сна,
Средь гробового хлада свѣта
Своею ласкою поэта,
Ты, рифма, радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему съ родного брега
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

И Пушкинъ съ личной точки зрѣнія дорожилъ поэзіей, потому что ея «звучный лепетъ» усмирялъ его сердечный трепетъ и усыплялъ печаль.

Шевченко въ другомъ стихотвореніи—«И зновъ мени не привезла ничого почта зъ Украины»—оцѣниваетъ поэзію въ духѣ Баратынскаго и Пушкина:

Люде скажутъ, люде зрадятъ,
А вона мене порадыть,
И порадыть, и розважыть,
И правдоньку мени скаже.

Главная часть въ стихотвореніи Шевченка—воспоминаніе объ Украинѣ и о дорогой женщинѣ съ карыми очами, воспоминаніе, навѣянное вечерней звѣздой. Эти мотивы встрѣчаются у многихъ поэтовъ, при чемъ у однихъ поэтовъ звѣзда напоминаетъ о далекой родинѣ, у другихъ—о милой, и лишь у немногихъ оба мотива находятся во взаимномъ слія-ніи въ одномъ стихотвореніи, у Шевченка съ нѣкоторымъ перевѣсомъ мотива о карыхъ очахъ.

Замѣчательную литературную параллель къ стихотворенію Шевченка представляетъ элегія Пушкина 1820 года:

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины;
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило.
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ.
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Принимая во вниманіе, что Шевченко любилъ поэзію Пушкина, можно на первый взглядъ принять его «Сонце заходыть» за простое подражаніе Пушкину, но такому предположенію противорѣчитъ глубокая искренность стихотворенія Шевченка и его очевидная обоснованность личными обстоятельствами. Сходство между Шевченкомъ и Пушкинымъ въ данномъ случаѣ обусловлено сходными условіями ихъ поэтическаго творчества при созданіи этихъ элегій. Пушкинъ въ с. Каменкѣ, кіевской губерніи, вспомнилъ о своемъ пріятномъ пребываніи на южномъ берегу Крыма въ семействѣ ласковаго и просвѣщеннаго генерала Раевскаго, всѣ дочери котораго были, по словамъ Пушкина, прелестны; къ одной изъ нихъ поэтъ питалъ глубокое чувство любви. Шевченко въ Орской крѣпости вспоминаетъ о своей далекой прекрасной родинѣ и о милой дѣвушкѣ, быть можетъ, о княжнѣ Репниной, съ которой онъ въ 1847 г. состоялъ въ дружественной перепискѣ. Краски и образы у Пушкина ярче и сильнѣе, насколько ярче крымскіе миртъ и кипарисы сравнительно съ украинскими садочками. Стихотвореніе Шевченка подкупаетъ въ свою пользу глубокой задушевностью. Видно бѣдное, изстрадавшееся сердце. У Пушкина вмѣсто горестнаго чувства просвѣчиваетъ граціозная меланхолія.

Талантливый англійскій поэтъ Вордсвортъ (1770—1850) въ молодости путешествовалъ по Франціи; при вечерней звѣздѣ онъ также вспоминалъ о своей родинѣ и, при сходныхъ внѣшнихъ условіяхъ, создалъ стихотвореніе, похожее на отмѣченные выше стихи Пушкина и Шевченка.

Сравненіе всѣхъ трехъ стихотвореній—англійскаго, русскаго и малорусскаго—открываетъ замѣчательную психологическую перспективу. Англійскій поэтъ, человѣкъ свободный, мечтаетъ о родинѣ при видѣ вечерней звѣзды, связываетъ ихъ вмѣстѣ и на обѣихъ призываетъ благословеніе. Второго мотива—о милой—у Вордсворта нѣтъ. Вся мысль

его сосредоточена на его родной странѣ. «Прекрасная вечерняя звѣзда, украшеніе запада, звѣзда моей страны! Ты висишь на горизонтѣ, ты точно спускаешься на грудь Англіи... Ты—эмблема моей страны» и проч.—впечатлѣнія живыя и реальныя. Такъ и чувствуется, что поэтъ стоитъ вечеромъ на берегу французскаго Ламанша, съ глазами, устремленными на далекую блестящую звѣзду, мягкій свѣтъ которой одновременно льется на родномъ поэту англійскомъ берегу. Въ стихотвореніи много задушевной мягкости и искренняго патріотизма.

Въ граціозномъ стихотвореніи Пушкина звучитъ нотка опальнаго поэта, который располагалъ ограниченной свободой передвиженія лишь благодаря добродушію своего ближайшаго начальника генерала Инзова. Ему пріятно вспомнить дорогіе призраки минувшихъ дней, помечтать о мирной странѣ нѣжныхъ миртовъ и темныхъ кипарисовъ, о сладостномъ шумѣ таврическихъ волнъ.

Наконецъ, у несчастнаго украинскаго поэта, заброшеннаго въ глубину оренбургскихъ степей, лишеннаго права не только писать, но даже рисовать, стихотвореніе естественно заканчивается грустной жалобой на «доленьку». Оттого у одного Шевченка проскальзываетъ признаніе о слезахъ.

Ой, зоре, зоре, и слезы кануть...

Подробность чисто автобіографическая. Шевченко плакалъ, вспоминая при вечерней звѣздѣ о своей далекой родинѣ.

У Шевченка заключительный мотивъ «кари очи», у Пушкина—«дѣва юная», у обоихъ поэтовъ на почвѣ ихъ личныхъ знакомствъ и симпатій.

При всемъ томъ, весь мотивъ покоится на широкомъ основаніи, на тайномъ влеченіи души человеческой къ звѣздамъ, въ сознаніи какого-то космическаго съ ними родства. Современный поэтъ г. Ѳедоровъ въ 8 кн. «Вѣстн. Европы» 1898 г. въ стихотвореніи «Звѣзда» говоритъ:

Среди несмѣтныхъ звѣздъ...
Одна звѣзда влечетъ невольно грустный взглядъ.
У каждаго звѣзда своя есть, говорятъ.
Быть можетъ, въ эту ночь прозрачно-голубую
Моя душа нашла звѣзду свою родную...

Гораздо ближе къ концепціи Шевченка и Пушкина стоитъ современный нѣмецкій писатель Зудерманъ въ прозаическомъ разсказѣ «Звѣзды, къ которымъ не стремятся» на гетевское выраженіе «Die Sterne, die man nicht begehrt». «Здѣсь внизу сидитъ бѣдный, грѣшный сынъ земли. Онъ смотритъ на васъ, высокія звѣзды. Пусть одна изъ васъ—только одна —

обратитъ ко мнѣ свое сіяющее лицо и пусть она упадетъ въ мои объятія. Ты мнѣ такъ нужна, прекрасная незнакомая звѣзда. Въ твоемъ пламенномъ дыханіи я хочу согрѣть мое одинокое сердце; въ твоихъ лучистыхъ глазахъ («кари очи» Шевченка) я хочу прочитать отвѣтъ на вопросъ, любишь ли ты меня». «Другъ мой, такъ заканчиваетъ Зудерманъ свой разсказъ: къ звѣздамъ питаютъ стремленіе, это правда; но стремятся къ нимъ, какъ къ женщинамъ».

Въ народной словесности распространенъ мотивъ о вечерней звѣздѣ и любви. Такъ, въ великорусской свадебной пѣснѣ:

Ты, зоря моя, зоренька,
Ты вечернее солнышко,
Высоко ты восходило,
Далеко свѣтило.
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Тутъ лежала досточка дубовая,
Перекладина сосновая,
Никто по тѣмъ доскамъ не хаживалъ,
Никого за собой не важивалъ.
Перешелъ (имя жениха).
Перевелъ (имя невѣсты) [1])...

Въ малорусской народной поэзіи звѣзда обычный символъ дѣвицы, напр., въ прекрасной пѣснѣ:

Ой зійды, зійды, зиронька та вечирняя,
Ой выйды, выйды, дивчино моя впрная...
А зиронька зійшла—усе поле освитыла,
А дивчина вышла—козаченька звеселыла [2]).

Въ иноплеменныхъ пѣсняхъ встрѣчаются сходные мотивы, напр., въ одной чувашской хоровой пѣснѣ:

Въ самой вышинѣ семь звѣздъ (Большая Медвѣдица).
Это приноситъ красу міру,
Въ этой игрѣ семьдесятъ дѣвушекъ
Это приноситъ красу игрѣ [3]).

Особенно въ этомъ отношеніи интересно слѣдующее обращеніе къ вечерней звѣздѣ въ пѣснѣ испанскихъ арабовъ X—XV в. (въ перев. г. Вейнберга):

---

[1]) Воронежск. Юбилейн. Сборникъ, 87.
[2]) *Чубинскій*, V, 134.
[3]) *Этногр. Обозр. XIII*, 59.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ небесахъ я взорами блуждаю
И ищу, лишенный всѣхъ отрадъ,
Не найду ль ту звѣздочку, къ которой
Въ этотъ мигъ и твой прикованъ взглядъ.

Мотивъ, очевидно, Шевченка о карыхъ очахъ. Сравнивая стихотворенія Шевченка и Пушкина о вечерней звѣздѣ съ соотвѣтствующими народными пѣснями, мы видимъ, что мысль народныхъ поэтовъ идетъ параллельно съ мыслью поэтовъ интеллигенціи, и въ области собственно словеснаго художественнаго творчества поднимается на большую высоту. Вся разница въ сравнительно большемъ кругу наблюдательности интеллигентнаго поэта и въ большемъ запасѣ словъ. Потому у Пушкина «сладостно шумящія таврическія волны», а у народнаго пѣвца лишь «синее море», у Пушкина кипарисы и мирты, а у Шевченка лишь темные украинскіе садочки.

«Сонце заходыть» стоитъ въ тѣсной связи съ другими стихотвореніями Шевченка 1847 и 1848 годовъ, первыми годами его ссылки. Наиболѣе оригинально въ этомъ стихотвореніи обращеніе къ вечерней звѣздѣ. Всѣ другіе мотивы повторяются въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ; особенно часто повторяются мотивы о горькой долѣ, о слезахъ и о далекой прекрасной родинѣ, воспоминаніе о которой было единственнымъ утѣшеніемъ «геніальнаго горемыки».

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

7.

Рисунки и картины Т. Г. Шевченка.

«Когда среди ночи неожиданно прорѣжетъ синюю тьму неизвѣстно съ какихъ высотъ сорвавшійся метеоръ и, сверкнувъ мгновенно блескомъ, навсегда исчезнетъ въ хаосѣ невозвратнаго прошедшаго, невольная грусть закрадывается въ сердце, и въ головѣ зарождаются величавыя, строгія думы. И жаль этого осколка неизвѣстнаго погибшаго міра, жаль этого безслѣдно исчезнувшаго свѣта...

Человѣкъ также загорается божественнымъ пламенемъ, также сіяетъ мгновеннымъ свѣтомъ и также тухнетъ, исчезаетъ въ непроглядной ночи вѣковъ...

И бѣдное человѣчество борется изъ всѣхъ силъ противъ вѣчно стоящаго предъ нимъ грознаго призрака смерти... Нагромождаются камни на камни, воздвигаются переживающіе тысячелѣтія пирамиды и обелиски съ пышными надписями, создаются великія произведенія искусства, чтобы хоть на время отдалить ужасъ безслѣднаго исчезновенія... Каждая минута, отнятая отъ вѣчнаго забвенія, есть уже побѣда надъ страшнымъ безобразнымъ призракомъ...

Воскрешая въ памяти потомковъ факты и дѣянія людей, послужившихъ на пользу или радость человѣчеству или хотя бы своему народу, мы продолжаемъ ихъ духовную жизнь и тѣмъ хоть отчасти отплачиваемъ имъ за то, что они сдѣлали для насъ»...

Эти прочувствованныя строки взяты изъ статьи г. Кузьмина о Шевченкѣ, какъ художникѣ, въ «Иск. и худож. промышл.» 1900 г. и теперь умѣстно повторить ихъ при оцѣнкѣ Шевченка, какъ художника, повторить на томъ основаніи, что, по справедливому замѣчанію г. Кузьмина, «рисунки и офорты Шевченка являются одной и далеко не маловажной стороной его жизни».

Изученіе Шевченка, какъ живописца, представляется труднымъ дѣломъ, по разбросанности и малой доступности его произведеній, лишь

случайно попадавшихъ на выставки и въ очень маломъ числѣ. Большая часть рисунковъ Шевченка хранится въ далекомъ и глухомъ Черниговѣ въ музеѣ Тарновскаго. Издано очень немногое и въ отрывочной формѣ. Изслѣдованій и описаній мало (Шугурова, Русова, Горленка, Кузьмина, Гринченка); изслѣдованія кратки, касаются частныхъ вопросовъ, и недавно еще, въ декабрѣ 1900 года, г. Кузьминъ не безосновательно жаловался, что о Шевченкѣ, какъ художникѣ, «почти ничего не говорилось».

Мнѣнія о Шевченкѣ, какъ рисовальщикѣ, значительно расходятся. Такъ, г. Кузьминъ говоритъ, что «Шевченку по справедливости можетъ быть приписана слава едва ли не перваго русскаго офортиста въ современномъ значеніи этого слова». Еще ранѣе Сошенко усматривалъ въ Шевченкѣ живописца не послѣдней пробы. Иначе смотритъ г. Русовъ (въ Кіев. Стар. 1894 г.). По его мнѣнію, Шевченко въ живописи былъ лишь «фотографомъ окружающей природы, къ которой и сердце его не лежало, и въ созданіи жанра онъ не пошелъ дальше ученическихъ пробъ, шутокъ, набросковъ, въ которыхъ, при всемъ желаніи найти какую-либо художественную идею, мы уловить ее не въ состояніи, до такой степени неопредѣленна композиція рисунковъ». И Кузьминъ, и Русовъ признаютъ въ живописи Шевченка несоотвѣтствіе ея поэтическимъ его сюжетамъ, но въ то время, какъ г. Русовъ усматриваетъ въ этомъ недостатокъ, г. Кузьминъ, напротивъ, видитъ достоинство.

Каково же значеніе Шевченка, какъ живописца и гравера? Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, нужно оцѣнивать его произведенія въ совокупности и съ разныхъ историческихъ точекъ зрѣнія, не подгоняя ихъ подъ то или другое излюбленное требованіе.

Къ художнику, разумѣется, прежде всего нужно примѣнить художественную мѣрку. Шевченко въ этомъ отношеніи заслуживаетъ изученія, какъ извѣстная сила, отразившая на себѣ настроеніе эпохи, какъ ученикъ опредѣленныхъ художественныхъ теченій. Кто пожелаетъ ознакомиться обстоятельно со школой Брюллова и выяснить его вліяніе, нѣкоторую долю отвѣта найдетъ въ рисункахъ и картинахъ Шевченка. Кто пожелаетъ изучить влініе въ Россіи Рембрандта, также не можетъ обойти Шевченка.

Внутреннее достоинство художественнаго произведенія состоитъ въ отчетливомъ выраженіи настроенія художника подъ вліяніемъ внѣшней природы, народнаго быта или историческихъ традицій, и художественное настроеніе чувствуется во многихъ рисункахъ Шевченка. Несомнѣнно, что онъ къ искусству относился съ глубокой искренностью, и благодар-

ное искусство платило ему за то откровеніемъ своихъ тайнъ и доставляло ему утѣшеніе въ горькія минуты его жизни. Потому Шевченко особенно настойчиво хлопоталъ о разрѣшеніи ему рисовать; онъ стучался съ такой просьбой и къ Жуковскому, и къ Гоголю, умоляя ихъ о ходатайствѣ передъ властями.

Рисунки Шевченка имѣютъ не малое значеніе для его біографіи. Есть рисунки, взятые прямо изъ окружавшей поэта бытовой обстановки, съ хронологическими датами. Распредѣленные по годамъ (что сдѣлано уже отчасти г. Гринченкомъ въ 2. т. Каталога музея Тарановскаго), рисунки въ совокупности обрисовываютъ художественные вкусы и стремленія Шевченка, и составляютъ важную параллель къ его стихотвореніямъ.

Кстати, по поводу отношенія Шевченка-художника къ Шевченку-поэту; въ печати есть упрекъ по адресу перваго. «При перелистываніи рисунковъ, говоритъ г. Русовъ, указывающихъ на ту или другую обстановку жизни поэта и переносящихъ насъ изъ Кіева, то въ Казань, то на Аралъ, то въ академію художествъ, изображающихъ то Днѣпръ съ кіевскими горами, то дворъ сельской хаты, спрашиваешь себя невольно: будутъ ли среди этой массы рукотворныхъ памятниковъ поэта хоть какіе-нибудь намеки на тѣхъ героевъ его поэмъ и стихотвореній, которые онъ носилъ, по собственному своему признанію, «неначе цвяшокъ въ серце вбитый», которыхъ онъ считалъ своими «сынами», своими кровными «дѣтьми», своими «слезами»? Гдѣ же то море, по которому плавалъ Пидкова и казаки, гдѣ лѣса съ ихъ гайдамаками, гдѣ степы, шляхи, могилы, тополи, тѣ Катерины, Наймички, Титаривны, сотники, гетманы, конфедераты, утопленны, черныци, которыхъ Шевченко такъ образно умѣлъ «вымережаты»?.. Поэтъ едва ли и пытался когда-нибудь самъ изобразить карандашемъ на бумагѣ то, что вынашивалъ въ себѣ въ формѣ поэтическихъ образовъ».

Здѣсь прежде всего нужно сдѣлать поправку: у Шевченка есть, хотя и въ небольшомъ числѣ, картины и рисунки, иллюстрирующіе его поэтическія произведенія. Таковы картина «Катерына» въ музеѣ Тарновскаго, рисунки русалокъ, хатъ и нѣкоторые др., но не въ этомъ суть дѣла. Поэтъ и художникъ могутъ совмѣщаться въ одномъ лицѣ и часто совмѣщаются (Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій, А. Майковъ), но врядъ ли можетъ совмѣщаться въ лицѣ поэта и иллюстраторъ собственныхъ его произведеній. Для такого совмѣщенія нѣтъ достаточнаго психологическаго основанія. Чуткая душа художника или поэта пользуется словомъ и карандашомъ, какъ двумя разными орудіями, для достиженія разныхъ

цѣлей и въ два молота восполняетъ свою жизнь. Воспроизведеніе въ краскахъ впечатлѣнія, пережитаго ранѣе въ словѣ, или обратно, не можетъ интересовать ни художника, ни поэта, потому что такое копированіе или подражаніе представляется по существу лишнимъ. Г. Русовъ, напримѣръ, на частномъ примѣрѣ допытывается, «отчего Шевченко, какъ живописецъ, не могъ или даже не имѣлъ побужденія взяться за изображеніе на бумагѣ такой идиллической картины, какая дана въ его «Вечиръ», или подобной». Вѣроятно, въ запасахъ слова у него оказалось болѣе средствъ. Пейзажъ вечера туго поддается граверу, а Шевченко былъ болѣе граверъ, чѣмъ живописецъ, къ краскамъ прибѣгалъ рѣдко, и его работы этого рода большими достоинствами не отличаются.

Кромѣ автобіографическаго значенія, рисунки Шевченка имѣютъ значеніе историческое. Одно время поэтъ, по порученію кіевской археографической коммиссіи, срисовывалъ малорусскіе памятники старины въ Переяславѣ, Субботовѣ, Густыни, Почаевѣ, Вербкахъ, Полтавѣ. Тутъ находятся рисунки домика Котляревскаго, развалинъ Густынскаго монастыря до исправленія, мѣста погребенія Курбскаго и др.

Въ настоящее время историческую цѣнность имѣютъ многіе жанровые рисунки—таковъ, напримѣръ, рисунокъ «Въ былое время» изъ собранія С. С. Боткина въ Петербургѣ. На рисункѣ изображено наказаніе шпицрутенами, печальная въ памяти «зеленая улица». Приговоренный къ наказанію сбросилъ сорочку; у ногъ его валяются снятые тяжелые желѣзные кандалы. Передъ нимъ тянется длинный рядъ его невольныхъ палачей. Вблизи ведро, должно быть, съ водой. Вдали на горѣ очертаніе крѣпости. Это—правдивая страница изъ исторіи русскаго быта. Вспоминая, однажды, солдатчину, въ концѣ своей жизни, Шевченко досталъ изъ альбома этотъ рисунокъ и далъ ему такое поясненіе своему ученику Суханову, что послѣдній тронутъ былъ до слезъ, и Шевченко поспѣшилъ утѣшить его, сказавши, что этому звѣрскому истязанію наступилъ конецъ. Нынѣ историческое значеніе имѣетъ, также, въ свое время лишь бытовой рисунокъ «Товарищи», изображающій тюремную камеру съ двумя скованными арестантами впереди, причемъ желѣзная цѣпь идетъ отъ руки одного арестанта къ ногѣ другого—превосходая иллюстрація къ статьѣ А. Ѳ. Кони о докторѣ Гаазѣ. Характерно обрисована вся тюремная обстановка.

Есть еще одна сторона въ рисункахъ Шевченка, на которую не обращено вниманія, сторона, однако, весьма любопытная—этнографическая. Если разобрать многочисленные рисунки Шевченка съ фольклорными цѣлями, то въ итогѣ получится цѣнная этнографическая коллекція.

Такъ, для ознакомленія съ постройками могутъ пригодиться рисунки: старинное зданіе въ украинскомъ селѣ, комора въ Потокѣ, батьковская хата; для ознакомленія съ костюмами рисунки — ярмарка, дѣвушка, разсматривающая рушникъ, женщина въ намиткѣ выходитъ изъ хаты, «коло каши» (четыре крестьянина ѣдятъ подъ вербой кашу изъ казанка), «знахарь» въ костюмѣ, характерномъ для крестьянъ кіевской губ., «старосты» въ интересный моментъ подачи невѣстой рушниковъ и мн. др. Для малорусскаго жанра стараго времени интересны рисунки чумаковъ въ дорогѣ среди кургановъ, бандуриста, дѣда у царины, пасѣчника— «батько на пасици вулыкы довбае, а диточки несуть ему обидать»,—волостного суда—«судня рада» съ подписью: «отаманъ сбира на село громаду, колы що трапытця незвычайне, на раду и судъ. Громада, порадывши и посудывши добре, расходится, пьючи по чарци позвовои» и др. Въ этихъ рисункахъ Шевченко является достойнымъ современникомъ Ѳедотова.

Ограниченное мѣстное значеніе имѣютъ многочисленные рисунки среднеазіатской природы, той пустынной, степной обстановки, среди которой Шевченко вынужденъ былъ влачить свою жизнь. Бѣдная природа, песчаные бурханы, скалистые берега рѣкъ, рѣдкіе кустарники, группы солдатъ и татаръ съ верблюдами, магометанскія кладбища, рисунки этого рода, сохранившіеся въ значительномъ количествѣ и большей частью прекрасно исполненные, могутъ послужить хорошей иллюстраціей къ нѣкоторымъ горестнымъ стихотвореніямъ Шевченка изъ первыхъ тягостныхъ лѣтъ его ссылки.

Тутъ не мѣсто входить въ описаніе и оцѣнку отдѣльныхъ рисунковъ и картинъ Шевченка. Достаточно здѣсь подробно остановиться лишь на двухъ картинахъ Шевченка, написанныхъ масляными красками находящихся нынѣ въ Харьковѣ. Заслуживаетъ уже вниманія, что картины эти написаны масляными красками, а Шевченко лишь изрѣдка прибѣгалъ къ кисти. Судя по обстоятельному каталогу г. Гринченка, въ богатомъ собраніи Тарновскаго въ Черниговѣ (свыше 300 №№) находится всего лишь четыре картины масляными красками—«Катерына», «Голова молодого человѣка», «Портретъ кн. Репниной» и «Кочубей». П. Горленко въ «Кіев. Стар.» 1888 г. указываетъ еще на три картины Шевченка масляными красками—пасѣчникъ, портретъ Маевской и собственный портретъ.

Уже по малочисленности картинъ Шевченка масляными красками двѣ харьковскихъ его картины представляются интересными, а если принять во вниманіе, что картины эти бросаютъ свѣтъ и на пройденную Шевченкомъ художественную школу, указываютъ на главныхъ его учителей

и вдохновителей, Рембрандта и Брюллова, то за ними нужно признать и нѣкоторое историческое значеніе, быть можетъ, не совсѣмъ малое въ глазахъ любителей исторіи распространенія въ Россіи художественнаго образованія.

Въ Харьковѣ есть частный музей, небольшой по числу картинъ, но составленный съ большимъ художественнымъ вкусомъ, съ крупными затратами—имѣемъ въ виду художественную коллекцію Б. Г. Филонова. Есть въ этой коллекціи такіе шедевры, какъ «Узникъ» В. Е. Маковскаго, одно изъ лучшихъ произведеній этого художника; «Пушкинъ, читающій нянѣ свои сказки» Ге—картина, нѣкогда украшавшая кабинетъ Некрасова; «Крестьяне за столомъ» Мясоѣдова—одно изъ лучшихъ его произведеній въ излюбленномъ имъ родѣ жанра; большая картина Айвазовскаго, замѣчательная тѣмъ, что на ней нѣтъ моря; картина изображаетъ малорусскій пейзажъ—закатъ солнца въ степи; далѣе замѣчательны «Бобыль» Прянишникова, «Лѣсная тропа» Шишкина, «Березы» Волкова—небольшая, но прелестная картинка, «Степь» Васильковскаго, «Лѣсъ» бар. Клодта, портретъ неизвѣстнаго (Алфераки?), по предположенію кисти Брюллова, и др.

На видномъ мѣстѣ виситъ большая картина Шевченка «Спаситель», вышиной аршина два и шириной полтора, въ большой золоченой рамѣ, въ верхней своей части закрывшей надпись I. Н. Ц. I.—обычную въ запрестольныхъ образахъ. По преданію картина эта была нарисована Шевченкомъ, по заказу крестьянъ, въ одну сельскую церковь, какъ запрестольный образъ; но затѣмъ сельское общество прислало другихъ своихъ представителей, которые вызвали чѣмъ-то неудовольствіе художника, и картина была имъ подарена петербургской школѣ рисованія и живописи. Долгое время она здѣсь служила для учениковъ источникомъ копированія, была выставлена на Морской для продажи по оцѣнкѣ въ 1700 руб. и куплена Б. Г. Филоновымъ съ уступкой за 1350 руб. Работа чистая; краски свѣжія, отлично сохранившіяся; но стиль чисто академическій. Христосъ изображенъ по поясъ въ профиль со взоромъ, обращеннымъ на небеса. Ликъ, какъ и должно быть въ запрестольномъ образѣ, исполненъ величаваго достоинства и носитъ печать сердечной доброты. Въ картинѣ замѣтно вліяніе Брюллова, и самый ликъ Христа напоминаетъ отчасти ликъ Спасителя въ картинахъ и эскизахъ Брюллова, изображающихъ «Положеніе Христа во гробъ». Если вѣрно предположеніе о принадлежности этой картины Шевченку, а сомнѣваться въ томъ нѣтъ достаточнаго основанія, то «Христосъ» Шевченка представляется одной изъ лучшихъ картинъ школы Брюллова.

Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей харьковскаго университета находится небольшая картина Шевченка, написанная на холстѣ масляными красками съ надписью бѣлой краской: «Та нема гирше такъ никому, якъ бурлаци молодому». Высота картины 6 1/4 вершк., ширина 5 1/2 вершк. Картина эта поступила въ университетъ въ даръ въ 1879 г. отъ проф. Н. Д. Борисяка. На картинѣ находится поясное изображеніе пожилого малоросса, съ небольшими усами, безъ бороды и безъ бакенбардъ. Улыбка на лицѣ не отвѣчаетъ надписи. Бурлакъ лѣвой рукой подпираетъ щеку, а въ правой держитъ маленькую трубочку-люльку. Фонъ картины почти совсѣмъ черный. Коричневый пиджакъ освѣщенъ слабо; ярко освѣщено лишь лицо, руки и трубочка. Вблизи изъ чернаго фона у стола выдѣляется неясно какой-то предметъ за деревянной перегородочкой; тоны и композиція рембрандтовскіе; вообще вся эта небольшая картинка, хотя и не отличается высокимъ художественнымъ достоинствомъ, замѣчательна, какъ лучшій образецъ рембрандтовскаго вліянія на Шевченко [1]).

Если ужъ говорить объ учителяхъ Шевченка, какъ офортиста, то истиннымъ руководителемъ Шевченка былъ не столько проф. Іорданъ, который былъ граверомъ иглою или рѣзцомъ, а не офортистомъ, сколько Рембрандтъ, какъ геніальный образецъ. Съ Рембрандтомъ Шевченка связывало какъ сходство вкусовъ, такъ и склонность къ свѣтотѣни. Шевченко рано полюбилъ и сталъ изучать Рембрандта. По словамъ В. В. Тарновскаго, Шевченка въ академіи называли русскимъ Рембрандтомъ, по существовавшему тогда обыкновенію давать наиболѣе даровитымъ ученикамъ названія излюбленныхъ художниковъ-образцовъ, съ манерой которыхъ работы этихъ учениковъ имѣли наиболѣе сходства. Въ офортахъ Шевченка обнаруживаются характерныя черты работъ великаго голландца: тѣ же неправильныя, пересѣкающіеся въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ штрихи, длинные, частые для фоновъ и затемненныхъ мѣстъ, мелкіе, почти обрывающіеся въ точки въ мѣстахъ свѣтлыхъ, причемъ каждая точка, каждый мельчайшій завитокъ, являются органически необходимыми, то какъ характерная деталь изображаемаго предмета, то для усиленія чисто свѣтового эффекта. Для изученія картинъ Рембрандта, Шевченко имѣлъ богатый источникъ въ знаменитой рембрандтовской залѣ Императорскаго Эрмитажа, и что изученіе это простиралось на картины Рембрандта—доказательствомъ служитъ харьковскій «бурлака».

Въ 1893 г. въ Харьковѣ гостила интересная коллекція рисунковъ Шевченка— собраніе Каховскаго въ количествѣ 281 №. За коллекцію просили 3000 руб.; мѣстный художникъ С. И. Васильковскій опредѣ-

[1]) Снимокъ данъ въ «Альбомѣ выставки XII Археол. Съѣзда» 1903 г., л. 48.

лилъ стоимость рисунковъ въ 300 руб. Б. Г. Филоновъ предлагалъ 1000 руб.; но соглашеніе не состоялось, и коллекція была возвращена по принадлежности. Краткое описаніе этой коллекціи далъ въ «Кіевск. Стар.» г. Русовъ, видѣвшій ее въ Харьковѣ. Такъ какъ во 2-мъ т. каталога музея В. В. Тарновскаго 1900 г. встрѣчаются многіе рисунки, поименованные въ статьѣ г. Русова, то можно думать, что коллекція эта вошла въ составъ этого музея; но отсутствіе въ каталогѣ г. Гринченка названій нѣкоторыхъ рисунковъ украинскаго содержанія, упомянутыхъ въ статьѣ г. Русова, вызываетъ предположеніе, что собраніе Каховскаго вошло не въ полномъ своемъ составѣ, и, если предположеніе это вѣрно, то приходится только пожалѣть о томъ, такъ какъ музей Тарновскаго обратился въ общественное учрежденіе.

Въ послѣднее время рисунки Шевченка случайно попали на выставку гоголевско-жуковскую въ Москвѣ въ 1902 году и на выставку XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 г.; но здѣсь они терялись въ массѣ другихъ предметовъ. Въ Харьковѣ были выставлены двѣ гравюры Шевченка 1844 года—«Судня рада» и «Дары въ Чигиринѣ»—обѣ изъ коллекціи проф. М. М. Ковалевскаго въ Двурѣчномъ Кутѣ харьковскаго уѣзда, и приписываемый Шевченку рисунокъ «Сельскій праздникъ» [1]).

Въ заключеніе настоящей статьи не могу не повторить уже высказанное пожеланіе (напримѣръ, г. Горленкомъ въ «Кіевской Старинѣ» 1888 г.), чтобы всѣ рисунки и картины Шевченка были воспроизведены и изданы въ формѣ совмѣстнаго собранія, что весьма пригодилось бы и для исторіи русскаго искусства, и для біографіи Шевченка.

---

[1]) Снимокъ данъ тамъ же, л. 31.

8.

И. И. Манжура, какъ поэтъ и этнографъ.

Въ маѣ 1893 года въ екатеринославской земской больницѣ скончался даровитый этнографъ и поэтъ Ив. Ив. Манжура, человѣкъ глубоко несчастный. И. И. Манжура страдалъ наслѣдственнымъ алкоголизмомъ, и въ тотъ единственный разъ, когда я его видѣлъ—во время его пріѣзда въ Харьковъ въ 1885 году, когда онъ заходилъ къ А. А. Потебнѣ и ко мнѣ—это былъ уже совершенно больной и потерянный человѣкъ; при всемъ томъ онъ до конца жизни сохранилъ чуткое сердце, ясный умъ, крупное поэтическое дарованіе и живой интересъ къ народоизученію.

Жизнь Манжуры съ малыхъ лѣтъ исполнена была различными превратностями. Какую печальную школу прошелъ онъ въ дѣтствѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма его ко мнѣ отъ 6-го іюля 1892 года. Узнавъ, что я лѣто провожу въ своемъ хуторѣ, Иванъ Ивановичъ писалъ мнѣ между прочимъ: «Ваша Боромля мнѣ довольно памятна; разскажу какъ и почему; это будетъ нѣчто вродѣ отрывка изъ моей автобіографіи. Можетъ быть вы слыхали, отецъ мой подверженъ былъ запою, вслѣдствіе чего и не давалъ мнѣ въ дѣтствѣ нигдѣ пустить корни. У бабушки москвички онъ меня пятилѣтнимъ выкралъ и привелъ (пѣшкомъ!) въ Харьковъ, гдѣ я, благодаря невниманію ко мнѣ моей крестной матери Деревицкой, скоро попалъ въ часть, въ тогдашнюю яму, въ общество всякого отребья. Былъ я въ это время и не помнящимъ родства, ѣлъ изъ арестантскаго котла, былъ и пріемнымъ сыномъ у какого-то пожарнаго или сторожа, пока не заболѣлъ и не попалъ на Сабурову дачу, гдѣ и встрѣтился съ отцомъ. Отъ этой поры я до 9 лѣтъ прошелъ съ отцомъ 12 однихъ губернскихъ городовъ и сдѣлалъ (помню, какъ этимъ выхвалялся отецъ) 6000 верстъ. Наконецъ, я попалъ въ Бѣлгородъ къ княгинѣ Волконской, гдѣ меня одѣли сперва, какъ пажа, въ шелкъ и башмачки, а затѣмъ отдали бѣлгородскому попу въ науку. Это были первые мои

шаги по систематическому образованію. Отсюда-то пьяный патеръ мой извлекъ меня и повелъ черезъ Харьковъ на Боромлю, вблизи которой хотѣлъ отдать на воспитаніе какому-то богачу Алферову. Какъ я ни плакалъ, какъ ни просился отпустить обратно—отецъ велъ меня дальше. Въ Боромлѣ я задумалъ отъ него бѣжать обратно въ Бѣлгородъ. Хотя оттуда въ Бѣлгородъ можно пробраться и ближе; но мой маршрутъ лежалъ черезъ Харьковъ; другого я не зналъ. Буду разсказывать по порядку. Въ Боромлѣ отецъ запилъ: обыкновенно онъ напивался, ложился на лавкѣ и постоянно, боясь чтобъ я не ушелъ, держалъ меня при себѣ и никуда не отпускалъ. Такъ, въ шинкѣ прожили дня два или три. Въ одну изъ счастливыхъ минуть я выпросилъ у отца денегъ на «гостинцы». Онъ далъ мнѣ рубль, но не отпустилъ на базаръ одного, а въ сопровожденіи какой-то боромлянки. Отправляясь въ лавку, я сталъ у проводницы проситься отпустить меня и разсказалъ всѣ свои злоключенія. Послѣ долгихъ упрашиваній, она согласилась, даже показала и разсказала какъ пройти глухими улицами. За это разрѣшеніе я ей отдалъ всѣ деньги; впрочемъ, она мнѣ оставила 15 или 20 коп. и конфекты. Вырвавшись на волю, я въ буквальномъ смыслѣ побѣжалъ; бѣжалъ я долго, вплоть до вечера, ничего не ѣвши, хотя бросилъ Боромлю, помню, часовъ въ 10 утра. Направился я по ахтырской дорогѣ, а на ней гдѣ-то подходитъ какъ разъ къ дорогѣ какая-то рѣка [1]). Я нагналъ остановившуюся на ночлегъ чумацкую валку. Чумаки меня приняли, и, благодаря моей бойкости, даже поручили мнѣ точить изъ бочекъ водку (они везли водку). Дѣлалось это такъ: легонько сбивался обручъ на сторону, подъ нимъ прокалывалась шиломъ дыра, изъ которой и шла тонкой струей водка въ цебро. Затѣмъ дыра замазывалась хлѣбомъ, обручъ снова набивался и все было шито и крыто. Чумаки накормили меня и, распросивъ, обѣщали доставить въ Харьковъ, куда сами ѣхали. Но на утро, видно, раздумали и указали мнѣ путь черезъ какой-то боръ. За этимъ боромъ, будто бы, была прямая дорога на Бѣлгородъ короче. Отправился я черезъ этотъ боръ, перешелъ его, (нужно сказать, почему-то я былъ босой: для легкости бѣга, должно полагать, сбросилъ дорогой обувь), вышелъ на какіе-то уже выколосившіеся хлѣба и догналъ, или онъ меня, мужика, который меня и подвезъ. На повозкѣ, разспросивъ меня, что я за птица (не помню, что я ему плелъ), онъ принялъ меня за бѣжавшаго отъ мастера ученика и погрозилъ отправить въ волость, но я отъ этого откупился послѣднимъ двугривеннымъ и былъ имъ вывезенъ на столбовую дорогу, по которой и направился къ Бѣлгороду. Дорогой я сошелся съ партіей какихъ-то, очевидно,

[1]) Ворскла, верстахъ въ 30 отъ Боромли, протекаетъ въ бору.

профессіональныхъ, богомолокъ, которыя велѣли мнѣ называться сыномъ одной изъ нихъ и обѣщали, поводивъ по святынямъ, доставить въ Бѣлгородъ. И такъ я пошелъ съ ними, не знаю за чьего-то сына; богомолки меня кормили, утѣшали, вообще относились очень и очень симпатично. Но мнѣ съ ними скоро пришлось разстаться и, вы не повѣрите, по какому счастливому случаю. Идемъ мы, на встрѣчу намъ ѣдетъ кибитка, вдругъ я слышу оттуда голосъ: «Ваня, Ваня», или что-то вродѣ этого. Оказалось—что это ѣхалъ на богомолье мой бѣлгородскій учитель, священникъ о. Григорій Курдюмовъ (хорошо помню). Разспросивши, что и какъ, онъ далъ мнѣ и богомолкамъ денегъ и велѣлъ имъ доставить меня въ заштатный городъ Хотмыжскъ, гдѣ жила его мать вдова. Тамъ я долженъ былъ подождать его и возвратиться съ нимъ въ Бѣлгородъ. Все было сдѣлано, какъ сказано, и я снова попалъ на старое мѣсто, но не въ тѣ уже условія. Не правда ли, просто диккенсовскія приключенія? Кто меня и моего patera не знаетъ въ дѣтствѣ—не повѣритъ».

И. И. Манжура родился въ Харьковѣ въ 1851 году, учился въ харьковской второй гимназіи, гдѣ былъ моимъ товарищемъ до 5 класса, когда вышелъ изъ гимназіи. Это былъ нѣсколько сумрачный и некрасивый лицомъ юноша, способный, но какой-то угловатый. Одно время онъ учился въ ветеринарномъ институтѣ, но курса въ немъ не кончилъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ поселился у одного екатеринославскаго помѣщика, своего товарища по гимназіи, и съ этого времени начались его этнографическія изученія. Манжура входилъ въ глубь народной жизни, проживалъ въ крестьянскихъ хатахъ, на пасѣкахъ, и такимъ путемъ пріобрѣлъ множество свѣдѣній о бытѣ, повѣрьяхъ и пѣсняхъ малорусскаго народа, превосходно усвоилъ его живую и литературную рѣчь. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ проживалъ большей частью въ Екатеринославѣ. Живаго общенія съ народомъ Манжура не прерывалъ до самой кончины.

Въ 1889 году, при содѣйствіи проф. А. А. Потебни, вышли въ свѣтъ оригинальныя стихотворенія Манжуры «Степови думы та спивы».

Мои личныя сношенія съ Манжурой были случайныя. Мнѣ пришлось переписываться съ И. И. съ 1886 года по вопросу о редактированіи приготовляемаго къ печати его сборника народныхъ пѣсенъ. Такъ какъ сборникъ написанъ «кулишевкой», то, по моему предложенію, И. И. его переписалъ узаконеннымъ правописаніемъ и отчасти сократилъ. Въ письмахъ ко мнѣ онъ сообщалъ о ходѣ своихъ этнографическихъ работъ, иногда прилагалъ свои стихотворенія, частенько обращался съ разными просьбами, къ чему его побуждала постоянная и безысходная нужда. Въ 1890 г. И. И. мнѣ писалъ: «всѣ свои позорящія качества я отри-

нулъ и исправился»; но это «исправленіе» было непродолжительное, и въ февралѣ 1892 г. И. И. мнѣ откровенно писалъ: «Хорошо было бы получить порядочный кушъ вродѣ четвертной (рѣчь идетъ о гонорарѣ за переписку въ 50 руб.); можно было бы пріодѣться и устроиться, а то я—яко благъ, яко нагъ, перебиваюся по пригороднимъ мужикамъ и чувствую, что скоро-скоро подамъ жизненную отставку».

Насущный кусокъ хлѣба И. И. хотѣлъ обезпечить себѣ литературнымъ трудомъ. Въ 1885 г. онъ началъ было составлять книжки для народнаго чтенія, что, понятно, не дало ему никакой матеріальной опоры, затѣмъ задумалъ заняться книгоношествомъ, но это предположеніе не осуществилось. Въ 1885 г. И. И. подъ псевдонимомъ Ивана Калички издалъ передѣлку народной сказки «Якъ чортъ шматочокъ хлиба отслужувавъ», а въ 1886 г. передѣлку другой сказки «Лыха годына». Присславъ мнѣ эти двѣ сказки, И. И. такимъ образомъ оправдывалъ ихъ фантастическо-юмористическое содержаніе: «Наблюдая за чтеніемъ народомъ различныхъ метелыкивъ, я замѣтилъ, что симпатичные разсказы, напр., Мордовцева «Дзвонарь» и «Салдатка», а также оповиданія Марка Вовчка и другіе подобные наводятъ на настоящій народъ при чтеніи чуть ли не сонъ. А между тѣмъ разсказы Стороженка и Квитки одушевляютъ слушателей, заставляютъ смѣяться и увлекаться. Поэтому, какъ бы ни была хороша и гуманна тема, но скоро лишь она взята изъ прозы жизни—она не представляетъ для мужика никакого интереса и не оправдываетъ своего назначенія, такъ какъ онъ пропускаетъ ее рѣшительно мимо ушей».

Литературный трудъ (писательство въ газетахъ и корреспонденціи) не пошелъ въ руку, и въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: «Не везетъ мнѣ этотъ литературный, такъ называемый, заработокъ. Отданное мнѣ изданіе моихъ стихотвореній взято за долгъ; газеты за корреспонденціи не платятъ, малорусскіе творы не пропускаются, а за писаніе мужикамъ прошеній земскій начальникъ призываетъ къ отвѣту.

Въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: Пишете Вы, чтобы я не бросалъ своихъ энтографическихъ записей; я ихъ не бросаю. Не знаю писалъ ли Вамъ, что послалъ небольшой сборникъ московскому обществу любителей антропологіи и этнографіи [1]), №№ болѣе полусотни, да и теперь кое-что имѣю. Кромѣ того, у меня имѣется немалый сборникъ народной порнографіи, совершенно къ печати неудобной, но крайне остроумной, въ которой главную соль составляетъ не похабщина, а остроумныя положенія и игра словъ.

[1]) Манжура состоялъ членомъ этого общества.

При разборѣ моего сборника сказокъ—обратили ли Вы вниманіе на крылатыхъ коней и на трехъ или двухъ бабъ (не помню въ какой именно сказкѣ, у меня не осталось ихъ и для себя), берегущихъ живущую воду и смотрящихъ «у въ одно око». Вѣдь это, сколько помнится, приключеніе Персея, отправляющагося за головой Горгоны и отнимающаго у Паркъ, также смотрящихъ «у въ одно око», сандаліи, или, кажется, Геркулеса во время его похода за Гесперидскими яблоками.

Добытую порнографію я приведу въ порядокъ и перешлю для Общества, можетъ, что и пригодится, такъ какъ въ ней могутъ, кажется, найтись темы изъ «Декамерона» и западныхъ подобнаго содержанія анекдотовъ».—Сборникъ этотъ не былъ доставленъ.

По сравненіи своего сборника съ трудами Чубинскаго, И. И. писалъ: «Что мнѣ показалось у Чубинскаго страннымъ—это обиліе простыхъ, такъ называемыхъ *улешныхъ* пѣсенъ въ его веснянкахъ. Полагаю, что это какая то ошибка или недосмотръ. Веснянки по своимъ темамъ стоятъ особенно и темъ общепѣсенныхъ имѣютъ крайне мало, да и то въ своеобразной передѣлкѣ, и не такъ какъ здѣсь—отдаютъ чѣмъ то уже пожившимъ, натерпѣвшимся и серьезнымъ».

При письмахъ И. И. иногда прилагалъ свои стихотворенія. Сообщаю ихъ здѣсь въ виду нѣкотораго автобіографическаго ихъ значенія. Всѣ прилагаемыя стихотворенія написаны въ 1891 г. Изъ этихъ стихотвореній по задушевности выдается «Велыкдень».

На зразокъ зъ Я. Полонського.

Я свитло погасывъ, дримаю въ самотыни,
Ажъ чую въ хату ось поналиталы
Сумни, таемни-жъ, марнишни тини
И въ головахъ у мене поставалы.
И чуты жъ воны таемно шепотилы:
—Хай засне винъ, душею хай скротыться...
—А чи давно его мы счастеви радилы?..
Нехай же добрый сонъ ему прыснытся.
—Бидаха вже заснувъ, глядить якъ винъ кохае...
—То мыла любо думку его буде...
—А завтра винъ цего ничего не згадае,
—А то й зъ проклѣномъ згадуваты буде.
—Погляньте якъ пры насъ ви сни винъ молодіе,
Якъ може винъ ще вирыты й любыты,

—А завтра бидный гиршь винъ знову постаріе
—И пиде якъ допрежъ цего терпиты.
—А мы?.. Мы ранкомъ подамось укрыти снамы
—Та мріямы людськими всего свиту,
—И счастя мрія те жъ полыне зъ намы,—
Завьялый квитъ колышнего розцвиту.

Стихотвореніе Полонскаго безъ особаго заглавія было напечатано въ 12 № «Нивы» 1891 г. Изъ этого видно, что передѣлка Манжуры сдѣлана имъ въ концѣ жизни:

Я свѣчи загасилъ, и сразу тѣни ночи,
Нахлынувъ, темною толпою ко мнѣ влетѣли;
Я сталъ ловить сквозь сонъ ихъ призрачныя очи
И увидѣлъ ихъ тьму вокругъ моей постели.
Таинственно онѣ мигали и шептались:
«Вотъ онъ сейчасъ уснетъ, сейчасъ угомонится...
Давно ль мы страстнымъ сномъ счастливца любовались,
Авось, веселый сонъ несчастному приснится.
Вотъ онъ заснулъ... бѣднякъ! Глядите, какъ онъ любитъ,
Подруги свѣтлыхъ дней онъ свѣтлый образъ видитъ...
Все это на яву онъ завтра же забудетъ—
И, все, что хуже сна, душой возненавидитъ...
Глядите, какъ при насъ, во снѣ, онъ свѣжъ и молодъ.
Какъ можетъ онъ, любя, и трепетать, и вѣрить
А завтра вновь сожметъ его житейскій холодъ.
И снова будетъ онъ хандрить и лицемѣрить...
И снова бѣлый день, съ утра, своимъ возвратомъ
Раскроетъ бездну золъ, вражды, потерь и горя,
Разбудитъ богача, измятаго развратомъ,
И нищаго, что пьетъ, изъ-за копѣйки споря...
А мы умчимся въ ночь, обвѣянныя снами
И грёзами живыхъ и мертвыхъ поколѣній,
И счастья призраки умчатся вмѣстѣ съ нами.
— Поблеклые цвѣты весеннихъ вожделѣній»,
Полуночныхъ тѣней уловленныя рѣчи
Встревожили мой сонъ и подняли съ постели,
Я руку протянулъ и вновь зажегъ я свѣчи;
И тѣни отъ меня ушли въ углы и щели,
И къ окнамъ хлынулы, и на порогѣ стали—
Я видѣлъ при огнѣ ихъ чуть замѣтный трепетъ;

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Но то, что я писалъ, онѣ ужъ не видали,
И я записывалъ таинственный ихъ лепетъ.

Сравненіе стихотвореній показываетъ, что Манжура сократилъ переводъ въ серединѣ на 4 строки и въ концѣ на 7 строкъ.

На Купала.

На купала—дивча мало
Виночка зьязаты,
Та не знало одыноке—
Кому его даты.
Глядь—ажъ йиде козакъ степомъ
Жупанъ голубенькій,
Лычко биле—якъ у пана,
И самъ молоденькій.

Сполохнулось серденятко
Дивоче, якъ пташка;
—Ось для кого мій виночокъ,
—Колы ёго ласка.
Та пройхавъ козакъ поузъ
И окомъ не глянувъ...
А дивча винокъ порвало—
Щобъ марно й не вьянувъ.

Велыкдень.

Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ!
Лунае въ селахъ и зъ небесъ.
Любуютъ янгольскія очи
На те, якъ рады ціи ночи,
Изъ пиднебеснои имлы
На землю зори мовъ зійшлы...
Бо де не церква—тамъ видъ брамы
Іи святои—якъ зиркамы
По селахъ вкрылысь вулычкы...
Тожъ не зирки, а свичечкы,
Що люде добри посвитылы
По-надъ паскамы и освятылы
Той божій даръ, та це весели
Несуть до риднои осели,
Де жде мала ихъ дитвора...
Весела, радистна пора!
Та сердце щось мое бо, друже,
Радіе ій теперъ не дуже...
Не разъ зъ очей слезу змахнешь—
Якъ крадькома хочь позирнешь.
На радисть цю людську та втиху...
Оттакъ прыспало его лыхо.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Бурлака.

Та вже весна, та вже красна,
Изъ стрихъ вода капле,
Молодому козакови
Мандривочка пахне.

—

Та теперь вже молоденькій
Коня не сидлае,
А цапыни постолы винъ
На ногы взувае,

—

Замистъ списа бере косу,
За шаблю--мантачку;
За кырею жъ одягае
Свытыну бурлацьку

—

Не пытае у дивчины
Теперъ винъ дорогы—
Куды у Крымъ, куды на Динъ,
Куды за порогы,

—

А пытае въ молодои
Нимецькои хаты,
Дебъ то статы--заробыты
Соби хочь на латы.

Сборникъ стихотвореній Манжуры заключаетъ въ себѣ 35 стихотвореній лирическихъ и 7 басенъ и анекдотовъ. Кое-что исключено было цензурой; кое-что устранено изъ того, что уже было ранѣе въ печати. Такъ, въ «Степовыя думы» не вошла «Веснянка», напеч. Манжурой подъ псевдонимомъ Иванъ Каличка въ 12 № «Степи» 1886 г.

Весняночка—паняночка,
Чомъ на тоби пусто?
Чомъ не мае челядонькы,
Якъ бывало густо.
На вулыци била челядь,
Весну такъ гукае
Самисенька.... Парубацтво
Десь ii блукае
У далекихъ зарабиткахъ
По чужихъ краинахъ,—
Що зъ осены розыгнала
Тяжкая годына
Усыхъ зъ дому—кого куды
Хлиба заробляты....
Тилькы въ сели и зосталысь
Хвори та дивчата.
Не весела вулыченька,
Сумни ii спивы....
Ой, зигляньсь на ихъ долю,
Боже мылостывый!

Лирическія стихотворенія можно распредѣлить по тремъ разрядамъ: 1) автобіографическія (16 №№), 2) бытовыя или соціально-экономическія (12 №№) и 3) разнороднаго содержанія, неподходящія подъ первыя двѣ рубрики (8 №№).

Автобіографическія стихотворенія—«Маты», въ которомъ мѣтко очерчено важное значеніе материнской ласки для дѣтей, «Весна», «Споминъ», «По веспи», NN (Самъ не знаю), «Мынуле», «Переспивъ» (Мени цвила...), въ которыхъ выразились воспоминанія автора о счастливыхъ дняхъ молодости, первое вступительное стихотвореніе «Не треба мини», въ которомъ авторъ объясняетъ происхожденіе своихъ стиховъ и

опредѣляетъ общій характеръ своей поэзіи («любовь къ людыни»), и въ особенности «До товарыща», «Писня» «Босяцька писня», «Старый музыка», «Бурлака», «Бурлакова могыла» и «Незвычайный». Съ наибольшей яркостью горемычная доля И. И. Манжуры выразилась въ стихотвореніяхъ „Незвычайный“ и «До товарища».

Нема сылы, нема воли,
Нема и небуде,
Бо ще змалку повыпилы
Все чужіи люде.
Не такъ люде въ чужихъ хатахъ,
Якъ ридный той батько;
Нехай ему Богъ прощае,
Мени жъ—а ни гадкы.
Тилько инколы въ куточку
Пожурышься стыха,
Та гирькою (не слёзою...)
Зальешъ свое лыхо.
Якъ зальешъ—мовъ позабудешъ,
Пишовъ шкандыбаты;
Заразъ люде и пидзорять
Та й ну дорикаты.
«Хвылозопію» пидпустять,
«Нравственность» якусь то...
А бодай имъ божевильнымъ
Симъ разъ на день пусто!
Воны певно, бачъ, обашни!
Имъ про те байдуже,
Що тутъ серце въ грудяхъ плаче
Знивечене дуже.

Манжура въ концѣ жизни сломилъ ногу и дѣйствительно «шкандыбалъ».

Не хрещатымъ барвиночкомъ,
Не запашнымъ василечкомъ
Життя наше процвило;
Лыхе горе та бидонька
Мовъ гирька та лобидонька
Его змалку проросло.
. . . . . .
. . . . . .
И теперь ось даремное
Життя наше никчемное
Соби марно досклива—
Мовъ огонькъ въ дороженьци
На попасномъ обложенци
Де забутый дотлива.

Все это глубоко искреннее и правдивое стихотвореніе проткано поэтическими узорами, частью вполнѣ народными, частью лично-субъективными, вполнѣ оригинальными. Что можетъ быть, напр., лучше и проще заключительнаго сравненія жизни горемыки съ угасающимъ брошеннымъ на дорогѣ огнемъ. Чтобы понять всю трогательную прелесть этого образа, нужно представить себѣ въ воображеніи «попасный облогъ», т. е. поросшія спорышемъ обочины широкихъ дорогъ въ новороссійскихъ степяхъ, и на этомъ просторѣ степей «забутый огонькъ». Такія сравненія вынашиваются долгимъ процессомъ художественнаго созерцанія природы.

Соціально экономическія стихотворенія посвящены тому, что составляетъ въ Малороссіи «власть земли»—земледѣлію и отчасти пчеловодству. Въ «хлиборобскихъ» стихотвореніяхъ на первый планъ выступа-

ютъ заботы объ урожаѣ, картины засухи, опасеній, недостачъ, вызванныхъ недородомъ хлѣба, картины живительнаго лѣтняго дождя и губительнаго града. Таковы: «Дума», «На степу и въ хати», «Зъ заробитковъ», «На добрій ниви», «Грядъ», «Сонъ», «Роскишъ-доля». Здѣсь выступаютъ все «темни сиріи люде», для которыхъ хлѣбъ—«святый», которые при хорошемъ урожаѣ говорятъ «гарнее житце, помножъ его Боже». Авторъ глубоко сочувствуетъ трудящемуся сельскому люду, съ нимъ онъ «радіе», когда дождь ороситъ истомленную засухой ниву; съ нимъ «турбуется», когда нива лежитъ «стомлена, спечена, пыломъ прибыта»; этимъ доброжелательствомъ внушены два молитвенныхъ стихотворенія «Зъ охрестамы» и «Страсты». Пчеловодству посвящены два прекрасныхъ стихотворенія «На пасици» и «Бджолы». Авторъ говоритъ о пасѣкѣ, пасѣчникѣ и пчелахъ по основательному личному знакомству со всей обстановкой малороссійскаго пчеловодства.

Къ третьему разряду стихотвореній разнороднаго характера относится единственно большое и неудачное стихотвореніе—баллада «Ренегатъ», затѣмъ «Нечесна», «Веснянка», «Нехай», «Переспивъ» (Зиронька ясна), «Въ раньци»—прекрасная картина лѣтняго утра (такое изящное описаніе тумана я нахожу только въ одномъ стихотвореніи г. Сафонова въ Рус. Вѣстникѣ 1893 г.) и «Лыліи». А. А. Потебня очень высоко цѣнилъ послѣднее стихотвореніе, и мы приведемъ здѣсь его цѣликомъ для общей характеристики малоизвѣстной поэзіи И. И. Манжуры:

У пышныхъ палатахъ якогось магната
Роскошны лыліи цвилы;
Ихъ люде здалека, де выхоръ та спека,
На втыху соби завезлы.
Любують ихъ очи весели дивочи,
А часомъ и хмурый магнатъ,
На нихъ якъ погляне, нудьга уразъ тане,
И пругъ на чоли вже не знать.
Оттакъ воны пышни, усякому втишни
Мыръ въ сердце людське подаютъ,
А люде не знаютъ и гадкы не мають,
Якъ слезы въ ночи воны льють.
Чого жъ то имъ шкода? Аджежъ и урода,
И роскишъ, и шана имъ е...
Нелюба имъ шана у гордого пана,
Имъ краще убоге свое.
Имъ кращи у бидній краини ихъ ридній

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

За панську ту ласку здалысь
И спека пекуча, и вихорь летючый,
Що ихъ опалялы колысь....

Далѣе слѣдуетъ прекрасное по гуманности и нѣжности примѣненіе поэтическаго образа къ дѣвушкѣ, заѣхавшей изъ далекаго края.

Такъ ты, моя крале, зъ далекого краю,
Неначе лыліи мои;
Сдаеться й на воли, у шани и холи,
Та все бо не въ риднимъ краи.
Твій поглядъ ясненькій, твій смихъ веселенькій
Та щирая ласка твоя
Усихъ насъ еднають, усихъ насъ витають,
Якъ тыхая зъ неба зоря.
Поглянешъ избоку (нехай бо ни вроку)!
Та й скажешъ: «життя тоби рай»,
А вся жъ твоя втиха—поплакаты стыха,
Згадавши веселый свій край.

Стихотвореніе приведено цѣликомъ, и нѣтъ надобности доказывать, что въ «Лиліяхъ» Манжура достигъ большой поэтической высоты. Здѣсь все превосходно— и образъ, и его примѣненіе. Съ какой бы стороны ни шла къ намъ музыка душевной силы и красоты, съ общепризнанныхъ литературныхъ вершинъ, или изъ невѣдомыхъ закоулковъ—она всегда несетъ съ собой волну жизни, радость и наслажденіе.

О «байкахъ» не приходится много говорить. Это краткіе стихотворные анекдоты, большею частью подслушанные у народа. Вещицы мелкія, но написаны бойко, сжатымъ и сильнымъ языкомъ.

Какъ поэтъ, Манжура обладалъ превосходнымъ знаніемъ малорусскаго языка и большой чуткостью къ художественнымъ красотамъ народной словестности.

Въ краткомъ отзывѣ о «Степовыхъ спивахъ» Манжуры въ сент. кн. Кіевск. Стар. 1889 г. В. П. Горленко отмѣчаетъ знаніе сельскаго народа и языка, имъ созданнаго. «Знаніе народной рѣчи и подробностей быта, приложенное къ изображенію крестьянской жизни, по словамъ критика, сообщило стихамъ Манжуры характеръ реальности». Къ лучшимъ стихотвореніямъ причислены «Зъ охрестамы», «На пасици», «Бурлака», «Бджолы». Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отмѣченъ «сухой разсудочный характеръ». Далѣе критикъ говоритъ, что у Манжуры есть строфы какъ бы переложенныя изъ какого нибудь отчета по агрономіи или изъ

доклада статистическаго бюро, встрѣчаются странныя, какъ бы выдуманныя слова, мѣстами неуклюжія выраженія.

Въ болѣе суровомъ отзывѣ въ галицкой «Зорѣ» Манжурѣ поставлено было въ вину незнаніе малорусскаго языка, человѣку, прожившему весь свой вѣкъ среди народа, въ живомъ общеніи съ нимъ, исходившему пѣшкомъ харьковскую и екатеринославскую губерніи, записавшему изъ народныхъ устъ тысячи пѣсенъ и сотни сказокъ и пословицъ. Кому же послѣ этого и знать малорусскій языкъ, если Манжура не зналъ его? Любопытно, что въ то время, какъ въ «Зорѣ» упрекали Манжуру въ незнаніи малорусскаго языка, глубокій лингвистъ и общепризнанный знатокъ малорусскаго языка А. А. Потебня высоко цѣнилъ этнографическія записи Манжуры именно за ихъ точность и доброкачественность, и настолько высоко цѣнилъ его оригинальныя стихотворенія, что издалъ ихъ на свой счетъ. Кромѣ чистоты языка, въ стихотвореніяхъ Манжуры Потебню привлекала ихъ оригинальность, отсутствіе подражательности, искренность одушевленія, разнообразіе образовъ и, главное, ихъ мужественный стиль, столь рѣдкій и исключительный въ мягкой, женственно-сентиментальной малорусской литературѣ. И. И. Манжура при тяжкой наслѣдственной болѣзни подвизался добрымъ подвигомъ народоизученія; умирая, онъ могъ сказать словами Мармеладова въ «Преступленіи и Наказаніи» Достоевскаго: «пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ Единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день...и всѣхъ разсудитъ и проститъ».

* * *

Заслуги Манжуры, какъ этнографа, велики. Записи его многочисленны, разнообразны, точны. Около 200 №№ великорусскихъ пѣсенъ было имъ собрано въ екатеринославской губерніи и сообщено П. В. Шейну. Въ «Русской Старинѣ» Манжура издалъ три великорусскія историческія пѣсни—«Осада Смоленска», «Взятіе Хотина» (Кистрина?) и «Новороссія». Громадное большинство записей малорусскія. Часть ихъ поступила въ Кіевъ въ Юго-западный отдѣлъ Географическаго общества и была издана М. П. Драгомановымъ въ «Малорос. народ. преданіяхъ» и въ «Полит. пѣсняхъ украинскаго народа»; часть поступила въ Харьковское историко-филологическое общество и была издана во 2 и 6 томахъ его Сборника. Кромѣ того, небольшіе матеріалы были напечатаны Манжурой въ «Кіевской Старинѣ», «Этнографич. Обозрѣніи», «Живой Старинѣ», «Степи» и «Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ». Въ общей сложности матеріалы, собранные Манжурой, составляютъ весьма цѣнный

вкладъ въ науку. Научное значеніе этого матеріала опредѣляется не только его количествомъ, но прекрасными внутренними свойствами, точностью записей и сохраненіемъ мелкихъ фактическихъ деталей.

Достоинства этнографическихъ записей Манжуры обусловлены прекраснымъ знаніемъ народной рѣчи и пониманіемъ художественныхъ красотъ ея, что въ частности ярко сказалось въ небольшомъ сборникѣ оригинальныхъ стихотвореній Манжуры «Степовы спивы та думы». А. А. Потебня высоко ставилъ Манжуру какъ этнографа и какъ поэта. Онъ редактировалъ его сборникъ сказокъ при печатаніи ихъ во II томѣ «Сборника Харьк. историко-филол. общества» и издалъ «Степови думы». Въ 1891 г. Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи при Московскомъ университетѣ избрало Манжуру въ дѣйствительные члены во вниманіе къ его заслугамъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. О наиболѣе крупномъ трудѣ Манжуры, сборникѣ сказокъ, изданномъ Ист.-филол. обществомъ, были одобрительные отзывы въ «Этнограф. Обозрѣніи», «Wisla» и «Revue des traditions populaires».

Этнографическіе матеріалы Манжуры распадаются на прозаическіе и пѣсенные. Въ особенности обширнымъ и важнымъ оказывается отдѣлъ прозаическій.

Извѣстный сборникъ «Малор. нар. преданія и разсказы» (1876 г.), послужившій драгоцѣннымъ пособіемъ для многихъ ученыхъ, заключаетъ много записей Манжуры. По признанію редактора этого сборника *Драгоманова*, отъ Манжуры поступило «особенно много и все превосходнаго качества». Такую же оцѣнку сборникъ этотъ встрѣтилъ у *Костомарова* въ «Рус. Стар.» 1877 и *Ар. Веселовскаго* въ «Древ. и Нов. Россіи» 1877 г. Манжурой сообщены апокрифическіе разсказы (о сотвореніи міра, хожденіи Христа и ап. Петра, Андреѣ Первозванномъ), разсказы о птицахъ (ласточкѣ, сойкѣ, аистѣ) и насѣкомыхъ (комарѣ и оводѣ), извѣстная легенда о стоколосѣ, нѣсколько заговоровъ, много разсказовъ о чертяхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, рядъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ о цыганахъ, великоруссахъ, солдатахъ, нѣсколько историческихъ разсказовъ о Мазепѣ и Палiѣ, о гайдамакахъ, нѣсколько обширныхъ сказокъ, изъ коихъ однѣ миѳическія (поповна въ лѣсу), другія повѣствовательныя (объ умной женѣ) и нѣсколько загадокъ.

Мелкіе народные разсказы изъ записей Манжуры разбросаны въ «Кіев. Стар.», «Степи», «Этногр. Об.» и «Жив. Стар.». Отмѣчаемъ здѣсь ихъ вкратцѣ, сначала прозаическіе, а потомъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ оцѣнку нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Въ «Кіев. Стар.» 1888, VIII, 50—53, въ Екатериносл. Губ. Вѣд. 1888, № 67 и въ «Живой Стар». 1892, I, 80 напечатаны Манжурой нѣсколько малорусскихъ разсказовъ о *богатыряхъ* и богатырскихъ коняхъ. Въ «Кіев. Стар.» Манжура сопоставляетъ великорусскихъ и малорусскихъ богатырей и отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства: малорусскіе рыцари, подобно былиннымъ богатырямъ, исчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ.

Въ «Кіев. Стар.» 1889, IX, 763—765, находится замѣчательная малорусская легенда *о Петровомъ батогѣ* съ превосходнымъ комментаріемъ Манжуры, обнаруживающимъ отличное знакомство автора съ степной новороссійской природой, народнымъ міросозерцаніемъ и бытомъ. Варіанты этой легенды отмѣчены мной въ 1 вып. «Соврем. малор. этногр.» при обзорѣ статей П. В. Иванова. Этими легендами народъ объясняетъ названіе цвѣтка дикаго цикорія Петровымъ батогомъ и появленіе въ сухое время при восточномъ вѣтрѣ такъ называемой «юги» (св. Петро вивци гоне). Мы не находили подобныхъ легендъ у другихъ народовъ и склонны къ предположенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ оригинальную малорусскую степную пастушескую легенду, пріуроченную къ великому циклу легендъ о хожденіи по землѣ Спасителя и ап. Петра. Искаженіемъ малорусской легенды о происхожденіи юги можно считать бѣлорусскую сказку о томъ, «якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли». Въ этой грубой сказкѣ трудно узнать мягкую и поэтическую украинскую легенду (см. Смоленск. этногр. сборн. *Добровольскаго*, I, 290).

Въ «Кіев. Стар.» 1890, I, 124—125 находится цѣнная замѣтка Манжуры къ вопросу *о кумовствѣ*, гдѣ опредѣляются степени родства по кумовству, признаваемыя народомъ (кумы клыканые, стричаные и одкупные).

Въ «Кіевск. Стар.» 1890, IV, 161—162 замѣтка о повѣрьяхъ малороссовъ *объ ужѣ, сосущемъ корову;* въ «Кіев. Ст.» 1890, X, 151 маленькая замѣтка *о полозѣ;* въ «Живой Старинѣ» 1892, II, 78—79 три разсказа объ *упыряхъ*—варіанты извѣстныхъ въ печати. Въ прекратившихся провинціальныхъ изданіяхъ «Степи» (1885—1886) и «Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ» (1887) находится нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ Манжуры, напр. въ 51 № «Степи» 1886 статейка *о купалѣ*.

Главный этнографическій трудъ Манжуры «*Сказки, пословицы и т. п., зап. въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ*» напечатанъ въ II т. Сборника Харьк. историко-филол. общества (1890 г.); въ оттискахъ (200 экземпляровъ) 194 стр. Въ началѣ сборника нахо-

дится 11 сказокъ животнаго эпоса со многими бродячими литературными мотивами. Остановимся для примѣра на двухъ сказкахъ этого рода, «Довгомудыкъ» и «Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ».

Сказка «Довгомудыкъ» (№ 1) слѣдующаго содержанія: Жили дѣдъ и баба. Всѣ куры ихъ были передавлены хоремъ. Дѣдъ рѣшилъ убить хоря. По дорогѣ ему въ товарищи и помощники поступаютъ кизякъ, лычко, кіекъ, жолудь, ракъ и пѣтухъ. Они вошли въ хату хоря, не застали его дома и попрятались: жолудь въ печь, кизякъ за порогомъ, лычко подъ порогомъ, кіекъ на чердакѣ, ракъ въ помойномъ ведрѣ, пѣтухъ на жердочкѣ и дѣдъ на печкѣ. Когда прибѣжалъ хорь, то жолудь треснулъ въ печкѣ и перепугавшійся хорь бросился къ ведру, гдѣ его ущипнулъ ракъ: хорь соскочилъ на жердь, гдѣ его клюнулъ пѣтухъ, бросился къ порогу, споткнулся о кизякъ, запутался въ лычкѣ и былъ убитъ кійкомъ, упавшимъ съ чердака. Дѣдъ снялъ съ хоря шкурку и ушелъ домой.

Сходная великорусская сказка «Баринъ, пѣтухъ и жорновы» записана въ самарской губерніи. Въ этой сказкѣ пѣтухъ отыскиваетъ у барина свои жорновы; ему помогаютъ лиса, волкъ, медвѣдь, огонь, вода, которые наносятъ барину вредъ по желанію пѣтуха (*Садовниковъ*, Сказки и пред. самар. края, 169).

Есть весьма сходныя польскія сказки. Такъ, въ одной сказкѣ изъ подъ Кракова дѣйствующими лицами являются конь, волъ, пѣтухъ, котъ и ракъ. Въ другой сказкѣ, записанной у карпатскихъ горцевъ, къ бѣдному мужику присоединяются игла, ракъ, утка, пѣтухъ, свинья, волъ и конь. Они вошли въ одномъ лѣсу въ заклятый домъ, гдѣ жили демоны. Конь сталъ въ конюшнѣ, волъ въ сараѣ, пѣтухъ взлетѣлъ на крышу, свинья помѣстилась въ хлѣвѣ, утка подъ печью, ракъ въ ведрѣ и игла на скамьѣ. Когда пришелъ чортъ и сѣлъ на скамью, игла его уколола; онъ къ водѣ—ракъ его ущипнулъ, жолудь лопается и выбиваетъ у чорта глазъ, волъ бьетъ его рогами, конь—копытами и т. д. Чортъ убѣжалъ въ адъ, гдѣ говорилъ, что его уколола игла, а когда онъ хотѣлъ помочить больное мѣсто, кузнецъ (ракъ) ущипнулъ, изъ печи выстрѣлили (жолудь), въ сараѣ ударили вилами (Zavilinski, Z powieesci i piesni № 5).

Во французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи, кошка беретъ себѣ въ товарищи пѣтуха, собаку, барана, козла и осла. Въ лѣсу они находятъ домъ воровъ. Воры были перепуганы и разбѣжались, причемъ одного изъ нихъ, который хотѣлъ зажечь свѣчу, кошка оцарапала, пѣтухъ клюнулъ и т. д. Сходныя сказки записаны въ Вестфаліи, въ

Швейцаріи, у австрійскихъ нѣмцовъ, чеховъ, норвежцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, въ Сициліи и Тосканѣ, въ Испаніи, въ Португаліи и на отдаленномъ востокѣ, въ Японіи и на о. Целебесѣ. Товарищи въ одинхъ сказкахъ разгоняютъ демоновъ, въ другихъ воровъ, въ третьихъ волковъ. Въ большинствѣ сказокъ этого разряда товарищество составляютъ одни звѣри, и лишь въ немногихъ являются люди или неодушевленные предметы. Къ польской сказкѣ близко подходитъ нѣмецкая (у Гримма № 41), въ которой также является игла. Подобная сказка находится въ «Fraschmeuseler» Ролленгагена, нѣмецкой поэмѣ 1595 г. (*Cosquin*, Contes popul. II, n. 45). Очень любопытный японскій варіантъ этой сказки въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ газетѣ «*День*» 1891, № 1270 и въ «*Москов. Вѣдом.*» 1891 № 332.

Сказка «Якъ пивнык до моря воды ходывъ» имѣетъ столь же много родственныхъ въ словесности другихъ народовъ. Содержаніе сказки состоитъ въ слѣдующемъ: Были дѣдъ и баба, а у нихъ пѣтушокъ и курочка. Курочка подавилась зерномъ, и пѣтушокъ побѣжалъ къ морю просить воды. Море потребовало за воду воловьяго рога, пѣтушокъ обратился съ просьбой къ волу; но волъ за рогъ потребовалъ дубоваго жолудя, дубъ—липоваго листа, липа—дѣвичьяго вѣнка. Дѣвушки сплели вѣнокъ; липа за вѣнокъ дала листъ и т. д., и когда пѣтушокъ раздобылъ наконецъ воды, то курочку черви съѣли.

Въ варіантѣ этой сказки мышка разбила золотое яичко, что вызвало слезы дѣда и бабы и скрипъ дверей. Двери говорятъ причину, почему онѣ скрипятъ, дубу, послѣ того какъ онъ опустилъ свои вѣтки, дубъ—барану, послѣ того какъ баранъ сбилъ себѣ роги, баранъ—рѣчкѣ, послѣ того какъ она стала кровавой, рѣчка—поповской дочери, послѣ того какъ она согласилась побить посуду, которую пришла помыть, дочка—матери, послѣ того какъ она разбросала по хатѣ расчину, и, наконецъ, попадья сказала попу, послѣ того какъ онъ обрѣзалъ себѣ косу (*Манж.*, 5—6).

Сходная польская сказка «O swince pyrdce»: свинья не хочетъ идти съ поля. Пастухъ жалуется на нее собакѣ, на собаку—палкѣ, на палку—топору, на топоръ—кузнецу, на кузнеца—веревкѣ, на веревку—крысамъ и мышамъ, на мышей—котамъ, на котовъ—собакамъ. Собаки начали гнаться за котами, мыши грызть веревку и т. д. до свиньи, которая должна была пойти домой (*Chelchowski*, Powiesci i opowiadania, I, n. 20). Сходная также польская дѣтская сказка напечатана въ «*Wisla*» 1890, II кн.

Весьма сходныя сказки записаны во Франціи, Италіи, Германіи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи и Индіи. Во французскихъ сказкахъ дѣйствуютъ вошь и блоха или мышь, въ испанской—муравей, въ сицилійской—кошка. Въ румынской сказкѣ являются также дѣдъ и баба, но вмѣсто умершей курочки здѣсь утопаетъ мышка, которую они имѣли за ребенка (*Cosquin*, №№ 18 и 74).

Къ малорусской сказкѣ о мышкѣ, разбившей золотое яичко, весьма близко стоитъ слѣдующая индійская сказка, записанная въ Пенджабѣ. Старый воробей оставилъ свою жену и взялъ молодую. Она упала въ воду и утонула. Въ отчаяніи старый воробей вырываетъ у себя перья и садится на дерево, которое, узнавъ о постигшемъ воробья несчастіи, роняетъ всѣ свои листья (та же подробность въ сказкахъ, записанныхъ въ Гессенѣ и въ Каталоніи). Буйволъ пришелъ подъ тѣнь дерева, и, узнавъ о несчастіи воробья, сбилъ свои роги. Рѣка, изъ которой напился буйволъ, стала плакать такъ сильно, что вода обратилась въ соль: далѣе кукушка вырываетъ у себя глазъ (то же и въ португальской сказкѣ), купецъ отдаетъ голову на отсѣченіе, король и королева танцуютъ до изнеможенія, приговаривая: «жена воробья умерла, дерево потеряло отъ того листья, буйволъ рога» и проч. Таковы были похороны жены воробья (Ib., I, 206—207).

Двѣ маленькихъ сказки «Павукъ та соплякъ» и «Блоха та муха», въ которыхъ городъ противоставляется селу, мѣщане—крестьянамъ, отличаются юморомъ. Басня «Блоха и муха» записана и въ Великороссіи (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самарск. края, 184), но въ болѣе слабой формѣ.

Двадцать двѣ сказки могутъ быть названы миѳическими, именно: Чабанецъ, Чорный Иванъ та Золотокудрый Иванъ, о русскомъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, о Бѣломъ Полянинѣ и Настасіи Прекрасной, Иванѣ Царевичѣ и красной дѣвицѣ ясной зорницѣ, Костыниномъ сынѣ, Маркѣ Сучченкѣ, солдатскихъ сыновьяхъ богатыряхъ (котыгорошкахъ), царевичѣ Иванѣ и морскомъ чудовищѣ, Иванѣ Поповичѣ, Незнайкѣ, о кобылячемъ сынѣ Киріакѣ, безрукой царевнѣ, дѣдѣ и ракѣ, Божей тросткѣ. Эти сказки отличаются значительной величиной. Во многихъ повторяются одни и тѣ же мотивы: похищеніе красавицы чудовищемъ или змѣемъ и освобожденіе ея богатыремъ, выборъ чуднаго коня, оживленіе убитаго героя посредствомъ живой воды, принесенной птицей и др. Сказочные мотивы этого рода принадлежатъ къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, и сообщеніе здѣсь литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Такія

же сказки записаны у нѣмцевъ (Гриммъ, Кунъ), французовъ (Себильо, Коскенъ, Люзель), итальянцевъ (Питре), грековъ и албанцевъ (Легранъ, Ганъ), русскихъ (Аѳанасьевъ), поляковъ (Кольбергъ, Хельховскій), сербовъ (Вукъ Караджичъ), румынъ (Кремницъ), цыганъ (Миклошичъ), монголовъ (Радловъ, Потанинъ), индусовъ современныхъ и древнихъ (Панчатантра). Сходство доходитъ до малѣйшихъ подробностей; напримѣръ, въ ближайшее родство съ Киріакомъ Кобылячимъ сыномъ можно поставить Ивана Медвѣжьяго сына русскихъ сказокъ, Jean de l'Ours—французскихъ, Giovanni dell'Orso—итальянскихъ, Jean de l'Os—испанскихъ, кобылячаго сына португальской и славонской сказокъ и Fillomusso сынъ ослицы итальянской сказки. Коварные друзья Киріака Верныдубъ и Верныгора являются и во французскихъ сказскахъ (Tord—Chêne, Appuie—Mantagne) и въ нѣмецкихъ (Baumdreher, Tannendreher).

Оригинальныхъ чертъ въ миѳическихъ сказкахъ, если не считать языка, почти нѣтъ. Изрѣдка обнаруживаются мѣстныя особенности народной жизни, напр., въ сказкѣ про Незнайку находится краткое описаніе свадьбы: «зійшлысь бабуси, липлять шишки, каравай, все шо тамъ треба». Въ сказкѣ про Безчастнаго Данилу баба-яга проситъ купить червоные черевички.

Болѣе мѣстно—народнаго заключается въ небольшихъ бытовыхъ сказкахъ и анекдотахъ, занимающихъ большое мѣсто въ сборникѣ Манжуры. Въ анекдотахъ мѣстами обнаруживаются дѣйствительныя черты отношенія украинскаго простонародія къ великоруссамъ и евреямъ, семейное положеніе малорусской женщины, понятія народа о счастливой жизни и пр. Однако и въ анекдотической сферѣ есть чрезвычайно много безразличныхъ въ національномъ отношеніи странствующихъ литературныхъ мотивовъ. Такъ, сказка «Двѣ доли» имѣетъ близко родственныя литовскія и грузинскую сказки, «Дидъ та ракъ»—нѣмецкія, французскія, итальянскія, индійскія, «Божа тростка»—французскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія и румынскія. Даже въ сказкахъ о дурнѣ, а такихъ сказокъ у Манжуры около десяти, встрѣчаются странствующіе литературные мотивы, и выдѣлить оригинальныя народныя черты весьма затруднительно. Въ одной сказкѣ 11 умныхъ братьевъ ничего не могли купить на ярмаркѣ за обиліемъ народа, а братъ ихъ, дурень, всего накупилъ—соли, меду, баранины, горшковъ, платковъ и скамейку (ослопъ). «Отъ йиде, а ослинъ и миша ему спаты: э, каже, чортивъ ослинъ! я на двохъ ногахъ та и то бъ до дому дійшовъ, а ты на чотырёхъ та недойдешь? — та взявъ и скинувъ его зъ воза» (*Манж.* 79). Точно такая же черта глупости выведена въ одной французской сказкѣ, записанной

въ Лотарингіи: дуракъ купилъ на базарѣ горшокъ о трехъ ножкахъ. Возвращаясь домой, онъ поставилъ горшокъ на перекресткѣ, сказавъ: «ты на трехъ ногахъ скорѣе меня можешь прійти домой, если захочешь: теперь посмотримъ, кто изъ насъ скорѣе дойдетъ», и пошелъ другой дорогой (*Cosquin*, II, 178).

Нѣсколько разсказовъ о чертяхъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ восполняютъ обширную демонологическую литературу немногими чертами. Домовой является иногда въ видѣ пана, спитъ въ печи, имѣетъ холодный задъ. Черти купаются въ глечикахъ незакрытыхъ и неперекрещеныхъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, снимаютъ съ неба звѣзды, летаютъ на демонскія игрища. Сказки объ утопленникѣ и о новобранцѣ и вѣдьмѣ, популярныя и въ Великороссіи, нашли прекрасное литературное выраженіе у А. С. Пушкина. Сказка «Вѣдьма прячетъ зори» представляетъ варіантъ сказки о женщинѣ, заговорившей дождь (напечатана мной въ «Кіев. Стар.» 1889 г.). Сказка о томъ, какъ морозъ заморозилъ сварливую бабу (*Манж.* 143) встрѣчается у болгаръ и у др. народовъ, о чемъ см. мою статью «Сказанія о займѣ дней» въ «Рус. Филол. Вѣстникѣ» 1891, № 3.

Въ сборникѣ Манжуры находится около десяти сказокъ на темы о женской хитрости и женской невѣрности, темы весьма популярныя, съ большей или меньшей подробностью разработанныя въ устной словесности и письменности многихъ народовъ. Сказка «Якъ вовкы въ хати завелысь» ранѣе была уже извѣстна по сборникамъ *Рудченка*. I, № 61, *Чубинскаго*, II, № 39 и *Kolberg'a* («Pokucie», IV, 185). Любопытна, между прочимъ, сказка «Якъ чоловикъ у коробку стукавъ»: Чумакъ предлагаетъ молодой бабѣ большую сумму денегъ за любовь. Баба притворяется больною и говоритъ мужу: «Мини здается, якъ бы ты взявъ коробку, ходывъ коло хаты та стукавъ у нейи, то бъ може полегшало». Мужикъ такъ и сдѣлалъ. А жена въ его отсутствіе веселилась съ чумакомъ. На другой день чумакъ пошелъ въ церковь и по дорогѣ то заплачетъ, то засмѣется. Мужъ распрашиваетъ его и узнаетъ, что плачетъ онъ, когда вспомнитъ, что отдалъ бабѣ за одну ночь сорокъ тысячъ, а смѣется, когда вспомнитъ, какъ баба обманула мужа. Послѣдній догадался, отобралъ у жены деньги и половину суммы возвратилъ чумаку (*Манж.*, 96). Въ одной индѣйской сказкѣ купчиха входитъ въ любовную связь съ сипаемъ. Когда пришелъ мужъ, сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ принесъ апельсины. Жена, чтобы дать апельсиновъ любовнику, сказала мужу: «Давай бросать апельсины въ цыновку. Посмотримъ, чья рука вѣрнѣе

броситъ». Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется да ѣстъ. Мужъ вскорѣ ушелъ, и сипай за нимъ. Сипай сѣлъ въ лавкѣ и сталъ курить, а у самого лицо такое радостное. «Чего ты такой веселый сегодня?» спрашиваетъ его купецъ. Сипай разсказалъ мужу, который сталъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности, но еще нѣсколько разъ ею былъ обманутъ (*Минаевъ*, Индѣйскія сказки, 44—46).

Къ сказкамъ примыкаетъ небольшой сборникъ повѣрій, заговоровъ, примѣтъ и обычаевъ (около 100 №№). Повѣрье, что круглый перецъ произошелъ отъ слезъ Пресв. Богородицы, представляетъ варіантъ сказаній о плакунъ-травѣ. Значительный интересъ представляютъ народныя названія небесныхъ свѣтилъ и вѣтровъ и мѣстныя лѣчебныя средства. По мнѣнію народа, «дорога», т. е. млечный путь, ведетъ въ Іерусалимъ и въ Крымъ, причемъ сообщается любопытная историческая подробность: «якъ бигалы видъ панивъ, то по ній и шли» (148). Не лишеннымъ интереса по вопросу о способахъ укрощенія змѣй представляется народное повѣрье: «якъ смалыты ракову шкаралупу, то гадюки позлазятся до вогню» (155).

До сихъ поръ въ научной печати не было указаній, чтобы въ южной Россіи существовало гаданіе по внутренностямъ животныхъ, въ частности кабана, обычное у древнихъ грековъ, у многихъ восточныхъ народовъ монгольскаго племени, у современныхъ болгаръ. Въ сборникѣ Манжуры находится слѣдующее сообщеніе по этому поводу: «якъ колютъ къ Ризду кабана, замѣчаютъ косу (селезенку); якъ къ заду товща, ще зима буде товста, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша» (156).

Нѣсколько поговорокъ и повѣрій представляются загадочными. Одно изъ такихъ повѣрій «юга—це Петро вивци жене» (157) разъяснено Манжурой въ сентябр. кн. «Кіевской Старины» 1889 г. на основаніи народнаго же объясненія. Желательно было бы получить разъясненіе и слѣдующей темной поговорки, за которой, повидимому, скрывается цѣлое сказаніе календарнаго характера: «Сипненко (февраль) казавъ: «якъ бы мени батькови лита, то я бъ быкови третяковы ригъ ссадывъ, а дивци семилитци коромыселъ до плечей приморозывъ» (156). Можетъ быть, эта поговорка намекаетъ на весьма любопытныя, къ сожалѣнію, собранныя въ небольшомъ числѣ народныя сказанія на тему, почему одинъ мѣсяцъ, чаще всего февраль, имѣетъ менѣе дней, чѣмъ другой, рядомъ съ нимъ стоящій. Въ «Romania» 1889 г. т. XVIII находится цѣнное изслѣдованіе Shaineanu объ этомъ мотивѣ.

Двѣ страницы занимаютъ «Сны и ихъ значеніе». Всего 71 толкованіе. Матеріалъ совсѣмъ новый. Въ послѣднее время въ этнографіи обра-

щено вниманіе на снотолкованія. Небольшой сборникъ бѣлорусскихъ снотолкованій напечатанъ былъ въ «Этногр. Обозр.» 1889 г. При накопленіи матеріала представится возможность и въ этой области народовѣдѣнія сдѣлать любопытные выводы по народной психологіи и исторіи культуры. Въ малорусскихъ снотолкованіяхъ, повидимому, первое мѣсто занимаетъ своеобразная синонимика словъ съ предметами и понятіями, доступными народу, напр., каша—дѣти, голуби—взрослыя дѣти, комашки—родичи, ножъ—несчастье, рыба—дождь, горы—горе, просо—просьба, громъ—извѣстіе, буря—ссора, судъ—хлопоты, орелъ- свиданіе съ паномъ, перецъ—печаль. Нѣкоторыя изъ снотолкованій можно поставить въ связь съ народными повѣріями и обрядами, напр., когда снится покойникъ будетъ дождь, тыква—сватовство на вдовѣ.

За снотолкованіями слѣдуетъ 400 приказокъ и присловій съ краткими объясненіями. Въ этомъ отдѣлѣ можно найти много мѣстныхъ народныхъ чертъ. Сюда вошли народныя объясненія крика разныхъ животныхъ, поговорки про «нюхаривъ», бранныя слова и проклятія.

Затѣмъ слѣдуетъ 57 загадокъ. Основа многихъ загадокъ скабрёзная, а отвѣтъ всегда невинный, напр., «хылы, былы, ходимо до кумы, похитаймо свои жилы» (ступа) и нѣсколько другихъ подобныхъ на слова: цебро, чобитъ, коромысло. Загадки такого рода встрѣчаются и у другихъ народовъ, напр., во Франціи (въ Бретани): «Poilu contre poilu qui couvre un petit bonhomme tout nu» (глаза), или «J'accroupis mon bonhomme et j'assis ma bonne femme; tout ce qui passe entres les jambes de mon bonhomme fait du bien à ma bonne femme» (треножникъ и кострюля) и мн. др. т. п. (Κρυπταδια, II, 102, 103 и др.).

Словарь заключаетъ въ себѣ 585 словъ, записанныхъ Манжурой въ александровскомъ, новомосковскомъ и другихъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Для этнографа и филолога словарь этотъ представляетъ интересъ, по народному характеру словъ. Какъ извѣстно, малорусскіе словари бѣдны въ количественномъ отношеніи и неудовлетворительны въ качественномъ. Слова набраны изъ разнородныхъ источниковъ. Наряду съ словами народными идутъ слова, заимствованныя малорусскими писателями изъ польскаго языка или сочиненныя ими. Манжура даетъ намъ чистые лингвистическіе матеріалы. Нѣкоторыя слова сопровождаются подробнымъ комментаріемъ, именно, слова: «кумъ», «дубъ», «клейно», «гуркало», «пашена яма», «прытьмо» и «пужарь». При многихъ словахъ поставлены фразы, гдѣ они встрѣчены, что даетъ имъ удовлетворительное объясненіе и живое значеніе. Съ этнографической точки зрѣнія значительный интересъ представляютъ мѣстныя названія животныхъ и растеній: волыкъ, дженчыкъ,

келепъ, музычка, невстаха, носаль, пичкуръ, полежань, попова свынка, турыця. Весьма любопытной въ историко-культурномъ отношеніи представляется мѣстная техническая терминологія. Въ словарѣ приведено много чабанскихъ словъ, повидимому, татарскихъ (аврякъ, арышъ) изрѣдка нѣмецкихъ (овцы кгросы). Встрѣчаются, повидимому, греческія слова (кулѣба—густой кулѣшъ). Встрѣчаются любопытные образцы народной этимологіи, напр.: ахтыдубинская (=ахтубинская) селедка, оковирный (=аккуратный).

Многія историческія малорусскія пѣсни, записанныя Манжурой, изъ бывшихъ въ Юго-западномъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, или остались совсѣмъ неизданными, или вошли въ «Полит. пѣсни» Драгоманова—малоизвѣстное и недоступное въ Россіи заграничное изданіе. Пѣсни эти, однако, такого рода, что въ большинствѣ могли быть изданными и въ Россіи. Извѣстно о существованіи слѣдующихъ пѣсенъ изъ записей Манжуры: варіанты къ напечатаннымъ въ 1 т. «Истор. пѣс. малор. пар.» Антоновича и Драгоманова №№ 6 (о поединкѣ съ турецкимъ царемъ), 44 (о княжескомъ тіунѣ), 16 (о боярскомъ сватаньѣ), начало пѣсни «Павлечко коника сидлае», пѣсня про разрушеніе старой Сѣчи (1709 г.), пѣсня про уходъ запорожцевъ подъ власть турокъ (1709—1712 г.), пѣсня «Та ще не свитъ», относимая или къ 1776 или еще къ болѣе раннему времени (1710—1711). Эта пѣсня напечатана въ »Кіев. Стар». 1882, II, 435. Далѣе въ печати извѣстны пѣсни о плѣнѣ гайдамаки «Стоитъ яворъ надъ водою» и пр. (Относятъ ко времени алешковской Сѣчи, 1709—1732, но безъ убѣдительныхъ доводовъ), про возвращеніе запорожцевъ подъ власть Россіи и про Мих. Мих. Голицына (1711—1729). Послѣдняя пѣсня («Зажурилась Украина» и пр.) представляетъ варіантъ пѣсни, изданной Я. П. Новицкимъ. Далѣе, упомянемъ изъ напечатанныхъ записей Манжуры пѣсню про Морозенка («Та литае воронъ»), три пѣсни про Мазепу и Семена Палія, изъ коихъ одна была напечатана въ «Кіев. Стар.» 1882, III, 612, пѣсню про панщину на гетманщини, пѣсню про дивчину, приглашавшую казака переночевать съ ней, двѣ пѣсни про орла, несшаго руку мертвеца, и три пѣсни про наборъ въ гусары.

Не всѣ поименованныя здѣсь пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ пѣсенъ историческихъ, весьма немногія въ разрядъ пѣсенъ политическихъ, если допустить возможность послѣдняго названія въ области народной словесности. Такъ, пѣсня про дѣвушку, приглашавшую проѣзжаго переночевать съ ней, не имѣетъ никакого историческаго пріуроченія. Весьма возможно, что это пѣсня рекрутская. Пѣсня про орла встрѣ-

чается у многихъ народовъ. Въ ней разработанъ общій мотивъ. Большею частью вмѣсто орла является воронъ (см. *Сумцова*, Воронъ въ народ. слов. 14). Въ малорусской искусственной литературѣ отмѣтимъ написанное на этотъ мотивъ стихотвореніе Я. И. Щеголева «Орелъ».

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ пѣсенъ о разореніи Запорожья (изъ нихъ одна 1709 г., другая 1775 г.) и трехъ пѣсенъ и легенды о Семенѣ Палiѣ, въ «Кіев. Стар.» (1883 г., I) напечатана пѣсня «*про украинскую гетеру*»; но въ своемъ основаніи эта пѣсня, какъ указалъ А. А. Потебня въ «Объясненіяхъ», II, 665, величальная. Если, можетъ быть, пѣсня эта и примѣнялась къ какой-нибудь особѣ гулящей, то, по крайней мѣрѣ первоначально, не было умыслу представить здѣсь типъ свободной украинки», какъ та «Настя кабашна, що до бидныхъ козакивъ нетягъ хоть злая, да й обашна» (въ думѣ про Хвеська Андибера).

Въ V кн. «Кіев. Стар.» 1888 г. Манжура напечаталъ народную приказку *о нюхаряхъ*. Ранѣе у *Драгоманова* былъ напечатанъ народный разсказъ о происхожденіи табака. Г. *Петровъ* въ интересной статьѣ о южнорусскихъ легендахъ (въ «Трудахъ Кіев. Дух. Акад.» 1877, III) высказалъ мнѣніе, что малороссы заимствовали легенды о табакѣ у великорусовъ. Въ послѣднее время записанъ цѣлый рядъ малорусскихъ легендъ, сказокъ и приказовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи у малороссовъ цѣлой литературы о табакѣ. Извѣстно много народныхъ разсказовъ и пѣсенъ о пристрастіи къ табаку малороссіянъ, въ особенности запорожцевъ[1]).

Уже по смерти Манжуры, въ VI т. Сборника Харьк. истор. филол. общества 1894 г. были напечатаны записанныя имъ въ екатериносл. губ. малорусскія сказки, преданія, пословицы и поговорки, съ приложеніемъ моихъ библіографическихъ указаній. Этотъ сборничекъ въ 37 стр. заключаетъ въ себѣ много характерныхъ анекдотовъ, присказокъ и присловій. Всѣхъ присловій 233, и во многихъ изъ нихъ ярко отражается украинскій бытъ, украинская народная психологія.

Въ екатеринославскихъ періодическихъ изданіяхъ разсѣяно значительное число маленькихъ, но любопытныхъ этнографическихъ замѣтокъ. Такъ, въ Екатеринославск. Губ. Вѣд. 1888 г. № 67 напечатана Манжурой статья «О богатыряхъ», въ «Степи» 1886 г., № 7 ст. «Государыня широкая масляница», тамъ же въ № 6 некрологъ малорусскаго писателя Петра Раевскаго; попадались мнѣ еще въ какомъ-то екатерино-

---

[1]) См. *Эварницкаго*, Запорожье II, 14; *Его же*, въ «Екатерин. Губ. Вѣд.» 1889 № 63. *Я. Новицкаго* въ «Кіевск. Стар.» 1888, II, 20, *Катрухина* такъ же 1900, VIII.

славскомъ изданіи небольшія, но весьма интересныя замѣтки о названіяхъ рыболовныхъ статей, о бублейницахъ г. Новомосковска. Вездѣ видно живое, любовное отношеніе къ народной жизни; вездѣ обнаруживается умѣнье подмѣтить характерныя черты народнаго быта. Вездѣ есть нѣчто новое, впервые вынесеное наблюдательнымъ авторомъ изъ глубины народной.

Въ распоряженіи харьковскаго историко-филологическаго общества находится еще въ рукописи сборникъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ Манжурой въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ. Всѣхъ пѣсенъ—1135 №№—колыбельныхъ, свадебныхъ, историческихъ, колядокъ и др. Въ настоящее время сборникъ этотъ приготовляется для печати.

Вообще Манжурѣ принадлежитъ огромное число этнографическихъ записей высокаго научнаго достоинства, и нельзя не видѣть въ немъ одного изъ самыхъ крупныхъ фольклористовъ XIX столѣтія, а въ его сборникахъ чрезвычайно большого ископаемаго этнографическаго богатства.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

9.

Суботы св. Дмытра.

30-го мая 1898 года въ Харьковѣ стоялъ ясный, теплый день. Екатеринославская улица, наканунѣ омытая и освѣженная обильнымъ весеннимъ дождемъ, выглядывала весело и чисто. Солнечные лучи заливали дома, экипажи, прохожихъ. Тѣмъ печальнѣе выдавалась на этомъ фонѣ мрачная похоронная процессія: къ мѣсту вѣчнаго успокоенія несли харьковскаго старожила, талантливаго малорусскаго поэта Якова Ивановича Щоголева.

По случайному совпаденію, въ этотъ же самый день на окнахъ книжнаго магазина «Новаго Времени» появилась изящная книжечка въ весенней свѣтлозеленой обложкѣ, съ заголовкомъ: «Я. Щоголевъ. Слобожанщина. Лирна поэзія», въ 145 страницъ, съ 103 стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ, съ эпиграфомъ «теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ».

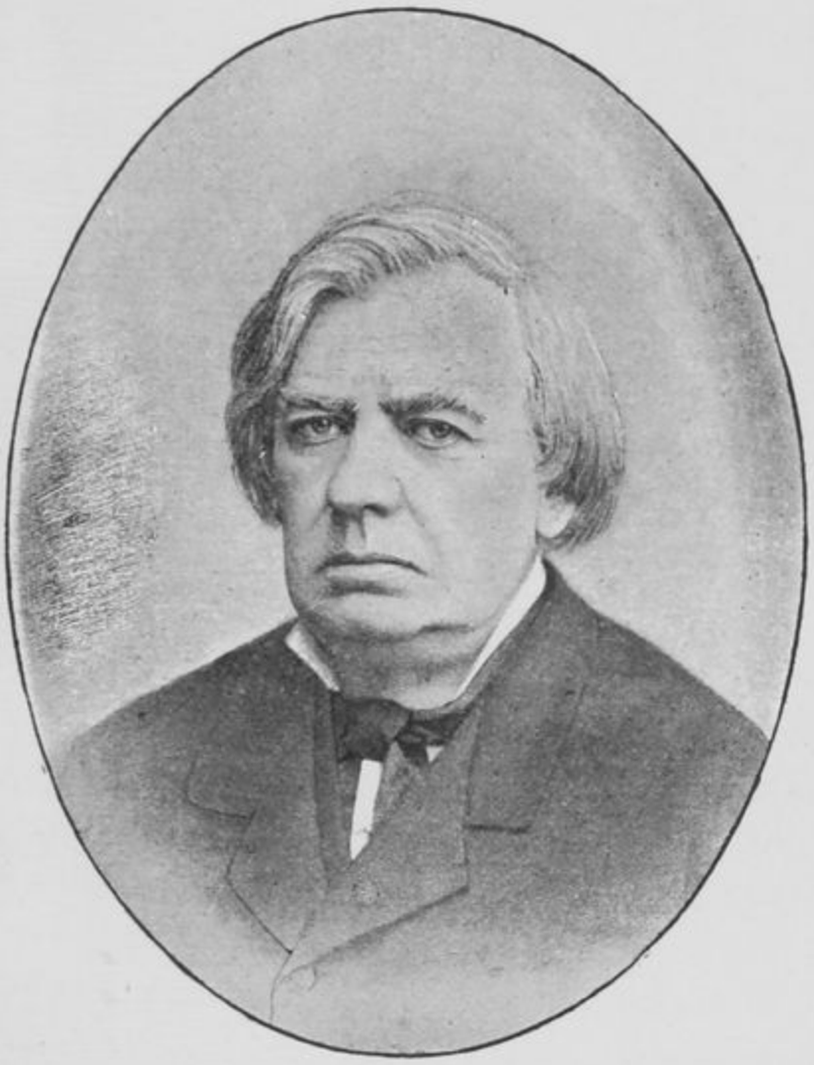
Вышла эта книжечка на улицу проводить почившаго поэта, и своимъ внѣшнимъ видомъ какъ бы говорила, что «есть бо древу надежда, аще бо посѣчено будетъ, паки процвѣтетъ и лѣторосль его не оскудѣетъ»...

Такъ провожала своего поэта старая слобожанщина, сама постепенно вымирающая среди новыхъ условій жизни, новыхъ теченій, новыхъ потребностей, стирающихъ все старое, слободско-украинское.

«Въ Слобожанщинѣ» есть слабыя стихотворенія, написанныя очевидно человѣкомъ старымъ и больнымъ, напримѣръ, «На чужыни», «Рута», «Родына», «До чарывныци», «Крамарь», «Три дороги».

Но въ той же «Слобожанщинѣ» встрѣчаются прекрасныя стихотворенія, по красотѣ языка и художественной законченности, напримѣръ, «Зимній ранокъ», «Хортыця», «Травень», «Барвинова Стинка», «Ничъ», «Въ диброви», «Зимній шляхъ», «Бабусина казка», «Клыментовы млыны».

Прекрасно, напримѣръ, послѣднее, «Клыментовы млыны», большое стихотвореніе, гдѣ народное повѣрье о появленіи огненнаго пѣтушка

Яковъ Ивановичъ Щоголевъ.
(† 1898 г.).

Къ 139 стр.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведения
и Музейной работы

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

на мѣстѣ заклятаго клада изложено въ правдивой бытовой обстановкѣ, съ сохраненіемъ мѣстнаго колорита. Изъ 41 куплета лучшіе первые одиннадцать, гдѣ описанъ сосновый боръ подъ Ахтыркой, по дорогѣ въ Тростянецъ, и помолъ на водяныхъ мельницахъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Здѣсь сказался въ лицѣ автора мѣстный ахтырскій уроженецъ, живо сохранившій до конца дней своихъ вынесенные изъ дѣтства дорогіе образы родного края.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ обоихъ сборникахъ стихотвореній Я. И. Щоголева, окрещенныхъ имъ мѣстными названіями «Ворскло» и «Слобожанщина», найдется немало сильныхъ и выразительныхъ стихотвореній, настолько сильныхъ, что любая европейская литература отвела-бы имъ почетное мѣсто.

Въ общемъ, подъ свѣтлой обложкой «Слобожанщины» скрывается мрачная поэзія. Грозный призракъ смерти витаетъ надъ стихотвореніями Щоголева. Стихи написаны поэтомъ въ старости и въ болѣзняхъ, послѣ тяжелыхъ семейныхъ потерь, послѣ смерти дочери невѣсты и юноши сына, милыхъ и добрыхъ, отличавшихся большими музыкальными дарованіями. Оттого въ поэзіи Щоголева много грустнаго и тяжелаго. Одно изъ самыхъ мрачныхъ и наиболѣе характерныхъ для его міросозерцанія стихотвореній «Суботы св. Дмытра».

Дмитріевской субботой, какъ извѣстно, называется суббота передъ днемъ св. Димитрія Солунскаго 26 октября. День этотъ поминальный. Простой народъ изстари чтитъ этотъ печальный день; мѣстами народный обычай придаетъ поминальное значеніе и другимъ ближайшимъ къ 26 октября субботамъ.

Октябрь—время года мрачное и грустное, когда въ самой природѣ все замираетъ. Дни пасмурные. Сѣрое небо угрюмо. Деревья стоятъ, какъ обнаженные скелеты. Опалый листъ покрываетъ землю. Въ воздухѣ виситъ сырой туманъ. Часто льютъ безпросвѣтные, тоску наводящіе дожди, и монотонно журчащія дождевыя струи напоминаютъ слезы.

Стихотвореніе Щоголева начинается съ мрачной и унылой картины осени.

Бувъ день осинній. Сира мла
Габою [1]) землю одягла,
И сіявъ дощъ. Ишла пора
Передъ суботами Дмытра.

Народъ, слѣдуя завѣтамъ предковъ, чтитъ эти мрачные дни, какъ дни поминальные:

[1]) Габа—грубое сукно, старое слово турецкаго происхожденія.

А й доси нашъ веселый край
Шануе шыро той звычай,
Зъ которымъ ще прадиды жылы
И нащадкамъ въ ридъ передалы,
Щобъ въ ти суботы помынать
Кого намъ пріязно згадать.

Обычай старинный, особенно излюбленный въ средней Россіи, гдѣ сохранилось много поминальныхъ синодиковъ. Поэтъ создаетъ такой синодикъ въ своихъ мысляхъ,

Я въ думци вразъ перелетивъ
Ряды похованыхъ годивъ;

Передъ нимъ выростаетъ величественная и мрачная картина шествія умершихъ, картина въ духѣ Виктора Гюго и Леконта де Лиля.

Якъ въ темну ничъ въ таемнимъ сни,
Тоди побачылось мени,
Що зъ щирокоханыхъ могилъ
Встаютъ ряды безсмертныхъ сылъ,
И безборонно ти ряды
Идутъ—невидомо куды...

Первыми идутъ старики, усталые, похилые, безъ силъ, безъ надеждъ:

Онъ ветхи деньми. Въ очахъ йихъ,
Колысь блескучихъ и жывыхъ,
Утома, горе и годы
Зробылы буриння слиды.
Надій въ йихъ серци не жыве,
Нищо ихъ дали не зове,
Нищо не клыче йихъ назадъ,—
Недбало йде оджывшыхъ рядъ...

Мрачную и тяжелую сцену старческой немощи и горя поэтъ заканчиваетъ поминальнымъ обращеніемъ къ милосердію Божіему, какъ единственному и высшему утѣшенію:

О, помьяны, мій Боже, йихъ
У жытлахъ праведныхъ Твойихъ!

Далѣе идутъ молодые люди, безвременно сошедшіе въ могилу. Самая смерть не могла вырвать изъ ихъ груди юной отваги и свѣтлыхъ надеждъ:

Дывлюсь: въ краси и мочи литъ,
Якъ въ день веспяный первоцвитъ,
На зоряхъ шастья, зоряхъ сылъ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Встаютъ юнакы изъ могылъ;
Въ йихъ чыстыхъ душахъ теплынь мрій;
Въ йихъ очахъ свите блискъ надій;
Воны мынулымъ не жывуть
Воны чогось видъ доли ждуть;
На те й уваги йимъ нема,
Що йимъ дорогу перейма
Нещадно смерти гризна тинь
И жде въ земли холодна тлинь...

Далѣе тотъ же величественный поминальный аккордъ, для всѣхъ одинаково могучій въ борьбѣ съ смертью:

О, помьяны, мій Боже, йихъ
У житлахъ праведныхъ Твойихъ!

Но вотъ еще открываются печальные ряды загробныхъ тѣней, это идутъ молодыя женщины и дѣвушки, оставившія свѣтъ во цвѣтѣ лѣтъ.

...О не тамъ,
Царицы свита, жыты бъ вамъ!
Чаривни, постатью гинки,
На чолахъ мраморныхъ винки...
Я бачу искры йихъ очей,
Я чую голосъ йихъ ричей...
. . . . . .

Что замѣнитъ имъ красоту и радость жизни? Ничто, кромѣ высшей надежды на Божіе милосердіе, и поэтъ молитъ о немъ

О, звеселы, мій Боже, йихъ
У жытлахъ праведныхъ Твойихъ.

Въ заключеніе повторяется тотъ же поминальный мотивъ, въ самомъ широкомъ обобщеніи, охватывающемъ всѣхъ—

И тихъ, хто тутъ безъ смуты жывъ,
И тихъ, хто страждавъ и терпивъ,
И хто бувъ гришный, хто святый,—
Ихъ дійи мылостью покрый!

Очевидно, Я. И. Щоголевъ среди умершихъ «юнаковъ» вспомнилъ своего сына, среди умершихъ «чаривныхъ ладъ» свою дочь; горечь семейныхъ утратъ вылилась въ страстномъ молитвенномъ обращеніи къ милосердію Божію за всѣхъ, за грѣшныхъ и святыхъ.

Мицкевичъ на склонѣ своей жизни, въ пылу религіознаго воодушевленія, находилъ, что для поэта одна только дорога—вдохновеніе и Богъ:

Wiedzcie, ze dla poety jedna tylko droga
W sercu szukac natchnienia i dazyc do Boga!

И для Щоголева въ концѣ жизни замерли и заглохли почти всѣ интересы и наклонности. Опорой осталось исключительно религіозное настроеніе, какъ единственное утѣшеніе поэта, котораго, судя по стихотвореніямъ въ «Слобожанщинѣ», постоянно преслѣдовала мысль о смерти.

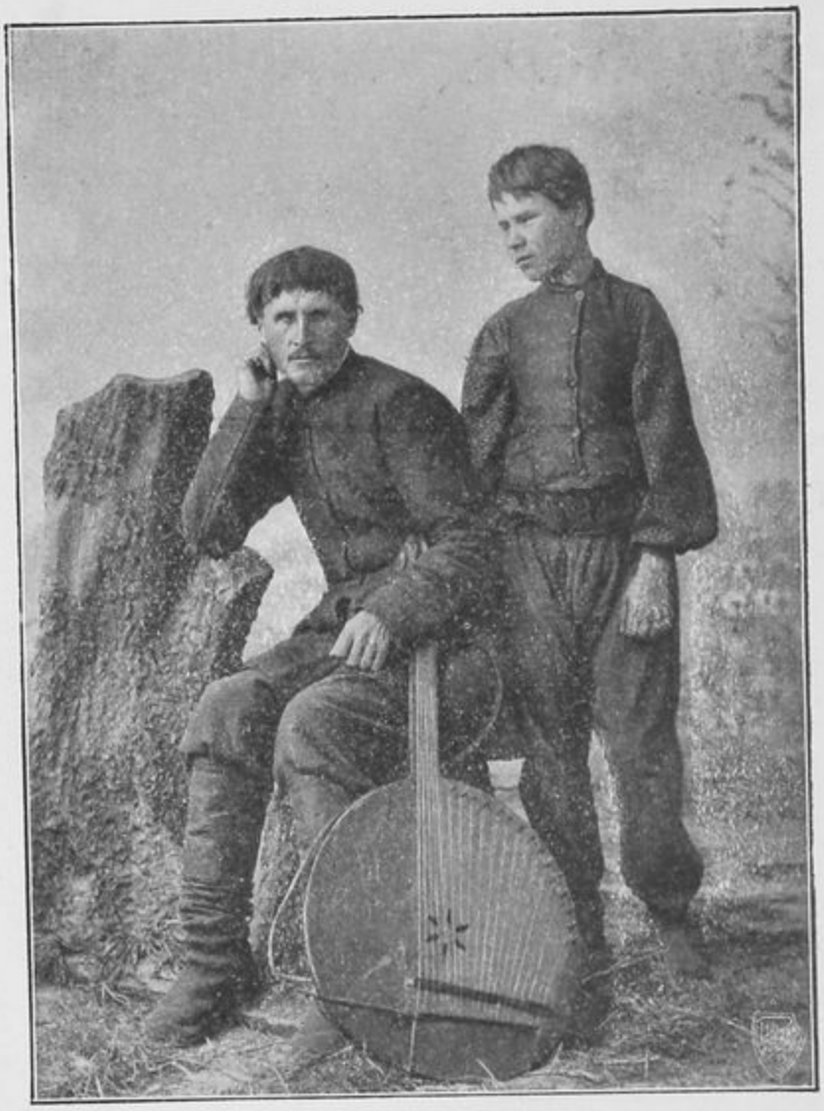
Въ этомъ настроеніи, въ твердой незыблемой вѣрѣ, Я. И. Щоголевъ почерпнулъ силы и средства для созданія стихотворенія «Суботы св. Дмытра»

Всему свой чередъ; пришла очередь для поминанія самого Я. И. Щоголева, и, памятуя «Суботы св. Дмытра», умѣстно помянуть почившаго поэта его собственными словами, чтобы Богъ «звеселилъ» его «у жытлахъ праведныхъ своихъ».

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Истории краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Терентій Марковичъ Пархоменко.

Пархоменко, одинъ изъ лучшихъ современныхъ бандуристовъ, род. въ 1872 г.—въ Сосницк. уѣздѣ Черниг. губ., учился въ школѣ, ослѣпъ на 11 году, бывалъ въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, гдѣ пользовался указаніями Н. В. Лисенка. Репертуаръ большой—54 пѣсни, въ томъ числѣ 10 думъ и 28 духовныхъ стиховъ. Подроб. см. въ V т. Сборн. Истор. Филол. Общ. при Нѣжинскомъ Институтѣ кн. Безбородко, въ монографіи проф. М. Н. Сперанскаго.

Къ 143 стр.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

10.

Современное изученіе кобзарства.

Усчитать всю пользу, принесенную бывшимъ въ Харьковѣ XII археологическимъ съѣздомъ, разумѣется, нѣтъ никакой возможности, по разнообразію связанныхъ съ нимъ явленій. Несомнѣнно только, что польза, большая, и, несмотря на значительное число журнальныхъ отчетовъ, далеко еще не выясненная въ главныхъ своихъ частяхъ. Несомнѣнно, что и Харькову, въ особенности харьковскому университету, археологическій съѣздъ пригодился во многихъ отношеніяхъ, премущественно, въ дѣлѣ расширенія знаній и накопленія цѣнныхъ коллекцій по этнографіи и археологіи. Къ несчастью, харьковскій университетъ, по своей хронической тѣснотѣ и бѣдности, не можетъ въ достаточной степени воспользоваться собранными матеріалами; два своихъ новыхъ музея—археологическій и этнографическій, университетъ вынужденъ держать на положеніи двухъ складовъ, для всѣхъ закрытыхъ, по неудобству помѣщенія и нагроможденности матеріала. Все это тѣмъ болѣе досадно, что есть силы, есть свѣдущіе люди, которые могли бы разсортировать все собранное богатство, могли бы установить его въ системѣ, согласно съ современнымъ положеніемъ науки, могли бы освѣтить своими объясненіями, и не достаетъ лишь матеріальныхъ средствъ; досадно тѣмъ болѣе, что людей этихъ и силъ не такъ много, и были годы, многіе годы когда ихъ совсѣмъ не было—имѣемъ въ виду, напримѣръ, каоедру по исторіи искусства, которая нынѣ въ Харьковѣ занята ученымъ выдающагося трудолюбія и большихъ познаній, послѣ того какъ была вакантной около тридцати лѣтъ, имѣемъ въ виду многихъ мѣстныхъ спеціалистовъ по русской исторіи, археологіи и архивовѣдѣнію, когда еще такъ недавно въ Харьковѣ обнаруживались по этой части большіе недочеты, а въ 60-хъ годахъ русская исторія не читалась въ университетѣ по нѣсколько лѣтъ, за неимѣніемъ свѣдущихъ людей.

Достойно сожалѣнія, что значительные запасы умственной и нравственной энергіи остаются безъ примѣненія, и какъ это ни странно, въ

приложеніи преимущественно къ университету, по причинамъ весьма разнообразнымъ, въ числѣ которыхъ тѣснота помѣщеній играетъ немаловажную роль.

Харьковскій археологическій съѣздъ далъ большой толчокъ изученію репертуара и быта кобзарей и лириковъ и, повидимому, послужитъ исходнымъ пунктомъ въ дѣлѣ улучшенія ихъ соціальнаго и профессіональнаго положенія. Въ этомъ отношеніи харьковскимъ археологическимъ съѣздомъ и его достоуважаемымъ предсѣдателемъ графиней П. С. Уваровой сдѣлано много, и результаты этой плодотворной работы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнаруживаются и въ научной литературѣ, и въ самой жизни. Въ данномъ случаѣ, въ отношеніи кобзарей и лириковъ наука и жизнь, древность и современность пошли рука объ руку, и предвидятся серіезныя пріобрѣтенія не только въ области знаній, но и въ сферѣ бытового добра и справедливости. Намѣчены пути для облегченія участи многихъ сотенъ несчастныхъ слѣпцовъ, добывающихъ себѣ скромныя средства къ жизни музыкой и пѣніемъ. Обратились къ ихъ подсчету, къ изученію ихъ матеріальнаго положенія, заговорили объ устройствѣ для нихъ спеціальной музыкальной школы, которая съ одной стороны должна сохранить лучшіе мотивы ихъ пѣсенъ и мелодій, съ другой—поднять ихъ технику и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заработокъ и облегчить имъ усвоеніе музыкальнаго кобзарскаго и лирницкаго репертуара.

Еще до открытія въ Харьковѣ археологическаго съѣзда уважаемый профессоръ Н. П. Дашкевичъ, предсѣдатель кіевскаго Общества Нестора лѣтописца, выразилъ пожеланіе, чтобы харьковскій съѣздъ занялся кобзарями. Предварительный комитетъ издалъ спеціальную программу для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ. Частью по этой программѣ, частью независимо отъ нея разными лицами предприняты были соотвѣтствующія описанія, большей частью изданныя въ «Трудахъ Предварит. Комитета». Во время самого съѣзда было прочитано нѣсколько рефератовъ о кобзаряхъ и лирникахъ, и, благодаря усердію г. Хоткевича, устроенъ былъ общедоступный кобзарскій и лирницкій концертъ, о которомъ въ свое время были подробныя сообщенія въ мѣстныхъ газетахъ. Главное, съѣздъ постановилъ возбудить передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ просьбу объ оказаніи покровительства кобзарямъ и лирникамъ, какъ хранителямъ старины, въ ея лучшихъ музыкальныхъ и поэтическихъ остаткахъ. Начало было положено; интересъ къ кобзарямъ возбужденъ, дѣло изученія пошло расти, а съ нимъ стали отчетливо обнаруживаться и благотворныя послѣдствія ходатайства о покровительствѣ.

Въ научномъ отношеніи лучшимъ плодомъ харьковскаго археологическаго съѣзда по части изученія кобзарства представляется вышедшее недавно изслѣдованіе проф. М. Н. Сперанскаго о кобзаряхъ и лирникахъ, по даннымъ на съѣздѣ матеріаламъ, преимущественно о талантливомъ молодомъ кобзарѣ Пархоменкѣ, который извѣстенъ по участію въ концертѣ въ Харьковѣ. Проф. Сперанскій подробно останавливается на репертуарѣ Пархоменка. Вообще, какъ сводъ матеріаловъ въ строго научномъ распорядкѣ и освѣщеніи, книга проф. Сперанскаго производитъ хорошее впечатлѣніе и несомнѣнно принесетъ значительную пользу.

Благодаря доброжелательству и энергіи графини П. С. Уваровой, ходатайство о покровительствѣ кобзарямъ и лирникамъ получило успѣшное направленіе. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве запросилъ сначала графиню П. С. Уварову относительно статистическаго матеріала. Графиня Уварова обратилась за справками въ нѣкоторыя южно-русскія ученыя Общества, ранѣе собиравшія свѣдѣнія, и въ частности поручила мнѣ составить докладную записку съ соотвѣтствующей фактической мотивировкой состоявшагося на археологическомъ съѣздѣ постановленія, что и было мною исполнено. Я препроводилъ свою объяснительную записку П. С. Уваровой, и графиня дала дѣлу дальнѣйшее движеніе, а что дѣло это подвигается, прямымъ доказательствомъ тому служитъ полученная мной обстоятельная работа кіевскаго губернскаго статистическаго комитета о кобзаряхъ и лирникахъ кіевской губерніи въ 1903 году, составленная по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ мировыми посредниками и полицейскими чиновниками. Матеріалы эти редактированы опытнымъ лицомъ, г. Доманицкимъ, снабжены имъ маленькой объяснительной статьей, при краткомъ предисловіи г. Ник. Василенка. Въ данномъ трудѣ кіевскаго статистическаго комитета я съ удовольствіемъ нахожу оправданіе и подтвержденіе той мысли, которую я развилъ въ докладной запискѣ, а здѣсь я, между прочимъ, говорилъ, что по моему мнѣнію, ученыя Общества не располагаютъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ о кобзаряхъ, не могутъ одновременно производить изслѣдованія въ огромномъ раіонѣ всей южной Россіи и не обладаютъ такими средствами, чтобы широко поставить собираніе матеріаловъ, и что въ этомъ отношеніи само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ располагаетъ гораздо большими средствами для собиранія соотвѣтствующихъ статистическихъ свѣдѣній одновременно во всѣхъ губерніяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, причемъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что для систематизаціи и изученія собраннаго матеріала въ южно-русскихъ

историко-филологическихъ Обществахъ найдется достаточно ученыхъ силъ. На дѣлѣ такъ и вышло; большой матеріалъ по кіевской губерніи собранъ органами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а разработанъ кіевскими учеными. Въ изданіи кіевскаго статистическаго комитета есть одинъ большой пробѣлъ—полное умолчаніе о репертуарѣ кобзарей и лирниковъ, что и не входило въ программу, присланную Министерствомъ; но статистическій комитетъ обѣщаетъ восполнить этотъ пробѣлъ послѣдующими изученіями. Репертуаръ кобзарей и лирниковъ, дѣйствительно, требуетъ уже особаго изслѣдованія, по особой программѣ, и людьми со спеціальной ученой подготовкой; такая задача, разумѣется, не могла входить въ цѣли министерской программы, разсчитанной всецѣло на выясненіе основныхъ вопросовъ, кому, въ какомъ числѣ и въ чемъ можно оказать «покровительство».

Такъ какъ порученіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, навѣрно, распространено на всѣ губерніи съ малорусскимъ населеніемъ, то и изданная кіевскимъ статистическимъ комитетомъ книга можетъ послужить пособіемъ относительно распредѣленія матеріала.

Въ 1881 г., по свѣдѣніямъ кіевскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, на огромное число слѣпыхъ въ кіевской губерніи въ 4221 человѣкъ, занимающихся игрой на лирѣ показано лишь 13. И вотъ, несмотря на признаваемый всѣми упадокъ кобзарства и лирничества, въ 1903 году, по подсчету статистическаго комитета, кобзарей и лирниковъ въ кіевской губерніи оказалось 289. Нужно думать, что кіевская статистика двадцать лѣтъ назадъ сама страдала слѣпотой. Изъ 289 человѣкъ только три кобзаря и 286 лирниковъ. Впрочемъ, эти цифры подлежатъ большому сомнѣнію, такъ какъ лица, собиравшія матеріалъ, повидимому, плохо отличали кобзарей отъ лирниковъ, тѣмъ болѣе, что и въ самой жизни народной обнаруживается иногда смѣшеніе ихъ. Данныя относительно числа кобзарей въ другихъ губерніяхъ такъ мало заслуживаютъ довѣрія, точнѣе, составлены по такимъ ограниченнымъ раіонамъ и въ такой степени случайно, что нѣтъ никакой возможности строить на нихъ какіе-либо выводы, до новаго разслѣдованія, вродѣ кіевскаго. Такъ, въ харьковской губерніи насчитано всего 32 бандуриста и лирника, но насколько сомнительна эта цифра, видно изъ того, что одинъ лишь И. М. Хоткевичъ въ небольшомъ раіонѣ двухъ уѣздовъ, харьковскомъ и богодуховскомъ, и нѣкоторыхъ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ насчиталъ 28 бандуристовъ и 37 лирниковъ. Очевидно, что тутъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ, и обстоятельный опросъ по всей губерніи можетъ дать совсѣмъ неожиданныя цифры. Если кіевскую мѣрку приложить ко всѣмъ

губерніямъ съ малорусскимъ населеніемъ, то выйдетъ около двухъ тысячъ кобзарей и лирниковъ, число не малое, и, слѣдовательно, вполнѣ умѣстно дальнѣйшее настойчивое изученіе ихъ положенія, и вполнѣ были бы умѣстны немедленныя мѣры по части улучшенія ихъ быта, прежде всего учрежденіе безплатной профессіональной школы для усвоенія кобзарства и лирничества, въ лучшихъ мелодіяхъ и съ наилучшими техническими пріемами. Это будетъ со стороны образованнаго общества достойной отплатой бѣднымъ, слѣпымъ народнымъ музыкантамъ за то, что они въ своей несчастной темнотѣ вынесли изъ глубины прошлыхъ временъ преданія и пѣсни, историческія и религіозно-нравственныя, въ значительной степени содѣйствовавшія развитію мягкихъ и гуманныхъ чувствъ въ массѣ безграматного простого народа. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ. дававшихъ отвѣты на министерскую программу, замѣчаетъ, что въ глазахъ сельскаго люда лирникъ не простой нищій-попрошайка; онъ прежде всего «несчастный», предназначенный судьбою на служеніе Богу, «благочестивый горемыка», и если у крестьянъ такой гуманный взглядъ, то интеллигенція должна добавить къ нему литературные и историческіе мотивы и поставить этихъ «несчастныхъ» въ возможно лучшія условія жизни, открыть имъ доступъ въ спеціально для нихъ приспособленную музыкальную школу, поднять ихъ вкусъ, улучшить технику ихъ ремесла и облегчить пути для добыванія средствъ къ жизни всѣми возможными для слѣпца способами.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

VII.

Дни недѣли.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1891 г. въ Харьковское историко-филологическое общество отъ члена его П. В. Иванова поступила обширная, въ 196 л., рукопись, подъ заглавіемъ «Сборникъ матеріаловъ по этнографіи Купянскаго уѣзда. Отъ колыбели до могилы. Народный дневникъ». Имя автора давно уже пользуется въ наукѣ почетной извѣстностью, какъ имя одного изъ наиболѣе трудолюбивыхъ и свѣдущихъ фольклористовъ, и настоящій его трудъ не уступаетъ изданнымъ уже въ печати его сборникамъ, по обилію цѣнныхъ, стройно систематизированныхъ матеріаловъ по народоизученію. Въ сборникѣ находится много малорусскихъ обрядовъ, повѣрій и пѣсенъ, пріурочиваемыхъ въ Купянскомъ уѣздѣ къ разнымъ праздникамъ годового круга народнаго дневника. Изданіе всего сборника, весьма желательное, изъ года въ годъ откладывается, изъ за препятствій финансоваго характера, и въ настоящемъ случаѣ издается лишь одна, сравнительно небольшая глава, легко выдѣлимая изъ общаго содержанія сборника—именно первая глава о дняхъ недѣли. Въ сборникѣ за ней слѣдуетъ уже годовой кругъ, начиная съ рождественскихъ обрядовъ и пѣсенъ. Въ отдѣльномъ видѣ глава о дняхъ недѣли получаетъ значеніе небольшаго самостоятельнаго сборника.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1. Недиля (воскресенье).

Недиля (воскресенье) считается малороссами большимъ праздникомъ. Старухи говорятъ, что работа въ «недилю» составляетъ болѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ работа въ иные изъ болѣе чтимыхъ, чѣмъ воскресенье, церковью праздниковъ. За нарушеніе святости праздника слѣдуетъ наказаніе обыкновенно въ тотъ же самый день до вечера, а затѣмъ если наказанія не послѣдовало, значитъ, его и совсѣмъ не будетъ. За непочитаніе же «недѣли» человѣкъ можетъ быть наказанъ въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ и только по истеченіи этого срока можетъ успокоиться: грѣхъ за оскорбленіе святости воскреснаго дня ему прощенъ. Особенно грѣшно рубить въ воскресенье что нибудь топоромъ; наколоть въ этотъ день щепокъ и то грѣхъ: ихъ слѣдуетъ въ воскресенье ломать, а не колоть. Одинъ заоскольскій крестьянинъ отрубилъ топоромъ въ воскресенье кончикъ ремня отъ налыгача, и что же?—жена этого крестьянина родила ребенка съ разсѣченной верхней губой. Прибавляютъ, что отрубленное въ воскресенье полѣно по прошествіи семи лѣтъ, если сохранить его, непремѣнно само загорится и сгоритъ.

Рано по утру въ воскресенье послала богатырка (богатая женщина) свою работницу на ливаду нажать корму для коровъ. Работница, взявши серпъ, отправилась въ ливаду и только что, перекрестившись и сказавши: «Боже, благослови и поможи!» наклонилась, чтобы начать жать траву, вдругъ слышитъ: «Богъ не благословляетъ работы въ праздникъ!» И видитъ передъ собою старика, который приказываетъ ей не жать травы. «Какъ же не жать», говоритъ удивленная работница: «хозяйка приказала мнѣ нажать корму для коровъ?»—Пойди скажи хозяйкѣ, что сегодня большой праздникъ, что работать сегодня грѣхъ. Хозяйка, выслушавъ разсказъ своей работницы, побранила ее и вторично послала за травой на ливаду. Снова появился старикъ и опять запретилъ работницѣ жать. Раскричалась хозяйка на работницу, прогнала ее въ третій разъ и сказала: «иди жни, а не то побью и тебя и того, кто осмѣлился распоряжаться въ моей ливадѣ!» Пришла работница въ третій разъ въ ли-

ваду, перекрестилась и сказала: «Боже, благослови!» И опять услышала слова: «не благословляетъ Богъ работы въ праздникъ» и снова стоитъ передъ нею суровый старикъ, грозно глядятъ на нее гнѣвныя очи и повелительно указываетъ ей на небо рука. Разсердилась хозяйка, узнавъ, что работница не нажала травы, вырвала изъ рукъ у нея серпъ, съ бранью отправилась сама въ ливаду, грозя по своему раздѣлаться съ непрошеннымъ учителемъ. Пришла—никого не видно, только поютъ пташки да на травѣ блеститъ роса. Перекрестилась, сказала: «Боже, благослови!» и хотѣла жать, но тотчасъ же услышала слова: «не благословляетъ Богъ работать въ праздникъ, а караетъ творящихъ беззаконіе». Не испугалась богатырка этихъ словъ, а живо возразила: «посмотрю, кто не позволитъ мнѣ жать на моей ливадѣ: для лѣнтяевъ всѣ праздники! много такихъ праздниковъ въ году! Видишь—Богъ не благословляетъ, да я и безъ Бога нажну травы!» И захвативъ рукою кустъ травы, взмахнула серпомъ... глядь—анъ травы нѣтъ. Выпрямилась трава снова передъ нею, такая высокая, густая, сочная. Опять наклонилась, замахнулась серпомъ... чисто: травы ни стебля. Что за чудо? подумала богатырка: видно голова закрутилась. Протерла глаза—трава опять на мѣстѣ. Въ третій разъ попробовала жать, повторилось прежнее. Увидала тогда богатырка, что воскресенье дѣйствительно великій праздникъ, поняла, что согрѣшила, и говоритъ сама себѣ: пойду къ добрымъ людямъ, спрошу, какъ замолить грѣхъ, или лучше пойду къ попу, пусть наложитъ покуту. «Зачѣмъ идти къ попу—я наложу на тебя покуту,» сказалъ появившійся предъ богатыркою старикъ: «выбирай одно изъ двухъ: три года быть въ ссылкѣ на поселеніи, или три года кормить троихъ дѣтей». Подумала богатырка: если пойти на поселенье, то за три года безъ меня все мое добро пропадетъ, а потомъ и не наживешь; лучше прокормить троихъ дѣтей три года. Какъ только сказала она старику о своемъ согласіи кормить троихъ дѣтей, вдругъ бросились на нее изъ травы три гадюки (змѣи) и повисли, двѣ на грудяхъ, а третья—не знаю гдѣ. Пошла злосчастная женщина ходить по свѣту съ тремя дѣтьми—гадюками: кормитъ ихъ, кается передъ людьми да учитъ ихъ почитать воскресный день. Ходила три года, возвратилась домой. Кончился назначенный срокъ, гадюки исчезли, но и она сама черезъ три дня померла (г. Купянскъ. Со словъ крестьянки Марфы Столяревской).

— Повстрѣчались въ г. Купянскѣ на базарѣ двѣ кумы, одна живущая въ городѣ, другая—въ заосколькомъ хуторѣ, поздоровались; хуторянка и говоритъ: «а я тоби, кумочко, шось розскажу, шо було моему хлопцеви. На тымъ тыжни погнавъ винъ на стерны скотынку пасты, а

самъ сивъ пидъ копы въ холодокъ. Дывытця, а тутъ иде до ёго старенькій человичокъ съ сиденькою бородкою. Поздоровкався тай сивъ быля нёго и пытае: «чи вміешь ты, хлопче, молытвы».—«Вмію, дидусю», каже мій хлопець. «А ну прокажи!» Хлопець проказавъ, а дидусь и каже: «пидешъ же ты до дому такъ скажи батькови и матери, всимъ домашнимъ и сусидамъ, шобъ диты почиталы баткивъ и материвъ, а батьки та матери жаловалы бъ дитей; шобъ ны лаялысь, ны спорылись, шобъ и съ сосидамы дружно жилы, а найпаче шобъ святу недилю штылы: до церквы ходылы та Богу молылысь. А то, бачъ, Богъ давъ урожай. Урожай хорошій та треба спишиты ёго убраты, а то може кому недостанетця и исты. Будуть дожди таки, шо и копы поплывуть. Гляды, якъ пидешь до дому, то такъ усимъ и розскажи, а тыперъ давай я тоби просця посію». Вынявъ жменю проса тай посіявъ. А воно замисто проса выросло три яблоньки, а на кажній яблоньци по одному яблочку. Дидусь стряхнувъ яблоньки, а яблочки и упалы. Винъ и каже: «ото жъ я стряхнувъ съ тебе, хлопче, уси твои грихи. Завтра приходь опьять сюды.» Вставъ и пишовъ одъ хлопця. Дывытця хлопець ему въ слидъ, ажъ въ его ступенькахъ по писку повно воды стоить,—вода чиста—чиста, якъ слёза. На другій день мій хлопець позвавъ товарищивъ и погналы скотыну на тэжъ мисто. Ждалы, ждалы весь день дида, а винъ и не прыйшовъ. О такъ то, моя кумочко; чого намъ треба ждаты—и самы мы незнаемо, а воно шось та буде»! (Записано со словъ городской кумы, кр. М. Столярской, 10 іюля 1888).

— Пишла одна жинка у недилю вытягаты зъ рички лёнъ, якій тамъ бувъ помоченый нею. Вона, якъ прыйшла до рички, уже було пивдня, начала вытягаты по одніи горстци лёну и выкыдаты на берегъ для сушки. Отъ вона тягала, тягала и вытягла увесь зъ рички лёнъ, тико осталась тамъ одна горстка, вона и за тіею полизла у воду. Якъ стала браты іи—ныможе й выйты на берегъ: такъ днёмъ и ночью стоитъ вона тамъ зъ горсткою, а якъ прыйде недиля, то та жинка усе хлюпоще ту горстку лёну у води и зубамы скрыгоче. Люды бояця іи трогаты. Въ такимъ положеніи вона була зъ мисяць, а потимъ того хтой зна де вона и дилась, никому нызвисно (хут. Маліевъ. Сообщ. уч. М. Нетреба).

— Въ воскресенье молодая замужняя женщина не должна расчёсывать волосъ на головѣ, а не то тѣ волоса, что остаются на гребнѣ, задушатъ во время родовъ ея ребенка, а тѣ волоса, что падаютъ при расчесываніи головы на полъ, улетятъ въ 12 домовъ и причинятъ тамъ кому нибудь болѣзнь пальцевъ, такъ называемую «волосъ» (сл. Ново-Николаевка. Сообщ. уч-ца А. Склобинская).

— У недилю жинкы о́вси не чешутця, а дивкы до окончанія службы--грихъ (сл. Шейковка).

— Въ недилю жытного хлиба не годытся пекты, а то Богъ въ поли хлибъ запече (сл. Ар.).

2. Поныдилокъ (понедѣльникъ).

Этотъ день весьма почитается малороссіянками и олицетворяется ими въ видѣ старика, встрѣчающаго и провожающаго души умершихъ на пути ихъ въ загробную жизнь. Еще изстари многія женщины въ малороссіи «поныдилкувалы»; да и въ наше время большинство старухъ—хуторянокъ не ѣстъ по понедѣльникамъ скоромной пищи, чтобы, какъ онѣ объясняютъ, имъ послѣ смерти легче было идти по дорогѣ въ будущую жизнь: «Якъ старому скверно йты на гору бизъ палки, такъ и на той свитъ скверно йты бизъ поныдилка». «Мы не имо скоромнаго въ попыдилокъ за тымъ самымъ, шо на тимъ свити Поныдилокъ--перва стрича: стрине насъ и проведе; того, хто ёго почитае, за того и винъ заступытця на тимъ свити». (см. Н. Н.).

Иныя изъ крестьянокъ во время болѣзни даютъ обѣтъ постить по понедѣльникамъ; другія—вслѣдствіе совѣта стариковъ, третьи—изъ подражанія; вообще же «поныдилкують» весьма многія.

— Довго хво́рала одна жинка и сказала: «якъ выздоровію, то буду поныдилкувать». Выздоровила вона и поныдилкувала годивъ три. Разъ вона забула, шо поныдилокъ, и попоила каши съ саломъ; а здумала про поныдилокъ тоди, якъ наилась уже каши. Дило було вечеромъ. Наившись каши, полизла жинка на пичъ и заснула. Спала—ныспала, а шось торкъ ій за плыче,—вона глянула, а воно сидый дидъ сыдыть у куточку та й каже: «ты нашо сёгодня ила кашу съ саломъ? Гляды-жъ! у другый разъ шобъ сёго ны було, а то бырыжись»! И дидъ хто-зна де й дивсь. Тоди та жинка догадалась, шо до неи являвсь поныдилокъ. (Х. М.).

— Я поныдилкую, говоритъ крестьянка, ще покойни родытели, дай Богъ царство ихъ души, поныдилкувалы, такъ и я звыкла. А ось недавно на старосты литъ Богъ наказавъ. Дома нашихъ никого не було, тилько я одна, такъ я у ныдилю и до церквы не пишла, и у слободи не була; такъ коло хозяйства прогаяла весь день: то сэ, то тэ робыла. У насъ на хутори якъ до церквы не пидешъ, такъ мовъ и не праздныкъ. Въ поныдилокъ ранкомъ встала и байдуже якій день; подоила корову,—у печи не топыла: одна, ни къ чему—, справылась коло хаты, зъила

шматокъ хлиба и пишла на огородъ. Полола до обидъ. Сонце стало на обидъ, я въ холодку лягла, спочила, та опьять за тэжъ. Бачу сусиды вже повднычають и мини исть захотилось, ажъ коло серця пече. И чого жъ?—кислого молока забажалось. Пишла въ хату и поила того молока; сама й байдуже якій день; съ тымъ и спаты лягла, не схаменулась. Тилько шожъ мини приснылось? Непаче якій-сь праздныкъ; я пораюсь коло печи и думаю иты до церквы, а не дуже, бачъ, поспишаю, а самій исты хочетця. Ото неначе узяла выдризала на правой руци палець, посолыла та й зъила. И такій винъ мини гарный, солодкій здавсь, ажъ поцмакувала, та й стала вбиратыця до церквы, а руку, бачъ. усе ховаю, шобъ не побачылы, шо у мене одного пальца нема. Пишла, иду и усе руку ховаю. Дохожу неначе до слободы, дывлюсь, а люды зъ церквы идуть—я опизнылась. Шо тутъ робыть? Стыдно иты на зустричь людей, треба сховатыця. И думаю, зайду у хату до кумы, побалакаю, неначе я зъ церквы, а тамъ выйду видъ кумы и пиду за народомъ назадъ,—воны думатымуть, шо я зъ церквы иду. И такъ мини стало стыдно и страшно: боюсь, шобъ не дозналы, шо я палець зъила та зъивши до церквы пишла, а у церкви не була, а людямъ сбрехала, шо була. Съ тымъ я прокинулась (проснулась) та й думаю: къ чому той сонъ? Та вразъ, якъ мене хто товкнувъ: а вчера поныдилокъ, а ты молока наилась! наилась, поганка, душу засквернила та й байдуже?! Тожъ мини грихъ, указаніе, шо я не достойна у храмъ питы (сл. Тарасовка, сообщ. уч-ца В. Свѣтъ).

— Понедѣльникъ считается тяжелымъ (важкимъ) днемъ, по этому въ понедѣльникъ не начинаютъ никакого большого дѣла.

— Не слѣдуетъ выѣзжать въ дальнюю дорогу—случится несчастіе.

— Не годытця надиваты билои (чистой) сорочки, або штанивъ, а то не мынешъ напраслыны.

— Не снуй холста—грѣхъ: Богъ въ этотъ день основалъ міръ.

— Не заваривай квасу—въ семьѣ будетъ утопленникъ.

— Не дѣлай щелоку для бѣлья, или, въ случаѣ необходимости, сдѣлавши, выпей его три ложки, иначе на томъ свѣтѣ будутъ заставлять пить его изъ тѣхъ яичныхъ скорлупокъ, что выбрасываются, а не сожигаются, какъ слѣдовало бы дѣлать и какъ дѣйствительно дѣлаютъ знающія хозяйки.

— Если замужняя женщина будетъ мыть себѣ голову 12 сряду понедѣльниковъ, не пропуская ни одного, то у нея умретъ мужъ (Н. Н.),

— Родившійся въ ночь подъ понедѣльникъ будетъ вѣдунъ, знахарь; для этого по понедѣльникамъ мать не должна давать ребенку груди, а когда подростетъ, долженъ по понедѣльникамъ постить.

— Не слѣдуетъ солить въ этотъ день мясного въ прокъ: будетъ не вкусно и скоро испортится (сл. Покровскъ).

— Нельзя ніякого дила начынать робыты (продолжать уже начатое можно): важный день. Хто начне яке небудь дило въ понедилокъ, то вже не зробе его, якъ слидъ. А ще потому въ понедилокъ ничого нельзя начинаты. шо перве (?) прешествіе на тимъ свити буде въ понедилокъ (сл. Ар.).

3. Вивторокъ (вторникъ).

Вивторокъ (вторникъ) считается днемъ легкимъ, благопріятнымъ для начала работъ. Однако, приступая къ какому-нибудь важному дѣлу, напр., къ постройкѣ хаты, избираютъ преимущественно тѣ изъ вторниковъ, когда церковь вспоминаетъ преподобныхъ, а не мучениковъ, такъ какъ начинать дѣло въ день, посвященный памяти мученика, вообще не слѣдуетъ: будешь только мучиться съ нимъ, а толку никакого не будетъ.

4. Середа.

Середа—постъ. Ѣсть въ этотъ день скоромное считается, по мнѣнію старухъ, незамолимымъ грѣхомъ. Такъ могутъ дѣлать только «бусурмане, мухамеды, турки, нехристи, жиды». Даже и больной не долженъ въ середу, равно какъ и въ пятницу, ѣсть скоромнаго, чтобы такой пищей «не заскверните своей души», потому что и выздоровленіе послужитъ лишь «на погибель его души».

— Одна жинка ны почытала сырыды и ила скоровне тайкомъ, шобъ никто изъ симейныхъ про це ны знавъ и ны уприкавъ ій въ цёму гриху. Одынъ разъ вона сила исты жарыну гуску, дило було у серыду. Ажъ ось у хату входе чоловикъ тій жинки, а вона мырщій заховала гуску пидъ горщокъ и сила на лави. Мужъ ій и пытае: «шо то таке у горшку наче ворушиця»? и указуе прямо на той горщокъ, де гуска. А жинка и каже: «ныма ничого»! Винъ подывывся у той горщокъ, а тамъ чирыпаха здорова-здорова сыдыть, и очи такъ и вытрищила. Воны тоди обое злякалысь тій чирыпахы та зъ хаты! Пырыгодя увійшлы—ныма у горшку ни чирыпахы, ни гуски. Посли цёго случаю та жинка було покаялась, а дали опьять за свое: начала нарушаты серыду. Тоди Богъ наказавъ ій золотухою (х. М.).

Середа олицетворяется въ видѣ женщины и въ народныхъ разсказахъ не рѣдко смѣшивается съ святою пятницею. Она посѣщаетъ по ночамъ хаты, принимаетъ близкое участіе въ женскомъ хозяйствѣ, наказываетъ

женщинъ лѣнивыхъ или работающихъ не въ урочное время, и помогаетъ чтущимъ ея день въ ихъ занятіяхъ по хозяйству.

— Въ середу дѣвушкамъ не слѣдуетъ мыть головы, заплетать косъ, иначе волоса перестанутъ рости и коса будетъ плохая.

— Замужней женщинѣ тоже не годится мыть головы и расчесывать волосъ,—преступившая это будетъ сильно страдать во время родовъ и до тѣхъ поръ не разрѣшится, пока святая Середа не переберетъ у нея по одному волоску всѣхъ волосъ на головѣ.

— Никому не слѣдуетъ мыть въ среду головы, иначе голова будетъ болѣть.

Подъ Середу не годитця бросаты на гребини мычку, а то Середа буде ии допрядаты и спихъ одбираты (сл. Араповка).

— Въ середу нельзя сновать пряжи—будешь ошибаться: перемоты будутъ, перепутается.

— Въ середу якъ начнешъ билье шиты, то буде вошиве (сл. Шейковка).

5. Четверъ (четвергъ).

Четверъ (четвергъ)—день рабочій по преимуществу; запретъ простирается на немногія лишь работы, главнымъ образомъ на дѣланіе въ этотъ день «сиривцю» (хлѣбнаго квасу), да и то, приготовивъ его первый разъ въ чистый четвергъ, можно потомъ дѣлать его уже и круглый годъ во всѣ четверги, или же, при необходимости, сдѣлавши квасъ въ четвергъ, надо его три раза перекрестить и затѣмъ попробовать, чтобы онъ былъ початый, такъ какъ въ непочатомъ квасу, сдѣланномъ въ четвергъ, а равно и въ понедѣльникъ, черти купаютъ своихъ дѣтей.

— Въ четверъ ны годытця сиривцю вварюваты, въ тымъ сиривци буды нычиста сыла купатьця и страву соби зъ его варыты (сл. Преображенная).

— Негодыться въ четверъ уварываты сыривцю, а якъ уже дуже треба, то, якъ уварышъ, положи у нёго навхрестъ четыре уголька. Такъ, бачъ, годытця, такъ мои стари робыли и мене училы (сл. Н.-Н.).

Говорятъ, что въ четверговомъ квасу купается всякая нечистъ вообще: водяные, русалки, утопленники.

— «Була въ одній слободи одна така бабка (повитуха), шо ии вси клыкалы бабуваты, а друга така, шо пошты нихто не клыкавъ. Отъ одынъ разъ ця друга баба розсердылась, шо ии нихто не клыче, та й каже: «хоть бы мене якый чертъ поклыкавъ бабуваты». Въ тужъ ничъ прыихало шось тройкою киньмы за тыю бабою, клыче ии бабу-

ваты. Вона рада, мерщи зибралась и поихала. Прывезлы ии въ дворъ; дывыться вона, а въ двори не хата, а горныця. Вона ще дужче зрадила: дума, шо ии до пана прывезлы бабуваты. Ввелы ии въ горныцю до породили, и давай вона тамъ бабуваты. Отъ тилко родылась дытына, а хазяинъ и каже работникамъ: «пидитъ и заберитъ сиривець у тыхъ жинокъ, шо въ четверъ уварювалы: треба въ ёму выкупаты породилю и дытыну; а тоди впьять одпеситъ его туды, де бралы». А баба и дума: для чого отъ винъ велыть оце робыты? Отъ сталы хрыстыны справляты. Дывыться баба—чудни хрыстыны: и кумивъ не клыкалы, и дытыны до пана не посылалы, не посылалы хрыстыты, а тилко зибралы гостей, посажалы за стилъ и подають имъ исты жабъ жареныхъ. Догадалась тоди баба, що це ій прыйшлось бабуваты у водяного, и такъ вона злякалась, шо насылу жива диждалась, поке ии одвезли до дому, та съ тыхъ поръ николы не ходыла бабуваты». (сл. Араповка. М. Скубакъ).

— Отъ Пасхи до Вознесенія по четвергамъ не золятъ (не бучатъ) бѣлья, «щобъ зона хлиба не нападала.

— Въ четвергъ не слѣдуетъ сѣять и насаживать бакчи, а не то народится множество червей и подъѣдятъ всѣ всходы.

— Въ четверъ неззя золыты,—коровьяче масло неудачне будетъ (сл. Шайковка).

6. Пьятныця (пятница).

Пьятныця (пятница) день постный, олицетворяется въ видѣ дѣвушки; пользуется среди крестьянокъ большимъ уваженіемъ, хотя образъ ея въ народномъ представленіи смѣшивается съ образомъ Доли. Почитаніе пятницы, кромѣ церковнаго культа, поддерживается обращающимися въ народѣ печатными и рукописными сказаніями о 12-ти пятницахъ. Сказанія эти нерѣдко присоединяются къ извѣстнымъ анокрифамъ: «Сонъ Богородицы», «Хожденіе Богородицы по мукамъ,» «Эпистолія о недѣлѣ» «Іерусалимскій свитокъ», встрѣчающимся въ домахъ мѣщанъ и у грамотныхъ крестьянъ.

— Кто не поститъ въ пятницу, къ тому въ этотъ день ночью приходитъ подъ окно свята Пьятынка и голосе стоя пидъ виконъ. или станетъ у изголовья, горько плачетъ и проситъ Матерь Божію помиловать этого грѣшника или грѣшницу. Если послѣ двухъ явленій св. Параскевы не послѣдовало покаянія и исправленія, то третье появленіе святой дѣвы смертельно: тотъ, кому она явится въ третій разъ, скоро умретъ (сл. Т.).

— Бувъ такій чоловикъ, шо ны почитавъ ни середы, ни пьятници; живъ винъ у панивъ у роботныкахъ. Разъ панъославъ его въ поле объихаты степъ и на стогы подывыця. Винъ, якъ прыихавъ до стогивъ, заразъ вынявъ хлѣбъ и сало, та й начавъ йсты пидъ однымъ стогомъ. Дило було у пьятныцю. Тилко винъ узявъ у руки сало, гадюка изъ стога заразъ ему прямо на руки и укусыла его—ны успивъ и сала зъисты: руки попухлы и винъ ускорахъ умеръ. Людей, живущихъ на стыни и ны почитающихъ постивъ, Богъ наказуе укушеніемъ гадюки, а не то нападе пропасныця (лихорадка).

— Бувъ въ одному манастыри такій манахъ, шо ны почитавъ ни середы, ни пьятныци. Разъ винъ у пьятныцю и въ курячи яйца, а архимандритъ случайно зайшовъ до его у келію. Винъ тоди ти яйця, шо ивъ, заховавъ у рукавъ. Архимандритъ тоди и каже ёму: «повыкидай гадюки зъ рукава, шо заховавъ!» Той манахъ хотивъ яйця повытрусюваты, колы вытрусывъ, а воно гадюки посыпалысь, та такъ и пыщать! Тоди архимандритъ прыстыдывъ манаха, шо винъ ны сполнявъ манашескій долгъ и цымъ прогнивавъ Бога. Напала того манаха пропасныця и довго мучила ёго (х. М.).

— Полаявся одынъ сапожныкъ съ сыномъ и сивъ чоботы шиты, а дило було у святу Пьятныцю. Отъ винъ, якъ ставъ шиты, та усе шиломъ себе нычаянно и шпыгне у щеку, и шпыгне. И покы шпыгавъ, покый попавъ соби шиломъ у воко и выколовъ ёго. Посли цёго случаю винъ ставъ слипый на одно око, и ставъ всимъ людямъ заказуваты, шобъ штылы святу пьятныцю (х. М.).

— Въ пьятныцю прясты грихъ. Особенно большой грѣхъ прясть на прялкѣ, которую выдумалъ нечистый. Прясть на прялкѣ это все равно что въ этотъ день танцовать, то есть оскорблять святую дѣву Пятницу.

— Ныгодытця въ пьятныцю прясты. Хто въ пьятныцю пряде, той веретенамы тыка и гребанкамы быре св. дивоньку-Пьятинку. Свята Парасковія-пьятинка постоянно Бога молы о насъ гришныцяхъ. Вона довго терпытъ, а якъ бачы, що хто и ны дума каяця, того и наказуе. Стари люды розказують, що було десь такъ: Жило соби дви ятровкы, одна же штыла пьятныцю, а друга ни. Отъ разъ въ пьятныцю у вечери перва тамъ по хазяйству справлялась, а друга сыдыть та мычки мычи. Перва уже й справылась и лягла, а та знай, мычи, мыкала до пивночи, а дали и соби лягла спаты. Це въ саму глупу ничь чуе перва, що шось скрыпнуло двырьмы; дывыця, ввійшла якась дивка съ роспущеннымъ волосьямъ и вся зтыкана и зодрана. «Дывысь!» каже Пьятинка,—бо

це вона була,—дывысь, якъ твоя ятровка мыне зтыкала та зидрала! Я вже тырпила, тырпила, тай мочи ны стало, а оце прыйшла й покараты; тилко ты ны кажи ій, щобъ я ны робыла, а то и тоби те буде! «А дали пидойшла до спящой, зризала у неи черыпъ, зибрала кострыщю, що мыкалныця натрусыла зъ прядыва и насыпала ій въ голову, а потимъ того черыпомъ накрыла та й и изцилыла. Просыпаиця та пряха вранци, а въ неи голова такъ булыть, що й на свитъ ныззя дывыця. Болыть голова въ неи годъ, болыть другый; вже вона що—ны—що: и всихъ бабокъ обходыла,—ничого ны помогаиця. Змылосердылась надъ нею св. Пьятинка, прыйшла опьять въ одну ничь до ятровки та й каже: «Посовитай, начы видъ себы, своій прясиштыты Пьятинку, то голова іи пырыстаны булиты. Отъ уранци та опьять на голову жалиця, а ятровка ій и посовитувала обрыктысь ны прясты въ пьятныцю. Та послухала. Проходы мисяць, голова іи ны такъ булыть, проходы другый, ще лехчы стало, а дали й совсимъ голова пырыстала булиты (сл. Пря.).

— Треба противъ сырыды и пьятныци пыредники допрядаты, а то Доля буды плакацця, що ій ны дають и въ ночи спочиты (тамъ-же).

— Золыты полотно, або сорочки въ пьятныцю—грихъ. Одна жинка золыла въ пьятныцю. Прыходять до неи Богъ та святый Петро тай кажуть: «сегодня грихъ золыты: сегодня пьятныця! и за тэ, що ты се робышъ, выбырай соби яке хочь наказаніе съ трехъ: або дви жмени горячои золы зьижъ, або дви ложки горячого щелоку выпый, або двохъ блызнятъ выгодуй». Вона й согласылась блызнятъ годуваты; а ій дви гадюки и впьялось въ груды. Такъ вона й ходыла по всій слободи шобъ уси люды дывылысь на неи та каялысь и ны золылы въ пьятныцю (сл. А.).

— Въ пятницу не должно спускать щелоку, а то на томъ свѣтѣ будутъ печь балабухъ изъ той золы, что служила для щелока, и кормить имъ тѣхъ, кто это дѣлаетъ (сл. Н. Н.) или, «бо на тимъ свити того будуть лугомъ (щелокомъ) поиты, а щобъ цёго наказанія не тырпиты, такъ треба, якъ золыты, три ложки лугу выпыты» (г. К.).

— Въ пятницу грѣхъ прясть, мазать и бучить бѣлье въ щелокѣ, мыть же въ одной водѣ можно, не грѣшно.

— Беременная женщина не должна въ пятницу бучить бѣлья, а также расчесывать на головѣ волосъ, а не то во время родовъ будетъ сильно страдать, такъ какъ «св. пьятыночка—матиночка» не придетъ къ ней на помощь (г. К.).

— Дѣвушкѣ не слѣдуетъ въ пятницу пѣть, иначе она не найдетъ себѣ хорошаго жениха (сл. К-я).

— Въ пятницу не должно заваривать квасу, а то въ семьѣ будетъ утопленникъ (г. К.).

— Въ пятницу орать плугомъ—грѣхъ, сохою же можно. Старики передаютъ, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Купянской волости запрещали орать по пятницамъ, потому что признавали предыдущіе неурожайные годы наказаніемъ за работы въ поляхъ въ пятницу. Говорятъ, что передъ тѣмъ въ окрестностяхъ г. Купянска (гдѣ именно—не знаютъ) образовалась въ землѣ глубокая трещина, щель, куда нарочно спускали на веревкѣ человѣка. Тамъ онъ нашелъ келійку, а въ ней горящую передъ иконой лампадку и стоящую на колѣняхъ, молящуюся дѣвушку. Дѣвушка худая, блѣдная, вся въ ранахъ: истыканная, изрѣзанная, изрубленная—была никто иная какъ святая Пятница. Она молилась Богу и просила Его не карать людей голодомъ за непочитаніе ея дня.

Многія изъ старухъ чтутъ въ году 12-й пятницъ. Въ эти дни онѣ соблюдаютъ самый строгій постъ и ничего не ѣдятъ до захожденія солнца. Вотъ эти сказанія о двѣнадцати пятницахъ:

Первая пятница на первой недѣлѣ Великаго поста. Кто въ эту пятницу поститъ, тотъ напрасною смертью не умретъ (сл. Дв-я).

— Тотъ человѣкъ отъ грѣхопаденія сохраненъ будетъ (г. К.).

2-ая—предъ Благовѣщеніемъ. Кто въ эту пятницу поститъ, тотъ отъ напраснаго убійства сохраненъ будетъ (сл. Дв-я).

— Отъ внезапной смерти... (г. К.).

3-я—на Страстной недѣлѣ—отъ непріятеля сохраненъ будетъ (сл. Дв-я).

4-я—предъ Вознесеніемъ Господнимъ—отъ потопленія на водахъ с. б. (сл. Дв-я п. г. К.).

5-я—предъ Сошествіемъ Святаго Духа.—Отъ страха и меча с. б. (сл. Дв-я)—отъ остраго меча с. б. (г. К.).

6-ая—предъ рождествомъ Іоанна Предтечи.—Отъ великаго недостатка и скудности с. б. (сл. Двя).—передъ днемъ пророка Иліи.—Отъ великой муки сохраненъ будетъ (г. К.).

7-ая—предъ днемъ пророка Иліи.—Отъ грома и молніи с. б. (сл. Дв-я).

— предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.—Отъ великаго смущенія и отъ трясовицы с. б. (г. К.).

8-мя—предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.—Отъ искушенія, трясовицы и огневицы с. б. (сл. Дв-я).

— предъ Кузьмою и Демьяномъ.—Отъ великаго грѣха (г. К.).

9-ая—предъ днемъ Косьмы и Даміана.—Отъ великаго смертнаго грѣха с. б. (сл. Дв-я).

— Предъ архангеломъ Михаиломъ.—Имя того человѣка будетъ написано на престолѣ (г. К.).

10-ая—предъ днёмъ Архистратига Михаила.—Имя будетъ написано на престолѣ у Пресвятыя Богородицы (сл. Дв-я).

11-ая—предъ Рождествомъ Христовымъ—тотъ передъ смертію узритъ Богородицу (сл. Дв-я с. г. К.).

12-ая—предъ Крещеніемъ Господнимъ.—Имя того человѣка будетъ записано у самого Господа Іисуса Христа (сл. Дв-я)—на престолѣ въ концѣ именъ ангеловъ (г. К.).

— Въ пятницу дивчатамъ слидуе чесаться и мыть голову, щобъ чоловикъ гарный бувъ, а замужнымъ женщинамъ—не годытся: скилько волосся вылизе, стилко мукы перенесе, якъ буде рожаты. Въ пьятныцю прясты грихъ,—шыты можно (сл. Ар.).

— Въ пьятныцю якъ не успіешь покраяты, то въ субботу неслидъ начинаты, такъ якъ послидній день, послидня робота: «суббота не робота»; а колы начнешъ, такъ и кончы, бо якъ не кончышъ, то умрешъ (сл. Шейковка).

7. Суббота.

Суббота—не работа: помый, помажъ тай спаты ляжъ. Такъ говоритъ пословица, но въ дѣйствительности суббота для крестьянки одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ рабочихъ дней недѣли. Сверхъ обычныхъ ежедневныхъ работъ, каждая хорошая хозяйка—малороссіянка въ субботу обязательно смоетъ начисто столъ и всѣ въ хатѣ лавки, смажетъ доливку (земляной полъ хаты) и припечекъ,—впрочемъ въ горячее рабочее время ограничивается однимъ припечкомъ и небольшимъ пространствомъ около печи,—согрѣетъ воды (окрипу) или щелоку (лугу) помыть мужу и дѣтямъ голову и приготовить всей семьѣ чистое бѣлье. Малороссы надѣваютъ чистое бѣлье въ субботу на ночь и вообще наканунѣ праздника; они вѣрятъ, что не соблюденіе мужемъ и женою чистоты наканунѣ праздниковъ или постовыхъ дней влечетъ за собою рожденіе дѣтей съ разными физическими недостатками, болѣзненныхъ, уродливыхъ, недолговѣчныхъ. Изъ уваженія къ воскресному дню большинство родителей не позволяетъ своимъ взрослымъ дѣтямъ ходить по субботамъ на вечерницы.

— Въ субботу не слѣдуетъ начинать новаго дѣла, потому что и свѣтъ (твореніе) въ субботу кончился.

— Не слѣдуетъ бучить холста—случится пожаръ.

Говоря о почитаніи народомъ воскреснаго дня, середы и пятницы, нельзя обойти молчаніемъ такъ называемаго «свитка или списка іеруса-

лимскаго», и такъ какъ онъ довольно распространенъ среди грамотныхъ крестьянъ и пользуется во мнѣніи народа извѣстнымъ значеніемъ.

Въ сказаніи, обращающемся въ г. Купянскѣ, находимъ слѣдующее:

«Списокъ Іерусалимскій. Бысть во святомъ градѣ Іерусалимѣ явленіе великое и предивное чудо: во святой Божіей церкви гласъ глаголюще невидимый къ людямъ и спаде съ небеси камень малъ и студенъ во второмъ часу дня. Патріархъ же Іерусалимскій, узнавши сіе чудо, собралъ весь церковный причетъ и служили обѣдни и молебни три дня и три ночи; на четвертый день развалился тотъ камень на двое и обрѣте въ немъ списокъ сей написанъ золотыми литерами, а въ немъ пишетъ самъ Господь Іисусъ Христосъ:

Послушайте, людіе мои, пишу къ вамъ двѣнадцатое посланіе: небо и земля мимо идутъ, а слово мое Божіе мимо не проходитъ, а прійдетъ на второмъ суду Божіемъ. И знайте вы, окаянные человѣци, многіе года и времена ваши проходятъ, послѣдніе дни приближаются, страшный судъ готовитсл и дѣла ваши темныя обвиняются. Рече Господь Іисусъ Христосъ: «тогда Азъ самъ прійду судить живыхъ и мертвыхъ и воздамъ каждому по дѣлахъ ихъ». Безумные человѣци, сотворите любовь и правду между собою и другъ друга любите, воскресенье Христово и праздники Господни, а также среду и пятницу почитайте, ибо въ пятницу сотворилъ Господь перваго человѣка на земли и въ ту же пятницу меня жидове на крестѣ распяша, руци и нози ко кресту пригвоздиша и терновъ вѣнецъ на главу мою святую возложиша, лице мое святое заплеваша, желчію мя напоиша и ребро мое копьемъ прободоша—за неправду вашу и за беззаконія ваши, но Азъ въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ и всѣхъ умершихъ воскресилъ и Адъ разрушилъ. А потому долженъ всякій человѣкъ почитать Воскресенье Христово и праздники Мои Господни, а который человѣкъ по воскресеньямъ и праздникамъ работаетъ и тотъ сбираетъ на главу свою огонь вѣчный и труда его напрасно пропадаютъ. Я вамъ далъ законъ Божій и заповѣди, Евангеліе, святое крещеніе, а вы, безумные человѣци, Моего закона не исполняете и моего повелѣнія не слушаете. Азъ повелѣлъ вамъ въ воскресенье и въ праздники въ церковь Божію ходить, имя Мое Господне прославляйте и о грѣхахъ своихъ молитеся, что въ шесть дней согрѣшили, кайтеся Богу; другъ друга любите, матерными словами не ругайтесь, сиротамъ и вдовамъ милостыню подавайте съ любовью, за то и сами помилованы будете на томъ суду, ибо они за васъ день и ночь Богу молятся до смерти. А вы, безумные человѣци, хуже какъ невѣрные языцы, которые и Бога не знаютъ, молятся по своему закону, а нищимъ милостыню творятъ. Я

вамъ далъ законъ Божій, а вы дѣлаете на землѣ неправду. Терпѣливъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣваюсь на васъ окаянныхъ, но еще ожидаю покаянія отъ злыхъ дѣлъ вашихъ. Ежелибъ не молилася за васъ мать моя, Пресвятая Бородица, давно бы горькою смертію померли; да еще за васъ, окаянныхъ, молются Ангелы—хранители. Но еще упоминаю вамъ, ежели не будете почитать праздниковъ и постовъ, напущу на васъ невѣрныхъ языцъ, которые и прольютъ кровь вашу за беззаконія ваши; когда не покаетесь, то напущу на васъ великій голодъ, громъ, молнію, дабы вы узнали гнѣвъ мой и просили бы о грѣхахъ своихъ прощенія. Еще вамъ упоминаю, въ воскресенья и праздники въ церковь Божію ходите и о грѣхахъ своихъ кайтесь Богу, ежели вы сего не послушаете, то напущу на васъ птицъ, у нихъ носы желѣзные, поѣдятъ вашъ родъ. Еще завѣщаю вамъ, дабы въ субботу посли вечерни не работали Пречистыя ради Богородицы, ежели бы не молилась объ васъ Богу, такъ давно бы горькою смертію померли, потому долженъ всякій человѣкъ, старый и малый, ходить въ церковь Божію и просить о грѣхахъ своихъ прощенія. А вы, людіе мои, клянетися небомъ и землей, не клянитеся, довольно того, что сотворилъ васъ по образу и по подобію Божію, а вы слова моего не слушаете, Я же вамъ далъ заповѣди: другъ друга любите, отца и матерь почитайте, матерными словами не бранитесь. Ежели по закону будете исполнять получите отпущеніе грѣховъ и подамъ вамъ царство небесное.

Еще упоминаю вамъ, дабы вы вѣрили сему писанію. Если который человѣкъ будетъ вѣровать и оный листъ при себѣ носить, въ чистотѣ содержать или списывать и въ разни дома раздавать и прочитывать людямъ, хотя бы на немъ было грѣховъ, какъ на небѣ звѣздъ или какъ въ морѣ песку, то отпустятся ему всѣ грѣхи и наслѣдуетъ царство небесное. И Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь».

Въ заключеніе помѣщаемъ одну двѣ небольшихъ пѣсни о дняхъ недѣли, первая занисана въ слободѣ Араповкѣ, вторая въ г. Купянскѣ.

Понедилокъ—важный день:
Ввесь день пролежала,
А въ вивторокъ снопивъ сорокъ
Пшеныци нажала;
А въ середу возыла,
Въ четвергъ молотыла;
А въ пьятныцю вiяла,
А въ субботу миряла;
А въ недиллю продала
И грошыкы пропыла.
Выпьемо, куме, ще й съ понидилка.
Ой зложимось, куме, копiёкъ по сорокъ,—
Выпьемо, куме, ще й у вивторокъ (2-жды).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Поженемъ, куме, корови въ череду,—
Выпьемо, куме, ще й у середу (2-жды).
Пылы вчора, пьемъ же и теперъ,—
Выпьемо, куме, щей у четверъ (2-жды).
Продамо, куме, рябу тылицю,—
Выпьемо, куме, ще й у пятныцю (2-жды):
Покончаемъ, куме, свою роботу,—
Выпьемо, куме, ще й у субботу (2-жды).
Ой сложымо, куме, мы свое дило,—
Выпьемо, куме, ще й у пидилю (2-жды).

(Отъ крестьянки Евгеніи Гарьковой).

П. В. Ивановъ.

Г. Купянскъ, Харьковской губ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

VIII.

Изъ этнографическихъ рукописныхъ матеріаловъ предварительнаго комитета XII археологическаго съѣзда.

Мною сдѣланъ былъ краткій обзоръ всего рукописнаго матеріала, поступившаго въ предварительный комитетъ; эта работа передана мною въ распоряженіе съѣзда въ рукописи. На нѣкоторыхъ частяхъ этого матеріала, случайно, по моимъ личнымъ симпатіямъ, я остановился нѣсколько подробнѣе, сдѣлавъ краткій сводъ по возможности всего матеріала по отдѣльнымъ вопросамъ. Два этихъ вопроса: 1) о кобзаряхъ и лирникахъ и 2) о писанкахъ напечатаны въ «Запискахъ Императорскаго Харьковскаго Университета» за 1902 г. Въ настоящей замѣткѣ я собираюсь дать краткое обозрѣніе сырого матеріала по вопросу о заговорахъ (заклинаніямъ, шептаніяхъ и проч.). Частью этого матеріала я уже воспользовался въ своей работѣ, посвященной заговорамъ, которая печатается въ «Русск. Филол. Вѣстникѣ».

Буду и въ настоящей замѣткѣ придерживаться порядка, принятаго мною въ названной статьѣ,— располагать матеріалъ по тому, насколько употребителенъ тотъ или иной заговоръ.

1. *Отъ лихорадки:* «Каженка, каженка, пойди ты до воды, кого встрѣтишь, того и напади» (Доставлено учителемъ изъ хутора Топольскіе Пески, Купянскаго уѣзда, Харьковской губ.).

2. *Отъ сглаза:*

«Брала Матырь Божа водыцю,
Брала и хрестамы охрещала
И отъ орокивъ помогала,
И врокы и пророкы
И мужеськи и женьски,
И хлопьячи, и дивчачи
И подумани и погадани

И изъидени, и позавистувани,
И тутъ вамъ не стояты на р. Б. N
И червонiй кровы не мутыты
И щырого сердця не сушыты».

(Изъ хут. Соленаго Купянск. у., Харьк. губ.).

3. *Отъ крови:* Иде чоловикъ рудый, кинь рудый, узда руда, удила руди, сидло руде, стримена руди, подпруга руда. И ты, руда, стiй, не иды туда». (Говорить 9 разъ не переводя духу. Доставлено учителемъ хутора Нижнiй-Соленый, Купянскаго уѣзда, Харьковской губ.).

4. *Отъ зубной боли:* а) Молодый молодыче! тоби въ сповни, мени въ здоровьи.—Есть у насъ тры цари: одынъ Небесный, другой—земный, а третiй—у лиси.—Якъ зiйдуцьця воны земли межувать, тоди въ нарожд., молитв. N. зубы заболять». (Доставлено свящ. Шостенко г. Харькова Свято-Духовской церкви).

б) «Мѣсяць на небѣ, рыба въ води, медвидь въ лиси, комарь на крыши. Якъ сiи четыре братiи вмисти сойдутся, тоди у мол., хрещ. р. Б. (v. рабы) N. будуть зубы болиты. Нехай воны заниміютъ закаменiють, затвердiють на вики виковъ». (Доставлено учителемъ слоб. Кузеновки, Купянскаго уѣзда, Харьковской губ.).

в) «Аминь (3 р.)! Мисяцю молодый! Було васъ тры цари: одинъ царь земной, другый—небесный, третiй—водяный. Вы вмисти сыдилы, раду радылы: одъ зубивъ шепталы. Не я шепчу, Пресвята Дива Богородыця шептала своимъ святымъ духомъ и N. молытвамы отъ зубивъ помогала». (Доставлено учителемъ хутора Соленаго).

5. *Отъ «бешихи»* (рожистаго воспаленiя): «Бешихо, бешишище, може ты жиноцька, а може дивоцька, може парубоцька, я тебе вызываю, я тебе выклыкаю, я тебе посылаю; пиды соби на болота, на очерета, де витеръ не вiе, де сонце не грiе, де люды не ходють, де коровы не бродють, куды питушыный голосъ не долитае; тамъ соби поселысь, тамъ соби коренысъ, тутъ тоби не стояты, билои косты не ломыты червонои кровы не пыты, билого тила не сушыты, нарожденого, крещеного, молитвеного N. не зводыды. Тьфу! (плюетъ) сгынь; сгынь—пропады» (читать 3×9 разъ). (Доставлено свящ. Шостенко г. Харькова Свято-Духовской церкви).

6. *Отъ «мышыцъ»* (дѣтской безсонницы) (Носить больное дитя на насѣстье къ курамъ три утреннихъ и 3 вечернихъ зари, всякiй разъ приговаривая):

«Якъ пиду я въ лисъ,
А въ лиси Змiивна,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

А въ неи сынъ Максымъ,
А въ мене сынъ (v. дочь N.).
Мы жъ покумаемось
Мы жъ побратаемось,
Мы жъ и посестрымось!
Зміивна, Зміивно!
Возьмы у мого сына (v. дочери N.)
Мыщныци и раньни, и пиздни,
И нични, и полуничьни
И зоряни и вечерни».

(Изъ хутора Соленаго, см. выше).

7. *Отъ «крыклывцивъ»* (когда дитя много и сильно плачетъ, несутъ его «пидъ верхъ» (подъ дымовую трубу), встряхиваютъ головою внизъ, говорятъ 3 р.):

«Вы крыкливци,
Вы плаксивци,
Пидить у верхъ,
А на мою дытыну
Пишлы, Господы, сонъ да дримоты».

(Изъ хут. Соленаго).

II.

Болѣзни у животныхъ.

1. *Перелоги* (болѣзнь, происходящая отъ «сглазу»).—«Бабка беретъ шапку и проводитъ ею по всему хребту заболѣвшаго животнаго, потомъ тянетъ его за чубъ и за хвостъ и въ то же время говоритъ):

«Прилетилы вороны,
Взялы перелогы на (за?) рогы
Отъ (такой то) шерсти,
Отъ жовтой косты,
Отъ червоній коровы,
Отъ щырого сердця,
И подумани, и погадани
И стрижени, и изъидени,
И водяни, и вытряни,
Отъ червонои кровы,
Отъ щырого серця.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

И тутъ вамъ не стояты
На (такой то) шерсты,
На жовтой косты
На червоній крови,
На щирому серцю» (3 р.).
(Изъ хут. Соленаго).

III.

Болѣзни у пчелъ.

По вопросу о пчелахъ, доставлена Предварительному Комитету большая рукопись (92 стр.) учителемъ Купянскаго духовнаго училища Георгіемъ Θед. *Поповымъ* (законч. 12 авг. 1902 г.) подъ заглавіемъ «*Народные разсказы о пчелахъ*». Задумалъ авторъ свою работу подъ вліяніемъ «извѣстнаго въ Россіи энтомолога Петра Вас. Иванова»[1]). Авторъ предложилъ своимъ ученикамъ собрать въ своихъ родныхъ селеніяхъ народные разсказы—отвѣты на вопросные листки (преимущественно отъ крестьянъ Изюмскаго, Купянскаго и Старобѣльскаго уѣздовъ). Наименѣе удалось собрать заговоровъ («молитвы») на разные случаи пчеловодной практики, такъ какъ многіе убѣждены, что если повѣдаютъ другимъ свои тайныя знанія, сила и дѣйствіе ихъ пропадутъ.

Поэтому въ статьѣ приведено только два заговора отъ «*прозору*» (сглаза) пчелъ:

а) Смѣшать «стрѣтенскую» воду съ «недильною» (послѣдняя добывается такъ: въ воскресенье [«недиля»] подойдя на зарѣ къ крениць, проговорить: «Добрыдень тоби, крыныця, благословы набрать святои водыци—Анны ныпочатой», потомъ быстро набрать воды и поспѣшить къ пасѣкѣ) и проговоривъ *нижеприводимый заговоръ* кропить всѣ ульи до восхода солнца, приговаривая: «помяны Господы, царя Давыда кротости твои, оцарывъ небо и землю. Засымъ и Савватый, Гава, Родыгонъ и Рухманъ»).

«Хто съ тойи стороны йтымыть, силь ему та пычына, та болячка мыжъ очыма, камынь у груды, а тычына въ зубы. Хто сію бжолу урычеть, такъ ныхай соби на двое языкъ пырысичеть» (с. 57—8).

---

[1]) Упоминаю объ этомъ потому, что этотъ дѣйствительно видный дѣятель сумѣлъ въ Купянскомъ уѣздѣ создать многочисленную группу лицъ (преимущественно учителей) интересующихся народною жизнью съ этнографической точки зрѣнія.

б) «На рицци—на окіяни, на земли—на обояни стоявъ дубъ, пидъ дубомъ прыстолъ, на прыстоли Іисусъ Хрыстосъ и Маты Божа. И котори лазящіи въ воду—крыворуки и сухоруки! почерпнить сіи Орданскои воды и умыйты св. водою сію бжолу и утрить рызою святою новорожденнаго раба N. (пасѣчника) и во вѣки вѣковъ, Аминь» (с. 91).

Приведено еще нѣсколько заговоровъ, но уже не относящихся къ болѣзнямъ у пчелъ.—Для того, чтобы дать (интересующимся) понятіе о содержаніи статьи г. Попова, я приведу тѣ вопросы, на которые у него подобрались сборные отвѣты. Когда и какъ явились на свѣтѣ пчелы.—Когда и кѣмъ впервые стали разводиться пчелы въ Россіи.—Отчего у пчелъ не короли, а королева—матка.—Отчего у трутней нѣтъ жала.—Почему ужалившая человѣка пчела пропадаетъ.—Что дѣлаютъ, какія молитвы читаютъ, когда очищаютъ мѣсто для постановки улья.—Когда и какъ выставляютъ весною пчелъ.—Чѣмъ и какъ закармливаютъ весною пчелъ.—Что дѣлаютъ, чтобы пчелы не разлетались. Что дѣлаютъ, чтобы чужія пчелы не нападали.—Что кладутъ въ улей, или не втыкаютъ ли чего въ землю на пасѣкѣ,—Что дѣлаютъ, чтобы пчелы сильнѣе роились.—Что дѣлаютъ, чтобы рои ниже садились.—Какъ собираютъ первый рой;—что при этомъ говорятъ и дѣлаютъ.—Ко всѣмъ ли людямъ одинаково относятся пчелы; кого онѣ не любятъ.—Какія иконы ставятъ на пасѣкахъ и почему.—Что дѣлаютъ при покупкѣ улья пчелъ.—Можно ли умерщвлять пчелу и куда убираютъ мертвыхъ пчелъ.—Что дѣлаютъ на пасѣкѣ, когда умретъ хозяинъ или пасѣчникъ.—Что дѣлаютъ, когда въ семействѣ пасѣчника бываетъ свадьба или родится дитя.—Въ какихъ болѣзняхъ медъ служитъ лѣкарствомъ.—Въ какомъ видѣ и когда медъ употребляется на свадьбахъ и на поминкахъ.—На что употребляется воскъ.—Пословицы и поговорки о пчелѣ, медѣ, воскѣ.—Загадки на пчелу, улей, рой, медъ, воскъ.—Заговоръ отъ прозору.—Заговоръ отъ воровъ.

IV.

Поступила въ распоряженіе комитета одна любопытная рукопись подъ заглавіемъ «*Нѣсколько простонародныхъ способовъ лѣченія посредствомъ заговариваній, шептовъ и проч. (Для журнала)*». Рукопись не закончена, безъ подписи; судя по бумагѣ и письму—написана лѣтъ 20—30, а можетъ быть и болѣе назадъ; есть указаніе, что наблюденія

свои и записи заговоровъ авторъ производилъ въ Красногоркѣ.—Приведу нѣсколько болѣе-менѣе интересныхъ извлеченій изъ этой рукописи.

Вотъ характеристика отношенія «знахарокъ» къ своему дѣлу. «Къ больному призываютъ старуху-знахарку; она идетъ не медля ни минуты, спѣшитъ съ особеннымъ человѣколюбіемъ и состраданіемъ: для нея нѣтъ различія, богатъ или бѣденъ страждущій. Рѣдкое, поучительное безкорыстіе въ женщинахъ, которыхъ народъ честитъ позорнымъ титломъ «вѣдьмъ». Правда, не получивъ ничего, она не скажетъ, и не сдѣлаетъ ничего,—на черствный хлѣбъ, миска муки, двадцать копеекъ мѣдью или рубль серебромъ для нея какъ-будто все равно: съ одинаковымъ усердіемъ служитъ и за то и за другое.—Вотъ она пришла къ больному.—Посмотрите на нее: въ то время видъ ея не столько страшенъ и безобразенъ, сколько важенъ; это Пиоія; вы не можете не уважать ея. Она говоритъ тономъ покровительства—какъ благодѣтельница,—но ласково и даже съ нѣжностью материнскою. Невольно довѣряешь ей, даже если вы не *захочете*; скажу—полюбите ее, право полюбите ее: столько усердія, состраданія, нѣжности, любви въ этой старухѣ».

Извлеку и нѣкоторые заговоры, которые, на мой взглядъ, представляютъ нѣкоторый интересъ.

1. Отъ «*прыстриту*»: «Ишла Божія Маты золотымъ мостомъ, за нею Іисусъ Христосъ, да пытае ен: «Куды Ты йдешъ?» А вона каже: «Иду до нарожденнаго, молытвованнаго, крещенаго,—прыстриту одмовляты».

— Прыстритъ, прыстритыще, уйидъ, уйидыще вызываю тебе, выклыкаю тебе, высылаю тебе, вымовляю тебе, тутъ тоби не буты, червонои крови не пыты, жовтои кости не йисты, р. Б. N. нарожден., мол., крещ., не пудыты.—Иды соби на пущи, та на нетры [1]), та на сухи лисы, на степы далеки, де люды не ходять, де собакы не брешуть, де пивни не спивають, куды людьскій голосъ не заходыть».

2. Отъ «*лихорадки*» («трястя», «титка»).

а) Во время пароксизма обѣщаютъ что-нибудь подарить лихорадкѣ, если она уйдетъ:

«Титочко, голубочко, покынь мене, прошу тебе,—куплю тоби сережечки» (или что другое; обѣщанную вещь по выздоровленіи относятъ въ пустое мѣсто).

б) Купивъ въ кабакѣ на нѣсколько копеекъ водки, больному слѣдуетъ не пить ее, а проговоривъ: «тутъ прыйде выпить моя титка»,—уйти; лихорадка пойдетъ пить водку и къ больному не возвратится,

[1]) «Топкое мѣсто, торфъ,—гдѣ никто не ходитъ, не третъ пути».

хотя можетъ пристать къ кабачику или кому-либо изъ его семьи, поэтому добрые христіане не рѣшаются прибѣгать къ этому средству.

в) «Выйшовъ св. Созонтій на высоку гору, глянувъ очыма на сыне море, тай побачывъ симъ женъ простоволосыхъ и запытавъ ихъ: «Що вы за жены»? Воны реклы ему: «Мы титкы одиночкы, невирнаго царя дочкы».—Онъ пытае: «Якъ вамъ имена»?—А воны сказалы: «Одна Лелія, друга Пелія, третя Недрія, четверта—Невія, пьята—Осынна, шоста—Сыня, а сема—Чорный лисъ, та надъ всимы проклята».—Заклынаю васъ жывымъ Богомъ та Хрыстомъ и молытвамы св. Созонтія, щобъ отъ сёго часа не булы и не жылы у нарожд. молитв., крещ. р. Б. N. и ни въ чомъ ему не вредылы».

3. «*Грызь загрызать*». (Слегка кусая или грызя больное мѣсто, знахарка говоритъ): «Бигъ вовкъ, ажъ зострившъ его св. Петро, та спытавъ его: «Куды ты, вовчику, идешъ?»—По вдовыне порося.—Не йды жъ ты вдовыного поросяты йисты, иды до мого нарожденнаго, молытвенного, крещеного грызи грызты».

4. *Зубная боль.* «Замѣчательнѣйшее средство, (для меня особенно, потому, что я самъ имъ вылѣчилъ, и вотъ уже 19 лѣтъ послѣ того, благодаря Бога, не знаю, что и значитъ—зубъ болитъ—есть вотъ какое:

Сдѣлать изъ дерева колышекъ на-подобіе зуба, найти дерево, которое еще растетъ, нѣсколько разрѣзать въ немъ кору и вложить подъ нее колышекъ, соразмѣряя такъ, чтобъ это мѣсто дерева приходилось ровно къ зубамъ и завязать дерево. Когда дерево вырастетъ, такъ что мѣсто, въ которомъ положенъ колышекъ, не будетъ ровно съ зубами болѣвшаго, то и зубы никогда не станутъ болѣть. Все равно, если и больной перерастетъ дерево: главное здѣсь, чтобы не приходился колышекъ къ зубамъ».

На этомъ заканчиваю выдержки изъ рукописи, а вмѣстѣ и свою замѣтку. Добавлю только, что я не весь матеріалъ исчерпалъ, опустивъ нѣсколько заговоровъ, которые представляютъ соединеніе нѣсколькихъ отрывковъ различныхъ заговоровъ, а равно и такіе тексты, которые не являются хотя чѣмъ-либо отличными отъ извѣстныхъ записей.

А. Ветуховъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ний Института Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Образъ „плачущаго Спасителя“ въ Екатеринославскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

IX.

Образъ „плачущаго Спасителя“ въ Екатеринославскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ.

Въ городѣ Екатеринославѣ, въ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ у правой стороны арки. отдѣляющей среднюю часть храма отъ западной, въ большомъ деревянномъ кіотѣ близъ южной стѣны находится весьма чтимый мѣстнымъ населеніемъ образъ «Господа Вседержителя» [1]), чаще называемый «плачущимъ Спасителемъ». Изображеніе Спасителя совершенно особенное, рѣзко разнящееся отъ другихъ иконъ нашего Божественнаго Учителя. Здѣсь, Его ликъ скорбный, голова слегка приподнята и немного наклонена къ лѣвому плечу, взоръ обращенъ къ небу и изъ нижней части глазъ выступили двѣ слезныя капли, лѣвая рука плотно прижата къ персямъ, а правая, отъ локтя, простерта впередъ, ея ладонь согнута; все изображеніе поясное. Икона имѣетъ въ ширину 13, въ вышину 16 вершковъ и написана на холстѣ. Стиль письма итальянскій, но смыслъ вполнѣ православенъ: онъ отвѣчаетъ той части евангельскаго сказанія, въ которой св. ев. Іоаннъ Богословъ, повѣствуя о событіи воскрешенія праведнаго Лазаря, свидѣтельствуетъ, что Спаситель, при видѣ плакавшихъ Маріи--сестры Лазаря и пришедшихъ съ нею іудеевъ, Самъ воскорбѣлъ духомъ и прослезился.

Впрочемъ, существуетъ еще другое объясненіе происхожденія слезъ на иконѣ: мѣстное преданіе утверждаетъ, что онѣ не были написаны художникомъ, а явились уже впослѣдствіи, когда икона была въ домѣ одной благочестивой вдовицы и что чудесное ихъ изліяніе собственно и послужило поводомъ особаго чествованія иконы. По разсказамъ старожиловъ [2]), это случилось въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія; доку-

[1]) Наименованіе иконы «Господь Вседержитель» было вырѣзано на прежней сребропозлащенной ризѣ, украшающей теперь копію иконы..

[2]) Проживъ въ Екатеринославѣ 17 лѣтъ, я разновременно и отъ разныхъ лицъ слышалъ разсказы о соборной иконѣ „плачущаго Спасителя“. Разнясь между собой въ частныхъ подробностяхъ, эти разсказы въ общемъ сводились къ тому, что икона первоначально была въ домѣ вдовы Дѣевой, которая вмѣстѣ съ другими лицами удостоилась благодатнаго видѣнія слезъ чудесно выступившихъ изъ глазъ Спасителя, послѣ чего духовенство взяло икону изъ ея дома и доставило въ каѳедральный соборъ.

ментальныхъ же свѣдѣній, какъ объ этомъ, такъ и о времени поступленія иконы въ каѳедральный соборъ мнѣ не удалось отыскать. Въ описяхъ соборнаго имущества объ иконѣ упоминается глухо и очень поздно: первое оффиціальное извѣстіе о ней включено только въ опись 1887 года [1]) безъ всякаго указанія на предшествовавшую исторію, хотя внѣ всякаго сомнѣнія, что икона была извѣстна значительно ранѣе [2]), доказательствомъ чему служатъ разновременно появившіяся, ранѣе этого года, въ различныхъ церквахъ г. Екатеринослава ея многочисленныя копіи [3]).

Въ концѣ 1898 года, въ Москвѣ на фабрикѣ Деомидова для иконы сдѣлана новая сребропозлащенная риза съ эмалевыми украшеніями въ вѣнцѣ—вокругъ главы Спасителя и кругомъ—по каймѣ оклада: въ вѣнцѣ въ трехъ мѣстахъ помѣщены обычныя буквы: «ΝΙΚΑ».

Мнѣ говорили, что, при сооруженіи новой ризы, находились жертвователи, изъявлявшіе готовность украсить ее драгоцѣнными камнями, но имъ было отказано въ ихъ благочестивомъ усердіи единственно изъ за казавшагося несоотвѣтствія окружать скорбное выраженіе Божественнаго Лика блескомъ разноцвѣтныхъ камней. И только святѣйшее начертаніе „ІС ХС“ составлено изъ 134 бриліантовъ (20 въ двухъ титлахъ и 114 въ четырехъ буквахъ), да еще по неотступной просьбѣ одной жертвователь-

---

[1]) Въ описи соборнаго имущества за 1887 годъ икона названа „образомъ скорбящаго Спасителя“, а во вновь составленную опись перенесена уже съ названіемъ „образа плачущаго Спасителя“.

[2]) Въ концѣ прежней сребропозлащенной ризы, находящейся теперь какъ упомянуто выше на копіи образа, близь пробы выбитъ 1861 годъ едва-ли не означающій собой время начальнаго, открытаго чествованія св. иконы. Самая же икона поступила въ каѳедральный соборъ должно быть въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія: по крайней мѣрѣ, помѣщица Саковнина въ своихъ воспоминаніяхъ 1863 года точно и опредѣленно указываетъ, что въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ не позволялось носить иконы по домамъ и желавшіе были обязаны возить ее въ свои дома не иначе, какъ въ закрытомъ экипажѣ.

[3]) Копіи соборнаго образа „плачущаго Спасителя“, кромѣ каѳедральнаго собора, находятся еще въ слѣдующихъ церквахъ г. Екатеринослава: 1) *въ Крестовой Одигитріевской церкви* (въ архіерейскомъ домѣ)—въ серебряной ризѣ, помѣщается въ кіотѣ передъ правымъ клиросомъ 2) *въ Троицкой церкви*—въ серебряной ризѣ, въ кіотѣ у праваго подкупальнаго столба и 3) *въ той же церкви*—уменьшенная копія въ сребропозлащенной ризѣ, въ кіотѣ на южной стѣнѣ праваго придѣла 4) *въ Успенской* церкви—въ притворѣ, налѣво отъ входа 5) *въ Благовѣщенской церкви*- въ серебряной ризѣ, въ кіотѣ на южной стѣнкѣ праваго придѣла 6) *въ Воскресенской церкви* (на городскомъ кладбищѣ) въ сребропозлащенной ризѣ, въ главномъ иконостасѣ 7) *въ военной Крестовоздвиженской церкви* (при 1-й бригадѣ 34-й пѣхотной дивизіи) умепьшенная копія на лѣвой стѣнѣ въ общемъ кіотѣ съ другими иконами 8) *въ Николаевской церкви* (въ арестантскихъ ротахъ) большая овальная передъ лѣвымъ клиросомъ 9) *въ соборной церкви женскаго Тихвинскаго монастыря* (вблизи въ 2 верстахъ отъ г. Екатеринослава)—въ серебряной ризѣ, въ кіотѣ у подкупольной арки. Были случаи пріобрѣтенія копіи иконы и частными лицами: помѣщица Саковнина въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что она сама пріобрѣла въ 1863 году за 25 руб. копію иконы, найдя ее у священника Воскресенской кладбищенской церкви о. Александра (вѣроятно Зосимовича),—который былъ прекраснымъ живописцемъ.

ницы, надъ лѣвымъ плечомъ Спасителя помѣщена небольшая золотая звѣзда съ 13 бриліантами. Вѣсъ ризы 14 фунтовъ, стоимость (безъ бриліантовъ) 835 руб. 60 коп.

Передъ иконой 17 лампадъ, изъ нихъ три украшены цвѣтною эмалью, а при самой иконѣ находится нѣсколько серебряныхъ привѣсковъ въ видѣ прямоугольныхъ пластинокъ съ изображеніемъ различныхъ частей человѣческаго тѣла: глазъ, рукъ, ногъ и др., вырѣзанныя же на пластинкахъ надписи—«о здравіи Надежды, болящаго Іоанна, болящей Елены» очевидно указываютъ имена лицъ обращавшихся съ молитвою объ избавленіи ихъ отъ того, или другого недуга.

Еженедѣльно по пятницамъ, исключая праздничныхъ дней, передъ иконой читается акаѳистъ: отъ свѣтлаго Христова воскресенія до праздника вознесенія Господня—«Живоносному Гробу и воскресенію Господню,» потомъ до недѣли всѣхъ святыхъ—«Сладчайшему Іисусу» и «пресвятой и животворящей Троицѣ,» а въ остальное время -«божественнымъ страстямъ Христовымъ».

Икона участвуетъ въ бываемыхъ въ городѣ крестныхъ ходахъ и принимается въ частные дома для совершенія передъ ней молебновъ.

24 января 1905 года,
д. Мизетунь. въ Маньчжуріи.

В. Машуковъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

X.

Краткія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., въ 1903 г.

Изслѣдованія 1903 года являлись продолженіемъ изюмскихъ изслѣдованій 1901 года, законченныхъ на лѣвомъ берегу р. Бахмута. Главною цѣлью ихъ ставилось выясненіе типовъ погребеній позднѣйшихъ кочевниковъ печенѣго-половецкой группы и рѣшеніе невырѣшеннаго въ 1901 году вопроса объ отношеніи каменныхъ бабъ къ курганамъ. Сверхъ того, необходимымъ и возможнымъ казалось установить отношеніе древнѣйшихъ типовъ Придонецкихъ погребеній къ классическимъ греко-римскимъ культурамъ, и такимъ образомъ дать первымъ болѣе точное хронологическое опредѣленіе.

Общимъ направленіемъ изслѣдованій избраны р. Бахмутъ и р. Кальміусъ. Казалось, что этимъ маршрутомъ, однимъ концомъ упирающимся въ изслѣдованную область р. Донца, другимъ же—въ Азовское море, берега котораго, несомнѣнно, находились подъ живымъ воздѣйствіемъ классическихъ культуръ, удастся, какъ рыболовною сѣтью, перехватить не только всѣ типы погребеній прошедшихъ здѣсь народовъ, но и установить ихъ хронологическое и культурное отношеніе другъ къ другу.

Работы, начатыя отъ устья р. Бахмута, закончены на р. Кальміусѣ, близъ границы Маріупольскаго уѣзда. Рядъ совершенно непредвидѣнныхъ препятствій не позволилъ пройти до Азовскаго моря: сначала сильные дожди, затѣмъ необыкновенное вздорожаніе рабочихъ рукъ, вслѣдствіе богатаго урожая, сильно затормозили ходъ дѣла. Наконецъ, предложенія Бахмутскаго предводителя дворянства, Ф. А. Бантыша и Новороссійскаго горнопромышленнаго общества даровыхъ рабочихъ, заставили задержаться на одномъ участкѣ гораздо болѣе, чѣмъ предполагалось, а затѣмъ перенести работу совершенно въ сторону, на р. Торецъ.

Работы продолжались четыре мѣсяца. Въ это время изслѣдовано двѣ неолитическія стоянки и восемьдесятъ кургановъ съ 212 погребеніями.

Въ работахъ принималъ постоянное участіе В. И. Большаковъ, а временное—Н. В. и В. Н. Рухловъ.

Остатки неолитическихъ стоянокъ прослѣжены на берегахъ р. Бахмута, у д. Переѣздной и ж. д. ст. Ступки. Первое открытіе ихъ послѣдовало при раскопкахъ кургановъ. Въ обоихъ случаяхъ, насыпи кургановъ, оказались насыщенными осколками кремня, нуклеусами и гальками, служившими матеріаломъ для выдѣлки орудій.

Изученіе залеганія этихъ остатковъ въ прилегающихъ берегахъ рѣки и въ цѣльныхъ слояхъ, подъ курганными насыпями, приводило къ заключенію, что курганы, не смотря на то, что содержали древнѣйшіе типы погребеній, возведены на мѣстахъ, ранѣе служившихъ стоянками неолитическаго человѣка. Въ установленіи отношенія неолитическихъ памятниковъ къ курганнымъ и заключается весь интересъ обѣихъ стоянокъ. Число подѣлокъ добыто невелико, что вполнѣ зависитъ отъ незначительности площади раскопокъ.

Въ ихъ формахъ любопытны миндалевидныя орудія, ни разу невстрѣченныя въ курганныхъ погребеніяхъ.

Главное вниманіе удѣлялось изслѣдованію кургановъ. По формѣ насыпей, Бахмутскіе курганы дѣлятся на четыре типа: 1) курганы съ круглымъ основаніемъ и вершиною надъ сѣвернымъ краемъ, 2) курганы длинные съ одною хребтовидною вершиною, 3) курганы длинные съ нѣсколькими вершинами, и 4) курганы круглые съ вершиною надъ центромъ основанія.

Первые являются самыми обычными; основныя погребенія ихъ относятся къ отдаленнымъ временамъ.

Курганы второго и третьяго типа на р. Бахмутѣ совсѣмъ не встрѣчены, но на верховьяхъ Торца и Кальміуса представляются вполнѣ обычными. Основныя погребенія ихъ также древни, какъ и первыхъ.

Курганы четвертаго типа встрѣчаются повсюду довольно часто; при чемъ среди нихъ замѣчены двѣ разновидности: 1) съ болѣе обширными и расплывчатыми насыпями, и 2) съ менѣе обширными и болѣе возвышенными насыпями. Въ первыхъ основныя погребенія содержатъ или ямныя погребенія со скорченными костяками позднѣйшаго времени, совершенно не встрѣчающіяся въ Изюмскомъ уѣздѣ, или погребенія скифо-сарматской эпохи. Во вторыхъ встрѣчаются только погребенія позднѣйшихъ кочевниковъ; и подобные курганы въ Изюмскомъ уѣздѣ совершенно отсутствуютъ.

Отмѣченныя разновидности иногда такъ мало отличаются другъ отъ друга, что по формѣ ихъ не всегда удается опредѣленіе типа погребенія, скрытаго подъ насыпью.

Изслѣдованные курганы располагались въ слѣдующихъ пунктахъ, на р. Бахмутѣ: въ окресностяхъ хут. Каменки, д. Родіоновки, Переѣздной, жел. д. ст. Ступки и д. Ново-александровки; на р. Кальміусѣ, во владѣніяхъ Новороссійскаго Общества, въ окресностяхъ д. Яковлевки, Щегловки, хут. Пески, д. Марченки и ж. д. ст. Рудничной; на р. Торцѣ, въ окресностяхъ с. Райскаго и им. Камышевахи.

Изъ 212 открытыхъ погребеній, не менѣе половины могутъ быть отнесены къ бронзовой, а остальныя къ желѣзной эпохѣ. Погребенія первой эпохи заключались въ грунтовыхъ ямахъ, катакомбахъ, срубахъ и каменныхъ ящикахъ (кистахъ).

Характерные признаки Бахмутскихъ погребеній разсматриваемой эпохи совершенно схожи съ признаками Изюмскихъ погребеній той же эпохи и заключаются въ совмѣстномъ нахожденіи каменныхъ и бронзовыхъ или мѣдныхъ орудій. Самыя древнія Бамхутскія погребенія, точно такъ же, какъ изюмскія, совершались въ ямахъ. Позже слѣдовали другъ за другомъ сначала погребенія въ катакомбахъ, затѣмъ въ срубахъ, а еще позже—въ каменныхъ ящикахъ.

Всего ямныхъ погребеній изслѣдовано 30, изъ нихъ 16 относится къ древнѣйшему типу и 14—къ позднѣйшему типу.

Въ древнѣйшихъ погребеніяхъ покойники полагались головою на С.-В. и В., на правомъ боку, рѣже на спинѣ вытянуто или съ подогнутыми колѣнами. Исключеніе представило одно погребеніе съ костякомъ, лежавшимъ по правилу антитезы, т. е. какъ разъ противоположно, головою на З. и на лѣвомъ боку.

Вещей полагалось съ покойниками мало; онѣ состояли изъ глиняныхъ круглодонныхъ сосудовъ, кремневыхъ орудій и рѣдкихъ бронзовыхъ вещицъ, чаще же всего при покойникахъ или ничего не находилось или находились осколки кремня. Костяки обыкновенно посыпались красною краскою. Остатковъ домашнихъ животныхъ не найдено: они такъ рѣдки, что въ шестидесяти Изюмскихъ ямныхъ погребеніяхъ встрѣтились только одинъ разъ.

Позднѣйшій типъ ямныхъ погребеній впервые встрѣтился на берегахъ р. Кальміуса. Этотъ типъ отличается отъ древнѣйшаго довольно характерно. Прежде всего бросается въ глаза болѣе частое явленіе при костякахъ глиняныхъ сосудовъ, очень рѣдкихъ въ древнѣйшихъ ямныхъ погребеніяхъ. Сосуды имѣютъ плоскія днища, баночную форму, свой-

ственную только времени позднѣйшихъ скорченныхъ костяковъ, встрѣчаемыхъ въ грубыхъ каменныхъ ящикахъ и въ особенности въ насыпяхъ. Въ одномъ погребеніи найденъ сосудъ рюмочной формы, совершенно схожій съ такимъ же сосудомъ, найденнымъ при погребеніи въ насыпи кургана, расположеннаго на р. Бахмутѣ. Форма этихъ довольно изящныхъ сосудовъ ясно имитируетъ металлическимъ—типа такъ называемыхъ скиѳскихъ котловъ и поэтому не можетъ быть очень древнею.

Въ другомъ погребеніи найдена костяная эллептической формы бляха, также свойственная только позднѣйшимъ скорченнымъ погребеніямъ.

Наконецъ, при третьемъ погребеніи найдены слѣды бронзовой серьги и сильно перетлѣвшій желѣзный предметъ. Послѣднее явленіе хотя и возможно было объяснить перемѣщеніемъ предмета землеройками изъ сосѣдняго кочевническаго погребенія, но въ этомъ же погребеніи оказались отрубленныя ноги лошади, явившейся въ южнорусскихъ степяхъ, какъ прирученное животное никакъ не ранѣе времени катакомбныхъ погребеній, смѣнившихъ древнія ямныя.

Итакъ, установивъ отличительные признаки позднѣйшихъ ямныхъ погребеній, попытаемся дать имъ общую характеристику.

Костяки этихъ погребеній преимущественно лежатъ головою на В., скорченно, одинаково часто на правомъ и лѣвомъ боку, но никогда не вытянуто и не на спинѣ съ подогнутыми колѣнами. Краски совершенно отсутствуютъ. Ямы чаще покрываются камнями, чѣмъ бревнами. Курганы сыпятся круглые съ вершиной надъ центромъ основанія и сравнительно небольшихъ размѣровъ; однако насыпка ихъ, по многимъ признакамъ, практиковалась не часто, уступая первенство погребеніямъ въ насыпяхъ болѣе древнихъ кургановъ.

Таковъ въ общемъ видъ новѣйшихъ ямныхъ погребеній. Болѣе подробное ознакомленіе съ нимъ обѣщаетъ пролить новый свѣтъ на ямныя погребенія и сдѣлать понятнымъ, почему при однихъ скорченныхъ костякахъ, зарытыхъ въ ямахъ находятся только каменныя и рѣдко рѣдко бронзовыя вещицы и орудія, а при другихъ не только бронза, но и желѣзо: эти костяки, не смотря на одинаковость ихъ положенія въ ямахъ, отдѣляются другъ отъ друга, вѣроятно, очень большимъ періодомъ времени.

Катакомбъ изслѣдовано 19, въ нихъ содержалось 29 покойниковъ. При изслѣдованіи береговъ р. Донца, въ Изюмскомъ уѣздѣ, было замѣчено, что количество катакомбъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ р. Бахмуту. Изслѣдованія 1903 года вновь подтвердили это и представляется весьма правдоподобнымъ, что типъ катакомбныхъ погребеній за-

нимаетъ не широкую полосу по р. Донцу, начиная съ его средняго теченія, гдѣ нибудь выше Изюмскаго уѣзда, и кончая впаденіемъ въ Донъ, гдѣ подобныя погребенія изслѣдовались Н. Е. Бранденбургомъ. Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, по мѣрѣ удаленія отъ р. Донца къ югу, катакомбы встрѣчаются все рѣже и рѣже. На р. Кальміусѣ, встрѣчено только двѣ катакомбы, изъ которыхъ одна оказалась разоренною сурками (бабаками), а другая мало имѣла сходства съ типичными придонецкими катакомбами.

Всѣ Изюмскія катакомбы, не исключая тѣхъ, которыя располагались и на р. Бахмутѣ, закрывались деревянными плахами. Бахмутскія же катакомбы закрывались то плахами, то камнями, то глиной. Входъ въ одну катакомбу защищался восьми вершковыми дубовыми обрубками и тридцатью двумя камнями, изъ которыхъ наибольшіе достигли человѣческаго роста. Къ сожалѣнію, не смотря на такую грандіозную защиту, катакомба оказалась начисто ограбленною современниками покойника. Ограбленными найдены и другія болѣе значительныя катакомбы. Фактъ существованія грабительской дѣятельности у современниковъ катакомбъ, убѣдительно доказываетъ, что съ покойниками иногда зарывались и болѣе цѣнныя вещи, чѣмъ тѣ, которыя до сихъ поръ удалось собрать изслѣдователямъ. Въ составъ этихъ вещей пока входятъ бронзовыя кованныя ножи, шила, спиральныя кольца, бусины, кремневыя стрѣлы, глиняные сосуды и др. Сходство ихъ съ кавказскими бронзовыми культурами мною указывалось въ отчетахъ объ изюмскихъ раскопкахъ. Вновь собранный матеріалъ далъ признаки сходства донецкой катакомбной культуры съ закавказскою, изслѣдованною г. Рерслеромъ въ разныхъ пунктахъ Елизаветпольской губерніи. Это сходство замѣтно въ формахъ нѣкоторыхъ сосудовъ, бронзовыхъ бусъ, спиральныхъ колецъ, кремневыхъ наконечникахъ стрѣлъ и другихъ. Большая разница заключается, однако, въ томъ, что Закавказская культура гораздо богаче количествомъ бронзы, вслѣдствіе чего и весь домашній инвентарь представляется богаче и полнѣе. Такъ въ Закавказской культурѣ имѣются бронзовые топоры, кинжалы, копья и стрѣлы, тогда какъ въ Донецкой—только—ножи и шила, хотя имѣется достаточно признаковъ существованія у донецкаго катакомбнаго человѣка и болѣе солидныхъ металлическихъ орудій.

Среди всѣхъ древнихъ донецкихъ культуръ, катакомбная заслуживаетъ особеннаго вниманія. Ея вліяніе можно прослѣдить до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Евр. Россіи; такъ отголоски чрезвычайно оригинальнаго и пышнаго керамическаго орнамента уже въ настоящее время можно указать на берегахъ р. Оки, верховьяхъ р. Волги, Финляндіи и берегахъ Бѣлаго моря и всюду присутствіе этого орнамента является положитель-

нымъ признакомъ смѣны каменной культуры металлическою и, именно, бронзовою.

При довольно точномъ знаніи предѣловъ распространенія, при достаточномъ богатствѣ содержимаго, донецкая катакомбная культура, въ настоящее время, уже могла бы послужить предметомъ особаго спеціальнаго изслѣдованія.

Срубныхъ погребеній открыто пять. Сравнительно съ изюмскимъ раіономъ, чрезвычайно мало; изъ нихъ только одно погребеніе найдено на берегу р. Бахмута, остальныя же три—на р. Торцѣ, въ сферѣ изюмскаго раіона. На р. Кальміусѣ встрѣчено одно погребеніе, форма котораго похожа на срубную, хотя за ветхостью остатковъ дерева и нельзя было вполнѣ установить, что здѣсь, дѣйствительно, находился срубъ. При этомъ погребеніи найдены ноги и черепа коровы и овцы, обычно сопровождающія срубныя погребенія и одинъ кремневый тщательно оббитый наконечникъ стрѣлы.

Открытіе подобныхъ погребеній въ Кіевской и Воронежской губерніяхъ указываетъ, что площадь распространенія ихъ была очень велика.

Въ 1903 году, лучшія срубныя погребенія встрѣчены на р. Торцѣ, въ имѣніи Ф. А. Бантыша. Три погребенія покоились въ трехъ смежныхъ курганахъ, являясь въ нихъ основными. Въ каждомъ погребеніи найдены остатки или слѣды бронзовыхъ вещей. Судя же по силѣ обработки дубовыхъ бревенъ и досокъ, необходимо заключить, что въ распоряженіи срубнаго человѣка имѣлись прекрасныя металлическія орудія.

Надъ однимъ срубомъ былъ устроенъ шалашъ, основанный на двухъ столбахъ, врытыхъ въ круглыя ямы, сверху покрытый сучьями и камышомъ. На гребнѣ крыши стояли три глиняныхъ сосуда кверху днемъ, а рядомъ съ ними—небольшой песчанниковый жерновокъ (терка) и кремень, повидимому, служившій для высѣканія огня. Вещей въ срубахъ собрано немного. Болѣе интересными представляются пара костяныхъ запонокъ хорошей техники съ застежками, совершенно схожими съ современными у рукавныхъ запонокъ. Найдены онѣ около шеи и служили, вѣроятнѣе всего, для застегиванія ворота одежды.

Погребеній въ каменныхъ ящикахъ открыто пять. Въ Изюмскомъ уѣздѣ они не разу не были встрѣчены. Очевидно, ихъ площадь массоваго распространенія не простирается на С.-З. далѣе р. Бахмута. Три каменныхъ ящика открыто въ области правобережья р. Бахмута и два—на р. Кальміусѣ. Основываясь на открытіи В. А. Харламова подобныхъ ящиковъ на среднемъ теченіи р. Кальміуса, можно допустить, что этотъ типъ погребеній болѣе обычнымъ становится только на югѣ и, вѣроят-

нѣе всего, находится въ связи съ Таманскимъ и Крымскимъ раіономъ, гдѣ погребенія въ каменныхъ ящикахъ представляютъ вполнѣ обычное явленіе.

Благодаря очень счастливому стеченію условій, хронологію этихъ интересныхъ памятниковъ удалось установить довольно точно.

Въ большомъ курганѣ, расположенномъ недалеко отъ устья р. Бахмута, основнымъ погребеніемъ являлось катакомбное погребеніе, выше котораго, въ насыпи, было найдено второе впускное погребеніе, сопровождавшееся весьма характернымъ остроребернымъ глинянымъ сосудомъ. Время появленія такихъ сосудовъ въ Донецкой области извѣстно: оно совпадаетъ со временемъ срубныхъ погребеній; позже эта форма посуды удерживается во весь періодъ погребеній въ насыпяхъ, хотя и не въ столь распространенномъ количествѣ. Это доказываетъ, что встрѣченное погребеніе не можетъ быть древнѣе срубныхъ. Между тѣмъ, какъ разъ надъ нимъ, вершковъ на 12 выше, открыто второе вводное погребеніе въ каменномъ ящикѣ. Отсюда ясно, что послѣднее погребеніе моложе не только катакомбныхъ, но и срубныхъ. Всѣ прочія погребенія въ ящикахъ, занимая мѣсто въ вершинахъ насыпей кургановъ, только подтверждали правильность заключенія о позднѣйшемъ ихъ появленіи; однако отношеніе ихъ къ скорченнымъ погребеніямъ въ насыпяхъ остается не совсѣмъ выясненнымъ. По типу встрѣченныхъ сосудовъ каменные ящики занимаютъ какъ бы средину между типами срубныхъ и насыпныхъ сосудовъ, но между ними появляется амфоровидная форма, служащая несомнѣннымъ отголоскомъ греческой культуры. Эта форма, совершенно несвойственная срубной керамикѣ, дважды была встрѣчена въ керамикѣ изюмскихъ скорченныхъ погребеній въ насыпяхъ. Поэтому погребенія въ каменныхъ ящикахъ должны занять во времени мѣсто ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ срубнымъ погребеніямъ.

Ни каменныхъ, ни металлическихъ орудій въ каменныхъ ящикахъ не найдено; изъ другихъ же вещей, кромѣ глиняныхъ горшковъ, при одномъ костякѣ, отысканы остатки деревянной чашки, окованной бронзовыми обоймами.

Скорченныхъ костяковъ въ насыпяхъ встрѣчено 67. Типъ ихъ совершенно тотъ же какъ, и донецкихъ Изюмскаго уѣзда, изслѣдованныхъ нами въ 1901 году, въ сложности съ которыми они даютъ очень внушительное число въ 182 погребеніяхъ. Типичными изъ нихъ являются съ костяками, лежащими въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на СВ. и В., съ кистями рукъ передъ лицомъ. Очень часто съ покойниками ставятся по одному, рѣже по два глиняныхъ со-

суда, преимущественно баночной формы. На нѣсколькихъ сосудахъ встрѣчены въ орнаментѣ свастика и кресты, вѣроятно, представляющіе ту же свастику, но въ болѣе общихъ схематическихъ чертахъ. Другихъ вещей при костякахъ оказалось очень мало; они состоятъ изъ костяныхъ подѣлокъ, незначительныхъ остатковъ бронзовой вещицы и одного куска желѣза, указывающаго на принадлежность разсматриваемаго типа погребеній уже къ желѣзной эпохѣ. Чаще встрѣчались астрагалы овецъ, служившіе, очевидно, для игры: при одномъ дѣтскомъ погребеніи найдено 180 астрагаловъ, изъ нихъ 20 штукъ имѣли стесанныя и зашлифованныя грани, а на грани одного прочерченъ крестъ. Количество этихъ астрагаловъ интересно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ оно указываетъ на широкое овцеводство, а во-вторыхъ—на знаніе у народа счисленія до значительныхъ цифръ.

Погребеній скиоо-сарматской эпохи встрѣчено пять: два на р. Бахмутѣ, одно на р. Кальміусѣ и два на р. Торцѣ. Богатѣйшее изъ нихъ, встрѣченное на р. Кальміусѣ оказалось дважды ограбленнымъ. Въ неглубокой, но необычно обширной ямѣ, покрытой бревнами, были похоронены два костяка, части овцы и коня. Въ первый разъ въ яму проникли грабители подкопомъ сбоку, а во второй—сверху. Костяки оказались разбросанными. Въ разныхъ пунктахъ найдены: 1) бронзовый браслетъ, 2) обломокъ бронзоваго кольца, 3) бронзовый наконечникъ стрѣлы сарматскаго типа, и 4) обломки глинянаго горшка.

Изъ прочихъ погребеній, при двухъ найдены глиняные сосуды и при одномъ—бронзовый наконечникъ стрѣлы; при одномъ же никакихъ вещей не оказалось. Костяки лежали въ одномъ случаѣ на правомъ боку, вытянуто, головою на СВВ., а въ остальныхъ—на спинѣ, вытянуто головами на З.

Погребеній болѣе позднихъ кочевниковъ изслѣдовано 64, почти вдвое болѣе, чѣмъ въ Изюмскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, изъ нихъ 11 оказались разграбленными; прочія—легко дѣлятся на четыре типа и одну группу неопредѣленнаго характера.

Къ первому, древнѣйшему типу, относятся 14 погребеній. Покойники полагаются вытянуто, на спинѣ, головою на Ю. и только въ исключительныхъ случаяхъ прямо противоположно, т. е. головою на С. Хоронятся они или въ чужихъ, болѣе древнихъ курганахъ, или въ своихъ, имѣющихъ полушарную форму,—въ очень узкихъ грунтовыхъ ямахъ съ закругленными углами, сверху иногда покрытыхъ камнями, а чаще просто засыпанныхъ землею.

Изъ четырнадцати погребеній, десять найдены въ одной курганной группѣ,—въ д. Переѣздной, два—въ д. Родіоновкѣ, одно— у ж. д. ст. Ступки, въ обоихъ пунктахъ на р. Бахмутѣ, и одно—у д. Щегловой, на р. Кальміусѣ. Изъ нихъ два погребенія оказались ограбленными; изъ нихъ одно было коллективное съ тремя костяками. Изъ цѣльныхъ погребеній, одни принадлежали мужчинамъ, другія—женщинамъ и третьи—дѣтямъ. При покойникахъ почти во всѣхъ случаяхъ полагались глиняные сосуды разныхъ формъ, фабрикованныхъ то прямо отъ руки, то на гончарномъ кругѣ.

При одномъ ограбленномъ покойникѣ лежалъ цѣлый остовъ коня, при шести—отдѣльныя кости овецъ. Въ одномъ мужскомъ погребеніи найденъ желѣзный мечъ позднесарматскаго типа и желѣзная трехгранная стрѣла; при женскихъ погребеніяхъ собраны бусы, прясла, желѣзныя трехгранныя стрѣлы со стержнемъ для насада въ древко, одна капторга съ серебрянымъ флакономъ, одна золотая амфоровидная подвѣска, имитирующая подобнымъ золотымъ подвѣскамъ позднегреческаго производства, и др. Самою же важною вещью является *миньятюрная каменная баба*, найденная въ кисти лѣвой руки дѣтскаго костяка. Это—пока единственный и поэтому драгоцѣнный фактъ непосредственной связи каменныхъ бабъ съ погребеніями. Миньятюрная каменная баба—вырѣзана изъ мѣлового камня; формою вполнѣ копируетъ обыкновенныя формы каменныхъ бабъ; ей даже придана въ основаніи та часть, которая предназначалась для вкапыванія въ землю большихъ каменныхъ бабъ. При дѣтскомъ костякѣ съ каменною бабою найдены раздавленный почвою глиняный кувшинчикъ и ожерелье изъ мелкихъ бусинъ египетской смальты. Совершенно такія же бусины найдены въ другомъ погребеніи той же курганной группы; при этомъ второмъ погребеніи, среди сравнительно очень обильныхъ вещей, лежалъ на груди костяка серебряный флаконъ, несомнѣнно, носившійся въ особой сумкѣ—капторгѣ, отъ которой сохранились остатки. Такія капторги изображаются на груди многихъ женскихъ фигуръ каменныхъ бабъ, а поэтому связь и этого погребенія съ каменными бабами становится довольно убѣдительною, помимо другихъ признаковъ, объединяющихъ всѣ разсматриваемыя погребенія въ одну группу съ дѣтскимъ погребеніемъ, отмѣченнымъ связью съ каменною бабою. Еще интереснѣе и важнѣе то, что совершенно такія же по формѣ, цвѣту и величинѣ египетскія бусины, какія найдены въ двухъ описываемыхъ погребеніяхъ, отысканы г. Сулѣнымъ въ Сальскомъ округѣ Области Войска Донского, на лѣвомъ берегу р. Дона, при дѣтскомъ погребеніи какъ разъ описываемаго

типа, гдѣ вдоль костяка въ рядъ, шпалерами, стояли четыре характерныхъ фигуры каменныхъ бабъ, вырѣзанныхъ изъ дерева [1]).

Сближеніе всѣхъ указанныхъ фактовъ положительно устанавливаетъ связь каменныхъ бабъ съ опредѣленнымъ и теперь хорошо выясненнымъ типомъ погребеній, распространявшихся, повидимому, на обширной площади южнорусскихъ степей.

Ко второму болѣе позднему типу кочевническихъ погребеній относятся одиннадцать; изъ нихъ шесть погребеній открыто на р. Бахмутѣ и четыре—на р. Кальміусѣ. Существуютъ положительные признаки, что громадное количество изъ ограбленныхъ позднѣйшими кладоискателями кочевническихъ погребеній, встрѣченныхъ на р. Кальміусѣ принадлежатъ, именно, къ этому типу.

Покойники полагаются вытянуто, на спинѣ, головою на В, въ грунтовыхъ ямахъ, часто покрытыхъ бревенчатымъ накатникомъ, расположеннымъ то горизонтально, то діагонально, наискось, такъ что бревна однимъ концомъ упираются въ дно ямы, а другимъ—налегаютъ на противоположный верхній край ея.

Въ двухъ случаяхъ, покойники лежали въ колодахъ и въ одномъ случаѣ—въ досчатомъ гробу, въ прочихъ—прямо на землѣ. Съ двумя покойниками лежали цѣльные остовы, а съ однимъ—части остова коня. Какъ цѣлые остовы, такъ и части располагаются головами на З, т. е. какъ разъ противоположно съ покойникомъ. Покойникамъ почти всегда кладутся отрубленныя части овецъ. Изрѣдка погребенія совершаются въ старыхъ курганахъ, но чаще для нихъ возводятся новые свои курганы. Строеніе ихъ очень оригинально: прежде всего надъ ямой покойника насыпается небольшой холмикъ земли. Этотъ холмикъ сплошь закладывается въ одинъ или нѣсколько рядовъ камнемъ, что придаетъ кургану форму черепахи; иногда, въ головахъ покойника ставился камень, возвышающійся надъ прочими. На хребтѣ каменной облицовки раскладывались кости (вѣроятно, съ мясомъ) овцы и коровы; затѣмъ, всё вновь засыпалось землею и курганъ получалъ окончательную форму въ видѣ полушара съ вершиной надъ центромъ основанія. На р. Кальміусѣ, этотъ типъ кургановъ имѣлъ сплошное распространеніе, но, къ сожалѣнію, благодаря легкости опредѣленія его посредствомъ желѣзнаго щупа и содержанія въ могилахъ вещей изъ драгоцѣннаго металла, всѣ лучшіе курганы раскопаны современными намъ кладоискателями на выборъ.

---

[1]) *И. М. Сулинъ.* Отчетъ по командировкѣ въ Черкасскій и Сальскій округа. Новочеркасскъ.

Хоронились одинаково мужчины и женщины. Съ первыми полагались сабли, ножи, колчаны съ желѣзными наконечниками стрѣлъ, огнива, сѣдла одинъ топоръ и др.; съ женщинами —бусы, ножи, металлическія зеркала и др. Сабли, стрѣлы и топоры поздняго времени. Колчаны имѣетъ форму бронзовыхъ кельтовъ, расширяющихся къ низу. Верхняя часть колчана иногда покрывалась костяными пластинками съ пышнымъ геометрическимъ орнаментомъ и рисунками животныхъ (оленей).

Время этихъ погребеній сравнительно позднее. Народность—монгольская, но какая именно, еще невозможно сказать. Не принадлежатъ, ли эти погребенія Половцамъ? Постановка вопроса умѣстна, рѣшеніе же его принадлежитъ будущему.

Къ третьему типу относится пять погребеній, изъ нихъ четыре открыты въ области р. Бахмута и одно въ области р. Кальміуса. Покойники полагаются вытянуто, на спинѣ, головою на З, въ деревянныхъ колодахъ, за исключеніемъ одного кальміусскаго, обложеннаго камышомъ.

Въ четырехъ погребеніяхъ найдены или цѣлые остовы или части коней, расположенные всегда такъ, что голова коня приходилась въ одну сторону съ головою покойника, т. е. на З. Этотъ типъ погребеній встрѣченъ и тщательно изученъ на р. Россавѣ и Росѣ, въ Кіевской губерніи, и на берегахъ р. Донца, въ Изюмскомъ уѣздѣ. Въ послѣднемъ нами изслѣдовано до тридцати кочевническихъ погребеній и всѣ они оказались одного описываемаго типа. Очевидно, народность, оставившая эти погребенія главнымъ образомъ занимала Изюмскую землю, рѣдко переходя за р. Бахмутъ и мало впуская постороннихъ въ свою область. Что это была за народность. Исторіи извѣстно, что, изъ позднѣйшихъ кочевниковъ только *Торки* обитали на р. Торцѣ, составляющемъ центръ изслѣдованной площади въ Изюмскомъ уѣздѣ, на р. Росѣ, въ Кіевской губерніи. Разъ же на той и другой площади найдены совершенно тождественныя и на другихъ площадяхъ невстрѣчающіяся погребенія, соотвѣтствующія данному времени, то, конечно, возможно и должно отнести эти погребенія *Торкамъ*. Не считая удобнымъ вдаваться здѣсь въ подробности оцѣнки этого положенія, замѣчу только, что описываемый типъ настолько характеренъ и выразителенъ, что его невозможно смѣшать съ другими кочевническими типами погребеній, встрѣченныхъ въ степяхъ р. Бахмута и р. Кальміуса.

Въ составъ четвертаго типа входятъ девять погребеній; изъ нихъ три открыты на р. Бахмутѣ и шесть на р. Кальміусѣ. Костяки ориентированы головою на З., лежатъ безъ гробовъ и безъ вещей; въ четырехъ случаяхъ со скрещенными на груди руками. Повидимому, это очень

позднія погребенія, а нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть даже христіанскими.

Совершенно изолированно стоитъ одно погребеніе, открытое въ курганѣ близъ хут. Пески, въ области р. Кальміуса. Для покойника была вырыта яма въ насыпи стараго кургана. На дно ея опущенъ гробъ, сплетенный изъ тонкихъ драницъ, какъ современныя коробки, продаваемыя въ мелочныхъ лавкахъ.

На краяхъ ямы, въ головахъ и ногахъ покойника, поставлены по одной деревянной статуэткѣ, а съ боковъ разложены остовы восьми телятъ, двухъ овецъ и отрубленныя части лошади, близъ которыхъ найдено одно желѣзное стремя.

Покойникъ лежалъ вытянуто, на спинѣ, головою на З. При немъ находилась желѣзная сабля, колчанъ съ расширеніемъ книзу, въ формѣ бронзоваго кельта, желѣзныя стрѣлы, глиняный горшечекъ и другія мелкія вещи. На днѣ гроба видна посыпка известью, а на тазу покойника найденъ кусокъ мѣла. Послѣдніе предметы сближаютъ погребеніе съ первымъ и вторымъ описанными типами кочевническихъ погребеній, гдѣ также наблюдались известь и мѣлъ; но всѣ прочіе признаки даютъ ему право занять особое мѣсто.

Погребеній съ разнообразною оріентировкою и обстановкою открыто 11.

Изъ нихъ одно оказалось въ катакомбѣ, въ сопровожденіи череповъ старой лошади и жеребенка. Д. Я. Самоквасовъ совершенно такія же погребенія изслѣдовалъ въ с. Новогригорьевкѣ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.; А. А. Карцовъ—въ д. Вороновой Новомосковскаго у., той же губерніи; при чемъ въ послѣднихъ были найдены двѣ монеты хана Узбека, поэтому погребенія этого типа должно отнести къ татарскому времени и, возможно, татарской народности.

Этимъ въ общихъ чертахъ исчерпываются всѣ результаты нашихъ работъ 1903 года.

В. А. Городцовъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XI.

Стоянка и мастерская около сл. Хухры, Ахтырскаго уѣзда Харьковской губерніи.

Стоянка находится около сл. Хухры и расположена на песчаныхъ дюнахъ, идущихъ по берегу рѣчки Хухры. На этомъ пространствѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ черепки глиняныхъ сосудовъ и другіе предметы, свидѣтельствующіе о пребываніи здѣсь въ древности людей, культура и бытъ которыхъ отличались отъ современныхъ. По просьбѣ автора этой замѣтки, мѣстный землевладѣлецъ З. З. Виноградовъ посѣтилъ стоянку и собралъ всѣ тѣ предметы, которые встрѣтились ему на поверхности [1]). Кромѣ того, небольшое количество предметовъ, собранныхъ тамъ же, прислалъ на выставку при XII археологическомъ съѣздѣ о. Д. Поповъ [2]). Предметы, доставленные такимъ путемъ, принадлежатъ къ слѣдующимъ категоріямъ: *А. Керамическія издѣлія. Б Каменыя орудія и осколки. В. Металлическіе предметы.* Къ характеристикѣ данныхъ предметовъ и представляемой ими культурной эпохѣ мы и переходимъ теперь.

Керамическія издѣлія составляютъ большую часть данной находки и состоятъ главнымъ образомъ изъ черепковъ глиняныхъ сосудовъ различной работы, величины и формы, но, кромѣ нихъ, встрѣтились также глиняныя пряслицы, грузила и предметы непзвѣстнаго назначенія. Разсматривая черепки сосудовъ, легко замѣтить среди нихъ нѣсколько различныхъ типовъ, при чемъ отличія вызываются разными причинами: прочностью обжиганія, формой, величиной, орнаментомъ и т. д. Конечно, численно не всѣ группы представлены одинаково: преобладаютъ черепки первыхъ двухъ категорій, при чемъ они оказываются почти въ одинаковомъ количествѣ, а другіе встрѣтились въ болѣе или менѣе единичныхъ экземи-

[1]) Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Отдѣлъ древностей, добытыхъ изъ раскопокъ и случайныхъ находокъ. Х. 1902, с.с. 192—193. [2]) ibid, с. 18.

лярахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ черепки горшковъ разной величины и формы преобладаютъ надъ черепками другихъ сосудовъ.

Прежде всего значительная часть черепковъ принадлежитъ къ тому типу, который встрѣчается и на другихъ стоянкахъ не только Харьковской губерніи, но и прочихъ частей Южной и Западной Россіи. Это обломки глиняныхъ горшковъ разной величины, сдѣланныхъ отъ руки изъ плохо отмученной глины. Горшки были слабо обожжены. Отъ этихъ горшковъ сохранились различныя части: плоскія днища, боковыя стѣнки, верхнія части. Горшки большею частью имѣли слабо выраженныя шейки и плечи, при чемъ обрѣзъ края у всѣхъ прямой, а у немногихъ край слегка откинутъ. Нѣкоторые изъ этихъ черепковъ покрыты орнаментомъ, при чемъ встрѣтились обычные виды: точечный, веревочный, елочный, лѣпной шнуровой (двускактный шнуръ) и т. д. [1]). Совершенно аналогичные [2]) этимъ черепкамъ встрѣтились въ другихъ мѣстахъ Харьковской губерніи: на стоянкахъ около с. Кочетка, около с. Катанскихъ Вилъ [3]) около сл. Кириковки [4]) и т. д. Подобные же черепки встрѣчались намъ обыкновенно и въ другихъ мѣстностяхъ; такъ на стоянкѣ на Лысой горѣ, у Кіева и т. д.

Въ такомъ же приблизительно количествѣ найдены черепки глиняныхъ горшковъ другого типа. Это — кубастые горшки различной величины съ откинутымъ краемъ. Обрѣзъ края у нихъ различенъ: у однихъ онъ — прямой, у другихъ — волнистый. Подобно горшкамъ первой группы они сдѣланы отъ руки изъ плохо отмученной глины и слабо обожжены на огнѣ. При этомъ стѣнки ихъ обыкновенно толще, тѣмъ у горшковъ первой группы, и у нѣкоторыхъ слегка выглажены. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли ушки, но, вѣроятно, рѣдко. Отъ нихъ сохранились различныя части: днища (плоскія), боковыя стѣнки, верхнія части, ушки. Иные изъ этихъ черепковъ украшены орнаментомъ, но при этомъ мы встрѣтились только съ 3 видами орнамента, которые иногда комбинируются вмѣстѣ: точки большого діаметра, сквозныя дыры и лѣпной шнуръ. Нѣкоторые сосуды украшены на шеѣ точками, поставленными рѣдко и въ одинъ рядъ, а другіе орнаментированы на переходѣ отъ шеи къ плечамъ плоскимъ лѣпнымъ шнуромъ, при чемъ оба эти орнамента совмѣстно не встрѣтились. Но одинъ черепокъ украшенъ почти у края сквозными дырами, назначеніе которыхъ остается неяснымъ, а ниже, у плечей идетъ лѣпной плоскій шнуръ [5]). Вообще, черепки второй группы рѣзко отличаются отъ первой

[1]) ibid, с.с. 193 - 194. [2]) ibid, с.с. 9—13, 79, 87 и 190 - 191. [3]) Труды Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Т. I. X. 1902, с.с. 368—369 и Каталогъ, с. 81. [4]) Труды, с.с. 367—368 и Каталогъ, с. 80. [5]) Каталогъ, с. 194.

и находятъ себѣ почти полную аналогію частью въ керамическихъ издѣліяхъ изъ кургановъ около с. Будъ и х. Березовки, Ахтырскаго уѣзда, частью же въ находкахъ на стоянкахъ по берегамъ р. Мерла [1]).

Гораздо меньше оказалось черепковъ, принадлежащихъ сосудамъ лучшей выдѣлки, чѣмъ описанные раньше. Здѣсь прежде всего необходимо отмѣтить два черепка какихъ-то сосудовъ розоваго цвѣта. Оба они сдѣланы изъ хорошо отмученной розовой глины и цвѣтомъ своимъ немного напоминаютъ греческія терракоты. Обожжены они весьма крѣпко. О формѣ сосудовъ, которымъ принадлежатъ эти черепки, судить весьма трудно, такъ какъ сохранились черепки только отъ верхней части сосудовъ. Оба черепка украшены довольно сложнымъ орнаментомъ, представляющимъ комбинацію трехугольныхъ ямочекъ и прямыхъ линій [2]).

Крѣпкой работой отличались сосуды изъ красной и розовой глины, содержавшей въ себѣ примѣсь мелко толченаго кварца. Отъ этихъ сосудовъ сохранились два черепка верхней части сосудовъ и обломокъ ушка, при чемъ эти черепки не орнаментированы. Конечно, судить по этимъ даннымъ о формѣ сосудовъ довольно трудно [3]). Изъ подобной глины съ кварцемъ дѣлались большіе сосуды, обломки которыхъ въ изобиліи встрѣчаются на стоянкѣ около с. Кочетка [4]).

Въ количествѣ только 3 экземпляровъ найдены черепки глиняныхъ тарелокъ или крышекъ. Всѣ онѣ очень мелки и имѣли прямыя стѣнки. Сдѣланы довольно грубо, отъ руки, но обожжены крѣпко [5]). Какъ указалъ уже В. А. Городцовъ, сосуды подобнаго типа встрѣчаются въ находкахъ весьма позднихъ культурныхъ періодовъ [6]). Въ Харьковской губерніи подобные сосуды встрѣтились намъ въ курганахъ около с. Будъ [7]).

Наконецъ, стоянка около сл. Хухры дала и еще одинъ видъ глиняныхъ сосудовъ, встрѣчающихся рѣдко въ Харьковской губерніи, а именно черепокъ глинянаго ситка. Ситко сдѣлано изъ зеленоватой глины, плохо отмученной, но обожжено крѣпко. Какой формы было это ситко, теперь трудно сказать, такъ какъ черепокъ очень малъ [8]). Прибавимъ, что подобные сосуды встрѣтились въ упомянутыхъ курганахъ около с. Будъ [9]).

На стоянкѣ встрѣтились два обломка верхней части сосудовъ, представляющія нѣкоторый бытовой интересъ. Сосуды были разбиты еще тогда, когда стоянка посѣщалась или была заселена людьми, оставившими изучаемые нами предметы. При этомъ черепки данныхъ сосудовъ не были

---

[1]) ibid, c.c. 81—82, 84—85 и 120—121. [2]) ibid, c. 194. [3]) ibid, c.c. 194—195. [4]) ibid, c. 192. [5]) ibid, c. 194. [6]) Русская доисторическая керамика. М. 1901, с. 23. [7]) Каталогъ, с. 85. [8]) idid, c. 194. [9]) ibid, c. 85.

брошены безъ вниманія, а подверглись отдѣлкѣ: ихъ оббили такъ, что они могли служить въ качествѣ грузилъ для сѣтей. Наконецъ, на стоянкѣ найденъ комочекъ красной глины, крѣпко обожженной; глина хорошо отмучена [1]). Подобные комки неизвѣстнаго назначенія найдены и въ курганахъ у с. Будъ [2]).

Кромѣ черепковъ сосудовъ, найдены 2 обломка глиняныхъ пряслицъ и 1 обломокъ глинянаго грузила. Пряслицы невелики, сдѣланы изъ сѣрой глины, хорошо обожжены и имѣютъ двускатную форму. Грузило сдѣлано изъ желтоватой глины, имѣетъ довольно значительные размѣры и круглую форму, при чемъ слегка утолщается отъ периферіи къ отверстію, вслѣдствіе чего имѣетъ почти двускатный видъ [3]).

Каменныя вещи состоятъ исключительно изъ орудій и осколковъ, получившихся при выдѣлкѣ первыхъ. Орудія принадлежатъ къ простѣйшимъ типамъ и сдѣланы изъ камня трехъ породъ: кремня, песчаника и кварцита. Всѣ найденныя тутъ орудія отбивныя и вообще сдѣланы одинаковымъ способомъ, полированныхъ орудій нѣтъ среди вещей этой стоянки. Даже формой кварцитовыя и песчаниковыя орудія не отличаются отъ кремневыхъ, хотя качества кремня и послѣднихъ двухъ породъ камня весьма различны. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ обломокъ отбивной кварцитовой пилки. Она имѣетъ весьма маленькіе зубчики, сдѣланные съ помощью частыхъ и мелкихъ отбоинъ. Такая тонкая отдѣлка не всегда встрѣчается у кремневыхъ пилокъ, но особенно рѣдко попадается въ пилкахъ изъ кварцита, потому что послѣдній труднѣе поддается мелкой отбивкѣ, чѣмъ кремень. Всѣ орудія имѣютъ или средніе или даже небольшіе размѣры, а одна отбивная кремневая стрѣлка отличается чрезвычайно малой величиной немного болѣе 1 сантим. и назначалась, вѣроятно, для охоты на птицъ. Въ числѣ найденныхъ на стоянкѣ издѣлій изъ камня оказались слѣдующіе виды орудій: стрѣлки, наконечники трехугольной, ножевидной и шильцевидной формъ, обломки ножей и обломокъ кварцитоваго отбойника, а кромѣ того, нѣкоторые осколки подправлены слегка на одномъ концѣ и служили, вѣроятно, въ качествѣ скребковъ. Таковы издѣлія изъ камня, найденныя на нашей стоянкѣ [4]). Присутствіе среди нихъ орудій изъ кварцита и песчаника, почти отсутствующихъ на стоянкѣ у с. Кочетка и другихъ извѣстныхъ намъ стоянкахъ Харьковской губерніи, сближаетъ стоянку около сл. Хухры съ курганами около с. Будъ, гдѣ найдены исключительно кварцитовыя и песчаниковыя орудія [5]).

---

[1]) ibid, c. 195. [2]) ibid, c. 85. [3]) ibid, c. 194. [4]) ibid, c.c. 192—193. [5]) ibid, c.c. 10—14, 78, 81—84, 86—87, 190—192 и 196—197.

Металлическія издѣлія, найденныя на нашей стоянкѣ, довольно немногочисленны и состоятъ частью изъ бронзовыхъ, частью изъ желѣзныхъ вещей. Среди бронзовыхъ вещей преобладаютъ стрѣлки, которыхъ найдено 17 штукъ. Большая часть (16) изъ нихъ имѣютъ трехгранную форму, причемъ нѣкоторыя (3) изъ нихъ имѣютъ ножки, а одна сверхъ того снабжена и бородкой. Кромѣ того, часть стрѣлокъ этого типа помѣчена какими-то зарубками на одномъ изъ реберъ. Лишь одна изъ стрѣлокъ отличается отъ прочихъ своимъ видомъ: она имѣетъ листовидную форму и снабжена ножкой; втулка ея доходитъ до половины наконечника, имѣя острое ребро во всю ширину и два углубленія по сторонамъ. Кромѣ стрѣлокъ, найдены обломки какого-то бронзоваго предмета, древность котораго подтверждается патиной, одинаковой съ той, которая покрываетъ стрѣлки. Изъ желѣзныхъ вещей на нашей стоянкѣ найдены: желѣзный наконечникъ для стрѣлы небольшой величины и кусокъ желѣзной проволоки или иглы, древность котораго для насъ не совсѣмъ доказана. [1]) Въ общемъ металлическія вещи нашей стоянки не представляютъ ничего особеннаго и встрѣчаютъ полную аналогію въ находкахъ, сдѣланныхъ на другихъ стоянкахъ Харьковской губерніи: около сл. Райгородка, около с. Кочетка и т. д. [2]) При этомъ находки металлическихъ вещей на другихъ стоянкахъ отличаются сплошь и рядомъ большимъ разнообразіемъ и многочисленностью. Такъ, напомнимъ, кромѣ названныхъ выше стоянокъ, знаменитую стоянку около с. Вишенокъ, которая доставила громадное количество вещей самыхъ разнообразныхъ эпохъ. [3]) Въ общемъ меллическія вещи съ нашей стоянки могутъ быть сближены также съ нѣкоторыми находками въ курганахъ, содержащихъ погребенія такъ называемаго скиѳскаго типа. Такъ, назовемъ курганы у х. Покровскаго, Валковскаго уѣзда Харьковской губерніи: въ нихъ намъ встрѣтились и бронзовыя стрѣлки трехгранной формы, и желѣзные наконечники стрѣлъ, совершенно аналогичные тѣмъ, которые найдены на стоянкѣ около сл. Хухры. [4]) На этомъ окончимъ описаніе вещей, доставленныхъ данной стоянкой, и на основаніи ихъ постараемся опредѣлить тотъ культурный періодъ, къ которому относятся всѣ эти находки. Попытаемся также отмѣтить тѣ данныя, которыя характеризуютъ культуру и бытъ населенія этой стоянки. Конечно, мы должны оговориться впередъ, что мы не имѣли возможности изслѣдовать стоянку лично и

[1]) ibid, с. с. 18 и 195. [2]) ibid, с. с. 15—18, 110—112; ср. также прим. 21. [3]) Императорскій Россійскій Историческій Музей. Указатель памятниковъ. М. 1893, с. с. 47—48. Каталогъ Выставки XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. К. 1899. с. с. 37—38, 49, 70, 83, 129, 149, 153 и 161. Каталогъ выставки XII археол. съѣз., с. с. 101—110. [4]) Археологическая лѣтопись Южной Россіи, за 1903 г., № 6, с. 398.

можемъ оперировать лишь въ предѣлахъ того матеріала и тѣхъ данныхъ, которыя доставлены намъ лицами, непосредственно изучившими стоянку около сл. Хухры. Такимъ образомъ наши выводы не могутъ претендовать на абсолютную точность и будутъ лишь постольку относиться ко всей стоянкѣ, поскольку извѣстныя намъ находки могутъ считаться характерными для нея. Эти оговорки мы считаемъ необходимыми не только по указаннымъ сейчасъ соображеніямъ, но также дабы намъ не приписали честь изслѣдованія стоянки, принадлежащую другимъ лицамъ, фамиліи которыхъ мы указали въ началѣ настоящей замѣтки.

Подводя итогъ сказанному выше, мы видимъ, что на берегахъ р. Хухры, около слободы того-же имени, находилась не только стоянка, но и мастерская каменныхъ орудій, на что указываютъ многочисленные осколки отъ выдѣлки орудій, находящіеся въ числѣ описанныхъ нами вещей. Къ сожалѣнію нѣтъ прямыхъ указаній на то, выдѣлывались-ли тутъ-же керамическія издѣлія или нѣтъ, но нѣкоторыя косвенныя данныя позволяютъ заключить, что сосуды и другія керамическія вещи, подобно каменнымъ орудіямъ, приготовлялись на стоянкѣ. Прежде всего въ пользу такого предположенія говоритъ найденный тутъ комочекъ обожженной глины: трудно допустить, чтобы онъ былъ сдѣланъ нарочно, и его принесли сюда издалека, а скорѣе всего онъ получился случайно при выдѣлкѣ и обжиганіи сосудовъ. Но, по нашему крайнему разумѣнію, на это указываютъ два черепка, которые мы отмѣтили выше, такъ какъ съ большимъ вѣроятіемъ можно признать, что они были приспособлены въ качествѣ грузилъ тутъ-же, на стоянкѣ. Зато совершенно немыслимо высказаться болѣе или менѣе точно по другому вопросу: служила-ли наша стоянка мѣстомъ постояннаго жительства людей, оставившихъ на ней описанные выше предметы, или они посѣщали ее временно. Къ сожалѣнію, въ имѣющихся у насъ свѣдѣніяхъ о стоянкѣ около сл. Хухры нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы на стоянкѣ были найдены какіе-либо слѣды жилищъ. Точно также намъ не удалось узнать, имѣются-ли на стоянкѣ какія-нибудь могилы.

Переходя къ быту людей, посѣщавшихъ нашу стоянку или жившихъ на ней постоянно, мы видимъ, что они занимались: гончарствомъ, обработкой камня, охотой, рыбной ловлей и умѣли обрабатывать волокнистыя вещества, на что указываютъ пряслицы. При этомъ одной изъ особенностей данной стоянки, отличающей ее отъ большинства стоянокъ, является то, что обитатели ея употребляли для выдѣлки орудій кварцитъ и песчаникъ. Кромѣ того, обитатели нашей стоянки употребляли въ пищу тѣ-же раковины, остатки которыхъ встрѣчаются въ громадномъ

количествѣ и на другихъ стоянкахъ какъ Харьковской губерніи, такъ и другихъ частей Южной и Западной Россіи: здѣсь найдены въ значительномъ числѣ обломки рѣчной раковины Unio pictorum. [1]) Повидимому, эта раковина была любимой пищей древнихъ людей. Впрочемъ, это легко объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что она водится въ большомъ количествѣ въ рѣкахъ Европейской Россіи, и добывать ее очень легко.

Переходя къ культурѣ населенія нашей стоянки, отмѣтимъ, что описанныя находки принадлежатъ далеко не къ одному культурному типу: тутъ найдены каменныя орудія, издѣлія изъ бронзы, желѣзныя вещи. Такимъ образомъ эта мѣстность посѣщалась людьми въ разное время, чѣмъ и объясняется разнообразіе найденныхъ тутъ вещей, а, значитъ, и находки характеризуютъ нѣсколько культурныхъ стадій. Большая часть описанныхъ нами предметовъ относится по всѣмъ признакамъ къ числу такихъ вещей, которыя признаются характерными для каменной культуры: таковы керамическія издѣлія, таковы и каменныя орудія. Точнѣе мы должны опредѣлить культуру людей, оставившихъ описанныя находки, неолитической, такъ какъ изъ сказаннаго выше видно, что эти люди стояли на довольно высокой ступени культурнаго развитія, и ихъ бытъ уже очень далекъ отъ первобытной простоты. Но мы должны напомнить, что въ общемъ культурный характеръ описанныхъ предметовъ почти аналогиченъ находкамъ, сдѣланнымъ въ курганахъ съ трупосожженіемъ около с. Будъ, а послѣдніе мы отнесли къ поздней неолитической культурѣ, при чемъ допустили возможность того, что въ данный раіонъ проникло уже знакомство съ металлами, а здѣсь, кромѣ металлическихъ вещей, встрѣтились также тарелки, относимыя обыкновенно къ болѣе позднимъ эпохамъ [2]). Конечно, мы далеки отъ того, чтобы признать всѣ описанные предметы хронологически одновременными. Весьма возможно, что металлическія вещи всѣ или въ извѣстной долѣ оставлены людьми, посѣщавшими мѣстность нашей стоянки много позже того времени, когда находилось тутъ населеніе, культура котораго названа нами поздней неолитической. Правда, въ курганахъ около с. Будъ, съ нѣкоторыми находками въ которыхъ аналогичны предметы съ нашей стоянки, нашлись такіе сосуды, точные двойники которыхъ мы встрѣтили потомъ при раскопкѣ курганнаго поля около х. Покровскаго, при чемъ одинъ изъ этихъ сосудовъ попался намъ въ числѣ вещей, сопровождавшихъ погребеніе такъ называемаго скиѳскаго типа [3]). Впрочемъ, такіе случаи могутъ

---

[1]) Каталогъ выст. XII археол. съѣз., с. 194. Ср. также *Нидерле*. Человѣчество въ доисторическія времена. Спб. 1898, с. 155. [2]) *В. А. Городцовъ*, ор. с., с. 23. [3]) Археол. Лѣт. Юж. Рос., l. c.

быть объяснены культурными переживаніями, да и не всегда сходство вещей свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онѣ хронологически одновременны. Съ другой стороны мы не можемъ высказаться категорически за то, что бронзовыя и желѣзныя вещи принадлежатъ къ разнымъ періодамъ. Наоборотъ, подобныя вещи находятся совмѣстно очень часто, и намъ приходилось встрѣчать ихъ въ погребеніяхъ безусловно одного и того-же скиоскаго типа. А потому мы склонны допустить, что описанные нами предметы принадлежатъ не только къ двумъ различнымъ стадіямъ культуры, но и къ двумъ хронологическимъ періодамъ. На этомъ мы и закончимъ нашу замѣтку, отмѣтивъ предварительно, что древности, происходящіе со стоянки и мастерской около сл. Хухры, въ большей своей части поступили въ музей искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ и въ музей Одесскаго общества исторіи и древностей, а нѣкоторыя находятся въ частныхъ коллекціяхъ. Надѣемся, что мѣстные археологи продолжатъ изученіе стоянки около сл. Хухры и сдѣлаютъ это въ самомъ непродолжительномъ времени, пока она не расхищена окончательно.

В. Е. Данилевичъ.

Г. Харьковъ,
Декабрь 1904 года.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XII.

Духовныя сочиненія Николая Флавицкаго.

Николай Флавицкій, харьковскій писатель начала XIX ст., какъ личность, совсѣмъ неизвѣстенъ. По сохранившимся его рукописямъ видно только, что онъ проживалъ въ селѣ Федоровкѣ и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ богатымъ помѣщикомъ волчанскаго у. А. Я. Донцомъ-Захаржевскимъ. Весьма начитанный въ Священномъ Писаніи, Флавицкій недурно владѣлъ словомъ и съ большимъ усердіемъ писалъ религіозно-нравственныя сочиненія, которыя посвящалъ Донцу-Захаржевскому. Изъ сочиненій Флавицкаго не видно, чтобы онъ принадлежалъ къ духовному сословію; но произведенія его носятъ вполнѣ духовный характеръ. Въ Харьковское Историко-Филологическое Общество поступило двѣ тетрадки его произведеній, въ разное время, одна въ 1893 году въ собственность, другая въ 1905 г. во временное пользованіе.

Въ 1893 г. покойный харьковскій старожилъ Ив. Ив. Колтуновскій передалъ въ распоряженіе Историко-Филологическаго Общества небольшой сборникъ духовныхъ стихотвореній Николая Флавицкаго 1827 г., посвященный А. Я. Донцу-Захаржевскому. Такъ какъ Колтуновскій лично бывалъ у послѣдняго представителя этого рода, убитаго въ 1871 году, то можно думать, что и сборникъ этотъ полученъ былъ имъ отъ Донца-Захаржевскаго. Рукопись и бумага того времени. На бумагѣ водяной знакъ У. Ф. Л. Н. 1826.

Сборникъ безъ заглавія. Состоитъ онъ изъ 16 незанумерованныхъ страницъ писчей бумаги. На 1 стр., «Андрею Яковлевичу Донецъ-Захаржевскому усереднѣйшее приношеніе», на 2 слѣд. обращеніе: «Благотворитель! Ясли сердца Вашего безъ сомнѣнія пріяли въ себя Слово безначальное, Духа Свободы, Сына Бога живаго, иже и плоть бысть. Поздравляя васъ съ торжественнымъ воспоминаніемъ явленія Искупителя на землѣ нашей, душевно желаю, чтобы вы, непереставая оуществлять вѣру свою добрыми дѣлами во славу Божію, достигли наконецъ въ мѣру

возраста и исполненія Христова!» «25 декабря 1827. Сл. Б.-Бурлукъ Николай Флавицкій».

На первомъ мѣстѣ стоитъ переводъ въ стихахъ первыхъ четырехъ главъ изъ соборнаго посланія св. ап. Іакова къ 12 племенамъ разсѣяннымъ. Какъ извѣстно, посланіе это маленькое, состоитъ всего изъ 5 главъ, и, странно, что Флавицкій оставилъ безъ перевода небольшую пятую главу, заключающую въ себѣ много прекрасныхъ мыслей. Можно думать, что онъ постерегся повторить богатому помѣщику слова апостола: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Богатство ваше тлѣнно, и одежды ваши изъѣдены молью».

Какъ образчикъ перевода возьмемъ первые стихи первой главы:

Возлюбленные! къ вамъ я слово обращаю
И таинство Креста Христова возвѣщаю,
Когда прельщеніямъ судьба подвергнетъ васъ,
Не сокрушайтесь, но радуйтесь въ тотъ часъ
И знайте: ежели приходятъ искушенья
Для испытанія и вѣры, и терпѣнья,
И чтобы васъ плѣнить тщетою благъ земныхъ:
То это для того—чтобъ побѣдить вамъ ихъ;
Чтобъ міра прелесть, исчадія Геенны,
Презрѣли дѣломъ вы и были совершенны!
Но если мудрости не достаетъ кому,
Да проситъ у Творца ее—и дастъ ему;
Онъ просто всѣмъ даетъ, за даръ неупрекая;
Но только съ вѣрою да проситъ, отвергая
Сомнѣнія ума, которыя морскимъ
Подобятся волнамъ, что вѣтры воздымаютъ
И въ то жъ мгновеніе на части разбиваютъ!
Двоякій человѣкъ рабъ суетамъ мірскимъ.
Коль сердце и Творцу и міру раздѣлится:
Какая вѣра въ немъ тогда укоренится?
Не можно быть слугой и міру и Творцу!
Чего желаетъ Сей, другой то отвергаетъ;
Кто міру рабствуетъ, тотъ Бога забываетъ
И нерадитъ служить нѣжнѣйшему Отцу.
Да хвалится же братъ убогій высотою
Души, вознесшейся надъ всею суетою;
Богатый же всегда въ смиреньѣ да живетъ
И помнитъ какъ трава онъ въ мірѣ отцвѣтетъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Взойдетъ свѣтило дня, настанетъ зной полдневный,
Засохнетъ на травѣ цвѣтъ, солнцемъ опаленный,
Исчезнетъ красота и съ нею жизнь ея.
Такъ въ предпріятіяхъ богатый увядаетъ,
Когда въ сокровищахъ надежду полагаетъ.
Когда не ищетъ онъ по смерти бытія....

По внѣшней формѣ переводъ довольно хорошъ; слогъ плавный; но мѣстами переводъ не отличается близостью къ тексту и представляетъ свободную передачу.

Слѣдующія за тѣмъ три небольшихъ оригинальныхъ стихотворенія: «Въ день архистратига Михаила»[1]), сонетъ «Обращеніе Савла» и «Вѣчная истина глаголетъ» («Не собирайте на земли богатства»...) не выходятъ изъ обычнаго шаблона старинныхъ духовныхъ стиховъ семинарскаго издѣлія.

Вторая рукопись, найденная Е. М. Ивановымъ въ архивѣ Задонскихъ, болѣе позднихъ владѣльцевъ Б.-Бурлука, состоитъ изъ 62 перенумерованныхъ страницъ такого же формата и того же почерка, съ хронологической помѣткой—ноября 30 дня 1830 г., съ такимъ предисловіемъ: «Благотворитель! Благотворить—добродѣтель, свойственная душамъ христіанскимъ; быть благодарнымъ—священнѣйшій долгъ облагодѣтельствованнаго. Пріймите умственную ленту сію! Посвящая оную вамъ, надѣюсь, что по возможности плачу вамъ долгъ свой. Ахъ нѣтъ! никогда не будетъ въ состояніи заплатить вамъ долга своего облагодѣтельствованный вами Николай Флавицкій».

Рукопись носитъ общее заглавіе: «Утреннія и вечернія размышленія грѣшника кающагося»; но такъ какъ эта рукопись начинается съ 4 утра, то нужно думать, что ранѣе были уже «размышленія» на первые три дня. Содержаніе этой рукописи слѣдующее.

Утро четвертое—О Молитвѣ Господней . . . . . стр. 3
Вечеръ четвертый—«Яко овча на закланіе ведеся» . » 19
Утро пятое—«Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ» » 30
Вечеръ пятый—«Боязнь смерти нападе на мя» . . » 39
Утро шестое—«Призови мя въ день скорби» . . » 48
Вечеръ шестый—«На мѣстѣ идѣже полизаша свиніи и псы кровь его» . . . . . » 55

Всѣ произведенія прозаическія; послѣ каждаго отмѣчены с. Федоровка, время составленія «размышленія» напр. послѣ «утра пятаго»—«сочинено 8 ноября 1830 г. отъ 10 до 12 час. утра, переписывалъ послѣ обѣда»,

[1]) Храмъ въ Бурлукѣ во имя Архистратига Михаила.

и послѣ каждаго отмѣчена погода, напр., послѣ «5 утра» — «при восходѣ солнце показалось на минуту; цѣлый же день пасмурно». Всѣ «размышленія» духовны до крайности, безъ малѣйшаго отраженія народнаго быта, личныхъ отношеній или внѣшней природы, одни разглагольствованія, скучныя и сухія, мѣстами аскетически суровыя. Авторъ обличаетъ грѣшниковъ вообще и щедро разсыпаетъ угрозы смерти и ада.

Не прибѣгая къ изданію «размышленій» Флавицкаго, отмѣтимъ для общаго знакомства съ ихъ стилемъ и характеромъ два—три мѣста. Достаточно сказать, что первое и главное «размышленіе» о Молитвѣ Господней начинается такой тирадой: «Богъ, Творецъ безчисленныхъ міровъ, въ солнцѣ полагаяй селенія своя, создавый небо и основавый землю, Владыка видимыхъ и невидимыхъ, манiемъ вращающій вселенную, Тотъ, въ десницѣ Коего ключи ада и смерти, Безначальный, Безконечный, Премудрый, Всемогущій, Правосудный, Милосердный Богъ, Отецъ Сына возлюбленнаго, Спасителя нашего, прежде всѣхъ вѣкъ отъ него рожденнаго, по непостижимому человѣколюбію своему, благоволилъ повелѣть и намъ, червямъ пресмыкающимся, праху и пеплу, преступникамъ Закона Любви, грѣшникамъ, недостойнымъ помилованія его, именовать себя Отцомъ. Со страхомъ и трепетомъ, яко рабъ неключимый, во прахѣ, яко сынъ праха, поверженный едва смѣю возвести очи мои на небо и отверзти скверная и нечистая уста мои для воззванія къ Тебѣ: «Отче нашъ!»...

Такое крѣпостнически-холопское отношеніе къ Божеству проходитъ черезъ всѣ размышленія Флавицкаго. «Воля человѣческая есть источникъ зла»... «Человѣкъ съ перваго мгновенія бытія своего презирается Богомъ»... Во многихъ мѣстахъ обнаруживается осужденіе богачей, но въ самыхъ общихъ формахъ, что не мѣшало искать «благотворителей» и пользоваться подачками современныхъ помѣщиковъ. «Роскошные Сарданапалы» охотно принимали именинныя и праздничныя литературныя приношенія. Любопытно, какъ подгонялись эти приношенія. Относительно А. Я. Донца-Захаржевскаго, напримѣръ, извѣстно, что онъ торжественно справлялъ дни Пасхи, Рождества Христова и день своего ангела — 30 ноября, и посвященія Флавицкаго относятся — одно къ 25 декабря, другое къ 30 ноября. Относительно личности А. Я. Донца-Захаржевскаго находятся весьма интересныя сообщенія въ IV т. «Истор. стат. опис. Харьк. епархіи Филарета» (309—314). Особенности его личнаго характера въ значительной степени объясняютъ появленіе «размышленій» Флавицкаго.

«Въ числѣ прихожанъ, говоритъ арх. Филаретъ, весьма замѣчательнымъ лицомъ и притомъ въ христіанскомъ отношеніи былъ создатель

храма (въ честь арх. Михаила) Андрей Яковлевичъ Захаржевскій... Въ дѣтствѣ лишенъ матери, Андрей Яковлевичъ воспитывался въ домѣ родственниковъ. Еще въ дѣтствѣ Андрей Яковлевичъ отличался особенной добротою, кроткимъ и чувствительнымъ сердцемъ. Слабый здоровьемъ, онъ не обнаруживалъ въ себѣ блистательныхъ дарованій, не отличался и ловкостью въ обращеніяхъ, такъ высоко цѣнимой въ свѣтскомъ быту. При слабомъ здоровьи онъ недолго служилъ въ военной службѣ, и оставилъ ее въ чинѣ ротмистра. Кромѣ нездоровья заставила его выйти въ отставку преимущественно болѣзнь отца, который отъ паралича лишился употребленія языка, рукъ и ногъ... Но сколько сынъ былъ нѣженъ къ больному отцу, столько отецъ не оказывалъ ласки сыну... Онъ заставлялъ его довольствоваться тѣмъ, что давалъ ему на содержаніе управляющій, изъ крестьянъ, человѣкъ жестокій»... По смерти отца въ 1801 г., Андрей Яковлевичъ взялъ управленіе въ свои руки. Онъ женился, но черезъ 11 лѣтъ овдовѣлъ, вскорѣ потерялъ любимаго брата Владиміра. «Потеря доброй супруги сильно подѣйствовала на кроткую душу Андрея Яковлевича; онъ сталъ болѣе прежняго усерденъ къ храму Божіему, и суетность всего земного еще живѣе стала представляться душѣ. А смерть любимаго брата и друга Владиміра († 1824 г.) произвела еще болѣе рѣшительную перемѣну въ душѣ его. Съ этого времени онъ еще болѣе сталъ заниматься чтеніемъ духовныхъ книгъ. Въ это время онъ рѣшилъ построить храмъ Богу и построилъ храмъ, достойный Его имени. Ни съ кѣмъ изъ мастеровыхъ онъ не дѣлалъ торга: я строю храмъ для Бога; бери, чего стоитъ трудъ твой, только дѣлай дѣло по совѣсти для того же Бога. Когда храмъ былъ конченъ, многіе спрашивали о его стоимости. Онъ отвѣчалъ: съ Господомъ не велъ я счета, а желалъ только одного, чтобы ему была пріятна моя жертва. Андрей Яковлевичъ веселился иногда съ другими. Особенно дни Рождества Христова, Пасхи и день своего ангела онъ проводилъ весело: званный и незванный тогда были его гостями». Въ эти дни Донецъ-Захаржевскій оказывалъ разныя благотворенія, помогалъ должникамъ, бѣднымъ и т. д. Арх. Филаретъ приводитъ нѣсколько случаевъ его щедрой благотворительности. Андрей Яковлевичъ Донецъ-Захаржевскій скончался въ 1841 году.

Сочиненія Флавицкаго, стало быть, приходятся ко времени наибольшаго развитія въ Донцѣ-Захаржевскомъ его религіознаго настроенія, по смерти жены и брата.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

XIII.

Бесѣды неизвѣстнаго южнорусскаго сельскаго священника 1823 года.

Въ 1885 г. въ харьковское историко-филологическое Общество для временнаго пользованія была доставлена Л. С. Мацѣевичемъ рукопись «Бесѣдъ» малорусскаго священника 1823 г. Въ свое время эта рукопись не была использована и возвращена была Л. С. Мацѣевичу по принадлежности. Всѣхъ бесѣдъ 17; изъ нихъ 7 было мной переписано, и эти 7 словъ положены въ основу настоящей статьи. Очень скромныя на первый взглядъ эти бесѣды оказываются весьма интересными при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Передъ нами явленіе въ высокой степени симпатичное: простой сельскій священникъ обращается съ простыми словами поученія и любви къ своимъ прихожанамъ на родномъ ихъ украинскомъ языкѣ, и что еще болѣе симпатично, этотъ скромный, неизвѣстный даже по имени служитель алтаря выступаетъ откровеннымъ и прямымъ сторонникомъ свободы совѣсти, другомъ просвѣщенія и проповѣдникомъ добра.

Въ ясной, общедоступной формѣ, живо, задушевно и убѣжденно добрый пастырь объясняетъ въ бесѣдахъ символъ вѣры, таинства и заповѣди Моисея; бесѣды въ произношеніи занимаютъ каждая около получаса времени. Религіозные мотивы въ «Бесѣдахъ» тѣсно переплетаются съ мотивами бытовыми, при чемъ въ вопросахъ религіозныхъ авторъ обнаруживаетъ большую независимость и свободу сужденія. Характерно, напримѣръ, то мѣсто въ 14-ый бесѣдѣ, гдѣ авторъ, объясняя первую заповѣдь—«да не будутъ тебѣ иные бози», проводитъ различіе въ почитаніи Бога, пр. Богородицы и святыхъ. «Первая заповѣдь Божія требуетъ, чтобы человѣкъ возлюбилъ Господа Бога всѣмъ сердцемъ своимъ. Эта заповѣдь научае и приказуе намъ на единаго Господа Бога Творца и Создателя нашего всю надию въ житіи своемъ покладати, его единаго бояться и его единаго якъ тилько можно наибильше поважати, чтити и

шановати, ему единому молитися и отъ милосердія и отъ щедрости его всякои ласки и всякаго добра просити, надѣятися и чекати. Но вы христіане православные! запитайте мене, коли единому Господу Богу нашему Іисусу Христу треба тилько молитися, то нащо мы молимся до пресвятой и пречистой дѣвы Маріи и до святыхъ? На що ихъ шануемъ и праздники поважаемъ? отповѣдаю такъ вамъ на сіе запитанье: Пресвятая пречистая Дѣва Марія есть такая Дѣва, которая своимъ смиреніемъ, своею чистотою, своею святостію и всѣми добродѣтелями своими, такъ далеко перевисила всѣхъ людей, що Господь Богъ назначилъ ей родити Единороднаго Сына Его, Спасителя всему міру Іисуса Христа, котораго она родивши стала Матерію Божіею непрестанно молитъ сына своего и Бога нашего Господа Іисуса Христа о насъ грѣшныхъ и святыми молитвами заступается и покрываетъ насъ отъ всякихъ на свѣтѣ бѣдъ и несчастій и готовитъ намъ легчайшій доступъ до царствія небеснаго: то потому-то мы пресвятую пречистую Дѣву Марію, яко Матерь Божію, яко Премилостивую Заступницу и Покровительницу нашу и повинни чтити и поважати, и таковыми выше всѣхъ святыхъ и до ней молитися еднаково, не такъ якъ до самаго Бога, бо Господь Богъ самъ въ тимъ першимъ приказаніи своемъ говоритъ: да не будутъ тебѣ бози инїи развѣ мене, немай иншихъ боговъ опричь мене; повинни мы и досвятыхъ молитися, ихъ шанувати, праздники чтити, праздновати и поважати, но трохи менше, якъ молимся, якъ шануемъ и поважаемъ Господа Бога нашего Іисуса Христа ради того, що святіи не суть Богъ, а тилько добріи слуги Божіи, слуги такіе, которые святымъ добродѣтельнымъ и щастливымъ житіемъ на землѣ догодили Господу Богу такъ, что Господь Богъ, принявши ихъ съ великою радостію до царствія небеснаго, допустилъ ихъ дуже близко до небеснаго своего трону и даровалъ имъ ласку свою, щобъ воны завше смѣло молилися до него и просили его о тихъ живших на землѣ людяхъ, которые шануючи ихъ дни и поважаючи праздники ихъ будутъ съ своими молитвами удаватися и черезъ нихъ шукати и просити у Господа Бога ласки и спасенія душамъ нашимъ. Для того грѣшатъ противъ першей заповѣди Божіей тѣ люди, которые думаютъ, що святыхъ Божіихъ такъ треба шановати, поважати и такъ треба бояться, якъ самого Господа Бога, що ихъ праздники такъ шановне праздновати треба, якъ и праздники Господа Бога нашего Іисуса Христа, що имъ равно треба кланятися и молитися, якъ и самому Господу Богу. Но се грѣхъ противъ первой заповѣди Божіей не стильки еще важный и великій, уважайте лишь далый кто-то грѣшитъ? Якіи люди! якъ сильно и страшно грѣшать противъ першой заповѣди Божіей,

гдѣ Господь Самъ о себѣ говоритъ: Азъ есть Господь Богъ твой и мощно приказуе, да не будутъ тебе бози иніи развѣ мене; кто-же и якіи люди грѣшатъ противъ сей заповѣди Господней? Грѣшатъ противъ першой заповѣди Божіей перше тыи люди, которые Господа Бога не знаютъ и знати Его не хотятъ, которые во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли не вѣруютъ, и вѣрить не хотятъ, коротко сказать, грѣшатъ противъ сей заповѣди святой Божіей всѣ невѣрніи и безбожіи люди, друге грѣшатъ также, якъ безбожники и невѣрніи, або еще гирше грѣшатъ волшебники, колдуны, шепотники, заславщики, ворожбыти, знахари, грѣшатъ страшно тыи всѣ, що шепчутъ и будто отшепчуютъ яки хороби, и замовляютъ кровь, що дивлятся на мисяцъ, на звѣзди, на руки и будто угадаютъ чіе нибудь счастіе, або несчастіе, що ворожатъ чимъ небудь, що закручуютъ во пашнямъ закрутки, будто на чію голову, и на чіесь зло. Всѣ волшебства, всѣ колдувьства, всѣ шепти, замовки, ворожбы, знахурства выдуманы въ пеклѣ. Сатана велѣлъ своимъ пекельнымъ слугамъ діаволамъ вынести ихъ изъ пекла, рознести по земли и научити ихъ дьявольскимъ шептамъ, ворожбамъ, знахурствамъ тѣхъ людей, которые отстанутъ отъ Господа Бога и Творца своего и пристанутъ до нихъ, ихъ слухаютъ и пріймуютъ ихъ пекельную науку. Для того то всѣ волшебники, колдуны, знахари, замовщики, ворожбити и шептуны и грѣшатъ противъ сей заповѣди Божіей предъ Господомъ Богомъ».

Развивая въ 15 «Бесѣдѣ» мысль о грѣховности колдовства и знахарства, авторъ касается важнаго пункта — общественной полезности знахарей и рѣшаетъ его такъ: «Знайте, православные христіане, що якъ грѣшатъ волшебники, колдуны, чародѣи, ворожки, шептухи, знахари и замовщики, такъ равно грѣшатъ и тыи, що вдаются до нихъ. Знаю, що вы мене можете сказати, що удаваться до ворожокъ, до знахаривъ, до шептухъ заставляе человѣка иногда великая бѣда и остатная нужда. Скажите мене до кого бѣдному человѣковѣ на семъ, коли захоруе, або самъ, або жинка, або дитинка, вдатися, якъ не до бабы, котора умѣетъ шептать добре, и замовляти и разными способами людямъ помогати? кого спитати, коли трафится яка пропажа? або яке буде счастье, якъ не ворожки? хто може на полѣ въ пашнѣ выкрутить закрутку, або въ други, яки при господарствѣ бѣдѣ порадити и запобѣгти злому, якъ не знахуръ? а я вамъ скажу, чимъ бильшая бѣда и несчастіе трафится человѣковѣ, тѣмъ скорѣе винъ повиненъ удаватися и прибѣгати до Господа Бога, чи трафится тебѣ, або женѣ твоей и дѣтитѣ захоровати прибѣгай на самой передъ и якъ можно скорѣйше, до того, кто

болѣзни творитъ и паки возставляетъ. Прибѣгай и вдавайся до Господа Бога всемогущаго, або другія яке несчастіе или бѣда приключится тебѣ прибѣгай заразъ до его-же Милосердія, до Его-же Пресвятой Ласки».

Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчательную попытку противоставленія научной медицины суевѣрному знахарству и, какъ бы въ предчувствіи будущей земской работы, относится къ медицинѣ съ большой похвалой: «Коли грѣхъ удаватися въ болѣзняхъ и хоробахъ до бабъ знахурокъ, то може грѣхъ удаватися и до докторовъ? ни до докторовъ не тилько не грѣхъ удаватися, но и самъ Господь Богъ приказуе до нихъ удаватися, послухайте що слово Божее повѣдае о докторахъ: почитайте врача противу потребъ честію его, ибо Господь созда его, отъ вышняго бо есть исцѣленіе. Господь созда отъ земли врачеваніе, то есть шануй доктора, бо его Господь Богъ создалъ и докторомъ Господь Богъ выкуруе тебе отъ болѣзни. Такъ бачите чего не грѣхъ въ болѣзняхъ удаватися до докторовъ, для того Господь Богъ и докторивъ создавъ и повелѣвъ землѣ родити такія травы и зелія, съ которыхъ доктора лѣкарства роблятъ и хорихъ ними лѣчатъ и куруютъ».

«Еще вы можете мене сказати, що хоть и грихъ до бабъ и знахуривъ удаватися, але треба ихъ боятися, боятися треба для того, що воны знаются съ сатаною и съ его бѣсами, то можутъ шкодити людямъ. Я вамъ отповѣдаю, що ныже мало нетреба бабъ и знахуривъ боятися, хоть то було и правда, що воны съ бисами знаются. Нетреба говорю боятися, для того що сатана со всѣми своими такъ лютый, що радъ бы за однимъ разомъ весь народъ крещеный пожерти, однако винъ не може ни одному христіанинові ни на волосъ ни якого зла зробыти, да не тилько христіанинові, або каждому человѣкові, но каждой скотинѣ не можетъ зробыти зла... Правда що сатана и бѣсы могутъ людямъ зло робити, але тогда, коли Господь Богъ дозволитъ и допуститъ. Коли же Господь Богъ дозволяе и допускае? тогди коли люди не тилько перестаютъ Господа Бога шановать, и любить, и боятися, но и забуваютъ Его, тогди коли хоть молятся, хоть говорятъ Отче нашъ иже еси на небесехъ и Вѣрую во единаго Бога отца вседержителя, но не щире молятся и неправду говорятъ, бо воны боятся и вѣруютъ въ колдуны больше, ворожекъ, шептухъ, знахуривъ, видьмамъ, упирівъ, волкуловъ, якъ во единa Бога Отца вседержителя. Тогди Господь Богъ позволяе и допускае, щобъ бѣсы зло и пакости робили людямъ».

Въ 16 «Бесѣдѣ» осуждаются народныя повѣрья о дурныхъ встрѣчахъ: «послухайте приччу. Есть люди, которые и думаютъ и вѣрятъ, що коли воны якую нибудь вещъ, то есть, або яку траву, або зелье яке, або

камишикъ якій, або другій якій крутецъ, або кусочекъ дерева будутъ завше коло себе носити, то съ ними ниякого зла, ниякого нисчастія не може трафится. Есть люди що уважаютъ, чи кто зъ повнымъ ведромъ, чи съ порожнимъ ведромъ переходитъ имъ дорогу, чи попъ, чи жидъ ихъ встрѣчае и коли имъ кто переходитъ дорогу съ повнымъ, або жидъ ихъ встрѣчае на дорогѣ, то пріймаютъ се за знакъ добрый и вѣрятъ що имъ дорога будетъ счастлива, а коли имъ кто перейде дорогу съ порожнимъ и встрѣне на дорогѣ священника, то маютъ сее за злый знакъ и вѣрятъ, що уже счастья и удачи небуде и потому иногда вертаются назадъ и откладываютъ дорогу и дѣло до другого часу. Есть люди, которые разбираютъ дни и вѣрятъ, що такій-то день счастливый, а такій-то несчастливый, въ такій день можно яке нибудь дѣло зачинати, або въ дорогу выѣзжати, а въ такій не можно. Есть люди, которые снамъ своимъ такъ вѣрятъ, якъ Божьему Ангеловѣ. Все сіе и подобное до сего повымышливъ сатана, и люди, котори такихъ сатанинскихъ вымысливъ причисляются, ихъ обсервуютъ и имъ вѣрятъ называются суевѣрами. А суевѣръ и безбожникъ все одно, безбожникъ ниже малѣйше не вѣритъ у Господа Бога, а суевѣръ хотя вѣритъ, но пустая, никчемная, або лучше сказать мертва его вѣра. Для того що винъ пріймаючи и вѣруючи, якобы до него не допуститъ, ни якого зла и несчастія якого, якая нибудь пустая и ничего невартая вещь, не вѣритъ уже и не пріймае премудраго Божьяго промысла, то есть пресвятой и премилосердной опеки Божьей надъ всѣмъ міромъ, а найбильше опеки о человѣковѣ христіанновѣ и бильше вѣритъ въ никчемную вещь, нижъ въ всемогущаго Бога, и потому и вѣра его никчемна, мертва вѣра такая, которая ничего ему до спасенія не поможе и съ такою вѣрою человѣкъ передъ Господомъ Богомъ все равно, якъ безбожный и невѣрный. Мы знаемъ, якъ христіане, що Господь Богъ Творецъ Спаситель и благодѣтель нашъ повсюди снаходится и завше съ нами есть».

Лучшимъ украшеніемъ «Бесѣдъ» является широкая вѣротерпимость автора. Въ 16 «Бесѣдѣ» онъ говоритъ: «Итакъ повинни мы всякаго человѣка любить, не разбираючи чи такой винъ вѣры якъ мы, чи иншой. Чи мае винъ яку вѣру, чи не мае жадной, бо нашъ Господь Богъ приказавъ любити ближняго своего, а не разбирати якій кто вѣры? но схоче кто? Якъ менѣ любити такого человѣка, который не одной со мною вѣры, зо мною не молится и зо мною не ходитъ разомъ въ церковь? А такому отповѣдаю, що не разбирай, кто какой вѣры, а люби подобнаго тебѣ человѣка. Не твое дѣло думати о вѣрѣ того человѣка, котораго ты повиненъ любити, а дѣло Господне. Господь Богъ одинъ разбираетъ вѣру

каждаго человѣка найлѣпше, и коли еретики и раскольники въ вѣрѣ своей грѣшатъ, то грѣшатъ не передъ людьми, а передъ Господомъ Богомъ и который ихъ може и що захоче съ ними робити, а ты коли бачишъ и знаешъ, що воны грѣшатъ, повиненъ Господу Богу молитися, щобъ Господь Богъ показавъ имъ правдивый свѣтъ Святаго Евангелія Своего и настановивъ ихъ на правую дорогу въ вѣрѣ. Такъ святая православная церковь наша приказуе намъ, чадамъ своимъ, молитися и сами молимся, яко чуете завше коли священникъ говоритъ: о мирѣ всего міра, о благостоянія святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ Господу помолимся, що значитъ: помилуй Господи, дай Господи міровѣ твоему, тишину и спокойствіе, утверди Господи святыя твои церкви и всѣ церкви соедини, щобъ воны пресвятое имя твое величали, славили и хвалили во единомыслію, любви и согласіи, такъ якъ подобае. Грѣшатъ дуже тѣ люди предъ Богомъ, которые видячи человѣка другой, якъ воны вѣры, цураются его, гнѣваются, ненавидятъ и кривдятъ его, да еще думаютъ, що воны цимъ роблятъ Господу Богу не малую прислугу: правда, що прислуга велика, але сатанѣ, а не Господу Богу, бо Господь Богъ приказуе любити и ворогивъ своихъ, а сатана и брата на брата вооружае. Колибъ Господь Богъ не схотивъ, щобъ другихъ вѣръ не було, якъ тилько одна, то однимъ своимъ словомъ мигъ въ одинъ мигъ всѣ вѣры истребити, а оставить одну, якъ-бы ему подобалось, а коли Господь Богъ разныя вѣры пріймае на земли, то людямъ що до того? Хиба воны хотятъ бути мудрѣйшими отъ Бога».

Чтобы ознакомиться съ практическимъ гуманизмомъ автора, трезвостью его взглядовъ и доступностью языка приведемъ въ цѣлости одну его «Бесѣду», именно 12-ю о бракѣ: «Сказавши вамъ уже, православные христіане, якъ мнѣ Господь Богъ допомогъ сказати, о пятомъ сокраментѣ, о крещеніи, о миропомазаніи, о причастіи, о сповѣди, о священствѣ, хочу сказати и о шестомъ сокраментѣ о бракѣ, или прошу-же васъ возлюбленные! Слухайте и уважайте, що вы якъ люди христіане повинны знати о малженствѣ, повинни знати то, що сей сокраментъ малженство самъ Господь Богъ установилъ. Колижъ его установивъ? тогди якъ только создавъ першихъ на свѣтѣ двоихъ людей Адама и Еву и поблагословивши ихъ сказавъ имъ: плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю, якъ и Святее Боже Писмо оповѣдае намъ, и сотвори Богъ человѣка пообразу Божію, сотвори его, мужа и жену, сотвори ихъ и благослови ихъ Богъ глагола, растится и множитеся и наполняйте землю. Сими словами установилъ Господь Богъ сокраментъ малженьство. А для чего сокраментъ сей установивъ, то мы можемъ познати сее изъ тѣхъ Господа Бога словъ,

що винъ сказавъ растытеся и множытеся, и наполняйте землю, то есть Господь Богъ малженьство установивъ для размноженія рода людскаго и не просто для размноженія, но щобъ люди размножуючись славили, хвалили, и благодарили Господа Бога Творца своего за те, що винъ ихъ создавъ, подаривъ ихъ всякими благодѣтельствами и ласками своими, то слушайте якими благодѣтелъствами одаривъ Господь Богъ людей своихъ создавши ихъ.

Найпершее и найбольшее благодѣтельство для людей есть то, що Господь Богъ сотворивъ ихъ на образъ и подобіе свое, то есть тѣло Адамове зробивши изъ земли, а Евине изъ ребра Адамоваго, даровавъ имъ душу безсмертную, святую, чистую, праведную и безгрѣшную и давъ имъ разумъ, волю и память. А другое благодѣтельство то, що якъ сказавъ имъ Господь Богъ растытеся и множытеся и наполняйте землю, то прибавивъ еще то и господствуйте ею и обладайте рыбами морскими и звѣрями, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающими на землѣ. И рече Господь: се дахъ вамъ всяку траву сѣменную, сѣющую сѣмя еже есть верху земли всея; и всякое дерево еже имать въ себе плодъ сѣмянне сѣяннаго вамъ будетъ въ снѣдь, то есть сказавъ Господь Богъ растытеся и множытеся и наполняйте землю и будете господами и панами надъ всѣми рыбами водными, надъ звѣрями, надъ птицами небесными, надъ скотами, надъ всѣми гадами земными, словомъ будете господами и панами насъ всею землею, и даю вамъ всякій плодъ земной и древесный и все що родитъ земля въ покормъ. За такіи милости и благодѣтельства чи не повинны люди Господа Бога и Творца своего славити, хвалити и благодарити и размножатися на землѣ, а бильше всего памятуючи, на то неисповѣданное благодѣтельство, которое Господь Богъ правовѣрнымъ и добродѣтельнымъ христіанамъ даруетъ по смерти въ царствіи Своемъ небесномъ. А щобъ размножающіеся люди одни по другихъ Господа Бога и Творца своего добре знали и Его за все славили, хвалили и благодарили, то мужъ и жена, яко родители, повинны дѣтей своихъ научати, щобы воны знали Господа Бога и Творца Своего, щобъ его найбильше шановали, щобъ отъ всего сердца своего любили и боялись Его, щобъ Законъ Божій, Десятеро Боже приказане знали и жаловали. Повинни родители дѣтей своихъ научати Господу Богу молитися, повинни ихъ изъ малешня водить въ церковь Божію и наказывати, щобъ воны въ церквѣ стояли, со страхомъ Божіимъ, щобъ съ набожностію слухали службы Божіи и той науки, котору священникъ каже для збудуваньня и пожитку душъ, коротко сказать повинностью родительскою есть пильнее наше стараніе, щобъ дѣти були якъ выростутъ людьми

добрыми, честными, счастливыми, богобоязливыми, набожными, словомъ, щобъ були правдивыми христіанами, то будутъ по смерти въ царствіи небесномъ вѣчно счастливыми.

Для сего то, православные христіане, Господь Богъ установилъ сокраментъ малженьство. Но що вамъ треба знати при малженьствѣ уважайте. *Перше* тѣмъ що забираются малженьства молодецъ повиненъ мати отъ роду не менше пятнадцати лѣтъ, а дѣвчина не менше тринадцати, хотябы менше сихъ лѣтъ мавъ того святая церковь непозволяетъ вѣнчати, а коли святая церковь не позволяетъ, то значитъ, що не позволивъ сего глава церкви Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, также святая церковь и такого шлюбу даваты, гдѣ дѣвчина значне старше лѣтами отъ молодца непозволяе. *Друге* тыи особы, що забираются до малженьства, повинны умѣти Богу молитися, повинни умѣти Отче нашъ, Богородице Дѣво, Вѣрую во единаго Бога и другія христіанскія молитвы, также неотмѣнно повинни знати Десятеро Божіе приказаніе, бо коли воны хотятъ вступитъ въ малженьство, для чого щобъ бути родителями, то повинни знати родительскія повинности, которыя потребуютъ отъ нихъ, щобъ воны дѣтей, якихъ Господь Богъ имъ дастъ, могли учинити добрыми людьми и праведными христіанами, а также стыдъ имъ будетъ передъ людьми и грѣхъ великій передъ Богомъ. *Третье* тои особы, що забираются до малженьства, повинни забираться до него добровольно безъ жаднаго примуса; грѣхъ великій тому, кто нехотящаго примушае до малженьства. Церковь святая того шлюбу, до котораго, хотя одна особа приступая не подоброй воли, а спримусу, не дозволяе давати и благословити, а приказуе, щобъ священникъ, якъ тилько молодые, прійдутъ до шлюбу, спитався ихъ напередъ, чи воны доброю своею волей и безъ жаднаго примусу хотятъ брати шлюбъ. Для того-то священникъ заразъ, якъ станутъ до винца и говоритъ до молодого: имаши ли благое и непринужденное произволеніе и крѣпкую мысль пояти себе въ жену сію еже здѣсь предъ собою видиши и необѣщался ли еси иной невѣстѣ, то есть маешь-ли ты добрую и власную безъ жаднаго примусу волю и мощную мысль взяти себѣ за жену свою, що передъ собою бачишь? Чи не дававъ слова другѣ? Сими словами пытается и молодой, а коли священникъ дае шлюбъ такимъ особамъ, що не по своей доброй воли пришли до шлюбу, або хоть одна особа не по доброй воли пришла до шлюбу, а съ примусомъ, то дуже гришитъ передъ Богомъ. *Четвертое.* Якъ до малженьства забираются люди взрослыи то повинни розумѣти силу сего сокрамента и важность, котора потребуетъ того, щобъ молодыи приходили до шлюбу въ трезвости, ничего неѣвши и не пивши

и съ набожностью слухалы, якъ слуга Божій священникъ проситъ и молитъ объ нихъ Господа Бога, щобъ даровавъ имъ Господь Богъ доброе здоровье и довгій вѣкъ, щобъ благословивъ ихъ любовію, согласіемъ, миромъ, чадородіемъ и всѣмъ добромъ, и сами тутже повинни молитися со слезами Господу Богу мілосердному. *Пятое.* Добрыя дѣти забираются до малженьства, съ воли и согласія своихъ родителей, бо знализъ, кто вступая малженьство безъ воли родителей, то Господь Богъ такого малженьства пресвятою ласкою своею неблагословляе и такое малженьство частѣйше бувае несчастнымъ и недолговѣчно, для того-то дѣти повинни за все до малженьства собираются съ воли своихъ родителей, а родители въ добрѣ волѣ дѣтей не повинни ниякой перешкоды имиты, хибабъ мали до того дуже яку важную причину. Также повинни якъ дѣти, которыя забираются до малженьства, такъ и родители ихъ добре уважати и подумати, чи нема якой перешкоды по кровенству, або по кумовству и коли знайдуть якея близке покровинство, або кумовство, то повинни уклониться отъ такого малженьства, да и церковь святая не позволяе въ покровинствѣ, або кумовствѣ вѣнчати, хоть бы особы хотѣли и просили. *Шесте.* Коли уже благословивъ Господь Богъ черезъ своего слугу священника шлюбомъ, то повинни мужъ жену, а жена мужа любити, ажъ до самой смерти жити согласно и тихомирно, одно другому въ трудахъ и работахъ помогати, одно другого жалѣти, межъ собою не гнѣваться и не злится, одно другого непокидати, бо въ малженьствѣ найбольшее передъ Богомъ есть грѣхъ, коли одно другого покидаетъ и безъ вести иде. Грѣхъ тому кто, що другаго кидае, такой ламае и нарушае данный въ церкви, передъ лицемъ Бога всемогущаго, обѣтъ и слово особѣ, съ котораго взялъ шлюбъ, и тѣмъ противъ воли Божіей беззаконнымъ способомъ разрывае самъ собою и въ нивичь ставитъ шлюбъ Богомъ благословенный, та и особу, которую кидае кривдитъ и якъ тая особа, що утекае, грѣшитъ, такъ дае поводъ до грѣха, и той особѣ, которую покидае, а щожъ уже говорить о тимъ, коли мужъ покинувши жену, та женится на другій, а жена покинувши мужа та виходитъ за другого, чи можно такій шлюбъ сняти за шлюбъ? нѣ се не шлюбъ, се ненавистный Богу грѣхъ, се мерзкое прелюбодѣйство, за которое Господь Богъ по смерти прелюбодѣевъ укоряе вѣчными пекельными муками. Но скаже мужъ, якъ не покинути жени, коли вона зла, коли вона недобра, коли вона ледащо, коли изъ нею не можно жаднымъ способомъ ужити, я отвѣдаю такому мужу, що якабъ жена небула, повиненъ зней жити, повиненъ все терпѣти, а не кидати, треба знати, що мужу жена, а женѣ мужъ отъ Бога назначается и дается. Годенъ въ Бога той мужъ

и счастливый, коли ему Господь Богъ даетъ жену добрую, смирную, трудолюбивую, вѣрную, цнотливую, также и жена счастлива, коли мае такого мужа, за сее якъ набильшую въ свѣтѣ ласку, повиненъ якъ мужъ, такъ и жена Господа Бога славить, хвалить и благодарить, чили дякувати, но колижъ Господь Богъ дае мужу жену злую, або женѣ мужа злого, то повинны знати, що такою женою, або такимъ мужемъ Господь за щось карае ихъ на симъ свѣтѣ и коли съ благодареніемъ Господу Богу перетерпить все мужъ, або жена, то Господь Богъ на тимъ свѣтѣ по смерти мужа, або жены, даруетъ въ царствіи небесномъ животъ вѣчный. Напослѣдокъ знайте христіане православные, що святая православная церковь позволяетъ тилько благословити шлюбъ першій, другій, а когда и третій, но четвертаго жаднымъ способомъ не позволяе давати и благославляти; четвертаго шлюбу въ православной церкви уже нема, а потому ежели-бъ кому по воли Господней три жены, або женѣ три мужа умерши, то четвертаго шлюба имѣти грѣхъ. Боже премилосердный, храни насъ отъ сего такъ и ото всѣхъ грѣховъ. Аминь».

Авторъ входитъ въ нужды своихъ слушателей, стремится посвятить ихъ въ церковныя правила о бракѣ, укрѣпить въ общественномъ сознаніи связанныя съ бракомъ нравственныя обязанности.

Духъ живой и творческой христіанской добродѣтели проникаетъ всѣ «Бесѣды», и въ концѣ 16-ой «Бесѣды» авторъ прямо говоритъ, что Богу угодно не только знаніе людьми Его заповѣдей, а исполненіе ихъ въ жизни. «Не тыи люди праведны передъ Богомъ, що чуютъ и знаютъ Законъ Божій; но Господь Богъ тыхъ и оправдае и спасе, котори роблятъ такъ, якъ Святый Законъ приказуе»...

Если сравнить неизвѣстнаго автора «Бесѣдъ» съ Флавицкимъ, а по времени «Размышленія» послѣдняго близко стоятъ къ «Бесѣдамъ», то на сторонѣ неизвѣстнаго автора окажутся многія преимущества—отзывчивость на потребности общества, гуманное отношеніе къ людямъ, подкупающая искренность и простота. Тутъ не было поблизости знатнаго и богатаго «благотворителя», нѣтъ и тѣни угодливости, тутъ одно открытое, доброе сердце, отзывчивое, чуткое, правдивое.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XIV.

Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи.

Лѣтомъ прошлаго 1904 года екатеринославское губернское земство, ассигновавъ изъ своихъ средствъ 3000 р., по предложенію предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, командировало для изученія губерніи въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніи и для собиранія самыхъ предметовъ для проектируемой выставки при съѣздѣ меня съ помощникомъ учит. Е. Р. Бабенко-Никитиной.

Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ съ мая по сентябрь прошлаго года нами и была предпринята этнографическая экскурсія по губерніи, при чемъ за такой сравнительно короткій срокъ намъ пришлось объѣздить большую часть губерніи—цѣлыхъ шесть уѣздовъ.

Начата была экскурсія по приднѣпровскимъ мѣстностямъ, а затѣмъ и по другимъ поселеніямъ Екатеринославскаго, Верхнеднѣпровскаго, Новомосковскаго, Бахмутскаго, Славяносербскаго и Маріупольскаго уѣздовъ.

Собрано за это время много предметовъ и записано много интереснаго этнографическаго матеріала, частью котораго я и подѣлюсь въ настоящемъ очеркѣ.

Екатеринославская губернія, какъ извѣстно, населена весьма разнообразными народностями, поселенными здѣсь въ царствованіе Екатерины Великой и при слѣдующихъ государяхъ изъ весьма различныхъ мѣстностей Россіи.

Основная народность губерніи малороссы—потомки запорожцевъ и выходцевъ изъ другихъ украинскихъ мѣстностей.

Остальное разнообразное населеніе и есть тѣ самые переселенцы, которые вызваны были изъ иностранныхъ земель для заселенія Потемкинымъ Новороссійскаго края, какъ-то: нѣмцы-колонисты, греки, валахи, молдаване, сербы, болгары и др. Въ Бахмутскомъ же уѣздѣ можно встрѣтить много великорусскихъ поселеній изъ Курской и др. губерній.

Малорусское населеніе, распространенное почти по всей губерніи, въ большинствѣ утратило свои національныя особенности въ костюмѣ и хозяйственномъ бытѣ, хотя нарѣчіе пока еще сохраняется полностью. Особенно сильное вліяніе на малороссовъ оказали сосѣднія болѣе культурныя народности, какъ напр., нѣмцы. Бытъ экономическій и сельскохозяйственный сильно измѣнился въ силу тѣхъ же нѣмецкихъ вліяній.

Лучше всего сохранился домашній бытъ и промыселъ въ своемъ первобытномъ видѣ въ уѣздахъ Верхнеднѣпровскомъ, Новомосковскомъ и отчасти Славяносербскомъ.

На этихъ малорусскихъ мѣстностяхъ мы больше и остановимся.

Въ жилищахъ малорусскаго типа произошло сравнительно мало измѣненій и то лишь у зажиточныхъ крестьянъ.

1. Дворъ малорусскаго типа Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи.

Большинство же населенія продолжаетъ обстраиваться по старинному. Улучшеніе жилищъ состоитъ въ томъ лишь, что строятъ ихъ болѣе просторными и свѣтлыми.

Распредѣленіе внутреннихъ частей жилища самое простое и состоитъ, какъ и въ сосѣднихъ малорусскихъ губерніяхъ Полтавской и Харьковской, въ большинствѣ случаевъ, изъ хаты, сѣней, коморы или «хижины». У зажиточныхъ же имѣется черезъ сѣни двѣ хаты, изъ коихъ одна чистая «хата» и жилая «хатына». Обстановка такая же, какъ и въ вышеуказаныхъ сосѣднихъ губерніяхъ: «стилъ», «лавы», «полыци», «мысныкы» и вмѣсто кровати «пилъ». (См. листъ рисунковъ).

Кромѣ этихъ хатъ, въ Екатеринославской губерніи встрѣчаются нѣмецкаго типа, какъ наприм. въ Екатеринославскомъ и Александровскомъ уѣздахъ. Хаты эти рѣзко отличаются отъ другихъ какъ своимъ внутреннимъ устройствомъ, такъ и пристройками около жилищъ. Внутри хата раздѣляется на комнату, кухню, сѣни, столовую и даже отдѣльную спальню. Снаружи къ жилищу пристраиваются подъ одну крышу—конюшня, сарай и даже клуня. Въ послѣднее время такія жилища имѣютъ черепичную крышу съ фронтонами.

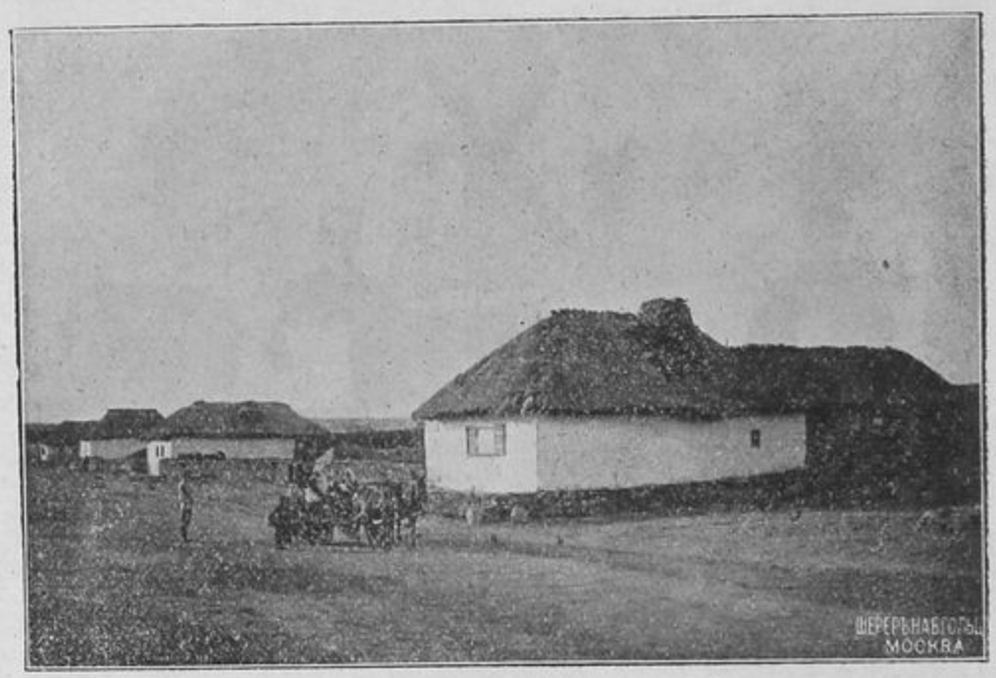
2. Модели построекъ Екатеринославской губерніи (на выставкѣ XIII археологич. съѣзда).

Въ греческомъ округѣ Маріупольскаго уѣзда кромѣ обыкновенныхъ жилыхъ хатъ въ одну или двѣ комнаты, устраиваютъ совершенно отдѣльно кухню «хибарка». Крыши здѣсь тоже черепичныя и камышевыя. Трубы для прохода дыма кладутъ отъ земли изъ дикаго камня безъ всякаго цемента чрезвычайно широкихъ размѣровъ. (3 рис. см. на об.).

Дымовыя трубы у малороссовъ дѣлаются изъ хвороста и обмазываются глиной. Въ сѣнцахъ въ этихъ трубахъ «дымаряхъ» устраиваютъ лѣтнія печки для варки пищи. Печки эти носятъ своеобразное названіе «кабыця». Кромѣ этихъ печекъ въ Екатеринославской губерніи повсемѣстно можно наблюдать существованіе отдѣльныхъ лѣтнихъ печекъ, устраиваемыхъ совершенно отдѣльно отъ жилища на открытомъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колоніяхъ такія печки ставятся передъ домами просто на улицѣ.

Малороссы и валахи любятъ расписывать свои хаты снаружи. Во многихъ селеніяхъ Новомосковскаго и отчасти Верхнеднѣпровскаго уѣзда почти всѣ хаты расписаны разнообразнымъ растительнымъ орнаментомъ. Излюбленнымъ мѣстомъ являются стѣны по угламъ и подъ крышей «стрихой»; ставни тоже пестрятъ разнообразными цвѣтами красокъ. Верхушки дымовыхъ трубъ «верхы» тоже не забыты украшеніями.

Валахи же преимущественно расписываютъ геометрическимъ орнаментомъ въ видѣ круговъ, трехугольниковъ, ломаныхъ и кривыхъ линій и проч.

3. Хаты и дворы греческаго типа Маріупольскаго уѣзда Екатеринославской губ.

Надворныя постройки тѣ же, что и въ Харьковской губерніи — конюшни, амбары, сараи, навѣсы и клуни.

Исключеніе представляютъ половники, замѣняющіе клуни. Постройки эти дѣлаются гораздо обширнѣе и безъ стѣнъ, и просто состоятъ изъ одной четырехскатной крыши. Ворота продѣлываются въ половникъ съ 2-хъ короткихъ сторонъ. Кромѣ того, какъ на отличительную черту Екатеринославскихъ построекъ, можно указать на «сажи», имѣющіеся почти въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ.

Самое же главное отличіе всѣхъ вообще построекъ въ губерніи заключается въ техникѣ работы и въ матеріалѣ, изъ коего кладутся стѣны.

За отсутствіемъ лѣсовъ люди принуждены были придумать другой строительный матеріалъ. Всѣ постройки Екатеринославской губерніи дѣлаются изъ земли, глины или камня.

Стѣны кладутся нѣсколькими способами: если изъ земли, то дѣлаются большія плиты, высушиваются и кладутся съ глиной рядами въ стѣну. Такой способъ называется «ламкачевый» или «саманный».

Другой спобъ построекъ «глинобитный», состоящій въ томъ, что стѣны выкладываются слоями изъ глины, смѣшанной съ соломой, и третій — плетневомазанковый. Дѣлается сначала съ брусьевъ связь хаты, переплетается вдвойнѣ хворостомъ или толстой дранью, внутрь набивается глиной.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ добывается въ изобиліи дикій камень, стѣнки кладутся изъ каменныхъ плитъ безъ цемента и глины и только лишь по окончаніи кладки обмазываются слоемъ глины.

Изгороди тоже преимущественно дѣлаются изъ камня, навоза или просто изъ земли.

Недостатокъ рѣкъ, озеръ и прудовъ заставилъ жителей въ каждомъ отдѣльномъ дворѣ устраивать свой колодецъ, стѣнки котораго замѣняетъ или просто твердый грунтъ, или же сверху лишь устраивается шелевочный срубъ. Во многихъ мѣстахъ такіе колодцы у крестьянъ имѣютъ большой почетъ. Надъ ними устраиваютъ навѣсы на столбахъ съ красивыми верхушками, на которыхъ зачастую красуются изящные кресты. Воду достаютъ посредствомъ перекидного блока или же ворота. (см. листъ рис.).

Что же касается хозяйственныхъ принадлежностей, то здѣсь тоже имѣетъ огромное значеніе культурное вліяніе нѣмцевъ—колонистовъ. Почти все населеніе губерніи переняло отъ послѣднихъ усовершенствованые пароконные экипажи брички на желѣзномъ ходу, гарбы для возки хлѣба съ полей, фабричные желѣзные плуги, бороны, вѣялки, косилки и молотилки. Такимъ образомъ простой деревянный возъ, плугъ, цѣпъ, коса представляютъ уже собою археологическую древность. При собираніи этихъ предметовъ едва удалось найти и то по частямъ деревянный плугъ только въ Новомосковскомъ уѣздѣ. Здѣсь же еще встрѣчаются и стариннаго образца деревянныя гарбы, косы и цѣпы для молотьбы.

Хлѣбъ молотятъ, если не молотилками, то каменными катками. Въ земледѣльческомъ отношеніи Екатеринославская губернія сдѣлалась неузнаваемой въ сравненіи съ Харьковской, хотя нужно правду сказать: мужичекъ, или по своей простотѣ, или же въ самомъ дѣлѣ земля прежде лучше родила, вездѣ выражаетъ неудовольствіе противъ нововведеній. При разспросахъ часто приходилось слышать ропотъ: «деревянный плугъ оравъ добрэ и хлибъ родывъ куды краще!»

Познакомивъ въ краткихъ чертахъ съ хозяйственными постройками и принадлежностями, перейдемъ къ описанію крестьянской одежды и ея украшеніямъ.

Въ одеждѣ тоже замѣтны значительныя измѣненія, которыя происходятъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ экономическихъ условій страны. Измѣненія эти произошли, какъ въ матеріалѣ, такъ и въ покроѣ одежды. Старинная широкая и просторная одежда замѣняется болѣе тѣсной и узкой. Сравнивая же Харьковскую губернію съ Екатеринославской, можно сказать, что въ послѣдней эти измѣненія не такъ ужъ быстро происходятъ. Нѣкоторыя изъ народностей до сихъ поръ сохранили свой національный костюмъ.

Такъ малороссы тѣхъ же Новомосковскаго и Верхнеднѣпровскаго уѣздовъ до настоящаго времени носятъ вполнѣ малорусскіе костюмы. Мужчины надѣваютъ на себя штаны изъ полотна домашняго приготовленія или же изъ синей китайки съ чрезвычайно широкими «холошами» въ 4 «пилки» или полотнища. Рубаха шьется тоже изъ такого же полотна съ очень широкими рукавами съ «чехлами» или безъ нихъ. Верхняя одежда состоитъ изъ сѣрой или бѣлой суконной свитки «юпки» и свиты съ «видлогой». Кое гдѣ даже встрѣчались суконные «жупаны», «халаты» и «киреи». На головахъ носятъ лѣтомъ соломенные и суконные «брыли» и зимою сѣрыя смуховыя шапки.

4. Группа Малороссовъ Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губ.

Женщины носятъ поверхъ малорусскаго покроя съ вышивкой или «лыштвой» сорочекъ—шерстяныя черныя «запаски» «плахты», «спидницы», «керсеты» и въ холодное время суконныя сѣрыя или бѣлыя «юпки» (свитки) и халаты. Головные уборы составляютъ—парчевые

очипки и ситцевые «капоры». Во многихъ селеніяхъ до сихъ поръ носятъ «сапьяныци»—«чоботы» изъ краснаго, зеленаго и желтаго сафьяна и такіе же «черевыки». Дѣвушки любятъ украшать одежду на груди «намыстомъ» и «дукачамы», въ косы заплетаютъ разноцвѣтные «кисныки».

При экскурсіи по Новомосковскому уѣзду намъ пришлось побывать въ праздничный день въ селѣ Перещепиномъ и увидѣть малороссіянъ въ національныхъ костюмахъ. Группы молодицъ, дивчатъ и парней двигались по улицамъ на базаръ и въ церковь въ праздничныхъ одеждахъ. Картина была чрезвычайно замѣчательна по своей пестротѣ костюмовъ: всюду краснѣли чоботы и черевики, пестрѣли плахты и «спидницы», зеленѣли «безрукавки» и «керсеты», синѣли штаны и бѣлѣли свитки «юпки». Насмотрѣвшись на эту картину, могу сказать, что прежняя Малороссія своими костюмами была далеко лучше и красивѣе теперешней.

5. Группа дивчатъ слободы Перещепино, Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губ.

Кромѣ малороссовъ нѣсколько сохранили свой старинный костюмъ валахи и греки. Одежда мужчинъ валаховъ мало чѣмъ отличается отъ костюма малоросса и состоитъ изъ «камеши» (сорочки) съ такими же широкими рукавами съ вышивкой и «чумеки» (штаны) съ широкими «халохами». Верхняя одежда—«бруслукъ» (жилетъ) безъ рукавовъ или съ рукавами на ватѣ «ваникъ». Женская одежда—«камеша» съ вышитыми рукавами и передней и задней верхней частью. Поверхъ «камеши» надѣваютъ запаску изъ шерстяной матеріи, вышитую шелковыми нитками, шерстяной цвѣтной керсетъ, на голову—очипки и повязываютъ бѣлымъ вышитымъ

съ блестками покрываломъ «кафрамой». Шею украшаютъ «маржелями» (деревянное намисто) и «салбо» прикрѣпляющееся къ серьгамъ и состоящее изъ мелкихъ монетокъ или блестокъ. На лбу волошки повязываютъ «коде»—лента, украшенная блестками или монетами.

У грековъ же мужчины почти совсѣмъ не сохранили своего національнаго костюма, исключая женщинъ, которыя до сихъ поръ еще носятъ много греческаго. Одежда ихъ состоитъ изъ «кампсу»—вышитая сорочка иногда золотомъ, верхняя—юпки и кофты. Голова повязывается покрываломъ «перефторъ», вышитымъ золотомъ; по бокамъ около ушей надѣвается «ханяръ»—уздечка, состоящая изъ серебряныхъ цѣпочекъ, прикрѣпленныхъ къ узкой повязкѣ, вышитой жемчугомъ. Въ косу вплетается «цамблись» изъ многочисленныхъ шерстяныхъ шнурковъ, прикрѣпленныхъ къ костяной перекладинкѣ. (рис. 6). Что же касается одежды другихъ народностей Екатеринославской губ.—нѣмцевъ, евреевъ, болгаръ, то эти послѣдніе мало сохранили въ костюмахъ что либо національнаго. Костюмы у нихъ замѣнены общепринятыми модными кофтами, юпками, пиджаками и проч.

6. Греки Маріупольскаго уѣзда Екатеринославкой губ.

Чтобы закончить описаніе одеждъ, нужно упомянуть и о костюмѣ великороссовъ Бахмутскаго уѣзда. Такъ какъ великороссы въ этомъ отношеніи вообще лучше всѣмъ извѣстны, я укажу лишь на то, что «русскіе» Екатеринославской губерніи, какъ и малороссы, далеко лучше сохранили свой костюмъ, чѣмъ въ нашей губерніи. Сарафаны съ богатой обдѣлкой, кокошники, сороки до сихъ поръ въ большомъ ходу. Верхняя

одежда мужчинъ и женщинъ точно такая же, какъ и у великороссовъ Курской губерніи.

Перейдемъ къ техникѣ въ народномъ быту, занятіямъ и промысламъ. Обработка дерева по недостатку этого матеріала здѣсь ведется въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Укажу лишь главныя работы изъ дерева—изготовленіе колесъ, бричекъ, гарбъ и отчасти бондарство.

Зато изъ камня, гдѣ онъ изобилуетъ, приготовляются, какъ хозяйственныя принодлежности такъ и другія. Многіе крестьяне занимаются теской изъ камня—катковъ, ступъ, корытъ, жернововъ для мельницъ, изготовленіемъ каменныхъ столбовъ, плитъ, крестовъ и даже надгробныхъ сложныхъ памятниковъ.

7. Великороссы Екатеринославской губ. Бахмутскаго уѣзда.

Обработка желѣза находится тоже въ цвѣтущемъ состояніи. Существуетъ масса усовершенствованныхъ кузницъ, слесарныхъ мастерскихъ для издѣлія экипажей, земледѣльческихъ орудій и проч. Занимаются же этимъ большею частью нѣмцы-колонисты и распространяютъ свои издѣлія между сосѣдними крестьянами земледѣльцами.

Главное же занятіе всѣхъ жителей Екатеринославской губерніи—земледѣліе, которое, не смотря на неблагопріятныя условія, плохое орошеніе посредствомъ мелкихъ рѣкъ, при культурной обработкѣ полей, находится въ хорошемъ состояніи.

Изъ промысловъ важнѣйшій—горнозаводская промышленность. Славяносербскій, Бахмутскій уѣзды усѣяны массой фабрикъ, заводовъ каме-

ноугольныхъ и другихъ шахтъ. Въ Екатеринославской губерніи кромѣ шахтъ промышленниковъ существуютъ такъ называемыя крестьянскія или народныя шахты, которыя многіе крестьяне устраиваютъ первобытнымъ способомъ на своихъ полевыхъ участкахъ. Копается глубокій колодецъ до пласта минерала, сверху устраивается простѣйшій ручной или конный воротъ, и въ корзинкахъ таскается каменный уголь или руда, послѣдніе отправляются на сосѣдніе заводы. Во время путешествія по этимъ уѣздамъ пришлось наблюдать всюду, какъ горизонтъ степныхъ полей пестритъ дымящимися заводскими трубами, шахтами, а по ночамъ съ разныхъ краевъ виднѣется освѣщеніе отъ пылающихъ доменныхъ печей.

Изъ другихъ занятій и промысловъ можно назвать рыболовство по Днѣпру и мирошничество.

Рыбная ловля производится съ долбленыхъ челноковъ «перемитами» съ насаженными на веревку крючками, сѣтями, кувботами, блешнями и удочками.

Мирошничество въ Екатеринославской губерніи очень распространено. По рѣчнымъ мѣстностямъ существуютъ пловучія водяныя мельницы на баркахъ и обыкновенныя. Въ степныхъ—вѣтряныя нѣсколькихъ типовъ—нѣмецкія болѣе усовершенствованныя, крестьянскія обыкновенныя съ тою лишь разницей, что вся мельничная снасть вращается не на деревянномъ срубѣ, а на каменномъ фундаментѣ и входъ въ мельницу не съ задней стороны, а съ боку. Число крыльевъ большею частью 4, изрѣдка же бываетъ и 6,

Пчеловодство развито очень слабо и то лишь въ Славяносербскомъ уѣздѣ. Греки, валахи и малороссы еще занимаются выдѣлкой красныхъ ковровъ. Изъ ритуальныхъ обрядностей въ семейномъ быту много особенностей имѣютъ свадьбы.

Малорусская свадьба мало чѣмъ отличается отъ такой же свадьбы Харьковской губерніи, хотя старинныхъ обрядностей сохранилось больше. Начинается такая свадьба «зарученьемъ»: женихъ со старостами идетъ къ невѣстѣ свататься. Если невѣста согласна выйти за него замужъ «дае рушныкы» старостамъ и «молодому» перевязываетъ руку «хусткой» (платкомъ).

Подъ самую свадьбу устраивается «девычвечеръ». Собирается молодежъ на вечеринки, гуляютъ и поютъ пѣсни.

Въ день свадьбы отецъ жениха «висильный батько», когда народъ возвращается отъ богослуженія, отправляется съ хлѣбомъ подъ мышкой безъ шапки и заходитъ къ сосѣдямъ и знакомымъ и приглашаетъ на торжество свадьбы: «Просымъ Бога и васъ на хлибъ, на силь».

«Молодый» же идетъ со старшимъ бояриномъ и съ узломъ «шимонъ» собирать «бояръ». При входѣ въ хату родича женихъ дѣлаетъ три земныхъ поклона и приглашаетъ такими словами: «просыли батько и мате и я просю на свальбу—на висилье», при этомъ всѣмъ домашнимъ кланяется и цѣлуетъ ихъ.

Невѣста также приглашаетъ «дружокъ» и ведетъ ихъ къ себѣ на домъ, гдѣ и угощаетъ ихъ.

Женихъ угощается съ боярами сначала дома, послѣ чего «дружко» выводитъ его за платокъ во дворъ и обводитъ три раза вокругъ кадушки съ водой, а затѣмъ уже отправляются всѣ къ невѣстѣ.

Волошская свадьба тоже начинается сватаньемъ, какъ и у малороссовъ, подъ свадьбу бываютъ также вечерины, съ тою лишь разницею, что старшій бояринъ ходитъ съ «ворнякомъ» (украшенной разноцвѣтной матеріей палка) и, размахивая имъ, приглашаетъ гостей на свадьбу просто съ улицы. Въ общемъ свадьба очень напоминаетъ малорусскую, такъ что можно заключить, что валахи переняли многіе малорусскіе свадебные обряды.

Особенности греческой свадьбы: по старинному обычаю сватаютъ невѣсту еще дѣвочкой лѣтъ 13—15, свадьба же играется года черезъ 3—4. Сватать посылаютъ 2 «покоршаръ» (старостъ), которые безъ жениха сговариваются съ родителями невѣсты и при согласіи дарятъ золотыми турецкими монетами родныхъ невѣсты, послѣдней же даютъ шелковый платокъ. Родичи невѣсты даютъ въ залогъ тоже золото. Невѣста при этомъ отсутствуетъ. Послѣ этого происходятъ, какъ у жениха, такъ и у невѣсты отдѣльныя гулянья. Гости жениха ѣдутъ до кума и кумы (воспріемники жениха) и ведутъ ихъ къ жениху. Къ невѣстѣ же ведутъ особаго повара и барановъ для приготовленія угощенія въ день свадьбы. На слѣдующій день родичи жениха ѣдутъ за невѣстой и везутъ ее въ церковь, жениха же приводятъ изъ дому послѣ и затѣмъ уже происходитъ бракосочетаніе, послѣ чего всѣ ѣдутъ къ жениху вмѣстѣ съ невѣстой, гдѣ она уже и остается навсегда.

Изъ музыкальныхъ инструментовъ у малороссовъ тѣ же—скрипка, бубна, сопилка и басъ. У грековъ—барабанъ, «зурна» (дудка) и «тулунъ-зурна» (коза), состоящая изъ снятой цѣльной кожи барана со вставленными дудками.

Греки вѣрятъ въ водяного «ямумана» (мать моря). Этимъ пугаютъ дѣтей, чтобы не купались много.

Вѣдьма «Джабу» доитъ коровъ, ночью опасно ходить черезъ нее.

Домовой «Зоозусъ»—не золъ въ освященномъ домѣ, а не въ освященномъ стучитъ, гремитъ и плачетъ, не давая покоя хозяевамъ.

Бѣсы играютъ на скрипкахъ и предлагаютъ людямъ учить ихъ играть на этомъ музыкальномъ инструментѣ, почему греки и избѣгаютъ струнной музыки.

Кромѣ приведенныхъ обрядностей, у грековъ существуютъ такъ называемыя «борьба» и «понанры».

Празднество борьбы устраивается только во время храмового праздника, когда съѣзжаются всѣ изъ окрестныхъ селъ и послѣ богослуженія происходитъ на открытой площади подъ охраной полиціи «борьба» на общественный призъ. Борцы одѣваются въ спеціальные общественные костюмы, держась за которые «борятъ» другъ друга. Выигравшій борьбу получаетъ угощеніе и призъ въ видѣ барана. «Понанры»—есть общественные поминки; на нихъ сносятъ свое угощеніе почти всѣ жители села къ хозяину, который устраиваетъ поминки, и происходитъ многолюдное пиршество.

Такъ какъ греки эти — выходцы изъ Крыма, то всѣ почти говорятъ не на своемъ родномъ языкѣ, а на турецко-татарскомъ нарѣчіи.

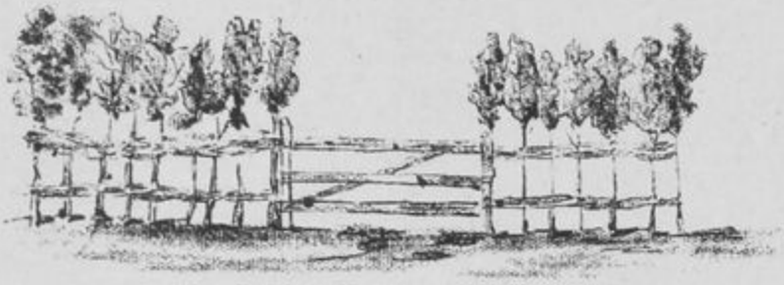
В. Бибенко.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

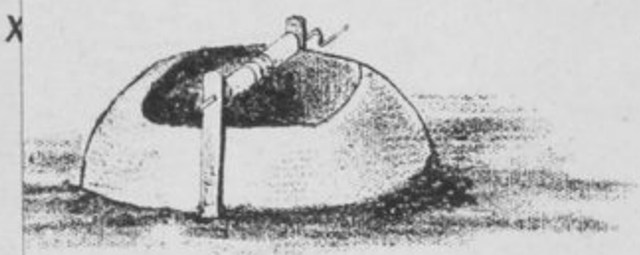
. Каменная изгородь—перелазъ и ворота.

1 Ха
2 Сѣ
3 Ха

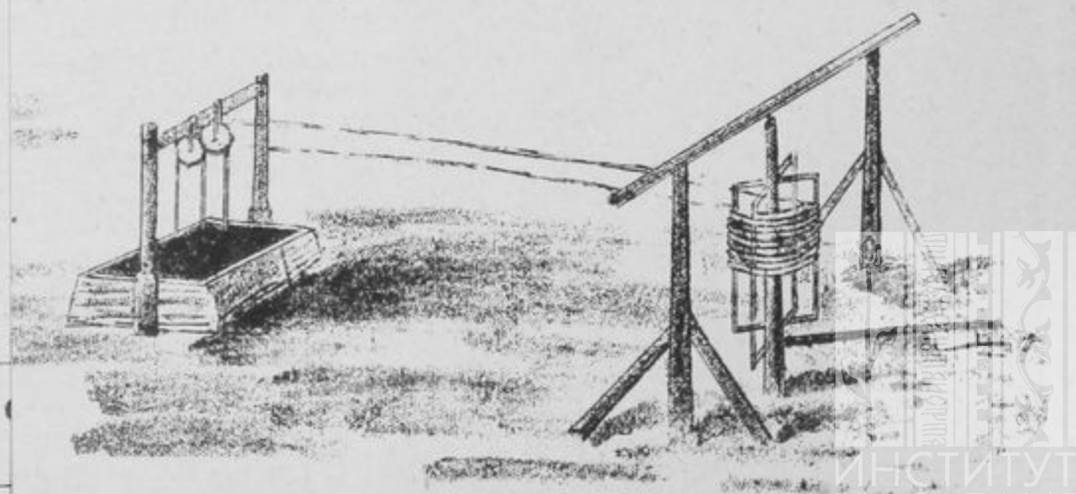
VI. Живая изгородь.

II. Х

. Крестьянскія шахты съ воротомъ.

Клуня

XIV Крестьянскія шахты съ коннымъ воротомъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XV.

Малорусская ода 1807 года.

Представляемая здѣсь «Ода господину Боунопарте» въ нѣсколько измѣненной редакціи была напечатана въ Кіевской Старинѣ (1886, № 1) г. О. Левицкимъ подъ заглавіемъ «Ода на случай выгранной Бенигсеномъ надъ французомъ побѣды 1807 года, генваря 27 числа». Въ своей вступительной замѣткѣ къ одѣ г. Левицкій говоритъ, что ода эта «относится къ событіямъ второй войны Императора Александра I съ Наполеономъ, когда Россія выступила на помощь прусскому королю Фридриху-Вильгельму, потерявшему свою столицу и бѣжавшему въ Кенигсбергъ. Въ концѣ 1806 года двѣ русскія арміи, подъ начальствомъ Бенигсена и Буксгевдена вступили въ Восточную Пруссію, чтобы удержать французовъ отъ перехода за Вислу. На берегахъ этой рѣки, подъ Пултускомъ и Морунгеномъ, произошло нѣсколько убійственныхъ сраженій, одно изъ которыхъ вдохновило безъименнаго малороссійскаго поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что означенная ода была написана тотчасъ по полученіи извѣстія о событіи, потому что поэту очевидно еще не было ничего извѣстно о послѣдовавшей 8 февраля 1807 г. несравненно болѣе кровопролитной битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, а равно о пораженіи Бенигсена подъ Фридландомъ (14 іюня), принудившемъ Императора Александра вступить въ переговоры съ Наполеономъ, закончившіеся Тильзитскимъ миромъ».

Свѣдѣнія эти не совсѣмъ вѣрны. Русская армія защищала не Вислу, которую она въ это время уже перешла, а Кенигсбергъ, гдѣ была тогда прусская королевская семья. Въ «Одѣ» говорится о побѣдѣ Бенигсена надъ Наполеономъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ битвахъ до Прейсишъ-Эйлауской Бенигсенъ имѣлъ дѣло съ его маршалами; только подъ Прейсишъ-Эйлау 27 января (а не 8 февраля) 1807 г. онъ встрѣтился съ самимъ императоромъ. Несомнѣнно, это сраженіе и вспоминается въ малорусской одѣ, что и подтверждается датой, находящейся въ спискѣ

г. Левицкаго. По словамъ Наполеона Прейсишъ-Эйлауская битва была «не сраженіе, а рѣзня (pas une bataille, mais un carnage); со стороны русскихъ было убито до 26000 человѣкъ, не меньше былъ уронъ и со стороны французовъ. Обѣ арміи послѣ сраженія остались на своихъ позиціяхъ; Бенигсенъ дѣйствительно вскорѣ отступилъ къ Кенигсбергу, но и Наполеонъ, простоявъ девять дней, также отступилъ къ Вислѣ. «Обѣ стороны (привожу слова бар. Зедделера) каждая себѣ приписывали побѣду. Но, если взять въ соображеніе, что цѣлью Наполеона было окружить корпусами Даву и Нея русскую армію и отрѣзать ее отъ Кенигсберга и Россіи; что эта цѣль вовсе не была достигнута; что онъ не смѣлъ преслѣдовать Бенигсена и покуситься овладѣть Кенигсбергомъ, столь важнымъ для него въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ,—то, кажется, должно прпсудить побѣду русскимъ. Какъ полководецъ, Наполеонъ стоялъ тогда во мнѣніи современниковъ такъ высоко, что неудачу его нападеній сравнивали съ пораженіемъ; французы сами это чувствовали, и Эйлауское сраженіе, самое упорное и кровопролитное изъ битвъ своего времени, надолго оставило въ нихъ глубокое впечатлѣніе». Самъ Наполеонъ впослѣдствіи признавался, что подъ Прейсишъ-Эйлау онъ могъ приписать себѣ побѣду только потому, что «русскимъ угодно было отступить». Бенигсенъ былъ осыпанъ милостями—получилъ пожизненную пенсію въ 12000 руб., знаки ордена св. Андрея, милостивое письмо Императора Александра, въ которомъ былъ названъ побѣдителемъ того, кто еще никогда не былъ побѣжденъ (C'est à vous, mon général, qu'a été réservée la gloire de vaincre celui qui ne l'a jamais été encore).

Нынѣ печатаемый текстъ значительно отличается отъ извѣстнаго въ печати. Рукопись, съ которой печатается «Ода», писана на листѣ синей бумаги съ водянымъ знакомъ 1806 г. Она интересна между прочимъ тѣмъ, что къ тексту, писанному однимъ почеркомъ, даетъ поправки другого почерка, заключающіяся въ перестановкѣ словъ, въ замѣнѣ однихъ другими, въ исправленіи правописанія, частью вошедшія въ списокъ г. Левицкаго. Нѣкоторыя извлеченія изъ настоящей замѣтки съ опущеніемъ наиболѣе существеннаго были напечатаны въ К. Старинѣ 1900, № 1.

В. Срезневскій.

Ода господину Боунапарте.

Ага чивжь ты пахопився,
Гадючій сыну Боунапартъ [1]),
Небійсь пасокою вмывся—
Дарма, що ты й чорту братъ!
Се въже тоби не цецарцы
Що ты лыгавъ, якъ потапцы,

[1]) Въ спискѣ г. Левицкаго вм. этого правильный стихъ: сынъ котюжіи Бонопарте.

Ни тутъ тоби носа вътруть,
Тутъ выпрудять тоби блохи
Ось погоды, лишень трохи,
Прочухана якъ дадуть!

* *
*

Ты соби бравъ за дурницю
Зъ москалями воевать,
Може думавъ ихъ столицю
Такъ якъ пруськую прибрать,
Се дзусъ, мурый, невмувака,
Чванко, разбойникъ, бурлака,
Брешетъ гладко мовъ той песъ!
Щобъ съ Корсики волоцюга
Забравъ волывъ нашихъ сплуга
Ни, самъ ноги чи унесешъ.

* *
*

Да що тоби и казаты
Ты самъ теперь схаменувсь,
Бо вже въмиешъ и вътикаты,
Якъ съ Бениксеномъ стовкнувсь
Щасливъ ты, погански сыну,
Що списа не впустивъ у спину
Да ты того и не минешъ,
Бувъ колысь такій Костюшка
Скакавъ, порхавъ, мовъ та птушка,
Дежъ винъ теперъ?.. ты самъ збагнешъ [1]).

* *
*

Правда, що ты хитроваты
Уси штуки показавъ;
Да и Бенксгенъ мудроватый
Но винъ тоби въ морду давъ;
Крутывъ бакъ ты, якъ лысиця
. . . . . [2])
А якъ Бенксгенъ страху давъ,
Баржей на човенъ схватився,
Не оглядаючися, дравъ.

* *
*

Хоть такъ соромъ и втекаты
Да що жъ маешъ ты робыть,
Дарма, буду я казаты,
Що ты рыбу вчивсь ловить
Дай ты мовчы, що вътекаешъ
Кажи, по висли гуляешъ,
Щобъ минувся трохи годъ
А якъ прибежишъ и къ жинцы
Скажы, щобъ възявши чирвинци
Швидче курнула назадъ.

* *
*

Скажи, що такіи жарты
Москаль задавъ теперъ намъ,
Що дали бигъ отъ пивкварты,
Не бувъ ще я таки пянъ.
Катъ іого зна, що й робиты,
Хлопци мои вси розбиты,
Отъ теперъ же я пропавъ
Ащь Кулишъ якись—явився,
Ризавъ, бивъ да и пробився
По тымъ всимъ намъ думать давъ.

* *
*

---

1) Въ спискѣ г. Левицкаго также не вѣренъ стихъ: А де жъ вивъ теперъ? Не вспомянешъ.—Очевидно, лишне сл. винъ.

2) Пропущенъ одинъ стихъ; у г. Левицкаго: та що жъ робить? треба скрыться.

Постый я тоби, козаче,
Найгарнийши дамъ совитъ,
Схаменися, небораче,
Не куіовды у весь свитъ,
Ось не чвався, не гордися,
Александру поклонися,
Признайсь, що ты виновать
Отъдай те, що ты заграбивъ,
Щобъ и грихъ ты свой загладывъ
И смашненко могъ бы спать...

Колижъ хочешъ такъ крутится,
Поки пристигне конецъ,
Тилко тогда не вертися,
Въскине якъ петлю динецъ,
Вже арканъ тоби готовы
Дуже мицны, гарны, новы
Хоть тягны дакъ не порвешъ.
Покайсь теперъ, сыну вражы,
А то Бениксгенъ докаже,
Що ты петли не минишъ.

* * *

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XVI.

Волчанское городище.

(Опытъ изслѣдованія его въ 1903 году).

Волчанскъ. Волчанскъ, уѣздный городъ Харьковской губерніи, не представляетъ особыхъ историческихъ древностей. Онъ основанъ лишь въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича велѣно было нижегольскому черкашенину Мартыну на рѣчкѣ Волчьи воды строить слободу, которая въ 1724 году уже называлась городкомъ «Волчьей воды». И только въ царстованіе Екатерины Великой мѣстечко это переименовано было въ городъ Волчанскъ (1728 г.). Никакихъ крѣпостей въ этомъ мѣстечкѣ не было и не могло быть, сраженій тоже. Правда, волчанская казачья сотня существовала когда то, но это еще не значитъ, что здѣсь было военное поселеніе. Мѣстечко «Волчье» сначала было Салтовскаго уѣзда, уѣзднымъ городомъ котораго считался знаменитый крѣпостной городъ Верхній Салтовъ, а затѣмъ причислено было къ Бѣлгородскому уѣзду и только сравнительно недавно сдѣлалось уѣзднымъ городомъ.

Волчанское городище [1]). Городище это находится къ востоку отъ Волчанска въ растояніи 2—3 верстъ на одной изъ мѣловыхъ вершинъ «Лысой горы». Съ юга эту гору омываетъ рѣка Волчья, имѣющая въ этомъ мѣстѣ наибольшую глубину и ширину. Издали видъ на городище не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, кромѣ живописнаго берега рѣки съ бѣлѣющими возвышенностями.

---

[1]) О городищахъ Харьковской губ. см. статьи Ю. И. Морозова и В. Е. Даниловича въ Трудахъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда, т. I, 82—97; т. II, 2-я часть, 227—229.

На вершинѣ этой возвышенности виднѣется часть полукруглаго бѣловатаго вала.

Вблизи же, кромѣ перваго вала, замѣтны еще двѣ насыпи, идущихъ въ видѣ концентрическихъ окружностей, изъ коихъ внутренняя тянется на самой возвышенной части горы.

Желая почерпнуть какія либо свѣдѣнія изъ преданій о волчанскомъ городищѣ, пробовалъ съ этимъ обращаться къ мѣстнымъ старожиламъ. Оказалось, что преданіе или скорѣе легенда не имѣетъ никакихъ историческихъ точностей. По словамъ прадѣдовъ старожиловъ, городище есть остатокъ прежняго «турецкаго» города, который былъ огражденъ крѣпкою стѣною. Въ городѣ былъ какой то знаменитый храмъ, который, по изгнаніи «турокъ» изъ города, самъ собой вошелъ въ гору и только каждый годъ на «великдень» выходитъ изъ земли; въ это время на городищѣ слышенъ звонъ, виднѣются огни и проч. Кромѣ того существовалъ большой бездонный колодезъ, и только сравнительно недавно послѣдній совсѣмъ засыпался землей; при этомъ указываютъ на незначительную впадину, какъ на мѣстонахожденіе колодца. О важности этого городища для «туретчины» указываютъ на тотъ фактъ, что плѣнные турки послѣдней турецкой войны, будучи въ Волчанскѣ, часто ходили молиться на эту гору. Не мало существуетъ также легендъ о кладахъ, спрятанныхъ въ подземельяхъ городища, причемъ нѣкоторые изъ обывателей приходили нѣсколько разъ во время производства мною раскопокъ и упрашивали раскопать по ихъ указанію нѣкоторыя мѣста, гдѣ бы можно было попасть въ подземелье; но къ ихъ огорченію просьбы невозможно было удовлетворить.

Раскопки городища. Волчанское городище по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ и по округленной формѣ относится къ очень раннему періоду. При внимательномъ осмотрѣ городища довольно ясно замѣтны три насыпныхъ вала, первый изъ нихъ самый возвышенный имѣетъ форму правильной окружности въ 164 саж. длины и 48 саж. въ діаметрѣ. По этому валу замѣтны остатки отъ довольно солидной каменной стѣны изъ цвѣтного песчаника, за стѣною въ разстояніи 6 саж. отъ 1-го вала тянется второй нѣсколько пониже валъ, и затѣмъ третій, удаленный съ южной стороны на 40 саж. и очень приближенный съ задней сѣверной стороны всего на 8 саж. Послѣдній валъ имѣетъ форму разносторонняго многоугольника съ периметромъ въ 336 саж.

Съ 12-го по 16-е августа 1903 года мною были произведены археологическія раскопки во всѣхъ частяхъ городища.

Первоначально изрѣзана была траншеей центральная часть площади, окруженной первымъ валомъ. Культурный слой въ томъ мѣстѣ имѣлъ незначительную глубину—всего $^3/_4$ арш. Очевидно эта мѣстность, какъ самая возвышенная часть городища, была сильно распахана. Тутъ же были прорыты двѣ другія траншеи около остатковъ отъ стѣны съ SW и E стороны, при чемъ, какъ первая, такъ и другая, кромѣ дикаго камня и случайно найденной на поверхности бронзовой круглой пластинки, никакихъ другихъ предметовъ не дали.

Съ SE стороны разрѣзанъ бы 1-й валъ, въ которомъ оказалась масса большихъ каменьевъ, очевидно, отъ фундамента каменной стѣны. Раскопка этого вала показала, что стѣна была приблизительно около сажени толщины.

Другіе два вала оказались насыпными изъ песку и земли, вышиною въ 2 и шириною снизу въ 6 метровъ.

Кромѣ того прорыта была траншея въ ложбинѣ между 1 и 2 валомъ. Подпочвенный слой здѣсь оказался на глубинѣ $2^1/_2$ метровъ и, судя по засыпной землѣ, можно думать, что вокругъ 1 вала и стѣны шелъ глубокій и широкій ровъ, засыпавшійся впослѣдствіи землей съ окружающимъ его валомъ. Раскопки передней площади между 2 и 3 насыпями показали очень тонкій почвенный слой, не имѣвшій никакихъ остатковъ обитанія людей, за исключеніемъ найденныхъ на поверхности кремневыхъ скребочковъ и копьевиднаго наконечника весьма тонкой обдѣлки, да нѣсколько черепковъ грубой глиняной посуды съ простѣйшимъ линейнымъ и точечнымъ орнаментомъ.

Въ виду того, что на самомъ городищѣ не оказалось никакихъ предметовъ, по которымъ можно было судить объ обитаніи городища, рѣшено было перенесть раскопки въ окружающіе склоны горъ и овраги. И дѣйствительно здѣсь нашлось несравненно больше археологическаго матеріала.

Вскрыто было множество мѣстъ съ прожженной до красна землей, на которой слоями лежали древесный уголь, зола и обломки глиняной посуды съ ямочнымъ орнаментомъ.

Очевидно, мѣста эти и есть самыя обиталища людей съ остатками отъ очаговъ. Здѣсь встрѣчалось множество разнородныхъ костей животныхъ—лошадиныхъ, бычачьихъ и бараньихъ.

Въ одномъ мѣстѣ съ SE стороны у самой подошвы горы раскопана была впадина, наполненная мѣшанной землей, кусками древеснаго угля и въ ней найденъ разбитый большой сосудъ изъ сѣрой глины съ волни-

стымъ орнаментомъ. (См. рис.) Сосудъ этотъ имѣлъ форму огромнаго горшка или скорѣе урны съ ручкой и заключалъ въ себѣ массу золы и костей животныхъ, какъ отбросы кухни. Вся яма имѣла 4-хъ угольную форму съ гладкими стѣнками и занимала площадь въ 1 кв. сажень.

Очевидно здѣсь пришлось натолкнуться на полную землянку.

По склону сосѣдней горы удалось натолкнуться и на погребеніе человѣка въ вырытой ямѣ на глубинѣ 2-хъ аршинъ. Костякъ оказался въ очень плохой сохранности: кости полуистлѣвшія, черепъ разрушенъ и части его лежали на тонкой каменной плитѣ гладко источенной съ верхней стороны, какъ бы точильный камень. По словамъ мѣстныхъ жителей, въ разныхъ мѣстахъ около городища и раньше были вымыты водой и случайно вырыты человѣческія кости и при нихъ сохранившіеся глиняные горшки. Мнѣ же, кромѣ вышеуказаннаго одного погребенія, не удалось

Сосудъ, найденный при раскопкахъ Волчанскяго городища.

другихъ открыть. Зато по тѣмъ же склонамъ вокругъ городища отыскана масса кремневыхъ осколковъ и кусковъ, а также обломковъ отъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, скребковъ, фрагменты глиняной посуды съ самымъ первобытнымъ исчерченнымъ ногтемъ или палочками орнаментомъ.

Въ результатѣ раскопокъ получается такого рода заключеніе: Волчанское городище, судя по кремневымъ предметамъ и черепкамъ, напоминающимъ неолитическую эпоху, можно причислить къ городищамъ самаго древняго періода, при чемъ послѣднее могло служить лишь мѣстомъ для совершенія моленій и для укрытія древнихъ обитателей въ опасное для нихъ время, на что и указываетъ отсутствіе какихъ бы то ни было предметовъ постояннаго обитанія.

Вокругъ же городища существовали стоянки этихъ малокультурныхъ обитателей, оставившихъ послѣ себя лишь пепелища своихъ очаговъ, куски грубой глиняной посуды, отбросы кухни и только.

Точечный, ямочный и линейный орнаментъ, сдѣланной просто ногтемъ, заостреннымъ кремнемъ или деревомъ, кремневые скребочки, стрѣлки или просто обломки кремня напоминаютъ мастерскія каменнаго вѣка и только найденная бронзовая пластинка приближаетъ къ бронзовому вѣку. Относительно самихъ обитателей трудно что либо опредѣленное сказать, когда не найдено другихъ предметовъ обыденной жизни, кромѣ черепковъ и костей животныхъ. Можно лишь предполагать, что древніе обитатели волчанскаго городища были какіе то малокультурные кочевническіе народы, имѣвшіе постоянныя стоянки и убѣжище отъ преслѣдованій въ названномъ городищѣ.

1903 г. *В. Бабенко.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XVII.

Къ исторіи Харьковской литературы.

1.

Цензурныя замѣчанія на «Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи» преосв. Филарета.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣщаемый ниже документъ былъ переданъ мнѣ покойнымъ протоіереемъ, настоятелемъ Троицкой церкви въ Харьковѣ, о. Николаемъ Лащенкомъ. Онъ весьма любопытенъ, съ одной стороны какъ страничка изъ столь мало извѣстной намъ исторіи духовной цензуры, а съ другой какъ матеріалъ, касающійся мѣстной исторіи.

Разбираемая цензоромъ книга—историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи является однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ научныхъ сочиненій по исторіи церкви, археологіи и гражданской исторіи нашего края. Авторъ ея по справедливости можетъ быть названъ «Несторомъ» Слободской украины. Не говоримъ уже о томъ, что онъ былъ и выдающимся историкомъ русской церкви, и замѣчательнымъ іерархомъ.

Тѣмъ болѣе характерны отрицательныя указанія цензора на отдѣльныя мѣста этого превосходнаго сочиненія. Къ сожалѣнію, замѣчанія эти имѣли и серьезныя практическія послѣдствія для книги—отмѣченныя цензурою мѣста были изъяты изъ этого сочиненія и это обстоятельство съ одной стороны принесло вредъ наукѣ, а съ другой сильно огорчило самого автора.

Д. И. Багалѣй.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

I.

Копія съ донесенія Святѣйшему Правительствующему Суноду Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ, отъ 6 апрѣля 1853 года за № 98.

Членъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ архимандритъ Сергій, разсмотрѣвъ поступившія отъ преосвященнаго Филарета, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ цензурный Комитетъ рукописи, содержащія отдѣленіе 2 и 3-е историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи, представилъ ихъ въ Комитетъ съ таковымъ мнѣніемъ.

Въ рукописяхъ, составляющихъ второе отдѣленіе историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи заключается частное обозрѣніе нынѣ существующихъ въ г.г. Харьковѣ и Валкахъ храмовъ и нѣкоторыхъ болѣе примѣчательныхъ церквей, находящихся въ селахъ и слободахъ. Порядокъ изслѣдованія почти вездѣ одинаковый: излагается сначала исторія храма, его древность, поновленіе и настоящее состояніе; потомъ описываются достопримѣчательныя въ немъ вещи и книги; къ симъ свѣдѣніямъ присоединяются замѣчанія о причтѣ и прихожанахъ. Собранныя въ рукописи извѣстія извлечены изъ подлинныхъ источниковъ, съ надлежащею осмотрительностію и безпристрастіемъ; примѣтно также, что извлеченныя изъ разныхъ источниковъ сказанія сопровождаемы были повѣркою на мѣстѣ, котораго каждое изъ нихъ касается. Встрѣчаются въ «описаніи» изслѣдованія, касающіяся гражданскаго состоянія описываемаго края, и разсказы о дѣйствіяхъ свѣтскихъ лицъ: такія изслѣдованія, хотя не имѣютъ прямой связи съ обозрѣніемъ іерархическаго и церковнаго состоянія епархіи, однакоже и не составляютъ обременительнаго излишества въ рукописи, поелику направлены къ цѣлямъ назидательнымъ для читателей, или заключаютъ въ себѣ такія свѣдѣнія о малороссійскомъ краѣ, которыхъ нельзя найти въ напечатанныхъ книгахъ.

Во второмъ отдѣленіи «описанія Харьковской епархіи» все представляется полезнымъ для читателей, согласнымъ съ правилами духовной

цензуры и достойнымъ одобренія въ печать. Но на листѣ 129-мъ въ жизнеописаніи Валковскаго протоіерея Снѣсарева, повѣствуется о томъ, какъ въ домѣ у одного изъ почетнѣйшихъ прихожанъ, среди Св. четыредесятницы, по совершеніи крещенія младенца, нашлись желающіе играть въ карты, которыя о. протоіерей утаилъ для предупрежденія сего беззаконія. Не полезнѣе ли для благочестиваго христіанскаго чувства оставить случай этотъ въ неизвѣстности?

Впрочемъ, такъ какъ на листахъ 39—42 пишется о пріѣздѣ въ г. Харьковъ Государя Императора и другихъ Особъ Высочайшей фамиліи, а на листѣ 173-мъ упоминается о чудѣ бывшемъ отъ Ахтырской иконы Божіей Матери, о которомъ слѣдствіе было назначаемо Святѣйшимъ Сунодомъ, то рукопись сію надлежитъ представить на предварительное благоусмотрѣніе Святѣйшаго Сунода.

И въ рукописи, составляющей 3-е отдѣленіе «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи», составитель описанія слѣдуетъ принятому порядку изслѣдованія. Изложеніе предмета ученое, не вездѣ соединенное съ чистотою слога, но всюду обильное частными свѣдѣніями, извлеченными изъ достовѣрныхъ источниковъ. Посему въ рукописи очень много помѣщено (въ спискахъ) грамотъ, указовъ, записей и другихъ документовъ; нѣкоторые изъ нихъ содержатъ болѣе того, что требуется изъяснить по теченію рѣчи, однако же могутъ быть удержаны на своихъ мѣстахъ по тому уваженію, что составляютъ любопытный матеріалъ для читателей, занимающихся археологіей и исторіей.

Отличительное качество сей рукописи состоитъ еще въ томъ, что она обилуетъ повѣтствованіями о примѣчательныхъ событіяхъ и сверхъестественныхъ чудесахъ. Чудеса истекали отъ чудотворныхъ иконъ Богородичныхъ Ахтырской и Каплуновской; нѣчто необыкновенное открывалось въ жизни частныхъ лицъ, по требованію ихъ состоянія нравственнаго, а чаще по поводу разныхъ бѣдствій, болѣзней, пожаровъ и пр. Сказанія о чудесахъ, равно какъ обстоятельствахъ и событіяхъ необыкновенныхъ можно видѣть на листахъ 8, 60, 68, 72, 81, 85, 89, 103, 107, 114, 116, 119, 132—134, 193, 194, 195, 200, 216, 254, 255, 259 и 264.

Предложенныя на сихъ листахъ повѣствованія и нѣкоторыя указанія на распоряженія Святѣйшаго Сунода, какъ наприм. л. 132, 134, служатъ основаніемъ къ тому, чтобы сія рукопись представлена была на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Святѣйшаго Правительствующаго Сунода.

Комитетъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Члена Комитета Архимандрита Сергія, нижайше представляетъ сіи рукописи на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Сунода.

II.

Копія съ донесенія Святѣйшему Правительствующему Сѵноду Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ, отъ 9-го Апрѣля 1853 года, за № 108.

Членъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ архимандритъ Сергій, разсмотрѣвъ поступившія отъ преосвященнаго Филарета, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго рукописи, содержащія IV и V-е отдѣленія «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи», представилъ оныя въ Комитетъ съ таковымъ мнѣніемъ:

«Свѣдѣнія, въ рукописи: «Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи. Отдѣленіе IV. Чугуевскіе округи военнаго поселенія: уѣзды Зміевскій и Волчанскій»—помѣщенныя, подтверждены или выписками изъ дѣлъ, хранящихся въ мѣстныхъ архивахъ, или приложенными въ полныхъ спискахъ грамотами, указами, челобитными, донесеніями и симъ подобными документами. Между матеріалами особенно замѣчательны три епитрахильныя грамоты Бѣлгородскихъ преосвященныхъ (л. 113—116); къ симъ грамотамъ присовокуплено мнѣніе составителя рукописи объ относительномъ ихъ достоинствѣ.

Съ преимущественною подробностію сочинитель говоритъ о городѣ Чугуевѣ и его жителяхъ, ихъ происхожденіи, послѣдующей судьбѣ и нынѣшнемъ состояніи. При меньшей извѣстности Малороссійскаго края въ сравненіи съ Великороссійскимъ, изслѣдованіе сіе занимательно для изучающихъ Русскую Исторію, тѣмъ болѣе, что оно составлено по руководству источниковъ, не многимъ извѣстныхъ и доступныхъ. Для Исторіи Русской примѣчательна также статья о мѣстечкѣ «Печенѣги» (на листахъ 68—72). Въ этнографическомъ отношеніи любопытно показаніе качествъ, какія отличаютъ Малороссовъ отъ Великороссіянъ (лист. 138—143); но помѣщенные здѣсь, въ подстрочномъ примѣчаніи, на листѣ 142 малороссійскіе стихи должны быть исключены, ибо для русскихъ читателей могутъ показаться соблазнительными.

На основаніи архива мѣстной консисторіи, сочинитель иногда говоритъ о дѣлахъ раскольническихъ (л. 133, 145). На листахъ 53—59 излагается исторія Чугуевскихъ раскольниковъ и описывается обращеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ православію. Подобныя изслѣдованія, между прочимъ, требуютъ, чтобы рукопись представлена была на воззрѣніе Святѣйшаго Сѵнода, особенно когда сочинитель указываетъ не однѣ мѣстныя, а другія болѣе важныя причины къ усиленію раскола; примѣръ сего можно видѣть на листѣ 131.

Встрѣчаются въ рукописи,—что впрочемъ есть и въ другихъ частяхъ «Описанія Харьковской епархіи»—сказанія о жизни и дѣйствіяхъ болѣе примѣчательныхъ лицъ въ православныхъ приходахъ. Когда упоминается о лицахъ уже умершихъ, то воспоминанія объ ихъ добродѣтеляхъ и даже слабостяхъ, поелику направлены къ назиданію читателей, не представляютъ для цензуры ничего сомнительнаго. Но не таковы указанія на лица, остающіяся еще въ живыхъ; такъ на листахъ 59 и 60 повѣствуется о двухъ прихожанахъ, изъ которыхъ одинъ дѣлается извѣстнымъ не по благочестію своему только, а и по прежнимъ своимъ слабостямъ. Подобный сему примѣръ читается на листѣ 121.

Кромѣ сего, не рѣдки въ рукописи и сказанія о неизвѣстныхъ чудесахъ и такихъ произшествіяхъ, которыя необъяснимы изъ обыкновеннаго теченія обстоятельствъ и дѣлъ человѣческихъ. Всѣ такія сказанія, которыхъ къ пропуску въ печать Цензурный Комитетъ самъ собою безъ разрѣшенія отъ Святѣйшаго Сунода одобрить не можетъ, содержатся на 101, 102 листахъ рукописи.

Пятое отдѣленіе «Описанія Харьковской епархіи» обогащено неменьшимъ обиліемъ занимательныхъ свѣдѣній и историческихъ матеріаловъ, какъ и прочія части сего сочиненія. Есть въ этой рукописи нѣсколько назидательныхъ воспоминаній о достойныхъ священнослужителяхъ и о доброй жизни прихожанъ. Но нѣкоторые изъ упоминаемыхъ съ доброй стороны прихожанъ доселѣ живы: согласно ли будетъ съ ихъ смиреннымъ христіанскимъ чувствомъ, если не только не будетъ сокрыто ихъ усердіе къ благолѣпію храма святаго, но будетъ объявлена предъ читателями ихъ сокровенная благочестивая жизнь? Похвальные отзывы о живыхъ лицахъ можно видѣть на 117, 133, 134 листахъ. Между выписками изъ дѣлъ архивныхъ не всѣ довольно занимательны: затруднительно указать, какое можно сдѣлать употребленіе изъ дѣловыхъ записей, изложенныхъ на 159—170 листахъ. Здѣсь описываются обиды и притѣсненія, какія претерпѣлъ священникъ отъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ начальниковъ.

По мѣстамъ предлагаются замѣчанія о прежде бывшихъ и нынѣшнихъ раскольникахъ. Такъ на листѣ 157 содержится изъясненіе, какъ укоренился въ Краснянскѣ расколъ. Но гораздо важнѣе извѣстіе о раскольникахъ мѣстечка Поповки, о которой сочинитель замѣтилъ, что она «извѣстна не столько по числу жителей, сколько по печальнымъ качествамъ ихъ». Здѣсь скрываются Скопцы и Духоборцы; мѣры противъ нихъ начальства еще «не достигли своей цѣли». Произведенное слѣдствіе открыло ихъ заблужденія и ихъ вредные обычаи (лист. 212, 213, 214).

Но нужно ли оглашать ихъ неразумныя учрежденія, а тѣмъ менѣе ихъ Богопротивныя рѣчи? Разсказъ о достопримѣчательномъ обращеніи одной закоренѣлой раскольницы (лист. 196 и 197) долженъ быть представленъ на вниманіе Святѣйшаго Сунода, потому что обращеніе сей раскольницы къ православію послѣдовало ради бывшаго ей во снѣ весьма знаменательнаго видѣнія.

Повѣствуется въ рукописи и о другихъ знаменательныхъ случаяхъ, видѣніяхъ и чудесныхъ событіяхъ. Такія сказанія читаются на листахъ 11, 12, 41, 61, 92, 93, 113, 143, 144, 146—149 и 208. Посему рукопись сія должна быть представлена на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Правительствующаго Сунода».

Соглашаясь съ симъ мнѣніемъ разсматривавшаго рукописи члена, при исключеніи указанныхъ имъ сомнительныхъ мѣстъ, Комитетъ не видитъ препятствій къ пропуску ихъ въ печать. Но имѣя въ виду важное содержаніе оныхъ рукописей, Комитетъ нижайше представляетъ оныя на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Святѣйшаго Сунода.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

2.

Памфлетъ учителя музыки Витковскаго.

Печатаемое ниже письмо учителя музыки въ Харьковскомъ университетѣ Витковскаго къ издателю «Украинскаго журнала» предназначено было авторомъ для помѣщенія въ этомъ журналѣ въ качествѣ возраженія на статью издателя—«*человѣкъ, какихъ у насъ не много*». Издавалъ тогда «Украинскій журналъ» извѣстный адъюнктъ университета и поэтъ А. В. Склобовскій. Витковскій узналъ себя въ этой статьѣ, возмутился ею и написалъ рѣзкій отвѣтъ въ формѣ памфлета или пасквиля на А. В. Склобовскаго. Послѣдній его не помѣстилъ въ своемъ журналѣ. Подлинная рукопись автора однако сохранилась—и мы печатаемъ ее, какъ матеріалъ для характеристики самого Витковскаго и отчасти какъ документъ, характеризующій тогдашніе литературные нравы и полемическіе пріемы.

Д. Багалѣй.

Милостивый Государь!

Лѣтъ десять затруднялась Воронежская Семинарія образованіемъ умственныхъ и нравственныхъ способностей вашихъ, лѣтъ десять и свѣтскія и духовныя особы тамъ употребляли средства ко внушенію вамъ правилъ честности и христіанскихъ чувствованій; тоже образованіе и тѣже правила предлагало вамъ и высшее святилище наукъ, Императорскій Харьковскій Университетъ, въ который вы какъ то попались, и въ которомъ первѣйшею цѣлію поставлено: просвѣщая умы юношества, прилагать особенное попеченіе объ усовершенствованіи нравственности онаго. Итакъ вы, Милостивый Государь! половину жизни вашей находились то среди наставниковъ благочестія, то подъ безпрерывнымъ руководствомъ мудрости; но за всѣмъ тѣмъ здѣсь невольно приходитъ мнѣ на мысль изрѣченіе премудрѣйшаго изъ царей, столь разительно вами оправданное (пр. Сол. 14).

Наконецъ вы — Редакторъ журнала, тѣмъ же Университетомъ издаваемаго, и чтожъ вы дѣлаете?—пишите совершенные пасквили,—пасквили позорные для васъ, столь же неприличные человѣку, считающемуся въ числѣ наставниковъ юношества, какъ и соблазнительные для питомцевъ Университета. Ибо какой примѣръ черезъ сіе подаете вы имъ относительно нравственности и прямаго назначенія словестности, въ коей вамъ поручено ихъ руководствовать? Спросите объ этомъ всякаго благомыслящаго гражданина; спросите вашу собственную совѣсть, естьли только вы когда нибудь бесѣдуете съ нею. Вы конечно догадаетесь, что я хочу говорить здѣсь о напечатанной вами въ 5-мъ № Украинскаго журнала за 1825 годъ статьѣ на мой счетъ подъ названіемъ: *человѣкъ, какихъ у насъ не много.* Думаю, что опытное начальство, пропуская оную при цензированіи, ничуть не предполагало, чтобы она относилась къ личной обидѣ мирнаго гражданина, 15-ть лѣтъ усердно служащаго Университету.

Прошу же въ оправданіе благомыслія общаго нашего начальства и въ должное обличеніе вашего злоумышленія помѣстить въ журналѣ вашемъ сіе отношеніе мое къ вамъ. Желаю, чтобы почтенная публика не по догадкамъ или распускаемымъ слухамъ, но точно видѣла, что вы въ помянутой статьѣ описывали меня—какъ бывшаго сперва у васъ и потомъ точно обѣдавшаго у почтеннаго пріятеля вашего М. А. Байкова. Обнаруживая васъ, Милостивый Государь! обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отдать вамъ справедливость, что вы, какъ записной Піитъ, съ коимъ по временамъ чудеса совершаются, (см. У. Ж. 1825. № 1. стр. 37 1-ю строку съ низу) и въ семъ случаѣ выраженія свои украсили вымыслами, собственно творческому воображенію вашему принадлежащими какъ напр.: *Bon jour, спѣшно, охотно, бывалъ въ бывальцахъ видалъ видальцы* и тому подобное; но скажите, Милостивый Государь! на чемъ вы основывались, приписывая мнѣ гнусное умѣнье *подчивать какъ то не любыхъ гостей?*—

По какому поводу вы рѣшились очернить меня предъ публикою? Боже мой, какая несправедливость!!—Оклеветалъ ли я кого?—или я за деньги и подарки вопреки совѣсти публично хвалилъ кого нибудь съ оскорбленіемъ чести другихъ имѣющихъ истинныя достоинства?—или, не имѣя достаточныхъ познаній, кромѣ низкаго пронырства, добивался степеней почести? или я священное довѣріе родителей, препоручающихъ моему надзору дѣтей своихъ, употребилъ во зло:—обманувъ ихъ надежды, завелъ съ ними аптекарскіе счеты или я былъ безсмысленнымъ Зоиломъ. Нѣтъ, Милостивый Государь! истинно я чуждъ такихъ подлостей. Что же я вамъ здѣлалъ, что вы, забывъ святое на Руси гостепріимство, рѣ-

шились меня публично злословить? А что точно помянутая статья относится ко мнѣ, то вотъ и доказательства:—Я точно былъ у васъ между 10 и 12 часами утра, просилъ показать мнѣ статью въ вашемъ журналѣ о розыгранной мною Ораторіи и г-мъ Барцицкимъ концертѣ въ пользу потерпѣвшихъ отъ наводненія жителей С.-Петербурга, и вы подали мнѣ тогда всѣ номера чуднаго журнала вашего для прочтенія.

Справедливо и то, что я потомъ собравшись ѣхать остановился опять, и изъ вѣжливости сбросивъ шубу, спрашивалъ васъ: какъ могу вамъ дать знать, есть ли найду, что вы, по незнанію музыки, здѣлали какія либо ошущенія, или неправильныя замѣчанія (за кои не должно васъ ни винить, ни судить строго; виноватъ регентъ Воронежской симинарской пѣвческой, который видно не могъ вамъ сообщить по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ понятій о музыкѣ для сужденія о гармоніи вообще, не излишныхъ бы вамъ для вашей Поэзіи). На каковой вопросъ вы мнѣ точно предлагали отнестись къ вамъ о томъ на бумагѣ. Справедливо также и то, что я между разговоромъ упоминалъ вамъ о любви своей къ семейству (да какой же отецъ таковыхъ чувствъ не раздѣлитъ со мною?). Справедливо и то, что, бывъ охотникомъ до экипажей и всего къ тому принадлежащаго, я, въ удовлетвореніе любопытству вашему, объявилъ вамъ, что лошади, упряжь и приборъ стоили бы за границею не менѣе 800 червонцевъ и потомъ точно приказалъ кучеру ѣхать къ М. А. Байкову, гдѣ по прозбѣ его остался отобѣдать. Но что тамъ насмѣхались явно надо мною и собственно для этого у себя оставили; то это ни сколько несообразно съ благороднымъ образомъ мыслей почтеннаго хозяина, у коего всегда можно быть не опасаясь личной обиды. Тамъ, Милостивый Государь! образованный умъ и сердце хозяина, обязательная его внимательность всегда обѣщаютъ знакомымъ пріятное препровожденіе времени, онъ не имѣетъ нужды прибѣгать къ злоязычеству, клеветѣ или насмѣшкамъ надо мной или надъ кѣмъ либо другимъ, а особливо въ своемъ домѣ;—да и кому кромѣ безсовѣстнаго или безразсуднаго такое ремесло не омерзительно? Итакъ насмѣшка, бывшая будто бы надо мною, есть также ваша подобная прежнимъ выдумка, доказывающая только отличительныя черты изобрѣтательнаго ума вашего.

Судитежъ теперь сами, гдѣ обѣщанный *человѣкъ, какихъ у насъ немного*, котораго вы хотѣли изобразить?—не нужда ли... тутъ законъ измѣнила? и потому не въ большемъ ли правѣ всякой читатель со мною сказать вамъ: вотъ журналистъ, какихъ у насъ, слава Богу, мало, да и впредь едвали будутъ! точно не будетъ подобнаго вамъ, который ради безвкуснаго журнала, вмѣсто того, чтобы преподавать поэзію по 4 раза

въ недѣлю во все продолженіе времени отъ сентября до апрѣля загля-нулъ бы только три раза въ университетскую авдиторію и то для того, чтобы слушателямъ поэзіи провозгласить свои ругательства противо своихъ критиковъ, исправно между тѣмъ получая свое жалованье и ни мало не заботясь о ропотѣ родителей, кои, препроводивъ дѣтей въ университетъ, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Вотъ въ какомъ случаѣ всякой съ совершенною основательностію можетъ замѣтить, что въ этомъ вы должны отвѣчать Богу, Государю, начальству; умолчу о молчащей совѣсти вашей. А что во все то время вы были здоровы, то это видно изъ той же оскорбительной для меня статьи, и изъ всего вашего журнала, ибо вы вездѣ были, все видѣли, все слышали и обо всемъ криво толковали. Признаюсь вамъ, Милостивый Государь, вы сколько жалости достойны, столько и приводите въ удивленіе. Первое подтверждается собственнымъ изповѣднымъ изрѣченіемъ вашимъ: (смот. У. Ж. № 1-й 1825 стран. 36).

«Нѣтъ жалостнѣй созданья
«Какъ быть пѣвцомъ безъ дарованья;—

не менѣе какъ и нечаянно попавшимся мнѣ выраженіемъ—всѣми уважаемаго журнала (см. Вѣс. Евр. 1825-й № 2 ст. 143) «самое великое несчастіе для человѣка нечувствовать «красоты благородныхъ мыслей и поступковъ».

Съ другой стороны нельзя и не удивляться, подвергая васъ суду здраваго смысла; ибо какъ вы могли имѣть столь много дерзости и столь мало соображенія, что, наполняя журналъ свой обидными для другихъ статьями, не обратили уважительнаго вниманія на то, что хотя оный составляется единственно вами, но издается отъ имени университета,—сего высокаго сословія ученыхъ, отъ котораго народъ ожидаетъ самыхъ отличнѣйшихъ образцовъ изящества, истины и нравственности: какже вы осмѣливаетесь унижать столь достопочтенное учрежденіе наборомъ статей, неприличныхъ высокому достоинству онаго? Но вы и безстрашны, какъ рыцарь Дульцинеи и останетесь безсмертны для Украины; какъ имя того для цѣлой Европы. Неупоминаю уже, какое вы въ молодыхъ питомцахъ университета поселите расположеніе къ словесности (не говорю вообще къ изящному: ибо вы кажется, и сами до этой части не совсѣмъ охотникъ).

Для меня же собственно всего удивительнѣе то, что вы совершенно напрасно нанесли столь чувствительную обиду не только мнѣ, но и всему даже семейству моему. Удивляюсь болѣе потому, что я всегда сколько могъ, за васъ, какъ говорится, стоялъ горою. Такъ напримѣръ случалось,

что весьма многіе при мнѣ въ стихахъ вашихъ не находили ни малѣйшей гармоніи; но я сколько силъ было утверждалъ, что они недолжнаго требуютъ, ибо въ нихъ вы собственными ушами своими слышите только звонъ и громъ (см. У. Ж. на 1825. № 1, стр. 37), а звонъ и громъ когда же совмѣстны были со сладкозвучностію?—Къ большему ихъ убѣжденію я старался даже припомнить и то, что съ давняго уже времени вы потерпѣли несчастіе изображенное вами въ строкахъ сихъ: (тамже).

«Судьба угрюмая сей пламень погасила
«На лирѣ струны порвала
«И лиру самую разбила!—

Правда—всѣ они въ одинъ голосъ кричали, что будто вы грѣхъ берете на душу, что будто дѣло совсѣмъ не такъ было, что по достовѣрнѣйшему извѣстію не судьба разбила лиру вашу, а Пегасъ, не стерпя отвратительнаго звону и грому ея, освирѣпѣлъ. Но я возражалъ противу всѣхъ, говоря, что вашъ Пегасъ смирнѣе всякой водовозки.—И такъ неужели за мое простодушное къ вамъ расположеніе—за то, что всегда держалъ вашу сторону вы такъ отплатили мнѣ?—Пускай ужъ естьли бы вы справедливо порицали меня, я молчалъ бы. Такъ напр.: я ничего не говорю о томъ, что вы, принявъ на себя трудъ въ У. Ж. 1825 № 5 помѣстить сравненіе моей игры на скрыпкѣ съ игрою г-на Герне, изволите отдавать ему должное преимущество. Я даже съ удовольствіемъ сообщилъ ему свѣдѣніе о заслуженной имъ въ вашемъ журналѣ похвалѣ, хотя впрочемъ въ отвѣтъ на сіе онъ здѣлалъ весьма справедливое замѣчаніе, что ему такой отзывъ лестенъ только отъ истинныхъ знатковъ. (Прибавимъ къ тому отвѣту и стихи, которые хотя стары, но могутъ здѣсь кстати быть приложены):

«Достойной похвалы невѣжа неумалитъ
«И то не похвала, когда невѣжа хвалитъ.

Теперь въ вознагражденіе за свою обиду я не требую, чтобы вы въ присутствіи всѣхъ членовъ университета просили у меня прощенія (это съ вами бывалой случай), но хочу только, чтобы вы въ своемъ журналѣ сіе напечатали, совѣтую вамъ вытвердить и помнить сіи стихи знаменитаго русскаго литератора:

«Я видалъ, какъ наши витязи
Наши стихо-рифмо-дѣтели
Упиваясь одопѣніемъ,
Лѣзутъ на вершину Пиндову,
Оступаются и внизъ летятъ,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Не съ вѣнцами и не съ лаврами,
Но съ ушами (ахъ!) ослиными
Для позора да насмѣшниковъ.—

Послѣ сего, поелику вы слишкомъ грубо обидѣли меня, коснувшись чести моей и моего даже семейства; то узнавъ изъ сего хотя немного настоящую себѣ цѣну, вѣроятно, вы сами весьма удивились бы, еслибъ я когда либо захотѣлъ назвать себя

Вашимъ
Милостивый Государь
Покорнѣйшимъ слугою
Ив. Витковскій.

Харьковъ 8 апрѣля
1825-го года.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XVIII.

Матеріалы для біографіи гр. А. С. Уварова.

Помѣщаемые ниже матеріалы для біографіи незабвеннаго русскаго археолога гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова извлечены мною изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Петербургѣ. Печатая ихъ въ сборникѣ, посвященномъ XIII Археологическому съѣзду, я хотѣлъ бы напомнить о заслугахъ того, кому обязаны своимъ началомъ и развитіемъ первые русскіе археологическіе съѣзды и съ чьимъ именемъ такъ тѣсно связано начало научнаго изученія древностей Черноморскаго побережья.

Проф. *Д. И. Багалѣй.*

I.

(№ 130, 552, 164).

Ваше Императорское Величество.

Министръ Народнаго Просвѣщенія во время пребыванія своего въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ, что до Вашего Величества дошли слухи о дѣйствіяхъ моихъ будто бы для возбужденія студентовъ противъ Попечителя Московскаго учебнаго округа, и сверхъ того, мнѣ извѣстно, что находятся люди, распускающіе и теперь еще эти самые слухи. Если я и не имѣлъ бы счастье испытать милостивое Ваше ко мнѣ вниманіе, то во всякомъ случаѣ, по долгу чести, не могъ бы не заступиться за ея оскорбленіе передъ глазами Вашего Величества, а потому принимаю смѣлость повергнуть на благоусмотрѣніе Ваше мое увѣреніе, что ничего подобнаго не было и не могло быть, по правиламъ руководящимъ меня какъ на службѣ, такъ и въ частной жизни. Для изобличенія ложности этихъ оскорбительныхъ слуховъ, я счелъ долгомъ подать въ отставку,

чтобы доказать тѣмъ, которые ихъ распускаютъ и тѣмъ, которые не зная меня, могли бы имъ вѣрить, что такой способъ дѣйствій не употребляется никогда и ни въ какомъ случаѣ честнымъ человѣкомъ. Для оправданія же моего передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ смѣю думать, что одного моего честнаго слова вполнѣ достаточно, чтобы имѣть счастье заслужить то дорогое для меня мнѣніе Ваше, Государь, котораго почиталъ себя достойнымъ; но если Вашему Величеству угодно было бы приказать изслѣдовать взведенное на меня обвиненіе, то я душевно обрадовался бы этому средству уничтоженія клеветы и возстановленія истины.

Съ чувствомъ глубочайшей преданности имѣю счастіе быть Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

графъ *Алексѣй Уваровъ*.

4 Января 1859 г.

II.

(№ $\frac{129—444}{121}$)

Командировка гр. А. С. Уварова въ побережье Чернаго моря въ 1847 г.

Monsieur le Comte,

Dans la scéance de la Société d'archéologie tenue le 8 Décembre dernier, un des Vice-Présidents, M-r de Gelle, ayant exprimé le voeu que la Société d'Archéologie et de Numismatique encourageant par son approbation l'entreprise de fouilles sur quelques points du sol classique de la Russie méridionale, (comme, par exemple, sur l'emplacement de l'ancienne Olbia. ou dans les envirous de Kertsch) vous faites l'observation que des fouilles partielles, entreprises par des personnes qui ne disposeraient pas de ressources suffisantes, ne pourraient mener qu'à des résultats chanceux et incertains. Abordant, par contre, cette question d'un point de départ officiel, vous démontrates, Monsieur le Comte, qu'une telle entreprise pourrait, avec la Sanction suprême de Sa Majesté, aboutir à des résultats aussi heureux que ceux obtenus par la Commission Archéographique, par rapport aux anciens documents.

Je m'empressai d'appuyer vivement cette ideé qui me faisait entrevoir, pour la Société, l'avenir flatteur d'être plus efficacement utile pour l'histoire de la Russie, et, séance tenante, je nommai un Comité formé dans le sein même de la Société.

Dès le commencement de la discussion, ce Comité a décidé à l'unanimité de ne s'occuper pour le moment, à-propos des fouilles, que de la partie du littoral de la Mer-noire comprise entre l'embouchure du Danube et celle du Phase. Passant ensuite à d'autres considérations, il a été obsersé que dès l'origine des fouilles effectuées sur ces lieux et pendant assez longtemps, elles avaient donné de beaux résultals, attestés du reste, par la magnifique collection de ce genre d'antiquités déposée au Musée Impérial de l'Ermitage. Dès lors il y a tout lieu d'espérer que ce même sol revèle encore bien d'autres richesses, car il s'en faut de beaucoup que tout ait été exploré. Cependant depuis près de cinq ans, les fouilles ont été presque complètement improductives, et on est amené à se demander si parmi les différentes causes inconnues de cette stérilité, il ne faudrait point compter le manque d'unité dans l'exécution, et peût-être, aussi l'insuffisance des moyens pécuniaires.

En refléchissant à ce ralentissenmet dans les découvertes, le Comité pense que le meuilleur moyen d'y remédier serait d'imprimer aux fouilles une direction plus régulière; mais pour arriver a ce résultat, il faut d'abord bien étudier la question et prendre connaissance des localités. Aussi le Comité a décidé qu'il était indispensable de se mettre préalablement en rapport avec les Sociétés et les personnes qui se sont déja livreés ou qui se livrent encore à ces sortes de travaux. Mais ici, des rapports de correspondance seraient sans doute insuffisants, et apporteraient d'ailleurs des retards qu'il convient d'éviter.

Un moyen des plus efficaces que le Comité n'hésite pas à proposer, serait d'envoyer sur les lieux une personne capable et choisie parmi les membres de la Société. Si, par bonheur, ce projet obtenait l'approbation suprême de Sa Majesté, toutes les difficultés pourraient bientôt être applanies, surtout si la personne chargée d'une telle mission était munie des pouvoirs necessaires pour s'enquérir exactement de tout ce qui peut avoir rapport aux fouilles déja executées, à celles qui s'éxecutent encore, aux moyens employés, et enfin aux résultats obtenus. On pourrait espérer de cette combinaison de grands avantages pour la science et en même temps pour le Musée Impérial de l'Ermitage. Le Comité pense aussi qu'il serait utile d'associer à l'Archéologue, qui serait désigné un dessinateur habile, pour pouvoir au besoin lever des plans et éxécuter les dessins des monuments, comme aussi pour copier les peintures et les inscriptions importantes, ce qui constituerait des matériaux précieux pour l'histoire et l'archéologie russe.

Je vous prie donc. Monsieur le Comte, de vouloir bien mettre ce projet sous les yeux de Sa Majesté, et d'obtenir à la Société l'autorisation de prendre les mesures nécéssaires pour effectuer l'expéditon susmentionnée.

Veuiellez recevoir, Monsier le Comte, l'assurance de ma consideration distinguée.

M. Duc de Leuchtenberg.

(14 avr. 1847)

Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій Президентъ Археологическо-Нумизматическаго Общества въ Петербургѣ, сообщилъ мнѣ, что Общество сіе предполагаетъ, для археологическихъ розысканій снарядить, на свой счетъ экспедицію на первый случай къ берегамъ Чернаго моря, и именно: къ тому пространству, которое заключается между устьями Дуная и Фазиса. Съ самаго начала изысканій въ этихъ мѣстахъ, послѣдствія были, очень благопріятны, чему доказательствомъ служатъ прекрасные памятники древности, хранящіеся въ собраніяхъ Императорскаго Эрмитажа. Судя поэтому, должно ожидать, что тамъ въ нѣдрахъ земли скрывается еще много сокровищъ. Ежели въ послѣднія пять лѣтъ поиски оставались почти безплодными, то самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію вновь благопріятныхъ результатовъ, представляется отправленіе въ тѣ страны лица, вполнѣ способнаго къ тому, изъ числа членовъ Археологическо-Нумизматическаго Общества. Если бы этотъ проектъ былъ осчастливленъ Высочайшимъ одобреніемъ Вашего Императорскаго Величества, то всѣ затрудненія могли бы тогда быть легко устранены, снабженіемъ отправляемаго туда археолога уполномочіемъ собирать точныя свѣдѣнія о всемъ, что можетъ относиться къ произведеннымъ прежде разрытіямъ, къ тѣмъ, которыя теперь еще производятся, къ употребленнымъ средствамъ и наконецъ къ полученнымъ результатамъ. Отъ соединенія этихъ способовъ дѣйствія можно ожидать великихъ выгодъ для науки и для Музеевъ Эрмитажа. Къ Археологу, посылаемому въ эту экспедицію, полезно присоединить искуснаго рисовальщика, для снимания, въ случаѣ надобности, плановъ, и для срисовыванія памятниковъ, также для копированія живописей и важныхъ надписей. Это доставило бы драгоцѣнные матеріалы для исторіи и археологіи русской.

По волѣ Его Высочества Герцога Лейхтенбергскаго имѣю счастіе испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія Археологическо-Нумизматическому Обществу принять надлежащія мѣры къ приведенію въ исполненіе вышеизложенной экспедиціи, на счетъ Об-

щества, которое полагаетъ, что такимъ образомъ дано будетъ наилучшее употребленіе тѣмъ суммамъ, которыя отъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества назначены къ отпуску въ пособіе Обществу.

Графъ *Уваровъ*.

17 апр. 1848 г.

Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

По всеподданнѣйшему докладу моему, Его Императорское Величество, въ 18 день Апрѣля сего года Высочайше соизволилъ на отправленіе къ берегамъ Чернаго моря, для археологическихъ розысканій и разрытій, одного изъ членовъ Археологическо-Нумизматическаго Общества въ С.-Петербургѣ. Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій, Президентъ Общества, возложилъ это порученіе на сына моего, Титулярнаго Совѣтника Графа Алексѣя Уварова, предоставилъ мнѣ войти въ сношеніе съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ о снабженіи его открытымъ листомъ и подорожною по казенной надобности, туда и обратно.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, о приказаніи, если Вы изволите признать возможнымъ выдать сыну моему вышеозначенные открытый листъ и подорожную.

7 мая 1848 г.

Графъ *Уваровъ*.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Вслѣдствіе отношенія Вашего Сіятельства отъ 7-го сего Мая за № 590, препровождая при семъ открытый листъ для служащаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Титулярнаго Совѣтника Графа Алексѣя Уварова, отправляющагося къ берегамъ Чернаго моря для розысканія древностей, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, приказать возвратить сей листъ ко мнѣ по минованіи надобности; что касается до выдачи Титулярному Совѣтнику Графу Уварову подорожной, то я вмѣстѣ съ симъ отнесся о томъ къ здѣшнему Военному Генералъ-Губернатору, съ тѣмъ чтобы онъ для выиграніе времени препроводилъ оную къ Вашему Сіятельству прямо отъ себя.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

XIX.

Замѣтки по археологіи и нумизматикѣ.

Въ Харьковскій Предварительный Комитетъ по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ постоянно поступали разныя старинныя монеты и другія древности. Вмѣстѣ съ тѣмъ разные памятники старины поступали и поступаютъ непрерывно въ Музей Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ. Среди этихъ предметовъ многіе представляютъ извѣстный научный интересъ, а потому уже въ упомянутомъ Предварительномъ Комитетѣ высказывалось неоднократно пожеланіе, чтобы вещи наиболѣе интересныя въ научномъ отношеніи, были изучены и описаны спеціалистами. Отчасти эта мысль была выполнена тогда же, и въ «Трудахъ Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ» помѣщены описанія наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ, поступившихъ въ Комитетъ. Но многое осталось неописаннымъ, а сверхъ того и послѣ съѣзда въ Музей поступаютъ постоянно монетные клады и другіе памятники старины, частью относящіеся къ числу случайныхъ находокъ, частью принадлежавшіе раньше частнымъ лицамъ. Конечно, среди предметовъ второй категоріи имѣется тоже много вещей, очень и очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи. Но особенно интересны монетные клады и случайныя находки древностей, такъ какъ описаніе ихъ имѣетъ большое практическое значеніе для ученыхъ различныхъ спеціальностей: нумизматовъ, археологовъ, историковъ и т. д. При этомъ значеніе подобныхъ описаній станетъ яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что монетные клады и случайныя археологическія находки поступаютъ въ Музей не только изъ Харьковской губерніи, но также изъ другихъ губерній и областей Россіи. Между тѣмъ всѣ тѣ, кому приходилось изучать древности извѣстнаго раіона, знаютъ отлично, какъ трудно собирать свѣдѣнія о тѣхъ предметахъ, которые находятся внѣ мѣстности находки, въ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ иныхъ частей Россіи. Сплошь и рядомъ изслѣдователи даже не предполагаютъ, что въ какомъ-либо провинціальномъ музеѣ, отстоящемъ далеко отъ интересующей ихъ мѣстности, имѣ-

ются разыскиваемыя ими древности. Поэтому Харьковская коммиссія по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, состоящая при Историко-Филологическомъ Обществѣ, рѣшила помѣщать въ своихъ изданіяхъ описанія тѣхъ монетныхъ кладовъ и случайныхъ археологическихъ находокъ, которыя поступаютъ въ коммиссію или въ Музей Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью осуществить приведенное постановленіе коммиссіи и содержитъ описаніе четырехъ монетныхъ кладовъ и 2 поддѣльныхъ античныхъ монетъ, а также сосудовъ, въ которыхъ найдены два клада изъ числа упомянутыхъ выше. Такимъ образомъ наша замѣтка не представляетъ какого-либо цѣльнаго изслѣдованія, а даетъ описанія нѣкоторыхъ предметовъ, поступавшихъ въ Музей Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ, или на заключеніе коммиссіи [1]).

I. Курская губернія.

Въ 189? году найденъ въ с. Пузачахъ, Тимскаго уѣзда, кладъ, содержавшій 6 ф. 52 з. серебряныхъ копѣечекъ царей Михаила Ѳеодоровича (1613—1645), Алексѣя Михаиловича (1645—1676) и Ѳеодора Алексѣевича (1676—1682). Кладъ былъ заключенъ въ глиняномъ кувшинѣ, описаніе котораго дается ниже. Изъ числа монетъ, входившихъ въ составъ даннаго клада, намъ доставлены только описываемые здѣсь 7 экземпляровъ,—всѣ они находятся въ собраніи древностей и монетъ г-жи Томилиной [2]).

А. Серебряныя копѣйки царя Михаила Ѳеодоровича (1613—1645).

1. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ въ 2 строки МОС | КВА

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ⊔ЬЬ I ВЕ. | ІКИ KNS. | МІХАИ ЛО | .ЄДОРОВ. | .Ь ВСЕѦ Р...

2. То-же изображеніе и надпись.

Обр. ст. Пятистрочная надпись, исполненная болѣе крупнымъ, но менѣе правильнымъ и красивымъ шрифтомъ; надпись сохранилась плохо: ..... | ИКІ КНѦ.. | МІХАІЛО | ..ДОРОВІЧ | ..Є РУСІ

---

[1]) Описываемые нами ниже монетные клады, расположены въ алфавитномъ порядкѣ губерній, въ которыхъ они найдены, при чемъ среди нихъ помѣщено и описаніе поддѣльныхъ античныхъ монетъ, яко-бы найденныхъ въ кладѣ.

[2]) При описаніи настоящаго и послѣдующихъ кладовъ мы отдѣляемъ знакомъ | текстъ отдѣльныхъ строкъ въ монетныхъ надписяхъ, идущихъ не въ одну строку.

3. То-же изображеніе; подъ конемъ буквъ не видно.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись: ....I KHSЬ M | .ХАILЪ ФЄД | ..ОВИЧЬ ВС | ..У..

4. То-же изображеніе: подъ конемъ M̊

Обр. ст. Пятистрочная надпись· .РЬ I □E | ЛИКI KHS. | МИХЯЛ. | .ЕДОРО□. | .Ь.....

5. То-же изображеніе; подъ конемъ стертая буква, прочесть которую не удалось.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: .РЬ I □E | .ИКI KHS. | .ИХЯI.. | ..ДОРО□... | □СЕ.....

6. То-же изображеніе; подъ конемъ буквъ нѣтъ.

Обр. ст. Трехстрочная надпись: ...I К... | МИХАI.. | ...ОРО....

Б. Серебряная копѣйка царя Θеодора Алексѣевича (1676—1682).

7. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ...IKIИ К.... | ΘЄѠД... | .ЛЕКСѢ.... | ЧЬ ВСЕ. | ..СИ

II. Полтавская губернія.

Описываемыя монеты, по словамъ дарителя, найдены въ октябрѣ 1903 года въ Роменскомъ уѣздѣ и принесены въ даръ Музею Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ г. К. Г. Румницкимъ. Точно мѣсто и обстоятельства находки намъ не указаны.

1. *Серебряный денарій Нервы Траяна* (98—117).

Голова императора въ лавровомъ вѣнкѣ, вправо, въ ободкѣ изъ точекъ; круговая надпись: .MP CAES NERVA TRAIAN AVG CF PM

Обр. ст. Стоящая фигура крылатаго генія съ поднятыми вверхъ руками, какъ-бы на молитву, въ ободкѣ изъ точекъ; круговая надпись: P M· TR P· COS· III· P· P

2. *Серебряный денарій Фаустины.*

Голова императрицы, вправо; по обѣ стороны надпись: DIVA | FAVCTINA

Обр. ст. Сидящая на табуретѣ женщина обращена влѣво; въ правой рукѣ у нея какой-то круглый предметъ, въ родѣ вѣнка, въ лѣвой рукѣ длинный жезлъ или копье; по обѣ стороны надпись AV.. | ...

Мы соединили примѣчанія къ описаннымъ выше монетамъ вмѣстѣ, такъ какъ обѣ онѣ имѣютъ большое сходство въ характерѣ работы. Прежде всего онѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе своимъ страннымъ видомъ и вызываютъ сильное сомнѣніе въ подлинности. Вслѣдствіе этого мы рѣшили обратиться къ проф. Р. И Шерцлю съ просьбой провѣрить наше заключеніе о данныхъ монетахъ и высказать свое авторитетное мнѣніе объ ихъ подлинности. Проф. Р. И. Шерцль призналъ обѣ монеты *безусловно поддѣльными*, при чемъ любезно предоставилъ намъ право опубликовать тѣ доказательства, на основаніи которыхъ онъ отвергъ древность обоихъ экземпляровъ. Прежде всего оба экземпляра отличаются какой-то грубой работой, совершенно несвойственной римскимъ монетамъ даннаго времени. Но и детальное разсмотрѣніе ихъ показываетъ, что онѣ поддѣльны. Надписи грамматически и палеографически невѣрны: буквы должны быть расположены концентрически, между тѣмъ онѣ имѣютъ наклонъ въ разныя стороны и стоятъ не на одной линіи. Форма буквъ неправильная и уродливая. Рисунки отличаются грубостью и не поддаются точному опредѣленію, при чемъ портреты лицевой стороны совершенно не похожи на тѣ изображенія Нервы Траяна и Фаустины, которыя находятся на подлинныхъ монетахъ. Край монетъ изрѣзанъ, что свойственно поддѣльнымъ монетамъ. Цвѣтъ тоже обличаетъ ихъ поддѣльность: обѣ монеты какъ-бы покрыты сѣроватымъ туманомъ, а около фигуръ и надписей имѣются типичныя черныя пятна, называемыя въ нѣмецкихъ нумизматическихъ трудахъ облаками. Эти облака особенно характерны для поддѣльныхъ античныхъ монетъ: ими поддѣлыватели замѣняютъ патину подлинныхъ экземпляровъ. Наконецъ, вѣсъ монетъ не соотвѣтствуетъ тому, который должны имѣть подлинные денаріи даннаго времени. Таковъ въ общихъ чертахъ отзывъ о нашихъ монетахъ проф. Р. И. Шерцля, по мнѣнію котораго, онѣ могли быть сдѣланы въ эпоху возрожденія. Въ дополненіе къ приведеннымъ выше нумизматическимъ даннымъ отмѣтимъ еще одно обстоятельство, которое, по нашему крайнему разумѣнію, тоже доказываетъ, что обѣ монеты поддѣльны. Намъ принадлежитъ одинъ денарій Антонина Пія, найденный, по словамъ прежняго собственника, гдѣ-то въ Кіевской губерніи. Этотъ денарій совершенно аналогиченъ по всѣмъ отличительнымъ признакамъ описаннымъ выше. Замѣчательно, что въ обоихъ этихъ случаяхъ мѣсто и обстоятельства находки точно неизвѣстны, а имѣются лишь самыя общія указанія. Признавъ всѣ эти монеты поддѣльными, мы легко поймемъ, почему ни мѣста, ни обстоятельствъ находки ихъ точно нельзя установить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ интересно то, что подлинныя римскія монеты, встрѣчающіяся въ многочислен-

ныхъ кладахъ Южной Россіи, принадлежатъ большею частью тѣмъ-же императорамъ и императрицамъ, имена которыхъ мы видимъ на поддѣльныхъ экземплярахъ. При этомъ въ Южной Россіи почти во всѣхъ большихъ городахъ можно купить поддѣльныя римскія монеты, и всѣ онѣ совершенно одинаковой работы. Все это позволяетъ предположить, что подобныя монеты сдѣланы не въ эпоху возрожденія, а гораздо позже и скорѣе всего во вторую половину XIX ст. При этомъ фабрикація такихъ монетъ производится гдѣ-то въ Южной Россіи, такъ какъ поддѣлыватели имѣли подъ руками рядъ подлинныхъ экземпляровъ и съ нихъ копировали.

III. Тульская губернія.

Кладъ найденъ при земляныхъ работахъ на старомъ селищѣ, лежащемъ около с. Большого Красина, Каширскаго уѣзда. Селище находится на землѣ г.г. Фререйсъ. Кладъ пріобрѣтенъ у находчиковъ мѣстнымъ помѣщикомъ г. А. А. Машковцевымъ, и большая часть его подарена послѣднимъ Музею Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ, а 20 штукъ переданы въ Музей Таврической Архивной Коммиссіи, въ г. Симферополѣ. Кладъ найденъ въ глиняномъ кувшинчикѣ, описаніе котораго помѣщается нами ниже, и содержалъ раньше большее количество монетъ, такъ какъ часть его разошлась по рукамъ мѣстныхъ крестьянъ. Сохранившаяся часть клада вѣситъ 461,98 грм. и содержитъ 1009 монетъ, считая въ томъ числѣ и три половинки монетъ [1]). Почти всѣ монеты относятся къ царствованію Ивана IV Васильевича (1533—1584), и лишь одна монета принадлежитъ его сыну Ѳеодору Ивановичу (1584—1598), а кромѣ того, есть и одна мортовка.

	Число монетъ	Общій вѣсъ въ граммахъ

I. Царь Иванъ IV Васильевичъ (1533—1584).

А. Монеты, битыя до 1547 года.

1. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; безъ ободка.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись: ѠСП | ОДАРЬ ВІ | СЄѦ РОУ | СПП |; съ лѣвой стороны верхней и нижней строкъ по точкѣ 35 1,08

Орѣшниковъ, с. 131, № 691 и таб. XI, рис. 540.

---

[1]) При описаніи монетъ до 1547 г., входящихъ въ составъ настоящаго клада, мы дѣлаемъ ссылки исключительно на трудъ г. А. В. Орѣшникова «Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ I. Русскія монеты до 1547 года. М. 1896». Въ распредѣленіи монетъ этого періода мы придерживались порядка, принятаго въ данномъ трудѣ г. А. В. Орѣшникова. При описаніи-же

2. Всадникъ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: KNS | Ь ВЄЛИК | Н ГДРЬ В | СЄѦ РУ | СН | ; ободокъ изъ точекъ. 15

Орѣшниковъ, с. 131, № 693 и таб. XI, рис. 542. Въ чтеніи буквы S мы расходимся съ А. В. Орѣшниковымъ, такъ какъ и на его рисункѣ, и на нашихъ монетахъ ясно читается S, а не З. Точно также въ чтеніи послѣдней буквы въ словѣ ВСЄѦ мы не согласны съ уважаемымъ А. В. Орѣшниковымъ: онъ читаетъ эту букву, какъ А. Между тѣмъ и на нашихъ экземплярахъ, и на совершенно тождественной монетѣ Историческаго музея, изображенной на XI таблицѣ, эта буква имѣетъ явственную форму малаго юса—ѧ. При этомъ вѣрность нашего чтенія устанавливается простымъ сличеніемъ данныхъ монетъ съ тѣми, которыя описаны нами выше, подъ № 1, а А. В. Орѣшниковымъ подъ № 691. На основаніи этихъ соображеній мы считаемъ описанныя нами монеты совершенно тождественными съ тѣми, которыя описалъ А. В. Орѣшниковъ подъ № 693, хотя и расходимся съ нимъ нѣсколько въ чтеніи надписи.

3. Монеты, совершенно аналогичныя предыдущимъ, но только безъ ободка на обратной сторонѣ 4

Орѣшниковъ, с. 131, № 694 и таб. XI, рис. 543.

4. Монеты, совершенно аналогичныя предыдущимъ, но съ 2 точками надъ первой строкой надписи на обратной сторонѣ 3

5. Монеты, совершенно аналогичныя № 2, но только безъ ободка на лицевой сторонѣ 3

6. Монеты, совершенно аналогичныя № 2, но только безъ ободка на обѣихъ сторонахъ 7

7. Монеты, совершенно аналогичныя предыдущимъ, но съ 2 точками надъ первой строкой надписи на обратной сторонѣ 2

Общій вѣсъ монетъ этого типа=21,00.

монетъ, битыхъ съ 1547 г., мы лишены возможности сдѣлать ссылки на труды гр. Гуттенъ-Чапскаго, Шуберта и др., потому что въ библіотекѣ Харьковскаго Университета не оказалось ни одного изъ главныхъ сочиненій по русской нумизматикѣ. Предоставляемъ читателямъ, располагающимъ всѣми пособіями, судить, какія изъ описываемыхъ ниже монетъ встрѣчаются въ нумизматической литературѣ впервые.

8. Всадникъ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буква Д

Обр. ст. Пятистрочная надпись: KNS | Ь ВЄЛНК | Н ГДРЬ | ВСЄ**Д** Р | УСН | 14

Орѣшниковъ, с. 131, № 695 и таб. XI, рис. 544. Въ чтеніи надписей на монетахъ этого типа мы расходимся съ А. В. Орѣшниковымъ. Прежде всего А. В. Орѣшниковъ читаетъ букву подъ конемъ, какъ А. Между тѣмъ сличеніе этой буквы съ надписью на обратной сторонѣ устанавливаетъ полное тождество ея съ буквой Д въ словѣ ГДРЬ. Относительно-же чтенія буквы S въ словѣ KNSЬ на обратной сторонѣ мы высказали нашъ взглядъ при описаніи № 2-го. Такимъ образомъ мы считаемъ описанныя нами монеты совершенно тождественными съ тѣми, которыя описалъ А. В. Орѣшниковъ.

9. Лицевая сторона тождественна съ монетами, описанными подъ № 8.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: KHS | Ь ВЄЛНК | І Н ГДРЬ | ВСЄ**Д** Р | УСН | 1

Общій вѣсъ монетъ этого типа 9,94.

10. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись: KNSЬ | ВЄЛКН | ІВА**N**Ъ | ПСК | 19

Орѣшниковъ, с. 131, № 696 и таб. XII, рис. 545. Мы не можемъ согласиться съ уважаемымъ А. В. Орѣшниковымъ относительно описанія лицевой стороны монеты: онъ говоритъ, что у всадника находится мечъ въ правой рукѣ. Между тѣмъ и на нашихъ монетахъ, и на рисункѣ, напечатанномъ имъ на таблицѣ XII подъ № 545 оружіе въ рукѣ всадника имѣетъ форму сабли, а не меча, и вполнѣ тождественно съ тѣмъ, которое держитъ въ рукѣ всадникъ на монетѣ, изображенной на таблицѣ XI подъ № 540. Относительно чтенія слова KNSЬ мы высказали нашъ взглядъ при описаніи №№ 2 и 8 и впредь не будемъ оговаривать этого разногласія съ А. В. Орѣшниковымъ въ чтеніи даннаго слова.

Общій вѣсъ монетъ этого типа 154,00.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

11. Монеты, совершенно аналогичныя № 10, но только безъ буквы Ь въ словѣ KNSЬ въ надписи на обратной сторонѣ 2

12. Монеты, совершенно аналогичныя № 10, но послѣдняя строка надписи на обратной сторонѣ читается ПС . . 2

13. Монеты, совершенно аналогичныя № 10, но безъ ободка на лицевой сторонѣ 3

14. Монета, совершенно аналогичная № 12, но безъ ободка на лицевой сторонѣ 1

15. Тѣ-же изображенія и надпись, что и на монетахъ, описанныхъ подъ № 10, но надпись въ 3 строки, безъ буквъ ПСК 6

Орѣшниковъ, с. 131, № 697 и таб. XII, рис. 546.

16. Монеты, совершенно аналогичныя № 15, но на лицевой сторонѣ нѣтъ ободка изъ точекъ; надпись въ 3 строки: KNSЬ | ВЄЛІКІ | IBAN | 395

Орѣшниковъ, с. 132, № 698 и таб. XII, рис. 547.

17. Тѣ-же изображеніе и надпись, но шрифтъ надписи отличается большей красотой и правильностью буквъ . . . 1

18. Тѣ-же изображенія и надпись, что и на монетахъ, описанныхъ подъ № 15, но на обѣихъ сторонахъ ободокъ изъ точекъ 1

19. Тѣ-же изображенія и надпись, но ободокъ изъ точекъ только на обратной сторонѣ 5

Общій вѣсъ монетъ этого типа 154,00.

20. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, въ жгутовомъ ободкѣ, вправо: подъ конемъ буква М

Обр. ст. Трехстрочная надпись: KNSЬ | ВЄЛІКІ | IBAN 1

Орѣшниковъ, с. 132, № 699 и табл. XII, рис. 548.

21. Наши экземпляры отличаются отъ описаннаго подъ № 20 только отсутствіемъ жгутоваго ободка 2

Общій вѣсъ монетъ этого типа 0,97.

22. Тѣ-же изображенія и надпись, но всадникъ безъ ободка; подъ конемъ буква Ѡ 27

Орѣшниковъ, с. 132, № 700 и таб. XII, рис. 549.

Общій вѣсъ монетъ этого типа 9,46.

23. Монеты, совершенно аналогичныя описаннымъ подъ № 22, но надпись на обратной сторонѣ въ ободкѣ изъ точекъ 2

24. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ въ ободкѣ изъ точекъ, вправо; подъ конемъ буквы АЄ *Обр. ст.* Трехстрочная надпись: KNSЬ | ВЄЛІКІ | IBAN	1	Общій вѣсъ монетъ этого типа 2,32.	
25. Монета, совершенно аналогичная № 24, но всадникъ безъ ободка	1		
26. Монеты, аналогичныя № 25, но надпись на обратной сторонѣ въ жгутовомъ ободкѣ и сдѣлана болѣе мелкими буквами, а послѣ буквы N въ 3-й строкѣ прибавлено украшеніе ≍	5		
27. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, въ линейномъ ободкѣ, вправо; подъ конемъ буквы ФС *Обр. ст.* Пятистрочная надпись: KHS | Ь ВЄЛИКІ | ИВАNЪ | ВСЄИ Р | ОУСИ	1	Общій вѣсъ монетъ этого типа 9,96.	
28. Монеты, совершенно аналогичныя № 27, но въ надписи на обратной сторонѣ первая сторона читается: KNSЬ; надпись въ линейномъ ободкѣ	11		
Орѣшниковъ, с. 132, № 701.			
29. Монеты, совершенно аналогичныя предыдущимъ, но надпись на обратной сторонѣ безъ ободка.	4		0,66
Орѣшниковъ, с. 132, № 701 и таб. XII, рис. 550.			
30. Монеты плохой сохранности, битыя до 1547 года .	17 цѣлыхъ и 1 половина.		6,67

В. Монеты, битыя съ 1547 года. 1. Копѣйки [1]).

31. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, въ линейномъ ободкѣ, вправо, подъ конемъ буквы АЛ *Обр. ст.* Пятистрочная надпись, въ линейномъ ободкѣ: ЦРЬ Н | ВЄЛІКІН | KNSЬ ІВА | НЪ ВСЄИ | РУСІН . .	4	2,62
32. Монета, аналогичная предыдущей; ни на лицевой, ни на обратной сторонѣ ободковъ нѣтъ; подъ конемъ буквы ВА	1	0,62
33. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы ГР *Обр. ст.* Пятистрочная надпись: ЦРЬ Н | KNSЬ ВЄ | ЛНКІ НВА | NЪ ВСЄИ | РУСН	17	11,41

[1]) При описаніи монетъ этого времени мы придерживались общепринятаго у нумизматовъ—собирателей дѣленія на копѣйки и деньги.

34. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы ДМ

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ И | ВЄЛІКІИ | KNSЬ IBA | NЪ ВСЄ𝔄 | РУСІН 2 1,36

35. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы IB

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ I ВЄ | ЛНКНІ KN | SЬ IBANЪ | ВСЄ𝔄 РОУ | СНІ 9 6,02

36. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, въ ободкѣ изъ точекъ, вправо; подъ конемъ буквы IBA

Обр. ст. Пятистрочная надпись ЦРЬ И | KNSЬ ВЄ | ЛИКІ IBA | NЪ ВСЄ𝔄 | РУСИ 2 1,34

37. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буква К

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ Н | ВЄЛІКІН | KNSЬ IBA | НЪ ВСЄ𝔄 | РУСІИ 7 4,70

38. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы въ 2 строки $\frac{К}{ВА}$

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ Н | ВЄЛІКІН | KHSЬ IBA | НЪ ВСЄ𝔄 | РУСІИ 20 13,41

Примѣчаніе. Нѣкоторые экземпляры отличаются тѣмъ, что буквы подъ конемъ сдѣланы болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ на большей части монетъ этого типа.

39. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы, сильно стертыя, въ 2 строки: $\frac{К}{? ?}$

Обр. ст. Пятистрочная надпись въ линейномъ ободкѣ: ЦРЬ Н | . ЄЛІКІН | . HSЬ IBA | . . ВСЄ . | 1 0,67

Примѣчаніе. Судя по сохранившимся частямъ буквъ подъ конемъ, во второй строкѣ стояли иныя буквы, чѣмъ на монетахъ, описанныхъ подъ № 38.

40. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы ПС

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ И | KHSЬ В | ЄЛІКІ IB | ANЪ ВСЄ | 𝔄 РУС 38 24,94

Примѣчаніе. Пятая строка надписи сдѣлана болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ четыре верхнія.

41. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; у головы коня буква Р

Обр. ст. Пятистрочная надпись сдѣлана двумя ударами штампа, вслѣдствіе чего иныя буквы совсѣмъ не вышли или читаются плохо, а другія повторяются по два раза: ЦРЬ . | ІНКНІКНК | . . **А** . Ь ІВА . . . | . . . . . РОУОУ | . . . І | . . 1 | 0,73

42. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буква С

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ І ВЄ | ЛНКИІ КN | **А**ЗЬ ІВАNЪ | ВСЄ**А** РОУ | СИІ . . . . . 4 | 2,68

43. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы въ 2 строки $\frac{\text{С}}{\text{МН}}$

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ І ВЄ | ЛИКИІ КN | **А**ЗЬ ІВАNЪ | ВСЄ**А** РОУ | СИІ . . . . . 24 | 16,11

44. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буква Ю

Обр. ст. Пятистрочная надпись, поврежденная вторичнымъ ударомъ штампа, вслѣдствіе чего вся правая сторона ея уничтожена; ..... | ВЄЛІ... | КНS... | НЪ ВСЄ... | РУСИІ . 1 | 0,65

45. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо.

Обр. ст. Обратная сторона подверглась нѣсколькимъ ударамъ штампа, вслѣдствіе чего буквы, идущія въ разныхъ направленіяхъ, образовали полнѣйшую путаницу, въ которой нельзя прочитать ни одного слова. 5

46. Монеты плохой сохранности, битыя съ 1547 года, со слѣдами буквъ подъ конемъ всадника и безъ оныхъ . . 152 цѣлыхъ и 2 половинки.

Общій вѣсъ монетъ этой группы 105,34.

2. Деньги.

47. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; ободокъ изъ точекъ; подъ конемъ буквы АЄ

Обр. ст. Четырехстрочная надпись: . ЦРЬ . | І КНSЬ | ВЕЛІКІ | ·ІВАN . . . . . 38 | 12,65

48. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; подъ конемъ буквы ДЄ *Обр. ст.* Четырехстрочная надпись: .ЦРЬ. | I KN⋀SЬ— ВЄЛІКН | IBAN⁄⁄	17	Общій вѣсъ монетъ этого типа 6,03.
49. Монета, совершенно аналогичная предыдущей, только надпись на обратной сторонѣ въ ободкѣ изъ точекъ . . .	1	
50. Всадникъ въ коронѣ и въ чешуйчатой бронѣ, съ саблею въ правой рукѣ, вправо; подъ конемъ буквы IB *Обр. ст.* Четырехстрочная надпись въ линейномъ ободкѣ: ЦРЬ | I ВЄЛІКИ | KHSЬ И | BAN	3	1,01
51. Монеты, битыя съ 1547 года, съ неясными буквами и безъ буквъ	98	32,28

II. Царь Ѳедоръ Ивановичъ (1584—1598).

52. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; подъ конемъ буквы ИС *Обр. ст.* Четырехстрочная (?) надпись: ЦРЬ | I KN⋀SЬ | .Є..КІ ФЄ | ДОРЪ	1	0,65
Примѣчаніе. Монета слегка обрѣзана, вслѣдствіе чего трудно сказать точно, состоитъ-ли надпись на обратной сторонѣ лишь изъ четырехъ строкъ, читаемыхъ и теперь, или она содержала раньше большее количество строкъ.		

III. Монета неизвѣстнаго времени.

53. Всадникъ въ плоской, круглой шапкѣ на конѣ, скачущемъ въ галопъ; въ правой рукѣ у всадника копье, устремленное внизъ, вправо; въ ободкѣ изъ крупныхъ четырехугольныхъ точекъ. *Обр. ст.* Непонятное изображеніе, въ родѣ дерева или цвѣтка.	1	0,70
Примѣчаніе. По всѣмъ признакамъ монету нужно отнести къ числу, такъ называемыхъ, мордовокъ, встрѣчающихся весьма часто въ русскихъ кладахъ.		

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Подводя итогъ описанному выше матеріалу, мы должны обратить вниманіе на весьма своеобразный составъ даннаго клада. Большая часть его монетъ (1007 мон. или 99,999%) относится къ царствованію Ивана IV Васильевича, причемъ весьма значительный процентъ ихъ (560 мон., или 55,5%) принадлежитъ ко времени до 1547 года. Такимъ образомъ, настоящій кладъ можно было-бы датировать эпохой царя Ивана IV Васильевича (1533—1584), при этомъ ближайшими годами послѣ 1547 года, такъ какъ большая часть монетъ (560 монетъ изъ 1009), входящихъ въ составъ этого клада, бита до 1547 года. Но тутъ полнѣйшимъ диссонансомъ въ общей картинѣ является единственная монета царя Ѳеодора Ивановича (1584—1598), такъ какъ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ даннымъ нашего клада, она свидѣтельствуетъ о томъ, что кладъ относится во всякомъ случаѣ ко времени послѣ смерти царя Ивана IV Васильевича, а именно, къ царствованію его сына, царя Ѳеодора Ивановича. Правда, кладъ дошелъ до насъ не въ полномъ своемъ составѣ, но трудно допустить, чтобы утраченная для науки часть его состояла исключительно изъ монетъ царя Ѳеодора Ивановича. Вмѣстѣ съ тѣмъ сопостановленіе сохранившейся части клада съ объемомъ сосуда, въ которомъ онъ найденъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что утрачена лишь меньшая часть его, не превышающая самое большое одной трети. А въ такомъ случаѣ теперешній составъ клада наводитъ на ту мысль, что послѣдній былъ зарытъ въ землю въ самомъ началѣ царствованія Ѳеодора Ивановича, когда монеты, носящія уже его имя, не успѣли окончательно вытѣснить изъ обращенія копѣйки и деньги, битыя при его отцѣ.

IV. Харьковская губернія.

Серебряная копѣйка найдена въ сл. Андреевкѣ, Зміевского уѣзда. Время и обстоятельства находки ея неизвѣстны. Эту копѣйку передалъ г. В. А. Барвинскій въ Бюро XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ 29 августа 1902 года, откуда она поступила въ Музей Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ. Копѣйка эта бита въ царствованіе Ивана IV Васильевича (1533—1584) и вѣситъ 0,65 грм.

1. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ И | КН.Ь ВЕ | ЛИКІ НВА | НЬ ВСЄІѠ РУСИ

V. Черниговская губернія.

Весною 1898 года недалеко отъ с. Волокитина, на песчаномъ бугрѣ, размываемомъ весенними разливами р. Клевени, крестьянинъ нашелъ

горшочекъ, въ которомъ оказалось около 60 серебряныхъ монетъ. Горшочекъ былъ уничтоженъ находчикомъ, а монеты кому-то проданы. Одну изъ этихъ монетъ пріобрѣлъ г. Кобеляцкій и доставилъ ее проф. Д. И. Багалѣю, который и передалъ ее намъ для описанія. При этомъ отмѣтимъ, что оставшіяся неизвѣстными намъ монеты даннаго клада, по словамъ г. Кобеляцкаго, подобны описываемой ниже. Послѣдняя разломана на двѣ части, сильно потерта и вѣситъ теперь 2,2 грм. Она представляетъ, такъ называемый, пражскій грошъ и относится ко времени богемскаго короля Венцеслава II (1278—1305) [1]. Пражскіе гроши, какъ извѣстно, не являются рѣдкостью въ кладахъ южной Россіи и встрѣчаются не только въ предѣлахъ Правобережной Украины, но и въ Лѣвобережной [2].

1. Внѣшняя круговая надпись въ линейномъ ободкѣ: ✠ DEI×GRA.....; внутренняя круговая надпись въ шнуровомъ ободкѣ: ✠ W. NCE.....; въ серединѣ богемская корона въ шнуровомъ ободкѣ.

Обр. ст. Круговая надпись въ линейномъ ободкѣ: *✠.....NSES; двухвостый левъ на заднихъ лапахъ съ вытянутыми передними, влѣво, въ шнуровомъ ободкѣ.

Глиняные сосуды XVI—XVII столѣтій.

Невольно обращаетъ на себя вниманіе замѣчательное явленіе какъ въ общественныхъ и частныхъ коллекціяхъ по отдѣламъ древностей доисторическихъ и историческихъ, такъ и въ археологической литературѣ. Коллекціонеры доисторическихъ древностей, по мѣрѣ возможности, собираютъ всѣ предметы, относящіеся къ тому или другому культурному періоду или географическому раіону, не обращая вниманія на степень художественности или матеріальной стоимости ихъ, и доставляютъ такимъ образомъ цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ бытомъ древнихъ людей въ одной или нѣсколькихъ стадіяхъ ихъ исторической жизни. Въ коллекціяхъ этого рода можно найти рядомъ съ высоко художественными

---

[1]) Ср. H. Halke. Einleitung in das Studium der Numismatik. Berlin. 1889. s. 211, № 92 und t. VI, № 92. Нашъ экземпляръ нѣсколько отличается отъ описаннаго г. Г. Гальке знаками, раздѣляющими отдѣльныя слова надписей, но отличіе это весьма незначительно, вслѣдствіе чего обѣ эти монеты являются лишь варіантами одного и того-же монетнаго типа. Конечно, при передачѣ надписей мы должны были отступить отъ той палеографической точности, съ какою описалъ свой экземпляръ г. Г. Гальке. Но произошло это не по нашей винѣ: въ Харьковскихъ типографіяхъ нѣтъ средневѣковыхъ латинскихъ шрифтовъ.

[2]) Даниловичъ. Монетные клады Кіевской губерніи до первой четверти XV столѣтія (Труды IX археологическаго съѣзда. Т. I. М. 1895, с. 261). М. С. Грушевскій. Исторія Кіевской земли. К. 1891, с. с. 389—397. В. Г. Ляскоронскій. Исторія Переяславской земли. К. 1897, с. с. 217 сл.

и дорогими предметами, принадлежавшими, несомнѣнно, въ свое время богачамъ, или во всякомъ случаѣ состоятельнымъ людямъ, вещи очень грубой работы, характеризующія бытъ людей съ недостаточными или незначительными средствами. Конечно, такой составъ коллекцій лишаетъ ихъ сплошь и рядомъ всякаго изящества и показности, но зато научныя качества ихъ отъ этого не страдаютъ. Наоборотъ, подобныя коллекціи выигрываютъ даже въ научномъ отношеніи, такъ какъ не всегда изящный видъ древняго предмета находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его значеніемъ для науки. Собирая и изучая лишь изящное, не только ученый, или дилетантъ, но также учрежденіе рискуютъ пропустить безъ вниманія массу цѣнныхъ въ научномъ отношеніи предметовъ и придти къ невѣрнымъ и неполнымъ выводамъ. Въ то-же время коллекціи древностей и ученые труды, въ основу которыхъ положено подобное начало, никогда не дадутъ точнаго и яснаго представленія о бытѣ древнихъ людей. Врядъли требуется доказывать, что вещи, считавшіяся въ извѣстный моментъ изящными и дорогими, всегда были доступны по преимуществу состоятельнымъ людямъ, а народныя массы довольствовались въ своемъ обиходѣ, какъ и теперь, болѣе грубыми и дешевыми предметами. А въ такомъ случаѣ необходимо изучать и собирать и эти непоказныя вещи, такъ какъ только онѣ дадутъ возможность возстановить истинную и полную картину жизни прежнихъ людей, знакомя насъ съ бытомъ всей изучаемой народности, независимо отъ имущественнаго и соціальнаго положенія отдѣльныхъ ея представителей, насколько оно выражается въ дошедшихъ до насъ памятникахъ древности.

Казалось-бы, что все сказанное представляетъ такую всѣмъ извѣстную и давно принятую въ наукѣ истину, что даже безполезно говорить объ этомъ. Но дѣйствительно-ли это такъ извѣстно и признано всѣми? Позволяемъ себѣ усомниться. При изученіи и коллекціонированіи доисторическихъ древностей принято обращать вниманіе на все, такъ какъ только такимъ способомъ получается болѣе или менѣе полное представленіе о данной культурѣ. Но и здѣсь, какъ мы уже указывали раньше, не всѣ категоріи древностей пользуются одинаковымъ вниманіемъ ученыхъ и собирателей. Такъ, черепки сосудовъ въ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ обыкновенно сваливаются въ общую кучу, въ которой даже спеціалисту трудно что-нибудь разобрать, а сплошь и рядомъ они совершенно скрываются отъ взоровъ публики и сохраняются въ кладовыхъ[1]). Впрочемъ, нужно оговориться тутъ, что нѣкоторые образцы черепковъ обыкновенно помѣща-

[1]) Ср. нашу статью «Замѣтки по русской доисторической керамикѣ» (Археологическая Лѣтопись Южной Россіи, 1903 г., № 5, стр. 1—2).

ются вмѣстѣ съ остальными предметами той находки, къ которой они принадлежатъ. Во всякомъ случаѣ въ доисторическихъ древностяхъ изученіе и собираніе отличается большей полнотой и научностью, но нельзя того-же сказать о вещахъ болѣе близкаго къ намъ времени особенно послѣднихъ столѣтій. Стоитъ заглянуть въ любой общественный музей или частную коллекцію, чтобы убѣдиться въ справедливости послѣдняго положенія. Не лучше идетъ дѣло и въ научной литературѣ по этому отдѣлу археологіи.

Мы не станемъ приводить здѣсь всѣ виды русскихъ историческихъ древностей, не будемъ касаться коллекціонированія ихъ, а остановимся только на предметахъ XVI—XVIII столѣтій. Если мы пересмотримъ въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ вещи за указанный періодъ, то найдемъ очень много интереснаго въ научномъ и художественномъ отношеніи, много просто дорогого, но всѣ эти вещи не дадутъ намъ возможности возстановить полную и точную картину жизни русскаго народа въ XVI—XVIII в.в. Дѣйствительно, въ частныхъ и общественныхъ коллекціяхъ для отмѣченнаго выше времени можно найти рукописи, книги, церковныя вещи, разную металлическую и иную утварь, оружіе, вышивки и т. д. и т. д. Но легко замѣтить, что всѣ эти собранія иллюстрируютъ намъ бытъ и дѣятельность лишь нѣкоторыхъ группъ населенія древней Руси—духовенства и другихъ болѣе состоятельныхъ классовъ русскаго общества XVI—XVIII в.в., а о народѣ составить по нимъ какое-либо представленіе совершенно невозможно, такъ какъ лишь немногіе предметы относятся къ обиходу бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Конечно, понять столь аристократическій характеръ коллекціей историческихъ древностей очень легко, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что въ этихъ коллекціяхъ или совсѣмъ отсутствуютъ или представлены очень слабо древности, характеризующія собственно народный бытъ.

Конечно обиходъ бѣднѣйшихъ слоевъ городского и сельскаго населенія не изобилуетъ разнообразными предметами, какъ у болѣе состоятельныхъ классовъ и это само по себѣ должно служить важной причиной, что памятники собственно народнаго быта рѣдко попадаются въ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ. Большое значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи, понятно, и тѣ матеріалы, изъ которыхъ изготовляется большая часть вещей народнаго обихода: дерево и его продукты, волокнистыя вещества, глина,—все это не способствуетъ сохраненію ихъ въ теченіе продолжительнаго періода времени. Съ другой стороны различныя народныя бѣдствія и особенности древне-русскаго быта—пожары, войны, частые переходы съ мѣста на мѣсто—способствовали уничтоженію вещей

этого рода. Тѣмъ не менѣе нельзя не упрекнуть также и археологовъ, какъ спеціалистовъ, такъ и дилетантовъ, за ту односторонность, которую они обнаруживаютъ до сихъ поръ при изученіи и собираніи русскихъ древностей XVI—XVIII вв. Если погребенія и остатки жилищъ разныхъ народностей, жившихъ въ до-татарскій періодъ на территоріи Россіи, тщательно изучаются и собираются, то не слѣдуютъ оставлять безъ вниманія разныя кладбища, селища и другіе остатки старины, болѣе близкой къ нашему времени, такъ какъ иначе многое погибнетъ безвозвратно. Всѣ эти соображенія и заставили насъ остановиться на двухъ глиняныхъ кувшинчикахъ, въ которыхъ были заключены описанные нами выше монетные клады: одинъ въ с. Пузачахъ, Тимскаго уѣзда Курской губерніи, съ монетами XVII ст., а другой—около с. Большого Красина, Каширскаго уѣзда Тульской губерніи, съ монетами XVI ст. Такимъ образомъ эти кувшинчики точно датированы. Конечно, для насъ все-равно, кто зарылъ эти кувшинчики съ монетами, такъ какъ соціальное положеніе собственниковъ нашихъ кладовъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія. Если подобные сосуды употреблялись въ домашнемъ обиходѣ высшихъ классовъ населенія, то и подавно они должны были являться главной и во многихъ случаяхъ единственной посудой у сельской и городской бѣдноты. Перейдемъ теперь къ описанію ихъ, при чемъ начнемъ съ кувшинчика XVI ст.

Рис. 1-й.

Кувшинчикъ XVI в. (рис. 1) сдѣланъ изъ темно-сѣрой, почти черной, хорошо отмученной и мелко просѣянной глины безъ примѣси посторон-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

нихъ веществъ, сработанъ отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга, и хорошо обожженъ. Верхній край его отбитъ, но по уцѣлѣвшему обломку видно, что верхній край былъ откинутъ и имѣлъ прямой обрѣзъ. Кувшинчикъ имѣетъ довольно высокую и ясно выраженную шею, узкое горло слабо выраженныя плечи, сильно выгнутыя боковыя стѣнки и плоское днище. Поверхность его гладко выглажена. Размѣры его таковы: высота—11,75 снтм., наибольшая окружность—28,89 снтм., діаметръ горла—2,22 снтм., окружность шеи—8,25 снтм., діаметръ дна—6,03 снтм. Кувшинчикъ не былъ украшенъ орнаментомъ. Клейма на днѣ нѣтъ.

Рис. 2-й.

Кувшинчикъ XVII ст. (рис. 2) сдѣланъ изъ свѣтлой, потемнѣвшей отъ пребыванія въ землѣ, хорошо отмученной глины безъ примѣси постороннихъ веществъ, сработанъ на гончарномъ кругѣ и хорошо обожженъ. Онъ былъ узкогорлый, но вся шея его теперь отбита. Онъ имѣетъ рѣзко выраженныя плечи, суживающіяся къ дну боковыя стѣны и плоское днище. Поверхность его выглажена. Размѣры его таковы: высота—11,43 снтм., наибольшая окружность—39,69 снтм., наибольшій діаметръ—12,07 снтм., діаметръ горла—2,22 снтм., діаметръ дна—6,35 снтм. Кувшинчикъ по выпуклости плечъ украшенъ линейнымъ и волнистымъ орнаментомъ, при чемъ оба эти вида орнамента перемежаются другъ съ другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная сверху: волнистая линія, прямая линія, 2 волнистыхъ линіи и 3 прямыхъ линіи. Боковыя стѣны не отполированы. Клейма на днѣ нѣтъ.

Описавъ оба кувшинчика, насколько позволяетъ это сдѣлать ихъ теперешнее состояніе, мы позволимъ себѣ высказать по поводу этихъ сосудовъ нѣсколько замѣчаній. Оба кувшинчика, по своей формѣ, весьма похожи другъ на друга, а болѣе древній изъ нихъ и по работѣ очень подходитъ къ тѣмъ сосудамъ, которые встрѣчаются въ славянскихъ могильникахъ и городищахъ до-татарскаго періода, но нельзя того-же сказать объ ихъ формѣ. Если въ общемъ такая форма сосудовъ знакома археологамъ и встрѣчается неоднократно въ древностяхъ различныхъ эпохъ и народовъ [1]), то въ извѣстныхъ намъ славянскихъ сосудахъ до-татарскаго періода, найденныхъ въ Россіи, намъ, по крайней мѣрѣ, не попадались кувшинчики подобнаго вида. Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такая форма глиняныхъ сосудовъ представляла какое-либо новшество, неизвѣстное на Руси въ предшествующее время, такъ какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что и для до-татарскаго періода собраны далеко не всѣ виды предметовъ, встрѣчавшихся въ обиходѣ русскихъ славянъ. Тѣмъ не менѣе отсутствіе сосудовъ подобной формы въ славянскихъ древностяхъ до-татарскаго періода заставляетъ признать, что эти кувшинчики представляютъ извѣстный научный интересъ, пополняя наши свѣдѣнія по древней русской керамикѣ. Но этимъ не исчерпывается значеніе нашихъ сосудовъ.

Какъ мы уже указали выше, кувшинчикъ XVII ст. (рис. 2) украшенъ по выпуклости плечъ линейнымъ и волнистымъ орнаментомъ. Напомнимъ, что линейный орнаментъ встрѣчается въ Россіи уже среди находокъ неолитической культуры и становится особенно распространеннымъ въ славянской керамикѣ, хотя одновременно мы находимъ его и у нѣкоторыхъ инородцевъ, сосѣдившихъ отчасти съ русскими славянами [2]). Гораздо позже появляется на территоріи нынѣшней Россіи волнистый орнаментъ: впервые мы видимъ его въ началѣ бронзовой культуры. Но особенно этотъ видъ орнамента весьма распространенъ въ украшеніяхъ древне-славянскихъ глиняныхъ сосудовъ, встрѣчаясь также и у инородцевъ, жившихъ по сосѣдству со славянами [3]). При этомъ линейный и

---

[1]) Напримѣръ, сосуды подобной формы можно встрѣтить въ керченскихъ находкахъ, при чемъ это относится какъ къ стекляной посудѣ, такъ и къ глиняной, которая въ керченскихъ находкахъ весьма часто даетъ точные двойники стекляныхъ сосудовъ. Конечно, это явленіе объясняется тѣмъ, что глиняная посуда была дешевле и доступнѣе большинству, чего нельзя сказать о стекляной. Во всякомъ случаѣ сосуды подобной формы встрѣтились намъ и въ Керченскомъ Музеѣ, и въ другихъ коллекціяхъ керченскихъ древностей.

[2]) В. А. Городцовъ. Русская доисторическая керамика (Труды XI археологическаго съѣзда. Т. I. М. 1901, с.с. 636—637 и 639, таб. XII, рис. 10 и XIII, рис. 1).

[3]) Ibid, с.с. 637 и 639—640, таб. XII, рис. 11 и XIII, рис. 2.

волнистый орнаменты встрѣчаются, какъ каждый въ отдѣльности, такъ и въ сочетаніи, подобномъ тому, которое мы имѣемъ въ данномъ случаѣ [1]). Сосуды, украшенные линейнымъ или волнистымъ орнаментомъ, а сплошь и рядомъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, встрѣчаются въ славянскихъ погребеніяхъ и городищахъ не только на Руси, но и въ другихъ славянскихъ земляхъ гораздо чаще, чѣмъ сосуды, орнаментированные иначе [2]). Вообще, необходимо признать, что эти виды орнамента пользовались особенной популярностью у древне-славянскихъ гончаровъ. Но нашъ кувшинчикъ показываетъ, что эти виды орнамента не были забыты русскими гончарами и въ XVII столѣтіи. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь интересный примѣръ того, какъ живучи въ народномъ искусствѣ излюбленные мотивы орнамента. Было-бы интересно прослѣдить это явленіе и въ другихъ отрасляхъ народныхъ художествъ, такъ какъ, весьма возможно, многое нашло-бы аналогію или объясненіе въ соотвѣтственныхъ фактахъ древне-русскаго искусства. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на данномъ вопросѣ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Но отмѣтимъ при этомъ, что у русскихъ гончаровъ линейный орнаментъ и теперь составляетъ излюбленный мотивъ въ украшеніяхъ глиняныхъ горшковъ. Относительно волнистаго орнамента мы наблюдаемъ нѣсколько иное явленіе: въ Россіи онъ намъ встрѣчался только на росписной поливяной посудѣ, а на простыхъ глиняныхъ горшкахъ мы его никогда не видали, и лишь въ ученой литературѣ нашли упоминанія о такихъ сосудахъ [3]). Между тѣмъ внѣ Россіи этотъ видъ орнамента очень распространенъ и теперь; такъ проф. Л. Нидерле ука-

---

[1]) Л. Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Спб. 1898, с. 542, рис. 419, с, 543, рис. 420—421, с. 556, рис. 433. Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. X. 1902, с. 92.

[2]) В. А. Городцовъ, l. c. Данилевичъ. Донецкое и Хорошевское городища. X, 1902, с. 2. Каталогъ выст. с 92. Нидерле, ор. с., с. с. 542—544. В. Бабенко. Волчанское городище (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. XVI. X. 1905). Кстати позволимъ себѣ замѣтить, что изображенной на рисункѣ г. В. Бабенка сосудъ принадлежитъ, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, къ числу славянскихъ сосудовъ, аналогичныхъ сосудамъ изъ другихъ славянскихъ городищъ и погребеній Харьковской и иныхъ губерній. Отнести этотъ горшокъ къ неолитической культурѣ намъ не представляется возможнымъ, не смотря на присутствіе стоянки въ прилегающей къ городищу мѣстности, такъ какъ стоянка и городище генетически не связаны другъ съ другомъ. Городище, судя по описанію г. В. Бабенка, принадлежитъ тоже къ числу славянскихъ, а не кочевническихъ. Затѣмъ неолитическая культура скорѣе соотвѣтствуетъ бродячему быту, чѣмъ кочевому.

[3]) Нидерле, ор. с., с. с. 543—544.

зываетъ на его широкое распространеніе въ Моравіи. [1]) Весьма возможно, что волнистый орнаментъ начинаетъ утрачивать свою популярность среди русскихъ гончаровъ, вслѣдствіе чего онъ и попадается въ украшеніяхъ глиняной посуды сравнительно рѣже, чѣмъ линейный. На этомъ и закончимъ нашу замѣтку.

В. Е. Данилевичъ.

Харьковъ.
Январь—апрѣль 1905 г.

---

[1]) ibid. c. c. 543—544 и рис. 422.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ